К 63.3(2)622
В 64

РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ
ЗЕМЛЯ НИЖЕГОРОДСКАЯ

Читайте в библиотеке!
Знайте наших героев!

Возвращенные имена

27.03.16г.

МКУК ЦБС
Сормовского района
г.Нижний Новгород
5775769

Продолжение поиска

70-летию Великой Победы посвящается

ЦБС Сормовского р-на
577569

ЦРБ им. 1 Мая
МКУК ЦБС
Сормовского района
г. Нижний Новгород

«Кириллица»
Нижний Новгород
2015

Читальный зал

УДК 94 (470.341)
ББК 63.3 (2Рос - 4Ниж) 622.78
В-64

Выпуск издания осуществлен при содействии правительства Нижегородской области в рамках программы финансовой поддержки регионального книгоиздания.

Возвращенные имена. Продолжение поиска. 70-летию Великой Победы посвящается. Проект редакции газеты «Земля нижегородская»

Автор-составитель Вячеслав Фёдоров 12+
Возвращенные имена. Продолжение поиска. 70-летию Великой Победы посвящается. - Нижний Новгород: издательство «Кириллица», 2015. - 608 с., ил.

ISBN 978-5-905603-41-9

ББК 63.3 (2Рос - 4Ниж) 622.78

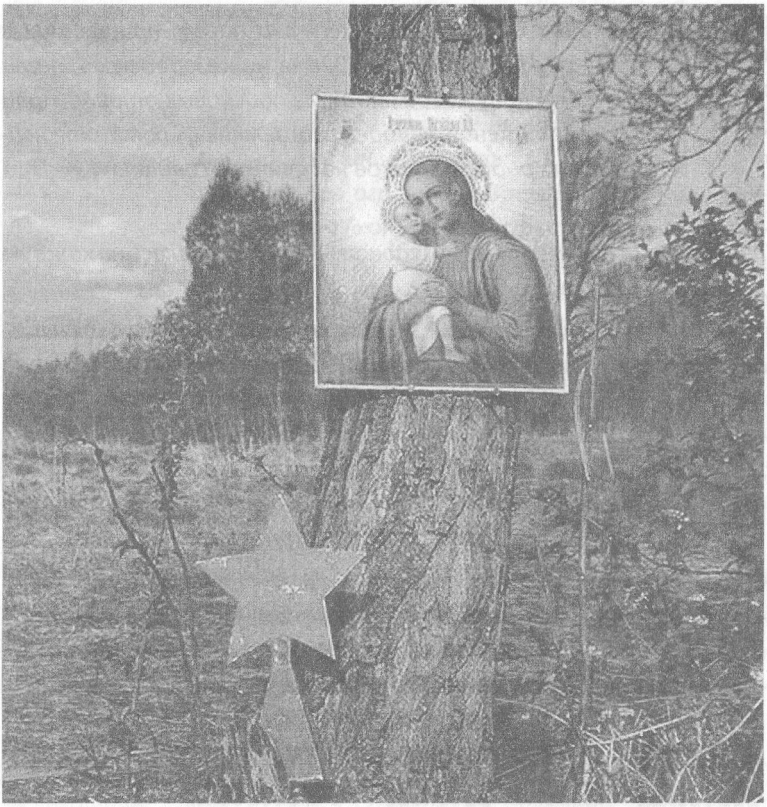
70 лет прошло с того времени, как для нашего народа закончилась Великая Отечественная война. Но память о ней не затухает. Она поселилась в каждом доме, в каждой семье. Она в семейных фотографиях, солдатских письмах, реликвиях...

Газета «Земля нижегородская» стала хранителем этой памяти. Десятки публикаций о солдатах войны появились на ее полосах. Но страницы газеты недолговечны. Единственный выход - сконцентрировать этот материал в книге, которая будет доступна посетителям библиотек.

Издание первой книги «Возвращенные имена» вызвало большой интерес у читателей. Редакция газеты продолжает поиск неизвестных страниц военной истории и возвращает из небытия имена солдат.

ISBN 978-5-905603-41-9

© Вячеслав Фёдоров, текст, 2015
© Издательство «Кириллица», 2015



Вахта памяти

Как мы вам и обещали, вы держите в руках вторую книгу «Возвращенные имена». Первая вышла в прошлом году. Тогда мы писали:

«Наша книга предполагает продолжение поисковой работы. В ней есть адреса еще неизвестных страниц военной истории. Надеемся, что отряды поисковиков пополнятся. И, кто знает, может быть, их кропотливая работа станет основой для будущих книг».

Так и произошло. Десятки писем, пришедших в редакцию газеты «Земля нижегородская», легли в основу новой книги. Из поисковых отрядов шли сообщения: «найден ваш земляк», «помогите найти родственников найденного солдата»...

Газета незамедлительно откликалась на каждую просьбу.

«Спасибо вам, мы наконец-то узнали о судьбе нашего деда и прадеда...», «Сколько лет мы ждали этой весточки, верили, что когда-нибудь она придет в наш дом. И вот пришла - наш дядя погиб в бою, а не пропал без вести, как об этом сообщили...», «Вы делаете большое дело, разыскивая не пришедших с войны солдат. Горше вести не бывает, чем весть о пропавшем без вести воине. Будто и не жил человек, будто и на войне не был...»

А это строки из писем, пришедших от наших читателей, с которыми мы все годы существования газеты и ведем поиск, стоим на Вахте памяти. Для нас эта Вахта длится уже 25 лет - это возраст «Земли нижегородской».

Трудно даже посчитать, сколько имен солдат за это время было возвращено из небытия. Для нас это особо важно: по статистике, две трети сельского мужского населения не вернулось с войны. И в большинстве сельских семей долгие послевоенные годы ничего не знали о своих отцах, дедах и прадедах. В лучшем случае остались от них коротенькие письма с сообщением, что выезжают на фронт. И все... Дальше полная неизвестность...

В наши дни часто приходится слышать, что государство не заботится о поиске и погребении

солдат Великой Отечественной войны. Это не так. Поисковики существовали всегда. Только в былые годы эта работа была опасной. Земля хранила в себе тысячи неразорвавшихся бомб, снарядов и мин. Допуск на поля сражений был для поисковиков ограничен. Время обезвредило боезапас войны (хотя опасность полностью не снята). В 2015-м, юбилейном для Победы году, в поиск вышло 700 следопытских отрядов, а это более 40 тысяч человек. Скажете, что для огромной России это мало. Но ведь поиск ведется только на местах боев, а поисковики приезжают с Урала, из Сибири и Дальнего Востока. Только в Нижегородской области насчитывается около двух десятков поисковых отрядов, а сколько еще отправляется в поиск энтузиастов-одиночек.

Напомним вам, что в 1993 году правительство РФ приняло закон «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», поисковые работы приобрели официальный статус и поддержку органов власти.

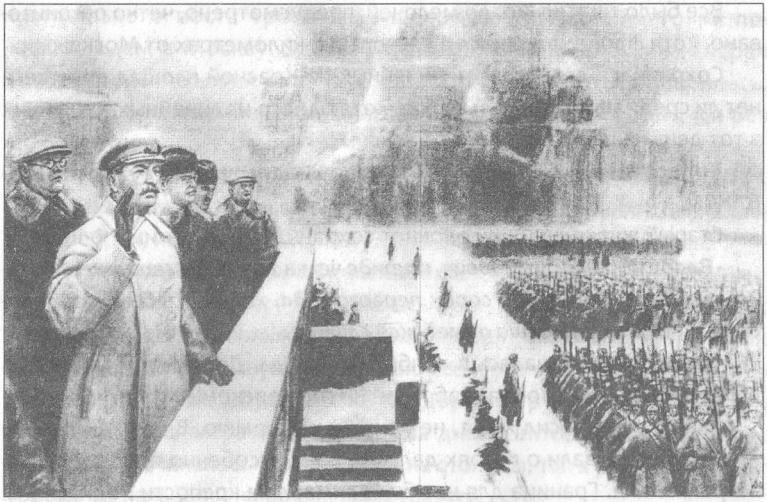
И эта поддержка заметна. В этой книге мы рассказываем о поисковой «Карской экспедиции-2015», участники которой обнаружили место гибели кораблей одного из полярных конвоев. За время поиска было произведено несколько десятков глубинных погружений, место гибели кораблей обследовано подводными телекамерами. Такую экспедицию без поддержки государства организовать трудно. Несколько подводных экспедиций было проведено по линии Министерства обороны. На всех флотах ведутся работы по поиску и обследованию затонувших боевых кораблей ВМФ СССР, погибших в годы войны.

В этой книге мы публикуем списки наших земляков-подводников, которые продолжают находиться на погибших кораблях. «Похоронены в море» - так оповещали родных пришедшие в семьи «похоронки».

Наша область в годы войны была тыловой, и мы это не забыли. Вы познакомитесь с тем, как рождалась боевая техника на наших заводах, как сельчане на полях добывали трудный хлеб войны.

Все, о чем мы написали, вы увидите, перелистывая страницы этой книги. Закончим ли мы на этой книге наши поиски? Однозначно можно сказать - нет. Для нас Вахта памяти продолжится на страницах газеты «Земля нижегородская». А там... Может быть, подойдет очередь и до третьей книги «Возвращенные имена». У войны еще много неизвестных героев, среди которых есть и наши земляки. Возвратить их имена из забытья - наш долг.

Елена БЕЛЯЕВА,
редактор газеты
«Земля нижегородская».



Парад, ставший прологом Победы

Светло-серая папка управления коменданта Москвы - сорок восемь листов. На обложке потускневшие от времени строки: «О праздновании 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции».

Эта папка в прошлом году была рассекречена и стала достоянием всех, кто интересуется военной историей.

Здесь списки и донесения воинских частей. Маршруты следования колонн по улицам Москвы. На листе ватмана с планом Красной площади и прилегающих улиц обозначены многоцветными квадратами пехота, артиллерия, конница, танки.

*** Парад на Красной площади 7 ноября 1941 года. Рисунок художника Дмитрия Шмаринова.**

Все было тщательно, до мелочей, предусмотрено, четко организовано, хотя фронт находился в нескольких километрах от Москвы.

Сохранился даже список линейных на Красной площади. Читаем, нет ли среди них наших земляков, хотя одного из линейных, стоявших в тот день на площади, я хорошо знал.

Вот его имя: Черемушкин Владимир Владимирович, 1921 г. р., член ВЛКСМ.

Старый журналистский блокнот сохранил беседу с ним.

- Владимир Владимирович, прежде чем начать рассказ о легендарном ноябрьском параде сорок первого года, хотелось бы у вас спросить, как началась ваша армейская служба.

- Служба моя началась в ноябре 1940 года. До этого мы с братом Юрием (мы с ним двойня) работали на сормовском заводе.

Как-то он спросил меня, не хочу ли я в армию. В те годы газеты часто рассказывали о героях далеких боев. Особенно прославлялись пограничники. Граница для нас была символом крепости Родины. Мы рвались в пограничники. Брат написал письмо наркому обороны К. Е. Ворошилову с просьбой послать на службу в пограничные войска.

К нашей радости, письмо наше не затерялось, и мы были вызваны в военкомат на комиссию.

Солдат службу не выбирает. Он служит там, где нужен. Попали мы в дивизию особого назначения имени Ф. Э. Дзержинского. Брата направили в полковую школу, а я начал служить вторым номером пулеметного расчета в стрелковой роте.

Захватил я на службу учебники - думал подготовиться к экзаменам в техникум.

Мечты были у каждого крылатые. Готовы были горы свернуть.

- Как для вас началась война?

- День 22 июня 1941 года намечался быть праздничным. Когда-то в этот день родилась наша дивизия, и мы усиленно готовились к праздничному параду.

Жили в лагерях. По опыту старослужащих знали, что утром 22 июня нас должны поднять по тревоге, потом кросс, усиленная зарядка, парад и приятные увольнения в город... Нам выдали новенькие гимнастерки. Еще с вечера я переложил свой комсомольский билет из старой гимнастерки в новую.

Все случилось как ожидали. Тревога. Быстрый подъем. Надеваю старую гимнастерку, чтобы не пачкать белоснежный воротничок. Выбегаем на зарядку, только вместо нее построение на плацу. От

центрального поста тревожный шепоток - война. Ничего не понимая, едем в Москву. Здесь митинг. Командир дивизии генерал П. Артемьев объявил о начале войны. У меня ноги подкосились, вспомнил о комсомольском билете. Вдруг сейчас на фронт, а я без документов.

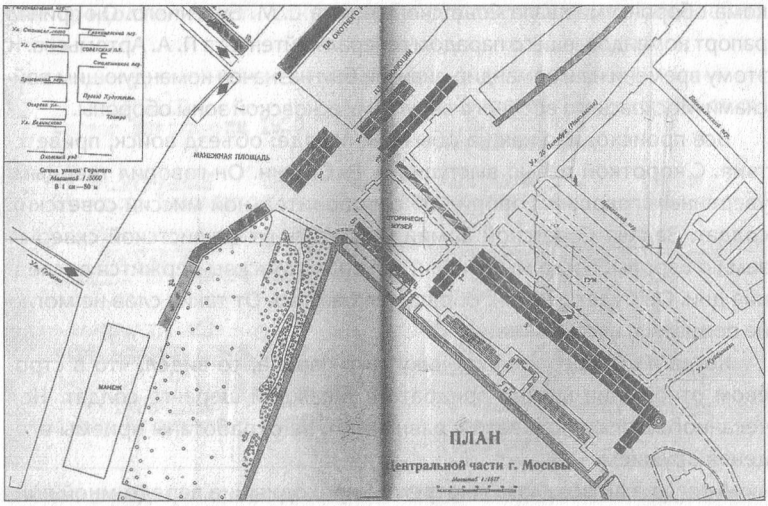
Но на фронт мы не поехали. Конечно, никакого праздника не было. Прибыли в лагеря, а здесь уже новые гимнастерки собрали. Сколько я их перебрал, но билет нашел. Ну, думаю: все, я теперь хоть куда.

- Как чувствовалось приближение врага к Москве?

- Острота событий почувствовалась в августе - сентябре. На улицах появилось много военных. Заколачивались широкие окна стеклянных витрин магазинов. В городе установилась идеальная дисциплина. Мы охраняли тыловые объекты, мосты, дороги, грузы, которые шли к Москве. Немецкая разведка засылала диверсантов и сигнальщиков. Как только начиналась бомбардировка столицы, так в разных районах города сигнальщики начинали свою работу.

- Вот мы и подошли к главному событию осени сорок первого года - ноябрьскому параду на Красной площади.

- Я уже после войны узнал, что организация парада, время его проведения держались в глубочайшей тайне. Да, это все так, но плох солдат, если он эту тайну не чувствует. Никто из нас не задавал лишних



В рассекреченных документах можно рассмотреть схему построения войск.

вопросов, но все мы задолго до 7 ноября начали готовиться к параду. А будет он или нет - решали не мы.

Дело в том, что я уже участвовал в двух парадах: ноябрьском сорокового года и первомайском сорок первого. В обоих парадах был линейным. Один раз стоял в самом начале площади, а второй раз - в середине, но лицом к ГУМУ. Помню, тогда получил несколько замечаний от старшины - невольно дергал головой, все хотел посмотреть на трибуну, но этого не полагалось.

Строевой подготовкой занимались мы на сельхозвыставке.

...7 ноября мы поднялись в 4 утра. К Красной площади шли пешком...

С высоты сегодняшних лет мы можем удивляться тому параду: враг у стен Москвы, а тут парад. Мне кажется, тогда для нас было бы большим удивлением, если бы парад не состоялся. Шла война, но ведь продолжалась жизнь государства, продолжались его традиции.

Ждали парад и москвичи. При подходе к Красной площади мы видели группы людей. Со стороны могло показаться, что они появились на улицах случайно.

В 7.30 мы вышли из ворот Александровского сада и, как положено линейным, встали вдоль кремлевской стены.

Вся площадь передо мной как на ладошке. Сзади шум заполненных гостевых трибун. Небо над Москвой пасмурное. Идет снежок.

В 8.00 из ворот Спасской башни горячий конь вынес заместителя наркома обороны маршала Советского Союза С. М. Буденного. Он принял рапорт командовавшего парадом генерал-лейтенанта П. А. Артемьева. К этому времени наш командир дивизии был назначен командующим войсками Московского военного округа и Московской зоны обороны.

Все происходило как на обычном параде: объезд войск, приветствия. С короткой речью выступил И. В. Сталин. Он говорил твердым, уверенным голосом. Говорил об освободительной миссии советских солдат. Задача Советской армии - очистить от фашистской скверны землю Европы. Тогда мы поняли, что враг у Москвы держится последние дни. Он будет сметен, обращен в бегство. От таких слов не могло не подняться настроение.

Когда я смотрел кинохронику того парада, то видел, что в строевом отношении можно придраться к каждой шеренге солдат. Нет чеканного шага, плоховато с равнением, не отработаны приемы владения оружием.

А тогда я во все глаза смотрел на проходившие передо мной войска. Ни одна погрешность не бросилась в глаза. Я видел минометы, не

виданные ранее. Смотрел на карабины, автоматы. Видел подтянутых сибиряков в теплых белых полушубках. Все солдаты были в новых сапогах. За плечами вещмешки. Где-то в составе 3-го батальона нашей дивизии шел мой брат Юрий. Об этом я узнал уже позже.

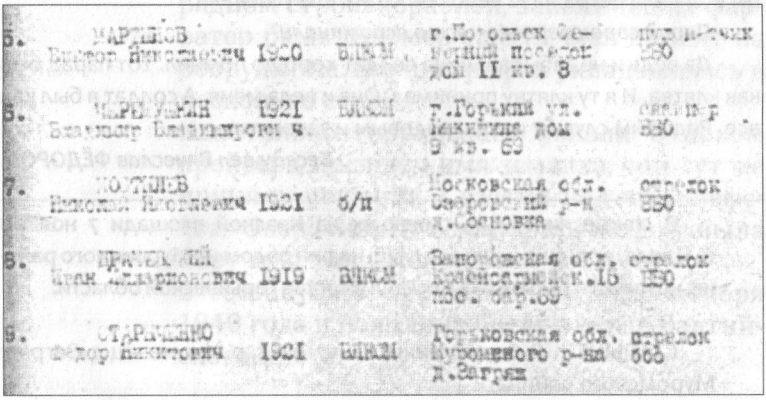
Было страшновато смотреть на лица солдат. Столько было в них решительности. Казалось, отдай сейчас приказ, и враг под Москвой будет сметен. Но теперь мы уже знали, что будущая победа у стен столицы - лишь малая частичка большой войны.

Помню, пошел густой-густой снег. Временами ничего не было видно, и казалось, что я стою один на огромной площади. Только слышна была поступь идущих войск. Сзади у меня, между шапкой и воротом, насыпало снега, и он таял, стекая за ворот. И хоть я мог пошевелиться, никто бы этого не увидел, но я стоял как вкопанный. Нельзя было шевелиться на таком параде даже украдкой.

- А дальше, Владимир Владимирович, что было дальше?

- Боевых эпизодов не расскажу. Выпала мне судьба идти за войсками по тылам. Но кто ж из солдат в те годы не хватил лиха. И мне пришлось. Не орденами и медалями служба меряется... На Украине занимались разминированием шахт, полей, городов.

Наши войска перешли границу, полностью очистив землю от фашистских войск. Мы за рубеж не переходили. Нам хватило войны и здесь. В Западной Украине скрывались в лесах банды националистов. Они продолжали вести открытые бои, препятствуя восстановлению



5.	МАРТЫНОВ Виктор Николаевич	1920	ВЛКСМ	г.Подольск Фе-[illegible] поселок дом II кв. 8	[illegible] ВВО
6.	ЧЕРЕМУШКИН Владимир Владимирович	1921	ВЛКСМ	г.Горький ул. Никитина дом 9 кв. 69	[illegible] ВВО
7.	КОСТЮЛЕВ Николай Яковлевич	1921	б/п	Московская обл. Озеровский р-н д.Сосновка	стрелок ВВО
8.	ПРАЧЕВСКИЙ Иван Илларионович	1919	ВЛКСМ	Запорожская обл. Красноармейск.16 пос. бар.69	стрелок ВВО
9.	СТАРИЧЕНКО Федор Никитович	1921	ВЛКСМ	Горьковская обл. Муромского р-на д.Загряж	стрелок ббб

В списке линейных значится имя нашего собеседника Владимира Владимировича Черемушкина.

На этом снимке самый первый линейный, стоящий лицом к строю — Владимир Черемушкин.

советской власти. Убивали учителей, председателей колхозов, партийных работников. Леса скрывали их. То были самые настоящие фашисты, хорошо обученные, вооруженные, имевшие много тайников в горах. Мы зачищали леса, отыскивали схроны.

А сколько ребят после Победы погибло. В Черновцах на кладбище у нас свой уголок был. Там салюты не переставали греметь.

А вы помните мечту о службе на границе? Так вот она сбылась. В сентябре 1946 года стал я пограничником. Приняли мы участок границы в 22 километра на 12 человек. Спать еле успевали.

- Парад сорок первого часто вспоминали?

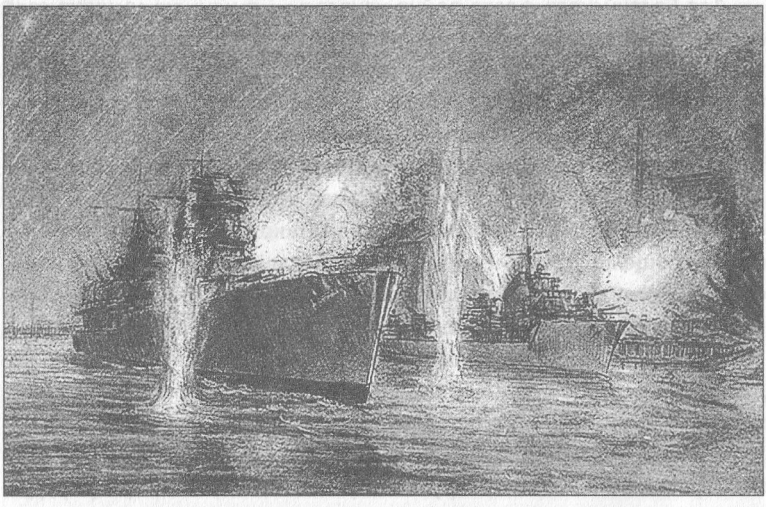
- Да ведь и не забывал. Лица солдат хорошо помнил. Тот парад был как клятва. И я ту клятву принимал. Она и вела меня. А солдат я был как все. Рядовым службу начал, рядовым и закончил.

Беседу вел Вячеслав ФЁДОРОВ.

В списке линейных, стоявших на Красной площади 7 ноября 1941 года, есть еще наши земляки, но они родом из Муромского района, который в годы войны входил в состав Горьковской области.

СТАРЫЧЕНКО Федор Никитович, 1921 г. р. Уроженец д. Загряж Муромского района.

КАЛНАКОВ Василий Иванович, 1922 г. р. Уроженец д. Ярцево Муромского района.



Залпы «Максима Горького»

Новенький крейсер «Максим Горький» ленинградцы увидели на невском рейде в День Военно-морского флота - 27 июля 1940 года. Он стоял, расцвеченный флагами, в парадном строю кораблей, заполнивших фарватер реки. Крейсер еще не был принят на вооружение. Его биография укладывалась в несколько строк.

Как только горьковчане узнали о новом крейсере, носящем имя земляка, они тут же приняли решение о взятии над ним шефства. Оперативная связь с крейсером была поручена комсомольцам.

В состав ВМФ крейсер войдет 25 октября 1940 года и пополнит боевую мощь Балтийского флота.

*** Крейсер «Максим Горький» и эсминец «Сметливый» на защите Ленинграда. Рисунок военных лет.**

Для Балтийского флота война началась... в ночь на 19 июня 1941 года. По секретному приказу наркома ВМФ флоты и флотилии были приведены в готовность № 2: за четыре часа должно быть сформировано боевое ядро флота, пополнен запас топлива и боеприпасов на кораблях. На исходе дня 21 июня нарком отдал приказ перейти на готовность № 1 и к 00 часам быть готовыми к боевым действиям.

Балтийский рейд настороженно замер. Командир крейсера «Максим Горький» капитан I ранга Александр Николаевич Петров отбыл к командующему отряда летных сил контр-адмиралу В. Дрозду на крейсер «Киров». Возвратился он быстро. Началось авральное приготовление к походу. Утром все стало ясно - война.

К вечеру 22 июня «Максим Горький» снялся с якоря и в сопровождении эсминцев пошел в Ирбенский пролив для прикрытия кораблей, выполнявших минные постановки.

Прикрытие потребовалось из-за того, что наблюдатели поста военно-морской базы Ханко обнаружили вражеские корабли: крейсер, два эсминца, тральщик и сторожевиков. Посчитали, что противник вышел для срыва минных постановок.

Штаб флота оставил без внимания сообщение, посланное с одного из дозорных тральщиков. Командир корабля докладывал, что на рассвете 22 июня было обнаружено неизвестное минное поле. Донесение проверять не стали согласно указаниям «не поддаваться на провокации».

Именно к этим минам и двигались корабли, вышедшие перекрыть Ирбенский пролив.

Первым подорвался на магнитной мине эсминец «Гневный». Ему оторвало носовую оконечность корпуса. Вторым стал крейсер «Максим Горький».

Адмирал флота Г. М. Егоров, вспоминая те дни, писал:

«Около полуночи командир отделения радистов доложил на ходовой мостик:

- С крейсера «Максим Горький» получен сигнал «Урал»!

Все, кто был на мостике, переглянулись с тревогой. Сигнал означал: «имею повреждение».

Командир дивизиона приказал мне:

- Штурман, нанесите координаты крейсера на карту. Где он?

Я спустился в центральный пост и, вернувшись оттуда, доложил, что крейсер находится севернее острова Хиума (Даго). На лице командира нашей лодки капитан-лейтенанта Дмитрия Клементьевича

Ярошевича отразилось недоумение: ведь совсем недавно мы проходили в этом районе, следуя из Рижского залива в Таллин... Вслед за сигналом «Урал» с крейсера «Максим Горький» поступили дополнительные сообщения о том, что он атакован подводными лодками. Поскольку наш курс пролегал недалеко от него, командир дивизиона приказал усилить наблюдение и быть готовыми к срочному погружению.

Часов в шесть утра сигнальщик доложил:

- На горизонте корабль. Слева тридцать.

Все бинокли были тотчас же обращены в указанном направлении. Действительно, в серой предутренней дымке проглядывались очертания крупного корабля, а рядом еще несколько силуэтов мелких размеров.

- Те, что поменьше, эсминцы, - определил Ярошевич. - Похоже, «семерки» (эскадренные миноносцы седьмого проекта. - **Прим. Г. М. Егорова**).

Наш глазастый сигнальщик, старший матрос Бунин, уверенно подсказал:

- Это крейсер «Максим Горький».

- У «Максима Горького» другой силуэт, - продолжал сомневаться Ярошевич.

- А у него, товарищ командир, по самую башню нос оторван, - уточнил сигнальщик.

Да, это был крейсер «Максим Горький».

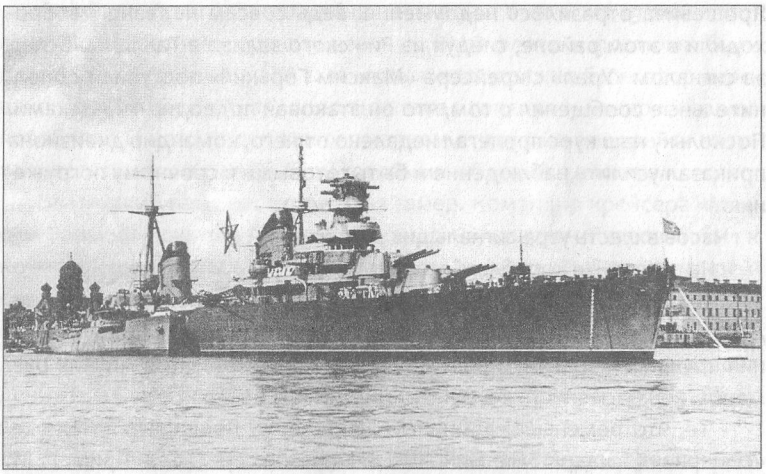
Траверзная переборка крейсера выдержала нагрузку и сохранила водонепроницаемость. Он тихим ходом дошел до Моонзундского плеса, а затем последовал в Кронштадт.

Специалисты, осмотрев корабль, определили ему трехмесячный ремонт. Рабочие кронштадтского завода внесли поправку - месяц.

19 августа зенитные пушки «Максима Горького» уже вели огонь по самолетам противника.

А в сентябре началась артиллерийская дуэль с дальнобойными орудиями врага. Как только главный калибр крейсера накрыл скопление немецких танков в районе Красного Села, тут же последовал ответный залп. Один из снарядов попал в трубу, другой угодил в кубрик, а третий развороти палубу над корабельной мастерской. В это время мимо крейсера проходил буксир с баржой, груженной боеприпасами. Снаряд перебил трос, и баржа придрейфовала к крейсеру. Помощник

ЦРБ им. 1 Мая
МКУК ЦБС
Фармоновского района
г. Нижний Новгород



Таким увидели ленинградцы крейсер «Максим Горький» на параде, посвященном Дню Военно-морского флота, в 1940 году.

командира капитан-лейтенант Д. Кутай бросился на баржу и начал тушить загоревшийся брезент и ящики с боеприпасами.

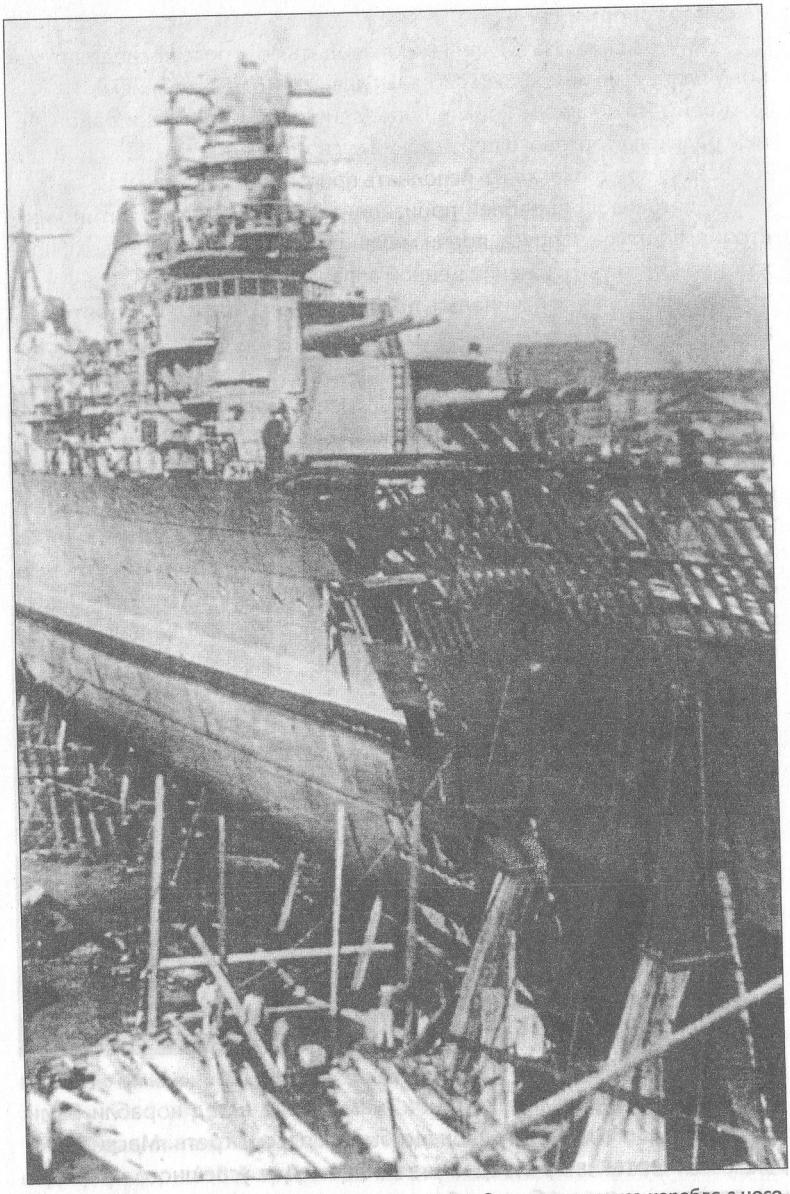
Месяцем позже за этот поступок офицер получил орден Красной Звезды. Это был первый моряк на крейсере, получивший награду.

Через шесть дней обстрел повторился, и стало ясно, что к крейсеру немецкая артиллерия хорошо пристрелялась. В корабль попало три тяжелых снаряда, осколками убило девять моряков, семерых ранило.

Командир корабля принял решение сменить позицию. Маневр, который он совершил, был немыслим. Не разворачивая крейсера, он задним ходом провел его по Морскому каналу, против течения реки, вошел в Неву и стал на огневую позицию.

Кто же тогда знал, обороняя Ленинград, что сам Верховный Главнокомандующий сомневался в том, что город удастся отстоять. На случай сдачи города готовились соответствующие документы. Коснулись они и флота. По сути, это был приговор боевым кораблям Балтики.

Начальник Генштаба маршал Советского Союза Б. М. Шапошников подписал документ, помеченный двойным грифом секретности: «Совершенно секретно» и «Особой важности». Один из его разделов рассматривал «План мероприятий по случаю отхода из Ленинграда по кораблям и судам».



Крейсер «Максим Горький» подорвался на мине. Стыковка корпуса корабля с носовой оконечностью в кронштадтском доке. Июль 1941 года.

ЦРБ им. 1 Мая
МКУК ЦБС
Сормовского района
г.Нижний Новгород

В нем говорилось:

«Уничтожение и затопление производить по строго последовательному плану с момента дачи сигнала Главным Командованием».

Крейсеру «Максим Горький» предписывалось встать в район Ленинградского торгового порта и ждать своей участи.

Как же предполагалось исполнять приговор?

«Уничтожение кораблей производить способами: открытия кингстонов, подрыва корпуса, порчи механизмов и котлов подрывом, поджог корабля и уничтожение ценной аппаратуры».

Общая операция начиналась при получения сигнала «Хризантема», а частный сигнал «Василек» касался «Максима Горького». Кстати, ни тот ни другой сигнал не последовали.

Как только угроза захвата Ленинграда миновала, план затопления кораблей расценили как следствие «паникерских настроений». Тут же попытались найти этих самых паникеров. Но нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов как знал, что все произойдет именно так, поэтому сохранил копию телеграммы за подписью Сталина.

Поиски «пораженцев» тут же прекратили, а документальные свидетельства и подробности плана широкомасштабной операции уничтожения кораблей остались за кулисами официальной истории.

Озабочен судьбой Ленинграда был и Гитлер. 5 апреля 1942 года он потребовал:

«Ленинград должен пасть...

Из-за голода население города сократилось до двух миллионов. Можно себе представить, что ожидает население Ленинграда в дальнейшем. Разрушение города саперами и артиллерийскими обстрелами только завершит процесс уничтожения... Только один владыка может быть на Балтике - внутреннее немецкое море».

За несколько дней до этого Гитлер отдал распоряжение начать операцию «Айштосс» по уничтожению Балтийского флота. Немцы выждали, когда увеличится световой день, а погода будет постабильнее.

Стоявшие у причальных стенок и вмерзшие в лед корабли были хорошей мишенью, но их еще надо было... рассмотреть. Маскировка размыла очертания крейсеров и эсминцев. Для успешного проведения операции в город были заброшены разведчики, которые должны были корректировать бомбовые удары.

Командир крейсера «Максим Горький» А. Н. Петров.

Операция началась 28 марта силами одного авиакорпуса и осадной артиллерии 18-й армии. За месяц в шести массированных налетах приняло участие более трехсот самолетов. У них была одна цель - корабли.

Вот хроника лишь одного дня - 25 апреля, отраженная в боевом журнале крейсера «Максим Горький»:

«...16 ч. 41 м. - противник начал обстрел района стоянки.

19 ч. 00 м. - левый борт 10 градусов, два Ме-109.

19 ч. 01 м. - пикирующий бомбардировщик противника идет на корабль.

19 ч. 09 м. - зенитки сбили Ю-87, упал за кормой корабля.

19 ч. 12 м. - разрыв снарядов в районе первой башни, разрыв снаряда по носу правого борта: три самолета Ме-109, на стрелке загорелся склад.

19 ч. 30 м. - правый борт, пять самолетов Ме-109.

19 ч. 42 м. - разрыв снаряда в воздухе с правого борта. На кормовом мостике ранены три краснофлотца».

Но это был не самый жаркий день. Накануне в районе стоянки крейсера разорвалось 150 бомб и 50 снарядов дальнобойной артиллерии. Прямых попаданий в корабль не было, но от осколков погибли три краснофлотца и пять было ранено.

Прицельность вражеского огня была очевидной. Разрывы снарядов все ближе подвигались к кораблю, радисты-пеленгаторщики лихорадочно прощупывали эфир и наконец засекли сигналы вражеского корректировщика, а разведчики обнаружили его в районе стоянки корабля.

Командир крейсера А. Н. Петров, будучи уже вице-адмиралом в отставке, вспоминал о самых трудных днях, которые пережил корабль:

«Защита неподвижного корабля стоила большого труда. Беда была в том, что мы не могли маневрировать и уходить от обстрела. Надо было искать какие-то способы защиты. Но какие? Выручил опыт бывалых моряков.

В Ленинградском торговом порту находилось много кип невывезенного хлопка. А кто-то вспомнил, что еще в Гражданскую войну подобные кипы использовались для прикрытия палуб кораблей от бомб и снарядов. Спрессованный хлопок при попадании бомб и снарядов хорошо пружинил и ослаблял удар. Закрыли им верхнюю палубу и прикрыли зенитчиков. Во время одного из налетов около корабля упало 14 бомб и разорвалось несколько снарядов. В кипах хлопка застряли тысячи осколков. А если бы не хлопок, то весь 2-й дивизион был бы выведен из строя.

За все время блокады Ленинграда врагу не удалось заставить замолчать орудия крейсера.

Условия блокады заставляли решать и другие жизненно важные для города задачи. Так, например, экипаж крейсера восстановил водопровод и наладил водоснабжение в Октябрьском районе Ленинграда. Вместе с рабочими Адмиралтейского и судостроительного заводов краснофлотцы построили более ста грузовых тендеров, которые сыграли большую роль в доставке осажденному городу продовольствия и боеприпасов через Ладожское озеро и эвакуации детей и раненых воинов».

В архиве Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника хранится письмо командира корабля, адресованное трудящимся Горьковской области. Оно датировано 16 апреля 1943 года. «...Проведенная областным комитетом ВЛКСМ комсомольская мобилизация для пополнения личного состава крейсера «Максим Горький» из числа комсомольцев и молодежи Горьковской области имеет для крейсера большое значение. Присланные вами товарищи в количестве 137 человек во многом решили задачу доукомплектования крейсера личным составом.

Прошло более девяти месяцев службы ваших посланцев на корабле. Мы с гордостью сообщаем, что ваше доверие и надежды горьковчане оправдают с честью. Мы не имеем ни одного случая, когда кто-либо из ваших товарищей за время выполнения боевых задач проявил неустойчивость и малодушие.

Отмечаем, что особую примерность в службе, в дисциплине при решении боевых задач проявили комсомольцы Михайлов, Киреев, Алексеев, Шилин, Малоземов, Шабашов, Кожин, Флеганов, Киселев, Мартюхин, Суриков, Азлин, Лебедев, Тажбулатов, Чистов и другие.

Просим вас передать комсомольским организациям, пославшим служить на подшефный корабль указанных товарищей, нашу благодарность».

Горьковская комсомолия пристально следила за судьбой крейсера. Осенью 1942 года на корабль отправилась делегация комсомольцев. В ее составе была Татьяна Андреевна Жданова. Она вспоминала:

«Мы не знали, что военное командование Ленинграда временно запретило въезд в город в связи с повышенной опасностью. 5 ноября из Горького отправили вагон подарков для подшефного крейсера. Нам предложили ехать этим же эшелоном, но в пути нас ждало пять пересадок.

Уладить дело взялся секретарь обкома партии Михаил Родионов. Он выхлопотал для нас самолет.

Полет проходил нормально, если не считать последнего часа, когда на подлете к Ленинграду наш «Дуглас» снизился до самой земли. Внизу замелькали деревья, казалось, мы врежемся в них или упадем в воды Ладожского озера.

На аэродроме нас встречали моряки. В час ночи мы были уже на крейсере «Максим Горький».

...Суровый, но по-прежнему приветливый военный Ленинград. В тишину ночи вплеталась глухая далекая канонада. Кругом ни огонька, только патрули на секунду включали свои фонарики, проверяя документы.

Утром мы осмотрели крейсер, долго беседовали с краснофлотцами, рассказывали им о тыловом Горьком, о работе над военными заказами, фотографировались.

Мы должны были улететь 18 ноября, но положение под Ленинградом осложнилось. Самолеты не летали. В город перестали поступать газеты. Невольно мы ощутили на себе оторванность от мира и поняли, каково было ленинградцам переносить тяжелые дни, когда неизвестно, что происходило на фронтах.

На крейсере мы ощутили первую победную радость. По радио сообщили о боях под Сталинградом, в которых наши войска взяли верх над фашистами. Наш крейсер ликовал. Моряки еще крепились, а мы плакали от радости.

Ленинград нам удалось покинуть только 31 декабря».

В январе 1944 года, накануне операции по снятию блокады Ленинграда, крейсер «Максим Горький» был включен в состав 2-й группы морской артиллерии. Корабли должны были артиллерийским огнем разрушать узлы сопротивления, командные пункты и склады противника.

15 января в семь часов утра по корабельному радио прозвучало:

«Личному составу надеть парадное обмундирование, ордена, медали!»

На общем построении командир корабля объявил: «Получен приказ командования флотом нанести удары по войскам противника. Наша задача - мощными артиллерийскими налетами подавить опорные пункты и огневые средства врага, обеспечить продвижение пехоты. Стреляем по четырем укрепленным позициям немцев, выпустим 800 снарядов главного калибра».

В 9 часов 20 минут прозвучала команда: «За Ленинград! За Родину! Огонь!» В этот день корабль обрушил на врага 27 тонн взрывчатки.

22 марта 1944 года на крейсере зачитали Указ Президиума Верховного Совета СССР. За образцовое выполнение боевых задач командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом личным составом доблесть и мужество крейсер «Максим Горький» был награжден орденом Красного Знамени.

И только летом замолчали пушки главного калибра. Отступающий враг был уже недосягаем...

За время блокады Ленинграда в вахтенном журнале корабля 126 раз появлялась запись о боевых стрельбах. По врагу было выпущено 2300 снарядов только из пушек главного калибра. Прикрывая крейсер, зенитчики сбили пять самолетов противника.

Крейсера Балтики так и не участвовали ни в одном боевом походе. Мелководное море стало западней для больших кораблей.

Нарком флота Н. Г. Кузнецов не дал пополнить счет фашистским подводникам, рыскавшим в поисках крейсеров. Эти корабли сберегли, усилив ими артиллерийскую группировку осажденного Ленинграда. Ну а моряки свой долг выполнили...

Сталин не забыл довоенного недовольства молодого наркома ВМФ по поводу строительства на Балтике крупных военных кораблей. В декабре 1944 года на приеме в честь французской делегации он подошел к теперь уже главкому ВМФ и сказал: «Товарищ Кузнецов! Нам всем достаточно известно, что делает наш флот. Терпение! Со временем мы будем господствовать на морях».

Как было понимать эти слова: оправдание, предвидение или прежнее упорство - все, мол, было сделано правильно.

Только после войны «Максим Горький» вырвался на морские просторы. На крейсере расположился штаб эскадры.

Между тем шефство горьковчан над боевым кораблем продолжалось. Многим посланцам горьковского комсомола предстояло пройти здесь школу морской службы.

Казалось бы, на этом можно и завершить биографию крейсера, сказав, что он оставался в строю до 1959 года, когда его исключили из состава ВМФ и передали на слом.

Но не будем спешить. В послевоенной жизни корабля есть одна страничка, которую мы не можем перевернуть наспех. В истории отечественной морской авиации крейсер «Максим Горький» значится первым кораблем, на палубу которого садился вертолет.

Взлет вертолета Ка-10 с палубы крейсера.

И вот как это происходило. В конструкторском бюро Н. И. Камова был создан летательный аппарат, способный садиться в кузов движущегося автомобиля. Этот трюк показали на авиационном параде в Тушине. Простенькая платформа с соосным винтом и сиденьем для летчика называлась по тем временам непривычно - вертолет. Зрители аплодисментами поблагодарили смельчака, сидевшего на летающей платформе, и вряд ли запомнили конструктора нового летательного аппарата. Да и сам вертолет производил впечатление большой летающей игрушки.

Но этой «игрушкой» заинтересовались военные моряки. Они-то и разыскали конструкторское бюро Н. И. Камова и предложили ему поработать на морскую авиацию. Конструктор доработал тушинскую «игрушку» и назвал новую машину Ка-10 «Иркутянин» - в честь родного города.

С самого зарождения авиации моряки стремились иметь на борту тяжелых кораблей летательные аппараты, которые могли бы вести в

первую очередь загоризонтную разведку. Кстати, сам крейсер «Максим Горький» изначально имел на борту самолеты-разведчики. Это были амфибии, которые взлетали и садились на воду. На корабль их приходилось поднимать специальными устройствами. А тут взлет и посадка на палубу...

Для испытания Ка-10 выделили именно крейсер «Максим Горький». На палубе юта разметили белый квадрат 7х7 метров. Сам вертолет со снятыми винтами установили на шкафуте у среза полубака. Площадка была удачной. Винтокрылая машина не мешала даже стрельбе из главного калибра. Никаких других доработок на крейсере не потребовалось.

Первая посадка вертолета на палубу прошла 7 декабря 1950 года. Эта дата и вошла в историю морской палубной авиации. Сажал вертолет летчик-испытатель Евгений Гридюшенко.

От простейших взлетов и посадок перешли к более сложным испытаниям. «Максим Горький» менял ход: то шел со скоростью пять узлов, то разгонялся до двадцати одного. Летали в слабый шторм. Летали, когда дули боковые ветра. Летали в качку.

Но порою главной помехой становились... птицы. Стаи чаек, летевшие за кормой корабля, мешали вертолету садиться. Однажды, когда у Евгения Гридюшенко кончалось топливо, он попросил командира корабля дать залп пушками главного калибра. Ничего не оставалось делать, как поступить именно так. Грянул залп, и чайки, переполошившись, исчезли.

На палубе «Максима Горького» и был написан акт госиспытаний вертолета:

«Вертолет Ка-10 «Иркутянин» в пилотировании на всех режимах доступен для летчика средней квалификации и по своим тактико-техническим данным может быть принят на вооружение в авиацию ВМФ. Летчик-испытатель Е. Гридюшенко».

Комиссия подтвердила: «Может быть рекомендован».

Учитывалось и мнение командира крейсера, ведь он первым из моряков смог оценить новшество, которое приобретал флот.

А теперь самое время поставить точку в биографии крейсера «Максим Горький», который навечно вошел в историю флота и как воин, и как корабль, ставший родоначальником нового вида морской авиации.

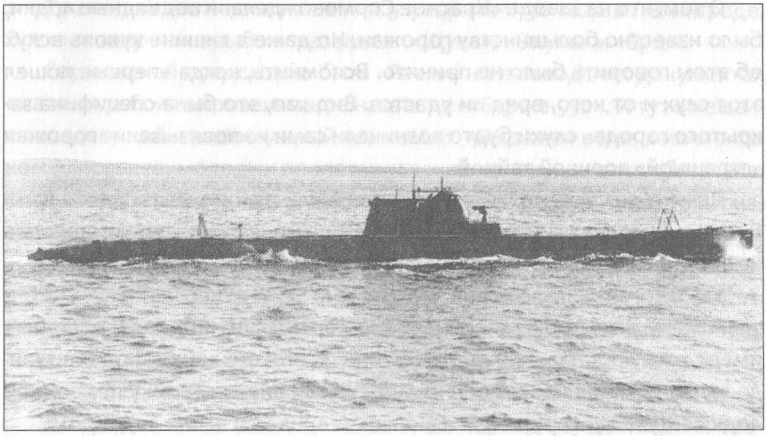
Вячеслав ФЁДОРОВ.

За время блокады Ленинграда на крейсере «Максим Горький» погибли 55 краснофлотцев, среди которых три наших земляка:

ЕРАПОЛОВ Федор Дмитриевич, краснофлотец, башенный командор, 1919 г. р. На флоте с 1940 года. Уроженец д. Попышево Вачского района. Убит во время артобстрела и налета авиации на корабль 24 апреля 1942 года. Похоронен на кладбище морского госпиталя № 1.

КАМИН Никандр Михайлович, старший краснофлотец, 1918 г. р. Уроженец д. Михайлово Краснобаковского района. Призван ГВК г. Дзержинска. На флоте с 1939 года. Погиб на своем боевом посту во время артобстрела 17 сентября 1941 года. Похоронен на кладбище Военно-медицинской академии имени Кирова в Ленинграде.

ЧЕСНОКОВ Николай Федорович, старший краснофлотец, кладовщик, 1916 г. р. На флоте с 1937 года. Призван Сталинским РВК г. Горького. Уроженец д. Пальцево Вачского района. Погиб на своем боевом посту во время артобстрела 19 сентября 1941 года. Тело погибшего не найдено.



Сормовская «Щука»

К началу Великой Отечественной войны в боевом составе морских сил СССР числились 32 подводные лодки, построенные на верфях завода «Красное Сормово». Базировались они на Черноморском, Балтийском и Северном флотах.

Еще 27 лодок было сдано за годы войны.

Восемь сормовских подводных лодок стали Краснознаменными и четыре получили звания Гвардейских.

Десять командиров «сормовичек» удостоены звания Героя Советского Союза.

Пришлось воевать и самой первой подводной лодке, построенной на заводе «Красное Сормово».

*** Сормовский первенец - подводная лодка Щ-304.**

О том, что на заводе «Красное Сормово» делали подводные лодки, было известно большинству горожан. Но даже в тишине кухонь вслух об этом говорить было не принято. Вспомнить, когда впервые пошел этот слух и от кого, вряд ли удастся. Видимо, это была специфика закрытого города - слухи будто возникали сами и «повязывали» горожан «страшной» военной тайной.

Даже в разговорах вне города мы были осторожны и бдительны. Вопросы о лодках считали провокационными, в ответ делали удивленные глаза и пожимали плечами - ничего не ведаем.

А между тем рождение слухов о сормовских подводных лодках имеет точную дату - 14 июня 1929 года. В этот день на завод поступило задание Управления Военно-Морских сил на постройку подводной лодки «Щука» III серии.

К этому времени закончился период возрождения флота. Были восстановлены все старые боеспособные корабли, доставшиеся в наследие от императорского флота, и промышленность приступила к реализации новых планов военного судостроения.

Но не все шло так гладко. В дело вмешалась... авиация. Многие ее сторонники утверждали, что флот больше не нужен, он будет лишь мишенью для воздушных бомбардировочных армад. Была проведена даже дискуссия на тему «Морской или воздушный флот?». Перевес сил в сторону морского флота был не так уж и велик.

Чуть позже объявились сторонники «малых войн». Они разработали систему ведения войн в условиях неравенства сил. Для этого предполагалось построить большое количество малых надводных и подводных кораблей, способных массой противодействовать морским гигантам - крейсерам и линкорам. В этой нише, к счастью, нашлось место подводному флоту. В конструкторских бюро приступили к разработкам проектов новых лодок.

8 мая 1926 года Реввоенсовет СССР определил основные направления развития Военно-Морского флота. А новая программа развития военного судостроения была принята 4 февраля 1929 года. Совет Труда и Обороны постановил: флоту быть!

Планами намечалось за пятилетку построить 369 подводных лодок.

Среди заводов, которые предстояло задействовать, значился и сормовский судостроительный.

Завод начал готовиться к выпуску новой продукции.

Три подобные лодки заложили 5 февраля 1930 года в Ленинграде. Все они получили «рыбьи» названия - «Щука», «Окунь» и «Ерш».

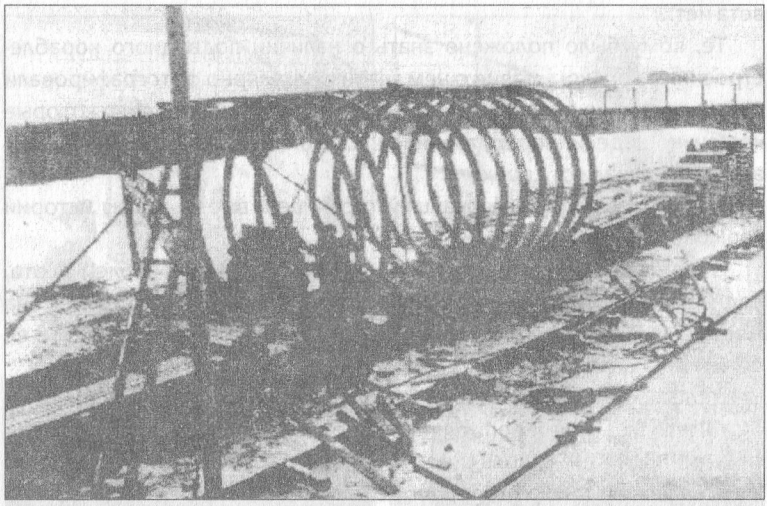
Сормовской предстояло быть «Язем», но в заводских документах она носила более прозаическое название - «Баржа-550». И тут вмешался вездесущий и хлопотливый комсомол. «Выражая волю миллионов комсомольцев, молодых пролетариев и крестьян», он взял обязательство построить одну подводную лодку на собранные средства и назвать ее «Комсомолец».

На закладке лодки 23 февраля 1930 года присутствовали председатель Реввоенсовета СССР С. С. Каменев и секретарь ЦК ВЛКСМ С. А. Салтанов. Они объявили, что первый взнос комсомола на постройку лодки составил 2,5 миллиона рублей. «Язь» получил отставку.

На закладной доске значилось:

«Подлодка «Комсомолец» заложена в период осуществления пролетарской страной грандиозного плана индустриализации и социалистической стройки, в период жестокой борьбы рабочего класса под руководством Коммунистической партии с капиталистическими элементами города и деревни за социалистическую перестройку деревни и обобществление сельского хозяйства.

Год закладки лодки был годом роста влияния СССР на мировой арене: на Западе Великобритания вынуждена была восстановить с нами



Закладка первой подводной лодки на заводе «Красное Сормово».

дипломатические отношения, преступно разорванные в 1927 году, на Востоке была разбита китайская военщина, пытавшаяся выступить против нас с оружием в руках.

Настоящая лодка строится на средства шефа морских сил - ВЛКСМ. Задача ее - охранять подступы к городу Ленина».

Инициативу комсомола подогрел поэт-трибун Владимир Маяковский. В печати появилось его стихотворение «Подводный комсомолец»:

Пугая вражьи корабли,
Гудком разиньте глотку,
На комсомольские рубли
Мы выстроим подлодку.

Комсомольских рублей, поступавших со всей страны, хватило на лодку.

Интересно проследить, как все эти годы охранялась военная тайна. Книга «Советское подводное кораблестроение», выпущенная Воениздатом, скрывает точное место рождения «Комсомольца» и в то же время сообщает:

«2 мая 1931 года лодка была спущена на воду, а затем доставлена по Мариинской водной системе в плавучем доке в Ленинград».

Книга вышла хоть и в перестроечное время, но еще при наличии цензуры. Откуда же все-таки доставили лодку на Балтику? В книге ответа нет...

Те, кому было положено знать о наличии подводного кораблестроения в Горьком, давно о нем знали и регулярно фотографировали со своих спутников плавучие доки - эти гигантские коробы, которые частенько видели в предутренние часы волжские рыбаки. Тайну, как всегда, скрывали от своих.

Пожертвовали даже ярчайшей страницей, вырвав ее из истории сормовского комсомола.

Оказавшись на Балтике и вступив в боевой строй кораблей флота, лодка была обезличена и получила лишь индекс - Щ-304. Под ним она и вошла во многие мемуары подводников, которые поведали нам о ее боях и походах.

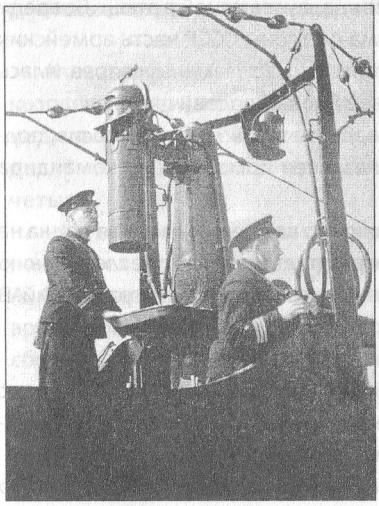
Нелегко дался подводный первенец сормовичам. Не было опыта строительства таких кораблей, и в недрах руководства морскими силами РККА зародилось сомнение в правильности выбора завода. Уже готовился приказ о переводе строительства лодок на другую верфь.

Дело спас начальник только что созданного сектора подводного судостроения завода Петр Иванович Макаркин. Он обратился с письмом в Совет Труда и Обороны:

«Как начальник специального судостроения на Сормовской верфи, отдавший этому делу лучшие годы своей жизни, я не могу не высказать вам своего мнения... Есть необходимость иметь в глубине Союза безопасную базу для постройки подлодок... Спецверфь построила корпус первой лодки к лету 1931 года, затратив на постройку около 10 месяцев, то есть не уступая другим хорошо оборудованным верфям Союза, например, балтийского и невского заводов...»

П. И. Макаркин оказался еще и дальновидным стратегом. В войну был потерян Николаевский судостроительный завод, там взорвали все суда, которые находились в заделе, а потом оказался в блокаде Ленинград...

Война застала экипаж Щ-304 на ремонтной базе. Лодка проходила плановый ремонт после интенсивной эксплуатации. На первых подводных лодках Балтики оттачивали свое мастерство будущие командиры субмарин. В списках экипажей Щ-304 можно отыскать имена Магомета Гаджиева, Валентина Старикова, Евгения Осипова, ставших в годы войны Героями Советского Союза.



Боевые будни подводников.

Гитлеровское командование изначально задумывало блокировать Балтийский флот. Начальник генерального штаба Ф. Гальдер запишет в своем дневнике:

«Захват русских портов с суши потребует три-четыре недели. Лишь тогда подводные лодки противника будут окончательно парализованы».

Блицкрига на суше не получилось, тогда флот блокировали с моря, преградив ему выход на оперативный простор минными полями. Только Финский залив был перекрыт 21 тысячей мин. Моряки прозвали Балтику «морем с клецками». За первые полгода войны из походов не вернулось 19 подводных лодок.

Щ-304 покинула Ленинград 3 июня 1942 года и вошла в состав первого эшелона, который должен был пробиваться в Кронштадт и оттуда начинать вести боевые действия. Лодки шли по специально обозначенному фарватеру, глубина которого не превышала четырех метров, так что погружение исключалось.

На переходе Щ-304 была замечена береговой артиллерией противника. Чудом ей удалось избежать попадания снарядов, но взрывные волны повредили компасы и нарушили освещение. К цели лодка все-таки пробилась. Пять дней отводилось на ремонт, и 9 июня в 22 часа Щ-304 отошла от причала. Вел субмарину в боевой поход капитан 3-го ранга Яков Павлович Афанасьев.

Свою военную службу он начинал курсантом пехотной школы, затем стал командиром пехотного взвода, пулеметной роты... Впереди была академия... Решением наркома обороны СССР часть армейских командиров, отлично сдавших вступительные экзамены, направлялась на флот. В послужной характеристике Якова Павловича отмечалось:

«Отличник учебы, способный, разбирается, в море вынослив, подводное дело любит. Может быть назначен помощником командира подводной лодки».

После войны историки подсчитали, что каждая подводная лодка на Балтике за поход не менее четырех раз подвергалась преследованию противолодочных сил врага и 48 раз пересекала линии заграждений. В среднем на каждую лодку было сброшено до 60 глубинных бомб.

Вся эта гибельная статистика коснулась и Щ-304.

13 июня залпом двух торпед лодка поразила вражеский транспорт с боевой техникой. Атака была удачной, на сторожевиках сопровождения сочли, что транспорт подорвался на мине. Лодку не заметили...

Что теперь таить, были в этом походе и ошибки еще неопытного командира. Когда на следующий день лодка вновь атаковала транс-

порт и две торпеды прошли мимо, командир приказал всплывать и готовить к бою орудия.

Командующий Балтийским флотом адмирал В. Ф. Трибуц вспоминал:

«После обстоятельного анализа всех перипетий мы тогда пришли к выводу: это решение было неправильным по многим причинам, не говоря уже о пренебрежении к скрытности пребывания лодки на позиции».

Но адмирал понимал командира:

«Они, окрыленные первым успехом, теперь восторженно ждали новых побед и тоже хотели иметь их скорее и числом поболее».

Сторожевые катера противника мертвой хваткой вцепились в лодку. Корпус Щ-304 непрерывно вибрировал и вздрагивал от ударов глубинных бомб. Лодка не могла всплыть на поверхность для зарядки аккумуляторных батарей. Экипаж испытывал кислородное голодание. Есть приходилось сухой паек.

А тут еще напасть: на одном из поворотов лодка ударилась о каменистое дно. Через поврежденные швы и вылетевшие заклепки в носовую часть стала поступать вода. Помпы справлялись с ней, но их шум был подарком для вражеских гидроакустиков.

28 июня командир лодки получил приказ на возвращение. В условленном месте лодку ждали тральщики. Пока они вели ее, в тралах взорвалось шесть мин и тринадцать было подсечено.

Командир лодки подвел итог боевого похода. Из 664 часов, которые Щ-304 провела в заданном районе, 606 часов она находилась под водой. Противник сбросил на нее больше четырех десятков серий бомб, причем в каждой серии их было по три-четыре.

- Не верится, товарищи, что нам пришлось испытать воздействие почти всех видов оружия противника, - говорил на митинге боцман А. С. Румянцев. - Но это так. Минные заграждения мы форсировали, артиллерия нас обстреливала с транспорта, самолет атаковал, катера сбрасывали много десятков бомб. Но и это оказалось не все. На переходе к базе нас пыталась торпедировать подводная лодка. Раны мы снесем, товарищи, мы их залечим. И воли у нас фашисты не убьют. Это теперь мы вправе говорить без хвастовства.

Экипаж лодки был награжден орденами и медалями. Командующий флотом назвал личный состав Щ-304 «экипажем героев».

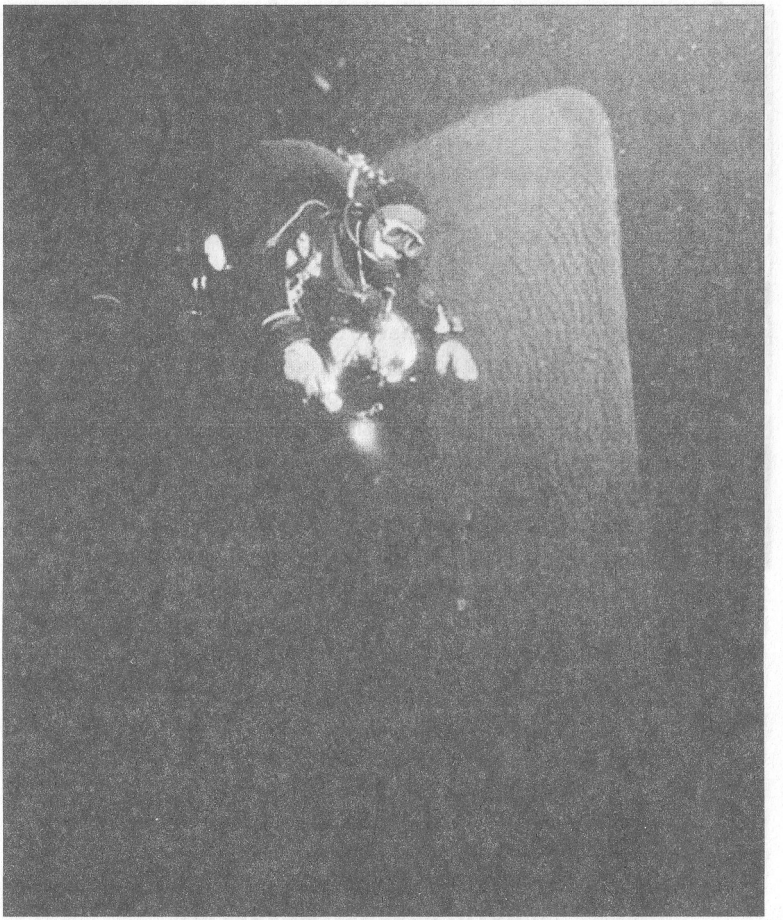
ГРИШИН Иван Александрович, родился в 1923 году в селе Островском Лысковского района Горьковской области. Рулевой, краснофлотец. Призван Сормовским РВК. Погиб на Щ-304.

ПЯТКОВ Аверьян Иванович, родился в 1920 году в городе Нижнем Новгороде. Трюмный, краснофлотец. За боевые походы награжден медалью «За отвагу». Погиб на Щ-304.

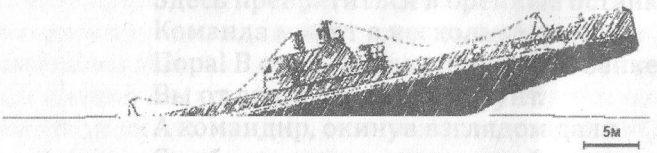
Адмирал В. Ф. Трибуц оставил о лодке след в своих воспоминаниях:

«Компания 1942 года подходила к концу, обстановка в Финском заливе и на море по-прежнему была очень сложной. Нацисты усиливали противолодочные позиции все новыми и новыми минными заграждениями, намереваясь лишить нас возможности выходить в море. Подводники продолжали наращивать удары по врагу, но, конечно, и сами несли потери.

Щ-304 направилась в северную часть Балтийского моря. Сообщений от нее мы долго не получали. Беспокоились, конечно, но верили, что какие-то помехи не дают возможности связаться с землей, верили в успех. Думали также: возможно, Афанасьев по примеру других командиров лодок сохранял радиомолчание и намеревался донести о боевых успехах лишь при возвращении на базу. Могло быть и так, что при выходе в море на лодке вышел из строя радиопередатчик, как это иногда случалось.



Финские дайверы обследуют субмарину.



По данным дайверов удалось установить положение Щ-304 на дне моря.
Фотографии команды Badewanne (Финляндия).

Позже стало известно, что Афанасьев действовал смело. До декабря ему удалось атаковать финский минный заградитель, уничтожить и повредить несколько транспортов.

Лодка, однако, не вернулась на базу. Море хранит тайну ее гибели».

Анализируя трофейные архивы, историки не обнаружили свидетельств потопления Щ-304 ни кораблями, ни самолетами противника.

На сегодняшний день установлено, что подводная лодка погибла на мине в северной части заграждения «Насхорн» после 29 октября 1942 года. «Комсомолец» был найден финнами еще в 2002 году при сканировании дна, а в 2004-м корабль был осмотрен и опознан.

Подводная лодка лежит носом на юг; носовая часть задрана вверх под углом 35-40° и возвышается над грунтом на 10 м; корма ушла в грунт. В районе рубки палуба возвышается над грунтом около метра. Перископы убраны, оба люка (верхний рубочный и в центральный пост) открыты, в рубочном тамбуре у нактоуза открыта крышка.

Вероятно, в момент зарядки аккумуляторов Щ-304 подорвалась на мине кормовой частью и быстро затонула, так как больше половины корпуса от носа видно полностью и повреждений там нет никаких. На палубе мостика найдены останки верхней вахты; видимо, моряки были пристегнуты штормтросами к ограждению рубки.

Вячеслав ФЁДОРОВ.

Память Соснового Бора

Торпедный залп, и с тоннами тротила
В отсеки лодки ринется потоп,
Лишь за секунду море поглотило
Наш осторожный зоркий перископ.
Вообразите: грохот канонады
На сорокаметровой глубине,
В таком разрезе «прелести» осады
Дают себя почувствовать вдвойне.
Здесь превратиться в бренные останки
Команда может в несколько секунд.
Пора! В стальной закупоренной банке
Вы от врага уходите на грунт.
А командир, окинув взглядом дали,
Со лба стирает выступивший пот
И отдает приказ по магистрали:
«Подводной лодке продолжать поход!»

Эти стихотворные строки принадлежат военному корреспонденту, поэту Юрию Инге, погибшему при таллинском прорыве кораблей Балтийского флота.

Строки эти вспомнили на открытии памятника подводникам в Сосновом Бору под Санкт-Петербургом. На мраморных плитах мемориала выбиты имена 1403 подводников, не вернувшихся из боевых походов.

В настоящее время из 38 погибших на Балтике подводных лодок удалось найти и обследовать всего три. Это С-7, которая погибла в Ботническом заливе, С-9 и М-95. Кстати, лодки С-7 и С-9 были построены на заводе «Красное Сормово». Они первыми встретили войну, находясь на боевом дежурстве.

Поиск остальных не прекращается. В прошлом году моряками Балтики был проведен поиск подводной лодки Щ-405. На острове Сескар были найдены тела четырех погибших подводников с этой лодки. Что за трагедия разыгралась здесь во время войны, еще предстоит выяснить.

На открытие мемориала в Сосновый Бор съехались родственники погибших моряков. Экипажи подводных лодок были укомплектованы моряками из 73 областей СССР. Приехали дети, внуки и правнуки героев-моряков...

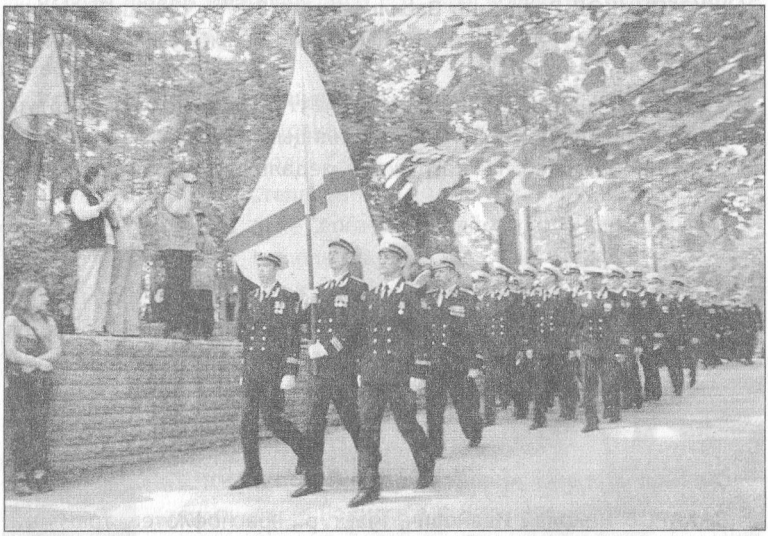
Три десятка лет восстанавливал списки погибших экипажей писатель, историк Игорь Григорьевич Алепко. Он передал редакции «Земли нижегородской» список наших земляков, чьи имена увековечены на плитах мемориала в Сосновом Бору. Имена героев-подводников перед вами. Они возвращаются к нам благодаря нашей памяти.

Нам были переданы также фотографии с открытия мемориала.

Имена наших земляков - подводников Краснознаменного Балтийского флота, погибших во время Великой Отечественной войны и увековеченных на мемориале в Сосновом Бору Ленинградской области

АГЕЕВ Константин Иванович, 1916 г. р., старшина 1-й статьи, старшина группы торпедистов. Родился в г. Горьком. Погиб 1 ноября 1941 г. на подводной лодке «Калев». Награжден медалью «За отвагу».

БЕРЕЗИН Александр Михайлович, 1919 г. р., моторист, старший краснофлотец. Родился в г. Горьком. Призван на флот Кагановичским РВК в 1939 году. Погиб 23 июня 1941 г. на подводной лодке М-78. Эта лодка стала первой жертвой войны на Балтийском флоте.



БЛАГОДАРЯЩЕВ Михаил Александрович, 1921 г. р., моторист, старший краснофлотец. Родился в с. Слободском Работкинского района. Погиб 6 января 1945 г. на подводной лодке С-4. Награжден медалями «За оборону Ленинграда» и Нахимова.

ГАЛКИН Иван Кузьмич, 1919 г. р., старший краснофлотец, рулевой. Родился в с. Капнегер Тоншаевского района Горьковской области. Погиб 27 октября 1942 г. на подводной лодке Щ-308.

ГРИШИН Иван Александрович, 1923 г. р., краснофлотец, рулевой. Родился в с. Островском Лысковского района. Погиб 29 октября 1942 г. на подводной лодке Щ-304.

ДЯГИЛЕВ Петр Иванович, 1919 г. р., старшина 2-й статьи, трюмный. Родился в с. Львовка Большеболдинского района. Погиб 1 июня 1943 г. на подводной лодке Щ-406. Награжден орденами Боевого Красного Знамени и Отечественной войны 2-й степени.

ЕВСТРАТОВ Константин Дмитриевич, 1922 г. р., краснофлотец, электрик. Родился в г. Горьком. Погиб 16 ноября 1942 г. на подводной лодке Щ-306.

ЕГОРОВ Михаил Михайлович, 1919 г. р., старшина 2-й статьи, радист. Родился в пос. Уроженец Автозавода. Погиб 21 октября 1942 г. на подводной лодке С-7. Награжден орденом Боевого Красного Знамени.

ЖУЛЕПНИКОВ Владимир Васильевич, 1918 г. р., старший краснофлотец, моторист. Родился в с. Никола-Межа. Погиб 15 июня 1942 г. на подводной лодке Щ-405.

ЗАБЕЛИН Александр Гаврилович, 1923 г. р., краснофлотец, штурманский электрик. Родился в пос. Гнилицы. Погиб 1 августа 1943 г. на подводной лодке С-12. Награжден медалью «За оборону Ленинграда».

ЗАОНЕГИН Филипп Николаевич, 1918 г. р., краснофлотец, трюмный. Родился в г. Выксе. Погиб 12 октября 1941 г. на подводной лодке С-8.

ЗАХАРОВ Николай Иванович, 1921 г. р., краснофлотец, трюмный. Родился в д. Салово Богородского района. Погиб 6 января 1945 г. на подводной лодке С-4. Награжден медалями Ушакова и «За оборону Ленинграда».

ЗИНОВЬЕВ Александр Владимирович, 1919 г. р., старший краснофлотец, кок. Родился в с. Семеть Кстовского района. Погиб 24 июня 1941 г. на подводной лодке С-3.

ЗИНЦОВ Сергей Михайлович, 1919 г. р., старший лейтенант, командир БЧ-3. Уроженец д. Токарихи Ветлужского района. Погиб 6 января 1945 г. на подводной лодке С-4. Награжден орденом Красной Звезды и медалью «За оборону Ленинграда».

ЗУЙКОВ Василий Николаевич, 1919 г. р., краснофлотец, торпедист. Родился в с. Мухтолове Ардатовского района. Погиб 5 ноября 1942 г. на подводной лодке Щ-305.

КАРПОВ Павел Андреевич, 1923 г. р., краснофлотец, трюмный. Родился в г. Горьком. Погиб 1 августа 1943 г. на подводной лодке С-12.

КАШИЧКИН Павел Васильевич, 1922 г. р., краснофлотец, моторист. Родился в д. Сосновке Чернухинского района. Погиб 13 августа 1943 г. на подводной лодке С-9. Награжден медалью «За оборону Ленинграда».

КИЛЬЧЕВСКИИ Владимир Владимирович, 1919 г. р., старший лейтенант, штурман. Родился в с. Богородском Воскресенского района. Погиб 15 октября 1942 г. на подводной лодке Щ-311.

КОЗИН Федор Иванович, 1921 г. р., краснофлотец, моторист. Родился в с. Вершинине Сергачского района. Погиб 27 октября 1942 г. на подводной лодке Щ-308.

КОКАРЕВ Петр Александрович, 1918 г. р., краснофлотец, гидроакустик. Родился в д. Кладовке Воскресенского района. Погиб 2 августа 1941 г. на подводной лодке С-11.

КОЛЕСОВ Михаил Степанович, 1919 г. р., старший краснофлотец, трюмный. Родился в д. Ачке Сергачского района Горьковской области. Погиб 6 января 1945 г. на подводной лодке С-4. Награжден медалями Ушакова и «За оборону Ленинграда».

КОМИССАРОВ Константин Павлович, 1919 г. р., старшина 2-й статьи, штурманский электрик. Родился в г. Кулебаки Горьковской области. Погиб 1 августа 1943 г. на подводной лодке С-12. Награжден орденом Боевого Красного Знамени.

КУЗНЕЦОВ Виктор Иванович, 1920 г. р., краснофлотец, рулевой. Родился в с. Кадницы. Погиб 11 сентября 1941 г. на подводной лодке П-1.

КУЗЬМИЧЁВ Петр Иванович, краснофлотец, моторист. Родился в с. Богданове Павловского района. Погиб 2 августа 1941 г. на подводной лодке С-11.

КУТАСОВ Александр Николаевич, 1911 г. р., мичман, старшина торпедистов. Родился в с. Медведеве Балахнинского района. Погиб 4 сентября 1942 г. на подводной лодке М-97. Награжден орденом Красной Звезды.

ЛАРИН Александр Николаевич, 1920 г. р., военфельдшер. Родился в д. Сарпет Дальнеконстантиновского района. Погиб 10 ноября 1941 г. на подводной лодке Щ-324.

ЛЕСИН Александр Ильич, 1918 г. р., краснофлотец, торпедист. Родился в г. Муроме Горьковской области. Погиб 13 июня 1942 г. на подводной лодке Щ-405.

ЛЯПОНИН Владимир Иванович, 1911 г. р., главстаршина, старшина трюмных. Родился в д. Остапов Городецкого района. Погиб 28 августа 1941 г. на подводной лодке С-5.

МАЛЬКОВ Борис Михайлович, 1920 г. р., старший краснофлотец, трюмный. Родился в г. Горьком. Погиб 12 октября 1941 г. на подводной лодке С-8.

НАЗАРОВ Виктор Михайлович, 1929 г. р., старший краснофлотец, моторист. Родился в г. Горьком. Погиб 1 ноября 1941 г. на подводной лодке «Калев».

НИКИТИН Арсентий Романович, 1915 г. р., старшина 2-й статьи, комендор. Родился в г. Выксе. Погиб 30 августа 1941 г. на подводной лодке С-6.

НИКОЛАЕВ Георгий Николаевич, 1921 г. р., краснофлотец, трюмный. Родился в г. Горьком. Погиб 13 августа 1943 г. на подводной лодке С-9. Награжден медалью «За оборону Ленинграда».

НИКОЛАЕВ Николай Алексеевич, 1904 г. р., мичман, старшина радистов. Родился в г. Горьком. Погиб 5 ноября 1942 г. на подводной лодке Щ-305.

НИКОЛИЧЕВ Михаил Дмитриевич, 1917 г. р., краснофлотец, штурманский электрик. Родился в с. Савцеве Чкаловского района. Погиб 14 ноября 1941 г. на подводной лодке Л -2.

НИКУЛИЧЕВ Евгений Арефьевич, 1920 г. р., краснофлотец, рулевой. Родился в д. Колоноговке Балахнинского района. Погиб 24 июня 1941 г. на подводной лодке С-3.

НИЛОВ Николай Евгеньевич, краснофлотец, трюмный. Родился в г. Горьком. Погиб 10 ноября 1941 г. на подводной лодке Щ-324.

ОСИПОВ Александр Иванович, 1918 г. р., старший лейтенант, командир БЧ-3. Родился в д. Кошкино Ляховского района. Погиб 1 мая 1943 г. на подводной лодке Щ-323. Награжден орденом Боевого Красного Знамени.

ПЯТКОВ Аверьян Иванович, 1920 г. р., краснофлотец, трюмный. Родился в г. Горьком. Погиб 29 октября 1942 г. на подводной лодке Щ-304. Награжден медалью «За отвагу».

РАЗИН Михаил Алексеевич, 1920 г. р., старший краснофлотец, торпедист. Родился в г. Горьком. Погиб 12 июля 1942 г. на подводной лодке Щ-317. Награжден орденом Красной Звезды.

РЯБИНИН Александр Петрович, 1911 г. р. старший политрук, комиссар ПЛ С-6. Родился в с. Жайск Вачского района. Погиб 30 августа 1941 г. на подводной лодке С-6. Награжден орденом Ленина.

СИПАЕВ Алексей Иванович, 1919 г. р., краснофлотец, кок. Родился в с. Работки Работкинского района Горьковской области. Погиб 13 июня 1942 г. на подводной лодке Щ-405.

СМИРНОВ Николай Павлович, 1916 г. р., старшина 2-й статьи, штурманский электрик. Родился в д. Быдрей Воскресенского района. Погиб 30 августа 1941 г. на подводной лодке С-6.

СМИРНОВ Николай Степанович, 1915 г. р., старшина 2-й статьи, комендор. Родился в д. Мостовке Сергачского района. Погиб 11 сентября 1941 г. на подводной лодке П-1.

СМИРНОВ Сергей Максимович, 1919 г. р., старший краснофлотец, электрик. Родился в Сормове. Погиб 1 июня 1943 г. на подводной лодке Щ-406. Награжден орденами Боевого Красного Знамени и Отечественной войны 2-й степени.

СТАРОСТИН Петр Васильевич, 1915 г. р. старшина 2-й статьи, трюмный. Родился в пос. Ташино (ныне г. Первомайск). Попал в плен, умер 31 октября 1943 г. Награжден орденом Красной Звезды.

ТИМАНИН Николай Михайлович, 1911 г. р., главный старшина, боцман. Родился в д. Осинки Осинковского района Горьковской области. Убит 10 июля 1941 г. на подводной лодке С-6 при авианалете на лодку в бухте Кихельконна (остров Эзель).

ТОРОПОВ Николай Андреевич, 1920 г. р., старший краснофлотец. Родился в п. Сява Шахунского района. Погиб 15 июня 1942 г. на подводной лодке М-95.

УШАКОВ Леонид Андреевич, 1920 г. р., краснофлотец, радист. Родился в д. Водской Большемурашкинского района. Погиб 5 ноября 1942 г. на подводной лодке Щ-305.

ФИЛИМОНОВ Иван Васильевич, 1919 г. р., краснофлотец, трюмный. Родился в с. Городище Вачского района. Погиб 23 августа 1941 г. на подводной лодке М-103.

ЧЕРНЯГИН Иван Иванович, 1918 г. р., краснофлотец, рулевой. Родился в с. Стексове Ардатовского района. Погиб 13 июня 1942 г. на подводной лодке Щ-406.

ШАЛАЕВ Николай Иванович, 1922 г. р., краснофлотец, рулевой. Родился в д. Константиновке Дальнеконстантиновского района. Погиб 13 августа 1943 г. на подводной лодке С-9. Награжден медалями «За отвагу» и «За оборону Ленинграда».

ШАХОВ Леонид Максимович, 1920 г. р., старший краснофлотец, моторист. Родился в д. Сартаково Богородского района. Погиб 1 мая 1943 г. на подводной лодке Щ-323. Награжден медалью «За отвагу».

ШИШКАНОВ Александр Никитич, 1920 г. р., краснофлотец, моторист. Родился в г. Горьком. Погиб 12 октября 1941 г. на подводной лодке Щ-322.

Поиск «Сокрушительного» прекратить...

История трагедии эскадренного миноносца Северного флота «Сокрушительный» - одна из самых нелюбимых нашими морскими историками тем. Долгое время она вообще замалчивалась. Ветераны флота считали ее позорной и старались не вспоминать. Они отмахивались и от вопросов молодых морских офицеров, которые хотели прояснить слухи, которые ходили на флоте. Причин для такой стойкой нелюбви было предостаточно. Одна из главных - вина большого флотского начальства.

*** Почта на эсминец «Сокрушительный».**

«Сокрушительный» погиб не от оружия противника и не в боевой обстановке. Это была авария, переросшая в катастрофу. Родственникам тех, кто служил на «Сокрушительном», сообщали, что случилось это «при выполнении боевого задания». Здесь никакого сомнения нет. «Сокрушительный» вышел выполнять боевое задание по сопровождению конвоя союзников. Но что же с ним случилось?

Сегодня есть возможность до деталей восстановить ход трагических событий. И мы это сделаем, потому что в экстремальных ситуациях всегда находятся люди, которые до конца выполняют воинский долг. На «Сокрушительном» таким человеком стал командир БЧ-3 старший лейтенант Геннадий Лекарев. Он наш земляк. На Северном флоте его имя известно, неизвестен только подвиг, который он совершил.

17 ноября 1942 года из Архангельска в Исландию вышел очередной конвой PQ-15 с сырьем в обмен на технику и продовольствие по ленд-лизу в составе 28 транспортов и 11 британских кораблей охранения.

На выходе из Белого моря к составу эскорта конвоя присоединился лидер «Баку» и эскадренный миноносец «Сокрушительный». На лидере «Баку» держал свой брейд-вымпел командир дивизиона, капитан I ранга П. И. Колчин.

К полудню 20 ноября ветер, сопровождаемый снежными зарядами, достиг ураганной силы. В условиях почти нулевой видимости транспорты и корабли охранения потеряли друг друга из виду, конвой рассеялся. Наши корабли с разрешения командира конвоя, английского адмирала, не дойдя до назначенной точки сопровождения, стали разворачиваться, чтобы следовать на базу.

В левый борт «Сокрушительного» постоянно ударяли огромные волны. Командир корабля изменил курс на 50 градусов и сбавил ход до 6 узлов.

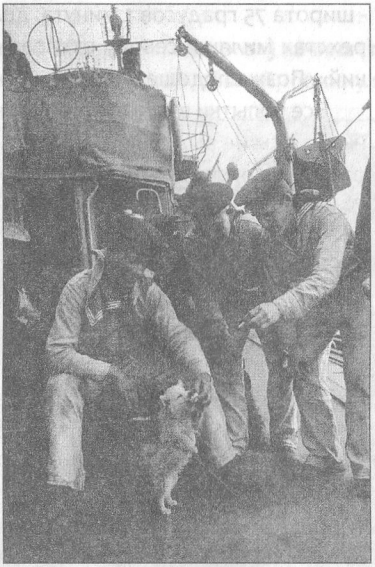
20 ноября 1942 года, 14 часов 30 минут. Не выдержав продольной нагрузки, лопнули листы настила верхней палубы между кормовой надстройкой и 130-миллиметровым орудием № 4. Одновременно образовался гофр на наружной обшивке левого борта, затем последовал обрыв обоих валопроводов гребных винтов. Через три минуты кормовая часть оторвалась и затонула, унеся с собой шесть матросов, не успевших покинуть отсеки. Вскоре последовал мощный взрыв - это сработали, достигнув заданной глубины, взрыватели глубинных бомб.

20 ноября 1942 года, 14 часов 40 минут. На лидер «Баку» была послана радиограмма об аварии с указанием координат. Экипаж «Сокрушительного» ждал помощи.

Лидер «Баку», в свою очередь, также оказался в плачевном состоянии. Нарушилась герметичность корпуса. Вода затопила все носовые помещения. Крен корабля доходил до 40 градусов. Экипаж вел напряженную борьбу за сохранение корабля, но пытался в этих условиях найти «Сокрушительный».

Из военного дневника командующего Северным флотом адмирала А. Головко:

«20 ноября. Нынче трудный день. Вышел срок автономности еще одной подводной лодки. О причинах, почему она не возвратилась, приходится лишь гадать. Возможно, подорвалась на мине. Может быть, командир не справился с управлением и лодка провалилась на большую, чем может выдержать корпус, глубину. Кто скажет, если свидетелей происшедшего нет...



Моряки эсминца с корабельным питомцем. Редкие часы досуга.

Метеосводка плохая. К двум часам ветер в Баренцевом море усилился до девяти-десяти баллов. Представляю, что происходит сейчас там, где идет конвой, возвращающийся от нас и сопровождаемый нашими кораблями: лидером «Баку» и эскадренным миноносцем «Сокрушительный»! Однако неясно, почему «Сокрушительный» отвернул от конвоя прежде срока, не дойдя до назначенной точки сопровождения. Стало это известно из проходящей радиограммы, которую командир «Сокрушительного» Курилех дал на лидер «Баку» в адрес командира дивизиона Колчина около тринадцати часов: «Отвернул от конвоя, лег на курс сто девяносто, ход пять узлов». Почему такой ход? Что-нибудь стряслось с котлами? Или сдают крепления? Предполагать беду не хочется, но майская история с «Громким», у которого на волне оторвало нос, не выходит из головы. Полтора часа гадаем, в чем дело.

... Не дожидаясь донесения, приказываю «Баку» немедленно идти на помощь «Сокрушительному». Одновременно приказываю: эскадренным миноносцам «Урицкий» и «Куйбышев», находящимся в Иоканьги, и эскадренному миноносцу «Разумный», находящемуся в Кольском заливе, идти на помощь «Сокрушительному» и, найдя его, вести в Кольский залив; спасательным судам «Шквал» и «Память Руслана», буксирному пароходу № 2 быть в готовности к выходу в море».

21 ноября 1942 года, 18 часов 15 минут. К месту «Сокрушительного» - широта 75 градусов 1 минута, долгота 41 градус 25 минут, это в четырехстах милях к северу от Иоканьги, подошли «Куйбышев» и «Урицкий». Позже подошел «Разумный», и началась спасательная операция.

Все попытки взять аварийный корабль на буксир не удались. Стальные тросы не выдерживали и рвались. Командир «Разумного» просил разрешения снять людей и отказаться от буксировки.

Много раз «Разумный» приближался к «Сокрушительному» для того, чтобы дать возможность людям поврежденного корабля перебраться на его палубу. Благополучно прыгнуть с борта «Сокрушительного» на палубу «Разумного» удалось только одному человеку.

«Куйбышев» и «Урицкий» подошли к «Сокрушительному» с разных бортов и начали спасать людей с помощью подобия канатной дороги: по натянутому стальному тросу между кораблями в перемещающейся по тросу «беседке». Таким образом на борт «Куйбышева» было переправлено 97 человек. Но стальной трос оборвался. Завели пеньковый трос, он не выдержал.

Тогда пришлось спасать людей прямо на воде при помощи спасательных кругов, к которым были привязаны пеньковые концы. Так было спасено еще 79 человек. С другого борта на «Урицкий» перебрались 11 человек.

22 ноября 1942 года, 8 часов. Дошла очередь эвакуировать тех, кто нес вахту у действующих механизмов. Но вскоре поступила команда вахту вернуть на места, надеясь все-таки спасти корабль.

22 ноября 1942 года, 15 часов. Ветер и волнение моря усилились. Волны перекатывались через палубы кораблей, угрожая смыть за борт находившихся там людей. К этому времени топлива на кораблях оставалось только на обратный переход, поэтому спасательные работы прекратили, оставив на аварийном корабле 15 человек во главе с офицерами - старшими лейтенантами Геннадием Лекаревым и Ильей Владимировым - с задачей удержать корабль на плаву до подхода буксировщиков.

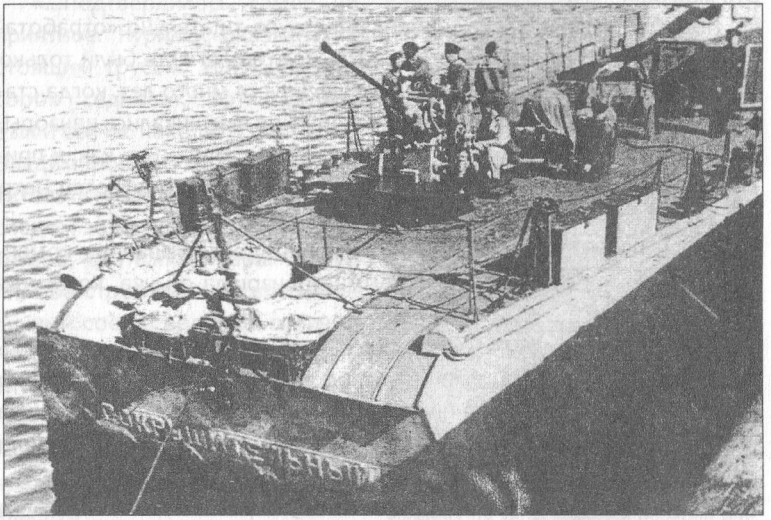
Оставшимся было обещано, что при улучшении погоды они будут сняты с аварийного корабля подводной лодкой.

Всего за время спасательной операции был спасен 191 человек. В ходе спасения погибли 18 человек.

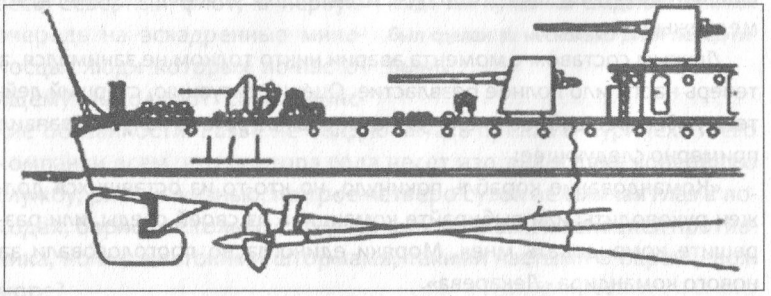
22 ноября 1942 года, 23 часа. В район аварии вышли два тихоходных тральщика, которые в 9 часов 25 ноября подошли к месту аварии. После организованного поиска тральщики ничего не обнаружили...

Из военного дневника командующего Северным флотом адмирала А. Головко:

«...Поведение Курилеха (командира «Сокрушительного») начинает проясняться. Он, нарушив устав и старый морской обычай, покинул



Оторвавшаяся во время шторма кормовая часть эсминца.



корабль чуть ли не с первой группой переправленных на «Куйбышев». А должен был уходить последним.

... Курилеха придется отдать под суд. Это, бесспорно, трус, личность без стыда и совести, не имеющая понятия ни о чести командира, ни о долге настоящего человека. Досадно, что не распознал Курилеха раньше.

Жизнь все время вносит поправки в наши представления о людях. Владимиров, Лекарев и с ними 13 человек, оставшиеся на борту «Сокрушительного», скорее всего, самые смелые люди из всего экипажа. Сердце сжимается при мысли, что именно они могут погибнуть.

... Жалею, что не послал вчера к «Сокрушительному» тральщики. Это моя ошибка».

Политработники флота и военная цензура тщательно «отработали» легенду гибели «Сокрушительного». В этой легенде были только героические страницы, и ничего больше. Спустя много лет, когда стало возможным говорить правду, в которую не вмешивались цензоры, прояснились и неприглядные страницы этой истории. Вот как, к примеру, вспоминал об одном из случаев спасшийся краснофлотец Петр Никифоров:

«В пятом десятке спасающихся оказались доктор Иванов и командир БЧ-4 Анисимов, между которыми произошла стычка, кому спасаться первому.

Этот позорный случай произошел в присутствии большого числа краснофлотцев, дисциплинированно выстроившихся на палубе, и удивительно, что возмущенные матросы не выбросили спорщиков за борт. За эти «художества» Иванов и Анисимов впоследствии угодили в штрафной батальон.

Поскольку командир корабля капитан 3-го ранга Курилех сказался больным, матросы на руках перенесли его на полубак, а затем переправили на «Куйбышев». Они и не думали, что оказывают командиру медвежью услугу.

Личным составом с момента аварии никто толком не занимался, а теперь наступило полное безвластие. Оценив ситуацию, старший лейтенант Лекарев собрал около 50 матросов на третьей палубе и заявил примерно следующее:

«Командование корабль покинуло, но кто-то из оставшихся должен руководить; или выбирайте командира из своей среды, или разрешите командовать мне». Моряки единогласно проголосовали за нового командира - Лекарева».

Вскоре в штаб флота с эсминца ушло сообщение, что на борту осталось пятнадцать человек для поддержания корабля на плаву. Старший лейтенант Владимиров толково доложил: «Подняли пары, запустили механизмы, эсминец держится хорошо».

25 ноября 1942 года, 9 часов 10 минут. Оба тральщика прибыли в район аварии «Сокрушительного» и начали поиск строем фронта, смещая галсы на восток. Поиск проводится в условиях снежных зарядов при северо-западном ветре до пяти баллов. Волнение моря четыре балла. «Сокрушительный» не обнаружен.

Из военного дневника командующего Северным флотом адмирала А. Головко:

«...Подтвердилось самое неприятное. Курилех оказался настоящим трусом. Ушел по счету сорок седьмым, хотя должен был и сейчас находиться на месте Владимирова и Лекарева. Заместитель Курилеха Калмыков ушел следом за командиром. Действительно, два сапога пара. Струсили, оба струсили, в то время как личный состав вел себя отлично. Не отстал от командира и заместитель артиллерист Исаенко. Все - честь, совесть, долг - затмила боязнь за свою жизнь. Ну что же, суд воздаст должное им. По заслугам каждому.

Именно эту фотографию и подарил Геннадий Лекарев сестре Людмиле в день, когда им пришлось свидеться. Снимок был сделан за несколько дней перед гибелью.

...Пятно из-за них легло на весь Северный флот, в первую очередь на эскадренные миноносцы, люди которых по-настоящему выполняют свои воинские обязанности. Разве не обидно читать приказ о Курилехе и его компании всем, кто полтора года несет изо дня в день конвойную службу, рискуя жизнью, по трое-четверо суток не смыкая глаз в походах, борясь не только с подводными лодками и авиацией противника, но и с жестокими штормами, такими частыми в Баренцевом море?

Непрерывная маета, конца которой не будет до завершения войны. В таких условиях выросли многие умелые, опытные, храбрые командиры - Турин, Гончар, Симонов, Беляев, Колчин и другие. И вдруг - объявился Курилех... Отвратительное исключение, но оно было.

Нет, не может это исключение заслонить в трагедии «Сокрушительного» героическую историю корабля и его людей. Владимиров и Лекарев - вот имена, которые останутся в истории флота. И не случайно, не только потому, что оба они в самый решающий момент показали себя настоящими советскими морскими офицерами. Тот же старший лейтенант Лекарев еще в сентябре, когда «Сокрушительный» находился в охранении очередного конвоя, проявил самоотверженность, спасшую корабль от аварии. Конвой тогда попал в шторм. Ударами волн на «Сокрушительном» сорвало тележки с глубинными бомбами. Пробраться к месту происшествия было невозможно без риска для жизни. Минер Лекарев добрался. Волны несколько раз сбивали его с ног, и все-таки он сумел разоружить бомбы и закрепить тележки, тем самым предотвратив возможный взрыв, последствиями которого могла быть серьезная авария корабля. Зная эти подробности биографии коммуниста Лекарева, не сомневаешься, что он выполнил свой долг до конца, так же как выполняли свой долг все, кто остался на борту эсминца.

С болью в сердце подписываю приказ по флоту: поиски «Сокрушительного» прекратить, корабль считать погибшим».

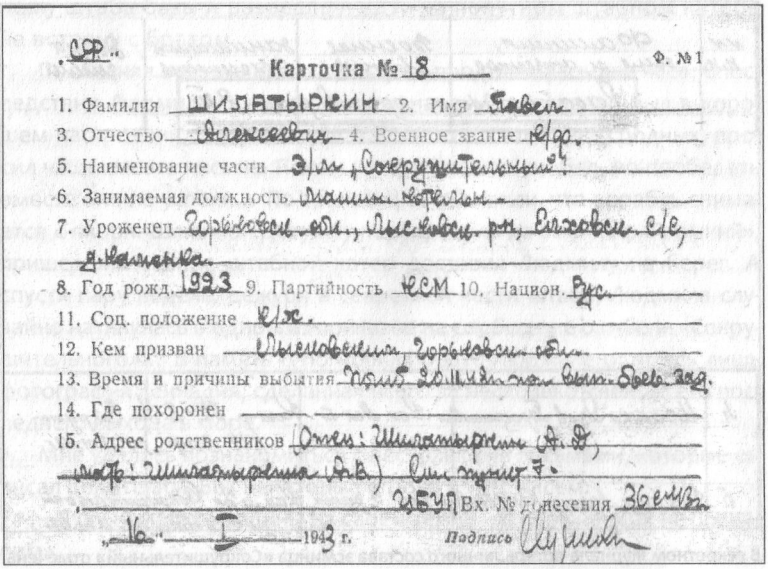
В мемуарных записях одного из бывших матросов «Сокрушительного» есть такая строчка:

«При высадке спасенных моряков на пирс офицеры «Сокрушительного» начали было командовать оставшимися в живых, но их команды повисали в воздухе, личный состав им не подчинялся».

Свою оценку поступку офицеров матросы дали. Впереди предстоял суд, который должен был определить вину каждого из офицеров.

Согласно приказу командующего Северным флотом адмирала А. Головко поиск эсминца «Сокрушительный» прекратили.

До сих пор неизвестно, как погиб «Сокрушительный». На аварийном эсминце не было радиста, и связи с кораблем не было. Как вспоминали спасшиеся моряки, «Сокрушительный» мог плавать, топлива для вспомогательных механизмов хватило бы на несколько недель, работали насосы, откачивавшие воду из трюмов. Единственная беда - корабль не мог управляться и был предоставлен штормовым волнам. Они его и добили...



„СФ"

Карточка № 18

Ф. № 1

1. Фамилия ШИЛАТЫРКИН 2. Имя Павел

3. Отчество Алексеевич 4. Военное звание к/ф.

5. Наименование части Э/м „Сокрушительный"

6. Занимаемая должность машин. котельн.

7. Уроженец Горьковск. обл., Лысковск. р-н, Елховск. с/с, д. Каменка.

8. Год рожд. 1923 9. Партийность КСМ 10. Национ. Рус.

11. Соц. положение к/ж.

12. Кем призван Лысковским, Горьковск. обл.

13. Время и причины выбытия Погиб 20.11.42 г. при вып. боев. зад.

14. Где похоронен

15. Адрес родственников (Отец: Шилатыркин А.Д., мать: Шилатыркина А.В.) См. пункт 7.

ЦБУП Вх. № донесения 36 см/з

„16" I 1943 г. Подпись

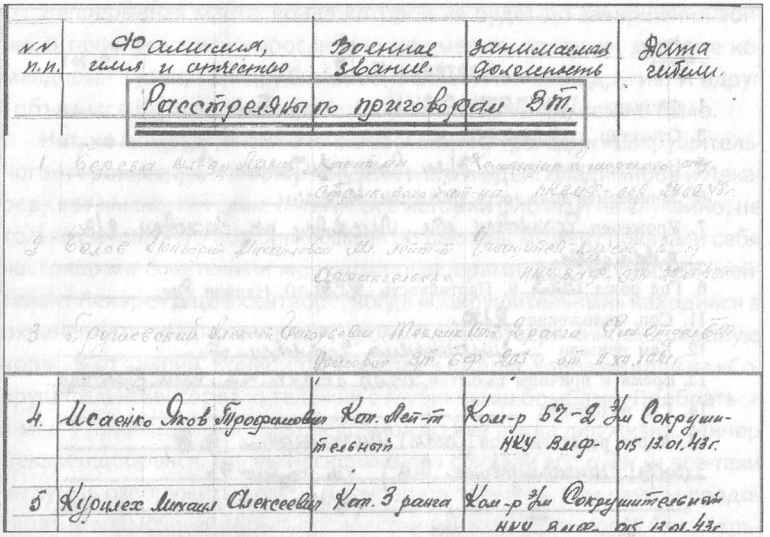
Вместе со старшим лейтенантом Геннадием Лекаревым, принявшим командование аварийным эсминцем, на корабле, в числе 15 добровольцев, остался его земляк, краснофлотец, котельный машинист Павел Алексеевич Шилатыркин. Он уроженец деревни Каменки Лысковского района.

Бытовала версия потопления неуправляемого корабля подводной лодкой противника. Но в архивах этому подтверждения пока не нашлось.

Поиск эсминца шел три недели. По расчетам дрейфа - четыре мили в час - определили приблизительное место его гибели: «широта 73 градуса 30 минут северная, долгота 43 градуса 00 минут восточная». Ныне этот район Баренцева моря объявлен памятным местом, проходя которое корабли Северного флота приспускают Андреевские флаги. Оставшиеся на эсминце матросы считаются погибшими при выполнении боевого задания.

Именами старших лейтенантов Геннадия Лекарева и Ильи Владимирова были названы тральщики, пришедшие из США в октябре 1943 года. Оба корабля отвоевали до победных залпов 1945 года. Исключены из состава флота через три десятка лет после войны.

Выяснением биографий офицеров, оставшихся на эсминце «Сокрушительный», долгое время занимался писатель-маринист Владимир Виленович Шигин. Вот что он пишет о своем поиске:



№№ п.п.	Фамилия, имя и отчество	Военное звание	занимаемая должность	Дата гибели
	Расстреляны по приговорам ВТ.			
4.	Исаенко Яков Трофимович	Кап. лей-т технической	Ком-р БЧ-2 Эм Сокрушительный НКУ ВМФ-	Сокрушительный 13.01.43г.
5	Курилех Михаил Алексеевич	Кап. 3 ранга	Ком-р Эм Сокрушительный НКУ ВМФ	Сокрушительный 13.01.43г.

В секретном журнале потерь личного состава эсминца «Сокрушительный» отмечены судьбы всех офицеров, определенные военным трибуналом. Командир корабля и его заместитель понесли самое суровое наказание.

«К сожалению, пока не удалось даже в архивах ВМФ найти сколько-нибудь полные сведения о политруке Владимирове. Что же касается старшего лейтенанта Лекарева, то в архиве имеется почему-то не его личное дело, а только служебная карточка.

Согласно этой карточке, Лекарев Геннадий Евдокимович родился в Горьковской области, из крестьян, закончил один курс Архангельского лесотехнического института и ВВМУ имени Фрунзе в 1940 году. Сразу же после окончания училища он был назначен командиром минно-торпедной боевой части на «Сокрушительный». Вместе с другими погибшими на эсминце исключен из списков ВМФ 20.01.1943 года. За свой подвиг старший лейтенант Лекарев и политрук Владимиров были награждены посмертно орденами Отечественной войны I степени.

В Иоканьгской военно-морской базе служила секретчицей сестра Лекарева Людмила. В ноябре 1942 года она получила письмо от брата. Геннадий сообщал о возможном заходе «Сокрушительного» в Иоканьгскую базу. Однако «Сокрушительный» в базу не зашел, а остался на рейде. 18 ноября Лекареву вызвали к дежур-

ному штаба базы и разрешили идти на попутном штабном катере на встречу с братом.

Последняя встреча брата с сестрой продолжалась два часа. Впоследствии Людмила Лекарева вспоминала, что Геннадий был в хорошем настроении, бодрый, веселый, много вспоминал о родных, просил чаще писать письма. Потом их пригласили на обед, но пообедать вместе они не успели... По трансляции объявили, что корабль снимается с якоря. Шлюпкой девушку переправили на эсминец «Громкий», пришедший вскоре штабной катер доставил Людмилу на берег. А спустя пару недель, дежуря в секретной части штаба, Людмила случайно наткнулась в одном из приказов на сообщение о гибели «Сокрушительного»... В память о погибшем брате Людмиле осталась лишь фотография Геннадия, сделанная всего за несколько дней до его последнего выхода в море.

Мне удалось познакомиться с несколькими письмами, которые он писал родителям. Вот некоторые строки из его писем:

«Духу немецкой гадины на своей земле, на своих водах не потерпим».

«Приходится встречаться с противником подводным, надводным и особенно часто - с вражеской авиацией».

«В одном из походов за три дня фашисты выпустили на нас 212 бомб и 14 торпед. Мы выстояли, а фашисты потеряли свыше двух десятков самолетов. Все это было далеко от берега, и наши истребители не могли помочь нам, но корабли сами справились неплохо».

Геннадий беспокоился о здоровье семьи, о работе в колхозе:

«Как у вас дела на колхозных полях? Даете ли фронту продукты питания?»

В ответ родители писали:

«Колхоз досрочно рассчитался с государством по всем показателям. Все деревенские семьи работают дни и даже ночи. Наша семья заработала почти полторы тысячи трудодней. Вы на фронте, а мы в тылу отстояли Родину. Не гулять подлому фашисту по родной земле. Бейте врага что есть мочи. Таков наш родительский наказ». И сын воевал с врагом долгие страшные месяцы».

Память о Геннадии Лекареве живет на его родной земле. В краснобаковской средней школе № 1 есть уголок, рассказывающий о подвиге земляка.

Расправа над офицерами «Сокрушительного», которые покинули эсминец в первых рядах спасавшихся, была более чем суровой. Во-

енный трибунал в тонкостях случившегося не разбирался. Был факт ухода с корабля командования - был.

В архиве ВМФ находится официальный документ, повествующий о событиях, происходивших на «Сокрушительном». В секретных пакетах он был разослан начальникам политуправлений флотов, начальникам политотделов флотилий, ВМУЗов, командирам и начальникам политотделов ВМФ.

В документе уже четко обозначено русло следствия и задача военному трибуналу:

«Народный комиссар ВМФ адмирал флота товарищ Кузнецов о поведении командира эсминца Курилеха указал, что поведение командира нарушило вековые традиции флота. Народный комиссар потребовал сурово наказать командиров, не выполнивших свой боевой долг. Виновники этого преступления отданы под суд военного трибунала и понесут беспощадную кару как подлые трусы и злостные преступники».

Какой же трибунал будет перечить народному комиссару ВМФ? Приговор гласил: командира корабля капитана 2-го ранга Курилеха и командира БЧ-2 капитана-лейтенанта Исаенко - расстрелять, старпому Рудакову и замполиту Калмыкову определить меру наказания - лишение свободы на 10 лет, командира БЧ-4 Анисимова, доктора Иванова, командира БЧ-1 Григорьева и БЧ-5 Сухарева направить в штрафной батальон на фронт.

Ветеран Северного флота контр-адмирал в отставке В. П. Лосик вспоминал, что авария «Сокрушительного» несколько раз разбиралась на занятиях командования флота с командирами кораблей в 1950-е годы. При этом, однако, разбиралось исключительно маневрирование командира эсминца в штормовых условиях, которое признавалось неграмотным как по выбранному курсу в отношении волны, так и по скорости хода. Об остальных обстоятельствах трагедии «Сокрушительного» руководители занятий особо не распространялись.

Долгие годы эсминец «Сокрушительный» был отрицательным примером и несмываемым «пятном» флота. При этом журнал боевых действий эсминца был обозначен секретным и упрятан в архив. В него никто и не заглядывал. Неизвестно было и то, как воевал эсминец до своего трагического конца. А из боев он не выходил.

С начала войны до 1 сентября 1942 года «Сокрушительный» сделал 40 боевых походов, пройдя в общей сложности 22385 миль за 1516 ходовых часов. За это время «Сокрушительный» выпустил по врагу 1639

130-мм снарядов, 855 - 76-мм, 2053 - 37-мм снаряда, в том числе по самолетам - 84 снаряда. Сбито 6 самолетов врага, два из которых сбито совместно с другими кораблями. Зенитчики «Сокрушительного» считались лучшими на всем Северном флоте. По данным, подтвержденным разведкой, артобстрелами уничтожено на берегу около 2000 солдат и офицеров противника. Эсминец участвовал в конвоировании более 200 иностранных и советских торговых судов, поставил несколько сотен мин заграждения. От боевого воздействия противника на «Сокрушительном» не пострадал ни один человек.

По боевым заслугам эсминец «Сокрушительный» считался одним из лучших кораблей Северного флота и был кандидатом на присвоение гвардейского знамени, а его командир вполне мог бы получить звание Героя Советского Союза. И это не безосновательное предположение. Эсминец «Гремящий», который по боевой результативности был вторым, заслужил гвардейское звание, а его командир позднее станет Героем Советского Союза.

Имена осужденных командиров боевых частей эсминца «Сокрушительный» всплыли из забвения только в наши дни. А надо ли было вообще вспоминать их? Война - дело жестокое, и поведение людей оценивается по жестким военным законам. Были у командира эсминца «Сокрушительный» капитана 3-го ранга Михаила Курилеха смягчающие обстоятельства, которые могли повлиять на праведный суд? Конечно, были, даже одно то, что за три месяца до случившегося он был награжден орденом Красного Знамени «за проявленное мужество и героизм». На мостике, в бою не дрогнул, а тут... Ветераны флота, служившие с ним, даже после войны, зная о его судьбе, не могли сказать о нем ничего плохого.

Есть версия, что командира эсминца матросы спасли вопреки его желанию. Мы уже знаем, что он был не совсем здоров, и матросы, подхватив его, переправили на другой корабль. Звучала ли эта версия на суде, мы не знаем, но военный трибунал и не думал рассматривать факты, которые бы смягчили участь командира. Героическому флоту нужен был пример трусости, и он его получил, но впоследствии долго скрывал это за завесой секретности.

Как сложилась судьба остальных офицеров, удалось ли им уцелеть, воюя в штрафных батальонах, неизвестно. Но если даже удалось, тяжесть вины не давала им права заявить о себе. И все-таки судьба одного из офицеров является исключением.

Смертный приговор был вынесен и старпому эсминца капитан-лейтенанту Олимпию Рудакову. Но, видимо, трибунал посчитал, что двух

жертв - командира и его помощника - хватит, и, разжаловав старпома в рядовые, отправил его на десять лет в исправительно-трудовой лагерь, а оттуда в штрафной батальон рядовым минометного взвода. Летом 1943 года судимость с него сняли как с «искупившего свою вину кровью», а это значит, что в бою он был ранен. Ему вернули офицерское звание и назначили командиром огневой истребительной противотанковой батареи «сорокопяток».

Через год он вернулся на Северный флот и тут же получил должность помощника командира эсминца «Громкий», а окончание войны встретил командиром крейсера «Мурманск». Закончил Олимпий Иванович Рудаков морскую карьеру контр-адмиралом.

Возвращение морского офицера на флот, где его считали трусом, вне всякого сомнения, можно назвать поступком нравственным и героическим. Возможно, и командование флота пересмотрело свои взгляды на ситуацию с эсминцем «Сокрушительный» и поняло, что погорячилось. Если вина командования в гибели корабля была самой минимальной - виноват шторм, то потеря пятнадцати моряков, которые остались на корабле, обеспечивая его живучесть, целиком на его совести. Можно было спасти всю команду эсминца и расстрелять обреченный корабль? Командир миноносца «Куйбышев», куда переправлялись с аварийного корабля матросы, именно так и думал поступить. Но команды с берега не последовало.

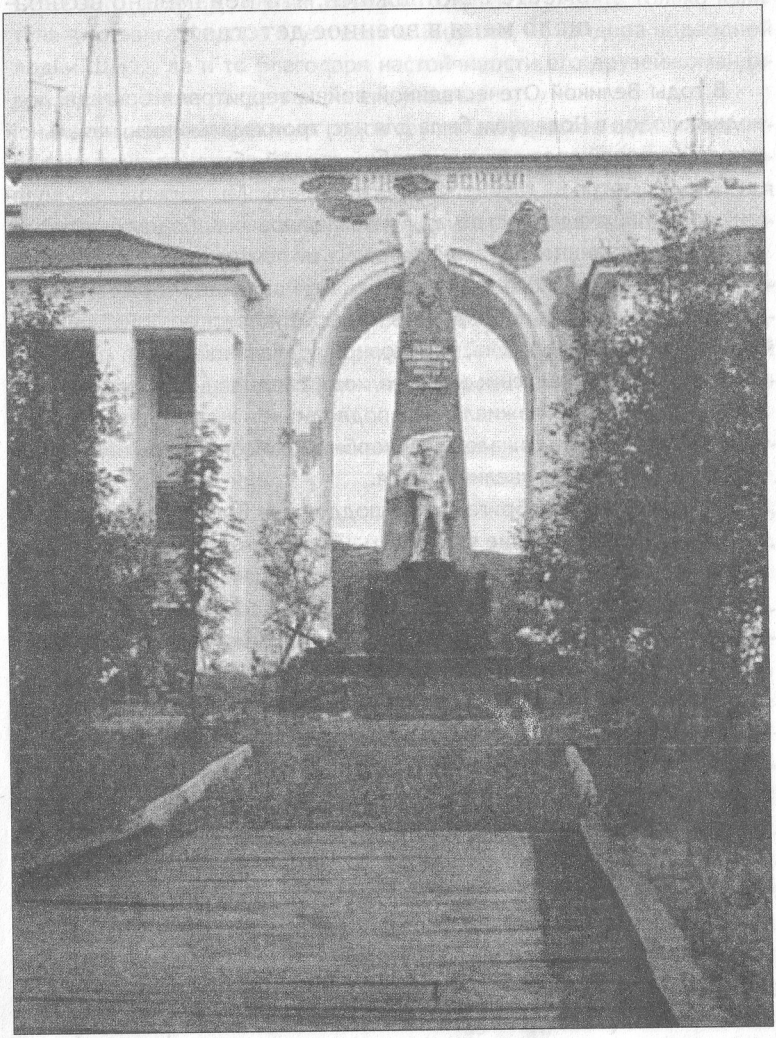
Сам командующий Северным флотом адмирал А. Головко в своих дневниках признавался в ошибках и промедлениях, которые были допущены в ходе спасательной операции. Они в конечном итоге и решили судьбы офицерского состава «Сокрушительного», грубо поделив его на героев и трусов.

История трагедии эскадренного миноносца «Сокрушительный» явила не только примеры трусости и малодушия, но и жертвенности во имя спасения товарищей. А потому неправы те, кто старается скрыть правду об этой трагической странице нашей военно-морской истории.

«Сокрушительный» был, и мы обязаны помнить о тех, кто погиб на боевых постах, выполнив до конца свой воинский и человеческий долг.

Подготовил Константин СОЛОМИН.

Из боевого похода не вернулись...



* Памятник погибшим подводникам был сооружен в г. Полярном еще во время войны.

При проходе берегов северной Норвегии я никогда не забывал, что где-то здесь, возможно под нашим килем, покоятся погибшие подводные корабли Северного флота вместе с экипажами, что неизменно возвращало меня в военное детство.

В годы Великой Отечественной войны территория бригады подводных лодок в Полярном была для нас, троих мальчишек, начальной школой суровой прозы жизни, особой средой обитания, куда мы проникали, несмотря на глухие заборы и запреты. Мы провожали уходящие корабли, мчались встречать их после первых победных залпов на входе в Екатерининскую гавань, держась на почтительном расстоянии от высокого флотского руководства. Как правило, торжественные встречи с оркестром проводились на пирсе, вплотную примыкавшем торцом к юго-восточной части основной причальной линии.

Лодка швартовалась к нему по ходу следования в гавань. Усталых, но счастливых и оживленных подводников ждал краткосрочный отдых. К глубокому сожалению, скорбный список потерь подводных кораблей продолжал увеличиваться.

Личным составом бригады при поддержке Военного совета флота было принято решение установить на территории береговой базы подплава памятник подводникам-североморцам, павшим в боях с врагом. Памятник сооружался на средства, собранные экипажами подводных кораблей. Это была первая большая скульптурная работа Льва Кербеля.

Он тщательно разработал проект памятника, выбрал удачное место. Установка его была произведена перед внушительным фасадом здания береговой казармы экипажей лодок. В ее жилых помещениях подводники отдыхали между походами, снова уходили, иные навсегда. Торжественное открытие памятника состоялось 22 июня 1944 года.

Все многочисленные высказывания на митинге, пожелания моряков сводились в основном к одному: после войны здесь будет сооружен мемориал, где в граните и мраморе золотом обозначат названия погибших подводных кораблей Северного флота с именами всех членов экипажей.

По амбициозным причинам сведения о боевых потерях флота длительное время были полностью закрыты. К глубокому сожалению,

В. А. Мясников, все его боевые соратники ушли из жизни, так и не добившись положительных результатов. Долги погибшим остались последующим поколениям.

К глубокому сожалению, из тысячи имен погибших подводников Северного флота должным образом сохранена память только капитана 3-го ранга Федора Алексеевича Видяева, командира подводной лодки Щ-422, да и то благодаря настойчивости его друзей-командиров, позже также разделивших его участь.

В начале восьмидесятых годов группа энтузиастов сделала попытку организовать строительство мемориала. Они нашли соответствующую организацию, выполнили эскизный проект, составили смету. Вся работа оценивалась в сумме 50 тысяч рублей в масштабе цен того периода. Таких денег найти не удалось.

Цена памяти экипажей двадцати трех погибших подводных кораблей Северного флота оказалась для страны слишком высокой. Предложение организовать сбор средств добровольных пожертвований разрешения и поддержки не получило. Проект остался нереализованным.

В память о погибших моряках до сих пор стоит памятник, сооруженный в военную пору.

Герман АНУФРИЕВ,
военный моряк.

Имена наших земляков - подводников Краснознаменного Северного флота, погибших во время Великой Отечественной войны

БАЖИН Виталий Георгиевич, 1920 г. р., старшина 2-й статьи. Уроженец д. Волки Тоншаевского района. Призван на флот в 1939 году Ревдинским РВК Свердловской области. Погиб на подводной лодке С-55.

БАРАНОВ Николай Григорьевич, 1919 г. р., краснофлотец, рулевой. Уроженец деревни Княжихи (ныне в черте города Нижнего Новгорода). Призван в РККФ Кагановическим РВК города Горького в 1939 году. Погиб на подводной лодке Щ-401.

БЕДИН Алексей Яковлевич, 1916 г. р., гвардии старшина 1-й статьи, командир отделения трюмных. Уроженец поселка Ближнее Песочное Выксунского района. Призван в РККФ в 1938 годуВыксунским РВК. Награжден орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды. Погиб на подводной лодке М-172.

БЕСЕДИН Петр Васильевич, 1918 г. р., гвардии старший краснофлотец. Уроженец Муромского района Горьковской области. Погиб на подводной лодке Щ-402.

БЕЛЯЕВ Николай Андреевич, 1913 г. р., капитан-лейтенант, штурман 3-го дивизиона ПЛ СФ. Уроженец деревни Урюпино Ветлужского района. В кадрах РККФ с 1933 года. Награжден орденами Боевого Красного Знамени и Красной Звезды. Погиб на подводной лодке МЩ-422.

БЕЛЯЕВ Николай Андреевич.

БОГОМОЛОВ Николай Павлович, 1919 г. р., старший краснофлотец, старший рулевой. Уроженец, вероятно, Пучежского района Ивановской области или Сокольского района Нижегородской области. Призван в РККФ в 1939 году из одного из населенных пунктов Кузнецовского сельсовета Горьковской области. Награжден орденом Отечественной войны I степени. Погиб на подводной лодке К-1.

ВАШУРИН Николай Кузьмич, 1914 г. р., гвардии старший лейтенант, командир БЧ-1, 2, 3. Уроженец Перевозского района. В кадрах РККФ с 1937 года. Награжден орденом Отечественной войны I степени. Погиб на подводной лодке М-172.

ГАЛЯНОВ Валентин Алексеевич, 1918 г. р., гвардии старший краснофлотец. Уроженец Лысковского района. Погиб на подводной лодке Щ-402.

ГОРДЕЕВ Павел Владимирович, 1920 г. р., гвардии краснофлотец, моторист. Уроженец города Ульяновска. Призван в РККФ Сормовским РВК Горьковской области в 1940 году. Награжден орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды, медалью «За отвагу». Погиб на подводной лодке Щ-422.

ДУМНОВ Федор Иванович, 1919 г. р., краснофлотец, штурманский электрик. Уроженец с. Сомедьба Сосновского района. Призван в РККФ Работкинским РВК в 1940 году. Награжден орденом Красной Звезды. Погиб на подводной лодке К-3.

ЖУКОВ Александр Михайлович.

ЖУКОВ Александр Михайлович, 1921 г. р., старший краснофлотец, старший электрик. Уроженец деревни Богомолово Лысковского района. Призван в РККФ Автозаводским РВК города Горького в 1939 году. Награжден орденами Боевого Красного Знамени и Красной Звезды. Погиб на подводной лодке Щ-403.

ЗУБНОВ Владимир Васильевич,1921 г. р., старшина 2-й статьи, командир отделения радистов. Уроженец города Вязники Владимирской области. Призван в РККФ Свердловским РВК города Горького в 1939 году. Погиб на подводной лодке М-175.

КОПНИН Николай Максимович, 1919 г. р., гвардейского экипажа лейтенант, командир группы рулевых. Уроженец деревни Вычурки Большемаресевского, ныне Гагинского района. В кадрах РККФ с 1938 года. Погиб на подводной лодке Д-3.

КАРАБАНОВ Александр Сергеевич, 1919 г. р., краснофлотец, моторист. Уроженец села Крутец Бутурлинского района. Призван в РККФ Автозаводским РВК города Горького в 1939 году. Награжден орденом Отечественной войны I степени. Погиб на подводной лодке К-1.

КАРАТАЕВ Иван Евгеньевич, 1918 г. р., краснофлотец, рулевой. Уроженец поселка Пильна. Призван в РККФ Мариупольским РВК в 1939 году. Награжден орденом Отечественной войны I степени. Погиб на подводной лодке К-1.

КОТЕЛЬНИКОВ Виктор Николаевич, 1908 г. р., капитан 1-го ранга. Уроженец г. Богородска. Призван на флот в 1923 году. Кадровый состав. Награжден орденами Ленина и Боевого Красного Знамени.

КРЕСТИН Василий Ильич, 1921 г. р., гвардии краснофлотец, торпедист. Уроженец г. Выксы. Погиб на подводной лодке К-22.

КУЗНЕЦОВ Николай Иванович, 1921 г. р., старшина 2-й статьи, командир отделения мотористов. Уроженец Свердловской области. Призван в РККФ Кагановическим РВК города Горького в 1940 году. Погиб на подводной лодке М-108.

МАЛОВ Николай Николаевич, 1920 г. р., гвардейского экипажа краснофлотец, рулевой. Уроженец села Красного Арзамасского района. Призван в РККФ в 1940 году. Награжден орденом Красной Звезды. Погиб на подводной лодке Д-3.

МАЛЫШЕВ Виктор Никандрович, 1920 г. р., краснофлотец, уроженец д. Чудово Семеновского района. Призван Ждановским РВК города Горького. Погиб на подводной лодке С-55.

МАРТЫНОВ Аркадий Васильевич, 1916 г. р., старший инженер-лейтенант, командир БЧ-5. Уроженец города Нижнего Новгорода. В кадрах РККФ с 1935 года. Награжден орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды, медалью «За отвагу». Погиб на подводной лодке В-1.

МОРОЗОВ Виктор Семенович, 1915 г. р., старший краснофлотец, старший моторист. Уроженец деревни Игумново Кстовского района. Призван в РККФ Лысковским РВК Горьковской области в 1937 году. Награжден медалью «За боевые заслуги». Погиб на подводной лодке Щ-401.

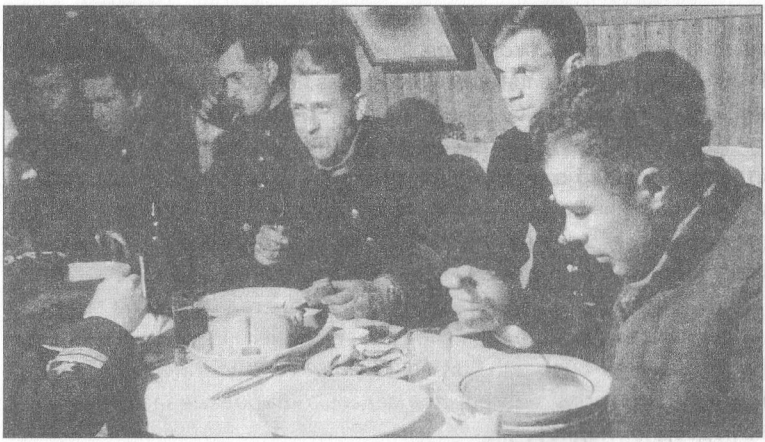
РОЩИН Михаил Сергеевич, 1916 г. р., гвардейского экипажа старшина 2-й статьи, командир отделения трюмных. Уроженец города Горького. Призван в РККФ в 1938 году Сталинским РВК Горьковской области. Награжден орденом Красной Звезды. Погиб на подводной лодке Д-3.

САВЕЛЬЕВ Владимир Васильевич, 1918 г. р., старший краснофлотец, старший электрик. Уроженец с. Яковлева Бутурлинского района. Призван в РККФ в 1938 году Балахнинским РВК. Погиб на подводной лодке К-2.

СЕМИН Петр Федорович, 1919 г. р., гвардии старшина 2-й статьи, командир отделения рулевых. Уроженец села Малая Федоровка Хвалынского района Саратовской области. Призван в РККФ Кагановичским РВК города Горького в 1940 году. Награжден орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды. Погиб на подводной лодке Щ-422.

СИТОВ Виктор Алексеевич, 1918 г. р., краснофлотец, старший комендор. Уроженец города Балахны Нижегородской области. Призван в РККФ Балахнинским РВК в 1940 году. Награжден орденом Отечественной войны I степени. Погиб на подводной лодке К-1.

СМИРНОВ Иван Александрович, 1916 г. р., старшина 1-й статьи, старшина группы мотористов. Уроженец Шарангского района Нижегородской области. Призван в РККФ Шарангским РВК в



Обед в кают-компании К-22. Крайний справа - командир подлодки, наш земляк, капитан 1-го ранга В. Н. Котельников. Лодка не вернулась с боевого задания 7 февраля 1943 года.

1938 году. Награжден орденом Боевого Красного Знамени. Погиб на подводной лодке М-176.

СЫЧЕВ Владимир Алексеевич, 1919 г. р., гвардии старший краснофлотец, старший моторист. Уроженец села Ветошкина Гагинского района. Призван в РККФ в 1939 годуЛенинским РВК города Горького. Награжден медалью «За отвагу». Погиб на подводной лодке М-174.

ТЕРЕХОВ Степан Федорович, 1915 г. р., гвардейского экипажа старший краснофлотец, старший моторист. Уроженец Большемаресевского, ныне Гагинского района. Призван в РККФ Лукояновским РВК Горьковской области в 1938 году. Награжден медалью «За боевые заслуги». Погиб на подводной лодке Д-3.

ТРОИЦКИЙ Николай Дмитриевич, 1911 г. р., краснофлотец, моторист. Уроженец города Нижнего Новгорода. Призван в РККФ из запаса в 1941 году Ждановским РВК города Горького. Погиб на подводной лодке Л-16.

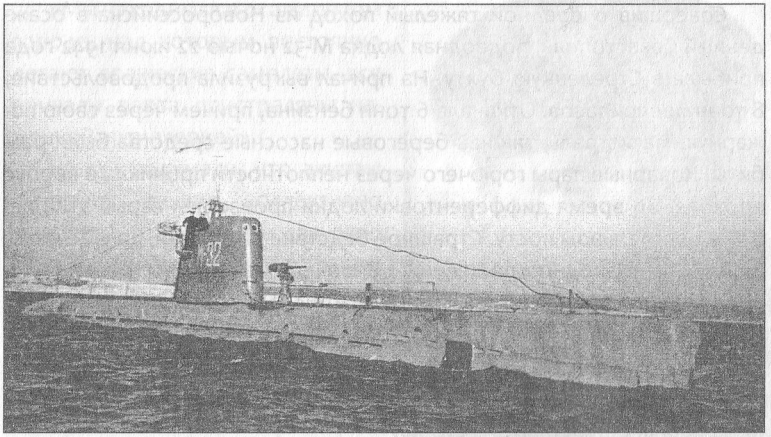
ХОХЛОВ Николай Алексеевич, 1920 г. р., краснофлотец, рулевой. Уроженец города Богородска. Призван в РККФ Сталинским РВК города Горького в 1940 году. Награжден медалью «За отвагу». Погиб на подводной лодке М-173.

ЧЕРВЯКОВ Евгений Анисимович, 1916 г. р., старшина 2-й статьи, командир отделения мотористов. Уроженец города Курска. Призван в РККФ в 1938 году Сталинским РВК города Горького. Погиб на подводной лодке М-121.

ШУМИХИН Анатолий Васильевич, 1919 г. р., гвардии старшина 1-й статьи, командир отделения акустиков. Уроженец рабочего поселка имени Калинина Ветлужского района. Призван в РККФ в 1939 году. Награжден двумя орденами Боевого Красного Знамени и медалью «За отвагу». Погиб на подводной лодке М-172.

ШУРЫГИН Алексей Петрович, 1921 г. р., гвардейского экипажа краснофлотец, радист. Уроженец деревни Инеги Семеновского района Ивановской области. Призван в РККФ Сормовским РВК города Горького в 1940 году. Награжден медалью «За боевые заслуги». Погиб на подводной лодке Д-3.

ЯШИН Александр Алексеевич, 1919 г. р., гвардии краснофлотец, моторист. Уроженец города Дзержинска. Призван в РККФ Дзержинским РВК в 1940 году. Награжден орденами Великой Отечественной войны I степени и Красного Знамени и медалью «За боевые заслуги». Погиб на подводной лодке Щ-422.



Трагедия на дне моря

ИЗ БИОГРАФИИ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ М-32

Подводная лодка М-32 была заложена в 1939 г. в Горьком на заводе № 112 («Красное Сормово»). В начале ноября 1940 г. вошла в состав Черноморского флота.

Принимала активное участие в боевых действиях: несла позиционную и дозорную службу у берегов Крыма и Кавказа. Также участвовала в снабжении Севастополя: совершила два рейса, доставив 14 т боеприпасов, 1,5 т продовольствия и 5,8 т бензина.

*** Еще одна военная сормовичка М-32. Ее боевая судьба - Черноморский флот. (Этот снимок лодки сделан после войны.)**

Совершив очередной тяжелый поход из Новороссийска в осажденный Севастополь, подводная лодка М-32 ночью 22 июня 1942 года прибыла в Стрелецкую бухту. На причал выгрузила продовольствие, 8 тонн боеприпасов. Откачала 6 тонн бензина, причем через свою пожарную магистраль, так как береговые насосные средства были разбиты. Коварные пары горючего через неплотности проникли в корпус корабля. Во время дифферентовки лодки произошел взрыв этих паров в центральном посту. Страшное бедствие для лодки, да еще находящейся в подводном положении. Впрочем, моряки быстро ликвидировали последствия взрыва и пожара, что спасло корабль от гибели.

Командир приказал: «Продуть среднюю!», что немедленно выполнил инженер-капитан-лейтенант Дьяконов. У него и еще четверых членов экипажа были обожжены руки и лицо. Сделав перевязки и превозмогая боль, они остались в строю.

После устранения неисправностей подлодке надо было выждать время для безопасного вечернего выхода в открытое море. Ей следовало лежать на грунте в течение 16 часов, то есть с раннего утра до 21 часа. А в это время отсеки все больше насыщались парами остатков бензина, которые пагубно действовали на людей. Большинство личного состава и пассажиры впали в обморочное состояние.

Держались трое - командир лодки капитан-лейтенант Н. Колтыпин, старшина группы мотористов Н. Пустовойтенко и краснофлотец С. Сидоров, секретарь корабельной парторганизации. В висках сильно стучало, в глазах плыли и вертелись радужные круги. Колтыпин долго смотрел на циферблат глубиномера и никак не мог понять, который был час.

Подошедший Пустовойтенко посоветовал: «Товарищ командир, вам надо отдохнуть, до всплытия еще есть время».

«Хорошо, - ответил тот, - вот только еще раз обойду все отсеки и проверю состояние людей».

И обнаружил чудовищную картину: в относительно нормальном состоянии были единицы, остальные или дремали, или бродили, как изрядно опьяневшие. Электрик Кижаев ходил, пошатываясь, и кричал: «Что это все значит?» Моторист Бабич пел и плясал, акустик Кантемиров лежал на настиле и плакал, выговаривая непонятные слова.

На лодке были девушки, они умоляли всплыть и пустить в лодку свежего воздуха. Командир объяснил, что сейчас этого делать нельзя. Подлодка пришла сюда скрытно, доставив боеприпасы и другие важные для севастопольцев грузы.

«Мы находимся в осажденном городе, над которым постоянно летают вражеские самолеты, все причалы порта пристреляны немецкой артиллерией».

«А мы подумали, что экипаж почему-то решил коллективно умереть... - признались девушки. - И просили матросов, чтобы нас застрелили».

Командир приказал: «Всем лежать и отдыхать, лишних движений не делать, сохранять силы. Вечером всплывем, проветрим помещения, подышим свежим воздухом и пойдем в Новороссийск». А пока, чтобы поддержать людей, пустил немного воздуха из аварийных баллонов.

Капитан-лейтенант Николай Александрович Колтыпин, командир М-32 с июня 1940 по апрель 1944 года, награжден тремя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды, медалями.

Когда Колтыпин почувствовал, что и сам уже не выдерживает, приказал Николаю Пустовойтенко, который держался лучше других, не спать и в 21 час, когда наверху стемнеет, разбудить его. «Иначе все уснем навсегда».

Временами командир просыпался, разговаривал со старшиной, узнавал, что на борту все по-прежнему, и снова впадал в забытье. Главстаршине помогал краснофлотец Сидоров, который понемногу перебирался из отсека в отсек, подбадривая товарищей. Как старослужащий моряк, он заметил, что взятый с берега инженер-механик Медведев (в помощь обгоревшему Дьяконову), не отдавая себе отчета в действиях, пытался отдраить люки в первом и шестом отсеках. И это в подводном положении, что грозило немедленным затоплением лодки. Правда, давление 35-метровой толщи воды не позволило ему это сделать. И все же немного отдраенный люк шестого отсека потом дал о себе знать.

Теряя силы, Пустовойтенко продержался до 21 часа, после чего и начал будить командира, но тот встать пока не мог. Тогда он с трудом перетащил командира на центральный пост и, пока тот не очнулся,

решил действовать. Сам себе громко скомандовал: «Продуть балласт средней!»

Когда лодка всплыла под рубку, открыл люк и от удара свежего воздуха на какое-то мгновение потерял сознание, еле успел снова задраить люк. И упал вниз! Полувсплывшую лодку отнесло течением к каменистому берегу в районе Херсонесского маяка. Гибель ее казалась неизбежной.

От удара о стальной настил Николай пришел в себя и решил вытащить командира наверх, отдраить люк и пустить в ход судовую вентиляцию. Пока командир пробуждался, он задраил люк шестого отсека, открытый очумевшим Медведевым, и откачал просочившуюся воду. Затем продул весь главный балласт - лодка всплыла в надводное положение.

Свежий воздух бодрил. Над головой стояло чистое звездное небо. Пробуждающиеся моряки поняли: это была победа над подводной ловушкой.

Где-то стреляли, на горизонте вспыхивали орудийные залпы. Фашисты злобствовали - уже восемь месяцев они не могли взять морскую крепость.

Наконец Колтыпин смог приступить к своим обязанностям. Поскольку лодка стояла носом к берегу, он приказал дать ход назад. Но электрик Кижаев поступил наоборот, и она села на камни. Это было в час ночи 24 июня. Капитан-лейтенант немедленно спустился вниз, и Кижаев сказал в свое оправдание: «Товарищ командир, наша лодка должна идти только вперед, назад нельзя, там фашисты». Видимо, сознание моряка не совсем еще прояснилось, поэтому командир приказал главному старшине стоять у станции и обеспечить правильное исполнение его команд. Однако батарея уже разрядилась. В этот тяжелый момент очнувшийся и прибывший на пост рулевой Гузий посоветовал: «А что, товарищ командир, если мы рванем дизелями?»

Пришлось принять эту крайнюю меру. Вездесущий Пустовойтенко тут же нашел и растолкал моториста В. Щелкунова. Вместе они приготовили двигатели и по команде дали с места (рванули!) 600 оборотов. Лодка прошуршала по камням и вышла на чистую воду.

С поврежденным вертикальным рулем кое-как удавалось держать корабль на курсе. Обогнув Херсонесский маяк, вышли с минного поля и взяли курс на Новороссийск.

В пути от работы двигателя наладилась вентиляция, люди стали постепенно приходить в себя. Вышел на центральный пост штурман старший лейтенант К. Иванов. Он вел прокладку маршрута на карте,

Плакат, посвященный подвигу главстаршины Николая Пустовойтенко.

подменял командира на вахте. Зная, что на переходе возможны погружения, включили батарею на зарядку от двигателя. Опять-таки не без помощи Николая Пустовойтенко, хотя тот за это не отвечал. Электрик, главный старшина Федоров, все никак не приходил в сознание, хотя и был вынесен наверх, ближе к свежему воздуху. Задачу успешно выполнил старшина второй статьи Ермаков вместе с Пустовойтенко. И очень своевременно, ибо на этом приключения М-32 не закончились.

Сигнальщики несколько раз обнаруживали немецкие самолеты. И тогда подлодка укрывалась в глубинах Черного моря, постоянно маневрируя, сбивая с толку противника. Глубинные бомбы рвались вдалеке, не повреждая субмарину. Когда шли уже спокойными милями,

командир прибыл на пост Н. Пустовойтенко. В знак благодарности пожал ему руку, крепко обнял. «Молодец, Николай, ты настоящий мужественный подводник. Без тебя мне трудно было бы. Заслуживаешь большой награды».

Утром М-32 ошвартовалась у причала Новороссийского порта. Капитан-лейтенант Колтыпин доложил командиру бригады о выполнении боевого задания. А о некоторых приключениях во время плавания, особенно в Севастополе, обещал доложить более подробно позднее.

В служебный разговор неожиданно вмешались девушки, сказавшие, что вопреки предубеждению о недопустимости на боевом корабле женщин их присутствие среди моряков помогло избежать большой беды. Улыбаясь, Николай Колтыпин подтвердил сказанное и добавил, что девушки спокойно перенесли все тяготы похода, помогали морякам на камбузе, ухаживали за ранеными.

Высокую оценку боевому мастерству и выносливости подводников дал нарком Военно-морского флота адмирал Н. Кузнецов.

«Условия доставки боеприпасов, других грузов и героизм, проявленный при этом личным составом подводной лодки М-32, характерны для всех кораблей, осуществлявших снабжение Севастополя во время осады».

К сожалению, подробности этого подвига долгое время скрывались под грифом секретности. Рассказ о них черноморцы передавали из уст в уста, а в специальной литературе упоминались лишь в общем плане.

Известный писатель-маринист Леонид Соболев поведал об этом случае в своем рассказе «Держись, старшина», не называя ни одного имени, ни одной фамилии. Значит, автора предупредили - дело секретное.

Но почему героизм подводников скрывали? Видимо, из-за массового отравления парами бензина. Но это же не их вина, а тех начальников, которые додумались транспортировать такое летучее вещество на подводной лодке.

Главный старшина Николай Пустовойтенко был удостоен ордена Боевого Красного Знамени.

Подводная лодка М-32 за годы войны совершила 13 боевых походов под командованием капитан-лейтенанта Николая Колтыпина, за что тот был награжден пятью орденами и медалями.

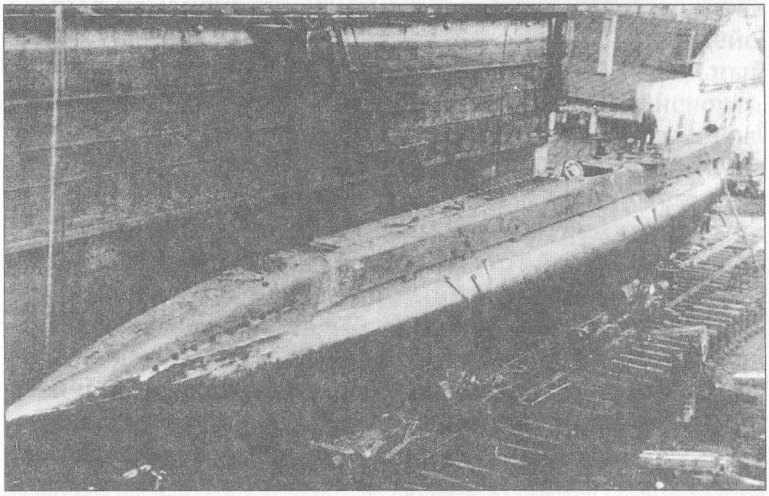
Леонид ЧЕРНОУСЬКО,
фронтовой корреспондент на Черноморском флоте
и Дунайской флотилии.

Послесловие к подвигу

Ноябрь 1942 года. М-32 готовят к ремонту. Ее и еще пять «Малюток» для Северного флота по Закавказской железной дороге отправляют в Баку.

Везут двумя эшелонами на очень малой скорости: пути в предгорьях были слабыми, тоннели - низкими. Даже маленькие подлодки могли задеть их своды или стены. Все-таки за шестеро суток подлодки доставляют в нефтяную столицу, к которой рвались фашисты.

М-32 со всеми предосторожностями провезли по узким улочкам Баку, иногда ломая стены домов, и с трудом спустили в док. Но он был слишком тесным даже для маленького судна. А вскоре стало ясно, что здесь ее не отремонтировать - нет специалистов по подводным лодкам. Надо везти «Малютку» из Баку в Горький, а ближайшие пути на север опасны из-за военных действий. Из-за этого же не стали отправлять в Мурманск пять других подлодок – их поездами вернули обратно в Поти (на Черном море). Израненную же «Малютку» решили все-таки от-



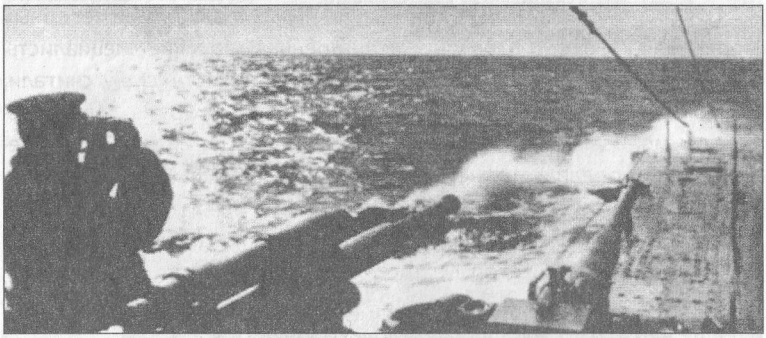
М-32 была перевезена в Баку, где ее подготовили к транспортировке в Горький.

везти на ремонт кружным путем в Горький. Но какая дальняя дорога предстояла ей!

Извлечь из тесного дока М-32 было невероятно сложно. Даже пытались спустить в док саму платформу, закрепить на ней подлодку и вытащить их вместе. Железнодорожники категорически отказались от этой затеи - побывавший в воде вагон-транспортер ненадежен. И «Малютку» решили отбуксировать через весь Каспий в Красноводск. Соорудив специальный пирс, лодку подняли на транспортер. Это было сделано лишь в начале февраля 1943 года – через три месяца после начала странствий М-32. Потом она отправилась через пустыни и степи по маршруту Красноводск – Джусалы – Кинель – Красный Узел – Арзамас – Горький.

После ремонта на заводе «Красное Сормово» 15 ноября 1943 года лодку отправили обратно на Черное море более коротким, но опять же железнодорожным маршрутом: через Пензу, Поворино, Сталинград, Армавир, Баку. Путь занял 15 суток, и 30 ноября эшелон прибыл в Поти. Боевая «Малютка» вновь встала в боевой строй и верно служила Родине до 1953 года, когда была списана.

Елибай ДЖИКИБАЕВ.



Подледный капитан

Из боевой летописи Северного флота:
«3 февраля 1943 года К-22 вышла в совместный с К-3 боевой поход. На гвардейской К-22, командиром которой был назначен капитан 3-го ранга В. Ф. Кульбакин, шел командир дивизиона подводных лодок капитан 1-го ранга В. Н. Котельников. До 7 февраля лодки действовали совместно, а затем в начавшийся сильный шторм связь была потеряна. Потопив 2 транспорта, К-3 14 февраля возвратилась в базу. Но победы не радовали в эти дни моряков бригады. Всех тревожила судьба боевых друзей-гвардейцев с К-22. Вышли все сроки ожидания, и североморцы вынуждены были смириться с мыслью о том, что этот боевой поход для К-22 оказался последним. Предположительно, лодка погибла 7 февраля 1943 года в районе мыса Харбакен, вероятнее всего в результате аварии. Вместе с героическим экипажем погиб замечательный подводник гвардии капитан 1-го ранга Виктор Николаевич Котельников».

*** К-22 на ходу. Снимки сделаны с площадки носового 45-мм орудия.**

Советские подводные лодки обосновались в акватории северных морей в 1933 году. К этому времени военные морские специалисты еще вели споры о том, придутся ли они там к месту. Одни считали, что полярные льды скуют и ограничат их действие. Другие, а это в основном молодые командиры подводных лодок, были настроены решительно и горели желанием побороться со льдами. Точнее, даже не побороться, а найти в них союзников.

Первое, что надо было освоить, плавание во льдах. Это было трудно, но с приобретением опыта достижимо.

А вот дальше...

Еще в 1926 году журнал «Морской сборник» писал:

«Прогресс подводной техники может со временем создать такие подводные корабли, которые смогут ходить подо льдами, но пока можно ожидать встречи с подводными лодками только у кромки льда или в ближайшей полосе льдов у кромки. Невозможность проводки во льдах миноносцев и подводных лодок лишает флот, действующий в направлении «изо льда к воде», в зимнюю кампанию этих существенных участников войны».

Так был сформирован один из главных тактических маневров североморских подводных лодок - «изо льда к воде».

Но пройдет долгих 12 лет, прежде чем его удастся осуществить, появятся первые подводные лодки, способные противостоять льдам.

Тактический маневр тоже оружие. Его освоение - путь к победе. История советского, а затем и российского подводного флота знает десятки походов субмарин под арктическими льдами к Северному полюсу. Подводники не ходят ради рекордов и мировых достижений. О многих подобных походах мы не знаем до сих пор, они засекречены.

Тактический маневр давно стал частью стратегии Северного флота России в вооруженном противостоянии ядерных держав.

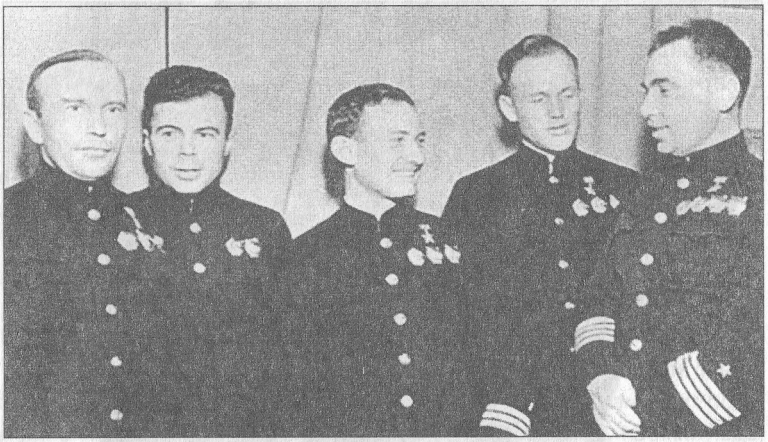
И поэтому есть смысл вспомнить о человеке, который стал первым в истории мирового флота подледным капитаном, - о командире советской подводной лодки Д-3 «Красногвардеец» Викторе Николаевиче Котельникове.

В начале февраля 1943 года две североморские подводные лодки К-3 и К-22 готовились к сложному боевому эксперименту. Необходимо было отработать методику совместных действий на боевой позиции.

Подводные лодки, как правило, действовали в одиночку, находясь в свободном поиске там, где проходили фашистские конвои. Если

Виктор Николаевич Котельников.

даже авиационная разведка обнаруживала идущие транспорты, то штаб базы не мог сообщить о них какой-то конкретной подводной лодке. Кодированная радиограмма посылалась на авось - кто примет.



Слева направо: командир ордена Ушакова 1-й степени Краснознаменной бригады подводных лодок капитан 1-го ранга Иван Александрович Колышкин; командир подводной лодки К-22 капитан 3-го ранга Виктор Николаевич Котельников; командир подводной лодки М-172 капитан 2-го ранга Израиль Ильич Фисанович; командир подводной лодки М-171 капитан-лейтенант Валентин Георгиевич Стариков; командир подводной лодки Щ-421 капитан 3-го ранга Николай Александрович Лунин.

Лодки, находившиеся в подводном положении, принять радиосигнал не могли. Свободный поиск конвоев занимал основное время похода подводных лодок, и зачастую, пробыв положенное время в море, лодка возвращалась ни с чем.

Зимой, при плохой видимости, одиночная лодка могла пропустить конвой, не увидев его в тумане или в снежной мгле.

Весной и летом, когда над северными морями стоит полярный день, лодки не рисковали подходить к вражеским берегам. Для зарядки аккумуляторных батарей необходимо было всплывать, а показаться на глаза наблюдателю береговых батарей - верная смерть.

Удар двумя лодками по конвою был бы весьма эффективен. Заняв точную позицию и договорившись между собой, можно было выбить все корабли конвоя, а не один-два, как успеется.

В штабе бригады эксперимент тщательно проработали, экипажи прошли тренировки. Выбор пал на две однотипные крейсерские лодки, быстроходные и маневренные, с хорошим артиллерийским вооружением.

На К-22 отправлялся в поход командир первого дивизиона подводных лодок капитан 2-го ранга Виктор Николаевич Котельников.

Только в октябре минувшего года он уступил командный пост этой лодки, а потому хорошо знал экипаж и возможности подводного корабля. Приняв К-22 перед самой войной на Балтике, Котельников перегнал ее в Заполярье. Почти два месяца скиталась лодка по морям, пока не прибыла в пункт назначения.

За год войны на Севере К-22 под командованием Котельникова семь раз выходила в боевые походы и одержала восемь побед. Лодка стала гвардейской, а ее командир был награжден орденом Ленина.

И вот 3 февраля две лодки покинули бухту своей стоянки. Дальше события развивались следующим образом.

6 февраля пришло первое донесение с К-3. В шифровке сообщалось, что произошла первая встреча с вражеским конвоем и одержана первая победа.

7 февраля с К-3 поступило тревожное сообщение: «...Контакт с К-22 потерян».

Память о подводной лодке Д-3, которой командовал Виктор Котельников, увековечена в почтовой марке.

В заданный район, предусмотренный на случай потери контакта, К-22 не пришла.

В боевом походе могло случиться всякое. Самым слабым звеном на подводных лодках была связь. На К-22 могло что-то произойти, и она могла лишиться возможности об этом сообщить. Такая ситуация рассматривалась на тренировках. Тогда лодка могла идти в базу, минуя район встречи. Оставалось ждать дня прихода в базу или шифровок из штаба.

Находившийся на борту К-3 командир бригады подводных лодок принимает решение действовать самостоятельно.

13 февраля лодка К-3 вернулась в Полярный. Дважды прогремело над ее палубой орудие. Так подводники сообщали о своих победах. Экипаж ждал жареный поросенок и теплый вечер с положенными «наркомовскими» в офицерском клубе.

К-22 из похода так и не вернулась. Огонек надежды не угасал долго...

После войны были тщательно проанализированы трофейные документы военно-морских сил Германии. Думали, что там найдется упоминание о гибели лодки, но они молчали.

Вполне возможно, что лодка погибла из-за каких-то технических неполадок.

В «похоронках» на экипаж штабные канцеляристы отписали: «похоронен в море».

В автобиографии, сохранившейся в личном деле, Виктор Николаевич Котельников писал:

«Родился в 1908 году в гор. Богородске Нижегородской губернии (Горьковский край) в семье служащего. Отец до Октябрьской революции работал приказчиком в магазине Б. Люблинова, после революции - в разных государственных учреждениях того же города.

В 1906 году отец был сослан на два года царской охранкой в Вологодскую губернию как политический. Причина ссылки была в том, что отца выбрали секретарем одного собрания, где обсуждались нужды сельской общины. В 1916 году он был взят на войну. В 1928 году умер от туберкулеза. Мать из крестьян, домохозяйка».

Виктору Котельникову удалось окончить девять классов, поработать в райкоме комсомола и по комсомольской путевке поступить в Военно-морское училище имени М. В. Фрунзе.

В неполные двадцать он стал штурманом. В двадцать шесть примет под командование лодку Д-3 («Красногвардеец»). К этому вре-

мени Виктор Котельников уже имел большой опыт морских походов. Еще будучи курсантом, он проходил практику на учебных судах в Германии и Норвегии.

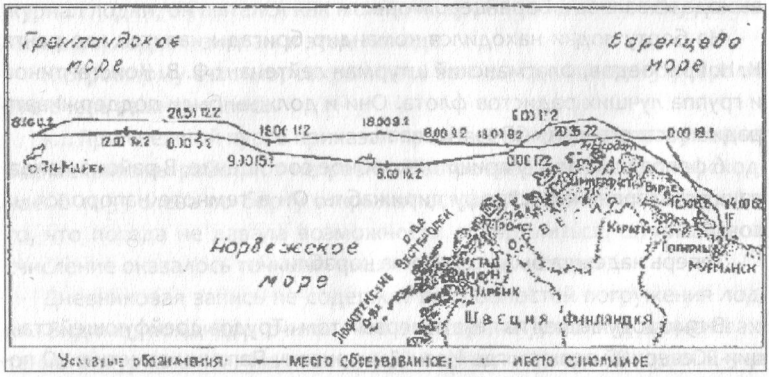
Среди моряков-подводников имя Виктора Котельникова хорошо известно. В городе Полярном, где он служил долгое время, есть улица его имени. Улица Котельникова есть и в Богородске. Ходит по северным морям плавучая база «Виктор Котельников». Ну и, конечно, есть об этом человеке материалы во многих морских музеях. А на стендах можно увидеть его фотографию. И везде он с трубкой. Без трубки его трудно представить. Заядлым курильщиком его не назовешь - в подводных лодках не курят, но прокопченную трубочку посасывать можно. Да и не только прокопченную... Всякий раз перед походом он покупал в военторге несколько трубок, зная, что не каждой суждено будет вернуться из похода. Сколько их упало за борт и лежит на морском дне.

Сослуживцы Виктора Николаевича говорили, что в экипаже матросы назначали одного из матросов смотрителем командирских трубок. Он должен был выносить на мостик новую, если предыдущая падала за борт.

Котельникова моряки уважали и очень любили. Он был настоящим морским романтиком и место службы - Север - выбрал себе сам.

К началу войны это был один из опытнейших подводников. Он любил участвовать в экспериментах и принимал неординарные решения.

Упоминания о военных делах Виктора Николаевича Котельникова можно найти в мемуарах высоких морских начальников. А вот под-



Путь подводной лодки Д-3 в 1938 г.

робности морских походов остались в воспоминаниях сослуживцев. Есть в них и рассказ о походе, который и вошел в историю подводного флота.

Подходил к концу январь 1938 года. Все внимание страны было приковано к четверке зимовщиков, ставивших арктический эксперимент на дрейфующей станции «Северный полюс-1». Около восточного берега Гренландии, где находилась льдина с Иваном Папаниным, Петром Ширшовым, Евгением Федоровым и Эрнстом Кренкелем, началась подвижка ледовых полей. Огромная четырехкилометровая льдина, которая восемь месяцев служила пристанищем смельчакам, начала ломаться.

4 февраля Э. Кренкель передал в Москву радиограмму: «...Находимся на обломке поля длиной 300 метров и шириной 200 метров. В случае обрыва связи просим не беспокоиться».

Правительство приняло оперативное решение всеми возможными способами снять зимовщиков с льдины.

Самое деятельное участие в спасении папанинцев приняли моряки Северного флота. За считанные часы были приведены в полную готовность и вышли в море гидрографические суда «Таймыр» и «Мурманск». К походу готовился эсминец «Карл Либкнехт», подводные лодки Д-3, Щ-402 и Щ-404. Они должны были обеспечить связью дирижабль «В-6 СССР», который отправлялся на помощь зимовщикам.

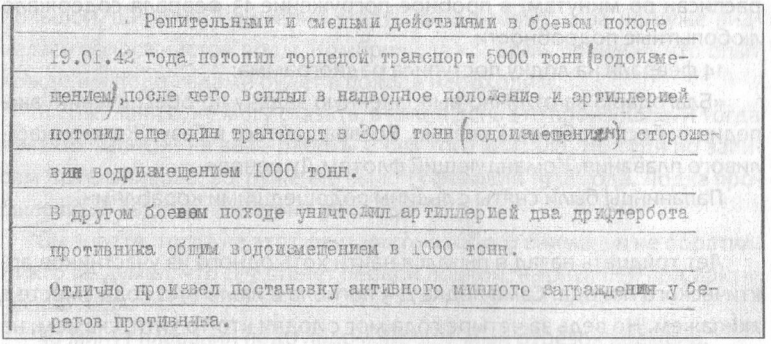
5 февраля подводная лодка Д-3 («Красногвардеец») под командованием старшего лейтенанта В. Н. Котельникова покинула базу и направилась в Кольский залив для определения девиации (отклонения магнитной стрелки) компаса, а утром следующего дня легла на курс выхода из залива в Баренцево море.

На борту лодки находился командир бригады капитан 1-го ранга К. Н. Грибоедов, флагманский штурман лейтенант Ф. В. Константинов и группа лучших радистов флота. Они и должны были поддерживать радиомост: станция «СП-1 - Москва».

6 февраля на лодку пришло скорбное сообщение. В районе Кандалакши потерпел катастрофу дирижабль. Он в темноте напоролся на сопку.

Теперь надежда была только на корабли.

В 1940 году вышел из печати первый том «Трудов дрейфующей станции «Северный полюс», где Иван Дмитриевич Папанин отметил: «О походе к дрейфующим льдам подводной лодки у нас мало писали. Между



Решительными и смелыми действиями в боевом походе 19.01.42 года потопил торпедой транспорт 5000 тонн (водоизмещением), после чего всплыл в надводное положение и артиллерией потопил еще один транспорт в 2000 тонн (водоизмещением) сторожевик водоизмещением 1000 тонн.

В другом боевом походе уничтожил артиллерией два дрифтербота противника общим водоизмещением в 1000 тонн.

Отлично произвел постановку активного минного заграждения у берегов противника.

Строки из наградного листа. За эти подвиги Виктор Николаевич Котельников был награжден орденом Ленина.

тем этот поход был проведен военными моряками с исключительной отвагой. С восхищением и гордостью можно говорить об этом».

Но этого не произошло. О походе подводной лодки на долгое время забыли. Может быть, и здесь сыграл фактор секретности. Надводные корабли - это другое дело, а подводная лодка, «разгуливающая» по чужим морям, - это пока не вписывалось в рамки привычного.

Лодка шла в надводном положении. Море штормило. Ледяные валы перекатывались через мостик. Тем, кто находился здесь, приходилось привязываться, чтобы не смыло за борт. Сколько же трубок потерял командир лодки в этом походе.

Через много лет в Морском архиве были найдены несколько страничек из дневника Виктора Котельникова. Кроме записей в бортовой журнал лодки, он пытался как можно подробнее записать все, что испытывали лодка и экипаж в этом походе.

К огромному счастью, сохранилась запись, сделанная 13 февраля. Это очень важная запись.

«... При снежной пурге приказал произвести пробное погружение. Все механизмы работают исправно. Настроение команды превосходное. В 12.55 слева по борту открылся остров Ян-Майен. Несмотря на то, что погода не давала возможности определиться, штурманское счисление оказалось точным - вышли прямо на остров».

Дневниковая запись не содержит подробностей погружения лодки. Видимо, командир считал, что эти строки дополнят записи вахтенного журнала. Но, увы, вахтенный журнал подводной лодки Д-3 за 1938 год до сих пор не найден. А ведь именно в нем весь поход был

расписан по минутам, а пробное погружение 13 февраля содержало любопытные подробности.

14 февраля на лодку поступила радиограмма:

«Благодарю за отлично выполненную задачу по обеспечению экспедиции бесперебойной связью. Возвращайтесь в базу. Желаю счастливого плавания. Командующий флотом Душенов».

Папанинцы были сняты с льдины подошедшими кораблями.

Лет тридцать назад я пытался найти хоть одного из участников арктического похода. Сама лодка Д-3 погибла в июле 1942 года вместе с экипажем. Но ведь за четыре года мог с лодки кто-то уйти, скажем, на повышение и остаться в живых.

В музее Северного флота мне дали ленинградский адрес капитана 1-го ранга запаса Филиппа Васильевича Константинова. Того самого флаг-штурмана, который обеспечивал точность маршрута лодки. После войны Филипп Васильевич написал несколько книг о подводниках-североморцах. Ответ от него я получил весьма подробный и обстоятельный.

«... Когда Д-3 вошла в Датский залив, по курсу все чаще стал попадаться лед. Лодка уклонялась изменением курса. Котельников понимал, что бесконечно это продолжаться не может. Лодка «наматывала» лишние мили и теряла время. Рано или поздно путь могли преградить крупный лед и большие поля, которые мы не смогли бы обойти.

Наиболее выгодным вариантом в подобной обстановке было бы форсирование льда в подводном положении. Помнится, мы частенько говорили об этом. Сошлись на том, что погружение лодки на глубину 30-40 метров обеспечит ей безопасный проход под ледовой перемычкой.

Чувствовалось нетерпение Котельникова. Он хотел проверить идею на практике и ждал повода и удобного случая. Теперь он сам шел ему в руки.

А идея походов подо льдами носилась в воздухе. В офицерских кают-компаниях она неоднократно обсуждалась. Проблема состояла в том, как и где всплывать. Толстый лед мог повредить рубку лодки. Всплывать в полынье? А как ее найти? Разведать ее можно самолетом. Но как сообщить это на лодку, идущую в подводном положении? Риск, конечно, был большой, но кому-то надо было начинать.

Котельников обратился за разрешением к командиру бригады, который находился на борту лодки. Перемычка битого льда была не-

большой, шириной примерно в пять кабельтовых, а за ней уже виднелась полоса чистой воды. Комбриг дал «добро», понимая, что опыт хождения подо льдами будет в походе необходим.

К сожалению, не могу сказать, в какой день это произошло. Я тогда никаких записей не вел - работы и без того хватало. Но судя по записям Котельникова, погружение было 13 февраля 1938 года. Лодка пробыла подо льдами примерно 30 минут.

Вы знаете, тогда на этот факт никто особого внимания не обратил. Никто не думал, что Д-3 станет первой лодкой, нырнувшей под арктический лед».

30 минут плавания подо льдом. Крошечный отрезок времени.

Но первый есть первый!

В 1930-е годы идею подледного плавания пытался осуществить полярный исследователь Губерт Уилкинс. Для этих целей он построил специальную подводную лодку и назвал ее «Наутилус».

5 августа 1931 года он отправился в свое первое и последнее полярное плавание.

Когда «Наутилус» подошел ко льдам, под которые ему надо было погружаться, выяснилось, что сделать это он не сможет. Лодка за время похода потеряла горизонтальные рули глубины. Позднее, после разбирательств, выдвинули версию, что рули подпилил кто-то из членов экипажа, испугавшись плавания подо льдами.

Уилкинс все же попытался протолкнуть нос лодки под лед. Это оказалось трудным делом. Стоило только подвести нос лодки под льдину, как та разламывалась. Лодка выталкивала лед, ей бы погрузиться, а она не может. С трудом Уилкинс все-таки «загнал» нос лодки под льдину. Этим он и ограничился.

После похода он написал книгу «Во льды на подводной лодке». В 1935 году книга была издана в СССР с предисловием автора, в котором он писал:

«...Разве не может случиться, что следующая подводная лодка, которая сделает попытку нырнуть под полярные льды, будет принадлежать СССР».

Через три года так и произошло.

В 1938 году по приглашению советского правительства Губерт Уилкинс приехал в нашу страну. Он выразил желание встретиться с полярными летчиками, В. П. Чкаловым и М. М. Громовым, совершившими

авиабросок через полюс, папанинцами. Он хотел также «получить консультации советских подводников, имеющих опыт плавания подо льдами, об условиях и методах плавания на подводной лодке во льдах и подо льдом и, в частности, об опасности обледенения лодки и условиях видимости подо льдом».

Точно известно, что с командиром подводной лодки Д-3 Виктором Котельниковым у него встречи не было.

Позволю себе процитировать письмо морского историка Владимира Георгиевича Реданского. Он многие годы занимается поиском фактов подледных плаваний наших подводников.

«... Вне всякого сомнения, лодка Д-3 под командованием Виктора Котельникова была первой, совершившей подледное плавание в северных морях. Погружение было несложным и, казалось бы, не принесло флоту большого опыта. Но разве не послужило оно толчком для более смелых подводных маневров?

Так, на Балтике подводная лодка Щ-324 под командованием Коняева более 13 часов форсировала подо льдом пролив Седра-Кваркен. Причем при всплытии лодка пробивала лед толщиной 25 сантиметров. Произошло это 19 февраля 1940 года. Сейчас трудно сказать, изучался ли опыт первого подледного погружения, но молва об этом разнеслась по всем флотам. Мне удалось установить многие факты довоенных подледных плаваний на всех флотах, кроме разве Черноморского.

Что печалит. Изучая мемуарную и военно-историческую литературу, вышедшую на Западе, сталкиваешься с одним: в ней расписываются героические действия фашистских подводников в полярных морях. Действительно, известны случаи, когда немецкие подводные лодки действовали у кромки паковых льдов и уходили под них, когда возникала опасность. Бывало, что и всплывали они в разводах, чтобы зарядить аккумуляторные батареи. Но ведь эти тактические приемы еще в Финскую войну отработали наши командиры подводных лодок Коняев и Вершинин».

К началу Великой Отечественной войны тактический прием «изо льда к воде» был освоен многими командирами подводных лодок. Он уже не являлся чем-то исключительным. Для его выполнения не требовалось разрешения высших должностных лиц. Командир подводной лодки сам мог принять решение ухода подо льды.

Так и сделал Александр Иванович Маринеско, командир легендарной лодки С-13, возвращаясь из победного похода.

На подходе к базе Турку его лодку должен был встретить надводный корабль. Но по какой-то причине он задержался. Прервалась и радиосвязь с базой. Выяснить причину отсутствия корабля так и не удалось.

В зоне рандеву лодку окружили сверкающие на солнце поля льдов. Черное тело лодки на фоне сплошной белизны выглядело заманчивой мишенью для любого вражеского самолета.

Маринеско решил не ждать корабль и отдал команду на погружение.

Два часа лодка шла подо льдами. Когда она всплыла, пробив рубкой лед, командиру выйти на мостик удалось не сразу. Осколок льда прижал рубочный люк. Чуть приподняв его, вогнали в просвет деревянный клин, а потом быстрым заполнением цистерн то по правому, то по левому борту лодку раскачали. Только так избавились от нежелательного груза.

Об арктических походах наших подводных лодок мы впервые узнали в 1962 году. Тогда лодка «Ленинский комсомол» всплыла в полынье у самого Северного полюса. «Рассекреченный» поход в подробностях описывали в газетах. Подробности, естественно, были дозированными, выверенными и строго отобранными.

На следующий год еще одна лодка штурмует льды Арктики. Она всплывает точно в месте пересечения меридианов.

Мы воспринимали это как рекорды. А на самом деле ставилась задача «совершенствовать способы поиска и уничтожения подводных лодок-ракетоносцев под арктическими льдами».

Примерно такие же задачи стояли и в 1996 году, когда две российские подводные лодки всплыли на Северном полюсе и установили на льду флаги России и Военно-Морского флота - Андреевский флаг. В подшивках газет того года вы это сообщение вряд ли отыщете. Они пестрят совсем другими новостями.

Заканчивая свое письмо, морской историк Владимир Георгиевич Реданский подчеркнул:

«... Понятно, что в истории хотят быть первыми все. Первые - это гордость нации, гордость флота. Можно подтасовать факты, можно поставить все с ног на голову, но на короткое время. История воздаст по справедливости.

На сегодня факт первого подледного плавания в северных морях признан за лодкой Д-3 под командованием Виктора Котельникова».

Нашего земляка... Первого в мире подледного капитана...

Вячеслав ФЁДОРОВ.

На подводной лодке К-22 погиб еще один наш земляк:

КРЕСТИН Василий Ильич, 1921 г. р., гвардии краснофлотец, торпедист. Уроженец с. Песочного Выксунского района.

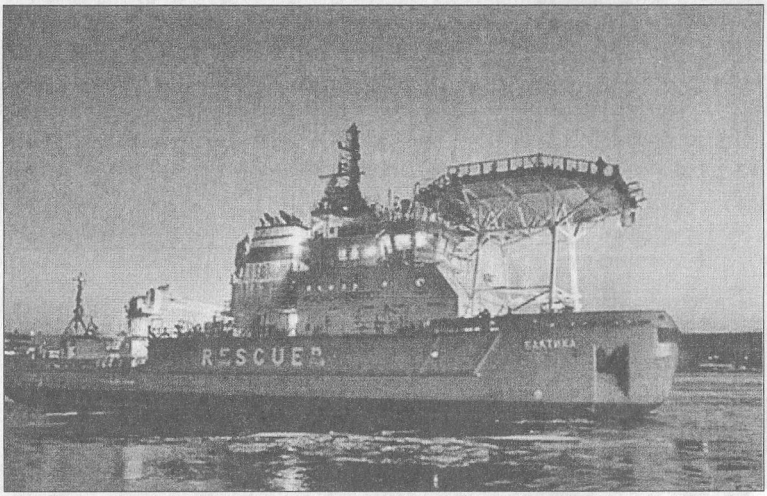
Что рассказали холодные воды

Из дневника экспедиции:

Участники Карской экспедиции-2015 завершили работу на борту многофункционального поискового судна «Балтика» и прибыли в порт Сабетта. Запланированные поисковая и научная программы экспедиции выполнены в полном объеме.

За 22 дня поисковых работ в акватории Карского моря историкам и краеведам удалось собрать обширный научный материал, позволяющий существенно дополнить историю Великой Отечественной войны в Арктике.

Во время проведения работ велась подводная фото- и киносъемка. Экспедиция проходила в сложных погодных условиях. Скорость ветра в районе поисковых работ достигала 12 м/с, волнение моря доходило до 5 баллов, температура воды не превышала



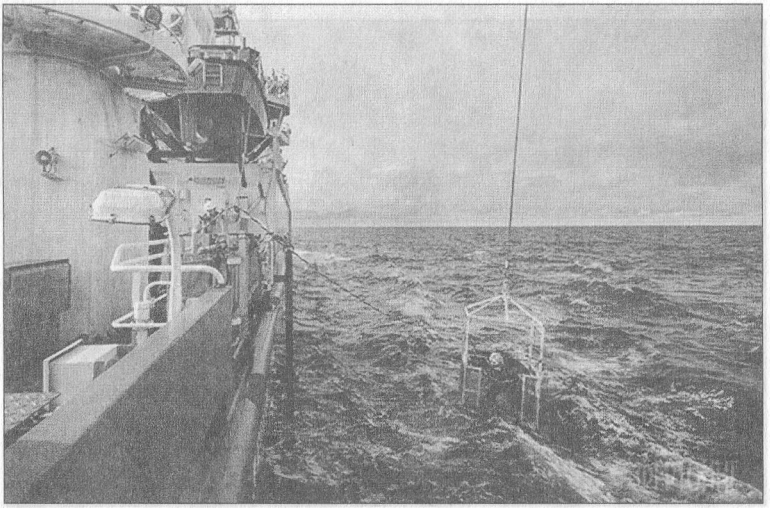
Карская экспедиция 2015 года, организованная правительством Ямало-Ненецкого автономного округа и российской морской инженерной компанией «Фертоинг», стартовала из Мурманска 12 августа 2015 года. Главной задачей экспедиции было увековечение памяти экипажей советских кораблей и судов, погибших в Арктике в годы Великой Отечественной войны.

5 градусов. В таких условиях водолазы экспедиции с борта экспедиционного судна «Балтика» совершили около 10 спусков на глубину до 40 метров. Использовался также глубоководный телеуправляемый подводный аппарат.

Экспедиция уточнила координаты гибели кораблей конвоя, достоверно опознаны транспорт «Марина Раскова», тральщики Северного флота ТЩ-114 и ТЩ-118. Окончательно подтверждена версия гибели кораблей от торпедной атаки немецкой подводной лодки U-365.

До экспедиции только по местоположению затонувшего транспорта «Марина Раскова» существовало пять вариантов координат, три варианта - по ледоколу «Александр Сибиряков».

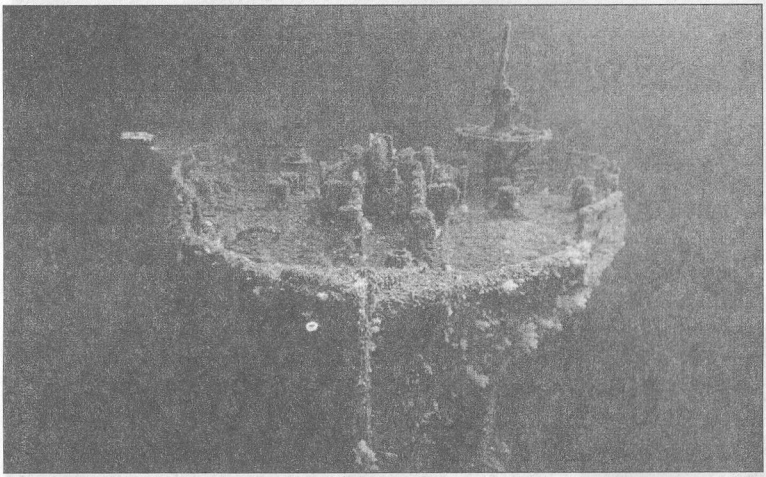
В начале Великой Отечественной войны Ямал и Таймыр считались глубоким тылом. Именно здесь, вдоль берегов Северного Ледовитого океана, пролегала одна из самых главных на тот момент транспортных магистралей - Северный морской путь. Шед-

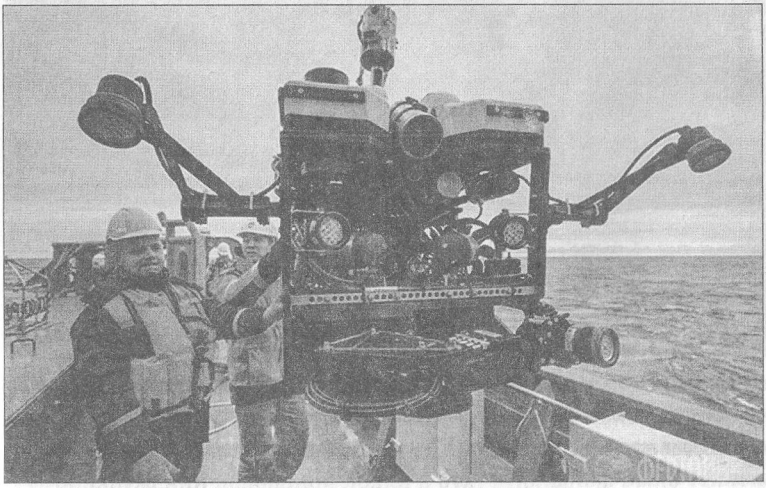


Подобные масштабные подводно-поисковые работы научно-исторической направленности были выполнены в акватории Карского моря впервые. Водолазы экспедиции с борта экспедиционного судна «Балтика» совершили 30 спусков на глубины до 50 метров. Подводно-технические работы обеспечивал глубоководный телеуправляемый подводный аппарат.

шие по нему северные конвои непрерывно доставляли в нашу страну военную технику, топливо, продовольствие и обеспечивали вывоз цветного металла из Норильска и Воркуты.

Летом 1942 года германское командование Кригсмарине направило в Карское море тяжелый крейсер «Адмирал Шеер», который должен был торпедировать караваны советских судов, шедших по Севморпути. Однако на пути у «Шеера» встал старый

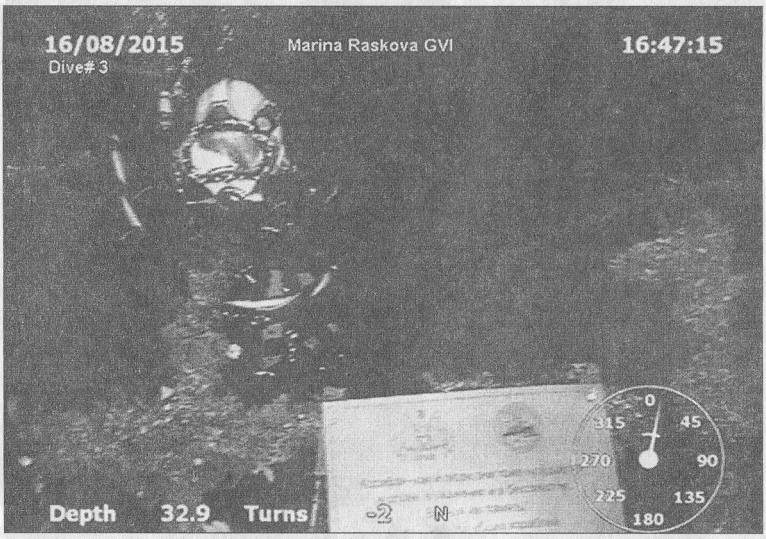




ледокольный пароход «Александр Сибиряков». Его капитан и команда понимали, что у них нет ни единого шанса в бою против германского крейсера. Но они отказались сдаться, приняли бой и смогли предупредить берег о вражеском корсаре. «Александр Сибиряков» погиб, из 99 членов экипажа в живых осталось 22. Ледокол прикрыл собой более сорока грузовых судов, находившихся в это время в пути.

После этого вражеские корабли больше никогда не заходили восточнее Новой Земли. Но на Севморпути резко активизировались германские подводные лодки. В начале августа 1944 года германское командование направляет «подводную стаю» «Грайф», состоявшую из шести лодок, в Карское море.

В это же самое время с «большой земли», из Архангельска, выходит караван БД-5. Его маршрут пролегает от Белого моря на Диксон. В составе его пароход «Марина Раскова» и три эскортных корабля-тральщика - ТЩ-114, ТЩ-116 и ТЩ-118. В трюмах транспорта находилось 6500 тонн различных грузов: продовольствие



На корпусах транспорта «Марина Раскова» и ледокольного парохода «Александр Сибиряков» водолазами экспедиции закреплены мемориальные таблички в память о погибших моряках. С палуб судов подняты элементы судовых конструкций и оружия.

Часовня на острове Белый в память погибших на конвое БД-5.

для полярных станций, оборудование для арктических строек. Кроме того, на борту было 354 пассажира: одна группа следовала на полярные станции для смены зимовщиков, другая направлялась на Нордвикстрой. Здесь же находились военнослужащие Карской авиабазы. Среди пассажиров 116 женщин и 24 ребенка. Командиром конвоя шел капитан I ранга А. З. Шмелев, служивший на Северном море с начала войны.

В море конвой построился в установленный походный ордер: впереди «Марины Расковой» в десяти кабельтовых шел тральщик ТЩ-118 под флагом командира конвоя, слева и справа в двенадцати кабельтовых от судна заняли свои места тральщики ТЩ-114 и ТЩ-116. Конвой шел «молча»: его радиостанциям было запрещено передавать в эфир какие-либо сообщения, чтобы не быть запеленгованными противником. Для переговоров между кораблями использовался световой семафор.

Оценив обстановку, командир пошел в Карское море не через пролив Карские ворота, как предполагалось первоначально, а через Югорский шар. К концу суток 10 августа конвой достиг входа в пролив. Войдя в Карское море, конвой направился на северо-восток в обход острова Белый.

В ночь на 11 августа командир конвоя получил оповещение об обнаружении подводной лодки в бухте Полынья. Было усилено

наблюдение за морем, однако ни сигнальщики, ни гидроакустики не обнаружили ничего тревожного. К полудню 12 августа поступило новое оповещение об обнаружении подводной лодки у острова Вардропер.

Конвой изменил курс, чтобы держаться ближе к острову Белый, где малые глубины могли затруднить действия подводных лодок.

В 19 часов 57 минут в 60 милях от острова Белый на транспорте «Марина Раскова» раздался сильный глухой взрыв.

Судно получило пробоину, крен на правый бок, вышли из строя два котла, остановилась машина. Взрыв был настолько мощным, что мешки с мукой, находившиеся в третьем трюме, выбросило через пробоину в борту на палубу теплохода. Спасательные шлюпки, находившиеся на правом борту, оказались разрушенными. Команда судна во главе с капитаном предупредила панику среди пассажиров и организовала борьбу с поступлением воды.

Командир конвоя, решив, что транспорт подорвался на мине, приказал тральщикам ТЩ-116 и ТЩ-118 оказать пострадавшему судну помощь, третьему - ТЩ-114 - организовать противолодочную оборону.

Дальность действия гидроакустической аппаратуры на ТЩ-114 не превышала 12 кабельтовых. Поиск подводной лодки результатов не давал, а она, как выяснилось позже, находилась в этом районе.

Уже после войны стало известно, что обнаружила конвой БД-5 немецкая субмарина U-365 под командованием обер-лейтенанта Хеймара Ведемейера, одна из «подводной стаи», направленной германским командованием в Карское море.

Шансы на победу каждой из этих немецких субмарин были стопроцентными. Фашистские подводники при нападении на конвой впервые применили в водах Арктики новое оружие - бесследные акустические электроторпеды с магнитными взрывателями, которые самонаводились на шум винтов корабля и поражали цель, взрываясь под действием магнитного поля. Это позволяло подводным кораблям врага атаковать с дальних дистанций.

В 20 часов 04 минуты при подходе к транспорту был торпедирован и через 27 минут затонул флагманский тральщик ТЩ-118.

Оставшиеся в живых члены экипажа и командир конвоя пере-

шли на тральщик ТЩ-114. И на этот раз следов подводной лодки не было обнаружено. Капитан I ранга Шмелев еще более уверился во мнении, что конвой попал на минное поле. По его приказанию тральщики включили акустические тралы для подрыва мин и занялись спасением личного состава транспорта.

Когда ТЩ-114 стал на якорь, его настигла торпеда. Тральщик вместе с частью экипажа и командиром конвоя погиб. Вскоре с одной из спасательных шлюпок заметили вдалеке рубку подводной лодки. Уцелевший тральщик Т-116, принявший на борт 186 человек, в том числе восемь тяжелораненых, вынужден был уйти.

После этого подводная лодка в 2 часа 15 минут двумя торпедами добила поврежденный транспорт и оставила район атаки.

Командование флотилии принимало все возможные меры по спасению людей, оставшихся в районе бедствия.

Авиации удалось спасти 73 человека. Поиски продолжились до третьего сентября, но больше никого обнаружить не удалось. Вельбот с «Марины Расковой», на котором было десять человек, пропал без вести. Кунгас с телами умерших - 86 человек - прибило в конце августа к острову Белый. Они были погребены полярниками в братской могиле.

Из 636 человек, находившихся на «Марине Расковой» и тральщиках ТЩ-114 и ТЩ-118, погибло более 300 человек.

Гибель конвоя БД-5 была самой трагической потерей в советской Арктике в годы Великой Отечественной войны.

Из дневника экспедиции:

Волонтеры-исследователи обнаружили на территории мыса Рогозина на острове Белый в Ямало-Ненецком автономном округе братскую могилу участников конвоя БД-5.

В братской могиле предположительно находится от 12 до 25 участников конвоя БД-5. Раскопки временно были приостановлены до прибытия на остров судмедэксперта из Москвы, который должен был провести работу по идентификации найденных останков.

Как известно из архивных источников, в 1944 году кунгас (деревянное судно) с корабля «Марина Раскова» с погибшими от холода, голода и жажды участниками конвоя БД-5 прибило к острову Белый. В том же году была организована поисково-спасательная операция, погибших похоронили. В 1947 году силами работников

полярной станции на острове Белый было проведено перезахоронение, но его местонахождение было неизвестно.

Волонтеры после того, как нашли братскую могилу, приступили к извлечению из грунта кунгаса, который за 70 лет почти полностью ушел в песок.

Экспедиционная работа завершится созданием документального фильма об истории арктических конвоев.

Людмила ЧИЖЕВСКАЯ.

В публикации были использованы фотографии участников экспедиции инженерной компании «Фертоинг» и пресс-службы губернатора ЯНАО.

Наши земляки, погибшие в Карском море при сопровождении конвоя БД-5:

БИЗАНОВ Василий Иванович, 1919 г. р., краснофлотец ТЩ-114, уроженец д. Венец Лысковского района. Призван на службу в 1940 году. Погиб при выполнении боевого задания 12 августа 1944 года.

НАЗАРОВ Иван Матвеевич, 1923 г. р., краснофлотец ТЩ-114, уроженец г. Мурома. Призван на службу в 1942 году. Погиб при выполнении боевого задания 12 августа 1944 года.

ВЕСЕЛОВ Петр Павлович, 1918 г. р., старшина 2-й статьи ТЩ-118, уроженец г. Горького. Призван на службу в 1939 году Сталинским РВК г. Горького. Погиб при выполнении боевого задания 12 августа 1944 года.

ЛАПШИН Николай Александрович, 1926 г. р., краснофлотец, специалист аэродромной службы, уроженец д. Семенцево Кстовского района. Призван на службу в 1944 году. Находился на пассажирском транспорте «Марина Раскова», направляясь к месту службы. Погиб при торпедировании пассажирского транспорта 12 августа 1944 года. В Книге Памяти Калининградской области значится погибшим, в Книге Памяти Нижегородской области - пропавшим без вести.

Они не сдавались в плен, предпочитая смерть

6 апреля 2015 года на воинском участке кладбища «Марьина роща» в Нижнем Новгороде предавали земле останки краснофлотца Петра Юхтарова. С осени 1941 года он числился без вести пропавшим, а год назад его останки нашли поисковики отряда «Воин» в парке Нового Петергофа. Ничего удивительного в этом не было. Той осенью сорок первого года территория парка стала местом ожесточенного сражения между прорвавшимися сюда гитлеровцами и высадившимся десантом батальона морских пехотинцев. Трое суток шел непрерывный бой. В истории войны эта операция называлась «Петергофский десант». Весь батальон погиб на узкой полоске берега, и родные моряков получили извещения о их безвестной пропаже. Такими они числятся и по сей день.

* Вперед на врага! Высадка десанта морской пехоты.

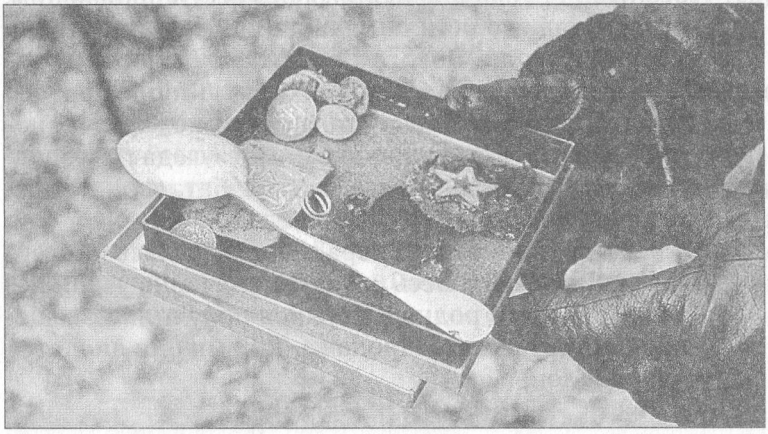
Долгие годы об этой операции предпочитали молчать. Командование, отдавшее распоряжение о высадке десанта, чувствовало вину перед моряками. Их не обеспечили поддержкой ни с воздуха, ни с земли. Что можно было сказать в оправдание? Такая была обстановка...

В этом десанте принимало участие много наших земляков. Найден пока только один.

Петра Юхтарова опознали по ложке. Видимо, перед самой высадкой десанта он штыком нацарапал на ней свое имя. В Нижнем Новгороде нашлась сестра краснофлотца, Валентина Александровна Солдатова. Она и рассказала о брате.

Краснофлотец Петр Юхтаров.

Родился он в 1917 году в селе Русское Маклаково Спасского района в семье участника Гражданской войны. На флот был призван еще до войны. Служил на крейсере «Киров», а затем как опытный моряк был переведен на только что построенный, но еще не включенный в боевой строй тяжелый крейсер «Петропавловск». С него он и ушел в десант. Сохра-



Его личные вещи, которые нашли поисковики.

нился списочный состав моряков «Петропавловска», сошедших на берег, - 40 человек, среди которых и Петр Юхтаров.

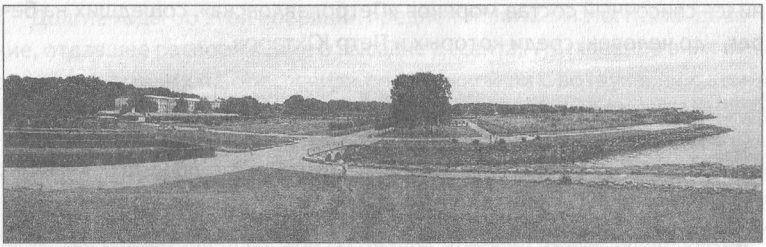
* * *

В первой декаде сентября 1941 года на Ленинградском фронте сложилась катастрофическая ситуация. Немцы активно прорывались к окруженному Ленинграду, и кольцо вокруг него продолжало сжиматься. В руках противника оказались Петергоф, Царское Село. Немцы упорно пробивались к Пулковским высотам, Ораниенбауму и Слуцку. Противник ежедневно жестоко бомбил и обстреливал город. Бои шли уже на подходах к Ижорскому заводу, который все равно денно и нощно выполнял важнейшие оборонные заказы. С захватом Шлиссельбурга была перерезана последняя сухопутная коммуникация и началась 900-дневная блокада Ленинграда. Связь Ленинграда с Большой землей осуществлялась лишь через Ладожское озеро и с большими опасностями по воздуху.

После 8 сентября положение Ленинграда вообще стало критическим. В военных сводках противника циркулировали сообщения, что прорыв к городу - дело не дней, а даже часов. Фашистские стратеги уже считали Ленинград немецким и, не скрывая от мира, обсуждали его судьбу. В частности, решали, что же делать с населением города и с самим Ленинградом, склоняясь к его полному уничтожению, подобно Карфагену. Тревожнее ситуации и быть не могло!

10 сентября, удачно прорвавшись сквозь завесу патрулирующих мессершмиттов, в город Ленинград внезапно прибыл генерал армии Георгий Жуков с запиской командующему Ленинградским фронтом Клименту Ворошилову от Верховного главнокомандующего Иосифа Сталина: «Передайте командование фронтом Жукову, а сами немедленно вылетайте в Москву».

Приказа Ставки о новом назначении Жукова еще не было лишь по одной причине. Сталин не был уверен, что Жукову удастся преодолеть воздушный кордон немцев и благополучно добраться до Ленинграда. Приказ был подписан лишь 11 сентября. Ворошилову предлагалось передать генералу дела «в течение 24 часов с часа прибытия Жукова в Ленинград». Ленинградскому фронту тогда был подчинен Балтийский флот, командовал которым вице-адмирал Владимир Трибуц. Весь оставшийся военно-морской флот Балтики оказался запертым в его главной базе - в Кронштадте и частично в самом Ленинграде. Военные функции крупных кораблей флота в то время ограничивались главным образом обстрелом неприятельских целей в окрестностях Ленингра-



Нижний Петергоф - место высадки десанта.

да, а малые корабли активно выполняли разнообразные боевые задачи в море.

После прибытия Жукова в Ленинград в те сентябрьские дни 1941 года и отрешения от должности растерявшегося и некомпетентного маршала Ворошилова по флоту начали бродить слухи, что якобы командующий фронтом при первом же контакте с вице-адмиралом Трибуцем выразил недовольство действиями флота. Он грозно вопрошал командующего: «Чем же у вас тут флот занимается? А если корабли и заперты в Финском заливе, моряки не имеют права бездействовать, когда на фронтах Великой Отечественной войны гибнут сотни тысяч воинов!»

Высадка десантов на Ленинградском фронте была активизирована. Морской пехоты для обеспечения многочисленных вылазок в расположение противника было явно недостаточно, и новоиспеченными десантниками стали моряки разных специальностей с кораблей, словом, все те, кто обеспечивал жизнедеятельность сложнейших корабельных механизмов.

Справедливости ради заметим, что специалисты кораблей, обученные в учебных отрядах, конечно, имели порой смутное представление об устройстве пистолетов и автоматов, пулеметов и даже гранат и никак не могли быть профессиональными десантниками.

Итак, в трагические дни защиты Ленинграда опоясанные пулеметными лентами, с автоматами в руках, согретые полосатыми тельняшками в бой на суше лихо ринулись моряки с кораблей.

Выполняя указания Ставки, новый командующий фронтом делал все возможное, чтобы любой ценой отвлечь силы неприятеля, нацеленные на взятие Питера. Но от генерала Жукова в конце сентября, когда судьба Ленинграда висела буквально на волоске, последовала команда срочно высадить морской десант в Петергофе. По многим показателям это был особый, даже уникальный десант.

За весь трехмесячный период войны этот десант был самым многочисленным, почти в 500 десантников, и на него возлагалась не тактическая, а весомая оперативно-стратегическая задача. Как утверждал командующий флотом Трибуц, получивший приказание о высадке десанта, десанту требовалось «рассечь петергофский клин противника, облегчив соединение войск 8-й и 42-й армий». Словом, что не могли совершить две армии, хотя и обескровленные, то поручалось выполнить отряду свежих непрофессиональных десантников.

Начальник штаба флота контр-адмирал Юрий Ралль предложил Жукову предварительно «обработать» плацдарм высадки артиллерией, но эту естественную и разумную идею командующий отверг, считая, что артподготовка демаскирует десант. Возражать Жукову было всегда опасно, тем более в тех экстремальных условиях.

На подготовку столь крупного десанта отводилась всего лишь неделя. Операция готовилась в строжайшем секрете. Написано об этом десанте немало, но всегда полуправда.

Начальник штаба охраны водного района (ОВРа) Балтийского флота того времени капитан 2-го ранга Юрий Ладинский в книге «На фарватерах Балтики», приводя сведения по составу кораблей десантного отряда, заключил, что «морской десант в районе Нового Петергофа выполнил свою задачу». Здесь желаемое выдано за действительное. Не выполнил и не мог выполнить именно этот десант численностью менее батальона столь крупную задачу. Она по плечу или полку, или бригаде морской пехоты, причем при поддержке и артиллерии, и авиации.

О десанте весьма обстоятельно поведал в своей книге «Балтийцы идут в бой» адмирал Трибуц. Повествуя о целях десанта, он утверждает, что десант сразу же должен был «нанести удар во фланг и тыл противника и уничтожить его совместно с частями 8-й армии». Адмирал при этом делает вывод, что против десанта были брошены танки и вся наличная артиллерия, пробиться нашим воинам из 8-й армии к десанту так и не удалось. И далее: «Врагу удалось оттеснить десант от залива и овладеть береговой чертой». Напрашивается вывод, что десанту противник уготовил так называемый котел.

О десанте в Петергоф упомянул его инициатор маршал Г. К. Жуков в четвертом издании мемуаров «Воспоминания и размышления»:

«В район Петергофа в тыл вражеских войск был высажен морской десантный отряд с целью содействия приморской группе в проведении операции. Моряки действовали не только смело, но и предельно дерзко. Каким-то образом противник обнаружил подход по морю десанта и

встретил его огнем еще на воде. Моряков не смутил огонь противника. Они выбрались на берег, и немцы побежали. К тому времени они уже хорошо были знакомы с тем, что такое «шварце тодт» («черная смерть», как они называли нашу морскую пехоту).

Увлекшись первыми успехами, моряки преследовали бегущего противника, но к утру сами оказались отрезанными от моря. Большинство из них пало смертью храбрых. Не вернулся и командир десанта полковник Андрей Трофимович Ворожилов».

В день высадки десанта Жуков был вызван к прямому проводу для разговора с Верховным главнокомандующим Сталиным. На следующий день он срочно вылетел в Москву. Немцы были уже в районе Вязьмы, а Сталин со своим представительным генеральским окружением никак не мог разобраться, что же там творится, и срочно вызвал из Ленинграда генерала Жукова, чтобы тот прояснил ситуацию под Вязьмой. По горячим следам о судьбе десанта Жукову поэтому и не могли доложить, а позднее, как всегда, после «причесывания» доклад оказался, мягко говоря, неточным.

Воспоминание о десанте в Петергофе Жуков излагает среди событий 20-х чисел сентября, вообще без указания даты высадки десанта. Гибель в одночасье такого количества моряков и добрая память о них достойны упоминания точной даты. Напомним, что этот десант был высажен сразу после полуночи 5 октября 1941 года. И высажен не в районе Петергофа, как пишет маршал, а непосредственно в Новом Петергофе, на берегу всемирно известного парка.

Конечно, командующий фронтом и командующий БФ понимали, что десант направляется на верную гибель. Жукову, дабы усилить эффект героики и придать ей боевую романтику, выгоднее оставить в мемуарах воспоминания о том, что организованный по его личному распоряжению десант еще на подходе был обнаружен и обстрелян, но, дескать, несмотря на шквал огня противника, отчаянные моряки выбрались на берег и бросились в бой. Но этот тезис - тоже вымысел.

Все упомянутые авторы не участники десанта. В истории до сих пор так и не были зафиксированы свидетельства самих его участников - десантников и тех, кто высаживал этот десант. Поэтому уместно предоставить возможность рассказать об этой трагической истории на Ленинградском фронте, видимо, единственному ныне живущему участнику высадки капитану 1-го ранга Михаилу Амусину.

«4 октября 1941 года, будучи командиром морского охотника, я получил секретное задание участвовать в морском десанте, назначен-

ном для высадки в Новом Петергофе, - начал свой рассказ мой давнишний товарищ. - Того же 4 октября военный совет БФ встретился с десантниками на Якорной площади в Кронштадте и вдохновил их на выполнение этой важной задачи.

Отряд высадки состоял из 5 морских катеров-охотников «МО», имевших целью возглавлять группы высадки и прикрывать их огнем, 25 морских катеров «КМ» с десантниками и 6 шестивесельных шлюпок с боезапасом для десанта. Отряд поддерживали базовые тральщики, бронекатера, а также крупные корабли, находившиеся в Кронштадте.

По официальным сведениям, в десант были включены 498 моряков. Основа десанта была сформирована из специалистов линейных кораблей «Октябрьская революция» и «Марат». Были там комендоры, электрики, минеры и, возможно, представители иных корабельных специальностей. Помимо моряков с линкоров, в состав десанта были включены инструкторы учебного отряда и курсанты военно-морского политического училища. Десант состоял исключительно из физически сильных и дисциплинированных моряков, без принуждения, по своей доброй воле согласившихся участвовать в таком рискованном предприятии. Без преувеличения можно утверждать, что этот десант в полном смысле слова представлял «золотой фонд» БФ.

Несмотря на ограниченные возможности, командование флота постаралось, чтобы все десантники были отлично экипированы, в добротных бушлатах и сапогах. Десантникам выдали по автомату, их снабдили карабинами и ручными пулеметами.

Командиром десантников был назначен заслуженный участник Гражданской войны полковник морской пехоты Ворожилов, командиром высадки десанта утвержден начальник охраны водного района флота капитан 2-го ранга Святов, опытный военный моряк, которого за отчаянную храбрость прозвали морским Чапаевым.

Мне, тогда еще лейтенанту, приказано было быть офицером обеспечения на одном из 25 катеров «КМ». Этими катерами командовали старшины, но для повышения ответственности на каждый из них были направлены офицеры. Служившим на флоте известны функции офицеров обеспечения, но наши были особыми, не имевшими аналогов. Помимо функций командования катером, я нес полную ответственность за обеспечение благополучной высадки на берег всех до единого десантников, причем в боеспособной форме. Точно сейчас не помню, но, кажется, на борту моего катера находилось 20-25 десантников.

Ночь была темная, море на редкость было спокойным. От кронштадтских причалов десантная армада отошла в сторону Петергофа примерно в 23 часа 4 октября. Корабли были тщательно затемнены и шли малым ходом, чтобы не создавать лишнего шума и не обращать на себя внимание. В назначенной точке, недалеко от Нового Петергофа, каэмки с десантом обошли катера «МО» и устремились к берегу для высадки десанта.

В этой ситуации моя задача состояла в том, чтобы суметь осторожно подойти к самому берегу малым ходом и уловить момент, когда катер уткнется в грунт, дабы облегчить десантникам высадку на берег. К этому берегу я подходил впервые, да и подводная конфигурация берега мне не была известна. Здесь был расчет на удачу. Конечно, хотелось, чтобы десантники не оказались даже по пояс в воде и по возможности сухими выбрались на берег. Идеальным мог быть случай, когда они прямо с носа катера выпрыгивали бы на берег. Этого, к сожалению, не произошло, но все равно удалось подойти к берегу так, что мои десантники, быть может, слегка набрали воды в сапоги. С другой стороны, подход к самому берегу был связан с определенным риском, ибо немудрено было сесть на камни. Расчет был также и на то, что после окончания высадки десанта глубина под днищем катера увеличится, и катеру легко будет отойти задним ходом. Для обеспечения скрытности подхода к берегу 5 катеров поставили дымовую завесу. При ветре с берега для движения кораблей образовались как бы несколько коридоров.

Нервы были напряжены до предела, - продолжает Михаил Амусин, - особенно когда приближалась высадка. Мы были почти уверены, что противник, несмотря на все принятые меры обеспечения скрытности, заметит наше приближение с моря. Но берег молчал. Моя интуиция подсказывала, что там, на берегу, уже должны нас заметить, но противник словно нас не замечал. Каждая секунда казалась вечностью. Мой катер уже коснулся носом грунта, десантники начали стремительно прыгать в воду и вброд быстро достигать берега. То же самое происходило и на других катерах. У каждого катера сложились свои условия. С некоторых посчастливилось сразу прыгнуть на берег, а другие десантники вначале прыгали в глубокую и холодную октябрьскую воду и вплавь добирались до берега.

Когда все мои десантники покинули борт катера, днище его сразу же оторвалось от грунта, и он задним ходом стал отходить от берега. Именно в этот момент, когда весь десант оказался на берегу, а десан-

Погибшие десантники. Немецкая фотография.

тные катера развернулись и начали движение в обратном направлении, берег противника внезапно ожил. Одновременно в небо взвились осветительные ракеты, заработали береговые прожектора, противник открыл интенсивный артиллерийский, пулеметный и автоматный огонь. Стало очевидным, что противник нас ожидал и держал палец на спусковом крючке. Предположить иное трудно.

Наши охотники и тральщики, а также эсминцы со своих позиций в Кронштадте и Ленинградском морском канале немедленно открыли встречный огонь. Над нашими головами перекрещивались огневые трассы. Это зрелище осталось в памяти на всю жизнь. Кругом все кипело от огня, но судьба нам благоволила. Вся десантная «эскадра», хоть и не без потерь и с ранами в бортах, благополучно вернулась в Кронштадт.

Конечно, каждый из нас думал о судьбе десанта, но секретность операции не позволяла открыто проявлять интерес. Хотя было очевидно, что в Петергофе идет жестокий бой, из которого трудно выйти живыми», - завершил свой рассказ Михаил Амусин.

Адмирал Трибуц признается, что вплоть до 15 октября, то есть в течение 10 дней, командование флотом безуспешно пыталось выяснить судьбу десанта. Даже авиаразведка оказалась безрезультатной. Со временем кое-какие подробности начали просачиваться. Командир десанта Андрей Ворожилов погиб в первые же минуты высадки,

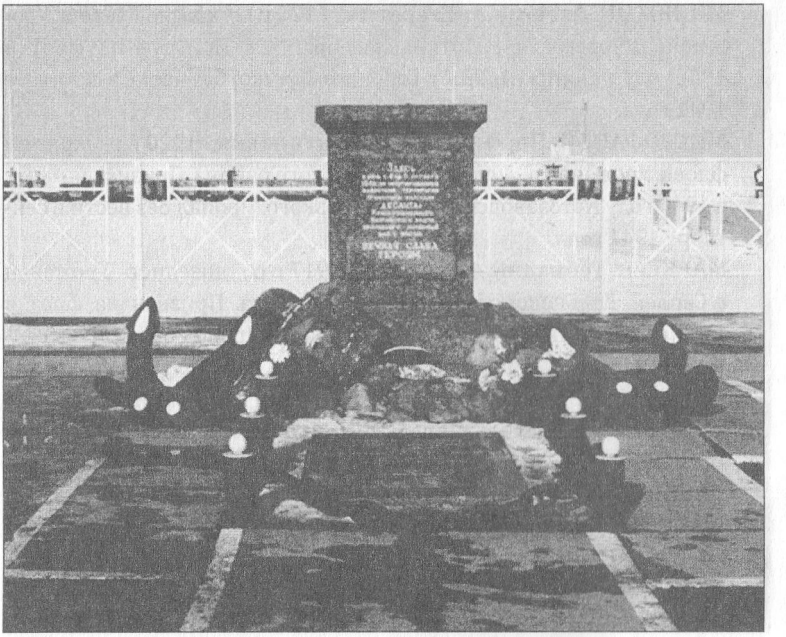
Петергоф надолго стал местом работы поисковиков.

что, безусловно, сказалось на дальнейшей судьбе всего десанта. Тогда же погибли оба радиста, а радиостанции были уничтожены. Связь с десантом была прервана. Молва донесла, что десантники отчаянно сражались три дня, конечно, ни о каком прорыве клина между двумя армиями и речи быть не могло.

Трибуц цитирует сообщение берлинского радио от 7 октября 1941 года, свидетельствующее об упорных боях немцев с десантниками и героизме матросов: «Комиссарский десант был измотан и уничтожен частично нами, частично самими матросами, так как они не сдавались в плен, предпочитая смерть».

Некоторые павшие смертью храбрых во флягах оставили записки. В одной из них есть такие слова: «Умираем, но не сдаемся. Деремся вторые сутки. Прощайте, братишки! Вадим Федоров». Другая - короткая: «Живые! Пойте о нас! Мишка». Немцы тогда еще не могли понять, что ради Победы мы готовы пойти на любые жертвы. Десант пятисот моряков был одной из них.

Рудольф ИВАНОВ,
историк.



Памятник петергофскому десанту.

Наши земляки, погибшие участники петергофского десанта:

ТИТОВ Владимир Иванович, 1913 г. р., краснофлотец. Уроженец с. Катунки Чкаловского района. Призван в 1941 году Котласским РВК Архангельской области. Проживал в г. Чкаловске, ул. Набережная, д. 8. Пропал без вести в сентябре 1941 года.

РОГОЖИН Борис Иванович, 1921 г. р., командир отделения. Уроженец с. Оранки Богородского района. Призван на флот в 1939 году Куйбышевским РВК г. Горького. Пропал без вести в сентябре 1941 года.

ОРЛОВ Владимир Иванович, 1916 г. р., старший торпедист. Уроженец г. Горького. Призван на флот в 1938 году Свердловским РВК г. Москвы. Родные проживали на улице Университетской (ныне Минина), д. 11, кв. 6. Пропал без вести в сентябре 1941 года.

ОШОТИН Павел Трофимович, 1918 г. р., краснофлотец. Уроженец д. Вздеринога Борского района. Призван на флот в 1940 году. Пропал без вести в сентябре 1941 года.

МИЛЮТИН Александр Егорович, 1920 г. р., краснофлотец. Уроженец с. Черемизы Работкинского района. Призван на флот в 1940 году Ленинским РВК г. Горького. Пропал без вести в сентябре 1941 года.

МИТРОФАНОВ Порфирий Константинович, 1920 г. р., краснофлоец. Уроженец д. Лукерьино Кстовского района. Призван на флот в 1940 году Автозаводским РВК г. Горького. Пропал без вести в сентябре 1941 года.

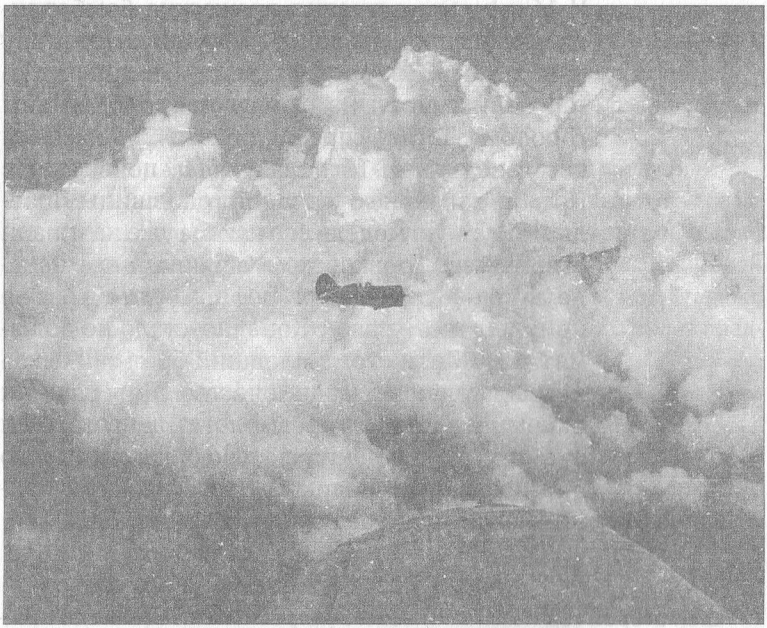
МАРКЕЕВ Геннадий Иванович, 1917 г. р., дизелист. Уроженец с. Сарлей Дальнеконстантиновского района. Призван на флот в 1939 году Кагановичским РВК г. Горького. Пропал без вести в сентябре 1941 года.

КРИВОНОГОВ Николай Федорович, 1919 г. р., командир отделения. Уроженец д. Бакшандино Пильнинского района. Призван на флот в 1939 году Ленинским РВК г. Горького. Пропал без вести в сентябре 1941 года.

ДЕНИСОВ Иван Матвеевич, 1921 г. р., командир отделения. Уроженец с. Гавриловка Лукояновского района. Призван на флот в 1940 году Ленинским РВК г. Горького. Пропал без вести в сентябре 1941 года.

ГОРОЖАНИН Сергей Николаевич, 1919 г. р., торпедист. Уроженец г. Горького. Призван на флот в 1939 году Куйбышевским РВК г. Горького. Проживал по улице Почаевская, д. 29, кв. 13. Пропал без вести в сентябре 1941 года.

БЕСПАЛОВ Андрей Андреевич, 1920 г. р., краснофлотец. Уроженец с. Итманово Большемаресьевского района. Призван на флот в 1941 году Ждановским РВК г. Горького. Пропал без вести в сентябре 1941 года.



Быть ли «ишачку» памятником?

Это было несправедливо с того момента, когда в Кремле, на площадке оружия, производившегося в Горьком в годы войны, появился самолет Ла-5. Возникал вопрос, а почему первым не появился И-16, легендарный довоенный «ишачок», воевавший в небе над озером Хасан и рекой Халхин-Гол, над степями Монголии, над Испанией и Китаем, срывавшийся с промерзших аэродромов во время советско-финской войны?

*** И-16. Истребитель, которому Чкалов дал путевку в жизнь.**

И-16 первым встретил вражеские бомбардировщики, проломившие воздушную границу рано утром 22 июня 1941 года. А в самый разгар войны встал на охрану неба над нашим городом. Тогда справедливость пообещали восстановить. И-16 должен был появиться в Кремле накануне очередной годовщины Победы. Натурную модель его как бы уже начинали строить на Горьковском авиационном заводе, но очередной вихрь реформ чуть было не прикрыл и сам завод. Конечно, стало не до памятника. Так и стоит младший брат «ишачка» истребитель Ла-5 в одиночестве. И мы решили напомнить о забытом самолете. Не настало ли время его появления в строю легендарного оружия времен Великой Отечественной войны? Разве он не заслужил память о себе?

Король истребителей

Шел второй год испытаний нового истребителя... А как все начиналось?

К 1931 году советская авиация не имела ни одного современного истребителя, хотя работа над ними шла постоянно.

Знал ли Сталин о заточении лучших своих авиаконструкторов, и прежде всего Николая Николаевича Поликарпова, которого к тому времени уже называли королем истребителей?

Чтобы оценить состояние авиации, Сталин назначил на 12 июня 1931 года авиационный смотр.

К этому времени приговоренный без суда к расстрелу как «социально чуждый элемент» авиаконструктор Поликарпов был прощен и отбывал наказание в особом конструкторском бюро № 39 ОГПУ. Совместно с сидящим там же авиаконструктором Дмитрием Григоровичем он создал истребитель И-5.

На смотре новинку должны были продемонстрировать летчики-испытатели НИИ ВВС Валерий Чкалов и Александр Анисимов. Воздушная схватка, которую они разыграли, была из разряда тех, о которых летчики говорят: «Редкое небо видело такой пилотаж».

Сталин, естественно, обратил внимание на новые истребители и не мог не поинтересоваться, чьи они и где конструктор?

Что могли ему ответить на этот вопрос: «Сидит...»

Аэродромные смотрины на этом не закончились. 6 июля Сталин едет в... Бутырскую тюрьму. Там он знакомится с Поликарповым.

Много позже в очерке, опубликованном газетой «Правда», будет описана эта встреча.

«Директор завода представил Сталину инж. Поликарпова Н. Н.

Поликарпов слушал молча, почти не перебивал, схватывал главное. Иногда он переспрашивал. Товарищ Сталин развивал свои мысли; они были настолько увлекательными и в то же время обладали такой исключительной конкретностью, что, взглянув прямо в лицо Сталина, Поликарпов с нежностью и гордостью подумал: «То, что Сталин предлагает, - предел желания для конструктора!»

Идиллия, да и только. В очерке, правда, опущено, что директором завода был чекист Н. Пауфлер. А завод в целом был тюрьмой.

Через четыре дня та же «Правда» опубликовала постановление Президиума ЦИК СССР «О награждении авиазавода № 39 за исключительные достижения по самолетостроению гражданской авиации». Завод был награжден орденом Ленина.

Но главные строки дальше:

«Амнистировать... конструкторов, бывших вредителей, приговоренных коллегией ОГПУ к различным мерам социальной защиты, с одновременным их награждением».

«Машина - дело, летать научим!»

Строящийся новый истребитель-моноплан получил заводской индекс ЦКБ-12. Рождался он... нелегально. Поликарпов создавал его по личной инициативе и по договоренности с начальником ВВС Яковом Ивановичем Алкснисом. Ни в одном перспективном плане развития Военно-воздушных сил страны новый самолет не числился.

Велик был соблазн включить его в этот план. Под «новую единицу» могли запланировать деньги. Но Алкснис пошел навстречу и не торопил конструктора.

К удивлению Поликарпова, работа над самолетом шла довольно быстро. В один из дней авиаконструктор пригласил к себе Чкалова и развернул перед летчиком чертежи нового самолета.

Чкалов долго и молча разглядывал листы ватмана и, серьезно посмотрев на Поликарпова, сказал:

– Великолепно задумано. За эту машину я готов драться, и прежде всего с вами, если затянете ее выпуск.

Летчик-испытатель, Герой Советского Союза Валерий Павлович Чкалов. Он принимал участие в испытании самолета И-16.

Когда истребитель уже обретал реальные черты, летчик приходил в сборочный цех опытного завода при конструкторском бюро и «обживал» кабину.

Первые пробежки по взлетной полосе показали, что самолет норовист, удерживать его на разгонной прямой трудно, движения летчика должны быть точными. К тому же машина боялась резких торможений, могла клюнуть носом и перевернуться.

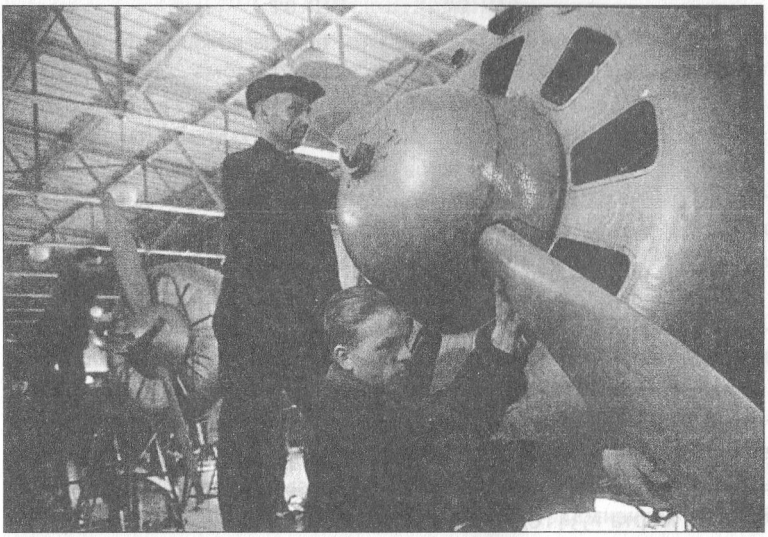
Замечания летчика-испытателя прибавили хлопот инженерам.

Проверен на штопор

День первого вылета назначили на 30 декабря 1933 года, канун Нового года. Ничего удивительного в этом не было. Уже сложилась и укоренилась традиция - последние дни года жить авралами. О рождении нового самолета пора было докладывать высокому начальству. К тому времени самолет поменял свой заводской индекс на серийный – И-16.

Интересные воспоминания о Чкалове той поры оставил ведущий инженер В. И. Тарасов:

«Как летчик Чкалов был исключительной личностью. Все задания выполнял отлично, вот только скептически относился к тем указаниям ведущего инженера в задании, где говорилось, как должен реагировать летчик при обнаружении той или иной неисправности или отказе материальной части. Однажды, это было в начале 1936 г., при заполнении мною полетного листа он сказал мне: «Что ты мне все пишешь



9450 истребителей И-16 изготовили на авиационном заводе в Горьком.

то, о чем я знаю не хуже тебя». Тогда я спокойно заметил ему: «Если что случится с самолетом, тебе будет уже все равно, а мне предъявят обвинение, что я неправильно оформил полетный лист. А наказание за это – сам знаешь какое».

Тогда он внимательно посмотрел на меня и сказал: «Ты прав, пиши все, что считаешь нужным. А я буду действовать по обстоятельствам». После этого разговора у нас установились прекрасные отношения».

К этому времени уже было известно, что у И-16 появился соперник в Германии. Тактико-технические данные созданного там истребителя «Мессершмитт-109» тщательно скрывались, но кое-что стало известно нашей разведке. Скорости советского и немецкого истребителей были примерно равными, вооружение тоже, а вот в маневренности И-16 выигрывал. Это скажется потом, в боях. А тогда Чкалов настоял на выявлении возможностей нового самолета.

Когда подошло время сдавать И-16 в серийное производство, правительственная комиссия была «за», «против» было… Управление ВВС Красной армии. Там считали, что на И-16 могут летать лишь опытные летчики, а таковых в стране было еще мало.

Чкалов было возразил, но его вмиг успокоили:

– Дорогой Валерий Павлович, вы и на палке сможете летать, а в армии служат простые летчики.

Кроме того, был еще один козырь, против которого возражения Чкалова были бессильны.

Существовало мнение, что И-16 плохо выходит из штопора. Даже расчеты ученых Военно-Воздушной академии подтвердили это. Главный конструктор дрогнул и готов был уступить и отказаться от своего детища.

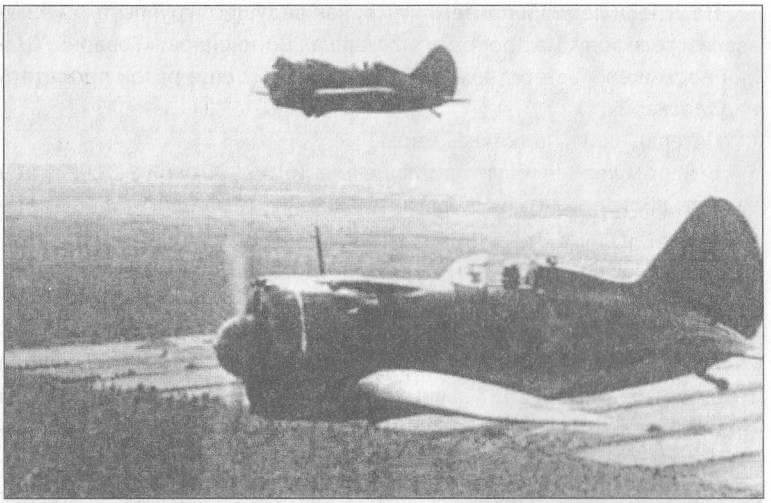
Но ведь И-16 на штопор не испытывали, не рискнули. Но это был шанс…

Чкалов настоял на испытаниях. Ему с трудом разрешили, но взяли слово, что при первой же опасности он покинет машину. Слово Чкалов дал.

Штопорить он начал с двух тысяч метров. Витки вправо – выход, витки влево – выход…

Снизил высоту до тысячи метров. Машина слушалась летчика и легко выходила в горизонтальный полет.

1 и 2 марта 1934 года Чкалов 75 раз срывал самолет в штопор. Эти испытания окончательно решили судьбу новой машины.



Пара истребителей И-16 в полете.

Общая оценка самолета гласила: «Обладает отличными пилотажными качествами».

Сталинское задание

После показа И-16 Сталину решено было построить пять специально облегченных самолетов для парадной пилотажной группы. Заказ на изготовление получил название «Сталинское задание». К марту 1935 года самолеты были готовы. Их покрасили в красный цвет, лишь капоты оставили черными.

Отобранная пятерка летчиков, в которую входил и Чкалов, осваивала пилотаж на И-16 в свободное от работы время. Утром летчики занимались своими испытательными заданиями, а во второй половине дня спешили к красным «ястребкам».

За тренировками следил сам командующий ВВС Яков Алкснис. Он и придумывал летчикам каскады пилотажных фигур, которые они должны были продемонстрировать зрителям.

1 мая пилотажная группа снизилась ниже крыш зданий и с оглушительным ревом ворвалась на Красную площадь. От ее средины, где брусчатку прочертила белая широкая линия, пятерка И-16 ввинтилась в небо и уже там, на высоте, продолжила изумлять москвичей и гостей города каскадами воздушных фигур.

Не успели летчики приземлиться, как ведущего группы тут же вызвали к телефону. На проводе был маршал Ворошилов: «Товарищ Сталин восхищен мастерством летчиков и просит еще разок пролететь над Москвой».

Пятерка вновь поднялась в воздух...

Вечером летчики были приглашены в Кремль. Осушить бокал вина за тост, произнесенный Сталиным в их честь, не удалось. На следующий день им предстояло продолжить демонстрационные полеты.

В строевых частях

На заводе № 21 в Горьком разворачивалось серийное производство истребителей И-16. Здесь серийный конструкторский отдел (СКО) сразу же предложил ряд удачных доработок машины. Первым делом был улучшен механизм уборки шасси. Проведенные испытания показали, что механизм работает вполне надежно, поэтому на всех последующих серийных машинах ставилась эта конструкция. Было улучшено и вооружение истребителя.

Поскольку это был четвертый тип самолета, строящегося на заводе № 21, то в документации он обозначался «И-16 тип 4». В дальнейшем Горьковский авиационный завод станет головным в серийном производстве этих истребителей.

А скоро новому истребителю выпало воевать. В Испании наши летчики назовут его «ишачком», а испанцы - «моско», то есть «мошка».

Чкалов сам хотел испытать И-16 в боях. Он писал рапорты с просьбой послать его в Испанию, но всякий раз ему отказывали...

Воевать выпало другим.

После Испании «ишачкам» выпала еще война: японские захватчики решили испытать крепость наших границ у озера Хасан и реки Халхин-Гол.

Наш земляк, дважды Герой Советского Союза Арсений Васильевич Ворожейкин, получил боевое крещение на истребителе И-16.

Вот как об этом рассказывал сам боевой летчик:

«По моему самолету, словно плеть, хлестнула пулеметная очередь, в глазах что-то блеснуло... Я отдал ручку управления до отказа и мгновенно провалился вниз. Я так резко перевел машину в пикирование, что меня наполовину вытащило из машины, вырвало из рук управление. Оглушенный толчком, ослепленный встречным потоком воздуха, я ничего не видел. Страшный скоростной напор воздуха ревел в ушах, перехватывал горло, разрывал легкие.

В эту последнюю минуту, когда гибель казалась неизбежной, я на-

Немало добрых слов сказал об И-16 в своих мемуарах наш земляк дважды Герой Советского Союза Арсений Васильевич Ворожейкин.

шел в себе остаток сил и потянул ручку управления на себя. Самолет вышел из пикирования у самой земли. Ни один существующий тогда самолет на это не был способен.

Когда я дотянул до аэродрома и сел, мой техник обратил внимание на пробоины в самолете. Их было двенадцать!

Я не удержался и вслух произнес: «Спасибо тебе, «ястребок»!» Залатанный, он и потом меня не раз выручал».

Чкалов стремился и на эту войну, но вновь получил отказ...

Летчики, воевавшие в годы Великой Отечественной, отмечали, что им приходилось получать самолеты, в формулярах которых значилось: «Самолет испытан и годен к эксплуатации в строевых частях ВВС. В. Чкалов».

И-16 находился в серийном производстве семь лет, и за это время было построено 9450 машин различных модификаций.

...Лишь в марте 1943 года последний самолет И-16 выйдет из войны.

Вячеслав ФЁДОРОВ.

Кто воевал на самолетах эскадрильи «Валерий Чкалов»-I

Начало строительству самолетов эскадрильи «Валерий Чкалов» положило обращение колхозников Чкаловского района (см. страницу 121).
Как только его опубликовала областная газета, посыпались отклики.

Арзамас. Колхозники артели «Красногвардеец» внесли на строительство самолетов 50 тысяч рублей.

Балахна. В колхозе имени Калинина Николо-Погостинского сельсовета собрано 242 тысячи рублей, в колхозе «Стремление» - 180 тысяч рублей.

Пильна. Пильнинские колхозники только за один день внесли полмиллиона рублей.

*** Митинг в цехе горьковского завода №21, где собирали самолеты эскадрильи «Валерий Чкалов».**

Кулебаки. За два дня - 900 тысяч рублей.

Перевоз. Недавно в свой родной колхоз «Революционный факел» вернулся с фронта раненый боец К. Тихонов. Когда в колхозе начался сбор средств на строительство эскадрильи самолетов «Валерий Чкалов», Тихонов одним из первых принес свои сбережения - 2 тысячи рублей. «Сейчас я не имею возможности бить немецких фашистов руками, - сказал он, - но стоять в стороне от борьбы с врагом не хочу. Пусть на наши деньги будет построено грозное боевое оружие, которое поможет одержать окончательную победу над фашистскими полчищами».

Ляхи. На собрании в В. Саве попросил слова 70-летний колхозник Яков Федорович Касаткин. «У меня на фронте пал смертью храбрых любимый сын, - сказал он, подойдя к столу президиума, и выложил на стол пачку денег. - Тут 180 рублей. Это мои кровные сбережения. Я отдаю их от чистого сердца отца, потому что хочу мстить за сына, хочу, чтобы снова зажили мирной жизнью».

«Раненые, врачебный состав, медицинские сестры и обслуживающий персонал госпиталей Н-ских эвакопунктов внесли из своих трудовых сбережений на строительство санитарных самолетов и эскадрильи боевых самолетов «Валерий Чкалов» 1636810 рублей...»

18 декабря 1942 года горьковчан телеграммой поздравил Верховный Главнокомандующий.

«**Горький**. Секретарю Горьковского обкома ВКП(б) тов. Родионову.

Прошу передать колхозникам и колхозницам Горьковской области, собравшим 60 миллионов рублей в фонд Красной армии для организации эскадрильи боевых самолетов «Валерий Чкалов», мой братский привет и благодарность Красной армии.

И. Сталин.»

62 пишем, 5 в уме

240-й истребительный авиационный полк начал войну с самого ее первого дня.

Правда, в его составе было всего семь летчиков. На двадцатый день войны в полку не осталось ни одного самолета. К сентябрю полк был переформирован, и вновь его хватило лишь на месяц боев.

Когда летчик Иван Кожедуб с трудом вырвался из Чугуевской военной школы, где служил инструктором, и получил назначение в 240-й истребительный авиационный полк, тот находился на переформирова-

Газ. Горьковская коммуна.

Построим мощную эскадрилью самолетов „Валерий Чкалов"

Обращение колхозников и колхозниц сельскохозяйственной артели „Согласие", Чкаловского района, ко всем колхозникам и колхозницам Горьковской области

Дорогие товарищи!

В своем историческом докладе, посвященном XXV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, наш вождь и учитель товарищ Сталин дал высокую оценку работе тыла и, в частности, нашего сельского хозяйства. Он сказал: «Наши колхозы и совхозы также честно и аккуратно снабжают население и Красную Армию продовольствием, а нашу промышленность—сырьем».

Эта высокая оценка, данная товарищем Сталиным, наполнила наши сердца чувством величайшей гордости за наш могучий колхозный строй, за наш советский народ, с честью выдерживающий тяжелые испытания.

Наш район, носящий имя великого патриота родины Валерия Павловича Чкалова, в этом году провел все сельскохозяйственные работы лучше и успешнее, чем в предыдущие годы.

Самоотверженный труд колхозников дал замечательные плоды. Получен богатый урожай зерновых культур, картофеля, овощей и небывалый урожай льна. Стремясь оказать всемерную помощь фронту, колхозы нашего района выполнили план хлебопоставок на 101 проц., картофелепоставок на 112,7 проц., овощей—на 112 проц., мяса — на 108,2 проц., молока—на 102,7 проц., льносемян—на 104,6 проц. Досрочно выполнен также план льнопоставок государству.

Но сделано нами еще далеко не все. Мы можем и должны оказать большую помощь героической Красной Армии в разгроме немецкого врага.

Красная Армия с честью выполняет указания Народного Комиссара Обороны товарища Сталина. Наши доблестные войска под Сталинградом и на Центральном фронте перешли в наступление, сокрушая и уничтожая на своем пути живую силу и технику врага, освобождая от немецко-фашистских захватчиков советские города и села. Это вызывает в народе новый патриотический под'ем.

Мы твердо уверены в том, что героическая Красная Армия разгромит немецко-фашистские банды и изгонит их с нашей родной советской земли. Для этого мы, работники тыла, должны удвоить и утроить свою энергию, усилить свою помощь фронту.

Обсудив на своем собрании патриотический почин колхозников Тамбовской области, собравших 40 миллионов рублей на строительство танковой колонны «Тамбовский колхозник» и заслужившие братский привет товарища Сталина и благодарность Красной Армии, мы решили подхватить их замечательную инициативу и организовать сбор средств на строительство эскадрильи самолетов «Валерий Чкалов». На строительство этой эскадрильи мы соберем в своем колхозе 300 тысяч рублей (что составляет более 2 тысяч рублей с каждого колхозного хозяйства) и внесем их наличными.

Мы призываем последовать нашему примеру всех колхозников и колхозниц Горьковской области.

Товарищи колхозники и колхозницы! Сделаем все, чтобы помочь Красной Армии разгромить немецкого врага! Соберем средства на постройку эскадрильи самолетов имени нашего знатного земляка, замечательного патриота родины, Валерия Павловича Чкалова! Пусть бойцы и командиры нашей доблестной Красной Армии знают, что с ними весь советский народ, что мы, работники тыла, еще настойчивее и упорнее будем помогать им громить фашистскую нечисть.

Да здравствует наша доблестная Красная Армия, несущая разгром гитлеровским полчищам!

Да здравствует наш великий вождь и полководец, наш родной отец товарищ Сталин!

По поручению собрания подписали:

М. А. Коротков, председатель колхоза; **Е. Я. Смирнов**—зав. конефермой; **В. В. Белоногов**—зав. МТФ; **Ф. С. Мамыкин** — колхозник; **В. Н. Писарева** — колхозница; **Н. Н. Сазонова** — культработник; **З. В. Лунина**—звеньевая; **З. Ф. Белоногова**—колхозница; **С. П. Короткова**—колхозница; **О. И. Лебединская**—учительница; **Н. И. Сазонов, Д. И. Корсунин, Л. В. Пыхина, А. Н. Новожилов** — колхозники, всего 60 подписей.

Обращение горьковских колхозников.

нии в городе Иванове. Полк вывели из-под Сталинграда, где за месяц ожесточенных воздушных боев были потеряны почти все самолеты, а в строю осталось лишь несколько летчиков.

Здесь полк и получил новенькие самолеты с Горьковского авиационного завода - три эскадрильи по 12 именных самолетов.

Вот как описывает этот момент Иван Никитович Кожедуб в своей книге «Верность Отчизне»:

«Шел февраль 1943 г. Нам все чаще говорили, что скоро вылет на фронт. Однако самолетов, на которых мы тренировались, было недостаточно.

- Не беспокойтесь, скоро прибудут новенькие, прямо с завода. На них-то мы и полетим воевать, - однажды сказал старший инженер полка.

А через несколько дней морозным утром в небе появились «лавочкины».

Уж не к нам ли?

Так и есть: начали приземляться. Вот новенькие Ла-5 стояли стройным рядом, поблескивая на воздухе. Воздух наполнялся запахом свежей краски. Читаем на бортах самолетов: «Эскадрилья имени Валерия Чкалова».

Нам даже не верилось, что это наши самолеты.

Немного погодя нас собрал командир.

- Эти самолеты построены на сбережения земляков Чкалова. Это дар трудового народа... Земляки великого летчика нашего времени Валерия Павловича Чкалова прислали нам наказ: быть такими же бесстрашными, каким был он. Вот такие самолеты нам доверены! И наш долг - отлично воевать ими.

За каждым летчиком закрепили машины. Мне достался Ла-5 № 75».

Боевой дебют летчика был неудачен. Во время боя он не смог удержаться за ведущим. Пара немецких асов, видя это, атаковала самолет Кожедуба. Молодой летчик сумел уйти из-под атаки и дотянуть на израненной машине до аэродрома, но, как определили на земле техники, самолет восстановлению уже не подлежал.

Разбор полета был суровым. Иван Никитович Кожедуб вспоминал, что он получил памятный урок, который запомнил на всю жизнь: в полете надо прежде всего выполнять то задание, которое поставлено, а он оставил ведущего летчика без прикрытия. Командование полка выводов делать не стало, понимая, что это был первый боевой вылет

молодого летчика. Только после сорокового боевого вылета на фюзеляже самолета Кожедуба нарисовали первую победную звездочку.

Молодому летчику пришлось вести воздушные поединки с асами из отборных авиационных гитлеровских эскадр «Мальдерс», «Ас-Пик», «Рилтгофен», «Удет». На фюзеляжах этих воздушных разбойников были намалеваны драконы, тузы, черные кошки...

Шесть боевых машин сменил за войну летчик Кожедуб, и все они были построены на Горьковском авиационном заводе.

Надо признаться, летчики не очень-то любили самолеты, на борту которых имелись надписи. Они привлекали внимание немецких асов, и те устраивали охоту, понимая, что, уничтожив такой самолет, они одерживают не только боевую победу, но еще и моральную, доказывая, что нет у советских летчиков неуязвимых машин.

Иван Никитович Кожедуб почти всю войну летал на именных машинах и ни разу не был сбит.

В Монинском авиационном музее под Москвой хранится последний боевой самолет Ивана Никитовича Кожедуба. Это самолет Ла-7 за номером 27. На его фюзеляже 62 звездочки. Но есть среди этих побед особая. Она одержана над фашистским реактивным истребителем Ме-262.

Сравним два встретившихся в бою самолета. На «лавочкине» стоял один четырехцилиндровый двигатель АШ-82. На Ме-262 стояли два реактивных, разница в скорости составляла до двухсот километров.

Тот бой можно назвать невероятным, он произошел именно на... догоне. Кожедуб так рассказывает об этом:

«... Тактика борьбы с реактивными самолетами еще не была выработана. Но нас предупредили: главное - своевременно заметить «Мессершмитт-262», если представится удобный случай - атаковать до конца, используя боевые качества своих машин.

...19 февраля Дмитрию Титаренко и мне довелось встретиться с немецко-фашистским реактивным самолетом.

Дело было так. Мы вели воздушную охоту невдалеке от линии фронта. Внимательно слежу за воздухом. С юга, со стороны Франкфурта, на высоте 3500 метров внезапно появился самолет. Он летел вдоль Одера на скорости, предельной для наших «лавочкиных». Да это же реактивный самолет! Быстро разворачиваюсь. Даю мотору полный газ, преследую врага. Летчик, очевидно, и не смотрел назад, полагаясь на большую скорость. Выжимаю из машины максимальную скорость, стараясь сократить дистанцию и подойти с небольшим снижением

Трижды Герой Советского Союза Иван Никитович Кожедуб в музее авиации Монино у своего Ла-7, на котором он завершил войну.

под «брюхо» вражеского самолета. Хочется подробно рассмотреть его, если удастся - открыть огонь и сбить.

Титаренко не отстает. Зная, что он может поспешить, предупреждаю:

- Дима, не торопись!

Подхожу со стороны хвоста на расстоянии пятьсот метров. Удачный маневр, быстрота действий, скорость позволили мне приблизиться к реактивному самолету.

Но что это? В него летят трассы: ясно - мой напарник все-таки поторопился!.. Но его трассы нежданно-негаданно мне «помогли»: немецкий самолет стал разворачиваться влево, в мою сторону. Дистанция резко сократилась, и я сблизился с врагом. С невольным волнением открываю огонь. И реактивный самолет, разваливаясь на части, падает».

Под занавес Второй мировой войны лучшему к тому времени асу СССР пришлось дважды дать урок летного мастерства зарвавшимся «союзникам».

Кожедуб пополнил боевой счет двумя американскими истребителями «Мустанг», которые по ошибке попытались атаковать его над Берлином.

Вот как об этом рассказывал сам Иван Никитович Кожедуб:

- 17 апреля 1945 года я встретил в воздухе «летающие крепости» союзников. Их атаковали «мессершмитты». Решил помочь и ввязался

Кинооператор снимает летчиков эскадрильи «Валерий Чкалов» 159-го авиационного полка на аэродроме на Кубани у истребителя Ла-5 (бортовой номер 60) дважды героя СССР Е. Я. Савицкого.

Гвардии капитан Евгений Терентьевич Цыганов, заместитель комэска 4-го Гвардейского истребительного авиационного полка, воевал на самолете, подаренном горьковскими колхозниками. В конце войны летчику присвоено звание Героя Советского Союза.

в бой. Заградительной очередью отогнал немецкие истребители, но через секунду был сам атакован американскими «Мустангами» прикрытия. Хорошо, что очередь по мне дали с расстояния в километр. Видно было, как она прошла ниже моего самолета. Я перевернулся и, быстро сблизившись, атаковал крайнего американца. Он запарил и пошел со снижением в сторону наших войск. Полупетлей выполнил боевой разворот и с перевернутого положения атаковал следующего. Самолет взорвался в воздухе...

Когда напряжение боя спало, настроение у меня было совсем не победным, я ведь знал, что «заваливаю» американцев. Но все обошлось. Пленки фото-кино пулемета смотрело командование и полка, и дивизии, и корпуса. А наш комполка вскоре отдал их мне со словами: «Забери их себе, Иван, и никому не показывай».

А командир дивизии подвел такой итог боя: «Эти победы - в счет будущей войны».

И он оказался прав. Во второй половине 1944 года началось столкновение между советскими и американскими авиагруппами. И это было не следствие традиционной для любой войны неразберихи. Уже тогда американское командование считало весь европейский континент своей зоной влияния. Командующий американскими ВВС Спаатс даже демонстративно отказался обсуждать с маршалом Жуковым порядок полета над советской зоной, нахально заявив, что «американская авиация всюду летала, и летала без ограничений».

16 апреля 1944 года американская дивизия тяжелых бомбардировщиков устроила «кровавую Пасху» для жителей Белграда, обрушив на них бомбовый удар.

7 ноября 1944 года тяжелые истребители «Лайтинг» разбомбили штаб нашего стрелкового корпуса, где погиб его командир и были ранены несколько десятков человек.

Перед самым Днем Победы эскадрилья «летающих крепостей» вошла в пространство советской оккупационной зоны. Майор Кожедуб вогнал в землю три многомоторных гиганта. Остальные не стали испытывать судьбу и повернули назад.

Так что на Ла-7, самолете Ивана Никитовича Кожедуба, который выставлен в подмосковном музее Монино, к 62 нарисованным на фюзеляже звездам можно добавить еще, как минимум, пяток.

Публикацию подготовил
Федор СОЛОМИН.

«Лечу громить фашистов на «Америке»...

В 2010 году в «Земле нижегородской» было опубликовано вот такое сообщение:

«В Краснодарском крае поисковым отрядом «Набат» были найдены обломки советского бомбардировщика американского производства А-20 "Бостон" и останки экипажа.

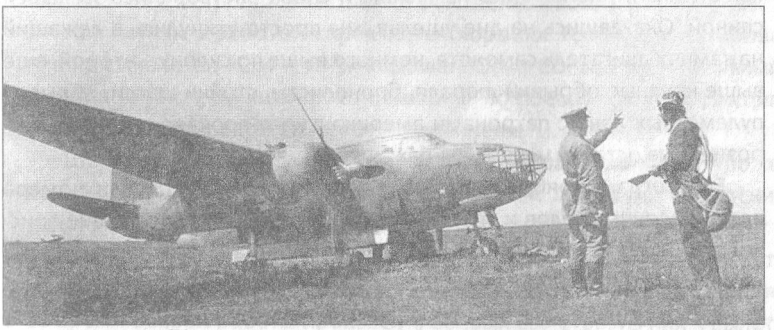
Двое летчиков оказались горьковчанами – это Виктор Георгиевич Ванюшев и Дмитрий Яковлевич Трубников.

В. Ванюшев родился в 1916 году в деревне Елизарово (Дивеевский район, Нижегородская область). Был призван по спецнабору Автозаводским РВК Горького в 1940 году. Являлся командиром экипажа бомбардировщика "Бостон" 63 БАП 132 БАД.

Д. Трубников родился в 1917 году в деревне Кожухово (Городецкий район, Нижегородская область). Был призван Балахнинским РВК Горьковской области. Сержант, стрелок-радист.

Экипаж самолета 4 января 1944 года не вернулся из боевого вылета.

В. Ванюшев и Д. Трубников числятся в Книге Памяти Нижегородской области как пропавшие без вести».



Самолет «Бостон» А-20, который поставляла Америка нам по ленд-лизу. Советские летчики использовали его как легкий бомбардировщик и штурмовик.

Из записок альпиниста Евгения Порфирьева:

Ноябрьские праздники уже давно стали традиционным временем сбора альпинистов Краснодарского края. Осень 1999 года не стала исключением. Теплым ноябрьским утром мы выдвигаемся из Краснодара в хутор Новый, далее 10 километров на вездеходах по бездорожью, и вот мы уже на приюте Альпинистский у подножия Главного Кавказского хребта.

Начинается затяжной подъем к месту базового лагеря в урочище Монастыри, получившем свое название благодаря скальным выходам, напоминающим своим профилем купола собора. Вечером мы сидим у костра и рассказываем занимательные истории из жизни. Именно тогда я впервые услышал историю об обломках самолета, лежащих в нескольких километрах от нашего лагеря. С этого момента я не мог думать уже ни о чем другом, азарт и предвкушение поиска полностью овладели моим сознанием.

Едва дождавшись рассвета, мы, в составе трех человек, выдвинулись в район предположительного падения самолета. Нужно понимать, что дорог в горах практически нет, и найти самолет, руководствуясь только устным описанием места, весьма непросто, но этот день 7 ноября 1999 года был «нашим днем».

Примерно через полтора часа непрерывного подъема мы вышли на северо-восточный склон горы Тхаб. Отсюда, судя по описанию, необходимо было уходить траверсом влево, и если мы шли верным путем, то во втором ущелье должны быть обломки самолета. Преодолев первое ущелье, мы поднялись на хребет и с замиранием сердца начали спуск во второе. Огромные валуны и многовековые деверья, как великаны, появлялись из тумана и снова растворялись за нашей спиной. Оказавшись на дне ущелья, мы просто уткнулись в лежащий на камнях двигатель самолета, немного выше по склону – второй, еще выше крупные обрывки дюраля, бронелисты, стойки шасси, обрывки пулеметных лент с патронами американского производства и… разрозненные останки членов экипажа.

Еще тогда, в ноябре 1999 года, мы тщательно переписали номера всех найденных узлов и агрегатов самолета, однако отсутствие поискового опыта не позволило «по горячим следам» установить имена летчиков. Этот самолет стал первым найденным нами самолетом. После него будут еще десятки самолетов и установленных имен летчиков, но установить имена членов экипажа этого самолета нам не удавалось на протяжении 10 лет.

Осенью 2008 года мы вернулись на место падения и еще раз попытались завершить начатое. Помимо краснодарских поисковиков в экспедиции приняли участи наши коллеги из Ростовской области. И снова, как и в 1999 году, удача была на нашей стороне: среди груды искореженного металла была найдена заводская табличка с указанием типа самолета, даты его выпуска и номера № 41-2789.

Из письма Центрального архива МО РФ:

«В приказе по 63 НББАП № 016 от 31.01.1944 г. значится:

«Списать с лицевого счета полка самолет А-20-В № 12789 с моторами «Райт-Циклон» № 25181 левый, № 12582 правый с вооружением, спецоборудованием и прочим оборудованием – не вернувшийся с боевого задания ночью 04.01.1944 г.».

В оперативной сводке № 5 штаба 132 БАД г. Краснодар к 7.00 04.01.1944 г. записано:

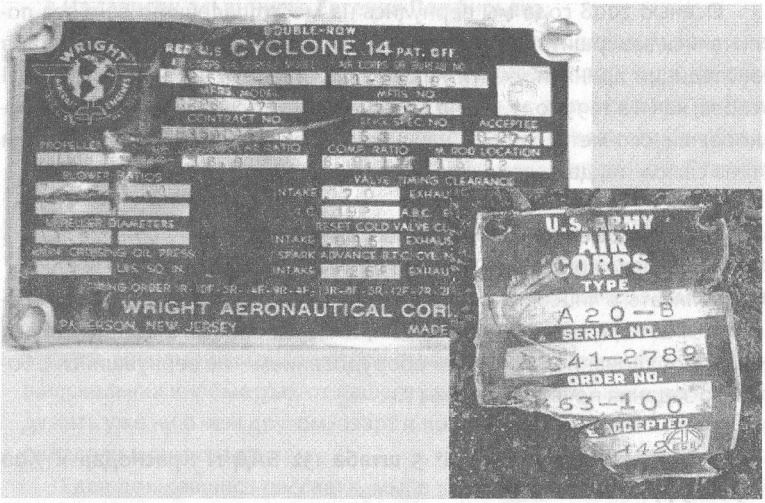
«... 63 НББАП на 04.01.1944 года в период 18.55 – 01.19 двумя выходами одиночных самолетов с высоты 1000-1500 метров выполнял боевое задание по бомбардировке войск и артиллерии противника на высотах 931.1, 100.1 и в пунктах Ени-Сала, Ангара, Чавка...

Экипаж лейтенанта Ванюшева с боевого задания не вернулся. Идя на обратном пути, был получен пеленг 317, после чего связь с экипажем резко прервалась. Экипаж на свой аэродром не вернулся. Судьба неизвестна.

Пилот лейтенант **Ванюшев Виктор Георгиевич**, 1918 г.р., уроженец Горьковской области, Дивеевский район, д. Елизарово. Холост, мать Ванюшева Анна Петровна. Участник Отечественной войны с 19.01.1943 г.

Как летчик с работой справляется хорошо. Техника пилотирования на самолетах «СБ» и «Б-3» хорошая. Опыт боевой работы малый: имеет на «СБ» - 2 боевых вылета, на «Б-3» - 10 боевых вылетов. Дисциплинирован, требователен к себе и подчиненным.

Штурман младший лейтенант **Петренко Иван Павлович**, уроженец Казахской ССР, Восточно-Казахстанской области, Самарский район, с. Малороссиевка. В должности штурмана в полку работает с 14.12.1943 г. Теоретически подготовлен хорошо. Материальную часть самолета «Бостон» и вооружение сдал с общей оценкой на «хорошо». За время боевой работы произвел 9 боевых вылетов, из них 3 вылета в кабине «Б-3» за воздушного стрелка и 6 вылетов самостоятельно за штурмана экипажа.



«Опознавательные» знаки, которые нашли в горах альпинисты — таблички с обозначениями, где читались номера самолета и двигателя.

Стрелок-радист сержант **Трубников Дмитрий Яковлевич**, 1917 г. р., уроженец Горьковской области, Городецкий район, п/о В-Машковская, д. Кожуховка. Холост, отец – Трубников Яков Алексеевич. Участник Отечественной войны с 22.06.1941 г. В 63 НББАП с 15.07.1943 г.

Материальную часть радиостанции и стрелкового вооружения самолета «Бостон» знает хорошо. Отказов при выполнении боевых заданий не было. Дисциплинирован, к себе требователен и всегда исполнителен.

Воздушный стрелок сержант **Мякушин Григорий Порфирович**, 1922 г.р., уроженец Казахской ССР, Восточно-Казахстанская область, Зырьяновский район, с. Тургусун. С работой воздушного стрелка справляется отлично. Награжден медалью «За боевые заслуги». Материальную часть стрелкового вооружения самолета «Бостон» знает хорошо. Дисциплинирован, выдержан, пользуется авторитетом среди товарищей».

Из письма племянницы летчика Ванюшева Елены Васильевны Богдановой:

«Благодаря огромной работе, проделанной Краснодарской краевой общественной поисковой организацией «Набат», семья погибше-

го летчика, спустя долгие годы, получила свидетельства последних минут жизни экипажа самолета А-20 «Бостон», командиром которого был Ванюшев В.Г., брат моей матери.

В семье всегда с большим уважением и теплотой относились к памяти Виктора Георгиевича. Бережно хранятся его письма, самое раннее из которых датировано 8 апреля 1939 года. Оно отправлено из г. Энгельса, и в нем Виктор сообщает, что «зачислен курсантом Энгельсского военного авиационного училища».

Командир экипажа лейтенант Виктор Георгиевич Ванюшев.

Быть летчиком – мечта детства Виктора. До войны он закончил Горьковский аэроклуб им. Водопьянова.

Судя по письмам, учеба Виктору нравилась. Он сообщает, что в училище для курсантов созданы все условия: квалифицированные преподаватели, богатая библиотека. «Моя жизнь проходит в напряженной учебе – каждая минута на учете. Но я чувствую себя «в своих санях».

Единственное, что он просит, - прислать ему автоматическую ручку: «она в нашем положении очень удобна!» В следующем письме он благодарит родных за то, что выполнили его просьбу. Все письма Виктора проникнуты любовью и заботой о родных (в Горьком его мать и отец, три сестры и младший брат).

В одном из писем он сообщает, что обязательно поможет брату с покупкой велосипеда. «Но, Коля, твое желание кататься вместе (когда приеду в отпуск) едва ли осуществится так скоро, потому что до выпуска из училища, наверное, не отпустят, а выпустить нас обещают осенью 1941 года... »

В другом письме – открытка с изображением фотоаппарата, который был куплен для младшего брата. Но, к сожалению, младший брат больше никогда не увидит Виктора, и его мечтам покататься вместе на велосипеде, освоить фотоаппарат, услышать рассказы о полетах, при-

Похороны экипажа в Геленджике.

мерить на себя командирские очки, «чкаловские», как пишет Виктор, уже не суждено сбыться.

А пока – идут напряженные зачеты, а с августа1940 г. «начинается летная практика на боевых самолетах, а они такие громадные…» Но уже в ноябре 1940 года – «все у меня идет хорошо, уже летаю самостоятельно, на самолете Р-5, т. е. на переходной машине, после которой останется освоить еще один самолет и все!» «По летной практике имею отличные показатели – инструктор говорит: «У тебя дело пойдет!» Кроме этого, теоретическая подготовка, а в выходные – «лыжный кросс им. генерала Тимошенко: 9 февраля 1941 года ходили на 10 км, а 16 февраля – на 20 км. Кросс проводили с полной выкладкой, т.е. в шинели, с винтовкой и противогазом – в результате, несмотря на мороз, нижнюю рубашку пришлось выжимать. Наша эскадрилья заняла на этом кроссе 1 место по училищу».

Из письма от 7 мая 1941 года мы узнаем, что Виктор находится в 50 км от Энгельса, в лагерях, где организует размещение вновь прибывших курсантов, готовится через месяц окончить школу, сообщает, что его планируют оставить при школе инструктором. «В скором времени, наверное, явлюсь к вам в отпуск – отпуск нам положен по месяцу каж-

дый год». Но начавшаяся вскоре война помешала этой долгожданной встрече. Родные и близкие больше никогда не увидят Виктора, и на долгие годы печаль и скорбь поселятся в их доме.

Виктор переведен на Северный Кавказ, в г. Краснодар, и снова напряженные будни: теоретические занятия, учебные полеты по 12 часов в сутки. «... как видите, служить в авиации, - пишет Виктор,- это значит непрерывно учиться, а насчет фронта – нам всем очень хочется туда попасть».

Как отлично освоивший бомбардировщик, Виктор Ванюшев включен в группу переподготовки для полетов на американских самолетах.

Американский «Дуглас А-20 Хэвок Бостон» относился к семейству самолетов, включавших штурмовик, легкий бомбардировщик и ночной истребитель, и использовался ВВС США, Великобритании и других стран. Во время Великой Отечественной войны 665 самолетов А-20В были переданы Советскому Союзу. «Мы их освоили успешно, - пишет Виктор в очередном письме, - и в ближайшее время я ночью полечу громить немцев на «Америке». Это было его последнее письмо. Август 1943 года. За 4 месяца до гибели...»

Откликнулись и родственники стрелка-радиста Дмитрия Яковлевича Трубникова из деревни Кожухово Городецкого района Горьковской области.

В живых остался двоюродный брат Иван Лукич. Ему исполнилось 93 года. Он тоже воевал. Судьба ему досталась нелёгкая. Выходя из окружения, в 41-м году попал в плен и четыре года провёл в Германии. Об этих годах без слёз вспоминать не мог. Сыну Ивана Лукича, Дмитрию, тоже выпала война - с 1982 по 1984 годы служил в Афганистане водителем в отдельном батальоне связи. Фотографии Дмитрия Яковлевича Трубникова, к сожалению, не нашлось.

Обратившись к событиям того периода войны, узнаем, что 63-й бомбардировочный авиационный полк 132-й бомбардировочной авиационной дивизии (4-я воздушная армия), в котором служил Виктор Ванюшев, осенью 1943 года, в ходе Новороссийско-Таманской операции, бомбил укрепления так называемой «Голубой линии» противника, а затем отступающие по Таманскому полуострову немецкие войска. В сентябре-октябре 1943 года Северо-Кавказский фронт освободил Новороссийск, очистил от немецких войск Таманский полу-

остров и завершил освобождение Северного Кавказа, создав условия для победы в Крыму. Наша бомбардировочная авиация продолжала базироваться на аэродромах Краснодарского края, нанося удары по объектам противника на Крымском полуострове.

В ночь на 4 января 1944 года экипаж лейтенанта Ванюшева, выполнив задание, не вернулся на свой аэродром, связь с экипажем прервалась...

Что же могло случиться с самолетом, возвращавшимся на базу? Предположить можно все что угодно. Но следопытами установлено, что самолет нападению со стороны врага не подвергался. Осколочные и пулевые следы на обломках фюзеляжа не обнаружены. Полет проходил ночью над высокогорьем. Скорее всего, это была катастрофа. Самолет врезался в господствующую над местностью гору Тхаб.

Останки экипажа бомбардировщика «Бостон» №12789 были захоронены на воинском мемориале защитников кубанского неба в городе Геленджике.

Виктор ЕМЕЛЬЯНОВ.

Несписочный маршал

В Нижнем Новгороде есть улица маршала Голованова. Но большинство живущих на ней даже не знает, кем был этот маршал. Ясно одно - военным человеком...

О нем мало пишут и не очень-то вспоминают. А между тем человек этот был уникальным. Великолепный летчик и воздушный военачальник, участник Великой Отечественной войны с ее первого и до последнего дня.

С ним был дружен известный советский поэт Феликс Иванович Чуев. Его беседы с Александром Евгеньевичем Голованом стали основой воспоминаний, с которыми мы вас знакомим.

*** Современный тяжелый ракетоносец носит имя «Александр Голованов». Полет продолжается.**

«№ 36412/42

Секр. 4 отд. РУ ВВС Германии

(Перевод с немецкого.)

ВОЕННО-ВОЗДУШНЫЕ СИЛЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

АВИАЦИЯ ДАЛЬНЕГО ДЕЙСТВИЯ (АДД)

Сентябрь 1943

4-й отдел Разведуправления Генштаба ВВС

Данные для этой разработки были неоднократно проверены, ибо для этого много благоприятных обстоятельств. На достоверность всех данных было обращено особенно серьезное внимание.

История развития АДД

В начале войны перед военным руководством Советского Союза встала серьезная задача создания единой системы подготовки и обучения всех соединений дальней бомбардировочной авиации, ибо налицо были грубые ошибки в ее боевом применении и ощутимые потери. Уже в первые дни войны высшее командование ВВС КА благодаря неправильному использованию соединений дальней бомбардировочной авиации потеряло весь состав самолетов-бомбардировщиков и отлично подготовленный для ночных и слепых полетов летный состав. При дневных действиях по переднему краю обороны дальнебомбардировочная авиация выполняла свои задачи без сопровождения истребителей, что привело к огромным потерям.

В апреле 1942 года военным руководством были приняты решительные меры, и в удивительно короткий срок был создан «Оперативный воздушный флот» - АДД.

АДД выводят из состава ВВС КА и ставят во главе ее способного, имеющего боевой опыт генерал-полковника Голованова, который был произведен в маршалы авиации и пользуется чрезвычайно большим доверием Сталина.

Принимая во внимание ее особые задачи, АДД в дальнейшем получает самостоятельность.

Организация АДД

Во главе АДД стоит главнокомандующий - летчик дальнебомбардировочной авиации А. Е. Голованов, который 3 августа 1943 года был произведен в маршалы авиации.

По всеобщему мнению, он считается одним из способнейших генералов ВВС СССР. Имея долголетний опыт как летчик гражданской авиации, он обладает большими летными данными и отличным организаторским талантом.

В Академии гражданского воздушного флота и во время своей работы в качестве руководителя территориальных управлений ГВФ в Средней Азии и Сибири он получил всесторонние знания в области авиации и, в частности, в области дальних воздушных сообщений, а также организационно-административные навыки, которые он и использует в настоящее время в военной авиации.

Кроме того, он имеет большую популярность, хорошее общее развитие и обладает большой энергией.

Значительно то, что до сих пор никто из пленных летчиков не мог сказать про него ничего отрицательного.

Положение Голованова, а также всей АДД знаменуется очень близким отношением Голованова к Сталину. Согласно показаниям военнопленных, Голованов еще в первые годы существования советской власти, очевидно, был активным деятелем ЧК. Впоследствии он сменил работу в партийных органах на профессию простого летчика, где также успешно проявил себя. В 1938 году советская пресса отмечала его как летчика-миллионера, налетавшего миллион километров.

Голованов в числе немногих имеет право на свободный доступ к Сталину, который в знак своего особого доверия называет его по имени.

Как представитель Ставки Верховного Главнокомандования Голованов не менее значительная личность, чем маршал Новиков, не говоря уже о его обширных знаниях в тактических вопросах.

АДД особенно обязана личности Голованова тем, что она к сегодняшнему дню является предпочтительным видом авиации ВВС СССР, имеет больший авторитет, чем другие виды авиации, и стала любимицей русского народа».

Это писал враг. Для себя.

Какой был маршал - маршал Голованов!

Странное дело - человека нет уже почти 20 лет, а не прошло, наверное, и дня, чтобы я не вспомнил о нем и не услышал его слова:

- Я тебе скажу следующее дело...

Знавал я многих крупных военных, даже с некоторыми самыми прославленными довелось не раз беседовать, и все-таки «Какой был маршал - маршал Голованов!»

Были у меня такие стихи...

Я познакомился с ним в 1968 году в Научно-исследовательском институте гражданской авиации, где работал инженером по летным испытаниям, а главный маршал авиации (кстати, получивший это звание

в 40 лет, самый молодой в мире!) заканчивал карьеру в должности заместителя начальника института по летной части, а практически летал вторым пилотом на опытных самолетах. Такое только в России... Его рано уволили на пенсию, после смерти Сталина. Просил предоставить работу, ответили: «Для ваших погон у нас и должности нет!» И тогда он пошел летать в НИИ.

Его дедом по матери был Николай Кибальчич, да-да, тот самый революционер-народоволец, что готовил покушение на царя и был за это царем повешен. Тот самый, что перед самой казнью отправил из тюрьмы на высочайшее имя пакет с чертежами первого в мире космического летательного аппарата. Вот такое родство...

А в октябре 1917 года 13-летний Голованов вступил в Красную гвардию - благо вымахал ростом под два метра и выглядел на все 16... Воевал на Южном фронте, работал в контрразведке. Принимал участие в аресте Бориса Савинкова, и пистолет знатного эсера хранился в столе у будущего маршала. В 21 год он носил четыре шпалы на петлицах - полковник по более поздним понятиям. Но, как спустя годы напишет о нем в своем досье Гитлеру немецкая разведка, «он сменил свою работу в партийных органах на профессию простого летчика, где также успешно проявил себя».

Братья Голованы в Московском кадетском корпусе имени Екатерины II. Шура – сидит второй слева. Толя – во втором ряду третий справа.

Он стал гражданским летчиком, быстро вырос до начальника Восточно-Сибирского управления гражданского воздушного флота.

И 1937 год...

Исключен из партии в Иркутске, чудом избежал ареста: друзья-чекисты предупредили, чтобы срочно уезжал в Москву, за правдой. В Москве с трудом устроился вторым пилотом. И добился правды: Комиссия партийного контроля выяснила, что исключен он ошибочно, более того, обнаружили документы о представлении его к ордену Ленина за работу в Сибири. Ему вновь предложили руководящую должность, уже в Москве, но он отказался и продолжал летать пилотом. Очень хорошим пилотом.

А. Е. Голованов - уполномоченный особого отдела дивизии им. Ф. Э. Дзержинского. 1925 г.

Когда я смотрел на него, видел в нем летчика «громовского плана». Дело в том, что я давно уже всех хороших летчиков делю на два типа: громовский и чкаловский.

Так вот, Голованов, мне кажется, относился к громовскому складу характера в авиации. Хотя, конечно же, и у Громова, и у Чкалова было много общего: беспредельная любовь к своему делу, стремление быть первым. Оба мечтали облететь земной шар. Чкалову помешала внезапная, нелепая гибель, Громову - война.

Таким же был Голованов. Тоже мечтал о полете вокруг шарика. В 1938 году газеты писали о нем как о летчике-миллионере, то есть налетавшем миллион километров. Дальше Халхин-Гол, финская кампания. Голованов летает, применяя передовое в самолетовождении - радионавигацию, точно выводит самолет на цель, выполняет с экипажем задание и возвращается на базу. Немногие тогда так летали.

Новый, 1941-й, год шеф-пилот Аэрофлота Голованов встречал в Москве, в клубе летчиков. Голованов сидел за столом с генеральным инспектором ВВС Яковом Владимировичем Смушкевичем. Смушке-

вич завел разговор о том, что наши летчики слабо подготовлены к полетам в плохую погоду, вне видимости земли, что показала Испания и особенно Финляндия. Летать по радио они не умеют, и у нас не придается должного значения этому делу.

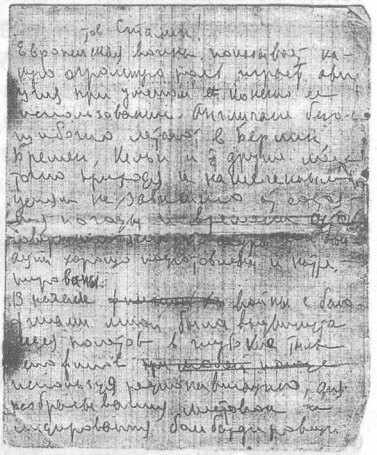
- И вы должны об этом написать письмо товарищу Сталину, - сказал Смушкевич Голованову.

Много лет спустя мы вдвоем с Головановым читали это письмо.

«Товарищ Сталин!

Европейская война показывает, какую огромную роль играет авиация при умелом, конечно, ее использовании. Англичане безошибочно летают на Берлин, Кельн и другие места, точно приходя к намеченным целям независимо от состояния погоды и времени суток. Совершенно ясно, что кадры этой авиации хорошо подготовлены и натренированы.

Имея некоторый опыт и навыки в этих вопросах, я мог бы взяться за организацию соединения в 100–150 самолетов, которое отвечало бы последним требованиям, предъявляемым авиации, и которое летало бы не хуже англичан или немцев и являлось бы базой для ВВС в смысле кадров и дальнейшего увеличения количества соединений.



Страница черновика письма И. В. Сталину с предложением о создании соединения дальних бомбардировщиков.

Дело это серьезное и ответственное, но, продумав все как следует, я пришел к твердому убеждению в том, что если мне дадут полную возможность в организации такого соединения и помогут мне в этом, то такое соединение вполне возможно создать. По этому вопросу я и решил, товарищ Сталин, обратиться к вам. Летчик Голованов».

С облегчением, что выполнил указание начальства, отправил письмо, однако не надеясь на то, что оно попадет к столь высокому адресату, а если и попадет, то станет ли Сталин читать письмо простого летчика? Вскоре его очередной полет в Алма-Ату был прерван, срочно вызвали в Москву.

- Несколько раз звонил какой-то Маленков, - сказала жена.

Вскоре снова позвонили, прислали машину, и Голованов оказался в кабинете секретаря ЦК Г. М. Маленкова, который после короткого разговора снова предложил сесть в машину. Не прошло и пяти минут, они вошли в небольшой подъезд, поднялись на второй этаж. По кабинету от дальнего стола навстречу шел человек, знакомый всему миру по портретам.

- Здравствуйте, - сказал Сталин. - Мы видим, что вы действительно настоящий летчик, раз прилетели в такую погоду. Мы вот здесь, - он обвел присутствующих рукой, - ознакомились с вашей запиской, навели о вас справки, что вы за человек. Предложение ваше считаем заслуживающим внимания, а вас считаем подходящим человеком для его выполнения.

Как во сне. Все снова с нуля началось для Голованова. Вернее, не с нуля, с полка. Сталин присвоил Голованову звание подполковника. За три года он вырос до главного маршала авиации!

- Как к вам относился Сталин? - спросил я его.

- Как я к тебе, - коротко ответил Александр Евгеньевич.

В Подольском военном архиве мы вместе будем читать разработку немецкой разведки: «Голованов в числе немногих имеет право на свободный доступ к Сталину, который называет его по имени в знак своего особого доверия».

- А ведь, правда, называл, - улыбается Голованов, снимая очки. - Откуда они все это узнали? Я тебе скажу следующее дело: я его ни разу не подвел, ни разу не обманул. А среди командующих такие были, и Сталин имел при себе средство против них: записную книжку - «колдуна», как он говорил, которую доставал из глубочайшего кармана брюк. В нее он записывал наиболее важные цифровые данные.

«Я ничего не записывал...»

Голованов обычно являлся к Сталину без блокнота, карандаша, вообще не имея при себе никаких записей. Докладывал по памяти и получаемые распоряжения, весьма разнообразные по содержанию, всегда запоминал и точно выполнял. Когда заданий набиралось много, Сталин говорил Голованову, и не раз, чтобы тот записывал, иначе что-нибудь упустит или забудет. Этого ни разу не было, но все же Сталин сказал, что когда-нибудь такое обязательно произойдет и могут быть большие неприятности.

Сам Сталин обладал исключительной памятью, и примеров тому Голованов приводил немало. Так, речь Сталина на параде 7 ноября

1941 года была плохо записана на пленку, и он повторил ее наизусть для новой записи слово в слово.

- Зная, какой памятью обладает сам Верховный, мне было непонятно, почему он всякий раз меня предупреждает, чтобы я чего-то не забыл, - говорит Голованов. - Обычно человек, который сам забывчив, напоминает другим, чтобы с ними этого не случилось. Надеясь на свою память, которая меня никогда не подводила, я такие замечания, грубо говоря, пропускал мимо ушей...

И вот однажды, в 1944 году, когда шли упорные бои в Венгрии, Сталин вечером позвонил Голованову, сказал, чтобы тот взял карандаш, и стал диктовать объекты для ударов с воздуха. Диктуя, Сталин указывал, по какой цели, в какой день и каким количеством самолетов следует нанести удар. Спросил: «Вы опять не записываете, что я вам говорю?»

- Не беспокойтесь, товарищ Сталин, все будет выполнено в лучшем виде!

- Ну, смотрите! Такими вещами не шутят, - и Верховный повесил трубку.

Однако венгерские названия населенных пунктов порой непросты для нашего русского слуха, и из пяти указанных Сталиным объектов для бомбардировки, причем поочередной массированной бомбардировки в каждую последующую ночь, четвертый выпал у Голованова из памяти. Однако он решил, что найдет объект на карте. Но и карта не помогла. Память впервые подвела. Какие только ассоциации не пытался вызвать Голованов, ничего не получалось. Населенный пункт как бы исчез со всех карт, которые были подробнейшим образом буквально «промиллиметрены» Голованом вместе с начальником штаба. А Сталин лично следил за каждым заданием, боевые донесения посылались лично ему. Прочитав их, он нередко звонил и уточнял интересующие данные... Ничего не оставалось делать, как идти к Верховному с повинной. Но в запасе было еще три дня, и Голованов надеялся, что, может быть, ему повезет, и злополучное название само всплывет в памяти или приснится. Позвонил Сталин, высказал удовлетворение результатами налета по объекту, назначенному на первую ночь, и дал указание действовать по цели второй ночи. Однако испортилась погода, АДД в эту ночь боевых действий не вела, в следующую ночь бомбили третий объект, но название четвертой цели так и не восстанавливалось.

И тут позвонил Сталин и сказал, что надобность в нанесении удара по четвертому объекту отпала: «Действуйте по цели номер пять!»

В следующий раз, приехав к Сталину, Голованов раскрыл блокнот и достал карандаш. Верховный удивленно посмотрел и ничего не сказал. И никогда не спрашивал. Но Голованов сделал для себя вывод, что разумными советами нужно пользоваться не по русской пословице «Гром не грянет - мужик не перекрестится».

Мне же думается, что, если бы не этот случай, Александр Евгеньевич мог бы прожить побольше на земле. Да только ли этот...

Ильюшин

Главным поставщиком самолетов для авиации дальнего действия было конструкторское бюро Сергея Владимировича Ильюшина. Его Ил-4 служил летчикам-дальникам всю войну.

- Несмотря на то, что самолеты Сергея Владимировича имели огромный удельный вес в Военно-воздушных силах, особенно знаменитые штурмовики Ил-2 - «Черная смерть», как его прозвали немцы, сам конструктор был удивительно скромным, я бы сказал, малоприметным человеком, - вспоминал Голованов. - Его, как говорят, не было ни видно, ни слышно. Вторым таким человеком среди конструкторов был, по моему мнению, создатель непревзойденных истребителей Лавочкин...

Но Ильюшин при всей своей скромности был человеком твердым, и добиться от него изменений в конструкции его самолетов было весьма непросто.

Голованов рассказал такой эпизод. Радиус действия самолетов Ил-4 не позволял свободно летать по глубоким тылам противника и доставать такие объекты, как, скажем, Берлин. Дополнительная загрузка горючим увеличивала полетный вес самолета, и получалось, что надо было меньше брать бомб. Но об этом в ту пору не могло быть и речи. Значит, оставалось только одно: увеличить предельно допустимый полетный вес самолета, что разрешается только в исключительных случаях. Когда штаб АДД попросил Ильюшина увеличить этот вес на 500 килограммов, конструктор отказал.

Однако через некоторое время довольно часто стали появляться сообщения о налетах на Берлин и другие объекты противника, расположенные в глубоких тылах. Причем в сводках говорилось о налетах больших групп самолетов, наименования которых не упоминались. Ильюшин понимал, что либо летают его самолеты, либо в АДД появились какие-то новые машины с большим радиусом действия. И Сергей Владимирович приехал к Голованову:

- Александр Евгеньевич, вот вы Берлин бомбите, у вас, что, новые машины появились?

- Летаем на вашей машине, - ответил Голованов.

- А как же с горючим, с бомбовой загрузкой?

- Подвешиваем дополнительные баки на 500 литров, а боевая загрузка полная. Отличную машину вы сделали, Сергей Владимирович! У меня орлы прилетают - по три сотни пробоин, на честном слове тянут, а возвращаются!

Конструктор покачал головой и ничего не сказал. Но через некоторое время прислал официальное разрешение увеличить полетный вес его самолета.

- С таким полетным весом мы проработали всю войну, - говорит Голованов. - И когда летали на предельный радиус, за счет увеличенного конструктором полетного веса брали дополнительную бомбовую нагрузку.

Удивительный человек! Другой сделает на грош, а раззвонит повсюду на рубль!

Голованов был весьма высокого мнения об Ильюшине, выделял его из всех наших авиационных конструкторов.

- Шла война, но думали о будущем, - говорил Александр Евгеньевич. - Ильюшин, создатель знаменитых штурмовиков и бомбардировщиков, выполнил новую задачу - сконструировал современный по тому времени пассажирский самолет. 2 августа 1944 года я подписал приказ о назначении макетной комиссии для заключения по двухмоторному магистральному пассажирскому самолету конструкции Героя Социалистического Труда С. В. Ильюшина. И вскоре на линиях Гражданского воздушного флота появился Ил-12...

Собственность государства

В 1944 году Голованов тяжело заболел. Перенапряжение войны сказалось и на молодом организме. Случилось это в Житомире, в июне. Закончив работу в штабе, Голованов на рассвете прилег отдохнуть и внезапно почувствовал, что у него остановилось сердце. Да, именно почувствовал, поскольку раньше он вообще его не ощущал. Далее он так же физически ощутил, что перестал дышать. В это мгновение какая-то сила подняла его с постели, бросила к окну и заставила выпрыгнуть со второго этажа. Произошло это в считанные секунды. Удар о землю вернул дыхание. Видимо, организм сам боролся за свое существование, иначе объяснить этот поступок Александр Евгеньевич не мог. Травм не было, болей - тоже, однако подняться на ноги не получалось. Вновь началось удушье. В это время в организме жили как бы два различных существа: одно испытывало огромные физические

страдания и было на грани потери власти над собой, другое - решительное, властное, управляющее мыслями и действиями, заставляющее бороться. И первое существо подчинилось воле второго. Прибежали сослуживцы, перенесли своего командующего в госпиталь медсанбата. Приступы нехватки кислорода кончились, но Голованов почувствовал, что начинает окаменевать - да, именно так, каменели пальцы, и это страшное явление продвигалось миллиметр за миллиметром по всему телу. Ноги перестали шевелиться. Голованов решил попрощаться с боевыми товарищами, сожалея, что не придется дожить до победы.

Маршал Г. К. Жуков и командующий Авиацией дальнего действия генерал-полковник А. Е. Голованов. Брянский фронт, июль 1943 года.

А в это время разыскивали терапевта медсанбата, который был ассистентом известного профессора Зеленина. Явился терапевт майор Леонтьев, быстро сделал внутривенное вливание глюкозы. Вскоре из Москвы прилетела группа врачей, направленная Верховным. Голованов чувствовал себя уже намного лучше и собирался покинуть госпиталь, но врачи не позволили.

В госпитале он вспомнил, как два года назад, в 1942-м, Сталин говорил с ним о том, что, по его сведениям, Голованов работает практически круглые сутки без отдыха. «Это плохо кончится, - сказал Сталин. - Человек без сна долго работать не может. А здоровье людей, находящихся на большой, ответственной работе, им не принадлежит, оно является казенной собственностью, и распоряжаться им может только государство. А поскольку вы распоряжаться своим здоровьем сами не умеете, придется к вам приставить охрану, которая будет регулировать вашу работу и отдых. Как вы на это посмотрите?»

Голованов ответил довольно дерзко, видимо по-своему истолковав желание Сталина приставить к нему охрану. Сказались годы работы в государственной безопасности.

«Если вы считаете, - ответил он Сталину, - что я трачу очень много времени, чтобы справиться с должностью командующего АДД, то меня следует освободить. Если же я соответствую своему назначению, то прошу предоставить мне право выбирать самому, когда я должен работать, а когда отдыхать».

Своим ответом Голованов сильно рассердил Сталина, и он после этого несколько дней с ним не встречался и даже не звонил по телефону.

После трех госпитальных дней показатели организма пришли в норму, и по приказу Верховного Голованов вылетел в Москву, захватив с собой и всех прибывших врачей. Как ни уговаривали они его лететь пассажиром, маршал, как обычно, сам сел за штурвал. Полет прошел хорошо, чувствовал Александр Евгеньевич себя превосходно, но не прошло и двух дней, как история повторилась заново; правда, не в такой тяжелой форме, чтобы прыгать из окна. Но вновь начинало сильно биться сердце, потом чуть не останавливалось, отказывали ноги во время ходьбы, останавливалось дыхание. Врачи долго ничего не могли понять, пока не установили, что причиной неприятностей были спазмы. А это стало следствием постоянного недосыпания, значительно разрушившего центральную нервную систему. И маршалам было несладко на войне.

Опыта в лечении таких заболеваний тогда было маловато. Позвонил Сталин, поинтересовался:

- Как здоровье?

- Не могу похвалиться здоровьем, товарищ Сталин, а лекарства улучшения не дают.

Помолчав немного, Сталин сказал:

- Вот что. Врачи, я вижу, вам помочь не могут. Я знаю, вы человек непьющий. Заведите у себя на работе и дома водку. Когда почувствуете себя плохо, налейте и выпейте. Я думаю, это должно вам помочь. О результатах позвоните мне. Всего хорошего.

Голованов пригласил своего лечащего врача Н. А. Леонтьева и рассказал ему о разговоре со Сталиным. Реакция терапевта, против ожидания, была положительной. Он сказал, что сам хотел предложить водку как лекарство, но побоялся высоких врачей. Водку доставили, и, когда начался очередной приступ, Голованов выпил полстакана. Нарушение дыхания прекратилось, стало легче. Помогла водка и на следующий раз. Приступы перестали быть ежедневными, и Голованов справлялся с ними, не прекращая работу. Недели через две позвонил Верховный и снова поинтересовался здоровьем.

- Каких только специалистов ни приглашали, товарищ Сталин, - ответил Голованов, - вплоть до светил, сделать ничего не могли. А простая водка справилась!

- А почему вы не позвонили и сами не рассказали об этом? - спросил Сталин.

Почему? Потому что Голованов никогда не обращался с личными делами.

- Вот что, - сказал Сталин, не дождавшись ответа, - имейте в виду, что водка будет вам помогать до тех пор, пока будете пользоваться ею как лекарством. Если вы начнете ее пить как водку, то можете поставить крест на своем лечении.

А ведь был случай, вспомнил Голованов, еще во время обороны Москвы, когда на докладе у Сталина ему стало плохо, и он упал прямо в кабинете, Сталин моментально влил ему в рот из стакана крепкое спиртное. Но тогда ощущения были другие, хотя и тогда он не спал день и ночь...

- К водке я прибегал всякий раз, когда начинали появляться признаки приближающегося приступа, - говорил Александр Евгеньевич, - и всякий раз с положительным результатом, пока через годы совсем не избавился от этих приступов. Однако к питью я так и не приучился.

Могу от себя добавить, что выпивал он действительно редко, может, в последние годы почаще, иной раз и мне в этом приходилось участвовать. Помню, зимним вечером долго мы с ним вдвоем сидели на даче, он рассказывал. Утром я проснулся с тяжелой головой. Маршал умывался и, отфыркиваясь, сказал мне:

- Здорово мы вчера с тобой врезали!

...Однажды я заметил Голованову, что, вероятно, его болезнь в 1944 году сильно подорвала его дальнейшую карьеру.

- Если б не болезнь, Сталин подчинил бы мне всю авиацию, что он хотел сделать и ранее, но я отказался. Не хвати меня кондратий, все сложилось бы по-другому. И войну я кончил бы с двумя звездами, а если б еще к Хрущеву на поклон пошел, и третью получил бы! А какое это имеет значение?

В 1948 году мне предложили командовать дальней авиацией в составе ВВС, но я сказал, что такой авиацией я командовать не буду, и пошел учиться в академию. Ты знаешь, как говорил мой покойный батя, все, что ни делается, к лучшему. Случись все наоборот, вырос бы я здорово, Берия бы наверняка на меня состряпал дело, и не было б меня сейчас...

Голованов окончил общевойсковой факультет Академии Генерального штаба с золотой медалью, потом курсы «Выстрел». Но работы не давали. Написал письмо Сталину. Его вызвал Булганин, потом Василевский:

- Ты зачем пишешь Сталину? Хочешь, чтоб нас всех из-за тебя выгнали?

- А я на вас не жаловался.

- Но ты пишешь, что тебе не дают работы. Какую ты хочешь работу?

- Округ.

- Но ведь ты завалишь дело! Это же не авиация!

- Не завалю. Дайте мне Одесский округ, где всего две дивизии.

Округ Голованову не дали. Назначили командиром корпуса, правда, воздушно-десантного, и попросили написать заявление в Президиум Верховного Совета с просьбой понизить ему звание с главного маршала авиации до общевойскового генерал-полковника. Вот так! И такое, оказывается, у нас возможно...

- Да вы что, хотите, чтоб я наплевал на указ Президиума Верховного Совета? - возмутился Голованов.

- Но ты же берешься за пехоту! Мы ведь в авиацию не лезли! А то что получается: ты, главный маршал авиации, поступаешь в распоряжение командующего армией, генерал-лейтенанта - так ведь он должен тебя встречать с почетным караулом, оркестром, а уж после этого ты станешь его подчиненным!

Голованов не согласился. И пять лет командовал корпусом, и командовал отлично...

«Я боевой маршал...»

Показываю Голованову газету «Красный сокол» от 20 августа 1944 года с указом Президиума Верховного Совета СССР: «Маршалу авиации Голованову Александру Евгеньевичу присвоить военное звание главного маршала авиации».

- Коротко и ясно, - сказал, улыбаясь, Александр Евгеньевич. - Говорят, Новиков написал, - добавляет он, - что АДД плохо работала на Курской дуге. Я за Курскую битву получил маршальское звание! А стать маршалом, да на поле сражения, да у товарища Сталина... Я не из тех, кто получил это звание списком при Никите, я не «списочный», а боевой маршал! И Жуков, и Рокоссовский признавали только тех маршалами, кто получил это звание на фронте.

Голованов рассказывал, как после победы под Москвой, когда он был еще полковником, ему позвонил Сталин:

- Есть мнение присвоить вам генеральское звание. Как вы на это смотрите?

- Мне все равно, товарищ Сталин.

Что ж, еще походил, верней, полетал, повоевал в полковниках. Но когда в 1943-м Сталин по телефону известил его о маршальском звании и опять спросил, как он на это смотрит, Голованов ответил:

- Если вы считаете, товарищ Сталин, что авиация дальнего действия заслуживает того, чтобы ее командующий был маршалом, я не возражаю.

- Считаем, что заслуживает, - ответил Верховный.

...Мы сидим за столом, Голованов покачал головой, засмеялся:

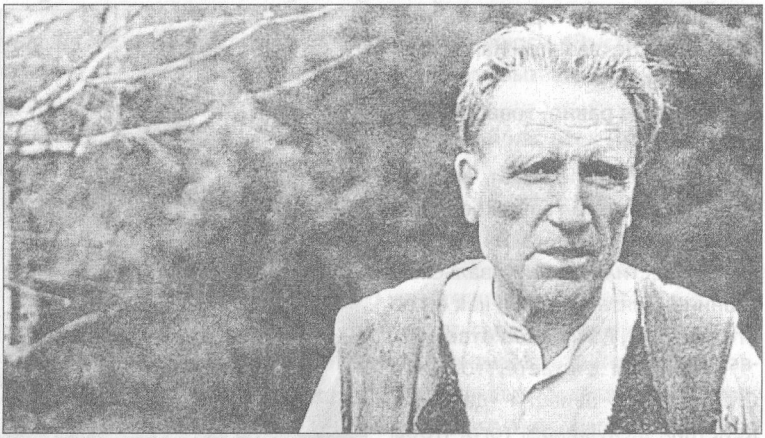
- Это ж надо - допереть до маршала!

Александр Евгеньевич Голованов был самым молодым маршалом в истории РККА.

По-моему, Голованов был единственным из главных маршалов и маршалов Советского Союза, не удостоенным звания Героя. Сам он говорил мне, что за Берлинскую операцию АДД вообще отметить «забыли», так же, как и присвоить звание Герой Советского Союза ее командующему. Жуков вычеркнул его из списка по просьбе командующего ВВС А. А. Новикова, трения с которым начались у Голованова после включения АДД в состав ВВС в 1944 году из-за болезни Голованова.

Голованову не присвоили это звание ни к двадцати-, ни к тридцатилетию Победы, звание, которое он, конечно же, заслужил сполна, ибо был настоящим Героем хотя бы потому, что с самого начала и до конца войны уже в высочайшем звании летал на боевые задания.

Вспоминаются страшные кадры из кинофильма «Живые и мертвые», когда немецкие истребители сбивают один за другим наши тяжелые бомбардировщики, летящие без прикрытия. В военных дневниках К. Симонова читаем: «В тот драматический день 30 июня 1941 года, самоотверженно выполняя приказ командования и нанося удар за ударом по немецким переправам у Бобруйска, полк, летавший



На даче в саду. Одна из последних фотографий.

в бой во главе со своим командиром Головановым, потерял одиннадцать машин».

Погибали, но срывали гитлеровский блицкриг. Одну из пятерок бомбардировщиков водил лично Голованов.

Воистину, «у летчиков и маршалы летают». Я написал эти стихи задолго до знакомства с живым маршалом.

- Нас называли «головановцы», и мы этим гордились, - рассказывал мне ветеран АДД А. В. Петин. - Приезжает к нам в полк Голованов, катят машины, а он идет пешком километра два-три. Соберет весь личный состав без начальства и спрашивает, кто чем недоволен, кого наградой обошли или звание забыли повысить. Мне он в июле 1944-го прямо на плоскости самолета подписал приказ о присвоении майорского звания...

...В последнюю нашу встречу с Голованом, когда ему оставались считанные дни и он лежал на даче, сломленный страшным недугом, он мне сказал:

- Даже руки тебе не могу пожать. Давай попрощаемся с тобой по-испански: «Салют! Салют!» - он с трудом поднял сжатую в кулак руку.

Я всегда вижу его перед собой. Вот он сидит за столом в белой рубашке, крутит в руках расческу и, покашливая, начинает:

- Я тебе должен сказать следующее дело...

(Печатается в сокращении.)

Феликс ЧУЕВ.

Из автобиографии

Родился в 1904 г. в Нижнем Новгороде, происхожу из крестьян Калининской области Старицкого района, д. Петраково. Отец до революции работал на Волге, на пароходах. После революции руководил сплавными работами. Мать – домохозяйка.

Жена моя происходит из крестьян б. Вологодской губернии, в данное время – домохозяйка. Имею детей.

Работать я начал с 1918 г. курьером в «Профсохлеб» Наркомпрода. С мая 1919 г. по октябрь 1920 г. в Красной армии добровольцем, был на фронте.

В 1923 г. райкомом комсомола был послан на учебу. В 1924 г. губкомом ВКП(б) направлен на работу в органы ГПУ в г. Горьком.

В органах проработал с 1924 по 1933 г., в особых отделах, на оперативной работе – от уполномоченного до начальника отделения.

С 1933 по 1941 г. работал в Аэрофлоте, где занимал должность пилота, командира отряда, начальника управления и шеф-пилота Аэрофлота.

За время пребывания в ВЛКСМ и партии вел разнообразную партийную и общественную работу, в основном пропагандистскую. Неоднократно был членом бюро парторганизации.

Партвзысканиям не подвергался и ни в каких других партиях не состоял.

Отклонений и колебаний от генеральной линии партии не имел и ни в каких группировках не состоял.

Принимал участие в войне против белофиннов в должности командира корабля.

В Отечественной войне – с первых дней ее возникновения. Принимал личное участие в боевых действиях по бомбардировке объектов противника в качестве командира корабля.

В августе месяце 1941 г. назначен командиром 81-й авиационной дивизии дальнего действия. В декабре месяце 1941 г. постановлением ГКО был назначен командиром 3-й авиадивизии дальнего действия Ставки Верховного Главнокомандования. В феврале 1942 г. приказом Ставки назначен командующим Авиации дальнего действия.

За проведение боевых операций награжден многими орденами и медалями.

Строки из «Важной тетради»

(Выписки, сделанные маршалом из неустановленных источников, видимо, созвучные его мыслям)

Тот, кому свойственны поступки выдающегося человека, неизбежно испытает противодействие со стороны заурядных людей своего века; тот, кому свойственны размышления человека независимого ума, непременно будет осужден людьми.

Мудрый наставляет народ, не изменяя обычаев, умный добивается хорошего управления, не изменяя законов.

Домогаться повышения, угождая вышестоящим честной службой, все равно что измерить прямизну кривой доски с помощью разорванного отвеса.

Господства добивается тот, кто постиг сущность хорошего управления народом, и тогда народ полюбит правителя как родного, не дожидаясь наград и поощрений; он займется основным делом, не дожидаясь рангов знатности и жалованья; он готов будет жертвовать жизнью, не дожидаясь наказания и кары.

Если красноречивые будут в почете, то не будет закона. Только умный правитель понимает, что любовь к рассуждениям не способна укрепить армию и расширить границы, а в государстве, где используют лишь людей, произносящих пустые речи, народ не будет любить работу.

Государство, где на должности выдвигают людей прославленных и назначают на посты по заслугам, называется сильным. Государство, в котором появились паразиты, непременно будет расчленено.

Если государство способно вызвать к жизни силы народа, но не в состоянии обуздать их, его называют «государством, атакующим самого себя». Если же государство способно вызвать к жизни силы народа и в то же время может обуздать их, его называют «государством, атакующим врага».

Талант иной раз походит на меч, дремлющий в ножнах, особенно когда у талантливого не хватает смелости.

Льстивые речи ласкают слух того, кто стремится скрыть от окружающих свое ничтожество.

Кто воевал на самолетах эскадрильи «Валерий Чкалов»-II

«Дорогие друзья, братья и сестры наши! Охваченные чувством горячей любви к Родине, к доблестной Красной Армии, вы внесли свои трудовые сбережения на постройку эскадрильи «Валерий Чкалов». Вы преследовали единую со всем народом цель – быстрее разгромить ненавистного врага, который хотел превратить нас в рабов, отнять у нас свободу и счастье, опустошить и разграбить советскую землю.

Вы хотели отомстить врагу за разрушение наших городов и сел, за кровь погибших в боях сыновей, за слезы матерей и детей. Эти ваши чаяния выполняет вся наша Красная Армия.

... Имя великого летчика нашего времени В. П. Чкалова обязывает нас быть такими же, как он. Вылетая в бой на самолетах, на борту которых написано: «От колхозников и колхозниц Горьковской области!», - мы чувствуем поддержку, и это воодушевляет нас на подвиги. Гвардейское спасибо вам, горьковчане!

По поручению личного состава части:
Герои Советского Союза М. Я. Васильев, В. Ф. Голубев,
П. П. Кожанов, орденоносцы А. Е. Гуськов,
Л. П. Борисов, Н. А. Николаев».

*** Боевой летчик принимает самолет от делегации горьковских колхозников на аэродроме авиационнго завода.**

«Колхозники и колхозницы Горьковской области! На ваших самолетах летчики моего подразделения нанесли врагу значительный урон. Летчик Пахомов сбил в воздушных боях три стервятника, летчики Гладких, Гавриш, Амелин, Якомов, Гомолко - по одному.

Подполковник Солдатенко».

«...В одной из наших частей находится эскадрилья самолетов, построенных на средства колхозников Горьковской области. На грозных боевых машинах отважные соколы беспощадно уничтожают врага. Только за один день летчики Губанов, Микелич, Жуковский, Гнидо сбили в жестоких боях 11 стервятников. На самолете «Валерий Чкалов» старший лейтенант Губанов уничтожил 5 немецких самолетов.

Старший лейтенант
М. Гинзбург».

Плакат военного времени. Подарки горьковским колхозникам.

«Здравствуйте, дорогие товарищи! Месяца два тому назад мы получили самолеты «Валерий Чкалов», построенные на средства горьковских колхозников. Машины стали грозой фашистских пиратов. Боевая техника, созданная на средства народа, находится в надежных руках.

Комиссар полка И. Е. Ефимкин».

Сделал то, что невозможно

Невдалеке от шумного и суетливого Симферопольского шоссе приютился небольшой хуторок Зоринские Дворики.

Жаркими июльскими днями 1943 года здесь шли бои, и хутор был рубежом, за который дрались солдаты двух противостоящих армий. Бои шли на земле и в небе. Застигнутые войной, на хуторе прятались его жители. Среди них и мальчик Сергей Сергеев. Ему было в ту пору девять лет, и мальчишеская цепкая память хорошо сохранила подробности одного воздушного боя. Через многие годы старожил этих мест вспоминает:

- В небе кружились, ревели самолеты. Иногда из воздушной карусели вываливался горящий самолет и врезался в землю. Но падали фашистские самолеты с черными крестами. Мы радовались. Приглядевшись, заметили, что в стае вражеских бомбардировщиков крутится всего лишь один наш «ястребок». Это он валил на землю самолеты врага. Бой продолжался долго. «Ястребок» вел его до последнего, пока не загорелся и не врезался в колхозную ферму. Начался пожар, и нас, детей, туда не пустили...

Прошло много времени после войны. Сергей Сергеев отслужил в армии, вернулся на хутор и задумал обследовать место гибели самолета. Позвал с собой друга Александра Лобачева. А тогда был запрет: к подбитым танкам, остовы которых еще стояли в балках, и к местам падения самолетов не подходить - могли остаться боеприпасы, а саперы не успевали все обезвредить.

Пренебрегли друзья предупреждением. Пробовали копать на одном участке бывшей фермы, ничего не нашли. Перекопали весь участок, никаких следов. И лишь у овражка наткнулись на погнутые конструкции самолета. Показалась кабина, и в ней останки летчика. На истлевшей гимнастерке орден Красного Знамени и гвардейский знак. В покоробившейся планшетке - карта, бортжурнал, выцветшая фотография, сберегательная книжка, удостоверение личности, письмо. Многие записи уже невозможно было разобрать.

В нагрудном кармане - партийный билет. Хорошо сохранилась запись, сделанная черной тушью. Сергей и Александр прочитали: «Горовец Александр Константинович. Год рождения 1915. Партийный билет выдан в 1939 году Ворошиловским РКП(б) города Шахты Ровенской области».

Летчик Александр Константинович Горовец.

Оперативная сводка Совинформбюро от 13 июля 1943 года о наступлении наших войск на Орловско-Курском и Белгородском направлениях сообщала:

«...Летчики Н-ской гвардейской части за три дня боев сбили 156 немецких самолетов. Герой Советского Союза лейтенант Новиков сбил 5 вражеских самолетов. Летчик гвардии лейтенант Александр Горовец встретился в воздухе с группой немецких самолетов. Вступив с ними в бой, тов. Горовец сбил 9 немецких самолетов».

Девять самолетов, сбитых в одном бою! История воздушных сражений не знала такого.

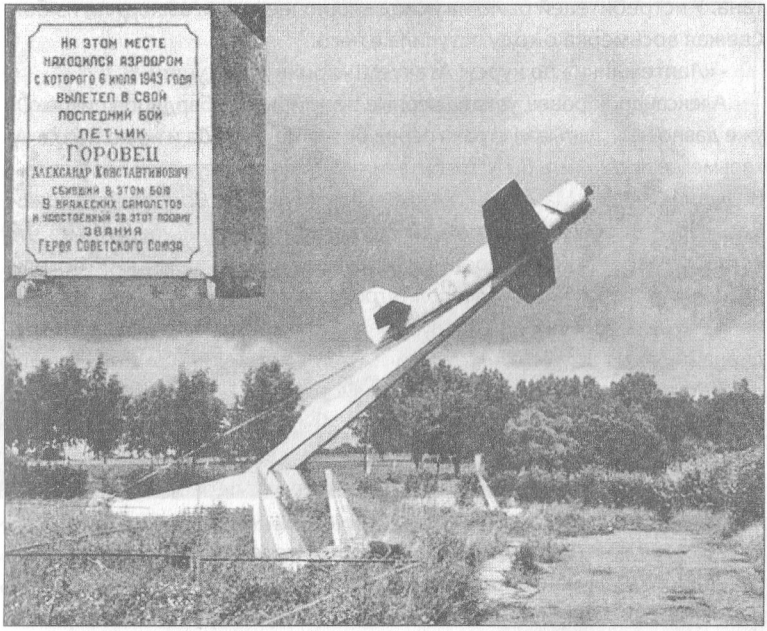
...Незадолго до начала наступления под Курском и Орлом Александр Горовец вместе с боевыми товарищами вылетел получать новые истребители Ла-5.

На полевом аэродроме стояли новенькие самолеты. По фюзеляжу каждого шла надпись: «От колхозников и колхозниц Горьковской области».

Пожилая колхозница, выступая перед летчиками, сказала:

- Хотели один самолет подарить, на него и деньги собрали. «А почему один? - зашумели на собрании наши бабы. - Фашисты ордой на нас пошли, а против орды один в поле не воин. Соберем деньги на дружину. Воюйте, гоните фашистов с нашей земли». Вот такой наказ передали наши колхозники!

Горовец вышел из строя, услышав, что командир назвал его фамилию в числе лучших летчиков. К нему торопливо шагнула та же пожилая колхозница, крепко обняла и три раза поцеловала.



Памятник на месте аэродрома, с которого летчик Горовец ушел в последний полет.

- Тебе, сынок, надо многое пожелать на дорогу, да я не умею. А назвала тебя - сынок, потому что сын мой тоже воюет. Для женщины вы, защитники Родины, все сыновья. Деритесь без страха. Не давайте пощады врагам! Я не одна прошу тебя об этом, просят все матери.

- Будем стараться! - твердо ответил летчик.

В тот же день истребители вылетели на фронт.

... Шел второй день сражения на Орловско-Курском выступе. Летчики истребительного полка прилетали на аэродром лишь заправиться горючим и снова поднимались. Они прикрывали части 771-й гвардейской стрелковой дивизии, державшей оборону у деревни Прохоровки. На позиции пехотинцев шли танки, с воздуха обрушивались бомбардировщики.

Восьмерка истребителей, в которой находился и Александр Горовец, патрулировала над Владимировкой, Кочетовкой, Зоринскими Двориками, Ольховаткой. Работавшие на прием рации позволяли летчикам слышать голоса товарищей, прикрывавших передний край. Там шел непрекращающийся бой. Сейчас его вела группа Владимира Леви-

тана. У истребителей было на исходе горючее, и они выходили из боя. Свежая восьмерка с ходу вступила в него.

- «Лаптежники» по курсу! Атакуем! - крикнул ведущий.

Александр Горовец увидел черные пунктиры бомбардировщиков. Он уже давно не испытывал страха перед боем. Привык. Да и не до него в кутерьме: не пропустить бы истребители, а они где-то пасут свои бомбовозы. Ведущий Василий Машустин приказывает пропустить бомбардировщики. Восьмерка истребителей проходит стороной, и ведущий, убедившись, что истребителей врага поблизости нет, идет в атаку. Они напали на бомбардировщики сверху и тут же раскололи строй на две группы. Завязался бой. На истребители обрушился шквал пушечно-пулеметного огня. Строй бомбардировщиков в воздухе - большая сила. Это отбившийся бомбардировщик для истребителя хорошая мишень. Фашистские летчики, опомнившись от неожиданного удара, сомкнули строй.

Бомбардировщики начали сбрасывать свой груз на пустые, свободные от наших войск поля. Один «юнкерс» с перебоями в поврежденном моторе начал терять высоту.

Горовец еще не знал, что на его истребителе вышла из строя рация. Она работала только на прием. Он понял это, когда старался предупредить своих товарищей о появлении еще одной группы бомберов.

Товарищи не слышали его. И тогда он принял решение атаковать в одиночку.

Высота позволяла тут же вступить в бой. Первое звено бомбардировщиков оказалось внизу, и он поймал в прицел камуфлированный фюзеляж самолета. Огненная трасса ткнулась в мотор. Он вывел истребитель из пикирования и на предельной перегрузке, набрав высоту, вновь бросился в атаку. Короткая прицельная очередь - и опять вверх. Чудом увернулся от обломков второго развалившегося бомбардировщика.

Если бы он сейчас вышел из боя, то дотянуть до аэродрома все равно бы не смог - уже не хватало горючего. Но о возвращении он уже не думал.

Над строем бомбардировщиков скользнули «мессеры», и он поспешил нанести очередной удар.

Бомбардировщики фанатически шли к цели.

Горовец стрелял из всех удобных положений, зная, что «мессеры» его все равно зажмут и не выпустят. Сейчас же стрелять им нельзя, неизбежно попадут в своих. Они ждали его ошибки. Но он был точен, и еще один «юнкерс» заскользил к земле. Уже четвертый...

Командир 180-го Гвардейского истребительного авиационного полка Алексей Сашенко (погиб в Польше). В составе его полка было несколько самолетов эскадрильи «Валерий Чкалов».

Летчик 159-го истребительного авиационного полка М. Т. Пилютов делится боевым опытом. В этом полку было 13 самолетов с надписью «Эскадрилья «Валерий Чкалов».

На исходе у истребителя было все: и горючее, и снаряды, но Горовец продолжал атаковать. Один за другим еще пять вражеских самолетов ушли к земле. На десятой атаке пушки замолчали. Горовец бросил самолет к облакам, но там его уже ждала шестерка «мессеров». Он направил свой самолет прямо на них. От лобового удара они уклонились, и теперь Горовец уходил от огня, но пушечных трасс было слишком много...

Курская земля приняла героя...

Участник боев на Курской дуге дважды Герой Советского Союза Арсений Васильевич Ворожейкин за войну сбил пятьдесят два самолета противника. Ему хорошо известна цена каждой победы в воздухе. Вспоминая о подвиге Героя Советского Союза Александра Горовца, он напишет в своей книге «Над Курской дугой»:

«Девять самолетов сбить в одном бою! Мы не знали такого. Даже теоретически это немыслимо. Ведь не учебный полигон - война.

Простой расчет показал, что для этого нужно было произвести не менее девяти длинных очередей и столько же раз исключительно точно прицелиться. А противник ведь не на привязи, маневрирует, защищается. Однако факт - упрямая вещь. Горовец сделал то, что теоретически считалось невыполнимым».

И возможно это стало на истребителе Ла-5 с его хорошими боевыми качествами. История этого поединка - одна из ярких страниц биографии боевой машины.

Публикацию подготовил Фёдор СОЛОМИН.

Пылающий «Ил» над селом

Публикация с таким же названием была в книге «Возвращенные имена», которая вышла в прошлом году. Тогда газета «Земля нижегородская» рассказывала о начале поиска, который длился весь этот год. Сегодня поиск почти завершен.
Мы решили напомнить вам, о чем шла речь.

Весной 1942 года недалеко от села Гремячева Кулебакского района началось строительство учебного аэродрома. Говорили, что здесь развернется целый авиационный полк. Прежде чем отправляться на фронт, летчики должны были учиться летать в мирном небе.

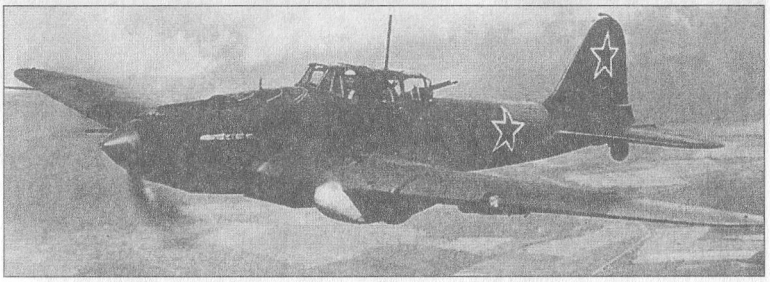
К этому времени окончились занятия в школах, и на помощь гремячевцам прибыл обоз из Вачи. Многими подводами управляли совсем еще молоденькие девчонки.

С утра до вечера они возили грунт на будущую взлетную полосу. Саму же «взлетку» возводили уже специалисты.

На бывший аэродром нас проводил Валерий Михайлович Васянкин:

- Вот отсюда они и летали. Посмотрите, сравнительно большая площадь, несколько квадратных километров. И сейчас видно направление взлетно-посадочной полосы. Самолеты уходили в воздух с запада на восток. Какое-то время взлетали над селом, но это быстро запретили...

Очертания аэродрома и сейчас хорошо различимы. Но совсем



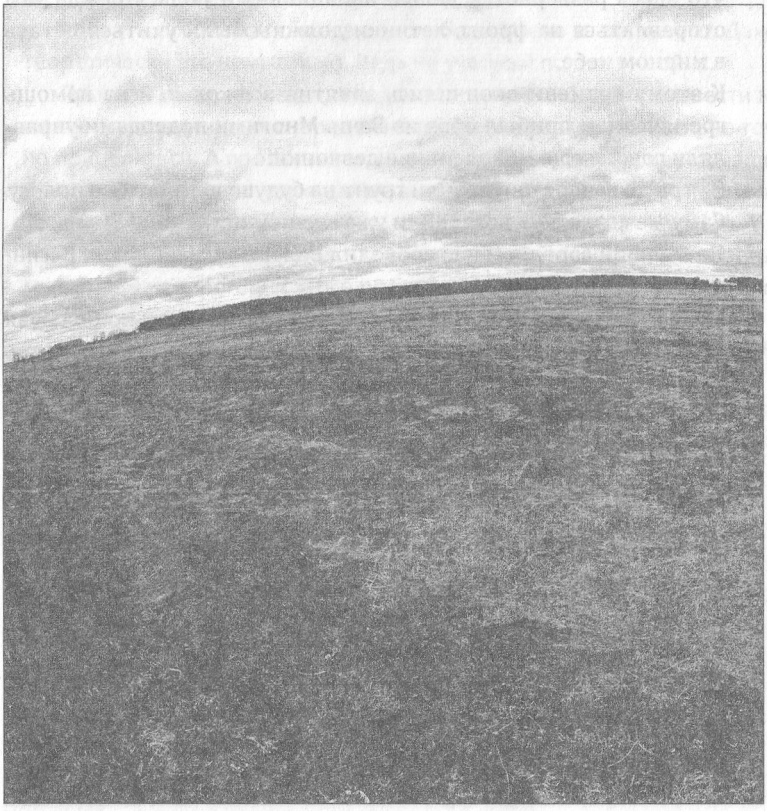
Вот такой штурмовик «Ил-2» разбился в Гремячеве.

скоро здесь вырастут новые улицы Гремячева. Первые дома уже строятся. Мирная жизнь понемногу наступает на бывшие военные объекты, хотя мальчишки в лесу и по сей день натыкаются на оплывшие ямы от землянок и остатки складских помещений.

- Летчики и аэродромный персонал жили в селе на частных квартирах, - поясняет Виктор Васянкин. - У моего деда квартировали летчики Усатов и Махоркин, капитан и старший лейтенант. Мне они подарили магнето, мы его долго потом вместо спичек использовали.

Валерий Васянкин вспомнил даже такой эпизод:

- У моего деда тоже жил летчик. Когда его эскадрилья улетала на фронт, он захотел показать деду свой самолет. Дед работал

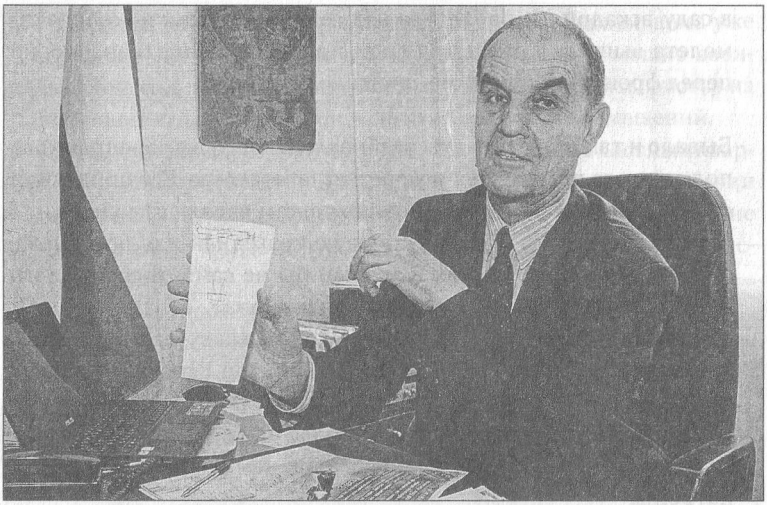


Это поле - бывший военный аэродром.

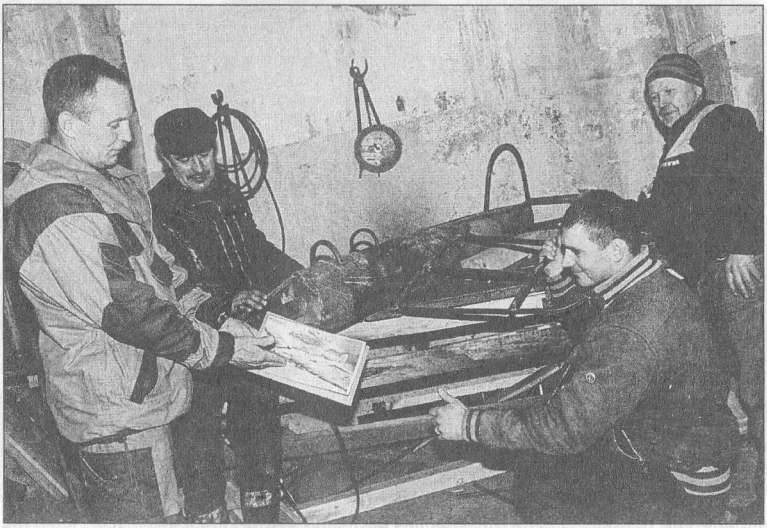
в саду, эскадрилья пролетала над селом, и летчик из своего самолета выпустил ракету на прощанье. Нарушение, конечно, но перед фронтом им, видимо, прощалось многое.

Бывало и так, что самолеты разбивались. На краю аэродромного поля лежала целая груда искореженного железа. Его привозили откуда-то с дальних полей. Возможно, там падали самолеты.
Но вот катастрофу, едва не ставшую трагедией для всего села, старожилы помнят до сих пор. Если бы не самоотверженность летчиков, Гремячево могло и вовсе исчезнуть.
- В тот день я, как обычно, возил домой траву на тачке, заготавливал сено в лесу, - рассказывает Виктор Васянкин. - Вдруг крики. Взглянул в небо. Над школой летел самолет с густой черной полосой дыма. Вскоре он свалился вниз, и раздался взрыв. Самолет, когда мы прибежали, горел, в нем рвались снаряды и патроны.
Несколько дней к месту падения самолета никого не подпускали.
В тот день была солнечная погода, и шли полеты. Когда самолеты возвращались, все заметили, что один дымит, идет неровно. Видно было, что летчик старается набрать высоту и уводит само-

Инициаторы поиска Валерий Михайлович Васянкин и Игорь Клюкин.



Глава сельской администрации Гремячева Александр Омельшин рассказывает, что большая финансовая поддержка была оказана районной властью. А местные энтузиасты бесплатно изготовили памятный знак.



лет от села. Потом вижу: из задней кабины человек вылезает. Это стрелок-радист покидал самолет. Купол он открыл рано. Парашют зацепился за стабилизатор. Останки летчика позже нашли, а гроб поставили в клубе. Трагедия произошла 9 мая 1943 года.

- Солдата отпели, не побоялись, - вспоминает Таисия Петровна Котынова. - Батюшка у нас уж очень хороший был, сделал все, как полагается.

- Хоронить-то его много народу собралось, - подтверждает Людмила Ивановна Засорина. - Еловые венки, цветы несли девчонки и женщины. С каждой улицы были люди, очень много. И музыка тревожная была. Помню, что хоронили справа от часовни. Поставили летчику памятник: врыли сосновый столб, на нем звезда, фотография, фамилия...

Валерий Михайлович Васянкин ведет нас на кладбище. Он по отрывочным воспоминаниям свидетелей и сам не раз прикидывал, где могло быть захоронение.

- Наверное, это должно быть примерно здесь, - показывает он. - Вот часовня, вот старая береза, на которой сидел тогда мой брат Виктор. Но все это только приблизительно.

Но если место захоронения, хоть приблизительно, и все же с немалой долей точности, можно определить, то с именем погибшего героя все гораздо сложнее. Вспомнить его не смог никто...

Нам сегодня остается только надеяться, что где-то живут его родственники, которые получили извещение о месте его захоронения.

В ноябре 1943 года полк снялся с гремячевского аэродрома и улетел.

Несколько лет назад в нашу газету обратился бывший житель Гремячева Виктор Михайлович Васянкин. Он решил рассказать о той трагедии в надежде, что удастся узнать имена летчиков, спасших село. С его братом Валерием Михайловичем, который и по сей день живет в Гремячеве, мы обошли старожилов села. Они помнили все, как это произошло, но имя погибшего летчика забылось. И вот тогда в поиск включились следопыты. Руководил ими командир кулебакского поискового отряда «Каскад» Игорь Клюкин.

В Кулебакском загсе данных о похороненном в 1943 году летчике не нашлось. Ничем не смогли помочь военкомат, авиачасть

На местном кладбище появилась могила погибшего летчика-наблюдателя Ивана Максимовича Гороховского.

На месте катастрофы появился памятный знак.

Саваслейского гарнизона. У «Ил-2» посадка в Саваслейке была лишь промежуточная. Объявление о поиске в газете, которое мы дали, тоже не помогло. Оставалось одно - обратиться в Центральный архив Министерства обороны. Игорь Клюкин отправился именно туда.

Уверенности в успехе не было, ведь подобные случаи часто засекречивались. И все же удалось найти важный документ - «Акт катастрофы самолета «Ил-2» 15-го тренировочного полка (ТрАП)», который входил в состав 52-й отдельной эскадрильи корректировщиков.

Удалось также найти объяснительные записки и массу приложений со схемами. Из объяснения командира эскадрильи лейтенанта Ревенко выяснилось, что 9 мая 1943 года во время перебазирования эскадрильи из Саваслейки в Гремячево произошла авария. Пилот сержант Шакурин, шедший в строю левым ведомым командира звена, обнаружил пламя в кабине самолета. Он подал команду летчику-наблюдателю лейтенанту Гороховскому покинуть самолет. А дальше произошло непредвиденное...

До аэродрома оставалось совсем немного, вдруг один из самолетов задымил и, ревя двигателем, начал набирать высоту. Видимо, летчики старались увести самолет подальше от села.

Стоявшие на земле хорошо видели, как из задней кабины выбирается один из членов экипажа. Он вываливается из кабины и тут же дергает за кольцо парашюта. Это была его ошибка, купол он открыл рано, и тот зацепился за киль самолета. Так вместе с самолетом летчик рухнул на землю. Основному пилоту удалось спастись.

Останки погибшего летчика похоронили на местном кладбище, а полк вскоре улетел на фронт. Сельчане ухаживали за могилой и памятником. Но шли годы, свидетелей истории со спасением села становилось все меньше... И вот уже место захоронения летчика найти стало сложно.

Нашлось и личное объяснение сержанта Александра Шакурина: «Получив разрешение о перелете на аэродром Гремячево, командир звена лейтенант Филякин проверил готовность личного состава к перелету: был проложен маршрут, уточнено построение в воздухе, согласованы действия на случай вынужденной посадки.

Я произвел осмотр материальной части мотора и самолета. Убедился в том, что самолет к полету готов.

Вырулив на старт, проверил работу мотора, показание приборов. Доложил о готовности и получил разрешение на взлет.

Построившись в воздухе, мы сделали круг и легли на курс.

Во время полета летчик-наблюдатель Гороховский стал устанавливать связь с правым ведомым... Во время настройки я слышал очень сильный треск, что мешало проверять работу мотора на слух. Я приказал прекратить настройку связи.

Прибавив обороты, почувствовал, что мотор стал давать перебои.

Мы подходили к Гремячеву. В это время кабина стала наполняться дымом, появилось и пламя, которое перебросилось на чехол ручки управления».

Сержант Шакурин скупо описывает, как стоял одной ногой на сиденье в пылающей кабине, а другой пытался давить на заклинившую ручку. Видно, что он не растерялся и помнил все до мелочей.

Игорь Клюкин нашел схему катастрофы, заключение механиков, акт аварии и рапорт командующему ВВС, на котором стоит гриф «Секретно», снятый, видимо, совсем недавно. Картина той катастрофы становилась понятной. Нашлись и имена летчиков.

Сержант Александр Матвеевич Шакурин 1920 года рождения был призван в армию за год до войны из Новосибирской области. Окончил 2-ю Чкаловскую школу летчиков с оценкой по технике пилотирования «отлично». После аварии получил ушиб позвоночника, но вскоре отправился бить врага. По наградным документам поисковики проследили его боевой путь. Пилот воевал на Ленинградском фронте, сражался над Финляндией на самолетах «Ил-2» и «У-2» в качестве разведчика и корректировщика огня. Награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени. С войны вернулся в звании майора. Сегодня в Минске живет его сын, тоже ставший пилотом.

Имя погибшего летчика-наблюдателя также установлено. Это Иван Максимович Гороховский. Он тоже окончил 2-ю Чкаловскую авиашколу. С 25 февраля 1943-го - лейтенант. Больше о нем ничего пока не известно. Местные жители вспоминают, что вро-

де бы он был с Украины, с Житомирщины, и после похорон на кладбище приезжали его родственники. Но воспоминания разрозненны и неточны. Поэтому поиск будет продолжен.

Села Гремячева война не коснулась, но свою отметину оставила. Из 386 гремячевцев 197 не вернулись с фронта. И еще один фронтовик остался в селе навсегда.

Александр КУРИКОВ.
Фото автора.
Кулебакский район,
с. Гремячево.

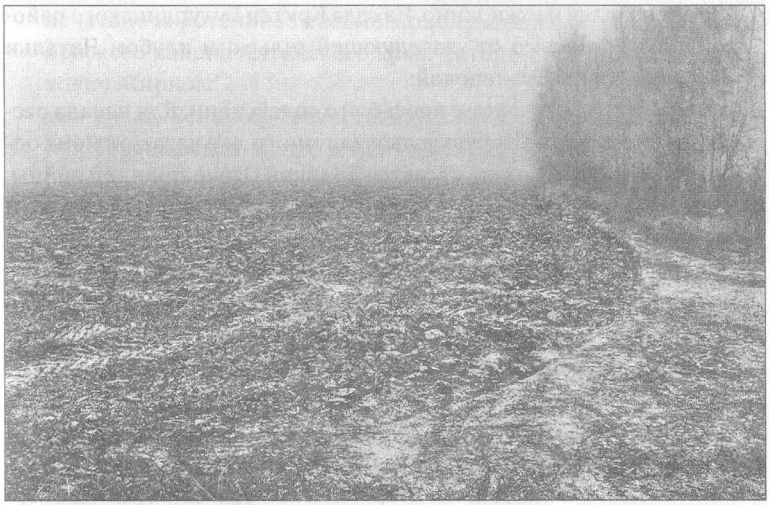
Отголосок войны

Дегтянское поле. Древнее название этой земли. Говорят, что когда-то на этом месте росли березы, которые постепенно извели на деготь, а пустующую землю распахали. Так и появилось поле, с которого всегда собирали неплохой урожай.

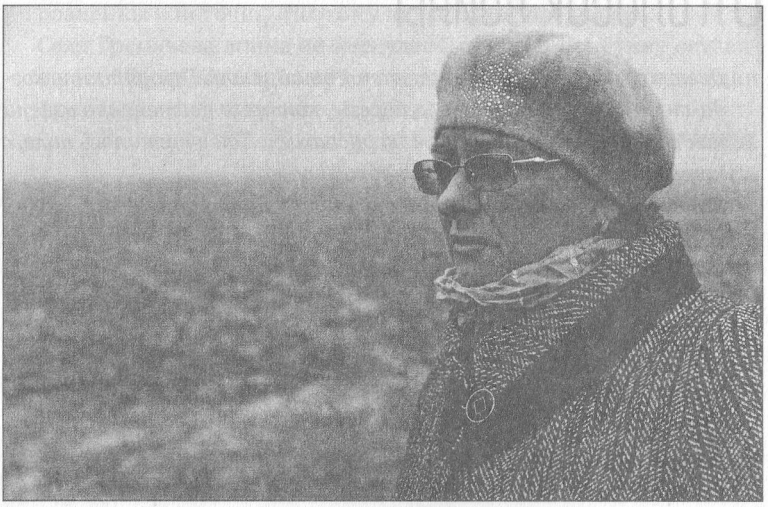
Последние дни предзимья. В ночь на эти поля прорвался теплый воздух, и теперь все вокруг окутано плотным туманом. Вдали чуть виднеется березовая полоса леса. Тогда его здесь не было. Тогда от поля покатый склон резали овраги, поросшие березняком. Вот этот лесок, вылезший из оврагов на кручу, называли Болгары, а почему - неведомо. Никто уже об этом не знает.

У поля есть еще другое название - Венец. Если бы не лес вдоль дороги, перед нами бы открывалась панорама красивых покатистых угоров, которые любят рисовать заезжающие в Крутец художники.

Все произошло именно здесь... Следов той давней трагедии не сохранилось. Поле каждый год распахивают, и земля давно выровнялась. Свидетелей событий тех лет почти не осталось...



Дегтянское поле. Так называется место, где упал самолет. Сейчас здесь, кроме вспаханной земли, ничего не увидишь.



Заведующая Крутецким Домом культуры Наталья Владимировна Кузнецова взялась за розыск родных экипажа самолета, потерпевшего катастрофу под селом Крутец.

Поиск начался неожиданно. Из села Крутец Бутурлинского района пришло письмо от заведующей сельским клубом Натальи Владимировны Кузнецовой:

«Хочу обратиться к вам с просьбой о содействии. Для начала расскажу историю, которую услышала много лет назад от моих односельчан. Эта история касается Великой Отечественной войны. Хоть наш Крутец в годы войны находился в глубоком тылу, но и до него долетел ее отголосок.

2 декабря 1942 года рядом с нашим селом упал самолет. Старожилы даже называли поле, где это произошло, - Венец. Поле это примыкает к повороту на село Луговское от трассы Бутурлино - Сергач. От нашего села это в трех километрах. В старой подшивке районной газеты я разыскала воспоминания очевидцев, которых сегодня уже нет живых.

Ольга Павловна Дудина рассказывала:

«В этот день мы с Евдокией Петровной Шекуновой поехали за кормами в поле. Вдруг мы услышали ровный гул приближающегося самолета. Прямо над нами в моторах самолета начались перебои».

Продолжает рассказ Михаил Максимович Жебряков:

«Мы молотили горох, когда услышали непривычно громкий гул самолета, а потом увидели, как он стремительно приближается к земле. Когда я подъехал на лошади к месту его падения, то увидел, что трое из пяти летчиков мертвы. Один был ранен и без сознания лежал под крылом самолета. А второй из живых спросил, где он находится, и попросил помощи. Я был верхом и взять летчиков не мог, но тут подъехали две наши женщины и отвезли их в больницу».

Погибших летчиков похоронили на сельском кладбище. За памятником все эти годы следили местные школьники, подкрашивали его, но на табличке полностью сохранилось только одно имя - Михаила Ивановича Кулагина - и две фамилии - Шажков и Шлычков (но вот точны ли они, поручиться не могу). Два выживших члена экипажа остались неизвестны.

В 1963 году в Крутецкий сельсовет пришло письмо от жены одного из погибших членов экипажа. Стало известно, что жена Михаила Ивановича Кулагина жила в Челябинске, его сестра - в Ленинграде, а сын - в Москве. Никто в селе не помнит, приезжала ли жена Кулагина в Крутец, но на памятнике появилась фотография погибшего. Видимо, все-таки приезжала.

Как мне стало известно, в 1972 году в районной газете было напечатано коротенькое письмо, пришедшее из села Лебяжье Павловского района Алтайского края. Автором его был Илья Никитович Жирнов:

«Во время Великой Отечественной войны наш экипаж, выполняя боевое задание, пролетал над территорией Бутурлинского района. Недалеко от Бутурлина отказал мотор, самолет врезался в землю и разбился. Летчик, штурман и инженер погибли. Радист, бортмеханик и я - Жирнов Илья Никитович - чудом остались живы. Нас подобрали две женщины и доставили в медпункт, оттуда направили в госпиталь № 1022 Бутурлинского района. Врачи поставили меня на ноги, вылечили.

Я вновь воевал с врагами, закончил войну и остался жив. Навсегда я сохраню память о моих погибших товарищах, оставшихся на вашей бутурлинской земле, и о людях, которые помогли нам. Очень прошу вас выслать мне фотографии братской могилы, где лежат мои друзья».

Конечно, надо, по возможности, уточнить имена всех членов экипажа самолета, разбившегося у нас. В этом году на месте за-

Зоя Ивановна Быстрова-Гордеева помнит: «Когда раздался сильный гул, ученики школы бросились к окнам, а учителя их от окон силой оттаскивали. Наверное, боялись, что будет взрыв и выбитыми стеклами нас всех порежет».

хоронения летчиков поставлен новый обелиск. Подскажите мне, пожалуйста, с чего начать поиск».

Чей самолет?

Как видите, начинаются первые разночтения. Сколько же членов экипажа было в самолете? По одним данным - пять, по другим - шесть. Погибло точно - трое. Известны фамилии четверых.

Наталья Владимировна Кузнецова оказалась человеком упорным. Она, не дожидаясь наших советов, поиск начала самостоятельно, и скоро от нее пришло следующее послание:

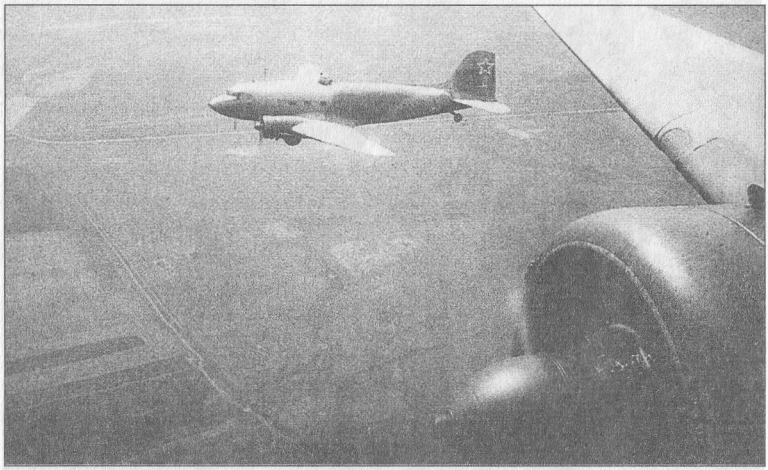
«Сообщаю вам радостную новость. Мне удалось найти данные на Илью Никитовича Жирнова. Я подумала, а не был ли он награжден в годы войны, тогда в интернет-архиве можно отыскать его наградной лист. И представьте себе, он есть.

Зоя Дмитриевна Кузнецова: «Вначале на могиле летчиков стоял крест, а потом установили памятник, на котором укрепили мраморную доску с фамилиями всех погибших. Крест стоял долго, дождями смыло краску, и летчики остались без имен».

Его наградили орденом Красной Звезды в январе 1945 года. К тому времени он был старшиной, адъютантом командира 314-й ночной бомбардировочной авиационной Полоцкой дивизии.

Вот какие сведения можно было почерпнуть из наградного листа: «Тов. Жирнов в августе 1938 года в должности воздушного стрелка-радиста участвовал в разгроме японских самураев у озера Хасан, где совершил три самолетовылета на ТБ-3. За период работы в летных частях на должности воздушного стрелка-радиста летал на самолетах ТБ-3, ДБ-3, ДБ-3Ф. Общий налет 1300 часов.

В дни Отечественной войны с сентября 1941 г. по январь 1942 г. работал в составе перегоночной группы в должности стрелка-



Предположительно, катастрофу под Крутцом потерпел самолет Ли-2. Именно такие машины летали по тому воздушному маршруту, что шел над селом.

радиста, принимал участие в перегонке самолетов из Комсомольска-на-Амуре на Западный фронт. За этот период им было перегнано три самолета ДБ-3.

Являясь ведущим стрелком-радистом, тов. Жирнов обеспечивал бесперебойную связь в полетах по маршруту: Комсомольск-на-Амуре - Щелково.

В период с февраля по декабрь 1942 г. по заданию командующего группой АДД генерал-майора Катичева выполнял задания по доставке вооружения из города Ижевска на аэродром Монино для действующей армии и партизанам. Доставлял запасные части к самолетам Ил-2 для формирующихся частей и грузы из города Куйбышева. Произведено 185 самолетовылетов, доставлено при этом 277 тонн груза.

2 декабря 1942 года, идя по маршруту Монино - Ижевск, в районе Бутурлино Горьковской области экипаж ведущего самолета, в котором находился тов. Жирнов, попал в сильный снегопад и потерпел катастрофу. Из состава экипажа остался в живых лишь тов. Жирнов, получивший тяжелые травмы лица и грудной клетки. После излечения в госпитале с апреля 1943 года и по настоящее время как ограниченно годный к летной работе направлен в 314-й НБАПД, где работает в должности адъютанта

командира дивизии. К служебным обязанностям относится добросовестно».

Казалось бы, строки из наградного листа прояснили многое, но, к сожалению, не все. Так и осталось неизвестным, что это была за воинская часть, которой принадлежал разбившийся под Крутцом самолет.

Мы можем только предположить, что этот самолет мог принадлежать Московской авиационной группе особого назначения - МАГОН. Именно она базировалась в декабре 1942 года на подмосковном аэродроме Монино. Эта авиационная группа была укомплектована летчиками Гражданского воздушного флота. Личный состав этих авиационных соединений считался призванным в Красную армию. Во второй половине 1942 года все авиационные группы были преобразованы в отдельные авиационные полки ГВФ. Московская авиационная группа особого назначения стала 1-й авиатранспортной дивизией ГВФ.

Полки этой дивизии принимали участие во всех крупных боевых операциях Красной армии на фронтах, выполняли боевые задания в тылу немецко-фашистских войск, снабжая партизан оружием и боеприпасами и высаживая группы разведчиков и диверсантов, обеспечивали перевозки грузов и людей внутри страны.

На могиле летчиков в мае 2015 года установили новый памятник.

А из Москвы откликнулась Нина Юрьевна Карлова, внучка воентехника I ранга Михаила Ивановича Кулагина. Она прислала фотографию своего деда. Судя по ордену Красной Звезды на гимнастерке, ее дед успел повоевать еще до начала Великой Отечественной войны.

Неожиданное продолжение

Бывает же такое. Только наш поиск зашел в тупик, как неожиданно из него и вышел. На мониторах нашего компьютера неожиданно появилась надпись: «В Орловской области ищут могилу Кулагина Михаила Ивановича».

Об этом сообщил сайт Союза поисковых отрядов.

«Здравствуйте! Много лет моя семья ищет место захоронения моего деда Кулагина Михаила Ивановича. Он родился в городе Выксе Горьковской области и был призван Выксунским райвоенкоматом на фронт. Служил воентехником I ранга и погиб 2 декабря 1942 года. В документе, который остался нам со времен войны, сплошные ошибки. Жена деда названа Анастасией Александровной, хотя она Антонина Алексеевна. Со слов бабушки, он погиб и захоронен где-то под Орлом. Точно знаю, она говорила, что ему установлен памятник, за которым ухаживают пионеры. Помогите, пожалуйста, в наших поисках! Спасибо за ваш труд! Нина Юрьевна Карлова».

Поисковики Орловской области тут же откликнулись на просьбу Нины Юрьевны, хотя и предупредили, что поиск может затянуться. В области более 900 учтенных воинских захоронений, «а сколько неучтенных, неизвестно до сих пор».

Письмо Нины Юрьевны Карловой было опубликовано в Интернете 16 апреля 2015 года. Почему же оно до сих пор не попадало нам на глаза, хотя мы уже месяц ищем человека с точно таким же именем. По всем правилам Интернета, ключевое имя должно было сработать, и мы бы вышли на адресата гораздо раньше. Но слишком далеко, видимо, Интернет «припрятал» важное для нас письмо.

Как только мы нашли его, так тут же в адрес Нины Юрьевны ушло наше робкое послание. Нам с трудом верилось, что Кулагин Михаил Иванович - это именно тот человек, которого мы ищем. «Все сходится к тому, что это ваш дед. У нас есть фотография, которая была на его могиле. Он или не он?»

Если это он, тогда почему же появилось предположение, что он погиб в Орловской области, если его жена Антонина Алексеевна Кулагина была в Крутце и точно знает, где могила мужа. Это еще одна загадка поиска. Антонина Алексеевна приезжала в эти места давно, еще в 1960-х годах, когда на могиле только появился памятник. На нем и укрепили фотографию, которую она привезла. С возрастом в суете повседневной жизни она могла и запамятовать о своей поездке в Крутец. Покрытое эмалью изображение дошло до наших дней. Мы с нетерпением ждали послания из Москвы. Внучка Михаила Ивановича Кулагина Нина Юрьевна обещала прислать его фотографии.

Электронная почта творит чудеса. Наше ожидание не растянулось на дни. Сорок минут волнения - и читаем:

«Вы принесли в наш дом счастье! Спасибо вам огромное! Сообщаю вам, что я дочь старшей дочери Михаила Ивановича Кулагина Светланы. К сожалению, мама умерла в 1998 году. Все семейные документы хранились у жены Антонины Алексеевны и младшей дочери Маргариты Михайловны, которая проживает в Челябинске. Но у меня есть фотография деда Миши, которую я вам и высылаю».

На мониторе компьютера появляется изображение человека, которого мы ищем. Нет больше сомнений - это Михаил Иванович Кулагин. На гимнастерке молодого бра-

Из далекого села Лебяжье Павловского района Алтайского края следопыты местной школы прислали фотографию бывшего стрелка, радиста Ильи Никитовича Жирнова.

вого офицера можно рассмотреть орден Красной Звезды. Значит, воентехнику I ранга выпало где-то воевать еще до Великой Отечественной войны.

В гостях у заведующей Крутецким ДК Натальи Владимировны Кузнецовой подводим первые итоги поиска. Только что мы вернулись из похода по селу, встретились со свидетельницами той декабрьской трагедии 1942 года. Узнали немного. Они рассказали, как погибающий самолет летел над самым селом, чуть-чуть не задевая крыши домов. Возможно, летчики из последних сил пытались удержать его в воздухе, чтобы он не упал на село. Все помнят натуженный рев его двигателей. А сравнивать было с чем. Во время войны над селом часто пролетали самолеты. Видимо, здесь шла какая-то военная трасса. Гул тех самолетов был спокоен, и летели они на большой высоте.

О трагедии под Крутцом узнали быстро. Из райцентра приехали милиционеры и перекрыли доступ к месту падения самолета. Потом приехали военные и забрали обломки самолета, но не все. Местные жители в снегу отыскивали куски обшивки и употребляли их для бытовых нужд. Вплоть до того, что выколачивали из них чашки - было трудно с посудой. Мальчишки находили патроны и отдавали охотникам, а те доставали из них порох.

Нам пока остается только предполагать, что за самолет упал в Крутце. По-видимому, это был транспортный самолет Ли-2. Именно на таких машинах летали экипажи 1-й авиатранспортной дивизии ГВФ.

На сегодняшний день стали известны два члена экипажа разбившегося самолета.

А вот дальше предстоит самая сложная часть поиска: надо установить имена еще двух членов экипажа - летчиков. Но как это сделать, мы пока не знаем.

Вячеслав ФЁДОРОВ,
Андрей ДМИТРИЕВ.
Фото Анатолия ЧЕПЕЛЫ.
Бутурлинский район.

Погибли в тыловом небе

Мы обращаемся ко всем, кто знал места катастроф самолетов, случившихся во время войны. Над Нижегородской (Горьковской) областью проходили трассы перегонов американских машин, получаемых по ленд-лизу. Они шли с далекой Аляски, через Чукотку, пересекали всю Сибирь, Урал и тянулись к фронту в небе над нашей областью. Труден был их путь. Десятки машин разбились на этой трассе. Погибли сотни летчиков.

Гибли наши летчики и защищая небо над тыловым Горьким, которое таранным ударом пытались пробить стервятники люфтваффе.

На многих сельских погостах можно найти заброшенные могилы пилотов, погибших в тыловом небе.

«Погиб при выполнении боевого задания», - значится в «похоронке» каждого из летчиков, если даже место его захоронения указано там, где война не проходила.

Давайте искать неизвестных героев всем миром. Будем ждать ваши весточки о неизвестных могилах пилотов.

Вознесенский район

Здесь 11 мая 1944 года потерпел катастрофу самолет, экипаж которого состоял из летчика - лейтенанта Лукьянова Дмитрия Георгиевича - и старшего техника-лейтенанта Родионова Ивана Кузьмича. Как сообщили из архива Министерства обороны, местом службы экипажа была воинская часть 21977 104-го транспортного авиаполка 73-й транспортной авиадивизии. Экипаж самолета погиб и захоронен в селе Вознесенском. В похоронном извещении значится, что они погибли, возвращаясь с боевого задания.

Известно, что 73-я вспомогательная авиационная дивизия занималась перегоном американских самолетов с аэродрома в Красноярске и советских бомбардировщиков с заводов в Иркутске и Комсомольске-на-Амуре. Судя по составу экипажа, разбился небольшой самолет, возможно, из полученных по ленд-лизу.

И Д. Г. Лукьянов, и И. К. Родионов были переведены в воинскую часть из Гражданского воздушного флота в 1943 году.

Следопытами установлено, что лейтенант Дмитрий Георгиевич Лукьянов, 1911 г. р., был родом из деревни Сухой Дол Воронежской области.

Старший техник лейтенант Иван Кузьмич Родионов, 1914 г. р., - уроженец г. Актарска Саратовской области.

После войны на могиле экипажа побывала жена Лукьянова, она участвовала в эксгумации тел перед перезахоронением и опознала своего мужа. Приезжали братья Дмитрия Герогиевича и дочь Нэлли Дмитриевна Опарина.

Погибший под Вознесенском пилот Дмитрий Георгиевич Лукьянов.

Могила летчиков в селе Вознесенском находится в хорошем состоянии.

Большеболдинский район

5 сентября 1941 года близ поселка Яз разбился самолет ДБ-3. Погиб экипаж летчика-испытателя Воронежского авиазавода Борисова Василия Иосифовича. Самолет летел из Казани в Воронеж. Погода на пути следования была неблагоприятная. В составе экипажа были бортмеханик Запекин и радист Бухтаров. Имена их до сих пор не установлены.

Командир экипажа погибшего ДБ-3 летчик-испытатель Василий Иосифович Борисов.

На месте гибели установлен обелиск. Деньги на его установку собрали жители села - более ста тысяч рублей.

Следопыты Новослободской школы и Большеболдинского Дома

детского творчества обещали, что их поисковая работа будет продолжаться, ведь остаются неизвестными судьбы еще двух членов экипажа.

* * *

В Большом Болдине на сельском кладбище есть могила, на которой значится:

«Здесь похоронен летчик - капитан Грехов Владимир Александрович. Погиб 1 февраля 1942 года».

В пасмурный туманный полдень 1 февраля 1942 года болдинцы услышали гул самолета, а потом послышался грохот. Очевидцы рассказывали, что когда они выбежали на поле, то увидели черную борозду и разбросанные обломки самолета. С дороги в поле свернул возница с дровами. Поклажу саней сбросили на обочину, а в них уложили летчиков. Все они были живы. Как только их привезли в больницу, врачи тут же начали оказывать им помощь. Но, к сожалению, вечером перестало биться сердце командира экипажа капитана Грехова.

Оставшиеся в живых летчики рассказали, что летели после выполнения боевого задания, но непогода сбила их с маршрута.

Этот фронтовой снимок летчиков датирован 30 июля 1941 года. Владимир Грехов (слева) с боевыми товарищами.

Пришлось идти на вынужденную посадку, которая закончилась трагически.

Командира похоронили с воинскими почестями. 9 мая 1967 года сельчане сменили деревянный подгнивший памятник на новый. Следопыты узнали, что капитан Грехов был родом из Кировской области и в 1971 году на его могилу приезжал племянник Лев Грехов.

В мае 2010 года на могиле летчика установили гранитный памятник.

Кулебакский район

Село Гремячево... Здесь во время войны был учебный военный аэродром. Прежде чем отправляться на фронт, пилоты оттачивали летное мастерство в небе над селом. Здесь и разыгралась трагедия, которую жители села запомнили на долгие годы. О ней вы можете прочитать в материале «Пылающий Ил над селом». Он опубликован в этой книге.

Семеновский район

Катастрофа двух военных самолетов в районе деревни Баранихи произошла в начале мая 1942 года. Очевидцы рассказывали, что вначале упал один самолет, а второй начал кружить над местом падения. Он постепенно снижался, видимо, хотел приземлиться, но только коснулся земли, как произошел взрыв.

Членов экипажа разбившихся самолетов похоронили на деревенском кладбище в Баранихе. С годами их имена с памятника стерлись, и они оказались неизвестными.

Долгое время поиском занимался местный краевед Карп Васильевич Ефимов. Ему удалось установить лишь имя стрелка-радиста Алексея Васильевича Хламова.

Сегодня мы можем дополнить список еще одним именем. В интернет-архиве хранится вот такой документ:

Извещение

6 мая 1942 года при исполнении служебных обязанностей погиб и похоронен в селе Бараниха Семеновского района Горьковской области лейтенант Григоращенко Леонид Иванович, семья которого: жена Григоращенко Нина Степановна, 1922 г. р., и дочь Тамара рожд. 1939 года, проживали в Харькове, ХТЗ, 4-й участок, д. 29, кв. 3.

Один из найденных членов погибших экипажей стрелок-радист Алексей Васильевич Хламов.

После оккупации Харькова немцами лейт. Григоращенко Л. И. никаких известий от семьи не получал.

Угловой штамп на документе проясняет место службы летчика - 1-я перегонная авиационная эскадрилья с местом базирования - Казань.

Скорее всего, два упавших самолета были Пе-2. В Казани на заводе № 22 их собирали, и перегонщики доставляли их на фронт.

Мы пока не нашли списки погибших экипажей 1-й перегонной авиаэскадрильи. Так что поиск будет продолжен.

Арзамасский район

В годы войны под Арзамасом у села Выездного базировался 1-й запасной авиаполк, где проходили обучение молодые летчики и переучивались на новую технику пилоты-фронтовики. Казалось

бы, полк находился далеко от фронта, но и здесь происходили трагические случаи с гибелью пилотов и аэродромных техников. От войны в Выездном осталось 16 захоронений. Имена погибших известны:
старшие лейтенанты ЗЛЫГАРЕВ Виктор Николаевич (погиб 26 апреля 1943 года) и МАНИЦКИЙ Василий Григорьевич (погиб 3 января 1944 года);
лейтенант САМОЙЛОВ Георгий Родионович (погиб 4 апреля 1944 года);
младшие лейтенанты БЕЛЫЙ Иван Федорович (погиб 17 февраля 1945 года) и ШАШКИН Александр Федорович (погиб 9 сентября 1943 года);
воентехник МАГЛИЧ Кирилл Саввич (погиб 6 июля 1942 года);
старшина БЕЛЬКОВ Иван Антонович (погиб 14 марта 1945 года);
сержанты ИВЛИН Владимир Иосифович (погиб 28 января 1943 года) и СМОЛИН Анатолий Яковлевич (погиб 4 апреля 1944 года);
рядовые ШАДРИН Илья Михайлович (погиб 2 февраля 1944 года, ГУЛИН В. А., АЛЕКСЕЕВ А. А., ЗАПЛАВА М. А., КОЛТИН М. А., ПЕНЬКОВ В. А., СУДАКОВ (обстоятельства гибели рядовых неизвестны).
Из всего списка известны подробные данные лишь об одном человеке - Самойлове Георгии Родионовиче, 1910 г. р., уроженце города Ульяновска. Он был призван из запаса Гражданского воздушного флота. Служил в запасном полку в должности командира эскадрильи. Погиб при катастрофе самолета У-2, предположительно, вместе с сержантом Смолиным.

Сергачский район

12 января 1942 года у деревни Мамешево упал самолет Пе-2, в котором находился авиаконструктор Владимир Михайлович Петляков. «Тайна гибели ПЕ» - так называется публикация в этой книге. Она и рассказывает о подробностях той катастрофы.

Володарский район

В 1973 году в один из жарких летних дней жительница Володарска пенсионерка П. И. Терехова заметила с берега в обмелевшем от сильного зноя Крестовом озере хвостовую часть

Летчик-испытатель лейтенант Александр Кононович Корбов.

затонувшего военного самолета. Сообщила в органы милиции, военкомат. Вскоре на озере появились водолазы. Они ушли под воду, а вынырнув, рассказали, что через стекло кабины видна фигура летчика. Самолет был поднят вместе с останками пилота. На груди его нашли патрончик с сохранившейся запиской. В ней - имя, фамилия, адрес, откуда родом. Так было обнаружено место гибели двадцатидвухлетнего испытателя Александра Коробова.

В журнале полетов 1944 года удалось найти его имя. 25 мая он облетывал самолет Ла-5 на аэродроме Сейма. Из полета не вернулся...

Было ясно, что он погиб, но когда и при каких обстоятельствах? Обследование поднятого из озера самолета показало, что во время полета мог остановиться двигатель. Летчик, видимо, искал площадку для приземления, но вокруг были озера, болота и лес.

Так из забвения вернулось имя летчика, которому было не суждено попасть на войну, но он погиб, выполняя боевое задание фронта.

До недавнего времени не принято было говорить об аэродроме, который располагался на Сейме. Он был секретным как в годы войны, так и после нее. Не говорили и о кладбище, где покоятся летчики, погибшие как во время учебных полетов, так и при испытании новых машин. Многие могилы пилотов со временем оказались безымянными. Пришло время вспомнить о них и восстановить.

Приказ номер один - дать танки!

На восьмой день войны в стране был создан Государственный Комитет Обороны под председательством И. В. Сталина. В постановлении говорилось, что в руках ГКО сосредотачивается вся полнота власти в государстве. Все гражданские, все партийные, советские и комсомольские органы обязаны беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Обороны.

Распоряжение ГКО № 1, подписанное Сталиным, называлось «Об организации производства танков Т-34 на заводе «Красное Сормово». Предписывалось в кратчайшие сроки увеличить производство танков.

*** Москва, 7 ноября 1941 года. Военный парад на Красной площади. Эти танки Т-34 с парада уходили в бой.**

2 июля на «Красное Сормово» прибывает нарком среднего машиностроения Вячеслав Александрович Малышев. Ночью в кабинете главного инженера завода собрались руководители всех ведущих служб заводоуправления, начальники цехов, конструкторы.

К вечеру следующего дня на личном самолете наркома из Харькова были доставлены 4 тысячи чертежей и фотографии танка Т-34.

4 июля на завод прибыл первый секретарь Горьковского обкома партии Михаил Иванович Родионов. Общезаводское собрание приняло к руководству выступление В. А. Малышева: «Вопрос стоит так: или мы разобьем фашистов, или, наоборот, они нас - третьего не будет. Только так можно рассчитывать на успех».

Однажды в кабинете директора завода Ефима Эммануиловича Рубинчика раздался звонок: «С вами будет говорить товарищ Сталин...» Потом пауза, и вдруг на том конце трубки - без приветствия: «Слушай, Рубинчик, будут танки - будет Рубинчик, не будет танков - не будет Рубинчика». И трубку положили, не дожидаясь, когда директор придет в себя.

Государственный Комитет Обороны приказывал сормовичам уже в сентябре дать фронту первые танки, собранные из узлов и деталей собственного производства, а с октября развернуть серийный выпуск боевых машин. В помощь «Красному Сормову» придавалось одиннадцать предприятий страны, в том числе Горьковский автозавод, завод фрезерных станков, заводы «Красная Этна», «Двигатель революции», Выксунский и Кулебакский металлургические заводы.

Но на «Красном Сормове» не было бронекорпусного цеха, где можно было бы собирать боевые машины, не было необходимых металлов, не было литейных форм, не было...

Сорок пять дней, меняя друг друга, работали судосборщики, литейщики, токари, инструментальщики на строительстве нового цеха. В конструкторском бюро разрабатывались необходимая оснастка, инструмент, приспособления. Металлурги осваивали плавку новых сталей.

Заводу требовались рабочие. И они пришли. Первыми постучались в отдел кадров старейшие сормовичи Иван Андреевич Ляпин и Иван Матвеевич Олимпиев. Еще в 1905 году они сражались на баррикадах в Сормове. Старики отложили отдых.

Через день в газете «Красный сормович» появилось их письмо:

«Мы, старики, не должны сидеть дома, когда молодое поколение, доблестные бойцы и командиры Красной армии бесстрашно борются

Создатель танка Т-34 Михаил Кошкин (справа). Его трудовая биография начиналась в нашем городе.

за честь и свободу своего народа. Поднимемся все как один на защиту нашего государства, поможем социалистической Родине.

Старички! В грозный и ответственный момент у нас еще хватит сил по-боевому поработать, помочь нашим доблестным бойцам разгромить коварного врага».

Вместе с дедами в цеха пришли внуки-мальчишки, только что окончившие ремесленное училище при заводе. Их доучивали у станков.

Завод наращивал темпы, наращивал силы.

Производство танков задало новый рабочий ритм. До этого завод месяцами строил одно-два волжских судна. Заканчивал их - закладывал другие. Теперь предстояло осваивать крупносерийное производство. Завод к такой работе не привык.

На помощь пришли заводские рационализаторы и изобретатели. Они досконально изучили технологию производства отдельных узлов и решили, что многие детали можно сделать гораздо быстрее. Каждый рационализатор обязался внести не менее двух предложений, направленных на совершенствование производства. После войны подсчитали, что сормовские умельцы внесли 20000 предложений, в разработке которых участвовало 3400 рационализаторов и изобретателей. 11260 предложений было внедрено. Но все это цифры, а что скрывалось за ними?

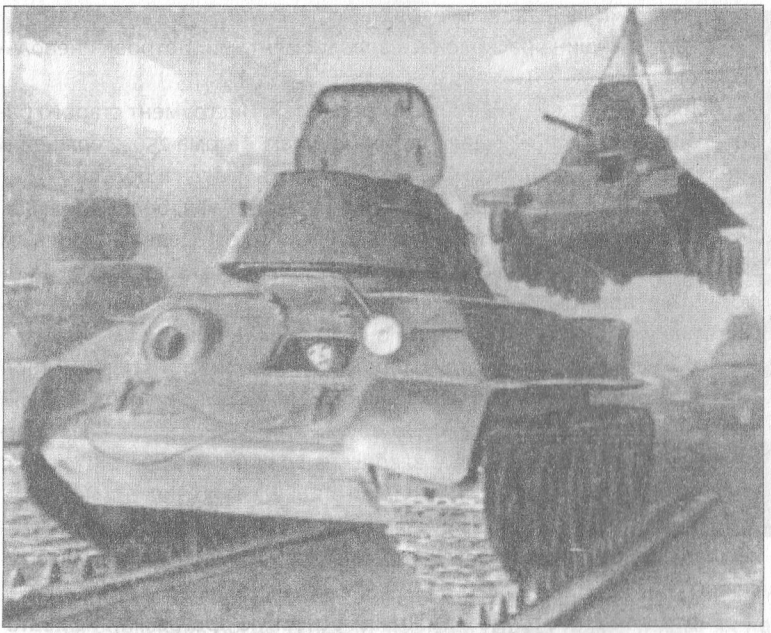
Вот история лишь одного рационализаторского предложения.

Всмотритесь в танк, который стоит на пьедестале в Нижегородском кремле. На его гусеницах есть выступы, которые рабочие попросту звали «забияками». Для отливки их в большом количестве требовались стержни. Много раз программа выпуска танков была под угрозой срыва из-за этой, казалось бы, мелочи. Каждый стерженщик должен был за одиннадцатичасовую смену делать по 200 штук, но больше 100 никто не делал. Надо было преодолевать своего рода психологический барьер - оставить позади привычный ритм работы. Но как это сделать?

За дело взялся старый рабочий, стерженщик высокой квалификации Юрий Петрович Рожков. Его попросили устроить показ своих приемов работы и доказать, что за смену можно справиться с заданием.

Целую неделю рабочий готовился к демонстрации. Наконец решился.

Собрались стерженщики. Все с любопытством смотрели на Рожкова. Никаких специальных условий для установления рекорда ему не создавали.



В годы войны завод «Красное Сормово» вынужден был освоить производство танков. Сборочный цех завода.

Юрий Петрович снял пиджак, неторопливо надел фартук, достал инструмент, который сам изобрел и сделал. Все проверил. Попросил разрешения начать работу.

Он, казалось, работал не спеша, не суетился у стержневых ящиков. Все его повороты, шаги, движения были обдуманны и четки!

Прошел час. Есть 40 стержней! Рабочих это не очень удивило. Час работы - мало. Отработай в таком темпе одиннадцать часов...

Незаметно прошел еще час. Еще 50 стержней оказались на сушильной плите. Ни тени усталости на лице старого рабочего. Точность движений завораживала.

Стерженщиков теперь интересует качество. Ходили, смотрели - придраться не к чему.

Прошло пять часов. На плите лежало 300 стержней! И ведь отработано только полсмены.

Юрий Петрович отложил инструмент для короткого отдыха. Все молчали.

Спросил: «Нужно еще показывать?»

Мертвая тишина раскололась аплодисментами. Петрович невольно поклонился.

Психологический рубикон был преодолен. Инструмент старого рабочего размножили и выдали стерженщикам. Норма 250 стержней в смену стала обычной. Лучшие делали по 300, а иногда и больше.

Одна проблема была решена, но возникла другая, более сложная. Выходившие из сборочного цеха танки сразу же передавали боевым экипажам. Они обкатывали машины на полигоне, грузили на платформы и отправлялись на фронт. К осени 1942 года завод стал давать сверхплановые танки. Как дороги они были для фронта.

Летом 1941 года танки производили пять заводов, но четыре вскоре оказались в пределах досягаемости вражеской авиации и под угрозой захвата наземными войсками. До войны говорили, что целесообразнее перебазировать танковые заводы на Урал и в Сибирь. Не успели. Это был большой просчет, приведший к тяжелым последствиям.

Сверхплановые танки выручали. Но скоро у проходной завода стали скапливаться почти готовые машины. На катках не было только гусениц.

Завод в те дни с трудом выполнял основную программу: не хватало траков - тех звеньев, из которых собирают гусеницы. Литейный цех не справлялся с повышенным заданием. Все резервы были исчерпаны. Цех работал на пределе.

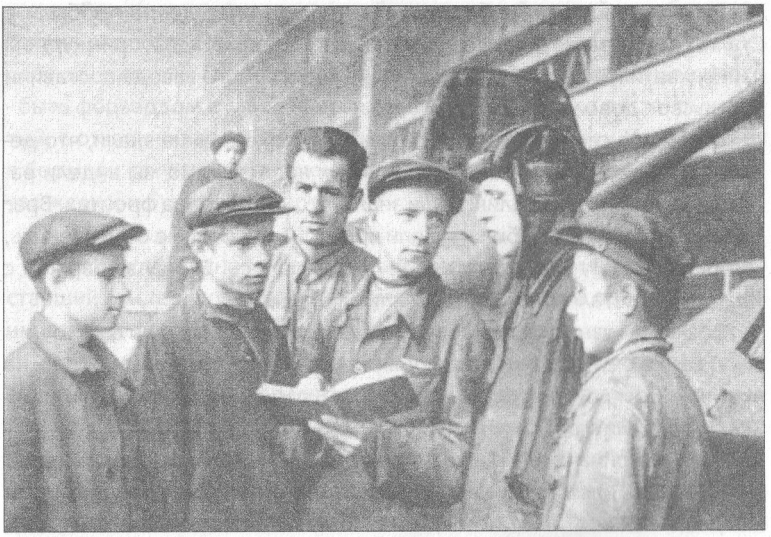
Траки отливали из стали с большим содержанием марганца. Не хватало и стали.

В самом начале войны траки на сормовский завод шли со Сталинградского тракторного. Но бои на Волге прервали связь с заводом. Тракторный в Сталинграде непрерывно бомбили, и он стал выполнять только ремонтные работы.

Сормовичами был предложен смелый выход из положения: откомандировать рабочую бригаду в Сталинград на тракторный. Там могут быть запасы траков.

Когда был еще жив старый сормовский рабочий Николай Гаврилович Курицын, удалось записать его рассказ об одной из таких командировок.

«В Сталинград мы вылетели на специальном самолете. К тому времени фашистов отогнали уже далеко, и в городе было тихо. Нас предупредили, чтобы мы не очень-то расхаживали по улицам и цехам заводов. Всюду лежали неразорвавшиеся снаряды, бомбы, мины.



Одна из фронтовых ударных бригад завода «Красное Сормово».

Мы обомлели, когда увидели мертвый город. Какие улицы, их не было в помине. Кругом руины. Разве могли мы у себя в Сормове представить войну во всей ее разрушительной силе? Человеческого воображения на это не хватило бы.

Тракторный завод тоже лежал в руинах. Станки искорежены, кругом переплетенная арматура. Тут же на территории завода братские могилы павших воинов. Помнится, мы шли по бетонному полу, покрытому слоем стреляных гильз. Кругом работали саперы. Работал и завод. Правда, над головами рабочих не было крыши, и в сильный дождь все жались к стенам, а станки укрывали брезентом.

Мы поставили в районе завода пять палаток и приступили к выполнению задания. На тракторном большого количества траков взять не могли - здесь налаживали свое производство. Все же тракторозаводцы поделились с нами.

Все последующие дни провели на местах боев. Там оказалось великое множество разбитой техники. Мы снимали с танков не только гусеницы, но и все исправные детали, свозили к волжским причалам и грузили на баржи. Для одного танка требовалось 150 траков.

Нам помогали сталинградцы и солдаты формировавшихся здесь частей.

Рассчитывали всю работу закончить недели за две, а пробыли в Сталинграде два месяца. Нашего запаса продовольствия, при скудном пайке, хватило на три недели. Рабочие тракторного завода поставили нас на свое довольствие.

Всяческая связь с Сормовом была прервана. Мы не знали, что делается на заводе, не слышали городских новостей. Но мы видели работающий в руинах Сталинград и знали, что делается на фронтах. Враг сопротивлялся, но его били, и били крепко. Тут уж мы не сомневались, что без наших «тридцатьчетверок» не обошлось. Баржу за баржой с танковыми деталями мы отправляли в Горький.

Позже мы узнали, что на заводе наши траки тут же шли в дело».

И если в октябре 1941 года сормовские «тридцатьчетверки» шли на выручку Москве, то теперь спешили на Курскую дугу. На многих танках были сталинградские гусеницы.

В годы войны на «Красном Сормове» побывал писатель Алексей Николаевич Толстой. Он ходил по цехам, знакомился с рабочими, осматривал танки...

Особенно его интересовали молодые сормовичи, занявшие рабочие места отцов и братьев, ушедших на фронт. Одному из них он посвятил вот такие строки:

Танкисты готовятся к наступлению.

«...Горьковцы - народ веселый, смышленый и злой о работе. Им только раз поглядеть - поймут. В мартеновском цехе старшему сталевару не дадите на вид и двадцати лет. Ему, подумаете вы, самое место - быть форвардом в футбольной команде: небольшого роста, рыжеватый, с отчаянно задорным лицом... Ошиблись. Товарищ Косухин льет в Сормове такую сталь и такие мячи, что в фашистских воротах и сейчас жарко, и будет еще жарче...»

И дальше...

«В старом, тесном, полутемном цехе чугунно-фасонного литья старший мастер, товарищ Блаженов, рассказывает о произведенном им чрезвычайно интересном опыте плавки чугуна.

Опыт дал вполне положительные результаты и сейчас переносится в производство. Весь коллектив его цеха не дает меньше 150 процентов нормы. Сам товарищ Блаженов - худенький старичок, работающий в Сормове, в этой литейке, уже 51 год. Просил ему здесь же, в литейной, поставить койку, чтобы не тратить времени на путешествия домой...»

После войны немецкий «танковый бог» Гейнц Гудериан признался:

«...В ноябре 1941 года видные конструкторы, промышленники и офицеры управления вооружения приезжали в мою танковую армию

1945 год. Вручение заводу «Красное Сормово» ордена Отечественной войны I степени. У знамени завода - директор Ефим Эммануилович Рубинчик.

Два поколения сормовских танков встретились у проходной завода «Красное Сормово».

для ознакомления с русским танком Т-34, превосходившим наши боевые машины. Непосредственно на месте они хотели уяснить себе и наметить, исходя из полученного опыта боевых действий, меры, которые помогли бы нам снова добиться технического превосходства над русскими.

Предложение офицеров-фронтовиков выпускать точно такие же танки, как Т-34, для выправления в наикратчайший срок чрезвычайно неблагоприятного положения германских бронетанковых сил не встретило у конструкторов никакой поддержки. Конструкторов смущало, между прочим, не отвращение к подражанию, а невозможность выпуска с требуемой быстротой важнейших деталей Т-34, особенно алюминиевого дизельного мотора. Кроме того, наша легированная сталь, качество которой снижалось отсутствием необходимого сырья, также уступала легированной стали русских».

Гитлер, распорядившись показать новинки на Куммерсдорфском полигоне, втайне думал, что русские бросятся копировать Т-III. Получилось наоборот.

В 1943 году на Абердинском полигоне (США) были проведены сравнительные испытания американских и многих зарубежных танков, в

том числе Т-34. Американские испытатели, всегда скептически относившиеся к чужой технике, свое впечатление от «тридцатьчетверки» выразили в отчете фразой: «Конструктор этого танка заслуживает памятника при жизни!»

Голландский журналист, работавший в войну в Берлине, писал:

«... Мы каждый день получали известия об успехах «простых» русских танков типа Т-34, которые, хотя немцы старались не признавать, оказались лучшими по своей боевой мощи, чем утонченные, снабженные прекрасным оптическим и электронным оборудованием фашистские танки «Тигр» и «Леопард». Ходила такая шутка: «Правда, в русских танках ранишь пальцы от нешлифованных сварных швов, но пушка на них такая хорошая, что с ней все немецкие танки расстреляешь...» Пушки русских танков действительно были важнее неотшлифованных швов... Конструктивная простота, легкое обслуживание и надежность имеют преимущество над сложными конструкциями, модными прихотями и блестящей наружностью».

А вот суждения американского журналиста:

«Если оценить, кто внес наибольший личный вклад в победу союзников во Второй мировой войне, то наряду с именами Рузвельта, Черчилля и Сталина следует назвать имя конструктора русского танка Т-34».

10 марта 1945 года танковый цех завода «Красное Сормово» выпустил десятитысячный танк. Производство танков продолжалось вплоть до победы над Японией. Завод был награжден орденом Отечественной войны I степени. На торжественном митинге была зачитана телеграмма Верховного Главнокомандующего И. Сталина.

Ни один советский военачальник не обошел в своих мемуарах этот танк. Похвальное слово о нем сказал маршал Советского Союза Иван Степанович Конев:

«Говоря о нашей боевой технике, хочу еще раз помянуть добрым словом самый замечательный наш танк Т-34. «Тридцатьчетверка» прошла всю войну, от начала до конца, и не было лучшей боевой машины ни в одной армии. Ни один танк не мог идти с ним в сравнение - ни американский, ни английский, ни немецкий. Его отличали высокая маневренность, компактность конструкции, небольшие габариты, приземистость, которая повышала его неуязвимость и вместе с тем помогала вписываться в местность, маскироваться. К этому следует добавить высокую проходимость, хороший двигатель, неплохую броню. Правда, сначала у Т-34 была недостаточно сильна пушка. Когда же вмес-

то нее поставили новое превосходное 85-миллиметровое орудие, то этот танк поражал все вражеские машины. До самого конца войны Т-34 оставался непревзойденным».

Враги называли «тридцатьчетверку» «стальным вихрем», «железной метелью», сормовичи - «ласточкой», а один из советских поэтов назвал ее «железной песней войны».

Если вы думаете, что служба танка Т-34 давно завершилась и его можно увидеть только на пьедесталах, то сильно ошибаетесь.

Он успешно сражался на корейской земле, где продемонстрировал превосходство над американскими «Шерманами». Воевал он на Ближнем Востоке, в индо-пакистанских конфликтах, во Вьетнаме. Видели мы его и на кадрах недавней югославской военной хроники.

Этот танк продолжает служить и сегодня в армиях двадцати стран.

Вячеслав ФЁДОРОВ.

Экипаж машины боевой

В октябре 1941 года газета «Горьковская коммуна» писала:

«Рабочие листопрокатного цеха металлургического завода внесли предложение собрать средства на постройку мощного танка «Выксунский металлург».

Во всех цехах завода это предложение встретило горячий отклик. Коллектив новомартеновцев обязался принять самое активное участие в сборе средств на создание грозной машины».

В апреле 1943 года та же «Горьковская коммуна» сообщила о передаче колонны танков «Выксунский металлург» советским воинам.

Командир подразделения старший лейтенант С. Миронов и политработник старший лейтенант Чижов поблагодарили рабочих завода «Красное Сормово» за подарок, и танкисты поклялись беспощадно громить ненавистного врага.

Как же сложилась судьба танкистов? Где воевали танки, подаренные металлургами Выксы?

* Торжественные проводы на фронт танковой колонны «Выксунский метталург».

Только много лет спустя стало известно, в какое воинское соединение попали танки колонны «Выксунский металлург». Это была 186-я танковая бригада, которая формировалась в Горьком.

13 апреля 1943 года бригада получила танки, а 17 мая погрузилась в эшелоны и выехала на фронт. Через пять дней она прибыла в район сосредоточения и влилась в 10-й танковый корпус 16-й армии Западного фронта.

Танковый корпус прошел всю войну и был расформирован после ее окончания. Не стало и 186-й танковой бригады. Она выполнила свою задачу. А боевой путь танкисты закончили в Прибалтике. Последняя отметка о боевых действиях бригады - 25 марта 1945 года.

Следопыты Выксы несколько раз пытались разыскать экипажи танков «Выксунский металлург», но на их просьбу никто не откликнулся. Очередную попытку следопыты предприняли в мае 1984 года. Их письмо с просьбой откликнуться танкистов, воевавших на танках «Выксунский металлург», опубликовала газета «Красная звезда».

Отклик пришел из города Тейково Ивановской области. Автором письма был Алексей Степанович Миронов.

Миронов... Не однофамилец ли это того С. Миронова, что принимал танки колонны «Выксунский металлург» в Горьком?

Оказалось, что брат.

«...В числе получавших танки Т-34 на заводе «Красное Сормово» были и мы, Мироновы: Степан Егорович – наш отец, Алексей и Сергей – его два сына.

Семейный экипаж Мироновых: Алексей, Сергей и Степан Егорович.

Сразу после торжественной передачи боевых машин наш семейный экипаж в составе 1-го батальона 186-й танковой бригады отправился под Орел. Отец был механиком-водителем, я радистом-пулеметчиком, а брат, Сергей, командовал ротой.

Воевали наши танкисты, скажу не без гордости, на совесть, честно выполняя свой долг перед матерью-Родиной.

В одном из боев командир взвода лейтенант В. Лапшин уничтожил противотанковое орудие и тяжелый фашистский танк, лейтенант Корнев сжег две автомашины с живой силой противника, а старший лейтенант Иванов доставил в подразделение исправный вражеский танк.

Не подводили боевых товарищей и мы, Мироновы. Командир батальона майор Курицын часто поощрял наш семейный экипаж за инициативу и находчивость.

В боях под Киевом брат Сергей был тяжело ранен и больше в боях не участвовал.

Мы с отцом воевали до конца войны.

Посылаю снимок нашего семейного экипажа, воевавшего на танке, подаренном выксунскими металлургами. Отец Степан Егорович – справа, брат – в центре».

Но теперь о главном: в архиве редакции хранится запись беседы с Алексеем Степановичем Мироновым. Мы вас с ней и познакомим. Из всей колонны танков «Выксунский металлург» именно этой машине выпало воевать дольше всего.

- Алексей Степанович, когда и где вы в первый раз увидели танк «Выксунский металлург»?

- В начале сорок третьего года, в Горьком. На заводе «Красное Сормово» нам передали новенький, только что из сборочного цеха танк Т-34 с бортовым номером 111 и с надписью на башне «Выксунский металлург».

- И помните, как его вам вручали?

- А как же! Прошли мы на завод, выстроились напротив танков. Смотрю, надпись «Выксунский металлург» не только на нашем танке, а еще на нескольких. Значит, думаю, целая колонна. Я брата спрашиваю: «Кто такой «Выксунский металлург»?» А он объяснил, что это городок такой в Горьковской области есть - Выкса. Рабочие города собрали деньги на целый десяток танков. Один из них нам и вручают.

- Как же сложился ваш семейный экипаж?

- На заводе и сложился. Отец стал механиком-водителем, я - стрелком-радистом. Сергей забрал нас к себе в командирскую машину.

- Выходит, на фронт вы уходили вместе?

- Нет. Первым на фронте Сергей оказался. Он перед самой войной танковое училище закончил. Потом отец был призван. Он до войны бригадиром тракторной бригады работал. А меня до конца сорок второго не брали - годами не вышел.

- И как же все-таки вы встретились?

- Случай редкий. Я знал, что брат находился в Горьком на формировании. Отец туда же попал. Брат рассказывал потом, что приехали новобранцы, все еще в штатском. Старший по форме доложил и протягивает список. Смотрит Сергей, а в списке однофамилец числится - Миронов Степан Егорович. Все сходится, как у отца. Вызвал этого новобранца - действительно, отец.

- А в это время вы?..

- Я в это время был в эвакуации. До войны мы жили в Смоленской области. К концу лета сорок первого враг подошел к нашим местам. Мне поручили спасать колхозное стадо. И я погнал его в тыл. Гнал долго и оказался под Саранском. Зимовал там, а весной решил подаваться поближе к своим краям, но доехал лишь до Рязанской области - дальше был враг...

- Потом призыв в армию?..

- Да. Когда же нас погрузили в эшелон, я подхожу к командиру и говорю, что у меня брат в Горьком, отец, и прошу его сказать, куда же нас везут. Он улыбается и отвечает: «Секрет это, но тебе скажу - в Горький». Эх, я и обрадовался. Приехал, сразу брату сообщил. Он к моему начальству - просит забрать меня к себе. Ему говорят: «Без приказа свыше не можем отпустить».

Что же делать, поехал я дальше учиться на пулеметчика. Учусь. Однажды вызывает командир и сообщает, чтобы я собирался и ехал в Горький к брату. Оказывается, на меня приказ из Москвы пришел. Там указывалось: «Направить рядового Миронова в часть для создания семейного экипажа...» Брат, оказывается, просьбой наркомат обороны тревожил. Так оказались мы все вместе.

- Вы трое - семейный экипаж, но ведь в «тридцатьчетверке» должно быть четверо?

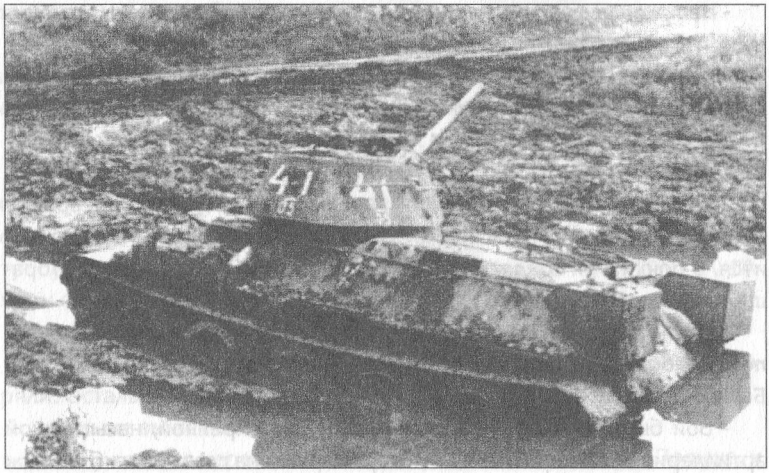
- Правильно. Был у нас еще башнер Вася Птицын. Он родом из Ивановской области. В первых же боях его ранило, и мы трое остались. Башнера нам больше не давали, видимо, танкистов не хватало. Брат мне только сказал: «Давай на место башнера, а батя и за тебя справится».

Вся колонна танков «Выксунский металлург» входила в состав знаменитой танковой армии генерала Катукова. Из истории сейчас вы знаете, что эта армия постоянно находилась на острие главного удара. Конечно, и потерь было много. Мы прошли на нашем танке от Курской дуги до Киева. У нашего семейного экипажа пять орденов Красного Знамени и с десяток медалей.

- Первый бой на «Выксунском металлурге», каким он был?

- Первый бой был на Курской дуге. Шел он за деревню Василево. Командир танкового батальона приказал нашей роте освободить эту деревню. Брат собрал командиров взводов, поставил перед ними задачу. До деревни оставалось метров 500 - тишина. 300 метров - ни выстрела. Еще ближе... Вдруг удар по танку. Перед моими глазами встает огненный шар. Я ведь необстрелянный, даже не понял, что случилось. Слышу только голос брат: «Алексей, батя, нас подбили, выскакивайте».

Мы выскочили. Автоматы в руках. Гранаты за пазухой. Спрятались за танком. Смотрим, а он не горит. Ну, мы снова в машину. Осмотрелись. Рация повреждена да пушка, но стрелять можно. Тем временем немцам удалось еще один наш танк остановить. Оказалось, пушка вражеская в саду замаскирована была. Но только два раза она и выстрелила, мы в нее точный снаряд послали. Вечером ремонтники доложили, что танк исправлен и готов к бою.



Вот по таким военным дорогам приходилось пробиваться танку «Выксунский металлург».

- Алексей Степанович, прочитал у Константина Симонова: «В сорок первом, захлебываясь в крови, на ходу учились воевать». А что было в сорок третьем?

- Да тоже учились воевать. На фронт приходили молодые парни. Настало время наступательных боев. А это великая наука - победе радуйся, да держи ухо востро. Немец мог и в ловушку затянуть, и в пылу боя на засаду можно было нарваться. Отец охлаждал наш юношеский азарт, учил неторопливости, обстоятельности.

Когда в атаку шли, любопытно было на бой взглянуть. Из танка в узкую щелочку триплекса что разглядишь? Тогда брат мне: «Не высовывайся, пули захотел!»

Сергей, как со всех, так и с меня, требовал строго. Он перед боем в танк залезет, пальцем по снарядам поводит, проверит, чистые ли они. Боекомплектом пополнялись в разных условиях, и на снарядах мог оказаться песок. А это задержка при стрельбе. Врага не опередишь - сам погибнешь.

Так я и учился воевать.

- Алексей Степанович, всегда велось, что отцы учили сыновей уму-разуму, а в вашем экипаже, выходит, наоборот. Отцу приходилось выполнять приказы сына.

- Помню, такой же вопрос и комбриг наш, подполковник Овсянников, однажды отцу задал: как, мол, товарищ старший сержант, не очень строг с вами командир танка?

- Нет, - отвечает отец. - Все как положено спрашивает, по уставу.

- Если что не так, - смеется комбриг, - вы не смотрите, что он командир... вы его по-отцовски, как в детстве...

Конечно, шутка это была. И посмеялись мы тогда от души. А служба есть служба.

Я вам так скажу. Как отдыхаем, наш механик-водитель превращается в заботливого отца. Он и чайку согреет, и о здоровье побеспокоится. В бою же он солдат. Правда, брат к нему не по-уставному обращался. «Батя, влево... Батя, газу... Батя, в укрытие...»

- После Курской дуги колонна танков «Выксунский металлург» пошла с боями дальше, до Днепра. На этом пути были трудные бои. Были, наверное, и потери?

- Бои были тяжелые. Оборона врага была крепкой, насыщенной артиллерией. Наша рота несла потери. Прямо на глазах погиб экипаж танка Алексея Липшина. В другом бою сгорели два танка «Выксунский металлург».

Алексей Степанович Миронов хранил танковый шлем с войны.

В непрерывных боях мы побед не считали. Но вот в города наш танк врывался первым. По тактике боя так положено - командирский танк увлекает за собой остальные.

Отчетливо вижу бой под городом Тростенец. Тогда мы немецкую колонну разбили. И бой-то бы не тяжелый, а вот помню. Может быть, оттого, что последний раз мы все вместе его вели.

- Что же было потом?

- После этого боя вскоре отца ранило. Нам дали другого механика-водителя. Днепр мы уже без отца форсировали. Когда расширили плацдарм, ранило в руку Сергея. Глупо получилось. Вышли из танка, и тут пуля... Наш танк «Выксунский металлург» передали другому экипажу, и с тех пор о его судьбе я ничего не знаю.

- А судьба остальных девяти?

- Два еще на Курской дуге сгорели. Четыре на пути к Днепру потеряли. Остальные пошли дальше.

- Больше вы не пытались собраться в один экипаж?

- Это уже было нереально. Я воевал в Прибалтике, отец в Польше, и был он уже артиллеристом. Сергей после госпиталя инвалидность получил. Из нас троих до Берлина удалось дойти только отцу.

- Как же сложилась послевоенная судьба экипажа Мироновых?

- Просто, как и у всех людей. Отец жил в Ставрополе. Сергей уехал в Ворошиловградскую (Луганскую) область и жил в городе Счастье. Я после войны еще служил в армии, а потом поселился в Ивановской области.Отец умер в возрасте 80 лет.

День Победы где встретили?

- А день Победы встречал в Горьком. Я тогда учился в Горьковской танковой школе. В мае сорок пятого школу перебрасывали в другое место. Помню, грузили имущество школы в вагоны, подходит к нам женщина и сообщает о Победе. Мы не поверили, бросились на станцию, а там по радио говорят. Вечером для нас устроили танцы. Такую мы легкость испытали, будто гору свалили.

Беседу вел Виктор МАЙОРОВ.

Ивановская область,
г. Тейково.

Принимай, фронт!

Нашей области суждено было стать тыловой. Но понятие «тыл» с первых же дней войны стало условным. Можно ли назвать тылом громадное пространство, где каждый завод, каждая фабрика, каждый колхоз - все работали на фронт.

Все эти танки и танковые колонны, названия которых вы видите, были приобретены для фронта на пожертвования работавших в тылу.

Именные танки

«Ардатовский колхозник» - Ардатовский район
«Блиновский колхозник» - Борский район
«Боевая подруга» - Арзамасский, Борский районы
«Болдинский комсомолец» - Большеболдинский район
«Борский учитель» - Борский район

*** Митинг, посвященный отправке на фронт танка и броневика «Автозаводский школьник». Митинг проходил во дворе школы № 19, ныне школы № 126. Февраль, 1943 г.**

«Великосельевский колхозник» - Богородский район
«Всеобуч» - Большеболдинский район
«Выксунский металлург» - Выксунский район
«Герой Отечественной войны» - Шатковский район
«Горьковский кооператор» - Арзамасский район
«Горьковский охотник» - Большеболдинский район
«Горьковский пионер» - Борский район
«Горьковский пионер-2» - Чернухинский район
«Горьковский финработник» - Сосновский, Чернухинский районы
«Госбанковец» - Арзамасский район
«Имени 8 Марта» - Ардатовский район
«Имени Зои Космодемьянской» - Сосновский, Чернухинский районы
«Имени кооперации инвалидов» - Борский район
«Комсомолец» - Воскресенский район

1 сентября 1941 года учащиеся школы № 102 города Горького обратились ко всем пионерам и школьникам Горьковской области с призывом построить танк «Горьковский пионер». Уже 18 января 1942 года в действующую армию был передан танк, построенный на заводе № 112 «Красное Сормово». Всего же за годы войны на средства, собранные пионерами и школьниками Горьковской области, было построено 7 танков.

«Кооператор» - Шатковский район
«Металлист» - Павловский район
«Павловский колхозник» - Павловский район
«Павловский осоавиахимовец» - Павловский район
«Пионер» - Ардатовский, Арзамасский, Борский, Вознесенский, Воротынский, Воскресенский, Выксунский, Павловский, Первомайский, Починковский, Чернухинский, Чкаловский районы
«Починковский колхозник» - Починковский район
«Ремесленник» - Чкаловский, Борский районы
«Родина героя» - Сосновский район
«Смерть фашизму» - Ардатовский район
«Советская женщина» - Борский район
«Торговый работник» - Борский район
«Тракторист» - Борский район
«Чкаловец» - Чкаловский район

Танковые колонны

«Арзамасский комсомолец» - Арзамасский район
«Богородский комсомолец» - Богородский район
«Боец всевобуча» - Арзамасский, Выксунский, Чкаловский районы
«Болдинский колхозник» - Большеболдинский район
«Валерий Чкалов» - Первомайский район
«Воротынская колхозница» - Воротынский район
«Всеобуч» - Воротынский, Чернухинский районы
«Горьковский адвокат» - Богородский район
«Горьковский комсомол» - Воротынский, Выксунский районы
«Горьковский комсомолец» - Ардатовский, Вознесенский, Павловский районы
«Горьковский осоавиахимовец» - Арзамасский, Большеболдинский, Борский, Вознесенский, Выксунский, Павловский, Первомайский, Чернухинский, Чкаловский, Шатковский районы
«Горьковский финработник» - Сосновский район
«Допризывник» - Павловский район
«Имени ВЛКСМ» - Борский, Воротынский районы
«Имени героев Краснодона» - Большеболдинский район
«Имени горьковского комсомола» - Арзамасский, Богородский, Вознесенский, Воскресенский, Первомайский, Починковский районы

На этом плакате военных лет, призывающем давать фронту больше оружия, изображен кузнец-ударник с автозавода Александр Бусыгин.

«Имени Казанской железной дороги» - Арзамасский район
«Имени колхозной молодежи» - Шатковский район
«Имени Ленинско-Сталинского комсомола» - Павловский район
«Имени народного учителя» - Сосновский район
«Имени промкооперации» - Борский, Павловский районы
«Колхозная танковая колонна» - Выксунский район
«Медицинский работник» - Арзамасский район
«Народный учитель» - Арзамасский, Воскресенский, Первомайский, Чернухинский районы
«Починковский колхозник» - Починковский район
«Рабочий металлист» - Павловский район
«Связист» - Вознесенский район
«Советский связист» - Павловский район
«Советский школьник» - Выксунский район

В апреле 1945 года в адрес автозаводской фронтовой бригады пришла телеграмма:
«Город Горький. Автозавод. Бригадиру фронтовой бригады тов. Удод.

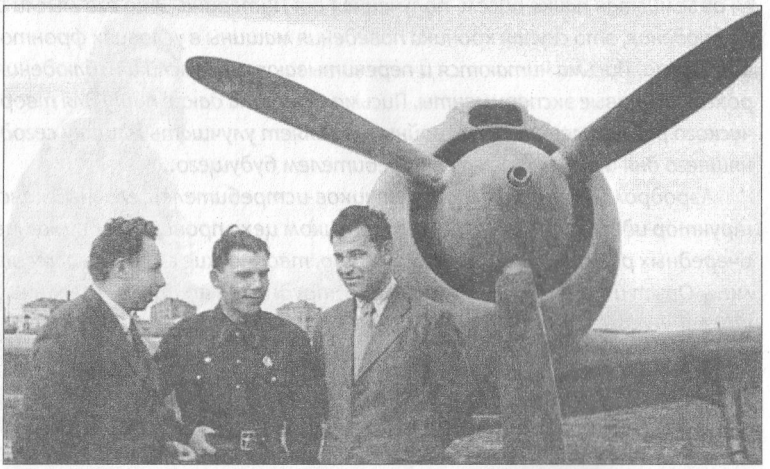
Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

Бригадир фронтовой бригады А. Ф. Удод.

Горячо поздравляю вас и весь состав вашей фронтовой бригады с замечательными достижениями, которых вы добились своим самоотверженным трудом. Воины-фронтовики высоко ценят продукцию, созданную вашими руками. Враг уже не раз чувствовал на своей спине сокрушающую мощь наших ударов. И каждый наш боец знает, что оружие, которое ему дала в руки наша Родина, никогда не подведет в бою и принесет нашему народу полную победу над врагом. Сейчас, когда победа уже близка и Красная армия сражается под стенами Берлина, требуется еще немало усилий фронта и тыла, чтобы окончательно убить и разгромить врага.

Уверен, что ваш прекрасный опыт станет примером для других и поможет всему коллективу завода добиться новых, еще больших успехов в героическом труде для дела победы.

Маршал Советского Союза Г. ЖУКОВ».



Кто воевал на самолетах эскадрильи «Валерий Чкалов»-III

В июле 1943 года газета «Правда» писала:

«Главный конструктор начинает на аэродроме каждый свой новый рабочий день...

Машина, созданная С. А. Лавочкиным, популярна среди наших летчиков. Непрекращающиеся эксперименты улучшают качество первоклассной машины... Вечером, когда пустеет конструкторское бюро, Семен Алексеевич закрывается, оставаясь вечером в своем кабинете, углубляется в чертежи и расчеты. Он изучает новинки авиации союзников и авиации врага, следя за путями движения зарубежной конструкторской мысли... В одной из частей истребительной авиации находится представитель КБ инженер П. Г. Питерин. Он сопровождает самолеты в их боевом пути. В письменном столе главного конструктора хранит-

*** На заводском аэродроме. Авиаконструктор С. А. Лавочкин, парторг ЦК ВКП(б) А. В. Агуреев, директор завода С. И. Агаджанов.**

ся объемистая пачка писем, полученная от Питерина. Это его мысли и наблюдения, это скупая хроника поведения машины в условиях фронтовой жизни. Письма читаются и перечитываются. Мысли и наблюдения рождают новые эксперименты. Письма с фронта дают пищу для творческого размышления. Опыт войны позволяет улучшать машину сегодняшнего дня и работать над истребителем будущего...

Аэродром. Выслушав мысли летчиков-истребителей, главный конструктор идет в цех. Вместе с начальником цеха проверяет движение очередных работ. Придирчивый осмотр, творческие споры с мастерами... Опыт и знания десятков своих сотрудников впитывает главный конструктор...»

А тем временем сбор средств на самолеты эскадрильи «Валерий Чкалов» продолжался:

«Коллектив Каликинского шпалозавода отчисляет на постройку самолетов «Валерий Чкалов» свой полумесячный заработок...»

«Коллектив Горьковского государственного театра оперы и балета им. А. С. Пушкина собрал и внес в фонд обороны 300000 рублей. Сейчас мы дополнительно внесли 100000 рублей на постройку эскадрильи им. Валерия Чкалова...»

«Москва. Кремль, товарищу Сталину.

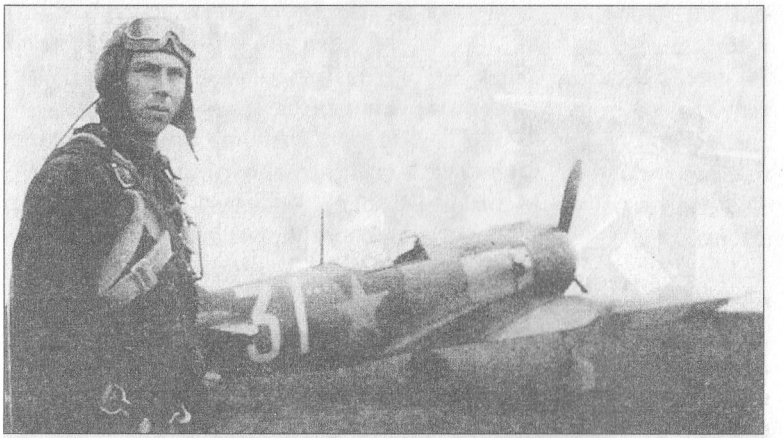
Мы, колхозники и колхозницы Прудовского ордена Ленина колхоза «Советская деревня» Богородского района Горьковской области, на общем собрании единогласно решили построить на свои сбережения звено боевых самолетов, на что уже внесли в Государственный банк 400 тысяч рублей. Просим вас, тов. Сталин, присвоить этому звену имя нашего колхоза и включить его в состав эскадрильи боевых самолетов «Валерий Чкалов».

«Комсомольцы и молодежь Горьковской области, желая всеми силами помочь Красной армии в быстрейшем разгроме ненавистного врага, собрали на строительство боевых машин для Красной армии 19 миллионов рублей».

Главный подарок

Теперь-то уж и не вспомнить, кто предложил такое. Но это был очень хороший мальчишка из Пушкинской школы.

Как было не додуматься - война... И до тихого прежде Арзамаса доходило ее грозное дыхание. Посуровел городок, раненые стучали



Сохранился снимок военной поры: летчик Алексей Максименко перед вылетом на задание. 1943 год.

костылями по каменным мостовым, а за выездновскими лугами с утра до вечера чиркали голубое небо юркие крестики учебных самолетов.

Так вот, сказал маленький гражданин хорошее слово, и оно тотчас облетело школу.

- Соберем деньги на самолет!

С этим и пришел директор школы Леонид Васильевич Сперанский к заведующей районо Зинаиде Васильевне Зюзиной весной 1943 года.

- Да вы у нас молодцы какие! - порадовалась Зинаида Васильевна. - Как не поддержать такое начинание? Сегодня же все школы известим. Действуйте!

Много славных дел уже было на счету мальчишек и девчонок Арзамасского района к тому, 1943 году. Это и центнеры заготовленных лекарственных трав, это и бесчисленные подарки бойцам... Школьники собирали металлолом, работали в колхозах, выступали с концертами перед старшими, тимуровцы помогали семьям фронтовиков.

И вот теперь самолет. Самый настоящий, военный. Он и будет главным подарком воинам, что защищают Родину, и Арзамас тоже. Ребята решили назвать самолет «Арзамасский школьник» и передать машину в эскадрилью «Валерий Чкалов», которую строили на свои средства горьковчане. Сговорились, что деньги соберут всего за пять суток.

Дверь в кабинет Зинаиды Васильевны Зюзиной почти не закрывалась в те дни. Шли директора школ, пионервожатые, сами ребята.

Летчик самолета «Арзамасский школьник» из эскадрильи «Валерий Чкалов» Алексей Иосифович Максименко в гостях у арзамасцев. Его встречала Зинаида Васильевна Зюзина. 1970 год.

Подчас уставшие, из дальних сел, бережно выкладывали они на стол заведующей районо квитанции Госбанка о приеме денег.

- На самолет...

- Примите на «Школьника»...

Приходили тогда к Зюзиной не только из школ. Несли свои сбережения комсомольцы, рабочие, колхозники и просто доброхотные люди.

... Она шла к секретарю райкома партии взволнованная, чуть растерянная. В руке бережно несла небольшой листок с красной полосой.

Секретарь поднялся навстречу, по лицу Зюзиной увидел, что случилось нечто необыкновенное. А Зинаида Васильевна только и сумела сказать:

- Телеграмма. Правительственная...

Григорий Андреевич Чижонков прочел:

«Передайте школьникам Арзамасского района Горьковской области, собравшим 160000 рублей на строительство самолета «Арзамасский школьник» для эскадрильи «Валерий Чкалов», благодарность

Красной армии и мои пожелания здоровья и успехов в учебе и общественной работе. Сталин.»

Потом школьники собрали еще 30 тысяч рублей в фонд обороны.

Деньги деньгами. Куда, на какой завод их направить? А кто будет следить за ходом строительства самолета?

Помочь вызвался областной комитет ВЛКСМ. И часто в Горький, к секретарю Вере Филипповой, звонила Зинаида Васильевна.

- Стараются рабочие, - успокаивала Вера. - Трудятся по-стахановски, ждите!

И ребята в районе ждали. Можно было понять их нетерпение. Всем хотелось увидеть крылатую боевую машину - свою мечту.

Навсегда им запомнилось то солнечное майское утро 1943 года. Голубая дымка курилась над яркими хлебными зеленями. Невидимые жаворонки звенели в бездонной голубизне неба, а на мягком ковре трав ярко желтели круглые шапочки одуванчиков... Вдруг многим вспомнилось, что у каждого на фронте отец или брат. И кто знает, не последний ли это день жизни близкого, родного человека.

Но детское настроение переменчиво. Веселые голоса, шелест красных знамен, бодрые звуки пионерского горна и дробь барабанов - все поднимало настроение, рождало гордость за дело своих рук.

В полдень маленький голубой «ястребок» плавно коснулся земли. И пока он подруливал, все успели прочитать большие белые буквы на фюзеляже - «Арзамасский школьник».

Восторгам ребят не было конца. Громкое, дружное ура заметалось под голубым небом.

А летчик, выбравшись из кабины, огорчил: на фронт полетит другой.

- Кто же?

Зинаида Васильевна в сопровождении ребят пошла к начальнику аэродрома Булатову.

Габдухай Ганиевич выслушал и успокоил:

- Будет вам летчик. Да вот и он, старший лейтенант Максименко. Принимайте машину, старший лейтенант.

- Есть принимать самолет.

А потом был митинг. Его открывала Зинаида Васильевна Зюзина. Говорил Булатов, выступали ребята, наказывали крепко бить фашистов и возвращаться домой с победой. Максименко твердо обещал выполнить ребячий наказ. Потом мальчишки и девчонки стали передавать пилоту свои подарки. Их было так много, что они заполнили не

Герой Советского Союза Петр Яковлевич Лихолетов из 159-го истребительного авиационного полка стал первым летчиком полка, получившим самолет с надписью «Эскадрилья «Валерий Чкалов».

Летчики-истребители эскадрильи «Валерий Чкалов» 4-й Воздушной армии обсуждают результаты боевых вылетов. К сожалению, имена летчиков неизвестны.

только весь самолет, но и его крылья. Растроганные ходили летчики по аэродрому. Эта доброта ребячьих сердец помнилась им до самого конца войны.

Летчик Алексей Максименко улетел на фронт только в июле. А в начале августа Зинаида Васильевна получила долгожданное письмо. Его написал арзамасским ребятам командир Алексея майор Марков.

«Дорогие школьники! Хочу сообщить, как бьет фашистских стервятников ст. лейтенант Максименко на самолете, который вы ему подарили.

В горячих воздушных схватках тов. Максименко на вашем самолете сделал 100 полетов.

Кроме того, группа тов. Максименко, которую он водит в воздушные бои, уничтожила 11 самолетов, не имея своих потерь. Ваш наказ, ребята, выполняет тов. Максименко с честью.

Учитесь, ребята, спокойно. Красная армия крепко бьет фашистских разбойников и мстит им за все зверства, которые они чинят над нашими советскими детьми. Ждем от вас ответа. Майор Марков».

Ребята тотчас ответили. Они много поработали летом, а сейчас, в страду, снова помогают старшим в уборке урожая. Учиться они будут только на «хорошо» и «отлично».

И снова в адрес арзамасских ребят пришло письмо. Опять писал майор Марков:

«Дорогие школьники! Посылаю вам снимок, на котором сфотографирован ваш самолет и группа летчиков подразделения т. Максименко, с которыми он уничтожил уже 25 самолетов противника в воздухе и примерно такое же количество стервятников на земле во время налетов на аэродромы фашистских бандитов.

За мужество, храбрость и самоотверженность в бою с фашистами сам тов. Максименко и его летчики награждены орденами и медалями. Пишите о ваших успехах. Марков Я. П.»

С этим коротким письмом ребятам была выслана вырезка из фронтовой газеты со снимком. Надпись под ним гласила: «Капитан Максименко у своего самолета читает летчикам письмо арзамасских школьников».

И были еще письма. В мае 1944 года майор Я. П. Марков сообщал, что Максименко на самолете «Арзамасский школьник» в боях под Орлом и Брянском снова отличился. Им было сбито пять самолетов лично и 11 самолетов в групповых боях. Не раз было так, что группа на четырех самолетах, которой командовал Максименко, не боялась завязывать воздушные бои с превосходящими силами противника и выходила из них победителем.

За участие в освобождении города Брянска авиационному соединению было присвоено почетное звание Брянского.

«Арзамасский школьник» продолжал летать. Ему, что называется, везло. В руках опытного советского аса истребитель был неуязвим.

Осенью и зимой 1944 года на самолете летал лейтенант Терехов. Он сбил три фашистских стервятника. Позднее и младший лейтенант Зазыбо получил свое первое боевое крещение на истребителе арзамасских ребят. Он тоже сбил самолет врага. Капитан Максименко в это время выполнял другие боевые задания.

Летная часть, в составе которой воевал «Арзамасский школьник», стала гвардейской. Самолет служил исправно. На его фюзеляже краснели 20 звездочек - таков счет сбитых немецких самолетов.

«Арзамасский школьник» так и улетел с фронта непобежденным. Выработав свой ресурс, он стал учебным истребителем. Это на нем получили первые летные навыки многие отважные летчики военной поры.

... Прошли годы. Что же стало с Алексеем Иосифовичем Максименко, задумывались в Арзамасе. Жив он или геройски погиб? И начались поиски.

Он оказался жив, Максименко!

В 1970 году в Арзамасе в славный день Победы произошла трогательная встреча горожан с ветераном войны полковником в отставке Алексеем Иосифовичем Максименко.

Крепко жал руку бывший военный летчик Зинаиде Васильевне Зюзиной. Рассмеялся:

- Позвольте представиться снова...

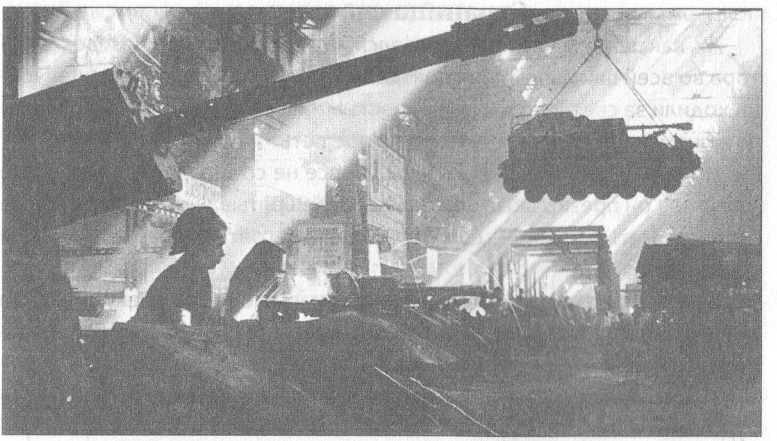
И началось: а помнишь, а помнишь...

Давно стали взрослыми ребята военной поры. Они не надевали шинелей в то страшное лихолетье. Но горды арзамасцы тем, что принесли на алтарь победы все, что могли.

И Родина благодарна им за это.

Петр ЕРЕМЕЕВ.

г. Арзамас.



Страницы жизни Лешки Елова

Эта фотография военной поры хорошо известна нижегородцам. Она не раз публиковалась в книгах, рассказывающих о городе Горьком времен войны. Сделал этот снимок автозаводский фотограф Николай Николаевич Добровольский в цехе, где собирали самоходные орудия СУ-76. На первом плане виден молодой рабочий-сварщик, почти мальчишка. Военное время заставило его отложить учебники и прийти на завод, помогать фронту. Имя этого мальчишки известно - Алексей Елов. Его военная биография - танковый цех. Как оказалось, заводской фотограф отснял целый репортаж о Лешкиной молодежной бригаде. Пусть эта книга сохранит память о нем и его товарищах. Они тоже приближали победные дни.

*** Сварщик Алексей Елов на ударной фронтовой вахте.**

Страница счастливая

Ах, как пел Лешка Елов! Заливался, что тебе соловей! Да и декламатора во всей школьной самодеятельности лучше его не было. Девчонки ходили за светловолосым вихрастым Лешкой гурьбой: упрашивали то в литмонтаже участвовать, то в хоре петь.

Но петь в девичьем хоре Лешка вовсе не собирался. Да и вообще девчонок он презирал: за хихиканье, перешептывания, за постоянные пятерки. Нет! Лешка, он сам по себе самостоятельный. Лешке было тогда уже 14 лет.

В тот памятный, самый счастливый изо всей предвоенной жизни день вызвал Лешку сам директор школы Александр Васильевич Назаров и сказал:

- Елов! Приехал к нам человек из района, отбирает ребят на смотр художественной самодеятельности. Ты что приготовил? Стихотворение?

Лешка встрепенулся:

- А песню можно?

- Можно. Какую будешь петь?

- А вот: «Гулял по Уралу Чапаев-герой...»

Назаров тут же замахал руками:

- Не трать силы, верю, споешь.

А в дверь уже заглядывала учительница младших классов:

- Александр Васильевич, у меня же урок!

- Ты что, Елов, - зашептал директор, - забыл, что у нас все перегородки дощатые. Тебя, небось, сейчас вся школа слышала.

Зато на сцене Лешку никто не останавливал, и он, боясь тряхнуть намоченной и расчесанной для такого случая шевелюрой, выставив вперед босую ногу, пел так, как бывало на сенокосе или ранним туманным утром на реке, когда шли они с ребятами ни свет ни заря ловить раков.

А больше-то Лешке особенно распевать было некогда: в семье восемь, мал мала меньше, ребятишек, а он по счету второй, и в хозяйстве, значит, наипервейший помощник: и со скотиной, и в огороде, и в лесу на заготовках. Тогда бывало не до песен.

Но на сцене Лешка все забыл, даже про этого сердитого дядьку из района, которому все не нравилось. Только после Лешкиной песни дядька вскочил, схватил Елова за руку и сказал директору:

- Этого я беру!

И поехал Алексей Елов в новой рубахе в Кулебаки на смотр. Чего он никак не ожидал, так это аплодисментов, словно настоящему ар-

тисту: вызывали его три раза. Лешка бы еще, конечно, пел, но увели его за кулисы и сказали: «Поедешь в Навашино на смотр».

И еще слышал Лешка фразу сердитого дядьки:

- А что, из него, может, что-то и получится...

И возомнилось Лешке, что будет он знаменитым певцом...

Страница горестная

Мама умерла на Пасху в сорок первом... Отец пил и гулял, говорил, что с горя. Этого Лешка понять не мог. И потому не мог простить. Дома ни денег, ни хлеба, а батька... А все меньшие есть хотят. И ревут. Тогда-то и поссорился Лешка с отцом. Всерьез.

Дома стал бывать редко: пропадал больше на реке - ловил рыбу. Наловит муляв, вденет на суровую нитку и продаст молоденькой учительнице. А потом бежит в магазин за хлебом...

...Теплово - деревня огромная. Дворов полтысячи, а то и больше, растянулась на три с лишним километра. Когда вечерами собирался народ играть в лапту, приходилось делить между собой заросшие ромашкой лужайки - ребят и девок да ребятни насчитывалось порядком. А если вся гвардия пацанья высыпала на излучину Теши с удочками, то места пустого на берегу не было. Братья Еловы на рыбалке были удачливыми, рыба их кормила до первой картошки.

«Паслись» они на реке и в тот день, когда примчался кто-то из парнишек и, не заботясь больше о том, что распугает рыбу, заорал на весь белый свет:

- Робя, война!

Весть принес телефон. Было тогда на все Теплово два приемника, да кто их в воскресный день в деревне слушать будет? И первыми заплакали женщины на почте, и побежали босоногие гонцы по дворам...

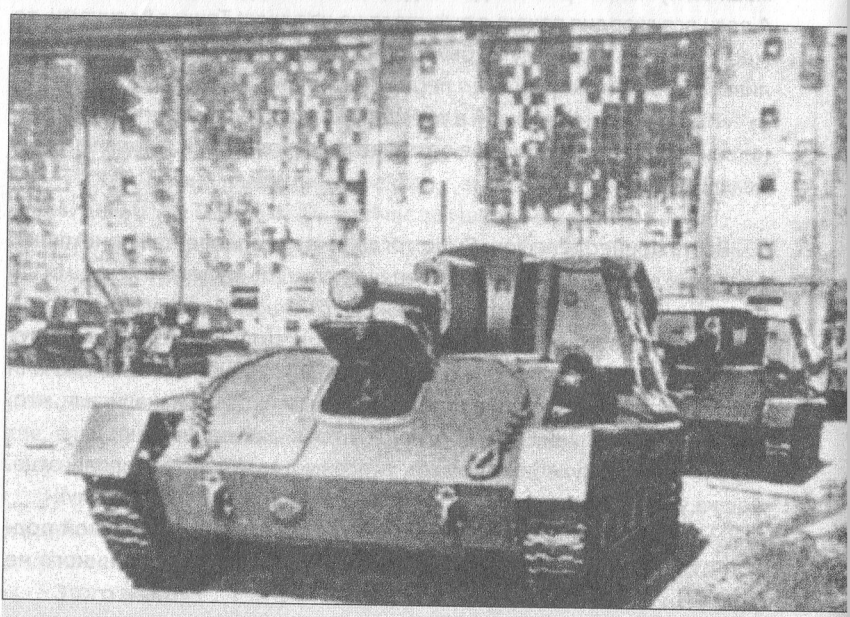
...Больше всего на свете Лешка боялся, что в ФЗО его не возьмут по возрасту: не хватало там сколько-то дней. Но в сельсовете сделали Лешке одолжение, уступив его настойчивым просьбам, написали, что, дескать, он, Алексей Елов, вполне годится в мастеровые люди.

Он уехал в Кулебаки в июле, а осенью на фронт забирали отца. Лешка узнал это от тетки. Тетку Лешка любил. А она сказала ему:

- Что ты, Леша! Хоть ты с отцом и в ссоре, а все ж это твой родной отец. Надо сходить попрощаться. Война, Леша, она никого не жалеет...

И Лешка пошел за Витькой. Витька, брат, учился в ремесленном в Кулебаках. Глянул Алексей на брата - господи, шинелишка насквозь

Бригада Алексея Елова.



«Молнии» часто рассказывали об ударных делах комсомольско-молодежной бригады Алексея Елова.

просвечивает, на голове - шапка не шапка, чепчик какой-то, на ногах, правда, ботинки, да пальцы торчат наружу. Куда с ним отправишься, когда на дворе белые мухи летают?

И все же они пошли. От Кулебак до Теплова двадцать пять километров. Еле довел тогда Алексей Витьку. А дома!.. Больше всех убивалась бабушка. Несчастливая она родилась: мужа, Лешкиного дедушку, в Гражданскую убили, сын погиб на финской, дочь умерла весной. А теперь и еще один сын на войну уходит. И заплакали тогда все Еловы - и старые и малые - вместе. И простил Лешка отца...

Страница трудная

Пятый цех автозавода делал танки. Корпуса приходили из Выксы, с металлургического. И когда распахивались огромные двери и паровоз въезжал под крышу цеха, таща за собой платформы, груженные корпусами танков, то вьюга гуляла по пролетам не хуже, чем на улице.

Костерки из масляных тряпок горели и тут и там, только бегать к ним Лешке Елову было некогда. Над сварщиком тогда подшучивали:

- Ну, братцы, вам лафа, у вас в руках своя печка.

От этой «печки» у Лешки на ладонях весь январь не заживали болячки. Но болячки ладно, а вот холод донимал! Залезешь в стылую машину, а там варить приходится то сидя, то на коленках. Больше всего Лешка боялся простудиться: тогда больного от работы отстранят. Вот и вертелся как черт: чтоб и сделать больше, и не замерзнуть.

А друзья болели. То слесарь не выйдет, то подручный. А у Лешки - норма, а у Лешки - план, фронтовой заказ. И если у всей бригады в месяц 270 процентов, то у Елова все равно 350. Если у бригады - 300, у Елова - четыреста.

Так и стал Алексей Елов бригадиром.

И хоть в бригаде были люди Лешки намного старше, поставили его - за добросовестность, трудолюбие да еще за характер: веселый, боевой и неугомонный.

Дневал и ночевал на заводе. В цехе, конечно, спать было невозможно: грохот и мороз. И они приспособили под «спальный корпус» кабинет начальника. На пол - брезент, а на брезент - вповалку человек 20-30.

А назавтра снова на 12 часов электрод в руки. Торопились, ток давали больше положенного, сгорали и лопались те электроды, как карандаши. Придет, бывало, Иван Яковлевич Мальцев, мастер:

- Сегодня надо до победного, парни!

До победного, значит, в ночь. В одну из таких ночей затянуло под наждак у полусонного Лешки левую руку. В рану попала наждачная пыль, и Лешка полмесяца не мог спать из-за нарыва.

Страница обидная

- Этот? - спросила врачиха, зло поглядывая на Елова, пришедшего на перевязку.

- Этот, этот, паразит, - сказала санитарка.

- Да что случилось? - не понимал Лешка. - Чего я сделал-то?

- Еще спрашиваешь? Бессовестный! Давай больничный, и завтра же чтобы на работу!

Палец у Лешки еще не гнулся, но он молча взял закрытый больничный - им тут виднее. В дверях столкнулся с медсестрой.

- Катя, этот, что ли, бюллетени украл со стола? - спросила врач у сестры.

- Нет, тот был повыше и почернявее.

- Елов, вернись, - кричала врачиха в коридор, - я тебе больничный продлю, рано тебе еще на работу! Ошиблись мы! Не ты это!

Но Лешку до того взяла тогда обида, что он только махнул здоровой рукой:

- Да ну вас, на работу пойду!

Но что за обиды в цехе - ерунда! Некогда было думать, кто прав, кто виноват. Но однажды от обиды он, весельчак и балагур Алексей Елов, чуть не плакал.

Получил он тогда премию да зарплату. Да подзанял у друзей. И купил себе первый в жизни костюм — как-никак, в женихах ходил. Костюм был черный и сидел на Лешке как влитой.

Костюм лежал на полке у квартирной хозяйки - дожидался своего часа. Хозяйка была женщина одинокая и скрашивала свое одиночество, как могла. Нередко к ней приходили подвыпившие мужчины. И в один прекрасный день Лешкиного костюма на полке не стало. Где? Что? Кто?

- Да я и знать ничего не знаю! Откуда мне знать, куда он делся, - сказала тетка Марья.

Ушел тогда Лешка в темный чулан, стыдно ему было, уже взрослому, как он считал, на людях слезы точить...

Страница радостная

Что ни день, в цехе появлялись «молнии»: такой-то и такой-то гвардеец тыла перевыполнил норму на столько-то, перечислил в Фонд обороны столько-то рублей.

Елов тоже привык видеть свою фамилию в этих листках. «Равняйтесь на Алексея Елова!» А он и вправду бил рекорды. Частенько стиснув зубы, но бил.

Его фронтовая бригада с честью выдерживала сравнение со знаменитыми тогда шубинской, бронниковской. И однажды завоевали они третье место по заводу. Премию получили: 500 рублей бригадир и по 250 - каждый из бригады. Всего их было пять человек, и меньше 350 процентов они тогда не давали. Вот радость - премия.

А потом надо же случиться: в один из дней никто не вышел на работу. Девчонки и до того были слабенькие - все болели. А тут вдруг крепкий силач Вася Перевозчиков слег с крупозным воспалением легких, а бойкий и ловкий Гриша Тумаков - с желудком: с голодухи свернуло.

И остался Елов один. Он к мастеру:

- Давай людей!

А тот:

- Ты что, сдурел? Где я тебе их возьму? Рожу?

А конвейер идет, не стоит. И вертится Лешка Елов как заводной, без передышки.

Эту дуру - трехметровый кондуктор - он научился использовать один, и ему уже не пришлось то и дело прыгать, словно белка, внутрь танка и наружу. И он один работал тогда и за слесаря, и за сварщика, и за подручного. В тот день он выработал 536 процентов.

Случай, конечно, не уникальный. Процентами тогда вряд ли кого можно было удивить. А вот что удивило - веселость Лешки Елова. В самое трудное время он пел. Пел не столько для себя, сколько для окружающих.

Женщины восхищались:

- Ну, Леха дает! «Кировец» и тот заглушает.

А «Кировец» был многотонный пресс, шумный, гулкий, грохотавший на весь цех.

Одним из самых радостных дней был тот, когда пришел он к Анне Рыжкиной и положил на стол комсомольскому секретарю заявление: «Прошу принять меня в члены ВЛКСМ»... Повзрослел Лешка...

И, конечно, не забудется день Победы.

Валентина ШАБАНОВА.

Его пушки гремели на всех фронтах

Накануне 70-летия Победы академику Анатолию Ивановичу Савину исполнилось 95 лет. Сегодня это один из крупнейших специалистов в области информационно-управляющих автоматических систем. А в годы войны он был главным конструктором Горьковского артиллерийского завода. Он стал им в 22 года. Именно под его техническим руководством завод за годы войны выпустил 100 тысяч артиллерийских орудий.

«Долгое время все, чем вы занимались, было засекречено, поэтому ваше имя, талантливого конструктора и организатора, авторитетного ученого, по понятным причинам, оставалось неизвестно людям. Но коллеги по праву называют вас легендой оборонно-промышленного комплекса страны, человеком, который внес большой вклад в обеспечение национальной безопасности», - на-

* Пушки, выпущенные на горьковском заводе № 92, воевали на всех фронтах.

писал ему в поздравительной телеграмме премьер-министр Дмитрий Медведев.

Нам ничего не было известно об этом человеке. Такова была специфика его работы. Но и после Победы в 1945 году война для него не закончилась...

За годы войны и после нее Анатолий Иванович Савин награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» II и III степеней (1995, 2010 гг.), четырьмя орденами Ленина (1945, 1951, 1971, 1976 гг.), тремя орденами Трудового Красного Знамени (1944, 1949, 1956 гг.), орденом Отечественной войны II степени (1944 г.).

Ему присвоено звание Герой Социалистического Труда (1976 г.) .

Он трижды лауреат Сталинской премии (1946, 1949, 1951 гг.), лауреат Ленинской премии (1972 г.), лауреат Государственной премии СССР (1981 г.), лауреат Государственной премии Российской Федерации (1999 г.).

- Анатолий Иванович, люди не подозревают, что по улицам Москвы рядом с ними ходит легендарный человек, с которым напрямую связана история страны, ее достижения, ее будущее.

- Вы преувеличиваете. Я просто специалист в области автоматического регулирования, радиолокации и глобальных сетевых систем. А еще я «вооруженец» до мозга костей. Почти с детского возраста и до сегодняшнего дня занимаюсь оружием. Во время войны я попал на артиллерийский завод № 92 в городе Горьком, головной по производству дивизионной и танковой артиллерии. Выпустили мы тогда в общей сложности сто тысяч пушек. На 92-м заводе и началась моя творческая деятельность. Вскоре меня назначили главным конструктором этого завода. На нем я и работал в течение войны.

- И артиллерийские залпы ваших пушек звучали на всех фронтах?

– Началось все с битвы под Москвой. Здесь роль артиллерии была очень велика. Но возникли и большие сложности. Противотанковая пушка не могла быть исполь-

Премьер-министр Дмитрий Медведев поздравил легенду оборонно-промышленного комплекса академика Анатолия Ивановича Савина с высокой правительственной наградой.

зована, так как скорость снаряда была слишком высока – он пробивал броню, но танк не разрушал. Вторая пушка, которая тогда была сделана, оказалась очень тяжелой – она применялась и против танков, и против пехоты. Во время отступления эти пушки были потеряны почти полностью, так как из-за тяжести их бросали.

- Есть прекрасный эпизод в «Живых и мертвых», когда бойцы вынесли пушку от самой границы...

– К сожалению, такие случаи были единичными. Начало войны показало, что нужна другая техника, да и требовалось ее намного больше, чем выпускалось в мирное время. На завод к нам приезжал Дмитрий Федорович Устинов, он тогда был министром вооружений и приказал увеличить выпуск пушек в 20 раз! И эту задачу мы выполнили... Это был подвиг всего коллектива завода, и, не буду скрывать, горжусь, что там была и моя лепта. Мои изобретения резко сократили трудоемкость в производстве пушек, меньше уходило материалов и финансов. Они во многом и определили мой дальнейший путь.

- А с чего все началось?

– Я был студентом, так как окончил всего четыре курса МВТУ. Попал на завод из народного ополчения. Сразу после начала войны все студенты записались в ополчение. Но перед отправкой на фронт пришел приказ Сталина, в котором говорилось, что студентов старших курсов военных специальностей надо направить на оборонные заводы. Там не хватало кадров. И весь наш поток был отправлен на горьковский завод. По-моему, туда приехали человек сорок студентов. Я работал мастером в цехе противооткатных устройств. Главным конструктором был Грабин - известный в стране человек. Мы предложил ряд новшеств для танковой пушки Ф-34, но ее главный конструктор, знаменитый В. Г. Грабин, не принял их - какая польза может быть от студентов.

Но вскоре Грабину под Москвой, в Подлипках, было создано Центральное артиллерийское КБ. Видимо, или он не сошелся характером с директором завода, или другие причины у конфликта были - мне это неведомо. В 1942 году меня назначили начальником конструкторского отдела. Это были остатки от прежнего КБ. Народу было мало, и пришлось искать тех, кто имел хотя бы какую-то склонность к конструкторской работе. А потом приехал Устинов. Вместе с Еляном они назначили меня главным конструктором завода. Мне было 22 года.

- Справились?

- А иначе было нельзя - шла война! Во время Сталинградской битвы нужно было огромное количество пушек. Благодаря новым технологиям, изобретательству и, конечно же, самоотверженной работе коллектива эту задачу удалось решить.

- Вы все равно оставались в тени Грабина?

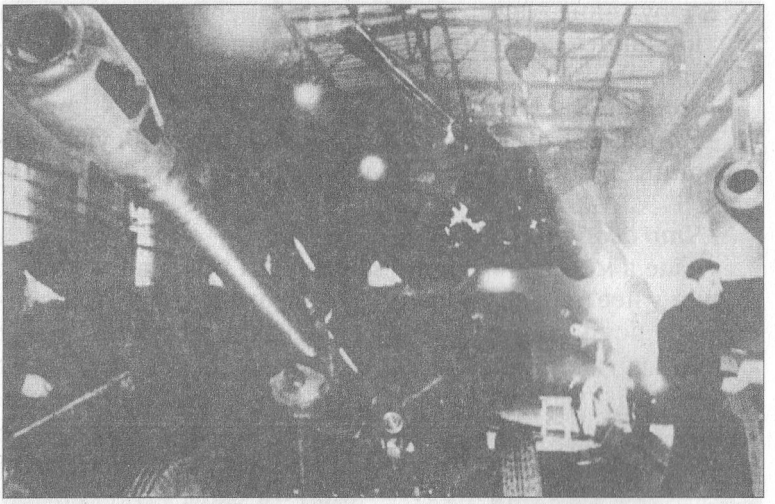
- Я был с ним незнаком...

- Как это?

- Я пытался к нему прорваться с деловым предложением, когда только приехал в Горький. Так вот Грабин меня не принял.

- Ревнивое чувство?

- Нет, просто подумал, что какой-то студентишка хочет выделиться... Меня тогда поддержал Елян. Мы ока-



Сборочный цех пушек ЗИС-3.

зались в тяжелом положении - и материальном, и творческом, со студентами не очень-то считались маститые конструкторы.

- Кто это «мы»?

- Все студенты, которые приехали из Москвы. Мы и написали Еляну, чтобы он отправил нас на фронт, где мы будем более полезными, мол, нас плохо здесь используют. Директор завода собрал нас. Мы боялись этой встречи, так как хорошо знали, что Елян очень строгий директор. Ну, думали, он сейчас от нас камня на камне не оставит... А он начал разговаривать мягко, тепло, по-человечески, с уважением к нам. А я, напротив, выступил резко, мол, сделал важное изобретение, хожу с ним, но никто меня и выслушать не хочет, а главный конструктор Грабин даже отказался принять! Я разнервничался, но Елян попросил чуть позже поподробнее рассказать о моем предложении. Через несколько дней прошло совещание у директора. Кстати, Грабин на него не пришел, прислал своего заместителя. Мое предложение было одобрено. Нам дали танк для испытаний пушки... В общем, испытания прошли успешно, и мое противооткатное устройство было принято

на вооружение. Оно отличалось от других, и потому на щитке написали «противооткатное устройство инженера Савина».

- Закончить МВТУ удалось?

– Конечно. Все предметы за 5-й курс я сдавал уже после войны. В то время я был главным конструктором завода.

- Что особенно помнится?

– Еще в мирное время была сделана противотанковая пушка, у нее были ствол 57 мм и высокая скорость снаряда – он прошивал броню, не выводя танк из строя. Пушку сняли с вооружения. Но, на наше счастье, документация осталась, и было решено на ее основе сделать дивизионную 76-миллиметровую пушку. Запустили ее в производство. Причем это с военными не согласовали. Грабин и Елян всю ответственность взяли на себя.

Количество выпускаемых пушек резко увеличилось, и войска начали их получать. Сталину доложили о самоуправстве. Всех вызвали в Москву. Сталин был разгневан. Ситуацию спас Берия. Он предложил посмотреть пушку в действии. Немедленно доставили один экземпляр. Сталин попробовал прицелиться. Однако край щитка пришелся ему на уровень глаз. «Немцы будут стрелять точно в лоб!» - сказал он. Елян пообещал увеличить размер щитка. А в целом пушка Сталину и всем остальным понравилась. Она действительно была хорошая - легкая и мощная.

Однажды я сижу в кабинете, ко мне вваливаются двое молодых военных. Говорят: «Вы товарищ Савин?» - «Да». - «Вы главный конструктор?» - «Да». Они недоверчиво смотрят на меня, а потом разъясняют, что приехали на завод с фронта, вот и решили главному конструктору высказать свою благодарность. Очень удивились, когда оказалось, что мы приблизительно одного возраста...

– А создавать пушки сложно? На первый взгляд, ничего особенного в них нет. Или так только кажется?

– Может быть, по сравнению с тем, что мы проектируем сейчас, пушка и кажется простой конструкцией, но в

Стотысячная пушка оружейников завода № 92 была воздвигнута на пьедестал.

то время ее создание было сложным делом. Ведь не было вычислительной техники, не существовало автоматических приборов, способных упрощать очертания пушки, и так далее. Да и наука тогда не была столь развита, а потому не могла в полной мере помогать конструкторам. А потому все делалось вручную, во многом полагались на опыт и интуицию. А главное – изготавливать пушку было очень трудно. Ствол должен выдерживать большие нагрузки, время существования пушки определялось количеством выстрелов. Был специальный металл. Нарезка ствола внутри – очень тяжелый технологический процесс. Все детали лафета испытывают огромные нагрузки, и их нужно было рассчитывать. Так что задача была непростая.

Нас спасло то, что завод был молодой и там можно было сделать все – от выплавки металла и до испытаний готовых пушек. Традиции горьковчан – трудолюбивых людей, выросших из крестьянства, а значит, смекалис-

тых, рукастых – проявлялись там в полной мере. В итоге пушку быстро запустили в серию, и она сыграла положительную роль в Сталинградской битве и на всех фронтах Великой Отечественной. А жить было трудно. В Горьком питание было плохое, продуктов не хватало. Поселили нас в гостинице, где не топили, а у меня уже была семья – жена и ребенок. Но, как ни странно, я справился...

– А дальше?

– В начале 1942-го стало известно, что у немцев появились новые танки - «Тигр» и «Пантера», а также самоходная установка «Фердинанд». У них была более мощная броня, которую наши пушки не пробивали. И потому нам надо было создать новую пушку и перевооружить ею армию. Задача невероятно сложная!

Трем конструкторским бюро было поручено срочно создать новую пушку калибра 85 мм. Нашему КБ, где я уже был главным конструктором, предстояло состязаться с КБ Грабина и еще одним специальным КБ. В течение года нам удалось не только спроектировать и изготовить новую пушку, но и провести испытания. На первом этапе над нами подсмеивались, мол, как может какой-то студент Савин соревноваться со знаменитым Грабиным?! Естественно, предпочтение отдавалось пушке Грабина. Мы отстрелялись первыми, 31 декабря 1942 года, получив лишь одно замечание от военных, которое несложно было устранить. У нас гильза не очень резко выбрасывалась из ствола, оставалась на лотке, и ее требовалось смахивать вручную. Мы увидели, что общее настроение приемной комиссии не в нашу пользу, а потому решили, что Грабин побеждает. Уехали к себе на завод. Около полуночи накрыли стол в кабинете директора, чтобы встретить Новый год. Вдруг приезжает председатель комиссии и говорит, что надо срочно позвонить по ВЧ в Москву. «А что случилось?» - спрашиваем. «У Грабина пушка развалилась», - отвечает. А дело в том, что Сталину, который внимательно следил за созданием новой пушки, уже доложили, что пушка Грабина хорошо себя зарекомендовала на первых этапах испытаний. Как же теперь ему сказать о неудаче?! Сталин Грабина знал хорошо, а обо

76-миллиметровая танковая пушка Ф-34 Горьковского завода № 92.

мне только слышал... И тогда Устинов - он был мудрым и хитрым министром - распорядился прислать конструкторов из КБ Грабина на 92-й завод, то есть к нам, и вместе довести пушку до ума. Не стали говорить, кто ее сделал, просто дали общее название - ЗИС-С-53. Мне поручили ее довести до ума, и все танки к сражению на Курской дуге нам удалось перевооружить новой пушкой.

- Как вы впервые встретились с Устиновым?

- До первой встречи во время войны я ничего о нем не знал. И это понятно: нарком вооружений и студент - что у них общего?! Но оказалось, что много... Когда он пришел в цех, я увидел молодого красивого парня с залихватским чубом. Оказывается, он хорошо разбирается в технике, технологии. Он сразу же оценил мое предложение по противооткатному устройству. Так как его интересовало все, что могло сократить сроки изготовления пушек, количество дефицитных материалов, то он моментально принял решение о строительстве нового специального цеха для производства противооткатных устройств. Через 26 дней новый цех начал выпускать продукцию! Вот такие были тогда темпы. Дмитрий Устинов поддержал

меня, приказал срочно провести испытания моего устройства. Признаюсь, мне было приятно, что сам нарком так быстро и четко оценил мое изобретение.

- После войны характер вашей работы изменился?

- Конечно. В 1946-м в рамках Атомного проекта мы получили задание на разработку первых диффузионных машин, участвовали в создании первого промышленного реактора для наработки плутония... Американцы считали, что потребуется минимум 20 лет, чтобы мы смогли наладить производство обогащенного урана. Мы же уложились в четыре года. Работали день и ночь. У конструкторского бюро были прекрасные традиции. Многие годы оно было разделено на две части - артиллерийское и атомное. Я возглавлял и то и другое. При необходимости конструкторские силы перебрасывались на нужное направление.

В 1949 году Советский Союз создал и испытал атомную бомбу. Обстановка в мире складывалась тревожная. У нас были единичные экземпляры бомб, а у американцев - три сотни. Они планировали начать войну против нас. Поэтому первостепенной задачей для нас стала защита от атомной бомбы. У американцев уже были «летающие крепости», которые могли долететь и до Москвы. И тогда было принято решение сделать вокруг Москвы новую систему обороны. Было организовано КБ-1, в нем главным конструктором стал сын Берии Сергей. Сначала директором был назначен кто-то из заместителей министра, но он не справился. И тогда возглавить КБ-1 предложили Еляну. В то время он был заметной фигурой в промышленности, его забрали из Горького, а он уже привлек меня. Елян был превосходным организатором, и дело пошло. Первая работа - морская крылатая ракета «Комета», которая должна была уничтожать авианосцы.

- Вас постоянно бросали на совершенно новые дела, и каждый раз вы справлялись с заданием. Как вы считаете, почему?

- Специалистов не было, и потому подбирали тех людей, которые могли легко осваивать новое. Комплекс специалистов, которые собирались вместе, и решал про-

Выступление А. Е. Еляна, директора завода им. Серго Орджоникидзе, на митинге в честь выпуска стотысячной пушки. г. Горький, 1945 г. Фото Н. М. Капелюша.

блему. Мы понимали, что это нужно сделать обязательно, во что бы то ни стало, а потому и работали так. Я принадлежу к особому поколению. Мы закалены войной, нас импульс Победы закалил, и мы понимали, что нельзя ни от чего отказываться. Люди сопротивлялись тяготам и лишениям, сопротивлялись от всей души, как говорится.

- В КБ-1 вы занимались крылатыми ракетами...

- Не только. Первые системы у истребителей «воздух-воздух» мы тоже начинали. А потом мне пришлось перейти на космическую тематику. Сейчас я, в частности, работаю над такой системой, которая делает войну бессмысленной.

Речь идет о неотвратимости ответного удара. В случае массового нападения на нас нужно успеть поднять наши ракеты. И если такая система есть, то любой противник будет понимать, что неотвратимость возмездия существует реально. И он обязательно получит свое, к каким бы ухищрениям ни прибегал. И поэтому воевать в наше время нельзя! Если война начнется, погибнет весь мир.

При более или менее серьезной схватке обязательно будет применено ядерное оружие. А оно такой мощности, что две-три бомбы, и таких городов, как Москва, просто нет - они перестанут существовать. Мощность у бомб невероятная...

- А вы умели проигрывать?

- Не знаю. Не пробовал. Так получилось, что ни одного проекта у меня впустую не прошло.

- А чем особенно гордитесь?

- Пожалуй, тем, что все свои работы доводил до конца. Множество систем делал. Они стоили огромных денег, а создавались в кратчайшие сроки. Первая крылатая ракета. Цена вопроса - 75 миллионов. Срок - всего пять лет. Или система «воздух-воздух», срок - два года. Или системы «море-море», «земля-земля», «земля-море»... Сроки создания минимальные, эффективность - высочайшая... Освоенные средства каждого проекта - два миллиарда...

- Да вы истинный олигарх-миллиардер!

- Думаю, мы освоили средств гораздо больше, чем у всех наших олигархов, вместе взятых. Вот только использовали мы их на благо Родины, а не на покупку яхт, вилл и футбольных клубов.

Беседовал Владимир ГУБАРЕВ.

Автомат звали «Алешей»

В 1942 году армия получила новый «Боевой устав пехоты» (БУП-42), который вобрал опыт первых месяцев войны. Царице полей в нем предписывалось: «Огонь, маневр и рукопашная схватка – основные способы действия пехоты».

Как ни хорош был автомат конструктора Григория Семеновича Шпагина - ППШ, но в ближнем бою с ним не развернешься. К тому же новый устав снижал требования к дальности огня.

*** Легкий ППС был незаменим в уличных боях.**

Будто подгадав к внедрению в войсках нового устава, на курсах «Выстрел» было подготовлено 1000 командиров батальонов, в совершенстве изучивших тактику действия пехотинцев и овладевших всеми видами штатного оружия.

Они-то первыми и поняли, что настала пора облегчить автомат и сделать его короче, убрав приклад или примкнув его к оружию. С фронта стали поступать различные предложения от изобретателей-самоучек.

Вот тогда-то и был объявлен конкурс на разработку нового автомата: более простого, легкого, компактного, но такого же надежного, как ППШ.

Конкурс привлек внимание как известных оружейников: Дегтярева, Шпагина, Коровина, так и малоизвестных – Меньшикова-Шкворника, Зайцева, Пушкина, Волкова-Чухматова... Было представлено 30 образцов.

Рассмотрели и предложения, пришедшие с фронтов. Внимание специалистов привлек образец, поступивший от лейтенанта И. К. Безручко-Высоцкого. Он был наиболее близок к конкурсным требованиям, но нуждался в серьезной доработке и испытаниях.

Доработать автомат предложили военному инженеру III ранга Алексею Ивановичу Судаеву, служившему на научно-исследовательском полигоне стрелкового вооружения.

На первый этап конкурсных испытаний автомат не попал. Но, как оказалось, испытания не выявили ни одного образца, который бы укладывался в рамки жестких требований.

Второй этап показал полное преимущество автомата, доработанного молодым конструктором Судаевым. Комиссия высказала ряд замечаний, которые были устранены к третьему этапу.

В заключении комиссии говорилось: «ППС конкурсные испытания выдержал, других равноценных конкурентов не имеет. По технологическим и боевым качествам значительно превосходит образец ППШ-41. Необходимо ППС срочно поставить на серийное производство для отработки технологического процесса».

28 июля 1942 года новый автомат был представлен на утверждение Государственного Комитета Обороны СССР.

Об Алексее Ивановиче Судаеве известно очень мало. По крупицам упоминаний о нем попытаемся представить, что это был за человек.

Родился он в городе Алатырь – ныне это Чувашия. После смерти отца пошел работать слесарем. Дальше судьба связывает его с Ниж-

Конструктор автомата ППС-43, бывший студент Горьковского индустриального института Алексей Иванович Судаев.

ним Новгородом. Здесь он учится в железнодорожном техникуме. А вот в армии впервые проявляется его склонность к изобретательству. Он совершенствует автоматику пулемета, вносит несколько рационализаторских предложений, которые были приняты и внедрены.

Уволившись в запас, поступает в Горьковский индустриальный институт. Сюда ему приходит приглашение из Артиллерийской академии имени Ф. Э. Дзержинского, которая собирала проявивших себя изобретателей для учебы в только что созданной школе оружейников.

Молодой студент предложение принимает.

Дипломным проектом выпускника академии лейтенанта Судаева стал разработанный им ручной пулемет калибра 7,62 мм. Защита шла на... немецком языке. Итог учебы - отличная оценка за диплом.

Академию Алексей Иванович закончил перед самой войной и тут же получил первое практическое задание: разработать упрощенную конструкцию зенитной установки, производство которой можно было бы организовать на московских заводах из имеющихся материалов.

Следующим заданием будет автомат.

Вне всякого сомнения, это был талантливый человек. Он хорошо усвоил заповеди старых оружейников и все работы по совершенствованию автомата выполнил своими руками. Он считал, что если сам сделает деталь, то ее обязательно сделает и любой рабочий.

Дело его увлекло. Бывало, и ночевать оставался в мастерских.

Вокруг конструктора уже успел сплотиться небольшой коллектив молодых оружейников. Они изучали и анализировали образцы трофейного стрелкового оружия, которое везли с фронтов, попутно испытывали его, проверяя качественную сторону.

Вот каким запомнился Судаев молодому оружейнику, будущему конструктору автоматов Михаилу Тимофеевичу Калашникову:

Автомат ППС-43 был любимым оружием разведчиков. Он был небольшим и легким. На этом снимке вы можете видеть ППС-43 в руках у первых (слева) офицеров-разведчиков.

«...В мою комнату вошел незнакомый военный высокого роста, плечистый, немного сутуловатый. Здороваясь, он так сжал мою руку, что я испугался, смогу ли после этого держать карандаш. Так я впервые познакомился с конструктором Алексеем Ивановичем Судаевым.

Будучи от природы очень одаренным человеком и уже умудренный опытом конструирования, Судаев щедро делился со мною своими знаниями. Как сейчас помню его слова: «Делай все проще, не гонись за ненужной оригинальностью».

Жаль, что нашей творческой дружбе вскоре пришел конец: тяжело заболевшего Судаева увезли в одну из московских больниц, где он через несколько месяцев скончался в расцвете творческих сил».

«Делай все проще...» Производство автоматов Судаева было налажено на заводах блокадного Ленинграда. В течение 1943 года по чертежам опытного образца было изготовлено 46 572 автомата. Алексей Иванович наблюдал за процессом изготовления и тут же на ходу еще и еще упрощал конструкцию.

Автомату ППС-43 не было равных. Он был чрезвычайно легок - весил всего три килограмма. А на его изготовление требовалось всего

Дошел ППС-43 и до Берлина.

2,7 часа. Невысокий темп автоматической стрельбы давал экономию боеприпасов. Многие детали автомата штамповались и сваривались. Но несмотря на простоту, ППС оставался надежным.

Войсковые испытания новый автомат проходил на Ленинградском фронте. Бойцы сразу окрестили его Алешей. За короткий срок автомат стал спутником партизан, десантников, удобен был танкистам и бойцам штурмовых групп. Простой, легкий, надежный...

24 мая 1944 года заместитель командующего 2-й Ударной армией полковник Карзаев докладывал заместителю командующего артиллерией Ленинградского фронта:

«Командиры подразделений и бойцы 131-й, 48-й, 124-й и 191-й стрелковых дивизий, участвовавшие в операциях с автоматом ППС-43, заявляют, что данный автомат прост в устройстве, разборке, сборке и освоении, магазин легко снаряжаем, надежен и безотказен в работе, всегда готов к немедленному действию. Единственный недостаток – нет переключения на одиночную стрельбу, но данный недостаток устраним при хорошей натренированности. Коротким нажатием на спусковой крючок можно достичь одиночных выстрелов».

В отзывах об оружии, собранных среди бойцов и командиров 1-го Украинского фронта, говорилось:

«Как личное оружие бойца и офицера в стрелковом подразделении автомат ППС оправдал себя в боевых условиях. Достаточная дальность, кучность стрельбы, удобство в эксплуатации, облегченный вес по сравнению с существующими автоматами дают право считать его хорошим автоматическим оружием».

А о том, что такое ППС в бою, хорошо сказал Герой Советского Союза автоматчик Хаджимурза Мильдзихов:

«... Немцы наступали на меня с флангов. Если бы я зазевался хоть на секунду, был бы убит. Пули вражеского пулемета поднимали рядом пыль. Я быстро переползал на другое место и снова начинал стрелять. Патронов у меня было много. Автомат стал горячим, жег руки, но не отказывал в работе. Как я благодарил в ту минуту наших людей, которые делают это замечательное оружие.

Около сорока минут я вел непрерывный огонь по немцам. Нужно экономить патроны. В это время сзади раздалось русское ура! Пришла подмога.

Немцы, не выдержав атаки, начали беспорядочно отступать. Так кончился бой, в котором я уничтожил из автомата 108 фашистов».

Автомат ППС был достойно оценен военными и правительством. Алексей Иванович Судаев отмечен Сталинской премией II степени, а лейтенант И. К. Безручко-Высоцкий награжден орденом Красного Знамени.

Совершенно неожиданно история ППС получила продолжение в послевоенные годы: очень похожий автомат обнаружился у финнов. Они скопировали его, приспособив под 9-миллиметровый патрон. Появился он и у немцев. ФРГ заказала их в Испании и вооружила свои жандармерию и пограничную охрану.

Тут успокаивает одно – плохое не копируют.

Николай ЩЕЛОВ.

Снежные тачанки

За месяц до Дня Победы городская Дума Нижнего Новгорода приняла решение об увековечении памяти Михаила Викторовича Веселовского. На доме № 28б по улице Минина Нижнего Новгорода сегодня появилась мемориальная доска. Его имя нам сегодня ни о чем не говорит. Оно забыто.

В послевоенные годы Михаил Викторович Веселовский работал в Горьковском политехническом институте, заведовал кафедрой двигателей внутреннего сгорания и гусеничных машин.

А начиная с довоенных поры и в годы Великой Отечественной войны он возглавлял конструкторские отделы по производству военных аэросаней. Об этих боевых машинах мы знаем крайне мало. На фронте их называли «снежными тачанками». Их боевым временем года была зима.

*** Конструктор горьковских аэросаней Михаил Викторович Веселовский.**

Перед Второй мировой войной на экраны страны вышел целый ряд фильмов, где аэросани демонстрировали все свои возможности. «Снежный автомобиль» бегал по просторам Арктики в широко популярной тогда картине «Семеро смелых». И это были не надуманные кадры. Снегоход отдела строительства глиссеров и аэросаней ОСГА-2 - десятиместная машина - принимал участие в экспедиции ледокола «Красин».

Помнится, «героем» другого фильма стал глиссер, летавший по рекам. Собственно, над его конструкцией и бились молодые инженеры, а попутно играли в футбол и объяснялись в любви. Как же без этого.

Совсем неожиданно центр строительства аэросаней переместился в Горький. Здесь работы по их производству стимулировали пожарные. Они почувствовали необходимость в мобильном транспорте.

В предвоенные годы Горьковский край занимал значительно большую площадь, чем нынешняя Нижегородская область. Он прихватывал районы Костромской и Кировской областей, вбирал в себя почти всю Чувашию. Зимой удаленные районы оказывались отрезаны и доступ к ним был затруднен.

А зима для пожарных - время проверок и профилактической работы. Горьковское управление пожарной охраны решило заказать пять аэросаней специальной конструкции.

Выполнить заказ взялись в учебно-производственных мастерских Горьковского гражданского авиационного техникума, руководил которыми талантливый инженер Михаил Викторович Веселовский.

Об использовании мощных авиационных моторов нечего было и думать, их просто не было. Приспособили автомобильные двигатели. Получилось не хуже, зато дешевле. Самым слабым местом оказался деревянный винт. Любой удар, даже о маленькой сучок, и винт разлетался в щепки, так что по лесным дорогам ездить было рискованно. И тогда деревянный винт заменили стальным. На испытаниях гоняли сани и по лесу и сквозь мелкий кустарник - ни зазубринки на винте.

Выполнение заказа подходило к концу. Пожарные оценили работу на отлично, и на этом история горьковских аэросаней могла прерваться.

Но молодого конструктора увлекло это дело, и он так просто бросать его не захотел.

Основным конкурентом горьковчан оставался московский Отдел строительства глиссеров и аэросаней. И если для техникумовских мастерских это был первый и последний заказ, то ОСГА финансировало государство и заказы для них не имели большого значения.

М. В. Веселовскому удалось заинтересовать аэросанями «Наркомсвязь» и Городецкую трудовую колонию НКВД. Они заказали еще три машины.

А тут накануне 1935 года вышло постановление правительства об организации пробега в честь 7-го съезда Советов. В нем указывалось, что в пробеге должны участвовать обычные, серийные и мелкосерийные образцы вездеходных машин, аэросани и гусеничные автомобили.

13 января пробег стартовал. Газеты тех лет, опубликовавшие отчеты с маршрута, единодушно отмечали преимущество аэросаней ГГАТ. Это и были аэросани М. В. Веселовского, собранные в мастерских Горьковского гражданского авиационного техникума. А группа энтузиастов, объединенная начальником мастерских, стала именоваться КБ.

После успешного пробега конструкторское бюро получило новую прописку на заводе «Красный металлист», цеха которого располагались на Стрелке. И теперь вновь созданным аэросаням предстояло именоваться КМ.

Самой перспективной машиной завода «Красный металлист» стали аэросани КМ-IV. Они предназначались для перевозки 4 человек и 250 килограммов груза. Конструкторы привели опытные сани своим ходом в Москву, где были проведены госиспытания, показавшие, что сани пригодны для эксплуатации как санитарные, пассажирские и аэродромные.

КМ-IV были приняты к серийному производству. Общая программа выпуска по заказам Наркомсвязи, НКВД, УВВС РККА составила 100 экземпляров. Производственные мощности завода позволяли выпускать по пяти машин в месяц.

Осложнения возникли внезапно. Дело в том, что профильной продукцией завода были... полуприцепы для вывозки леса. Завод ведь подчинялся Наркомлесу, и продукция его была соответствующая. Полуприцепы не требовали высокой культуры производства. Отразилось это и на качестве собранных аэросаней. Возникла угроза закрытия КБ и аннулирования заказа.

На этот раз Веселовского выручило стремление к повышению своего... политического уровня. Внимательно знакомясь с материалами очередного партсъезда, он обнаружил любопытные высказывания С. М. Буденного в защиту аэросаней и их скорейшего распространения в армии.

Видимо, маршал-кавалерист видел в мчащися по белоснежному полю аэросанях конную лаву или пулеметные тачанки.

Веселовский решил добиться приема у Буденного и высказать маршалу все свои опасения.

Надо отдать должное: Семен Михайлович среагировал по-военному оперативно и направил председателю Госплана СССР следующее послание:

«В апреле месяце мною был в СНК СССР поставлен вопрос о широком развитии производства аэросаней с автомобильным мотором, причем разработка этого вопроса Совнаркомом поручена Госплану.

В проекте постановления СНК СССР, разработанном Госпланом, предусмотрено до разрешения вопроса в 1938 году о постройке специального завода аэросаней производство аэросаней поручить Наркомлесу.

Считаю, что такое производство в системе Наркомлеса не может иметь нормальное развитие, так как оно ему несвойственно и должно быть развернуто в системе НКОП (г. Горький, завод № 21), так как аэросанное производство сходно с производством указанного завода и завод изъявляет желание иметь это производство на правах отдельного цеха».

Заметим, даже в служебном письме сохранялась строжайшая секретность. Никакого намека на авиацию, хотя и упоминался авиационный завод.

Письмо маршала сыграло свою роль. Совет народных комиссаров своим решением увеличивал выпуск аэросаней в 1938 году. На свет должно было появиться 100 новеньких КМ-IV.

Было назначено и время очередного испытательного пробега - февраль. Командором предписывалось быть М. Веселовскому. Маршрут пробега составлял 4800 километров. Стартовав в Горьком, пройдя Москву и Ярославль, аэросани уходили на север и по почтовым трактам Наркомсвязи достигали Архангельска, Нарьян-Мара, Сыктывкара, поворачивали на Котлас и оттуда возвращались в Горький, где пробег и заканчивался.

В пути не обошлось без выявления «врагов народа», иначе пробег был бы скучен, а представители соответствующих органов получили бы плохую оценку за свою малую активность.

На одних аэросанях во время движения заглох мотор. Разбор и ремонт выявили явно «диверсионный» акт. Кто-то «заботливо» подбросил в бензобак металлическую стружку.

Особо разбираться не стали. Одним из главных «вредителей» оказался... директор завода, который и в пробеге-то не участвовал.

Неопределенность с КБ длилась еще год. Письмо Буденного «сработало» лишь частично. Веселовского на авиационный завод № 21 не взяли, а Наркомлес дал соответствующее указание о закрытии производства аэросаней.

Но в это время началась война с Финляндией. С первых же дней наступления обнаружилось, что на передовую не на чем подвозить боеприпасы. Глубокие снега остановили всю технику.

Генеральный штаб срочно издал директиву о формировании аэросанных отрядов. Планировалось организовать четыре отряда по два десятка аэросаней в каждом. Нашлось только 78 аэросаней, причем в строй поставили даже «совершенно непригодные для эксплуатации, тем более на фронте» - опытные образцы, на которых проверяли ходовые качества.

Короткая зимняя война с белофиннами закончилась в марте 1940 года. В середине апреля в ЦК партии проходило совещание начальствующего состава армии, посвященное итогам войны с Финляндией.

Стенограмма совещания сейчас рассекречена и опубликована в книге «И. В. Сталин и Финская компания».

Надо сказать, что большинство выступлений носило критический характер - наболело. Говорили о том, что к войне не подготовились. Много нареканий вызвало тыловое обеспечение. Танки оставались без горючего, кухни без продовольствия, не на чем было вывозить раненых.

Серьезных проблем было настолько много, что частности остались неозвученными. Даже упоминаний об аэросанях в стенограмме найти невозможно.

Совещание закончилось, как и положено, здравицами в честь вождя.

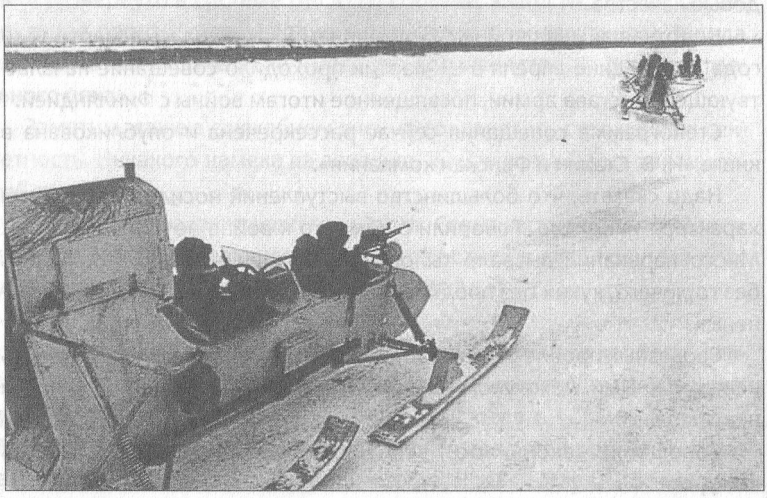
За частности взялась военная пресса, правда, согласно времени, весьма своеобразно. Один из журналов писал:

«Лучшая оценка аэросаней выразилась в ВВС в заказе их на 1940 год, в количестве 5 шт., а затем увеличен заказ до 20 шт. Производственная база в Горьком закрыта, добивались закрытия ее и в Москве. Но противники этого бездорожного транспорта (комбриги Константинов и Ермолин - в Генштабе) - просчитались. Патриотизм и энтузиазм всего личного состава аэросанных отрядов все козни врагов, сопротивлявшихся этому опыту, не имеющему прецедента в истории войн, были преодолены, хотя и с опозданием и не без жертв».

Комбриги, надо думать, стали «стрелочниками», пострадав за свою недальновидность. Она стоила им жизней. Но даже их «наказание» ситуацию не изменило.

5 июня 1941 года цех по производству аэросаней на заводе «Красный металлист» ликвидировали, а на его площадке разместили производство взрывателей.

О М. В. Веселовском вспомнили через месяц после начала войны. Нарком среднего машиностроения В. В. Малышев вызвал его в Москву. Предыдущее решение о закрытии производства аэросаней нарком признал ошибочным и дал указание в кратчайший срок разработать военные сани с автомобильным и мотоциклетным моторами. Конс-



Аэросани РФ-8-ГАЗ-98. За их разработку конструктор М. В. Веселовский был награжден орденом Красной Звезды.

трукторское бюро восстановили, дав ему название Особое конструкторское бюро «Наркомречфлота». А проще оно называлось «Горьковской группой». Производственная база отводилась на заводе имени 25-летия Октября на Оке в Канавине. Позже само КБ переедет на территорию Горьковского института инженеров водного транспорта.

В строительстве первых боевых саней принимали участие специалисты автозавода, вот они и появились под индексом ГАЗ-98, но позже, чтобы не «обижать» речной флот, к ним добавили еще две буквы РФ и порядковый номер 8. Так стали они именоваться РФ-8-ГАЗ-98.

За разработку конструкции этих саней Михаил Викторович Веселовский будет награжден орденом Красной Звезды.

Строительство аэросаней возложили почти на все предприятия речного флота. Вот как об этом вспоминал директор судоремонтного завода «Памяти Парижской коммуны» Александр Николаевич Воробьев:

«Этот заказ нас удивил: строить боевые сани! Как это мы, судоремонтники, будем делать машины наземной авиации? - эта мысль никому из нас не давала покоя. Нелегкая была задача. Созвали совещание начальников цехов, отделов, мастеров. На совещании выяснилось, что некоторые видели аэросани только в кинокартине «Семеро смелых». Однако единодушно постановили: не считаясь ни с какими трудностями, задание выполнить.

Мы были серьезно предупреждены, что эта продукция - сезонная и должна быть изготовлена строго в указанные сроки. Наступил ноябрь, но было ясно: с этим заданием мы не справляемся. Неполадок, неувязок оказалось гораздо больше, чем мы ожидали. Настроение подавленное. У меня состоялся весьма неприятный разговор с заместителем наркома.

С трудом, но первые аэросани собрали. Первое испытание снова принесло нам горечь. Дело было так. Аэросани подтащили на лед затона. Запустили мотор, и они заскользили по льду, запорошенному снегом. Присутствующие заулыбались, замахали шапками. Но аэросани пробежали несколько метров и встали, мотор «чихнул» и заглох.

Мы поняли, что без специалистов здесь не обойтись. Скоро к нам прислали техника, и дело с испытанием и отладкой моторов наладилось.

К концу ноября мы все-таки успели отправить на фронт более десятка машин, но серьезное предупреждение Горьковского комитета обороны я получить успел.

Работали люди в очень тяжелых условиях. В сборочном цехе температура была ниже нуля, а ведь все детали моторов можно было монтировать только голыми руками. В затоне стоял гул моторов. Вмерзшие в лед пароходы стояли безмолвно. Почти весь плавсостав был занят аэросанями».

6 января 1942 года горьковские аэросани появились на многих участках фронта под Москвой и в районе Старой Руссы. Они были вооружены пулеметом, который на турельном кольце мог иметь угол обстрела в 300 градусов. Под носовой обшивкой на специальной полке размещался боекомплект - 10 магазинов с патронами для пулемета и гранаты для ведения ближнего боя.

Справедливости ради эти сани можно было бы именовать автосанями, раз двигал их автомобильный мотор, но не будем делать для них исключение. Тем более что автозаводцы вскоре создали опытную модель штабных саней ГАЗ-98К, где вынуждены были вернуться к авиационным моторам. Автомобильный был слаб для тяжелых саней.

На фронте аэросани называли «снежными тачанками». Своей стремительностью они на них и походили.

Тщетно искать в военных мемуарах даже упоминание об аэросанях. Их просто там нет. Единственный из военачальников, который замолвил о них доброе слово, был Константин Константинович Рокоссовский. В своей книге «Солдатский долг» он писал:

Десант готов к посадке на «снежные тачанки».

«По нашей просьбе В. Д. Соколовский прислал аэросанную роту. Располагалась она при штабе тыла армии. Каждые аэросани вооружены легким пулеметом.

Очень крепкая помощь, и не только для живой связи, как обнаружилось.

Во второй половине февраля немецкий лыжный отряд - до двухсот с лишним солдат - ночью проник к нам в тыл и пересек дорогу, питавшую правое крыло армии всем необходимым. Создалось на время критическое положение.

Рота моментально выдвинулась в район, занятый немецкими лыжниками, развернулась и с ходу атаковала, ведя огонь из четырнадцати своих пулеметов. Немцы были рассеяны, истреблены.

Взятые в этой стычке пленные в один голос говорили, что эта атака их ошеломила; они приняли аэросани за танки и были поражены, почему же машины как будто летели по глубокому снегу».

Есть еще одна книжка, которая не претендует на мемуары, но рассказывает о действии аэросанных рот и батальонов. Видели ее немно-

Аэросани НКЛ-16, в их совершенствовании принимал участие М. В. Веселовский.

Для аэросаней зима была союзницей.

гие. На ней гриф «ДСП» («для служебного пользования»), и каждый ее экземпляр пронумерован. Секретность понятна - вышла она в 1944 году. Название ее скучное, но красноречивое: «Обзор военных действий аэросанных частей в Отечественной войне (1942-1943 гг.)».

Военные специалисты подробно рассматривали каждую операцию, в которой участвовали аэросанные подразделения, обобщили и проанализировали опыт их применения.

К сожалению, маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский опустил в своих мемуарах название района, где проводилась операция по уничтожению лыжного отряда противника. Возможно, это было в районе села Чернышино, южнее Сухиничей, где во второй половине февраля 1942 года сложилась критическая ситуация. Плацдарм, занятый нашими войсками, вклинивался в оборону противника, и немцы всеми силами пытались выровнять фронт.

«Противник начал наступление на Чернышино, выбросив группу автоматчиков на лыжах.

После того как большая часть группы противника вышла из леса, рота боевых аэросаней по сигналу командира стрелкового полка в боевом порядке «углом вперед» рванулась с исходной позиции и внезапно контратаковала противника во фланг. В результате боя противник,

понеся большие потери, был отброшен в лес севернее и северо-западнее Чернышина.

Плацдарм был сохранен».

Еще один эпизод, который рассказывает о необычном применении «снежных тачанок».

28 февраля 1943 года группа аэросаней 39ТАСБ, находившаяся в подчинении штаба Краснознаменного Балтийского флота, получила задачу прикрыть дымовой завесой боевые корабли в гаванях и военные объекты Кронштадта, которые подвергались артиллерийскому обстрелу со стороны противника. На постановку дымовой завесы вышло трое саней, оборудованных специальными аппаратами для дымопуска.

Первая дымовая завеса, поставленная аэросанной группой, закрыла разрывы вражеских снарядов, и для противника сразу усложнилась корректировка огня. Вскоре противник открыл массированный огонь по аэросаням, пытаясь вывести их из строя. Разрывы ложились в непосредственной близости от аэросаней, что значительно усложнило их действия. Несмотря на это, аэросани в течение шести часов прикрывали объекты. За это время противник выпустил более 1000 снарядов, однако не нанес серьезного ущерба ни прикрываемым объектам, ни аэросаням. После того как противник прекратил артиллерийский обстрел, аэросани вернулись на свою базу».

А вот как вспоминает о своей службе в аэросанном «летучем» отряде ветеран из Сыктывкара Андрей Иванович Уляшев. Он пишет в своем письме:

«... На снежных равнинах это был самый быстроходный транспорт. Аэросани развивали скорость до 100 километров в час. Легко и быстро проходили там, где не могла пройти тяжелая техника. Так что благодаря мобильности и внезапности нападения аэросанные части прозвали «летучими отрядами».

У немцев аэросаней на вооружении не было, и первое время наши сани были для них сюрпризом.

Однажды наш отряд наткнулся на немецкие окопы. Мы увидели, что стволы орудий направлены вверх и солдаты смотрели туда же.

Как оказалось, звук моторов аэросаней они приняли за самолетный, поэтому и ждали налета. Эти секунды позволили нам открыть огонь и взять инициативу боя на себя. Мы захватили в плен 70 солдат и офицеров. Это была хорошая добыча.

Аэросани для нас были и транспортом, и оружием, и домом. Часто в них и ночевали.

Водители никогда не отходили от машин, всегда были готовы к выезду. От пуль спасала броня, а если уж гибли, то вместе с машинами.

На моих глазах бомба угодила в машину нашего комбата. Погибли все, кто находился в ней.

Я думаю, что если бы аэросани использовались только как транспортное средство, то и тогда их военная заслуга была бы велика».

Слова ветерана легко подтверждаются цифрами из того же «Обзора». Вот только два военных дня февраля 1943 года. Три аэросанных батальона перевезли: 45-мм орудий - 22, стрелковых пулеметов - 10, минометов - 18, мин - 220 ящиков, гранат - 100 ящиков, патронов - 900 ящиков, снарядов - 5000, продовольствия - 5,4 т, людей - 535, эвакуировано 840 раненых.

В «Обзоре боевых действий аэросанных частей» отмечено, что зима начала 1943 года была для аэросаней последней боевой зимой. Дальше наши войска вышли в малоснежные районы Украины и Белоруссии, где применять аэросани стало невозможно.

К какому же выводу пришли военспецы, изучив опыт действия боевых аэросаней?

В целом применение аэросаней признано успешным. Отмечено лишь три недостатка:

- ограниченность радиуса действия с одной заправкой;
- уязвимость пулеметно-минометным и артиллерийским огнем;
- несовершенство конструкции аэросаней, что затрудняло эксплуатацию и ограничивало их боевое применение.

После войны значительная часть аэросаней была передана Министерству связи СССР, где они успешно применялись для регулярных почтовых перевозок. Надежными помощниками аэросани стали для пограничников. Но постепенно они были вытеснены вездеходными машинами. Армейская служба их закончилась. Теперь они остались лишь в истории вооружения, которая постаралась о них забыть. А мы вот напомнили. И пусть не будут в военной истории аэросани пасынками.

Вячеслав ФЁДОРОВ.

Тыл войны

Фотографии, которые вы будете сейчас рассматривать, уникальны. Они рассказывают о жизни тыла. Снял эти кадры фотокорреспондент областной газеты Нисон Михайлович Капелюш. Вопрос, который возникает сразу, в чем же уникальность этих снимков. А в том, что во время войны они не публиковались и увидели свет только после Победы. Тыл был частью войны.

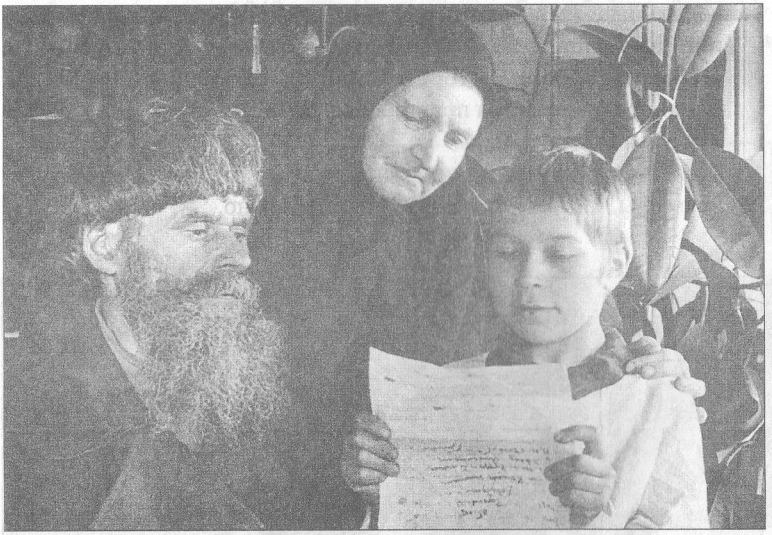
Наша область была арсеналом фронта. Поэтому все, что снимал фотограф, подвергалось проверке военных цензоров. И хоть съемка была разрешенной, они все равно находили в снимках то, что нельзя было показывать. Враг не должен был ощущать мощную поддержку тыла. Он не должен был знать, что производят на заводах и фабриках. Должен быть скрыт от его глаз даже урожай, который зрел на полях.

Итак, перед вами фотографии военных лет. Мы попробуем использовать их еще и в поисковых целях. Интересно было бы узнать, кто изображен на этих снимках и какова судьба этих людей. Пока фотографии для нас во многом безымянные: указаны или фамилии, или адрес, где сделан снимок. Больше никаких подробностей.

Это фотография первых дней войны. А вот где она сделана, неизвестно. Подпись к ней, конечно, была, но давно утеряна. В областных газетах фото не появлялось. Ясно одно: колхозники изучают военное дело. Противогаз не самое главное оружие войны, но и без него нельзя. Серьезен пожилой мужчина, сидящий напротив инструктора военного дела. Возможно, ему пришлось повоевать. Молодежь воспринимает слова инструктора с долей иронии. Да и сам инструктор весел. Вряд ли кто из слушателей представляет масштабы развернувшейся войны. Она пока далеко. Пока не поселилась в сознании. Еще не пришли в село первые похоронки. Еще нет вдов...

Может быть, из-за избытка оптимизма этот снимок отвергли в редакции, и он остался лежать в архиве автора.

Пройдет совсем немного времени, и парни с фотографии отправятся на фронт. Удастся ли им уцелеть? Вглядитесь в их лица. Может быть, узнаете двух молодых девушек...



«Во первых строках своего письма передаю приветы...» Сколько ни читай солдатских писем, все они начинаются этой фразой. И дальше по рангу родства перечисляются имена близких, а то еще и соседей, обязательно друзей... И так большая часть письма. И где-то в конце коротенькое известие о себе: «Жив, здоров, бью врага...»

А что еще напишешь? О тяжести и трудности? Этого и в тылу хватало.

- Внучек, а ну-ка, прочти нам с дедом письмо-то. Глазами слабы стали, - просит бабушка только что пришедшего из школы внука.

И внук добросовестно перечисляет имена тех, кому адресованы приветы с фронта. Этот снимок в архиве Нисона Капелюша так и значился: «Привет с фронта»-2.

А вот где он был сделан?

Судя по облику стариков, они из заволжских краев - старообрядцы. Только там старики носили бороды и стриглись «под горшок», а старухи внакидку повязывали платки.

Есть еще один ориентир. На листе солдатского письма проглядываются буквы. Не поможет ли их прочитать современная компьютерная техника?

Увеличиваем снимок. Читается плохо... Еще увеличиваем. Надпись начинает расплываться, но кое-что уже можно прочитать: «Горьковская область. Городецкий район...»

Наши предположения правильные. Действительно, снимок сделан в заволжских краях.

Судя по возрасту мальчонки, юность его пришлась на послевоенные годы, так что установить, кто он, можно.

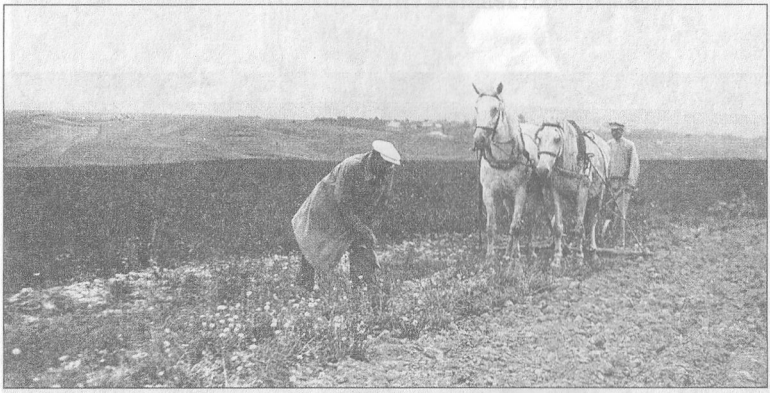
Четвертый день войны... Со страниц областной газеты прозвучал призыв колхозницы Арзамасского района Анны Тузовой: «Женщины и девушки! Смелее сядем за руль трактора и встанем за штурвал комбайна!

Я берусь заменить своего мужа-комбайнера, ушедшего на фронт. Встану за штурвал. Обязуюсь за сезон своим агрегатом убрать урожай с площади 300 гектаров. Слово свое сдержу.

Я обращаюсь к женщинам и девушкам колхозов и совхозов области с призывом: изучайте технику, овладевайте ею, вставайте на место ушедших на фронт трактористов и комбайнеров».

Призыв Анны Тузовой горячо подхватили многие колхозницы. При машинно-тракторных станциях, школах механизации были организованы краткосрочные курсы механизаторов. В каждом колхозе и совхозе появлялось все больше трактористов и комбайнеров.

Этот снимок из 1942 года. На нем лучший комбайнер Лысковской МТС А. Маслова (справа) и ее помощница И. Яштикова. Они убирают пшеницу на полях колхоза имени Пугачева.



Казалось бы, совершенно мирная фотография - агроном вышел в поле посмотреть на состояние посевов. О войне ни намека.

Но снимок датирован 1943 годом. И дальше: «Профессор Горьковского сельхозинститута Тихов осматривает каучуконосные растения».

Вот и «привязка» к войне - каучук был главной составляющей резины. Перед самой войной поставки этого сырья, которое шло к нам из стран Азии, резко сократились. Каучук стал стратегическим сырьем. Надо было срочно наладить его добычу. Государственное задание получили научно-исследовательские институты и сельскохозяйственные вузы страны.

В Горьком эти работы возглавил заведующий кафедрой растениеводства сельхозинститута Леонтий Васильевич Тихов. Экспериментаторы пытались приспособить среднеазиатское растение кок-сагыз, корни которого содержали каучук, к местным условиям. Как вспоминают ученики Леонтия Васильевича, работы шли успешно.

Но с окончанием войны все работы свернули, каучук стали получать химическим способом.

В биографии ученого это лишь небольшой эпизод. Леонтий Васильевич 33 года возглавлял кафедру растениеводства, его

ученое наследие проверено временем. Полвека нет его уже на земле, но имя его в ученой среде хорошо известно. Оно вошло в сборник статей о выдающихся ученых-нижегородцах.

Фотография, которую мы публикуем, будет памятью о нем и обо всех ученых, работавших на Победу.

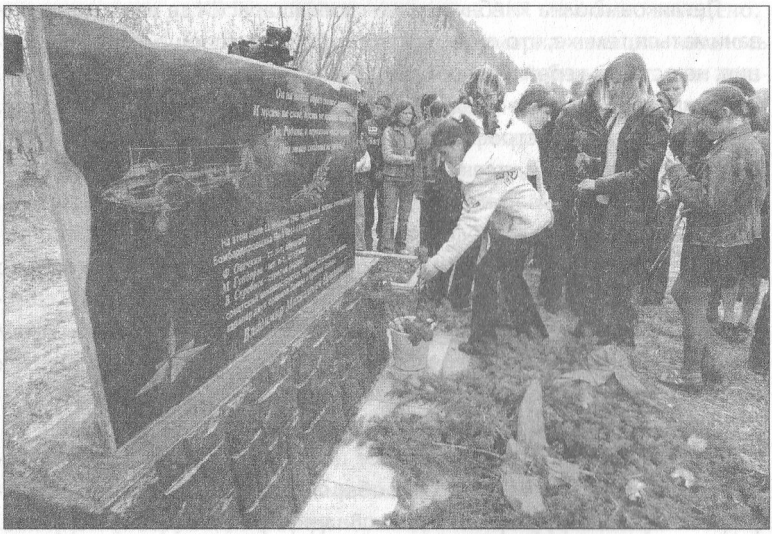
Дети военной поры помнят, что летом, в страду, у них была одна игра - сбор колосков. Этот снимок был сделан в 1943 году в колхозе имени Кирова Кстовского района. Дети со своей учительницей отправляются в поле. Они идут радостные, веселые - детство есть детство.

Нынешним школьникам, видимо, надо пояснить, что значит собирать колоски.

Во время жатвы несовершенные комбайны и косилки теряли сжатые колоски, в которых находилось зерно. Вот и приходилось «прочесывать» поля, подбирая колоски. Кто быстрее наберет корзину... Главная детская игра военных лет. Наши бабушки о ней помнят. А у кого-то из них сохранились грамоты за сбор колосков.

Теперь вы знаете, что это такое.

Ребятня военной поры сохранила тысячи пудов хлеба, так нужного и фронту, и тылу.



Тайны гибели «Пе»

Имя авиаконструктора Владимира Михайловича Петлякова сегодня полузабыто. Разве что упоминание о легендарном фронтовом пикирующем бомбардировщике Пе-2 возвращает его из прошлого. До войны Петляков работал вместе с А. Н. Туполевым. В самые первые дни войны он сформировал свое конструкторское бюро, которое занималось строительством и модификацией «пешек».

*** Памятный знак на месте гибели авиаконструктора В. М. Петлякова.**

Петляков сполна хлебнул сталинских «шараг», где его заставляли заниматься тем же, что он делал на свободе. Он прошел через унижения, но остался верен авиации.

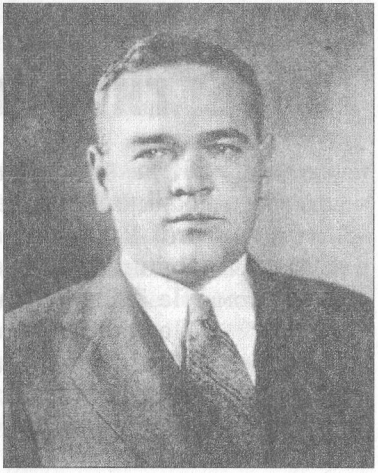
12 января 1942 года Владимира Михайловича Петлякова не стало. Он погиб в авиакатастрофе. Самолет, на котором он летел в Москву, загорелся и упал неподалеку от Сергача. Свидетелями катастрофы стали жители деревни Мамешево. Они в подробностях помнят этот день. Но все эти годы о катастрофе у них никто не спрашивал.

Гибель Петлякова породила множество слухов и домыслов. Что же скрывали документы расследования катастрофы, которые с самого начала были помечены грифом «Секретно»? Что же произошло тем январским днем в небе над безбрежьем заснеженных полей? Была ли катастрофа лишь несчастным случаем или...

В середине января 1942 года все центральные газеты, а их выходило во время войны немного, сообщили, что в авиационной катастрофе погиб конструктор самолетов Владимир Михайлович Петляков. В черной траурной рамке был помещен портрет человека, которого вряд ли кто знал в лицо. Сообщалось, что авиаконструктор имел государственные награды - два ордена Ленина, орден Красной Звезды и Сталинскую премию. О катастрофе никаких подробностей. Некролог был сух и официален.

Петляков был из тех людей, чье имя скрывала тень известного всему миру авиаконструктора Андрея Николаевича Туполева. Петляков был птенец его гнезда. Из тени авторитета выходить было сложно, хотя к концу 40-х годов он вполне мог бы возглавить и свое КБ. У него были идеи, требовавшие самостоятельных разработок.

К тому времени Петляков был ведущим и главным конструктором многих туполевских самолетов, одиннадцать лет он возглавлял бригаду, проектировавшую крылья. Но все самолеты, кото-



Авиаконструктор Владимир Михайлович Петляков.

рые выходили из КБ Туполева, именовались АНТ - так было заведено.

Гигантское конструкторское бюро патриарха авиации казалось незыблемым, но только не для специалистов с Лубянки. Для них авторитетов не существовало. Подошла очередь признать врагом народа Туполева, и загремел он со всеми своими замами в специальную «шарагу», где им предписывалось... проектировать самолеты.

Упрятан был в ту же «шарагу» и Петляков, за ним Сухой - еще один единомышленник Туполева.

Для начала Петлякову на допросах выбили зубы. От него добивались признаний в шпионаже. Владимир Михайлович не оставил воспоминаний, поэтому мы никогда не узнаем, чего ему стоили годы, проведенные в «спецтехотделе».

Туполев успел сказать: «...Мы любили Родину не меньше, а больше тех, кто собрал нас, поэтому мы, стиснув зубы, должны были сделать первоклассные самолеты».

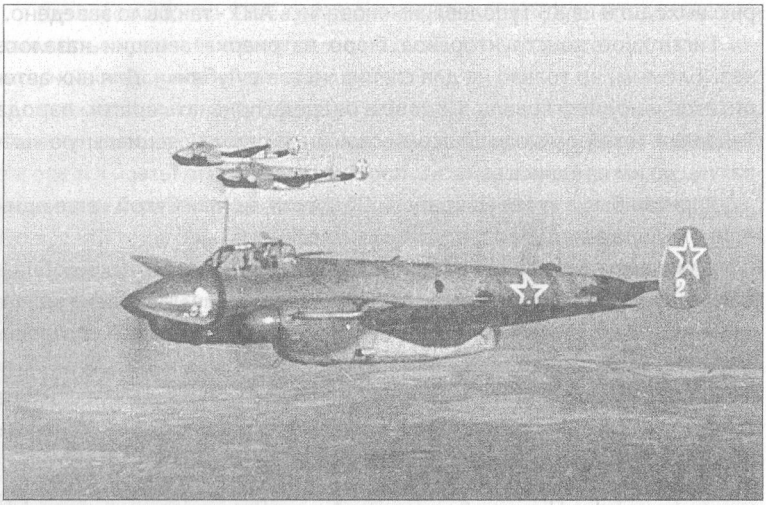
Репрессии разделили туполевское КБ на три самостоятельные проектирующие группы, которые впоследствии получили статус самостоятельных КБ и свою производственную базу. Имена Андрея Николаевича Туполева и Павла Осиповича Сухого до сих пор остались в марках самолетов. Имя же Петлякова принадлежит только истории авиации.

В «шараге» Петляков проектировал высотный истребитель с герметичной кабиной, который получил кодовое обозначение «100». Это, видимо, в память о «СпецТехОтделе». Самолет получился необычный даже по виду.

Война в Испании показала, что истребители, на которые делалась ставка, не главные в небе. Нужны были бомбардировщики с хорошими летными качествами. Постановлением правительства Петлякову предлагалось сделать из «сотки» пикирующий бомбардировщик. На все про все отводилось два месяца.

Петляков стал главным конструктором на авиационном заводе в Казани. Он был высочайше прощен, но не полностью. Казань стала местом прибежища И. Курчатова, А. Туполева, С. Королева и многих ученых, попавших в жернова репрессий. Казань для них была ссылкой, где им были созданы все условия, чтобы они занимались наукой. Из арестованного, лишенного всех прав человека выжимали все, на что он был способен.

Война и застала Петлякова в Казани. Сюда из-под Москвы в срочном порядке был эвакуирован авиационный завод № 22. Его разместили на производственных площадях местного авиазавода № 124.



Штурмовики Пе-2 в полете.

С первых же дней ситуация возникла не из простых. Заводом управляли два директора, техническую политику диктовали два главных инженера. Дело доходило до драки, когда делили производственные помещения. О ситуации на заводе или заводах непрерывно доносили «стукачи», которых в большом количестве внедрили в рабочую и инженерную среду.

Московский завод переехал в Казань, имея на конвейере новые пикирующие бомбардировщики Пе-2, а казанский завод продолжал выпускать тоже петляковский тяжелый бомбардировщик ТБ-7 и транспортный самолет Ли-2.

В первые же дни войны ушли добровольцами и по призыву многоопытные специалисты. Их заменили выпускниками фабрично-заводских училищ и вернувшимися к станкам стариками. К осени на завод пригнали в качестве рабочей силы узбеков, которые впервые увидели такое количество железа.

Директор соседнего моторостроительного завода № 16 Герой Социалистического Труда М. Лукин произнес тогда фразу, которая стала непечатным девизом самолетостроителей:

«По трупам пойду, а план товарища Сталина выполню!»

И шли по трупам. Из донесений «стукачей» можно было составить картину массового вредительства. Самолеты доходили до окончатель-

ной приемки с таким количеством дефектов, что казалось, будто на заводе действует огромный отряд диверсантов. Лишь секретные акты расследований катастроф содержат имена безвестных летчиков, которые бились на «пешках». Говорят, когда погибшему Петлякову был установлен памятник на Арском кладбище в Казани, имели место случаи расстрела его из табельного оружия подгулявшими и доведенными до отчаяния летчиками. Они, не скрывая, говорили, что путь от заводского аэродрома до фронта выстлан разбившимися самолетами.

Но в чем была вина Петлякова? Его «пешка» требовала еще серьезных доводок, но «план товарища Сталина» был важнее. Каждая катастрофа или авария выявляла все новые дефекты, которые пытались наспех устранить. Так и шли по трупам. Считалось, что война все спишет.

Она списала и Петлякова...

Рассекреченное дело №2195 о расследовании причин авиакатастрофы, случившейся 12 января 1942 года, довольно объемисто. Оно содержит протоколы допросов рабочих, инженеров, конструкторов и военных приемщиков. Документы свидетельствуют, что прорабатывалось несколько версий произошедшего: от технического состояния самолета до диверсий и вредительства. Даже затрагивалась версия о нападении вражеского самолета. И такое не исключалось. Дальние бомбардировщики гитлеровцев, поднявшись с подмосковных аэродромов, вполне могли дотянуть и до места, где произошла катастрофа.

Свидетельства заводских специалистов дополняют четко исполненные схемы места падения самолета и расположения обломков машины после удара о землю. Особое приложение - фотографии, сделанные на месте катастрофы, и акты судебных медиков, осматривавших тела летчиков и конструктора.

В мельчайших подробностях расследована не только сама катастрофа, но и предпосылки к ней. По сухим строкам допросов можно восстановить хронику последнего дня жизни Петлякова и воссоздать атмосферу, в которой ему приходилось работать.

В ходе расследования выяснилось, что самолет Пе-2 с заводским номером 14-11, на котором разбился Петляков, был собран в авральные дни конца декабря. Гнали план, торопились, поэтому в срочном порядке «пешку» направили на испытательный стенд, где проверялась бензосистема. Там тоже торопились, недоглядели и превысили норму

давления. В самолете разорвало сразу пять бензобаков. Меняли их ночью, а уже в 3 часа 15 минут 31 декабря самолет был представлен военным приемщикам, которые обнаружили 13 дефектов по группе электрооборудования и аэронавигации. Их тут же бросились устранять. За несколько часов до Нового года была принята винтомоторная группа, и самолет попал в план 1941 года.

9 января за «пешками» прибыли два экипажа летчиков из 2-го дальнеразведочного полка. Машина № 14-11 досталась экипажу старшего лейтенанта Ф. Овечкина, опытного летчика, налетавшего только на «пешках» 500 часов. Принимать самолет ему помогали штурман младший лейтенант М. Гундоров, стрелок-радист В. Скребнев и воентехник 2-го ранга Н. Орехов.

Второй экипаж принимал самолет № 12-11.

Эти две «пешки» отличались от своих серийных собратьев. Они предназначались для дальней разведки, а потому имели увеличенный запас топлива и мощное фотооборудование.

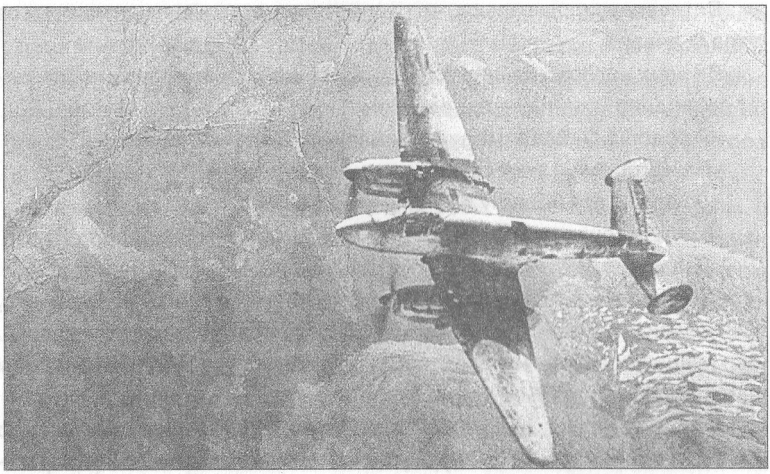
Для заводских сдатчиков это была рядовая приемка экипажем боевых машин, подобные происходили ежедневно.

О том, что на одном из самолетов полетит Петляков, и речи не было.

Необходимость вылета в Москву возникла поздно вечером, когда Петляков вел совещание с конструкторами, на котором обсуждались задачи по дальнейшему совершенствованию самолетов Пе-2. Ситуация с «пешкой» была не из простых: дошли слухи, что между Туполевым и Яковлевым разгоралась борьба за «проталкивание» своих машин. Яковлеву удалось «отвоевать» Омский авиационный завод, где с потока сняли бомбардировщик Ту-2 и наладили серийный выпуск истребителей Як-9. Петляков хорошо понимал, что если его «пешка» не будет доведена до тех параметров, которые в ней заложены, то завод он может потерять. Его могут передать Туполеву. Нужны были время и гарантия спокойной работы. Ее мог дать только нарком авиапрома Алексей Иванович Шахурин. Петляков настойчиво просил принять его, чтобы объяснить ситуацию, сложившуюся на заводе, и доложить о мерах, которые приняты по доработке Пе-2.

Во время совещания раздался звонок из Москвы. Шахурин готов был принять Петлякова.

Надо было срочно отправляться в столицу. Вопрос только - на чем? Если поездом, то застрянешь в пути. По приказу Сталина в первую очередь пропускались военные эшелоны, так что ожидать раз-



Вот на таком «фоторазведчике» и разбился авиаконструктор.

рыва в движении лавины составов, идущих к фронту, можно было бесконечно.

Остается один выход - самолет. Но в заводском «Дугласе» Петлякову было отказано. Он отправлялся маршрутом на Сталинград, и рейс на Москву возможен только после возвращения.

Петляков вспылил и сказал, что полетит на боевом самолете. Главный инженер завода предложил лететь на Пе-2, принятом без единого замечания. Вмешался директор завода и отказал Петлякову, мотивируя тем, что самолет не прошел военной приемки.

Тогда Петляков решил лететь на первых попавшихся машинах, вылетающих в сторону Москвы. Ими и оказались две «пешки», предназначенные полку дальних разведчиков. Было решено, что на одном из самолетов полетит он, а на другом его зам - Александр Михайлович Изаксон.

Для вылета надо было соблюсти еще одну важную формальность: получить разрешение на отлучку из Казани, которое мог дать только начальник НКВД Татарии.

Хлопоты по отъезду растянулись на два дня. «Повезло», что у Пе-2 № 14-11 обнаружились скрытые дефекты и их устраняли прямо на аэродроме под присмотром летчиков.

В ночь с 11 на 12 января на самолете № 14-11 устанавливают усиленные лыжи. Сборщики забывают закрепить болты крепления. Их ошибку исправляют при приемке на летно-испытательной станции.

Петлякову докладывают, что вылет самолетов назначен на 11 часов утра 12 января.

В своих воспоминаниях Александр Михайлович Изаксон описывает последние минуты перед отлетом:

«Я подошел к Владимиру Михайловичу Петлякову:

- На котором из этих самолетов вы полетите?

- Да вот на эту машину я уже положил свой чемодан.

Я, естественно, положил свои вещи в другую машину.

- Владимир Михайлович, а парашюты есть?

- Да что вы, Александр Михайлович, какие парашюты! Смотрите, какая низкая облачность. Пойдем на высоте метров сто, если не ниже. Все равно парашюты не понадобятся, да и вылетать из второй кабины нам, людям неопытным, - дело безнадежное...»

День вылета также не складывался гладко. Прибывшие еще затемно на аэродром летчики не были допущены к самолетам. По какой-то причине на них не оформили пропуска. Пока выясняли да оформляли, прошло три часа. В это время они должны были уже подниматься в воздух...

Вылет откладывался. Пошла спешка. Контролер летно-испытательной станции думал, что самолет перегоняют на гражданский аэродром под Казанью, и практически его не осматривал. Торопил военпред: «Москва рвет и мечет!»

По правилам разрешение на взлет командир экипажа получал после того, как в его руках оказывался бланк с прогнозом погоды. Экипажу забыли его выдать.

В 13.20 на летном поле появляется Петляков со своим замом. В очередной раз ему предлагают ехать поездом, но он отказывается и с трудом пробирается в заднюю кабину стрелка-радиста.

В 13.40 самолеты взлетают.

За 35 минут полета пара «пешек» достигла Сергача, обогнула его, прошла над поселком Красная Пустынь и вышла к железной дороге в районе моста через реку Пьяну.

Александр Михайлович Изаксон вспоминает:

«Я обратил внимание, что стрелок все время переговаривается по внутреннему телефону и куда-то смотрит в сторону.

Когда мы сели, стрелок сказал:

- Вторая машина сгорела. Сгорела в воздухе.

Это произошло в районе Арзамаса, недалеко от Казани. Горящая машина упала в дебри леса, и потом ее отыскали с большим трудом. Все, кто летел на ней, погибли...»

В этих строчках много странного и непонятного. Неужели Александр Михайлович Изаксон не знал точного места падения самолета? Пространство от Арзамаса до Казани - десятки километров. По авиационным меркам это может быть и мелочь, но попробуй найди на таком пространстве точку, где оборвалась жизнь авиаконструктора Петлякова.

Александра Михайловича должны были познакомить с делом о расследовании катастрофы. Там во всех подробностях расписано, как самолет упал в поле. К тому же Пе-2 № 12-11 сделал круг над местом падения.

Что-то тут не совсем все вяжется. Вполне возможно, что по причине секретности Изаксон «зашифровал» точное место катастрофы. Во всех публикациях о Петлякове фигурирует Арзамас, о Сергаче даже не упоминается. А между тем от Сергача до поля всего полтора десятка километров.

В тот день 12 января 1942 года авиакатастрофу видели многие жители деревни Мамешево, расположенной вблизи поля, где все и случилось. Первыми горящий самолет увидели мальчишки, работавшие на току.

Михаилу Федоровичу Клопову в тот год было тринадцать лет, и он отчетливо помнит, как все происходило:

- День был пасмурный. Дымка над полем висела. Через поле часто самолеты пролетали, но мы каждый раз их взглядом провожали. А тут, видим, один самолет, что шел впереди, горит. Дым за ним тянется. Они шли от моста. Самолет начал снижаться. Мы подумали, что он пошел на посадку, и бросились в поле. Когда бежали, то не видели его. И вдруг взрыв, столб пламени... Мы остановились, приближаться побоялись, думали, еще рванет. Постояли, пошли.

До сих пор помню обгорелые трупы летчиков. Они были в меховых комбинезонах, а рядом лежало кровавое месиво, из которого торчала нога в сапоге. Потом я уже узнал, что это и был авиаконструктор.

Пока мы стояли, рассматривали, прибежали от моста солдаты. Они оцепили все, а нас начали обыскивать: не утащили ли мы чего.

Помню: пришел домой и не мог есть суп с мясом. Насмотрелся.

Останки самолета собирали на следующий день. Ту же деревенскую ребятню заставили отыскивать в снегу все мельчайшие детали. К полудню привезли четыре гроба, положили туда тела летчиков, авиаконструктора и увезли в Сергач.

Мальчишки добросовестно собрали большую кучу осколков, но кое-что и утаили. Им перепали пулеметные патроны и парашют. Патроны потом бросали в костер. Один деревенский парень даже был ранен пулей в ногу. А парашют «оприходовали» женщины и понашили из него кофточек.

Старики в Мамешеве до сих пор считают, что самолеты столкнулись в воздухе: «Одному ничего, а другой упал».

До сих пор в земле находят его останки.

То, что погиб авиаконструктор Петляков, никто в деревне и не знал. Да ведь разве сказали бы. Об этом в Мамешеве узнали лет с десяток назад, когда из Казани приезжали следопыты. Они и просветили.

Всю войну над Мамешевом летали самолеты. Раз вынужденную посадку один совершил. Что-то в моторе неладно было. Так целую неделю его ремонтировали, а потом он прямо с поля взлетел.

Судя по всему, столкновения в воздухе не было - это всего лишь домысел. В документах расследования эта версия даже не рассматривалась. Особисты тщательно искали ниточку вредительства, но ничего не накопали. После катастрофы никаких репрессий на заводе не последовало. Лишь был вызван в Москву прежний начальник аэродромной группы военного представительства, а на его место прислали другого.

Репрессий избежали чудом. В деле есть один документ, который давал основание к приведению массовых чисток. Судебно-медицинская экспертиза при вскрытии тела летчика Ф. Овечкина обнаружила... пистолетную пулю. Резвые чекисты уже сделали стойку, но баллистики дали заключение, что «пуля не имеет следов нарезки от ствола и покинула гильзу в результате разрыва патрона из-за высокой температуры».

Из дела №2195 изъяты донесения заводских «стукачей», которые тоже основательно изучались. Так, в частности, агент «Шилов» постоянно сигнализировал о недостатках в сборе самолетов. Комиссия, расследовавшая катастрофу, пришла к выводу, что все эти недостатки можно отнести к низкой квалификации рабочих, а не к действиям злоумышленников.

Кстати, вскоре с фронта стали отзывать опытных специалистов. Гибель Петлякова ускорила процесс бронирования нужных заводу кадров.

Обстоятельства гибели генерального авиаконструктора В. Петлякова доложили Сталину и Маленкову. В акте комиссии было отмечено,

что «очаг пожара на самолете Пе-2 № 14-11 находился на внутренней поверхности правого крыла и на правой части центроплана имеются следы пожара. Сильно обгорели обшивка правого элерона, поверхность водяного радиатора, шланги трубопроводов. Возможная причина - подтекание бензина в зоне правой мотогондолы».

Было также установлено, что летчик и штурман имели прижизненные ожоги.

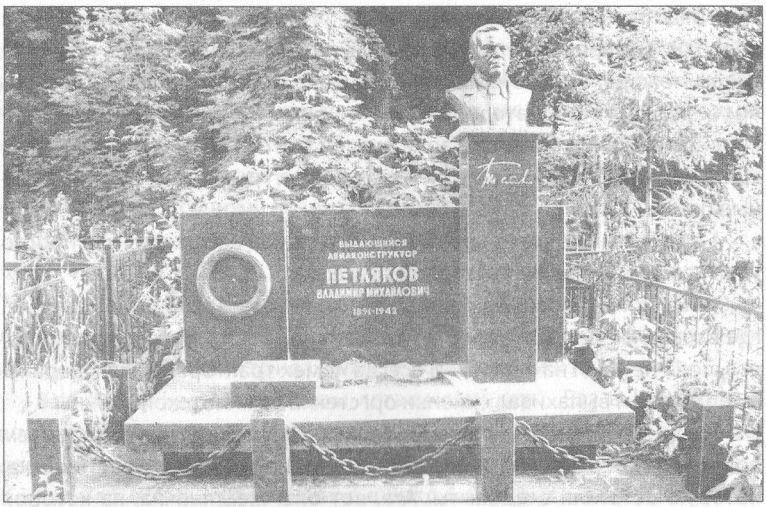
А вот был ли самолет управляем? Шел ли он на посадку или просто упал на поле - останется загадкой навсегда.

Михаил Федорович Клопов вызвался показать нам место на поле, где взорвался Пе-2. Он хорошо знает это поле. Каждую весну он пахал его, пока не ушел на пенсию. И всегда лемех трактора цеплял дюралевую мелочь и выпахивал осколки оргстекла от пилотской кабины.

Мы идем березовой аллеей, шуршим опавшей листвой и собираем попутно подберезовики. Где-то здесь на одной из березок есть метка, которую оставили следопыты. Ага, вот она: жестяночка, на которой зубильцем, что дал ребятам Михаил Федорович, выбиты памятные слова.

Под березой лежат осколки дюраля и оргстекла. Те самые осколки, которые по весне выпахивал колхозный тракторист.

Михаил Клопов и Иван Крылов в войну были мальчишками. Они - последние свидетели трагедии у деревни Мамешево.



Памятник на могиле В. М. Петлякова в Казани.

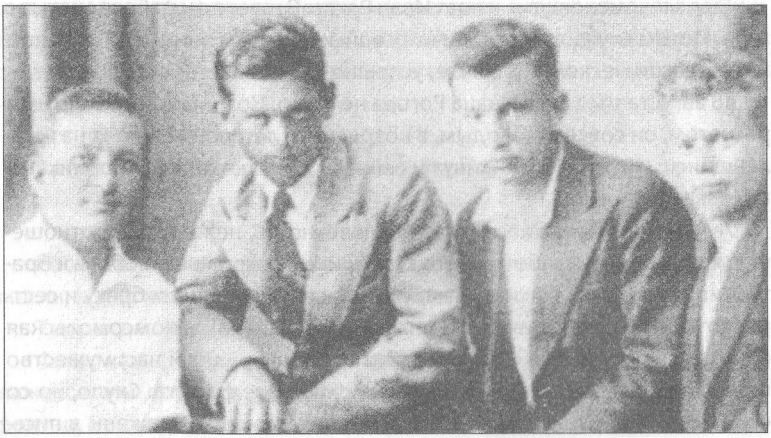
Вот эта жестянка была единственным документальным свидетельством памяти. В прежние времена, когда мы почитали героев и знаменитых людей, здесь мог быть установлен обелиск, но место держали в секрете. Когда его рассекретили, у колхоза не нашлось денег на памятный знак...

И только в 2006 году на месте гибели авиаконструктора появился памятный знак. Попутно открыли памятник погибшему экипажу Пе-2 и в Сергаче.

Тревога Петлякова о том, что завод у него могут забрать, оказалась напрасной. Производство Пе-2 сохранили. За годы войны «пешку» довели, ее полюбили летчики, и покрыла она себя славой и легендами. Всего за годы войны было выпущено 12,5 тысячи пикирующих бомбардировщиков. Для сравнения: немецких фронтовых бомбардировщиков Ю-87 было построено около пяти тысяч.

Летчики говорили о Пе-2: «Наша «пешка» выходит в ферзи». И вышла. Она стала основным советским фронтовым бомбардировщиком в годы войны.

Вячеслав ФЁДОРОВ.
Сергачский район.



«Осилим, должны осилить...»

Все, кто когда-либо работал в горьковской областной молодежной газете «Ленинская смена», называли себя «ленсменовцами». Я - «ленсменовец» 1929-1932 годов. Однако и после - вплоть до начала Великой Отечественной войны - с родной газетой у меня были самые тесные творческие связи. Таким образом, я хорошо знал почти всех журналистов «Ленинской смены» тех лет и с полным правом могу сказать, что история «Ленинской смены» 30-х - начала 40-х годов прошлого века - это история горьковской комсомолии того периода, а мои друзья-«ленсменовцы» – это актив тогдашней горьковской комсомолии, певцы ее героических дел.

*** Они были друзьями, писали стихи, работали в редакциях газет: Александр Опарин, Константин Мутовкин, Иван Рогов, Михаил Горюнов. Никому из них не суждено было вернуться с войны.**

Был «ленсменовцем» и поэт Иван Рогов. В газете он работал четыре года. Потом служил в пограничных войсках. Затем учился в Горьковском педагогическом институте, успешно его окончил - и на фронт.

18 августа 1942 года Ивана Рогова не стало. Командуя минометным расчетом, он совсем молодым, в возрасте 29 лет, погиб в боях на Смоленщине... Но его стихи живут и сейчас. Они издавались сборниками в Москве и Горьком.

Лучшие черты его характера - человечность, нежность по отношению к родителям и забота о своих «стариках»; огромная любовь к брату Мише, который, как и он сам, уже воевал; к младшим брату и сестре, которым тоже вот-вот предстояло уйти на фронт; комсомольская и солдатская верность Родине; собранность в трудный час; мужество в бою; вера в победу - проявились и в письмах с фронта. Скупо, но со свойственной Рогову образностью, лиричностью изображены в письмах и детали фронтового быта.

3.2.42 г., Арзамас

... Вася, пиши мне как можно чаще. Пиши о себе, чем ты занимаешься, что читаешь, что думаешь и пр., и пр. - обо всем. Я тебе по возможности также буду писать, но ты не обращай внимания, если от меня иногда не получишь ответа.

Тебе будет небесполезно, если я скажу, что, оглядываясь на прежнее, сделанное мною, я должен признаться, что прожито много, а сделано мало. В поворотные моменты жизни я всегда делаю как бы счет, подвожу итоги сделанному, и вот теперь вижу, что время, отпущенное мне, я использовал не совсем хорошо. Некоторые мои сверстники утверждают обо мне обратное, но «мы - высший судия». Каждый должен выносить себе приговор перед своей совестью. Я знаю, что в мои годы делали и делают больше.

Учти это. Не ленись, не упускай времени, неустанно, непрерывно работай над совершенствованием себя, не равняйся на товарищей, не утешай себя никогда тем, что ты уже выше их. Имей перед собой более совершенные образцы.

Нам не дала культурных традиций семья и обстановка (они в этом, между прочим, не виноваты), мы всего должны добиваться сами напряженной работой и неостывающей любознательностью. Читай и умей читать, и умей выбирать книги. Надо быть глубоко культурным - это в первую очередь. К двадцати годам люди, получившие хорошее воспитание и образование с детства, уже являются почти сформиро-

ванными, а у нас получается так, что человек в этом возрасте, да и и гораздо старше, не знает даже истории своего народа, не говоря уже о языках. Я говорю о нашей интеллигенции, а не о тех, кто вообще ничего не знает.

Вот пока все.

Привет маме, тяте, Фисе, нянечке, Верочке и всем родным.

Иван.

Вася, запомни слова Рабле: «Со многими это случилось - они не могли, когда хотели, потому что не делали, когда могли».

Только для Фисы.

Фиса, нам с тобой мало приходится говорить по душам, но, мне кажется, мы друг друга понимаем. Минька на войне и вернется, вероятно, не скоро. Ты понимаешь размах и жестокость нынешней войны, понимаешь необходимость ее жертв. Жертв ужасно много будет. Возможно, и Минька не вернется. Я хочу, чтобы вы оберегали маму и тетю от этого известия. Обо мне заботиться нечего, я продумал и прожил больше, чем Минька и Вася. Если Минька не будет долго подавать известия или придет весть о его смерти, приложи все усилия, чтобы наши старики это пережили как можно легче. Ты должна понимать, что стандартные фразы здесь неуместны. Ты должна действовать больше по-семейному, мягко. Заботься о тяте, мне кажется, он очень стал дряхлым. А ведь он не так-то еще стар. Ему по возможности надо создать хорошие условия, хорошее питание (опять-таки по возможности).

Иван.

Здравствуйте, все домашние!

Вот уже вторая неделя, как я нахожусь на фронте. Здесь я минометчик. Около нас идет сильный бой, над нами летают и бомбят немецкие самолеты, но наше подразделение в бою еще не было. В самое ближайшее время я, очевидно, отправлюсь в бой. Что мне еще написать? На войне - как на войне? Если увидимся - расскажу.

Я бы очень хотел получить от вас письмо. Что с Минькой, с Мих. Вас.? Как дела у вас дома? Что нового в Леонтьеве? Пишите подробнее и, чтобы письмо дошло вернее, посылайте одно письмо за другим. Дома ли Вася?

С приветом, Иван.

Адрес: полевая почта 927, 27-й ГСП, минбатальон, 2-я рота, Рогов И. М.

Милый Вася!

С какой завистью я сейчас смотрел, как мои товарищи получали письма! Что же ты, черт бы тебя побрал, не пишешь? Адрес мой тебе известен уже, наверное. Пиши. Надо быть здесь, чтобы понять, как дорого получить письмо. Письма мне нужны больше, чем вам, учти это. А мне что написать? Кое-что я мог бы тебе о войне рассказать, но для этого нужно столько бумаги, и удобного места, и времени! А всего этого у меня мало. Сейчас полулежу в низкой землянке, горит костер, от дыма беспрерывно текут слезы, хочу просушить портянки. Вчера наблюдал, как наша новая артиллерия, которую немцы зовут «адской машиной», испепелила вражеское гнездо. По нам тоже постреливают, но к этому легко привыкаешь.

Привет тяте, маме, Фисе, Вере, няне и всем родным в Павлове.

1 апреля. Сегодня 1 апреля.

3.4.42 г.

Это письмо задержалось из-за отсутствия конверта. В лесу ведь бумаги нет!

6.4.42 г.

На этом месте письмо опять прервалось и задержалось, на нашем участке фронта сейчас идут решительные бои.

Горьковская обл., Сосновский р-н, д. Леонтьево, Рогову Михаилу Петровичу.

Я получил от Фиски два письма. Вот с вами не стало и Фиски. Очередь за последним - за Васей. Три ваших сына и дочь будут участвовать в этой великой войне за жизнь своего Отечества. Крепитесь, старики! Вы остаетесь одни, но знайте, что мы вернемся. Михаил прошел весь путь нашей армии и остался жив. Я прошел зимние и весенние бои и вот жив. Я верю, что мы будем жить и вернемся с победой.

Привет всем. Жду письма от Васи.

С приветом, ваш Иван.

С запозданием хотя, но все-таки поздравляю с Первым мая.

В армии Иван Рогов служил на границе.

14.5.42 г.

Вася!

Получил твое очень хорошее письмо. Шло оно, между прочим, недолго, всего шесть дней. Получил я бумагу, которую, как видишь, немедленно использую. Мне в письмах твоих нравится твоя лирическая откровенность. Что касается дневника, интересно, что ты там обо мне написал? Ты много мне передал приветов, передаю тебе и я: от нашей Красной армии, в частности от нашей гвардейской части; от смоленской весны, которая еще холодная; от уже прилетевших смоленских соловьев, которых я плохо слушаю; от голых еще деревьев, от пулемета, который сейчас строчит по летящему немецкому самолету, от супа, который сейчас мне принесли, и от ложки, которой у меня нет и которую я попросил на обед; от наших минометов, готовых к ураганному бою, от дождя, который начал накрапывать, и от землянки, которая меня скроет от него; от гула пуль и снарядов, от костра, милее чего вряд ли есть, кроме хлеба, сна и табаку; и от меня, сидящего на земле и пишущего на коленях сие письмо, усталого и несколько не такого, каким ты меня видел.

Я хотел написать тебе что-нибудь милое, но, кажется, не получилось. Привет маме, тяте. Кому еще? Как мала стала семья! Ты один там на просторе. Привет няне и Вере.

Иван.

29.5.42 г.

Спасибо, браток, за письмо. Вчера я его получил ночью, читать было нельзя, так как костры по ночам мы не разводим, и сегодня за завтраком я его с удовольствием прочитал. Меня беспокоит, что вы не получаете моих писем, а между тем я шлю вам и открытки, и письма. Надеюсь все-таки, что они придут. Вместе с твоим письмом я получил открытку от Фисы из Богородска. Я ей послал открытку в Ворсму, но она, очевидно, ее не застала. Писал я также и Миньке в Иваново. От него пока ни слуху ни духу. Сейчас я отложил карандаш и еще раз перечитываю твое письмо. Хорошее письмо! У Есенина есть строки:

Не в плохой, а в хорошей обиде
Повторить бы юность мою...

Так вот как ты прервал учебу-то! Ага... Тут есть о чем поговорить. То, что ты говоришь о влиянии на тебя работы, - прекрасно. Но заруби себе на носу: вуз надо кончать! А то, что тебя учит жизнь, хорошо; то, что ты меняешь взгляды на вещи, - это верный признак роста. Роман-

тизм юности должен быть у каждого, кто есть человек. Но и каждый, кто есть человек, должен в определенное время освобождаться от него. Не совсем освободиться, а лишь от определенного романтизма.

Ты скоро пойдешь в армию, и я бы хотел по этому поводу сказать тебе несколько слов. Ты встретишь много трудностей, и не таких, о которых ты можешь подумать сейчас.

Все, что я имею сказать, можно уместить в одно слово: не унывай, не унывай! Что бы там ни было! У тебя чуткое сердце, его легко можно ранить. Ты не обращай на него внимания и говори себе: так надо. Делай то, что требуется делать. Пусть тебя никогда не смущают неудачи, пусть тебя не изводят сомнения, сожаления и желания.

...На днях я написал тебе маленькую писульку, но не успел отослать, отсылаю с этой большой писулькой.

До сих порт здесь стояли сравнительно прохладные ночи и дни, а сегодня тепло. Я лежу на траве, мне выпало свободное время, и вот строчу. Вместе с этим я выпускаю «Боевой листок», со мной остался для работы над ним один парень, который ничего не может, и я злюсь уже второй час. Между прочим, этот парень из Вачского района. А недавно сюда явился молодой человек из Тумботина, который даже знает Костю Мутовкина.

Привет, Иван.

1 июня 1942 г.

Западный фронт.

Сегодня первый день лета. Только что отослал тебе письмо, как получил от тебя новое, где ты сообщаешь, что был на приписке. Да, ну вот, скоро и в армию. Чего тебе пожелать? Если ты действительно попадешь в артшколу, то ничего лучшего придумать нельзя. Имей в виду это, верь мне. В армии, особенно в школе, будь дисциплинированным и прилежным. Хорошенько занимайся, быстрее привыкай к порядкам, все принимай как есть. Все это будет на пользу тебе.

Наши старики остались одни. Это печально. Теперь им будут слать письма четыре бойца. Кто им их будет читать? Сам тятя? Кто первым приедет к ним? Кто последним? И кто совсем не приедет?

Твое упоминание о саде вызвало массу чувств и воспоминаний. О, как я давно знаю этот сад. Неужели он погибнет? Пиши отовсюду, где ты будешь.

Привет, Иван.

(Имеются в виду сильные морозы зимы 1941/42 г.)

Милый мой леонтьевский «обитатель»!

Итак, прежде чем со мной что-либо случится, я тебе должен написать шесть писем, так как ты меня обязал шестью конвертами. Седьмой я отдал приятелю.

Спасибо, браток, за посланный сверток. Только жалко, что в нем я не нашел ни одной строчки, надеюсь, что в ближайшее время ты искупишь свою вину сразу многими-многими строчками.

Между прочим, эта посылка навела меня на мысль, что можно бандеролью посылать и еще кое-что, например, книгу, вырезки из газет и пр. Я соскучился о горьковских газетах. Хорошо бы получить какие-нибудь новые стихи, я так давно их не читал. Или их нет? Печатают ли что-нибудь горьковчане?

Я люблю и читать, и писать письма, хорошо устроившись. И вот сейчас я прерываю свое письмо и закуриваю.

Ну вот, закурил. В остальном устройство, увы, не выходит. Сижу в узкой щели, пишу на коленях. Но прерываюсь надолго - меня требуют...

22.6.42 г.

Возобновляю письмо. Сегодня годовщина войны. Холодный, ветреный, дождливый день. Уже давно, пожалуй весь июнь, здесь стоит чертовски неприятная погода. Зябнется и в шинели. Жалко, такой прекрасный месяц проходит при такой осенней погоде.

Сейчас я сижу и вспоминаю 22 июня 1941 года. Начиная с 12 часов дня я хорошо помню этот день...

Много пережито за этот год. Хорошо бы дожить до 22 июня 1943 года. Чем дольше идет война, тем у меня больше крепнет вера в нашу победу. Армия теперь не та, что была в прошлое лето. Мы многому научились.

Передай привет тяте и маме. Как их здоровье? У мамы все болела нога, как теперь? Между прочим, есть ли у тяти махорка? Посадил ли он ее?

Передай привет няне и Вере. Пусть они пожарят картошки, напекут пирогов и вспомнят о нас, которые все это так любили.

Как-никак, а до свежей картошки и свежих огурцов ты в Леонтьеве должен дожить обязательно. Я на свете ничего не знаю лучше, чем новая, молодая картошка и свежие или малосольные огурцы. Ну разве еще помидоры.

Невдалеке от нас идет жаркий бой.

С приветом, Иван.

Памятник Ивану Рогову на родине поэта в деревне Леонтьево. Та липа, что вы видите, росла перед родительским домом.

29.6.42 г.

Дорогой мой, молчащий корреспондент!

Вы меня испортили: я привык часто получать письма и теперь, когда их нет, я выхожу из колеи. Каждый день я прихожу к писарю и спрашиваю, есть ли письма. И писарь (земляк мой, из Мурома, в гражданстве - бухгалтер) рапортует: «Так точно, письма бойцам и командирам есть; только вам нет». И повесив нос, я ухожу. Что вы там, в зеленом Леонтьеве, делаете? Здесь много ягод, появились грибы, к сожалению, их

некогда собирать. А у вас? Как растет ваша картошка? Когда впервые будете ее есть с новыми зелеными, пахучими, хрустящими огурцами? Если бы на фронт принимались посылки, я бы у вас их потребовал.

Вася, передай Вере, что я недавно получил письмо от ее отца. Он находится где-то на западе, живет хорошо.

Как живут мама и тетя, как их здоровье? Что они делают? Я надеюсь по возвращении найти их по-прежнему здоровыми.

О своей жизни мне сказать нечего. Живу, как и вообще живут на войне. Крупных боев у нас пока нет. Они пока идут на юге. Погода стала теплее, что меня, да и всех нас, обрадовало. А то здесь была очень скверная погода.

Жду письмо.

С приветом, Иван.

16.7.42 г.

Вася!

Получил сегодня твою милую посылку. Сначала я подумал, что в ней одни конверты, но, кроме них, нашел письмо, а потом посмотрел в один из конвертов и увидел, что они не пустые. Очень хорошая выдумка, благодарю тебя за нее. У меня как раз уже не стало бумаги для писем, и твоя посылка пришла кстати. Вася, я пишу торопливо, и у меня сейчас дурное настроение, да не возмутится твоя девятнадцатилетняя душа сухостью послания. Я и сам стал сух. Пусть и сух, война, братец мой! Она заставляет делать то, что нужно для войны.

Со времени последнего моего письма многих моих товарищей не стало, а я все жив. Смерть долго вертелась вокруг меня, но ничего у нее со мной не вышло.

Пока я пишу эти строки, наша артиллерия задает такой концерт немцам! Наша артиллерия - страшная сила, немецкой с ней не справиться.

Здесь много ягод. К сожалению, мало возможности собирать их. Как у вас? Карандаш мой не очинен, дурно пишет, а мне не хочется вставать и идти искать нож. Прости солдата за лень.

Напиши мне о Леонтьеве, об огурцах, картошке, маме, тяте, Вере, няне, о себе.

В более благоприятный час я напишу более вразумительное письмо.

А пока желаю хорошо жить тебе и всем, кто с тобой. Желаю мира и покоя в Леонтьеве, о котором я так часто вспоминаю.

Иван.

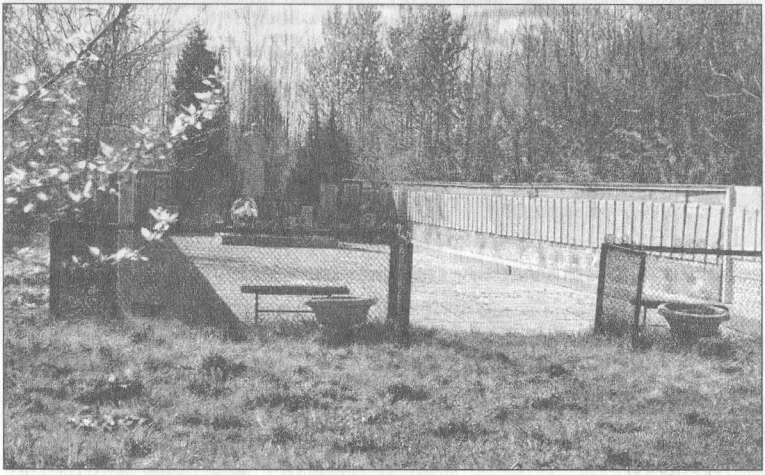
Милый Вася!

Я хранил некоторые твои письма, позавчера их пришлось уничтожить. Но одно я все-таки сохранил, от 11 мая, написанное после проводов Фиски. Я и его должен уничтожить, и вот перед уничтожением я его еще раз прочитал. От него веет многим хорошим. Там есть строчки: «Сердце сжималось от боли при воспоминании о прошлом, связанном с вами. Вспоминались вечера у нас дома, когда ты бывал».

Я с удивлением гляжу на тогдашнего себя: как это так было? А где те люди, которые сидели рядом со мной? Где Сашка Рубанов, Колька Перевезенцев, Наместников и другие? Живы ли они и увижу ли я их когда-нибудь?

Я сижу в кустах, в яме, у меня пока есть свободные минуты. Надо мной день и ночь летят пули, снаряды, мины, наши и немецкие, самолеты. Идет крупный бой. Мы начали наступление крупными силами. Я даже не знаю, какое сегодня число, 7 или 8 июля? Погода установилась хорошая, но по ночам холодно.

В бою я совершенно спокоен. То ли это презрение, забвение смерти, то ли привычка. Но только о смерти не думается, и ее бояться не приходится.



Гвардии сержант Иван Михайлович Рогов, командир минометного взвода 27-го гвардейского стрелкового полка 11-й гвардейской ордена Красного Знамени стрелковой дивизии был убит в бою 18 августа 1942 года. Похоронен в селе Колосове Ульяновского района Калужской области.

Если и из этого боя я выйду живым, то буду верить, что проживу столько, сколько мне захочется. Передавай привет маме, тяте, няне, Вере, напиши, что в деревне, какие вести с фронта о наших людях.

Я надеюсь, что ты еще дома. Твоих писем не было давно. Где-нибудь лежат.

Ну пиши, буду ждать.

С приветом, твой Иван.

Я только вчера закончил это письмо, получил твое. Пиши еще. Я еще жив и удивляюсь этому. Как Мих. В.? Сейчас здесь настоящее пекло. На днях вы прочтете о наступлении наших войск, так вот, это здесь. Это мы.

Иван.

27.7.42 г.

Вася!

Сейчас мы тронемся в путь. Перед отъездом я хочу, пока свободен, дать тебе маленькую картинку войны.

Я лежу на окраине деревни, за которую мы дрались зимой. Вечереет. Солнце закатывается. Это мне напоминает родное Леонтьево, детство.

Но ни мычания коров, ни криков мальчишек, ни голосов баб, ни других звуков, которые бывают в эту пору в деревне, здесь не слышно. Тихий, хороший вечер. Появился в небе серп луны. Слышен скрип телег, но это не телеги с сеном и снопами, то телеги военные. Из 250 домов деревни, домов каменных, ни одного не осталось целого.

Враг не щадит никого и ничего. Во мне кипит, бурлит через край злоба к нему. Одолеем, Вася, одолеем!

Кончаю - пошли.

Привет, Иван.

22.7.42 г.

Пришлось письмо прервать на два дня... Сейчас сюда летят снаряды. На меня сыплется земля.

30.7.42 г.

Вася, вчера получил твое письмо, хотел на него ответить и вот обнаружил это не отосланное тебе письмо. Были сильные бои, и я забыл о нем.

Привет, Иван.

Я познакомил вас с фронтовыми письмами поэта Ивана Рогова. Думаю, что даже те, кто никогда не знал и никогда не видел его, уже по одним только письмам могут представить, каким он был.

Иван Михайлович Рогов родился 27 июля 1913 года в крестьянской семье. Детство его было нелегким, бедным. Его сестра Анфиса Михайловна Сырова рассказывала:

«Семья у нас была большая, одних только детей шестеро. Мы по очереди носили обувь и одежду: старшим купят, а младшие донашивают. Этим, в частности, объяснялось то, почему отец не хотел, чтобы Ваня учился дальше четвертого класса. Но Ваня сказал: «Я у вас ничего не прошу. В чем есть, в том и уйду. Я буду работать и учиться». Тогда отец ответил: «Ну раз так, то иди». Ваня учился в селе Панине. Там и жил. Из дома брал на целую неделю только буханку хлеба. Помню, один раз он пришел домой на выходной день. Валенки у него были такие, что в них и дома ходить уже нельзя. А на другой день отправился он снова в Панино, вышел за деревню в поле, да и возвратился обратно. Заплакал и говорит: «В этих валенках идти нельзя, снег набивается. Дайте мне лапти, но я все равно буду учиться».

Когда началась война, Иван Рогов закончил последний курс Горьковского пединститута и был направлен областным военкоматом в Арзамасское стрелково-минометное училище младших командиров.

Писал ли Рогов стихи на фронте - не установлено. Во всяком случае, ни одного стихотворения того времени до его родственников и друзей не дошло. Не посылал он их и в письмах.

Сколько я ни искал его сослуживцев, тоже никого не нашел. Наверное, никому из них не удалось увидеть День Победы. Были его товарищи пехотинцами, а пули и осколки их не щадили. Слишком длинной была их фронтовая дорога.

Публикация писем
Константина ПОЗДНЯЕВА.

Примечания:

Имена, встречающиеся в письмах:

Фиса - Анфиса Михайловна Сырова, сестра поэта.

Няня - Антонина Михайловна Перевезенцева, сестра поэта. Верочка - ее дочь.

Мих. Вас. - М. В. Перевезенцев, муж сестры Ивана Рогова Антонины.

Костя Мутовкин - молодой поэт, погиб на фронте.

Константину Поздняеву

Если выпадет так:
Затрясет тебя горечь утрат,
И тебе не поможет
Ни друг твой, ни брат,
Ни призыв площадей,
Ни садов утомленных молчанье,
Ни французский язык,
И придешь ты и встанешь
У себя, ни к чему
Прикоснуться не смея,
Одинокий,
Как мамонтов клык в музее,
Друг мой, верное дело:
Раскрой тогда письма мои.
В них присутствуют люди,
Ты вспомни их и позови.
Ремесло их сурово.
Их жизнь молода и трудна.
Им от женщин любимых
Остались одни имена.
Ведь и им открывали
Ночью бесшумную дверь.
Ведь и их заклинали
Магическим словом: «Поверь!»
И они ведь носили
Годами
Святая святых.
Отблеск
Нежных смятений
В зрачках проступает у них.
Вот он выйдет в полночи,
Такой человек.
Сядет он на еще не остывшей траве.
Скажет слово, другое.
Послушает, глянет во тьму.
Скажет третье, послушает,
И никто не ответит ему.

Что же делать? Зажмуриться?
Уши зажать?
До рассвета метаться, метаться?
Бежать?
Слать проклятья, мольбу?

Он в заставу идет.
Проверяет патроны,
Подсумок на место кладет,
Вынимает часы
И ложится в постель,
Пусть за окнами лава
Соловьиных страстей
Ниспадает и крошится!
Он уснул. Он спокоен.
Он иначе не может:
Ремесло их такое.

Иван РОГОВ.

«Приезжайте, друзья мои!»

Вы только что прочитали письма поэта Ивана Рогова, посланные им с фронта. И вот неожиданное продолжение. Односельчане поэта решили возродить деревню, где он жил.

Дорога, ведущая в сторону бывшей деревни Леонтьево, обычно пустынна. И только в канун дня памяти святого Николая Чудотворца здесь можно увидеть длинную вереницу машин разных марок. Это престольный праздник леонтьевцев, на который они приезжают целыми семьями уже 17 лет подряд.

Бессмертный полк теперь есть и в деревне Леонтьево.

А началось все с инициативы краеведа и учителя истории из соседнего села Панина Валентины Сустаевой, обратившейся к землякам с призывом возродить заброшенную деревню Леонтьево - родину известного поэта Ивана Рогова. К тому времени от нее осталось одно лишь название. Дома были разрушены, жители разъехались кто куда. Кстати, Валентина Сустаева написала гимн, которым открывается каждая встреча леонтьевцев.

На сей раз она была посвящена 70-летию Победы. В центре села у фотостенда бессмертного полка леонтьевцев сменяют друг друга в почетном карауле юнармейцы - учащиеся Елизаровской школы.

Минутой молчания почтили сельчане память погибших на фронте земляков - их 34. Из них четверо Роговых, в том числе знаменитый поэт Иван Рогов.

Не вернулись домой четверо Перевезенцевых, столько же братьев Наместниковых, а также отец с сыном Беловы и Бобылевы.

А братья Иван и Анатолий Губановы, которых разлучила война, встретились накануне Победы у стен рейхстага.

Нет уже в живых тех солдат, кому посчастливилось уцелеть на фронте. Но осталась память.

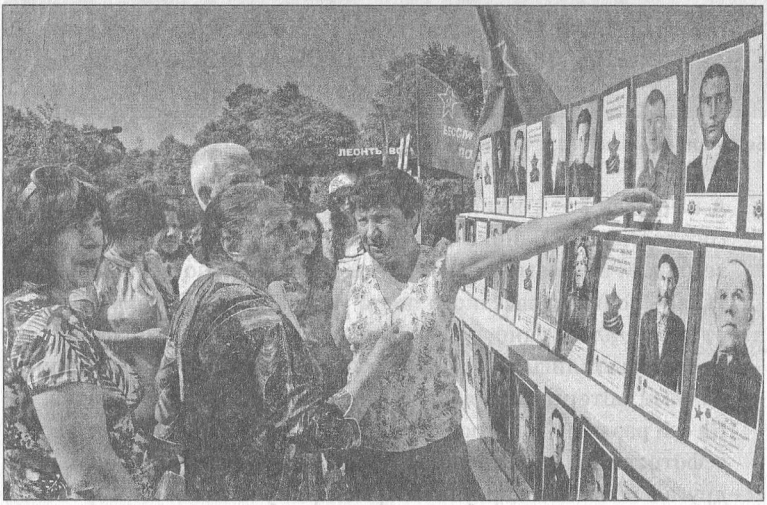
С фотографиями родственников и односельчан колонна бессмертного полка леонтьевцев прошествовала до часовни в честь Святого Николая, где священник отслужил молебен.

- Мой папа Михаил Александрович Наместников прошел всю войну, - рассказывает его дочь Алевтина Юрина. - Он умер 6 лет назад.

Наталья Ловушкина приехала из Тольятти, где давно живет с семьей. В ее руках фото дедушки Сергея Яковлевича Наместникова, погибшего в 1943 году.

- Эта фотография всегда висела на стене в доме моей бабушки, - вспоминает она. - Они коренные жители деревни.

Юная Ангелина Шепелева гордится своим прадедом Александ-



Леонтьевцы верны памяти тех, кому обязаны жизнью.

Молодым ребятам небезразлична слава их земли.

ром Колосовым, на войне он был тяжело ранен в голову. Правнучка фронтовика живет в Нижнем Новгороде.

- Я до последнего дня существования деревни приезжала сюда, - рассказывает ее мама Ольга Шепелева. - Жители отличались добротой, в любой дом можно было зайти запросто.

Среди присутствующих был и участник Великой Отечественной войны Сергей Кузнецов. Он родом из соседней деревни Залесье, но знаком со многими леонтьевцами. Сергей Иванович попал на фронт в первый год войны после окончания павловского техникума и дошел по военным дорогам до Кенигсберга. А в мирное время долго работал преподавателем в Нижегородском институте развития образования.

Николай Наместников был еще подростком, когда началась война, но он хорошо помнит этот день.

- Стояла жаркая погода, у пруда в Леонтьеве было массовое гулянье, собрались жители из ближайших деревень, - вспоминает он. - Вдруг появился верхом на коне представитель райвоенкомата и объявил, что немцы напали на нашу страну. Это было страшное известие. Веселье сменилось плачем и растерянностью. Сразу троих мужчин взяли на войну. А потом стали приходить похоронки.

Жительница Вачского района Алла Рушева, прочитавшая трогательное стихотворение о детях войны, никогда не видела отца -

Фронтовик Сергей Кузнецов стал почетным гостем праздника.

ей исполнилось всего два месяца, когда его призвали в армию. Она как святыню хранит его письма - 87 солдатских треугольников.

- Я их все время перечитываю, - говорит Алла Сергеевна. - И кажется, что отец рядом.

Сергей Перевезенцев, по инициативе которого проводятся ежегодные встречи в Леонтьеве, тоже сын фронтовика.

- Я о своем отце многое узнал в архивах, - рассказывает Сергей Николаевич. - Он был ездовым, ежедневно доставлял продукты питания и патроны на передовую, был трижды ранен.

Сергей Перевезенцев предложил землякам отдать должное женщинам-ветеранам, чтобы их имена тоже пополнили леонтьевский полк.

- Считаю, что создание бессмертного полка - гениальная идея, - сказал сотрудник земского собрания Сосновского района Сергей Малышев. - Россия не забыла своих героев.

Торжественный митинг закончился ружейным залпом в честь всех, кто защищал Родину, кто ковал Победу в тылу.

Возрождение деревни начали со строительства часовни у въезда в Леонтьево в память о разрушенном храме с престолом в честь Святого Николая. Одновременно начали строить три дома. В одном поселилась молодая семья, которая завела большое хозяйство. Но вскоре они вернулись в город.

Сейчас за постройками присматривает еще один энтузиаст - Сергей Чаусов. Он же завел в Леонтьеве пасеку - на встрече всех угощали душистым медом.

- К сожалению, процесс возрождения деревни не такой быстрый, как мы думали вначале, - признается Сергей Перевезенцев.

Отсюда пошел его род.

- Много было непредвиденных обстоятельств - злоумышленники срезали электропровода, сожгли дом и фруктовый сад, который мы посадили на одной из наших встреч. Словом, вставляли палки в колеса.

Мы пообщались с бывшими жителями деревни. Многие из них сейчас живут в Павлове. Например, Ираида Цветова.

- Мы переехали в город, когда мне исполнилось 13 лет, - вспоминает она. - До этого я училась в сельской школе. В Леонтьеве всегда было весело, много молодежи. Только моя бабушка Екатерина Алексеевна воспитала десятерых детей.

Анфиса Губанова - дочь погибшего фронтовика, живет в селе Лаптеве Павловского района. Она работала в колхозе до последнего дня, пока он не распался. Особенно нелегко было в военные годы, когда в деревне не осталось мужчин. Приходилось и косить, и лошадью управлять, и коров доить.

Юность Агриппины Беловой тоже пришлась на военное лихолетье.

Юлия Перевезенцева переехала в Леонтьево, когда вышла замуж. Работала в Елизарове, позднее переехала в это село, вырастила четверых детей.

- В Леонтьеве мы жили дружно, как родные, - вспоминает Юлия Васильевна. - Праздники отмечали всей деревней.

Галина Дувакина родилась в Павлове, но каждое лето ездила в Леонтьево - на родину матери.

- В деревне было очень интересно, - вспоминает она.

У павловчанки Жанны Селеховой тоже самые добрые воспоминания связаны с Леонтьевом. Здесь вырос ее отец Николай Перевезенцев, боевой летчик, сбивший 12 вражеских самолетов.

- Он познакомился с мамой на Кавказе в годы войны, а я родилась в Китае, - рассказывает Жанна Николаевна. - Когда папы не стало, мама вернулась на Кавказ, но каждый год приезжала на встречи в Леонтьево, считала деревню своей второй родиной. А папа не раз говорил: «Люди вернутся на эту землю». Его слова стали пророческими - домов не стало, но жители каждый год приезжают сюда.

Есть ли будущее у деревни? Сергей Перевезенцев, ныне живущий в Тольятти, не теряет оптимизма, уверен, что идея возрождения родной деревни не безнадежная.

- Смотрите, вокруг уже вспаханные поля, гудят трактора, значит, есть работа, - делится с нами Сергей Николаевич. - Построили

часовню - будет и жизнь. Может быть, надо людям выдавать бесплатно по гектару земли, как на Дальнем Востоке, чтобы пашня не пустовала. Нас всех тянет сюда. Когда приезжаю в Леонтьево, заряжаюсь от родных корней.

Светлана ГУНДОРОВА.
Фото Анатолия ЧЕПЕЛЫ.
Сосновский район,
д. Леонтьево.

Приглашение в гости

Три букета цветов я поставлю
на стол.
Первой свежести, диких,
омытых дождями.

Приезжайте, друзья мои!
Белый терновник расцвел.
Восковые кувшинки плывут,
Медуница цветы раскрывает...
И увидите вы, как покрыто
все это
Неподвижным сиянием нашего
красного лета.

Приезжайте! Вам - зори? Я зори
вам дам!
Воздух будет с лугов - хоть
в ладони бери по утрам.
Пирогом угощу вас - вы не ели
таких пирогов -
Белым, пышным, пахучим,
из новой муки, с молоком!
Яблок, что ли, не хватит?
Не одолеть!
Они тучами виснут.
Их клонит к земле.
Может быть, огурцов вам
захочется свежих?

Мы их с грядок возьмем,
принесем их, разрежем,
Посолим и потрем, и сметаной
покроем.

Приезжайте. Я жду вас.
Приезжайте все трое.
А постель вам какая готова!
В ней спят отшумевшие
ливни и запахи мят.
Упадешь и утонешь в сумятице
снов.
Сны смешаются с запахами
цветов.
Только будем ли первую ночь
мы спать?
Я хочу с вами вместе свое
вспоминать.
Я послушать хочу биение
наших сердец.
Я хочу убедиться, где будет
начало, где будет конец
Чистоте наших чувств...
Приезжайте!

Иван РОГОВ.

По путям-дорогам фронтовым...

Писатели-фронтовики оставили нам огромное наследство - свои воспоминания. Это не простое перечисление военных событий, номеров воинских частей и соединений. Главное в них люди, солдаты, встречавшиеся писателям, ставшим на время войны военными корреспондентами. Десятки, сотни имен солдат содержат писательские дневники. Всегда читаешь и по журналистской привычке отыскиваешь имена земляков.

Вот с таким пристальным вниманием читал я два тома военных воспоминаний писателя Бориса Николаевича Полевого. Напомню, что это автор «Повести о настоящем человеке», которую раньше проходили в школе.

* Пути-дороги фронтовые...

В воспоминаниях особое внимание привлекла фигура шофера редакции газеты «Правда», который возил корреспондента по фронтам. Писатель на всем протяжении своих записок называет его просто и уважительно: «Петрович», «мой Петрович», «наш Петрович» - ни имени, ни фамилии.

Вот как описывает Борис Полевой первую поездку на фронт:

«Редакционный гараж выделил мне машину М-1. Как ласково говорят - «эмочку»... Не беда, что старенькая, зато шофером мне определен механик правдистского гаража - молодой, коротконогий, медвежатый парень с румяной и очень хитрой физиономией. По отзыву... он «машинный бог», за которым, однако, по тому же отзыву, нужен глаз да глаз, ибо бывает шустер не в меру.

...С рассветом трогаемся в путь. В мирные времена из Калинина в Москву было три часа езды по отличному Ленинградскому шоссе. Теперь, проехав по этому шоссе километров двадцать пять-тридцать, попадаешь прямо к немцам, и для того, чтобы добраться до Калинина, надо направиться из Москвы на север и сделать широкую дугу. Петрович, как все называют моего водителя, уже принял на себя обязанности начальника штаба и интенданта экспедиции. Раздобыв у кого-то из военкоров карту, он вечером разложил ее на полу и ползал по ней на животе, предлагая маршрут. Сейчас, смело свернув ее гармошкой, он засунул ее за световой козырек. Едва мы отчалили от подъезда, как он заглянул в нее, будто и тут, в Москве, заехав не на ту улицу, мы можем оказаться в руках противника.

Но доехав до Савеловского вокзала, он вдруг чертыхнулся и круто повернул обратно.

- Эх, лопух я, свежие газеты-то забыл.

- А зачем? Утром я прочел «Правду» прямо с барабана.

- Вы! - он посмотрел на меня с укоризненным удивлением, как старшина-сверхсрочник смотрит на салажонка, задавшего глупый вопрос. - Кто о вас говорит?.. Разве можно правдисту без свежей «Правды» на фронт?

Пришлось вернуться. Петрович вразвалочку сбегал в экспедицию и явился с пачкой свежеотпечатанных, пахнущих краской газет.

- Вот теперь порядок, по открытому листу поедем.

- А что такое открытый лист?

- Не знаете? Увидите!

...У поворота на Иваньково я впервые убеждаюсь, сколь предусмотрительно поступил Петрович, запасшись свежими газетами. На

перекрестке шлагбаум, только что сооруженный из источающей золотую смолу сосновой жерди. Два пожилых бойца решительно заворачивают поток машин налево.

- Мы из «Правды», - говорит Петрович. - Вы «Правду» читаете? - и показывает на меня: - Это из «Правды» корреспондент. Корреспонденции писать едет. Вот ты его не пустишь, а на фронте, может, что произойдет, а он опоздает и не напишет. Понял?

Бойцы переглядываются, изучают документы. Вытисненное на красной книжечке слово «Правда» производит впечатление. Хитрый Петрович тянет им газеты.

- Вот, служивые, вам свеженькая. Прямо из машины... Видите парад на Красной площади, товарищ Сталин речь держит.

Шлагбаум поднят. Во весь опор несемся по пустой дороге».

Так началась огромная, во много тысяч военных километров, дорога фронтового корреспондента Полевого и его верного спутника - шофера Петровича. Многие напечатанные в «Правде» материалы с фронта не появились бы, не будь резвого шофера, стремившегося быть всюду первым.

Бои под Москвой... Прорыв под Сталинградом... Наступление под Харьковом... Пылит военная дорога, продирается редакционная машина сквозь поток наступающих войск. Но не все и не всегда выходит гладко. Вот что случилось на Одере.

«...Мы мотаемся в длинном хвосте очереди перед одерской переправой, время от времени сотрясаемой налетами «фоккеров».

Вот тут-то Петровичу и пришла пагубная идея. В то время как машины, танки двигались по жесткому мосту, пехота шла справа по льду. Иногда в ее колонне проскакивал через реку и какой-нибудь резвый «виллис». Петрович все время присматривался к этому обходному маневру, но я решил придерживаться святого лозунга: «Тише едешь - дальше будешь». А время шло.

Тогда Петрович с невинным видом посоветовал мне перейти по льду на тот берег и поискать полуторку, идущую в нужном направлении. Затея показалась резонной.

Но когда, поднявшись на тот берег, я оглянулся, то увидел, что «пегашка» наша уже сбежала на лед и проворно пересекает реку... Ну куда это годится: получил приказ, договорились, черт возьми, к чему испытывать судьбу? В досаде я пошагал было прочь, но с реки послышались крики, возбужденные голоса. Оглянулся, что такое? Там, где только что пробежала «пегашка», чернела овальная промоина, и сол-

даты помогали кому-то вылезать из воды на лед. Было далеко, лиц не разглядишь, но по силуэту я понял: Петрович. А как машина? И тут сердце захолонуло! Эта овальная промоина - могила нашей «пегашки».

Петрович сидел мокрый и жалкий. Вода сбегала с него ручьями и образовывала под ним на льду лужу. Толпившиеся возле проруби бойцы обсуждали происшествие.

Петрович продолжал сидеть над черным провалом во льду, я попытался поднять его на ноги. Он тупо повернулся в мою сторону.

- Встать! - заорал я как можно грознее, как никогда не орал на своего верного водителя и друга за всю войну.

Тут сработал солдатский инстинкт. Он вскочил. Вода стекала с полушубка ручьями, и сам он походил на толстого, вытащенного из ведра щенка.

Может быть, в эту минуту я и узнал в полную меру, как дорог мне этот человек, с которым мы проехали всю войну по многим фронтам. Я жалел «пегашку», как живое существо, ибо все четыре года войны связаны с этой машиной.

Сейчас, когда я думаю о ней, мне даже кажется, что однажды она спасла мне жизнь. Под Калинином корреспондент Совинформбюро и я в дни нашего первого наступления, еще необстрелянные и неопытные, пожелав увидеть войну «в непосредственной близости», в сумерки двинулись по полевой дороге, как мы задумали, на передовую. Ехали резво, с ходу проскочили мосты и очутились на полоске земли, что именуется ничейной. Немцы, видя, что по направлению к ним идет машина, не стреляли, вероятно полагая, что это движутся перебежчики. Наши тоже не били, ибо у машины был фронтовой номер. Первым пришел в себя Петрович. Он не стал поворачивать, дал задний ход. Так, пятясь, мы миновали свои передовые посты и остановились, лишь когда заехали под прикрытие высотки. Ну а если бы в эту минуту отказал мотор? Если бы Петрович стал разворачиваться и застрял в снегу?

В дни, когда на пути нашем пошли сожженные деревни, а уцелевшие избы оказывались так забиты, что и прошагнуть было трудно, Петрович, отогнав «пегашку» на фронтовой авторемонтный завод, реконструировал ее. Переднюю спинку он сделал откидной, так что теперь, опустив ее назад, мы обретали удачные спальные места. Потом, развивая свою творческую мысль, он приделал позади переднего сиденья подъемный столик, так что, остановившись где-то в пути, можно было, не вылезая из машины, писать. Словом, у нас, как у улитки, был подвижный дом с той лишь разницей, что не мы носили его, а он нас».

Май 1975 года. Таким нас встретил Петр Петрович Савельев.

Читаешь дневники Полевого и поражаешься удали и изобретательности русского солдата. Петрович умел из сухого пайка и концентратов приготовить невиданный обед. Петрович умел найти общий язык с любым человеком, и через короткое время тот становился его верным другом. Петрович умел преодолеть в себе страх и броситься в самое пекло боя. И при всем том он это делал не спеша, осмысливая каждый шаг, как делали солдаты, повидавшие на своем веку всякого. Где нужно, он был предельно осторожен. Когда подгоняло время, рисковал, объезжая минированными обочинами забитые грузовиками большаки. Но ни пуля, ни снаряд не брали Петровича. Благодаря фронтовым дневникам он стал фигурой легендарной, сродни Васе Теркину - удаль-

цу, смельчаку и балагуру. Но если тот - герой вымышленный, то Петрович реален. И пора, наконец, вас с ним познакомить.

Жил он на Бору... Да, это так. На тихой Профсоюзной улице стоял большой, старой постройки дом. На четвертом этаже этого дома и жил бывший военный водитель редакции газеты «Правда». Петрович - это его отчество. Полное имя - Петр Петрович Савельев.

- Так ли все было, Петр Петрович, как описывает в своих дневниках писатель Полевой?

- Точно так. Я с большим вниманием читал его книги. Большая часть того, что в них описано, происходила на моих глазах. Я подвозил автора к месту событий. Помню, как на аэродроме под Орлом разыскали летчика Алексея Маресьева. Полевой был отчаянно рад и всю дорогу, пока ехали, все хлопал меня по плечу и твердил: «Понимаешь, Петрович, какой материал. Какого человека нашли, а!..» Мы ждали появления очерка в «Правде», с трепетом разворачивали каждый номер, но безуспешно. Потом Полевой объяснил мне, что очерк не печатали только потому, чтобы не давать гитлеровской пропаганде повод порассуждать о том, что в Советском Союзе нет летчиков и оттого летают безногие.

- Фронтовые дороги... Что возникает в вашей памяти, когда произносят эти слова?

- Наши верные друзья - машины. Фронтовые дороги - это, прежде всего, бездорожье. Иногда выйдешь из кабины, посмотришь на то, что называется дорогой, и в ужас приходишь. Но глаза боятся, а руки делают. Мы ведь на фронте представляли газету «Правда». Сотни тысяч ее читателей в окопах, штабах, госпиталях в тылу ждали весточек с фронта. Только представить это, так машина сама покатит.

- А вы как стали шофером «Правды», Петр Петрович?

- Сам я уроженец Тульской области. Когда мне было двенадцать лет, родители перебрались в Москву. Здесь окончил курсы шоферов и был призван на военную службу. Служил водителем на Дальнем Востоке, далеко от дома. Возил многих военачальников, в том числе Федько и Блюхера. После увольнения в запас пришел работать в «Правду». Беспокойная работа нравилась. Возил Емельяна Ярославского, Всеволода Вишневского, Михаила Кольцова, многих известных фотокорреспондентов. С фронтовыми дорогами впервые столкнулся еще на финской войне.

- Петр Петрович, в дневниках Полевого отмечается, что вы и сами не были чужды газетному делу и всегда носили с собой фотоаппарат.

Калининский фронт. 1942 г. Куда же теперь ехать? Борис Полевой второй слева.

- И такое было. Фотоаппарат частенько выручал. Бывало, забарахлит машина, покопаюсь в ней, вижу, дело безнадежное. Беру фотоаппарат и иду в любую автороту. Поснимаю солдат, принесу фотографии... и за машину не беспокоюсь. Своего рода военная хитрость, но как без нее.

Иногда снимки просили газеты, начинавшие издаваться на освобожденной территории. К маститым фотокорреспондентам не подступишься - им некогда, свои газеты ждут фотографий, а я выручал.

Была у меня мечта - сфотографировать дорожный указатель, где бы отмечалось, что до Берлина осталось 165 километров, а от Москвы мы прошагали 1865 километров. Почему такая мечта? Видел я немецкий указатель под Можайском, где все было наоборот. Злость тогда меня разобрала. Слишком уж гордо стоял тот указатель в высоком сугробе. Так всю войну и нес я свою мечту и уж не прозевал, когда ехал по дороге и увидел указатель, о котором мечтал.

Однажды, уже в конце войны, фотографировал Ивана Степановича Конева. Я подъехал к его штабу на машине. Вдруг подбегает ко мне адъютант командующего и говорит, что меня зовет Конев. Ничего не понимая, я спешу навстречу маршалу. Он обращается ко мне: «Петрович, за войну фотографировали меня многие, а ты нет. Сделай фотографию на память». Я его снял на скамейке без парадного мундира

во время отдыха. Мне Полевой потом рассказывал, что фотография понравилась маршалу и он говорил фотокорреспондентам: «Вот как учитесь снимать». Это, конечно, преувеличение моих любительских способностей, но тот снимок у меня забрали фотокоры, и, говорят, уже после войны он был на одной из выставок.

- А что вы скажете о своем спутнике Борисе Николаевиче Полевом?

- Прямой, честный и душевный человек. Очень непрактичен. О себе заботиться совершенно не умел. Бывало, уедешь куда-нибудь, вернешься, спросишь : «Поели чего?» Как всегда, он отвечал, что нет. Целыми днями жил на гороховом концентрате: носил пачку в кармане шинели и жевал.

Солдаты его любили. Знали. Часто читали корреспонденции в «Правде». Перед их судом не соврешь.

После войны обосновался Петр Петрович Савельев на Бору и работал на заводе «Теплоход» бригадиром в кузнечно-прессовом цехе. Здесь его знали как отзывчивого и доброго человека. А сколько учеников он выучил.

За свои боевые дела Петр Петрович отмечен орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Москвы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войнё».

Хотелось спросить, как закончилась для него война, но думаю, что убедительнее, чем Борис Николаевич Полевой, об этом не скажешь:

«Въезжаем во двор московского дома, где я живу... Двор еще загромождён ржавыми тракторами - остатками баррикады, которая преграждала когда-то нашу улицу. Сманеврировав между ними, Петрович с шиком подводит машину к подъезду. Лифт, конечно, не работает. С солдатским мешком за плечами вбегаю на пятый этаж.

...Удивленно смотрит жена, склонившись над кроваткой дочери, плетенной из ивового прута. Смотрит удивленно, и слезы заливают ее серые глаза.

... А в распахнутой двери расплывается круглая и красная, как луна в мглистую ветреную погоду, физиономия Петровича. Он с удовлетворением выговаривает «немецкую фразу» собственной конструкции: «Аллес нормалес...»

Анатолий ВОСТРИЛОВ.
г. Бор.

Шел войной художник

Имя художника Николая Жукова хорошо известно. Мы с детства помним его рисунки к книгам о Ленине. Сегодняшнее появление его военных рисунков в книге «Возвращенные имена» не случайно. Мало кто знает, что Николай Николаевич Жуков имеет отношение к Нижнему Новгороду.

Во-первых, он здесь учился. В 1926 году он поступил в Нижегородский художественно-промышленный техникум, откуда за значительные успехи был переведен в Саратовское художественное училище.

Во-вторых, корни рода Жуковых нижегородские. Волжскими купцами были дед и прадед художника. Николай Николаевич любил бывать на родине своих предков.

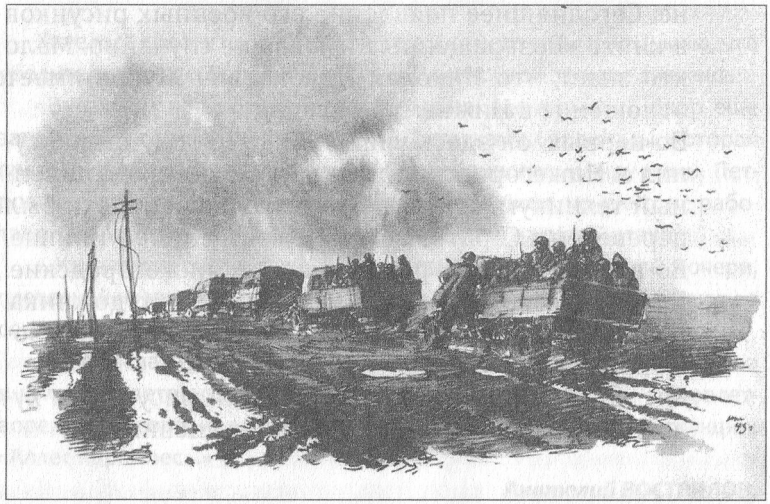
Мы познакомим вас с фронтовыми рисунками художника и строчками его военных дневников.

*** Николай Жуков. 1942 г. Калининский фронт.**

Из дневника Николая Жукова

За пять дней до начала войны, 17 июня, я получил извещение из военкомата явиться для прохождения учебного сбора. 18 июня был мой последний цивильный вечер, а утром 19-го холодный металл стригущей машинки смахнул мои кудри в общую кучу. Очень не хотелось прерывать работу даже на срок учебного сбора. Кудри вырастут и даже будут еще лучше. А времени жаль. Я напряженно работал последние годы и был одержим в творческих поисках.

...Поезд с солдатами отходит от перрона. Нервно плывет толпа провожающих. Среди всех, торопливо взмахивая руками, судорожно сжимая платки, бегут, стараясь не отстать от поезда, родные, устремив влажные от слез глаза, полные любви, веры и благословения. Я подумал тогда, как можно выразительно в манере импрессионизма создать эту картину, «мутно видимую» как бы через покров слез, так много пролитых в тот год. Ехали мы на учебный сбор в город Молодечно. Объявление войны застало в Великих Луках. Потрясение было невероятным. Даже мирные строительные бревна, сложенные на платформах встречных поездов, воспринимались как дула орудий. Закаты солнца казались недобрыми, зловещими.



Дороги войны. 1943 г.

Из биографии

Начало Великой Отечественной войны Жуков встретил в Белоруссии. В первые месяцы он ушел на фронт солдатом. Уже в августе 1941 года Николай Николаевич был назначен фронтовым художником 29-й армии Калининского фронта (она почти вся погибла на Ржевско-Вяземском плацдарме). Рисунки печатались в армейской газете Калининского фронта, которая называлась «На разгром врага». Только за первые 4 месяца пребывания на фронте Жуков сделал более 100 рисунков.

Солдаты часто стояли у него за спиной в то время, когда художник делал наброски, и наблюдали за работой. Сам художник рассказывал об этом: «Я был весь мокрый от волнения, так хотел, чтобы меня не подвел карандаш, потому что от меня ждали правды - похож или не похож. В эти минуты я не мог сказать: «Отойдите, не смотрите!

Из дневника Николая Жукова

Однажды, в холодный снежно-вихревой день, когда небо и земля образуют одну общую белую тьму, когда никто не мог ожидать налета авиации, какой-то дикий фашистский бомбовоз обрушился на деревню Двойню, где в то время располагалась наша редакция. Произошло это часов в 12 дня. Печатался очередной номер газеты, и каждый занимался своим делом. Неожиданно сразу над крышей дома раздался гул. Самолет летел очень низко, так как видимость, даже на дороге для автомашин, была слабой. Внезапный грохот создал впечатление, что самолет задел трубу нашей избы... и вслед за этим мы услышали взрыв бомбы. Почти прямым попаданием она угодила в дом наискосок от нас. Убиты были двое детей, хозяйка-мать, сотрудник нашей редакции и шофер. На фоне метели с улицы был виден разрушенный дом. Как в кривой бревенчатой раме, в уцелевшей тремя стенами комнате стоял стол, на нем горячий самовар, упавшая на лавку икона. Повсюду виднелись какие-то вещи, придавленные бревнами и досками. Теплое, живое дыхание комнаты с самоваром запомнилось навсегда. Долго и упорно ломами копали могилу. Земля мерзлая, поддавалась туго. Похоронили недалеко от деревни. Минута молчания, холодный ветер трепал волосы, слезы застывали на щеках. Разошлись после троекратного оружейного залпа.

...Политуправление фронта организовало совещание работников печати редакций армейских и дивизионных газет, и поехавшие на это совещание наш редактор газеты и Фабиан Гарин попросили у

Минута молчания. 1942 г.

меня папку с рисунками, чтобы показать их фронтовому начальству. Вернулись они, поняв ошибочность своего поступка. Во фронтовой газете Калининского фронта, где проходило совещание, работали журналисты и поэты Борис Полевой, Семен Кирсанов, Ираклий Андроников, Борис Ивантер и другие, принявшие решение издать сборник очерков и рассказов о героях Калининского фронта. У каждого из них накопилось много интересного фронтового материала, а пущенная по рукам на совещании для просмотра моя папка рисунков подкрепила эту мысль и встретила одобрение и просьбу к политотделу фронта - вызвать художника армейской газеты «На разгром врага» Жукова для иллюстрирования намечающегося сборника. Так в марте 1942 года я был откомандирован в распоряжение политуправления Калининского фронта...

Из биографии

С 1943 года Жуков стал военным корреспондентом «Правды» и был назначен художественным руководителем студии имени М. Б. Грекова. Военные художники постоянно бывали в партизанских отрядах, делали иллюстрации к готовящимся к выходу военным рассказам, рисовали плакаты.

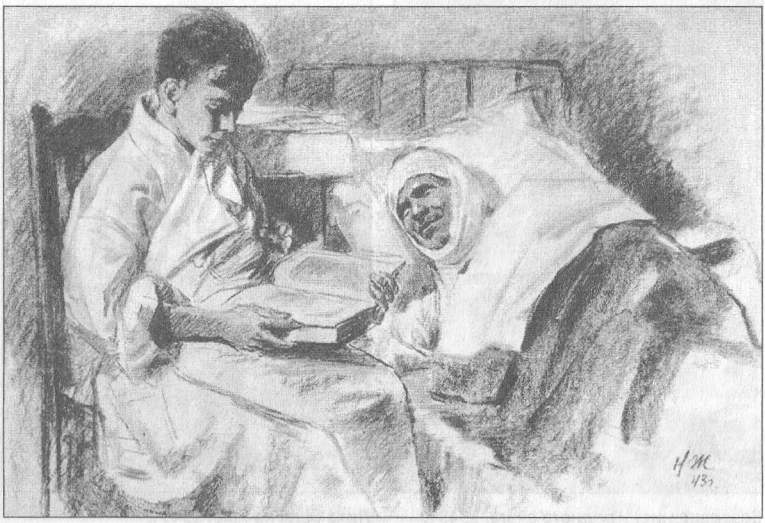
Возвращение. У родного очага. 1943 г.

Лиха беда начало. 1943 г.

Из дневника Николая Жукова

Мы двигались вместе с боевыми частями и были свидетелями полного разгрома немцев, начиная от форсирования реки Прони, взятия Могилева, освобождения Минска, Вильно и выхода на Неман, в направлении на Каунас. Зная немецкую организованность, дисциплину, стойкость и цепкость в бою, мы поражались мощи наших ударов. Разбиты все боевые порядки немцев, массовое пленение, на всех дорогах брошенная техника, обозы, имущество, повсюду следы подлинной паники. На полях колосилась спелая рожь, светились полевые цветы, пели птицы, а в хлебах разлагались на жаре сотни неубранных трупов немецких солдат. Все мы сделали тогда большое количество рисунков. Сама жизнь подсказывала на каждом шагу острые сюжеты и темы.

На окопах Сталинграда. 1943 г.



В госпитале (в гостях у защитника Сталинграда). 1943 г.

* * *

Вечером поехали к партизанам - завтра будет парад партизан Белоруссии. На огромном плацу расположились бригады партизан, около 150 тысяч. Картина для Сурикова: дымятся котлы, пасутся лошади, коровы, бригады расположены кучно, каждая на отведенном ей месте, с боевыми знаменами, и каждая бригада с чем-то обязательно отличительным - или с ученым петухом, или с особенным разнаряженным козлом: на рогах зеленая сетка, с ремнем на брюхе и с трофейным пистолетом. На речке гранатами глушат рыбу и тут же, на берегу, жарят, варят уху, запивая все самогоном и трофейным вином. К параду строят трибуны.

... Парад прошел великолепно: козел, о котором я упоминал, шел в колонне, важно держа дистанцию, и шел в такт оркестру - все поражались сказочному козлу, рассказывают про него диковинные вещи.

* * *

В Вильно получили разрешение на работу, ордер на квартиру, зарегистрировались в комендатуре.

Заснули в 3.30. Кругом были пожары. Начался налет после ужина, когда только расположились, впервые сняв сапоги, штаны и гимнастерки. Как я упоминал, дом был рядом с товарной станцией, где сей-

Николай Жуков. Плакаты военной поры.

час стояло большое скопление воинских составов, а на возвышении, что возле дома, находилась зенитная батарея. Так что налетевшие самолеты бомбили именно этот участок с ужасающим остервенением. При первом ударе прямым попаданием был разрушен дом, стоящий от нас через дорогу. Взрывной волной у нас в комнате вырвало оконную раму, и со стены сорвалось тяжелое зеркало, которое теперь, как

Победа! 1945 г.

маятник, качалось над нашими головами. Многие товарищи, когда началась бомбежка, успели выбежать на улицу и укрыться в земляной щели. Аввакумов и я посчитали неудобным оставлять хозяйку с ее маленькими детьми, которые проснулись и, естественно, были в ужасе от всего происходящего. Мы лежали с Аввакумовым на полу в комнате хозяйки, прижав к себе ее детей. На всю жизнь останется в памяти, как рука моя сжимала теплую ладонь мальчика, а в ней четко пульсировало его волнующееся детское сердце. Каждая бомба, казалось, падает как раз на тебя, но страха не было. Все сознание было заполнено ощущением справедливости нашего дела, а близость детей заполняла сердце верой в победу жизни...

* * *

В три часа ночи проснулись от бешеной пальбы. Бьют автоматы, зенитки. Суматошная пистолетная стрельба. Трассирующие пули, слышны перебежки. Стрельба в нашем районе, иногда выстрелы где-то совсем рядом. Все встревожены. Возникли разные предположения: восстание, облава на оставшихся в засаде фашистов или бандитов, революция, десант. Стрельба становится страшно беспорядочной. Слышно уже в разных концах города. Все оделись, проверили пистолеты, вышли вниз. Там узнали от бойцов, что выступает Сталин. В комендатуре пошло оживление. Чистят, топят, жарят. Комендант нас поздравил с заключением мира.

Вячеслав ФЁДОРОВ.

«Дорогая мама!»

Так начинались письма, приходившие с фронтов от воюющих сыновей. Были письма с таким обращением и от товарищей, извещавших о героической гибели солдата. В каждой строчке звучал призыв к мщению. Иногда эти письма становились достоянием всех - их печатали в местных газетах. Мы перелистали газеты военных лет и нашли эти письма.

Июнь 1941 года. Получатель Ольга Дмитриевна Ларина.

Пишу с фронта! Дрались с врагом в окружении. Пробивались к своим. Под Черновцами вновь бой. Отходим на восток.

Возле Бердичева вновь наша дивизия вступила в бой. Три дня дрались упорно и остервенело. В этом бою наш полк уничтожил несколько десятков вражеских танков и послал на тот свет множество солдат. Город горел три дня от артогня. Немцы подтянули 500 танков, полк наш не успел отойти, попал в окружение без снарядов, прорывался группами. Проскочили через колонну немцев. Враг двигался по дороге, не заботясь о тыле. Мы идем почти параллельно немецким колоннам. Прошли с боями в Киев. Не счесть, сколько раз попадали под бомбежку. Пока цел. Враг боится нашего артиллерийского огня. До ужаса фашисты боятся штыковой атаки.

Когда кончится война, неизвестно. Известно только, что война будет жестокая и обе стороны несут потери. Мама, обо мне не беспокойся. Мама, меньше плачь обо мне. Я постараюсь выжить. Жди!

(Красноармеец Сергей Ларин убит в бою у села Янчик Тернопольской области в 1944 году.)

Лето 1942 года. Получатель Вера Ивановна Ломакина.

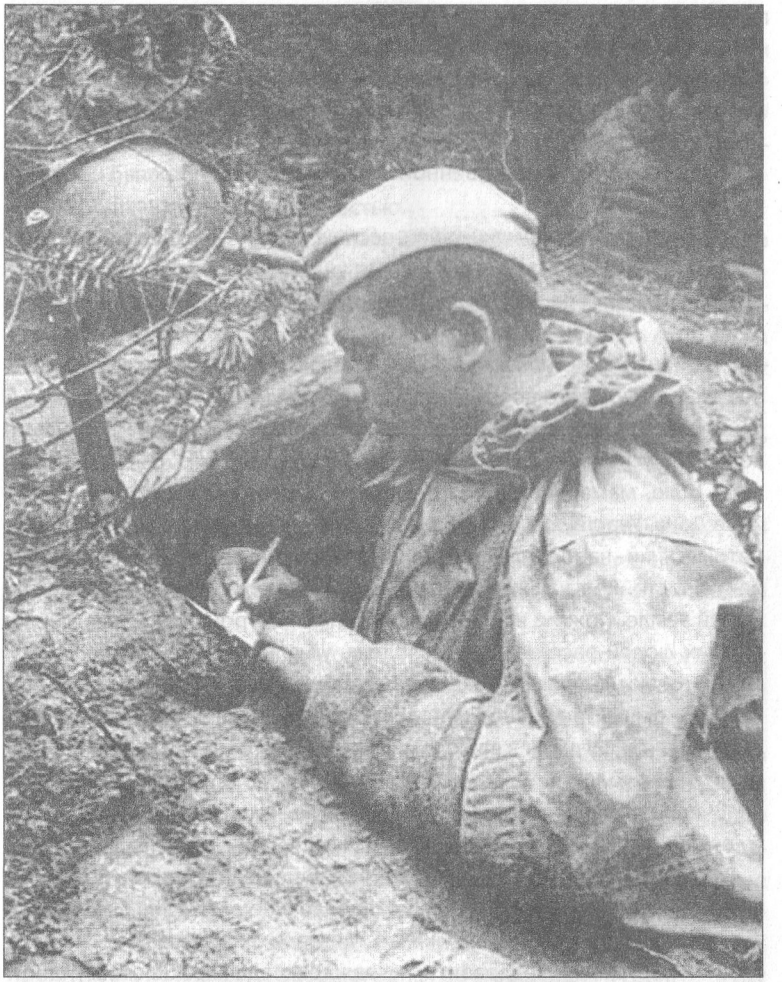
...Я неплохо воюю. На моем счету несколько десятков фашистов. Я мщу за все, что видел.

Второй год напряженных боев. Второй год мы оторваны от семей, но вспоминаем вас каждый день. Здесь каждый выстрел по врагу сопровождается словами: «Это за мать, за сестру, за дом, за поруганную Родину!» Много у меня товарищей, у которых семья под игом фашистов: им некуда писать, не с кем поделиться мыслями о себе. Они спрашивают меня: как там живут, как работают, как помогают нам ковать победу горьковчане?

Враг в злобной ярости сжигает села, деревни, издевается над мирными жителями, над стариками, детьми. Мы видим все своими глазами, глазами злости и ненависти. Мама, в такие минуты мысленно я хочу убедиться, что вы в тылу отдаете все силы на помощь фронту. Перед издевательствами фашистов блекнут ужасы средневековой инквизиции. Но близок час расплаты.

Придется фашистам оглянуться назад, держать ответ за все свои злодеяния. Не уйти им от возмездия.

Никогда не забуду я крик ребенка, нашего советского ребенка, поднятого на фашистский штык. Я видел женщин, сошедших с ума, с



мертвыми детьми, я видел четырехлетних детей, плачущих над трупами матерей. Я видел повешенную женщину, к ногам которой были привязаны два ее ребенка.

Мама, я знаю, ты очень любишь детей, не плачь, читай до конца. Рука крепко сжимает автомат. Мщение! Наша месть будет жестокой. Мы клянемся в этом и клятву выполним с честью.

Мама, в это тяжелое время преданность сынов Родины расценивается по делам в боях с врагом. Меня здесь под свист снарядов и пуль принимали в ряды Коммунистической партии. Я поклялся все силы положить на благо Родины, до последней капли крови драться с врагом. Победа или смерть - иного решения не может быть.

Будь твердой и мужественной. Крепко тебя обнимаю.

Твой сын Алексей Ломакин.

(Судьба Алексея Ломакина неизвестна.)

Январь - ноябрь 1942 года. Получатель Татьяна Викторовна Голубева.

...У меня радостная весть. Срочно на работу принесли повестку из военкомата. Вместо военно-воздушного училища меня направляют в пехотное, что ж, быстрее попаду на фронт. Едет нас трое. Проводили, пожелали успехов.

... Шлю, мама, тебе и сестренке свой боевой гвардейский привет из-за Дона. Участвую в боях как автоматчик. Обо мне не беспокойтесь. Автоматчики - народ дружный, в обиду никого не дадут. Бьем фашистов без жалости. Да и как же не бить? Увидели бы вы, что они натворили на нашей земле. Пожгли все дома, колхозные постройки, все разрушили. Многих людей расстреляли, молодежь угнали в гитлеровскую Германию. Отольются фашистскому зверью слезы. Бьем и будем бить.

В одном из боев ранен мой друг Коля Карпов. О том, что убит Володя Асянин, я узнал из вашего письма. Жаль товарища и друга. Буду мстить за него.

Вчера побывал на батарее у Виктора Тарасенкова. Пекли и ели картошку. Читали письма.

... Поздравляю вас с 25-й годовщиной Великого Октября. Седьмого в блиндаже у нас было празднично, весело и немного грустно. Все мы вспоминали свою довоенную жизнь. Мечтали о будущем.

... Можете меня поздравить, награжден медалью «За отвагу».

(Гвардии старшина Владимир Голубев погиб 25 января 1944 года у села Оситняжка Новомиргородского района Кировоградской области.)

Октябрь 1942 года. Получатель Вера Николаевна Холодова.

Смерть вырвала из нашей среды вашего любимого сына, Виктора Ивановича, бесстрашного воина, мужественно сражавшегося с немецкими оккупантами.

Ваш Виктор был храбрецом. Личным примером он воодушевлял товарищей по оружию на славные боевые дела. Он до конца жизни был предан Родине, честно выполнял свой долг. Перед боем он заявил:

- Родина меня вырастила и воспитала. Я клянусь до последней капли крови быть преданным ей.

Эту клятву он выполнил с честью.

И мы хотим сказать вам: «Спасибо, Вера Николаевна, за то, что вы воспитали такого солдата».

На похоронах вашего сына товарищи по оружию поклялись отомстить за его смерть проклятым фашистам. Враг был разбит и отброшен. Он крепко поплатился за павших в бою. Память о вашем сыне будет вечно жить в наших сердцах.

По поручению митинга: майор Амосов, ст. политрук Дмитриев, сержанты Петропавловский, Евсеев, Семерин, Саттаров.

Декабрь - январь 1943-1944 гг. Адресовано Анне Григорьевне Батыревой.

Шлю тебе свой любящий офицерский привет с фронта и крепко целую.

Дорогая мама! Я жив и здоров. Нахожусь в ожесточенных боях с врагом, который бежит в свою проклятую Германию. Скоро война перейдет на его территорию, тогда мы заплатим во сто крат.

Я все так же командую разведкой. 26 декабря, то есть позавчера, взял шесть фрицев в плен - одного офицера, двух унтер-офицеров и трех солдат из дивизии СС «Мертвая голова», а также захватил у врага рацию и телефонные аппараты с документами. Обо мне будет написано в газете нашего фронта. Вырезки я вам пошлю, а сколько их я все собирался послать, да так и не собрался. Боялся, вы подумаете, что хвастаюсь! Мама! Я вновь представлен к правительственной награде. Прошу тебя, не плачь, не расстраивайся обо мне. Береги себя, а я буду бить врага еще сильнее, чтобы ускорить нашу встречу, путь к которой лежит через Берлин. Не беспокойся обо мне. Я живу очень веселой жизнью. У меня есть все, что едят немцы по праздникам. Привет тебе от друзей-разведчиков.

...От вас получил пять писем, которые вы все прислали под Новый год. Да! Действительно, я встретил 1944 год так, как встречают на фронте. Ровно в 12 ночи, т. е. точно в новый и старый год, я вынул часы

и показал время фрицу-эсэсовцу, которого я взял с тремя разведчиками в 11 часов ночи 31 декабря 1943 года. Я вспоминал вас, всю свою прошедшую жизнь и надежды на будущее. Пленный эсэсовец опустил голову.

Мама! Если бы только знала, как я их ненавижу и как фашисты боятся нас, советских разведчиков!

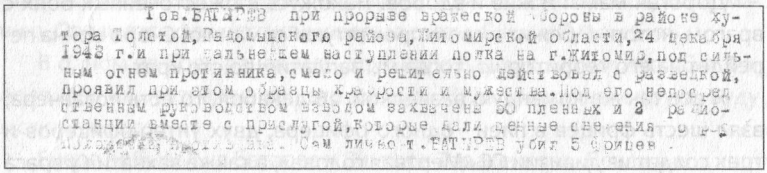
У меня уважение и жалость только к тем, кого люблю и уважаю. А эта сволочь храбрится до тех пор, пока ее не бьют. А против молодцов эти волки - овцы. Я знаю, что их надо бить, бить и бить, только так можно скорее закончить войну, которую они сами затеяли. С Новым, 1944 годом!

...Я здоров, чувствую себя хорошо. Об одном прошу тебя, мама, не плачь обо мне. Я вернусь домой живой и здоровый.

Я научился воевать и овладел военным искусством.

Я уже не мальчик, а солдат, мама! Пишите мне чаще, ждите меня и надейтесь. Вернется живой твой Лева, и дважды орденоносным вернется. Не падайте духом, враг скоро будет добит окончательно.

Вспомните мои слова в будущем и скажете, что я был прав!..


Тов.БАТЫРЕВ при прорыве вражеской обороны в районе хутора Толстой, Радомышского района, Житомирской области, 24 декабря 1943 г. и при дальнейшем наступлении полка на г.Житомир, под сильным огнем противника, смело и решительно действовал с разведкой, проявил при этом образцы храбрости и мужества. Под его непосредственным руководством взводом захвачены 50 пленных и 2 радиостанции вместе с прислугой, которые дали ценные сведения о [illegible]. Сам лично т.БАТЫРЕВ убил 5 фрицев.

Из представления Льва Батырева к награждению орденом Александра Невского.

(Лейтенант Лев Александрович Батырев, 1921 года рождения, командир взвода пешей разведки 1-го стрелкового полка 99-й Житомирской стрелковой дивизии погиб 4 марта 1944 года у села Тадиушполь Полонского района Хмельницкой области.)

Сентябрь 1943 года. Адресовано Александре Яковлевне Денисовой.

Мужайтесь, горе стучит в ваш дом, тяжкое материнское горе. Нет больше вашего сына Бориса. Защищая Родину, вас, любимую мать свою, он совершил бессмертный подвиг и пал смертью героя.

Это было в начале июля, когда немцы повели отчаянное наступление. Тяжелыми танками, так называемыми «тиграми», хотел проклятый враг проложить дорогу на восток к Москве. Родина приказала нам не пропустить немцев, не дать им ни вершка священной русской земли.

Мы так и сделали. Танкисты-богатыри наши грудью загородили немцам дорогу.

Борис, командуя танком, был в первых рядах сражающихся. Из своей пушки он сжег четыре «тигра», восемь автомашин, уничтожил два самоходных орудия и истребил до 150 немцев. Он проявил бесстрашие, офицерское мастерство, стальную волю большевика. Его назначили командиром танковой роты. Тут же, на поле боя, парторганизация приняла его в свои ряды.

- Клянусь вам, товарищи, - взволнованно сказал тогда Борис, - я не посрамлю высокого звания большевика.

И он свято, до конца, сдержал свою клятву.

Под вечер восемь «тигров» пытались прорвать оборону в нашем направлении. На этом участке Борис был со своей машиной. Смело он принял неравный бой. Немцам удалось поджечь его танк. Он мог покинуть машину. Но тогда враг прорвался бы. Дороже жизни была для Бориса Родина и вы, родная наша Александра Яковлевна, олицетворяющая всех советских матерей. Вас видел он в эту минуту. Вас защищал он, совершая бессмертный подвиг. Из горящего танка продолжал он разить врага, сжег два «тигра» и один подбил. Погиб, но не пропустил немцев.

Вечная слава богатырю-герою Борису! Командование представило его посмертно к высокой награде. Золотом на мраморе будет посмертно сиять его имя. «Тигр» № 824, подбитый им, отправлен в Москву как свидетельство могущества русского оружия.

Верьте, Александра Яковлевна, мы сможем отомстить за смерть Бориса.

Пусть вызовет в вас это письмо не слезы, а негасимую материнскую ненависть к немцам, лютым врагам нашего народа и всего передового человечества.

У вас не стало сына. Мы будем вашими сыновьями. Благословите же нас, мама, на новые подвиги во славу нашей любимой Родины.

С горячим сыновним приветом капитан Г. Федоренко, дважды орденоносец, кавалер ордена Александра Невского, капитан И. Волошенко, трижды орденоносец.

1941-1943 гг. Получатель Анна Федоровна Шумихина.

...Мама и все родные. Началась великая историческая война, которая должна решить судьбу мира. Держитесь крепче друг друга. Главное - мужество. Больше выдержки, хладнокровия. Мы победим. Мы обязательно победим...

...У меня жизнь по-прежнему боевая. Часто выходим в море. Трудно, конечно. Но унывать некогда. Да и кому пожалуешься? Ведь лишений на всех поровну...

Я не был рожден для моря. Но сейчас уже привык к качке, к бомбежкам, выполняю все свои обязанности как положено...

На днях весь личный состав нашей лодки был представлен к награде. Я получил орден Боевого Красного Знамени.

...Сегодня мой боевой товарищ Митрофан Пешков получил от своей 65-летней матери письмо. Старушка жила в Воронеже. Но вот пришли враги и ее, как и других, погнали в немецкий тыл... Она пишет, что шла пешком сотни километров. Немцы издевались над женщинами, били их резиновыми палками. Сейчас она в Курской области. Хорошие люди нашлись, приютили ее, кормят. А самим тоже есть нечего. Поэтому я хочу попросить вас вот о чем. Если сможете, соберите посылочку для матери товарища.

Я ему пока ничего не скажу. Но если мы будем помогать друг другу, то фашистам нас не сломить.

... Потомки будут завидовать мне и моим сверстникам, потому что не им, а нам пришлось под градом бомб и снарядов отражать удары душителей свободы; не им, а нам пришлось не раз встречаться со смертью, утверждая на земле справедливость.

Бой во имя будущего - вот счастье юности нашей.

Я верю, что придет такое время, когда сыновья не будут умирать с горькой мыслью о том, что они не стали отцами, когда отцы не будут в час безвременной смерти думать о том, что их дети останутся сиротами...

преданн партии ЛЕНИНА-СТАЛИНА и Социалистической Родине. Будучи на подводной лодке, утопившей в течение 21-25 августа два вражеских транспорта, тов. Шумихин, как акустик, умело использовал акустическую аппаратуру, чем обеспечил командиру подводной лодки выполнение боевой задачи. В результате подводная лодка своевременно уходила от преследования кораблей-охотников.

Тов. ШУМИХИН особенно проявил себя при атаке транспорта ночью.

Участник уничтожения вражеских транспортов, водоизмещением в 47000 тонн. и многих боевых операций подлодки. Отличной работой на аккустических приборах своевременно обнаруживал движение кораблей противника, чем предрешил успех многих боевых операций, торпедных атак и уклонения от преследования противника. Являясь командиром отсека умело обеспечил борьбу за живучесть корабля. Благодаря четкой и умелой работы на аккустических приборах обеспечил

Из представлений Анатолия Шумихина к боевым наградам.

(Акустик, гвардии старшина I статьи Анатолий Васильевич Шумихин, 1919 г. р., погиб на подводной лодке М-172 Северного флота 16 октября 1943 года. Награжден двумя орденами Красного Знамени и медалью «За отвагу».)

1945 год. Адресовано Нине Васильевне Колосовой.

...Пишет тебе твой сын, уже младший лейтенант, а не сержант, как было прежде. Мы накануне великих событий. Видимо, фашистам скоро дадим последний смертный бой. Настало время, которого все ждали. Скоро конец войне.

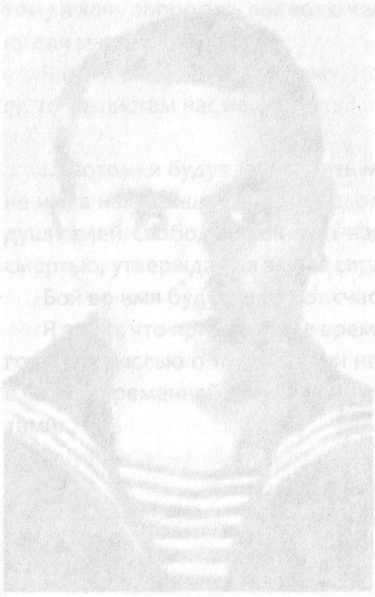
Закончился мой отдых и учеба на младшего офицера, куда я был послан после ранения и легкой контузии. Но ее последствия сказываются и сейчас. По вечерам от сильного артогня болит голова. Причем боль резкая, такой у меня еще не бывало, но ничего, отойду. Приеду, подлечусь дома. Я все чаще думаю о тех ребятах, что были моими друзьями и которых растерял на этой большой войне.

Только полное уничтожение фашизма будет нашей удовлетворенной местью за их молодые смерти. Только победа принесет им облегчение. Мы идем в бой. Он будет проходить в самом фашистском логове.

Теперь уже можно сказать, что мы победили. Ясно видим недалекий день нашей радостной встречи. Как и обещал, я жив и здоров. Мы снова будем жить мирно, радостно. Можно сказать, я честно выполнил свой долг. До скорой встречи...

(Младший лейтенант Юрий Колосов сгорел в танке на подступах к Берлину в конце апреля 1945 года.)

Публикация Федора ВЕРЕМЕЕВА.



Они воевали вместе с нами

Рассказывает Герой Советского Союза Георгий Васильевич Дикун:

В семье я был поскребыш. Так у нас на Украине самых младших называли. Нас росло три брата и две сестры. Отец умер, когда мне было полтора года. Мать мне заменила и отца. Тянулись, помогая друг другу. Сестры с матерью вечерами шили и вышивали, подрабатывая на хлеб. Мы росли и уходили в армию. Подошел мой черед. В 1936 году я был призван в знаменитую Чапаевскую дивизию, там коней уже сменили танки. Кто же знал тогда, что с матерью я не увижусь полные семь лет. Только хрупкая ниточка переписки соединяла нас: но так уж повелось, сыновьям надо отвечать за спокой своей Родины. Уходил я служить на год, а вышло так, что служба моя затянулась. Была до войны песня: «Броня крепка, и танки наши быстры, и наши люди мужества полны!..». Так вот пришлось мне вначале учиться владеть танками, а потом самому, уже офицером, учить мужеству солдат-новобранцев. Время было тревожное. Кругом занималась война. Разгорелись бои на Халкин-Голе - нас бросили на границу. Потом война с белофиннами. Та нас не коснулась. А потом гитлеровцы вторглись. Я с семьей только в отпуск собрался, мать навестить. Билет взяли. Ждала она нас.

...Война. На шестой день наша танковая часть ехала с «далеких берегов Амура» на фронт. В тот день оборвалась переписка с матерью. Тревожился я о ней, но сделать ничего не мог. Никто не в силах был доставить письмо в занятую врагом родную Полтаву.

На фронте мы часто получали от незнакомых матерей подарки. Коротенькие письмишки были вложены в посылки. И в каждой записочке благословение на бой и слова: «Бейте... мстите... уничтожайте!».

Всю жизнь меня мать учила доброте. Говорила:

- Сделал кто тебе зло, ты делай добро. Опять зло тебе сделали - все равно отвечай добром.

- Но почему, мама, - возражал я.

- Надоест тому человеку зло делать, одумается, стыд будет жечь его. Всю жизнь. А у тебя совесть перед человеком будет чиста.

И вот в письмах читаем такие суровые, не материнские вовсе слова.

Тогда, на войне, я понял, что есть личные враги (к счастью, за всю жизнь у меня их не было), от которых зависит твоя жизнь, и есть враги, от которых зависит жизнь народа, жизнь земли, жизнь Родины. Вот таких врагов нужно было стирать в порошок. К тому и звали нас наши добрые матери.

Много за войну я повидал матерей. Мы, разведчики, всегда впереди шли. Порой первыми врывались в села, из которых спешно отступали фашисты. Тут уж мы попадали в окружение своих. Матери-старушки несли нам творог, молоко, огурцы. Несли последнее, и мы стеснялись принимать все это. Тогда они обижались и говорили:

- Ешьте, ешьте, ведь наши сыны тоже где-то воюют. А там тоже есть матери, они их накормят.

Это было какое-то необъяснимое единство матерей. Они по всей войне были одинаковы: и в тылу, и на фронте.

Уже после войны я осмелился и спросил свою мать, верила ли она, что мы вернемся и вызволим их из плена. Она испуганно взглянула на меня и проговорила: «Бог с тобой, Жора, ведь вы же сыны наши. Русские люди никогда плохо не воевали. Как же вы бы не пришли! Как же бы вы жили бессильными? Все верили, что придете. Мы ждали терпеливо, отсрочку вам давали, ведь трудно было».

Мне порой казалось, что мать, как мудрый военачальник, руководила нашими боями. Казалось, она знала все, а вернее, чувствовала своим чутким, материнским сердцем.

Командир 16-го гвардейского отдельного мотоциклетного батальона 2-й гвардейской танковой армии 1-го Белорусского фронта, гвардии майор Георгий Васильевич Дикун.

Герой Советского Союза Георгий Васильевич Дикун жил и работал в городе Горьком (ныне – Нижний Новгород). Умер 27 марта 1994 года. Похоронен на Бугровском кладбище.

Награждён орденом Ленина (24.03.45), тремя орденами Красного Знамени (03.10.43; 20.08.44; 31.03.45), орденом Александра Невского (№ 31103 от 30.05.45), двумя орденами Отечественной войны 1-й степени (01.04.44; 06.04.85), орденом Красной Звезды (30.04.54), медалями.

Не было для солдата большей потери на войне, чем потеря семьи и матери.

Был у меня командир танковой роты Толстов. Хороший, подвижный парень. Видно, что когда-то весельчаком был, а тут ходил замкну-

тым вечно и злым казался. Будто его паралич какой разбил. Узнал я случайно, что у него горе. Под Бобруйском, где он жил в сельце, немцы сожгли всю его семью. Мать-старушку тоже не пожалели - заперли в сарае и подожгли. С тех пор у молодого парня окаменело сердце. Если он вел свою танковую роту в атаку, фашисты уже не успевали отступить. После боя его чуть не силой вытаскивали из танка, он все рвался вперед.

Однажды я был свидетелем одного боя. Мы никак не могли взять укрепленный рубеж. Фашисты вкопали в землю «тигры», «пантеры» и, ведя плотный огонь, не давали нам стронуться с места. Посмотрел Толстов на всю эту картину злыми глазами и проговорил только: «Сейчас мы им...». Он приказал двум экипажам танков, появляясь в разных местах, дразнить врага. Сам же с остальными танками пробрался по лощинке и ударил в борта. Ни один вражеский танк из того боя не вышел. Позже я осмотрел подбитые машины. Дыры в броне были ужасны, даже не верилось, что их танковые снаряды выбили. Будто вкладывали танкисты Толстова в каждый снаряд всю злость, что усиливала пробивную мощь.

Горе ожесточило Толстова, но не сделало безумным. Он до самого Берлина воевал хитро, расчетливо и как бы не спеша рассчитывался с врагом. Его танкисты поражения не знали. Великой ценой заплатил враг за его горе, за погибшую мать.

Летом сорок третьего года закончили мы Курскую дугу. Бои вымотали нас. Видело это и командование, поэтому отвело на длительный отдых. Тут я узнал, что наши войска взяли Полтаву. Вмиг написал и отослал письмо матери. Будь что будет, думаю, приготовился к худшему. Велика была радость, когда я получил ответ. Мать жива. Очень захотелось ее повидать. Рискнул об этом сказать командиру полка. Тот спросил:

- Сколько у тебя дорога займет?

- День туда, день обратно, день там, да день на всякий случай. Четверо суток, - отвечаю.

- Пиши рапорт на шесть суток, - подумав, сказал комполка.

Он подписал рапорт, а я дальше с ним к командиру дивизии. Тот посмотрел на меня как-то молча, совсем не по-военному, зачеркнул цифру 6 и вывел цифру 8. Дальше разговор у командира корпуса. Он сказал: «Счастливчик». Зачеркнул цифру 8 и написал 10. После этого мне предстояло идти к командующему армией. Он положил рапорт перед собой и спрашивает:

- Все это хорошо, но как же ты нас потом найдешь, если мы вдруг снимемся?

Отвечаю ему:

- Товарищ командующий, я договорился, мне в дупле записку оставят.

Командующий засмеялся:

- Хитер разведчик, ловко придумал.

Взял он карандаш, зачеркнул цифру 10 и написал 14. Потом подвел меня к карте и рассказал о предполагаемом наступлении.

- Думаю, успеешь, комбат, до наступления обернуться. А нет, так скачи на Киев. Передавай матери наш большой привет.

Четырнадцать суток было у меня впереди. Беру трофейный «виллис» ординарца. Собираемся выезжать. Нас останавливают солдаты и загружают машину подарками: кто банки тушенки несет, кто хлеб, кто сахар, сухари, фляги со спиртом, пшено. Каждый что-нибудь дал. Словно я их матерей навещаю и развожу гостинцы.

Ехали мы в Полтаву, а я все думал, как же мать к встрече подготовить. Решил: пусть сама меня узнает. Домчались до Полтавы. Лежит город в развалинах. Разыскали дом, входим в комнату. На мне полушубок, валенки,шапка-ушанка. Я усы пышные отрастил. Наш командующий был поклонником усов, считал, что каждый гвардеец должен иметь гордый и бравый вид.

Смотрю, мать стоит у окна. Чуть не бросился к ней, но сдержался и начинаю разговор:

- Здрасьте, мамаша.

- Здравствуйте, - отвечает по-украински мягко.

- Можно тут у вас переночевать?

- Отчего же, ночуйте, только к управдому надо сходить, чтобы записочку дал.

- Да зачем это, мамаша?

- Требуется так. Может, вы дезертиры какие да по тылам шастаете.

- Разве же не видно, кто мы?

- Видно, да ведь все командиры воюют сейчас.

Подхожу к нашей раме со всеми семейными фотографиями, что висела на стене.

- А это кто ж, лейтенант-то?

- Это мой сын, Жора.

- Где ж он?

- Воюет сейчас, а не по тылам расхаживает. Не чета он вам. Войска вон к Киеву подходят, а вы все в Полтаве крутитесь.

Тут ординарец тихо говорит: «Товарищ капитан, ну признайтесь, не мучайте мать».

Снимаю шапку и говорю:

- Взгляните, мамаша, я на твоего сына не похож? - Она взглянула пристальнее, проговорила только: «Жора!» - и упала в обморок.

Потом она все сокрушалась: «Как же мое сердце не почувствовало! Отвыкла!».

Сестра пришла. Она узнала сразу.

Шесть суток я сумел усидеть дома. Как же хорошо было у матери, но главное дело было еще не сделано - война продолжалась.

Из разговоров я узнал, как жила мать в оккупации.

...В Полтаве кончились бои. Город напряженно ждал вторжения. Перед окнами нашего дома как-то остановился танк. На броню передохнуть вылезли смертельно уставшие танкисты. Мать посмотрела - свои! Вынесла им квасу, картошки. Один танкист был ранен. Мать отдала простыни на перевязку. Пока они пили, мать все обо мне расспрашивала.

«Что ты, мать, все так перемололось, разве разберешь сейчас, кто где. Обожди немного, остановимся капитальнее, передохнем и уж двинем. Твой сын еще героем будет. Прощай, мать. Жди нас!» - сказали так танкисты и уехали.

Пришли немцы, устроили обыск. Перешвыряли все. В доме ничего ценного не было, забрали только сестренкины часы, да и те сломанные. Прибралась мать. Приходят другие немцы. Снова все расшвыривают. Опять прибралась. Еще идут и вновь все швыряют. Решила больше не прибираться. Теперь только отворят дверь, посмотрят, полопочут о чем-то своем на пороге и оставляют в покое.

Раз зашли вот так - и к фотографиям. Один ломано спрашивает:

- Кто?

- Сын, - отвечает мать.

- Он еще не сдался нам?

- И не думает. Будет воевать, пока вас не разобьет.

Не знаю, понял ли немец смысл фразы, но только сказал:

- Сними, матка!

Мать сняла, а когда немцы ушли, вновь вывесила все фотографии, да так и не убирала больше.

Во время оккупации в Полтаве орудовали подпольщики, партизаны. Иногда они заходили ночами к матери. Ночевали, питались, брали

предложенные простыни и бинты. Они в свою очередь рассказывали ей о военных новостях. У матери была старенькая географическая карта, где она карандашом отмечала линию фронта. Мать была как начальник штаба. От нее узнавали, что Москву немцу не сдали, что под Сталинградом нашим войском победа одержана, потом на Курской дуге. После моего приезда она начала особо отмечать места, где воевал я. Иногда присылал ей по гражданской почте открытки, где указывал освобожденный город. К ней заглядывали соседи, она разворачивала карту и объясняла: «Вот здесь воюет Жуков, здесь Рокоссовский, а здесь идет мой Жора со 2-й гвардейской танковой армией». Так всю войну и чертила карту.

Из всей семьи воевал я один. Мои братья - шахтеры. В войну им тоже хватило лиха. Уголек-то был на вес золота. Всю войну братья без устали работали, сестры тоже. И каждый из нас, как бы ни силился, не вспомнил о матери ничего плохого: несправедливость какую или обиду. Забота у нас была одна - облегчить жизнь матери. Мы рано стали подрабатывать, в голодные годы разводили кроликов, каждую копейку несли в дом. Потом, уже когда выросли, каждый из нас, не скупясь, помогал матери деньгами. Отказываясь, она говорила, что молодые, что самим деньги нужны. А нам было просто приятно помочь матери, мы были безмерно счастливы, когда видели улыбку на ее усталом лице.

В последний раз, когда я приезжал к матери уже после войны, она лежала в больнице. Сказалась война, голод, трудная жизнь. Я спросил врачей, что нужно для матери. Требовалась глюкоза. У меня в военном госпитале был друг. Пошел туда. Там глюкоза была. Он, узнав, в чем дело, дал мне очень много ампул. Это могло поставить мать на ноги.

Матери стало легче от первого укола. Но рядом с ней лежали также больные. Им тоже требовалась глюкоза. И я сказал врачам, чтобы уколы делали всем.

Когда на следующий день я пришел в палату к матери, все больные просили подойти к их койкам. Они целовали меня, благодарили. Я не забуду материнского взгляда. Он словно говорил: «Ну вот, стал таким, каким я хотела тебя видеть». И будто полегчало матери. Будто в тот день я выполнил самый священный из материнских наказов. Такой я ее запомнил. Она жила, пока хватило глюкозы. В один из тех дней она призналась: «Я ведь тебя, Жора, с войны не ждала. Горячий ты, азартный был. Думала, сложил где голову в пекле. Прости меня, сынок, за мысли такие. Поэтому я тебя тогда и не узнала».

Фронтовики говорят иногда о военном везении. «Поди разбери - то ли ты случайно жив остался, то ли случайно не погиб». Словом, увидел я победу, да не где-нибудь, а в самом Берлине. Для солдата высшей чести не было. Мы выполнили наказ Родины и матерей наших.

Когда умерла моя мама, от нее наследство осталось - около тридцати газет с Указом, в котором говорилось, что мне присвоено звание Героя Советского Союза. Говорят, она ходила по людям и за хлеб выменивала эти газеты.

Записал рассказ
Виктор СОЛОМИН.

«Мы должны говорить, последние свидетели...»

Семью комиссара стрелкового батальона Антона Петровича Бринского война застала возле Белостока в Западной Белоруссии. С трудом отправив семью в тыл, Антон Петрович вступил в бой с врагом у крепости Осовец. Батальон попал в окружение и перешел к партизанским методам борьбы в Витебской и Минской областях Белоруссии, совершил рейд на Украину, установил связь с подпольщиками Волынской и Ровенской областей. Объединившись с местными партизанскими и подпольными группами, был реорганизован в партизанскую бригаду особого назначения.

*** Семья Бринских. 1941 год. Валентина слева.**

Партизанская бригада под командованием подполковника А. П. Бринского произвела около пяти тысяч диверсий против гитлеровских оккупантов на территории Белоруссии, Украины и Польши.

Летом 1943 года был создан оперативно-разведывательный центр Разведуправления (Бригада особого назначения) во главе с подполковником А. П. Бринским («Брук»), действовавший в районе городов Ковель и Каменец-Подольский. Здесь была сформирована обширная агентурная сеть, которая регулярно отправляла в Центр ценную информацию о группировках немецких войск и их перебросках. Сведения Бринского имели важное значение, например для планирования и проведения Белорусской наступательной операции 1944 года.

Антон Петрович Бринский долго ничего не знал о судьбе своей семьи, отправленной в тыл. Детям о подвигах отца стало известно только после войны. У них остались о войне свои воспоминания. О том, что пришлось пережить, рассказывает старшая дочь - Валентина Антоновна Бринская.

Пока папа и мама были живы, нас о войне не расспрашивали, мы о войне не рассказывали. Теперь, когда их нет, я часто думаю, как хорошо, когда живут старики. Когда они живы, мы еще дети...

Папа наш был военный. Жили мы под Белостоком. Война началась для нас с первого часа, с первых минут. Сквозь сон слышу какой-то гул, словно раскаты грома, но какого-то непривычного, непрерывного. Просыпаюсь и бегу к окну над казармами в местечке Граево, куда мы с сестрой ходили в школу, - горит небо.

- Папа, это гроза? - спрашивает Томка.

- Наверное, провокация на границе? - спрашивает мама.

Отец сказал твердо:

- Отойди от окна, это - война.

Мама быстро собирает отцу походный чемодан. Мы не знаем, что нам делать. За окном еще сумерки. Раннее-раннее утро.

Мне хотелось спать - легли с сестрой поздно, ходили в кино. В ту довоенную пору «ходить в кино» было совсем не то, что сейчас. Фильмы привозили только перед выходным днем, и их было немного: «Мы из Кронштадта», «Чапаев», «Если завтра война», «Веселые ребята». Просмотр организовывали в красноармейской столовой. Мы, ребятня, не пропускали ни одного показа и знали фильмы наизусть. Даже подсказывали артистам на экране или забегали вперед, перебивая их. Электричества ни в селе, ни в части не было, кино «крутили» с помо-

Антон Петрович и Анна Васильевна Бринские. Довоенный снимок.

щью движка. Затрещит движок - бросаем все и бежим занимать места у экрана, а другой раз и табуретки с собой тащим.

Шли фильмы долго: закончится часть - все терпеливо ждут, когда киномеханик перемотает очередную бобину. Хорошо, когда лента новая, а если старая, то она постоянно рвется. Пока ее склеят, пока подсохнет. А то она и загорится - еще хуже. Совсем гиблое дело, когда движок заглохнет. Часто бывало, что и фильм не успевали до конца досмотреть. Раздавалась команда:

- Первая рота - на выход. Вторая рота - на построение.

Мы знали все. А если поднимали по тревоге, то и киномеханик убегал. Когда перерывы между частями слишком затягивались, терпение лопалось и начиналось волнение, свист, крики, сестра залезала на стол и объявляла: «Открываем концерт». Сама она страшно любила, как тогда говорили, декламировать. Текст не всегда знала твердо, но на стол залезала без страха.

Это у нее осталось с детсадовских времен, когда мы жили в Дещинцах под Гомелем. После стихов пели, на «бис» нас вызывали с песней «Броня крепка и танки наши быстры». Стекла в столовой дрожали, когда бойцы подхватывали припев:

Гремя огнем, сверкая блеском стали,

Пойдут машины в яростный поход...

Так вот, двадцать первого июня сорок первого года мы, наверное, в десятый раз смотрели фильм «Если завтра война». После кино долго не расходились, загнал нас домой отец: «Спать вы сегодня будете? Завтра выходной».

...Окончательно проснулась, когда рядом раздался взрыв и из окна на кухне посыпались стекла. Мама закутывала в одеяльце полусонного братика Толика. Сестра уже одета, папы дома нет. Его вызвали в крепость.

- Девочки, - торопит мама, - скорее. На границе провокация...

Мы бежим к лесу. Мама задыхается, у нее на руках братик, нам она его не отдает и все время повторяет:

- Девочки, не отставайте... Девочки, пригнитесь...

Почему-то мне запомнилось, что очень сильно било в глаза солнце. Было ясно-ясно. Пели птицы. И этот пронизывающий гул самолетов...

* * *

Я дрожала, а потом стало стыдно, что я дрожу. Потому что я всегда хотела подражать героям книги Аркадия Гайдара «Тимур и его команда». А тут вдруг дрожу. Взяла братика на руки, стала его качать и

даже напевать «я девчонка молодая...» Была такая «любовная» песня в фильме «Вратарь». Ее часто пела мама, и она очень «хорошо ложилась» на мое тогдашнее настроение и состояние. Я была... влюблена! Не знаю, как там по науке и психологии подростка, но ходила я постоянно влюбленной. Было время, когда мне нравилось несколько мальчиков. Но здесь нравился один - Витя из Граевского гарнизона, он учился в шестом классе. А этот шестой класс был с нашим пятым в одной комнате. Первый ряд парт - пятый класс, второй ряд - шестой. Не представляю, как учителя умудрялись проводить уроки. Мне было не до уроков. Как я себе шею не свернула, пяля глаза на Витю?

Мне нравилось в нем все: и то, что он маленького роста (под стать мне), и то, что у него голубые-голубые глаза (как у моего папы), и то, что он был очень начитанный (не то что Алька Поддубняк, который больно щелбаны давал и которому нравилась я). Особенно он любил Жюля Верна! В красноармейской библиотеке было его полное собрание, и я все прочитала еще в третьем классе...

* * *

Не помню, сколько мы просидели в лесу. Не слышно стало взрывов. Наступила тишина. Женщины облегченно вздохнули: «Отбили наши». Потом послышался гул летящих самолетов. Мы выскочили на дорогу. Самолеты летели в сторону границы: ур-ра! Но что-то «не наше» было в этих самолетах - крылья не наши и гудели не по-нашему. Это были немецкие бомбардировщики. Они летели крыло в крыло, медленно и тяжело. Казалось, что от них на небе нет просвета. Мы начали считать, сбились. Уже позднее, в хронике военных лет, я видела эти самолеты, но впечатление не такое. Съемки делали на уровне самолетов. А когда на них смотришь снизу, сквозь гущу деревьев, да еще глазами подростка - жуткое зрелище. Мне потом часто снились эти самолеты. Но сон был с «продолжением» - все это железное небо медленно падало на меня и давило, давило, давило. Просыпалась в холодном поту, и снова начинал бить озноб.

Кто-то сказал, что разбомбили мост. Мы испугались: а как же папа? Папа не переплывет, он не умеет плавать.

Сейчас не могу сказать точно, но помнится мне, что папа прибежал к нам: «Вас эвакуируют на машине». Передал маме толстый альбом с фотографиями и теплое ватное одеяло: «Укутай детей, продует». Ни документов, ни паспорта, ни копейки денег. У нас с собой была только кастрюля котлет, которую мама приготовила на выходной день, и ботиночки брата. И так мы эвакуировались.

...До Осовца доехали быстро, а там сидели долго в подвале крепости. Начался налет. Все дрожало и гремело. Погас свет. Стали жечь бумагу, газеты. Нашелся фонарь. От его света громадные тени сидящих людей - по стенам, потолку. И вот тут мое воображение разыгралось: немцы в крепости, наши в плену. Я решила попробовать, выдержу пытки или нет. Засунула пальцы между ящиков и придавила. Взвыла от боли. Мама испугалась:

- Что с тобой, доченька?

- Я боюсь, что не выдержку пыток на допросе.

- Что ты, дурочка, какой допрос? Наши немцев не пропустят...

Она гладила меня по голове, целовала в макушку.

* * *

Эшелон шел все время под бомбами. Только начинают бомбить, мама ложится на нас: «Если убьют, то вместе. Или меня одну...»

Первый убитый, которого я увидела, был маленький мальчик. Он лежал и смотрел вверх, а я его будила. Я не могла понять, что он неживой. У меня был кусочек сахара, я давала ему этот кусочек, чтобы он только встал. А он не вставал. И мы с сестрой плакали над ним...

Бомбят, а сестра шепчет мне: «Перестанут бомбить, и я буду слушаться маму. Всегда буду ее слушаться».

И действительно, после войны Тома была очень послушной. Мама вспоминала, что до войны звала ее сорванцом. А наш маленький Толик... Он до войны уже хорошо ходил, хорошо говорил. А тут перестал говорить, все время хватался за голову. Я видела, как поседела моя сестра. У нее длинные-длинные черные волосы, они стали белые. За несколько дней... За одну ночь...

Состав тронулся. А где Тамара? В вагоне ее нет. Смотрим, а Тамара бежит за вагоном с букетом васильков. Там было большое поле, пшеница выше нашего роста, а в ней васильки. До сих пор она у меня перед глазами. Черные глазенки раскрыты широко, бежит и молчит - даже «мама» не кричит. Бежит и молчит.

Мама обезумела. Она рвется выскочить на ходу. Я держу Толика, и обе кричим. И здесь появился солдат. Он оттолкнул маму от двери, выпрыгнул, догнал Томку и с размаху швырнул ее в вагон. Утром мы увидели, что она белая. Несколько дней ей ничего не говорили, прятали наше зеркало, пока она случайно не заглянула в чужое и заплакала:

- Мама, я уже бабушка?

Мама ее успокаивала:

- Обстрижем, снова вырастут черные.

После этого случая мама сказала:

- Все. Никуда из вагона. Убьют, так убьют. Останемся живы, значит, судьба!

Когда кричали: «Самолеты! Всем выходить из вагонов!» - она запихивала нас под матрацы, а тем, кто выгонял ее из вагона, говорила:

- Дети убежали, а я идти не могу.

Надо сказать, что мама часто употребляла загадочное слово «судьба». Я все допытывалась у нее:

- Что такое судьба? Это - Бог?

- Нет, не Бог. В Бога я не верю. Судьба - это линия жизни, - отвечала мама. - Я всегда, дети, верила в вашу судьбу...

Под бомбежкой мне было страшно. Потом уже, в Сибири, я себя ненавидела за трусость. Случайно краешком глаза прочитала мамино письмо папе. Мы тоже сочиняли первые в своей жизни письма, и я решила подсмотреть, что пишет мама. А мама как раз писала, что Тамара молчит, когда бомбят, а Валя плачет и боится. И для меня этого было достаточно. Когда весной сорок четвертого к нам приехал папа, я не могла на него глаз поднять - мне было стыдно. Но о встрече с папой потом. До нее еще далеко. Очень долго это была только наша мечта.

Вспоминаю ночной налет. Обычно ночью налетов не было, и поезд шел быстро. А здесь налет. Пули барабанят по крыше вагона. Рев самолетов. Светящиеся полосы летящих пуль. Красиво, как фейерверк. Рядом со мной убивает женщину. Она не падает. Упасть некуда. Вагон набит людьми. Женщина хрипит, ее кровь заливает мне лицо, теплая, липкая. И вот уже моя майка и трусики мокрые от крови. Когда мама закричала, дотронувшись до меня рукой:

- Валя, тебя убили? - я ничего не могла сказать.

После этого у меня наступил какой-то перелом. Перестала дрожать. Мне было все равно - ни страшно, ни больно, ни жалко. Было какое-то отупение, безразличие. Выпало из памяти дальше, как я боялась.

* * *

Помню, что до Урала мы сразу не доехали. На какое-то время остановились в селе Баланда Саратовской области. Привезли нас туда вечером, мы уснули. Утром, в шесть утра, пастух щелкнул кнутом, и все женщины вскочили, схватили своих детей и с воплем выбежали на улицу: «Бомбежка...» Кричали, пока не пришел председатель и не сказал, что это пастух гнал коров. И тогда все опомнились.

1981 год. Антону Петровичу Бринскому (второй справа) 75 лет. За праздничным столом сын Антон Антонович, Валентина Антоновна у самовара и гости из Белоруссии. (Фото Николая Мошкова.)

Тишина стояла, а мы все время боялись. Начинал гудеть элеватор, начинал дрожать наш Толик. Он ни на секунду никого от себя не отпускал, только когда заснет, можно было выйти без него на улицу. Мама пошла с нами в военкомат, чтобы узнать об отце, чтобы нам дали какие-нибудь деньги. Военком у нее спрашивает:

- Покажите мне документы, что ваш муж командир Красной армии.

Документов у нас не было, была только папина фотокарточка, папа на ней в военной форме. Он взял ее и сомневается:

- А может, это не ваш муж. Как вы докажете?

Толик увидел, что он держит карточку, не отдает:

- Отдай папу…

Военком рассмеялся:

- Ну, этому документу я не могу не верить.

Тамара ходила пегая, мама остригла ей волосы. Каждое утро все проверяла: какие будут новые: черные или седые? Брат успокаивал: «Не пачь, Тома… Не пачь, Тома…» Волосы все равно выросли белые. Мальчишки ее дразнили, она никогда не снимала платка, даже на уроках.

Пришли из школы. Дома нет Толика.

- Где Толик? - побежали на работу к маме.

- Толик в больнице.

... Несем с сестрой по улице голубой венок и матросский костюм брата. С нами идет мама, она сказала, что Толик умер. Возле морга мама остановилась и зайти туда не может. Я зашла одна и сразу узнала Толика - он лежал голенький. У меня ни одной слезинки, я стояла деревянная.

Папино письмо догнало нас в Сибири. Мама всю ночь плакала, как написать папе, что единственный сын умер. Утром мы все втроем отнесли на почту телеграмму: «Девочки живы. Тома поседела». И папа догадался, что Толика нет. Стали писать папе письма. У меня была подруга, отец ее погиб, и я всегда в конце приписывала, она просила: «Папа, привет тебе от меня и от подруги Леры». Всем хотелось иметь папу.

Вскоре от папы пришло письмо. Он писал, что долго был с особым заданием в тылу и заболел. В госпитале ему сказали, что вылечить его может только семья: он увидит родных, и ему станет легче.

Папу ждали несколько недель. Мама достала из чемодана крепдешиновое платье и туфли. У нас был уговор - не продавать это платье и туфли, как бы ни было трудно. Если мы их продадим, то папы не будет, папа не вернется.

Слышу на дворе папин голос и ничего не могу понять: неужели это папа? Не верилось, что я могу увидеть папу, мы отвыкли его видеть, мы привыкли его ждать. Для нас давно папа был то, что надо ждать и только ждать. В школе в тот день сорвались занятия - все пришли посмотреть на нашего папу. Это был первый папа, который приехал с войны. Еще два дня мы с сестрой не занимались, к нам без конца подходили, расспрашивали, писали записочки: «Какой папа?..» А папа у нас особенный - кавалер ордена Ленина, Герой Советского Союза - Антон Петрович Бринский.

Папа, как когда-то наш Толик, не хотел быть один, он всюду водил меня с собой. Однажды я услышала... Он рассказывал кому-то, как партизаны подошли к деревне... Стоят и смотрят, что под ногами у них свежая земля... Вдруг видят: эта земля шевелится... Бежит из деревни мальчик и кричит, что тут расстреляли всех и закопали.

Папа оглянулся, видит: я падаю. Больше он никогда при нас о войне не рассказывал.

Мы говорили о войне мало. Единственное, что у нас с сестрой долго оставалось от папы, - мы покупали куклы. В войну у нас не было ку-

кол, мы росли без кукол. Училась я в институте, сестра знала: лучший подарок для меня - кукла. У сестры родилась дочь, я приехала к ним:

- Что тебе подарить?

- Куклу...

- Я спрашиваю, что тебе подарить, а не твоей девочке.

- Я отвечаю: подари мне куклу...

Росли наши дети - мы дарили им куклы. Мы всем дарили куклы, всем нашим знакомым.

* * *

Даже пройдя через вот такое горе войны, мы можем сказать, что нам повезло - папа с войны вернулся. Они с мамой поставили нас на ноги, увидели наших детей...

Первой не стало нашей изумительной мамы, потом не стало нашего папы, и мы ощутили, сразу почувствовали, осознали, что мы последние у той черты... У того края... Сегодня мы должны говорить... Последние свидетели...

1985 г.

Валентина Антоновна Бринская ушла из жизни в 2010 году.

Красноармеец, воспитанник

Как только он зашел в военкомат, сразу же уловил на себе подозрительные взгляды. Повесткой его вызвали получить юбилейную медаль в честь 20-летия Победы. Ему было чуть за тридцать. Фронтовикам, как минимум, на десять лет побольше. Он не надел на пиджак ни одной своей награды. Думал, вручат медаль - и он был таков. Но военком выполнял свою миссию торжественно, с рукопожатием. Когда очередь дошла до него, фронтовики не сдержались: «А этому за что?»

Военком хитро взглянул в зал и ответил на вопрос:

- Это у нас человек заслуженный, хоть и молодой. Войну он закончил с медалью «За отвагу» и орденом Славы III степени. А на войне был всего лишь сыном полка. Так что записывайте его в свое фронтовое братство. Звать его Михаил Афанасьевич Москалев, красноармеец, воспитанник.

*** Таким был Михаил Москалев на войне.**

Был июль. Стояла жара. Поседела от пыли листва на тополях. Прокаленный большак жег пятки деревенским мальчишкам, оттого они и не стояли на месте, а весь день носились по деревне, встречая и провожая усталых, в белых, выцветших гимнастерках, солдат. А те шли неровными строями через деревню, измученные, перепачканные пороховой гарью, в серых, почти расплавившихся сапогах и грубых ботинках.

Мальчишки не знали, куда и откуда идут солдаты. В деревне давно уже говорили, что на белом свете идет война. Мальчишки пытались спросить об этом у солдат, но те молчали.

Мишка Москалев острее других почувствовал, что где-то случилась беда, отголоски которой дошли и до их деревеньки, стоявшей на пыльном большаке. Никто с ним больше не разговаривал. Даже прокуренные крепким самосадом деды не обращали на него никакого внимания, хотя раньше каждый из них считал своим долгом спросить его:

- Когда ж ты помрешь, желтенький?

К такому странному обращению Мишка привык. Его тощий вид и бледное лицо никак не соответствовали жизненным нормам. А вид он имел такой оттого, что, не зная устали, бегал по деревне, полями, балками, уставал, вечером еле добирался до постели и поднимался утром, чтобы вновь повторить дневную мальчишескую круговерть. Его тонкие, все избитые дорогой и изрезанные травами ноги нелепо торчали из коротких штанов, а лицо, почерневшее от загара в начале лета, к концу принимало желтоватый болезненный вид. Это солнце не хотело тратить на Мишку силы, убедившись в бесполезности своего занятия. Таким и встретил Мишка Москалев большую беду.

Вскоре за отступавшими через деревеньку Буглаи солдатами на окраине окопался целый фронт, по крайней мере, так говорили старики. Деревенька оказалась на нейтральной полосе. Пули впивались в стены изб с двух сторон: по одну - были выпущены нашими бойцами, по другую - еще не известными немцами. Фронт от Буглаев снялся в одночасье, повинуясь какому-то неведомому приказу.

А первых немцев деревенские мальчишки увидели в один из знойных дней середины лета. Солдат было пятеро. Свои темной зелени мотоциклы они остановили у колодца. Что-то быстро и непонятно говорили. Мишка с ребятней лежали под бревнами, совсем близко от солдат. И тем ни до мальчишек, ни до деревни не было дела. Сняв мундиры и повесив автоматы на ручки мотоциклов, они плескались холодной водой. Они смеялись, весело фыркали и были совсем непохожи на страшных людей.

Ребятня осмелела и вышла к колодцу. Немцы все так же не обращали на них никакого внимания. Они надели белые майки, застегнулись в панцири-мундиры, нахлобучили пилотки и рванули вперед. Но перед этим один из них выстрелил из автомата в том направлении, куда собирались ехать. Больше вдоль деревни они не проезжали, не возвращались. Куда они делись? Быть может, где-то объехали ее, а может, их убили отступавшие наши солдаты.

Спустя два дня Буглаи вновь стали ничейными. Только теперь над деревней пролетали с фырканьем снаряды. Били пушки. Мелко подрагивали яблони в садах. Вся деревня забилась в подвалы, кладовые и амбары. Сидел в кладовке и Мишка с матерью и сестрами. Грустной была мать. В разговоре она все время поминала и молилась за отца, который где-то воевал, и, может быть, совсем рядом.

На следующий день немцы заняли деревню, чтобы жить и хозяйничать в ней два долгих оккупационных года.

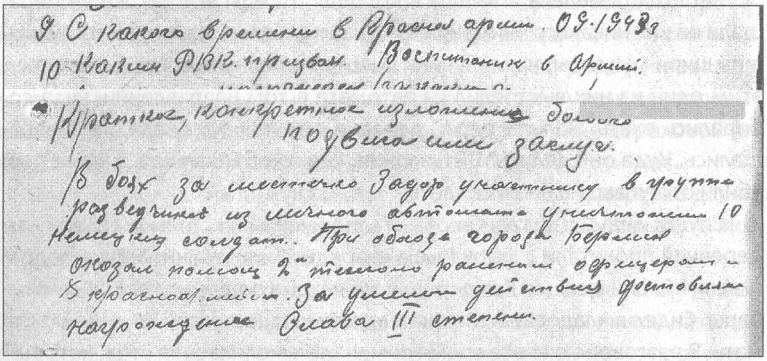
За эти два года Мишка лишился отца и матери. Отец вернулся домой еще в первую военную зиму. Их часть окружили под самой деревней, и он попал в плен. В суматохе пересыльных лагерей и пунктов сортировки удалось бежать. Наладил связь с партизанами. В деревне встретил дружка детства Шишнева. Тот был уже старостой. Перед войной он исчез из деревни. Говорят, его сослали в Сибирь, а тут выполз. Теперь стал часто наведываться в дом Москалевых. Отец единственный, кто привечал его из всей деревни приветливо. Так было нужно. А староста все выглядывал да вынюхивал. И вроде бы ничего подозрительного не заметил, но все же донес на отца.

Как-то раз отец собрался в лес. Пошел за огороды проверить снежный наст и увидел немцев, цепочкой окружавших деревню.

В тот день немцы заживо сожгли две семьи. Взяли и Мишкиного отца. Мишка видел его в последний раз стоящим под ясенем. Он выбежал к нему. Полицай откинул Мишку со словами:

- На сегодня хватит, за этими придем погодя!

Отца пытали. Его сестра отнесла полицаям большую кринку с медом, умоляя их расстрелять отца, чтобы перед смертью он не испытывал страшных мук. Никакой надежды на его возвращение не было. Рассказывали потом, что, когда его вели к рощице, он еле передвигал ногами. Три залпа пережил он, стоя на краю вырытой загодя ямы. То ли издевались над ним полицаи, то ли никто не хотел брать грех на душу. Убил отца офицер из черного, с блеском, парабеллума.



Строки из наградного листа о награждении орденом Славы III степени.

Летом, не пережив горя, умерла еще совсем молодая мать. Ее сестры поделили семью Москалевых.

Через два года по деревне вновь прошел фронт. Он оставил в лесу подбитые фашистские танки, в полях - немецкие автоматы. В деревне остановились на короткий постой свои солдаты. По вечерам они устраивали тихие танцы под старенький трофейный патефон.

- Хорош! Ну хорош! - приговаривал добродушный дядька, вовсе непохожий на военного, если бы не латаная гимнастерка да мятые, из зеленого сукна, с яркой красной окантовкой погоны на ней.

Он поворачивал Мишку в разные стороны. Причем тот никак не мог догадаться, куда он в следующий раз его повернет, и был вовсе не готов к этому. Каждый раз при резком повороте у него отдавалось в шее, потому что голова поворачиваться запаздывала. Но он терпел. Теперь он был по-настоящему военным человеком. И форма у него точь-в-точь как у капитана Кондратьева - его военного отца.

Мишка стал сыном полка. Вернее, автороты 362-й стрелковой дивизии 1-го Белорусского фронта. Случилось это очень просто. Ехал капитан Кондратьев на машине за молоком для бойцов. По дороге он и встретил Мишку, который согласился показать дорогу на ферму. Расспрашивал капитан о Мишкином житье-бытье. Мишка охотно отвечал. Капитан сделал вывод, что Мишку-то с деревней ничего не связывает. Вот и предложил идти к нему в автороту. Мишка чуть не умер от счастья.

Ему выдали маленькую синенькую красноармейскую книжку, где в графе «Звание и должность» было написано: «Красноармеец, воспи-

танник». А в графах о получаемом вещевом довольствии везде стояли отметки о выдаче красноармейцу Михаилу Москалеву сапог, пилотки, нательного белья, портянок, ремня, эмблем и всего прочего, что положено солдату, идущему дорогой войны. У него даже был планшет с вложенной туда картой. Это была совсем лишняя экипировка, так как Мишка с двухлетним школьным образованием ничего в карте не петрил, но тяжелая планшетка придавала солидность.

Мишка пристрастился курить. Как-то раз он пришел к старшине за месячным довольствием. Тот спросил:

- Что выдать: сахар или табак?

- Табак, - не задумываясь о последствиях, бухнул Мишка и за это был здорово наказан.

А наказание старшина начал словами:

- Я тебе дам табак…

С тех пор папирос Мишка в рот не брал и всю жизнь был благодарен старшине с его крепкими педагогическими правилами.

…К концу войны Мишка повзрослел. В свои двенадцать лет он умел управлять машиной и всеми типами военных мотоциклов. Солдаты запросто дарили ему тарахтелки, которые грудами валялись у дорог. Мишка гонял на них с донесениями в штабы, выполнял различные задания. Его наградили медалью «За отвагу». Наградили за весь боевой путь, который он прошел с авторотой. Мишка даже не гордился ею, потому что получил ее не в бою, но война и на его долю припасла бой…

…Наступающие войска торопились. Бои шли уже в Германии. Спрессованная оборона немцев отчаянно сопротивлялась. Кое-где враг переходил в наступление, и нашим войскам приходилось туго. Так случилось и с авторотой. Немцы внезапно обложили ее полукольцом. Надо было отступать, сохраняя машины. Выбрались на опушку леса, впереди поле, его режет шоссе. Только было выехали из леса, их накрыло минометным огнем. Бетонка была под прицелом немцев. Считай, окружение! Бросай машины и выбирайся мелкими группами. И это тогда, когда каждая машина позарез нужна наступающим войскам. Нужна была помощь. С донесениями ушли два связиста. Их убили где-то во ржи. Стрельба поднялась и стихла.

Тогда вперед вышел Мишка и попросил направить его с пакетом. Капитан долго смотрел на него, потом вручил пакет, сказал: «Будь осторожен!» - и отвернулся.

Фото на память. Имя старшины так и осталось неизвестным.

Мишка завел мотоцикл. Для верности сделал круг и рванул в поле. Новенькая немецкая машина, которую только вчера нашли у дороги, тянула хорошо.

На таких Мишка ездил и вытворял такое, что боялся показать даже капитану.

Рожь больно хлестала по рукам, во рту стало сухо, и горькая пыль сковала язык. Мишка пригнулся к рулю, чтобы не заметили мелькавшую поверх колосьев голову. Вырвался к дороге и, не сбавляя скорости, резко развернувшись под углом, устремился в ров, отделявший дорогу от поля. Теперь уж его заметили. Ров скрывал его, теперь надо было выбрать момент, чтобы вырваться на дорогу. На бетонке визжали пули. В лицо летела колючая пыль крошившегося бетона. Ничего этого Мишка не замечал. Вот он, пологий въезд. Мишка вырвался на бетонку, прибавил газу и, петляя, устремился вперед. Ему казалось, что дорога свивается в спираль, закручивается жгутом, временами виделось, что он мчится вниз головой. Все, теперь его уже не могли достать автоматным огнем, если только случайно...

Он домчался и вручил донесение командиру дивизии. В обратную дорогу комдив Мишку не отпустил, сказав, что тот свое дело сделал, и послал автоматчиков на выручку его автороты.

Мишку награждали уже после войны в маленьком городке под Берлином. Стоял застывший строй, и он, маленький, перед строем с новеньким орденом Славы III степени. И бойцы, видавшие смерть, ходившие в жестокие атаки, плакали. И поздравляли они его потом, когда немного отошли от нахлынувших воспоминаний о доме, семье, о подросших за войну детях. А Мишка был весел и беззаботен. Что еще нужно солдату: окончилась война и есть с чем приехать домой. Тем более, если солдату всего двенадцать лет.

Весна сорок пятого в Германии выдалась жаркой и душной. Сплошное безветрие и солнце. Можно было снять гимнастерку и подставить тело под его жаркие лучи. За пару дней оно наводило полный мирный марафет на белых телах солдат. Они покрывались корочкой загара, а на третий день лупилась кожа. От таких мирных забот уже через неделю война забылась. Можно было сколько угодно спать. Даже есть солдаты не торопились, зная, что все это уже не к спеху. Главное солдатское дело было сделано.

Всеми мирными благами пользовался и Мишка. Он ходил в новой гимнастерке и при всех наградах. От предложения ехать с ними домой не было отбоя. А он скучал по своему капитану Кондратьеву. В последней стычке на Эльбе того контузило. Капитана увезли в госпиталь. Мишка не знал в какой. Так и пришлось ехать домой, не попрощавшись с капитаном.

Мишку еще ждали детские удивления. Он впервые в жизни увидел «живой» паровоз. Там, где шла их авторота, все железные дороги были взорваны, на станциях лежали перевернутые локомотивы и сгоревшие остовы вагонов. А тут пышущая паром махина мчалась на Мишку, а из квадратика окна выглядывала чумазая рожица молодого машиниста. Он махал Мишке рукой и улыбался. Потом он что-то кричал, но Мишка не слышал в грохоте. Он боязливо сделал шаг назад от гудящих рельсов и похолодел: в спину ткнулось что-то похожее на ствол автомата. Мишка застыл в ожидании окрика. Паровоз пролетел мимо, а он все стоял, боясь пошевелиться. Долго так продолжаться не могло, он тихонечко оглянулся: в спину ему упиралась черная маслянистая ручка полосатой стрелки.

...Скоро такой же поезд мчал его домой. Ровно стучали колеса, пели солдаты, мелькали разрушенные города и станционные поселки. И только вовсе не улыбаясь, смотрел на все проносившееся мимо серьезный старшина. Он сидел один и постоянно был задумчив. Иногда к нему обращались, он односложно отвечал. Мишку тянуло к нему. И старшина нет-нет да и глянет в его сторону. Так незаметно молча, не сказав друг

другу ни слова, они подружились. Потом сидели у раскрытой двери теплушки вдвоем.

Поезд дробил время, унося их все дальше от войны. Их высадили в небольшом городке, где формировались эшелоны по направлениям. Мишке уже не хотелось расставаться со старшиной. От нечего делать они бродили по узким улочкам, вымощенным булыжником, смотрели в разбитые окна пустых магазинов. На одной из улиц старшина остановился, посмотрел сверху на Мишку и сказал:

- Сынок, может быть, со мной поедешь?

Мишка мотнул головой:

- Домой надо, тетки волнуются.

Потом они сфотографировались на память. Старшина одернул на Мишке гимнастерку, чуть набок сбил пилотку.

Фотограф попросил улыбнуться.

Мишка улыбнулся, а старшина не успел. Пока фотограф делал снимки, они вновь бродили по городу. Старшина шел налегке, оставив свой тяжелый солдатский мешок у будки. Мишка все порывался спросить, что у него в мешке, уж больно тяжел он был, но как-то стеснялся.

Спросил он, когда прощались. Старшина молча развязал мешок. Там лежал большой слиток серого металла.

- Свинец это, Миша. Подарок везу сибирякам. Охотникам без него никак нельзя, а здесь его вон сколько гибло зря.

Адресов Мишка не записывал. Говорил, что запомнит. Не хотелось признаваться в полной своей безграмотности. Читать хоть научился, и то ладно. Разъехались солдаты по своим домам. Где капитан Кондратьев, где старшина, у которого он и имени-то не спросил. А зачем военному человеку имя - товарищ старшина, и все.

Обращался Михаил Афанасьевич к своим однополчанам через газеты, разыскивал неизвестного старшину. Никто не откликнулся.

Сам взялся за учебу, занимался спортом, растил детей. Из родных мест уехал. Его деревенька поредела. С войны фронтовиков пришло раз, два и обчелся. Да и горькие воспоминания не давали покоя. Обосновался с капитальной жизнью в Арзамасе.

Когда мы с ним говорили, сынишке его было ровно столько же лет, как отцу на войне. Я слушал рассказ Михаила Афанасьевича и поглядывал на сына. Он уловил мой взгляд:

- Даже не представляйте его на войне. Мы его балуем. Мир мы ему завоевали, что еще надо. Хорошим растет, а это главное.

Вячеслав ФЁДОРОВ. *г. Арзамас.*

Учителя и солдаты

Здравствуйте, уважаемая редакция газеты «Земля нижегородская»!

В поисках родственников случайно наткнулась в Интернете на статью «Может быть, погибну!», опубликованную в вашей газете. В статье речь идет о моем дальнем родственнике Павле Михайловиче Несмелове. Очень благодарна вам за нее, большое спасибо. Очень много наших родственников не вернулось с войны. Судьбы их до сих пор неизвестны.

Мой дедушка Рудольф Александрович Несмелов тоже воевал, но ему удалось уцелеть в этой тяжелой войне... Отец его Александр Антонович, проработавший 12 лет в Галкинской школе Ветлужского района, в том числе и директором, с войны не вернулся. Остались только его письма.

Сам дедушка прожил чуть больше 70 лет. Он при жизни мало что рассказывал, не любил вспоминать...

Многие связи с родственниками по разным причинам были за эти годы утеряны. Я сейчас эти связи пытаюсь наладить. И вот ваша газета помогла мне узнать о судьбе Павла Михайловича Несмелова. Еще раз благодарю вас за публикацию.

С уважением, Дарья Александровна Антонова.

г. Кострома.

Уважаемая Дарья Александровна!

Мы не думали, что нам вновь придется обращаться к нашей публикации о Павле Михайловиче Несмелове. Материал о нем прошел в газете и был опубликован в книге «Возвращенные имена», которая появилась на свет в прошлом году. Тогда нам удалось, буквально каким-то чудом, раздобыть в военном архиве фронтовую газету, рассказывавшую о его подвиге.

Трудная военная судьба выпала Павлу Михайловичу Несмелову. Начинал воевать в Крыму. Бои шли кровопролитные. Надежды остаться в живых не было никакой. В бою он был тяжело ранен, оказался в госпитале в Феодосии и там попал в плен к румынам. Красная армия, освободив Крым, вызволила наших бойцов из не-

воли. Несмотря на полученные увечья, Павел Михайлович продолжил воевать.

24 января 1945 года в районе деревни Недивеним в Венгрии наступающими войсками были найдены два погибших советских бойца. Три дня назад наступление наших войск на этом направлении фашистами было отбито.

В гимнастерке одного из бойцов обнаружили письмо:

Павел Михайлович Несмелов.

Дорогой товарищ!

Если ты найдешь это письмо, когда я буду мертв, ты должен знать правду... Я долго отстреливался, мы держали рубеж до последнего патрона. Много истребили немцев. Отстоять рубеж не удалось. Сейчас я лежу, раненный в ногу. Тут же лежит раненый и контуженный солдат Тимофей Стефанишин. Вчера мы лежали с ним от восхода солнца до темноты на огороде, около груды дров, боясь себя обнаружить. Когда потемнело, нашли укрытую траншею. Здесь провели ночь. День 21 января тоже приходит к концу. Ни вчера, ни сегодня мы не кушали. Подняться и пойти в дом опасно: кругом немцы. На муку врагу не хочется попасть. Ждем, придут наши...

Скоро ночь. Что будет впереди, не знаю. Может быть, погибну.

Я прошу тебя, товарищ, напиши письмо моему отцу и семье. Я был в плену в Румынии два с половиной года, имел тяжелые увечья. После освобождения из плена домой не пошел... Домой я писал, из дома ответа не получил. Там отец, мать, два сына, ждут, небось, чтобы вернулся. Их адрес такой: Горьковская область, Ветлужский район, Галкинский сельсовет, деревня Ионово. Несмелову Михаилу Антоновичу.

Вот и все. Желаю счастливо закончить войну и не попасть в такое несчастье, как я.

Прощай, друг!

Несмелов Павел М.

21.01.45 г.

Судя по истерзанным телам, было видно, что солдат допрашивали, а затем убили.

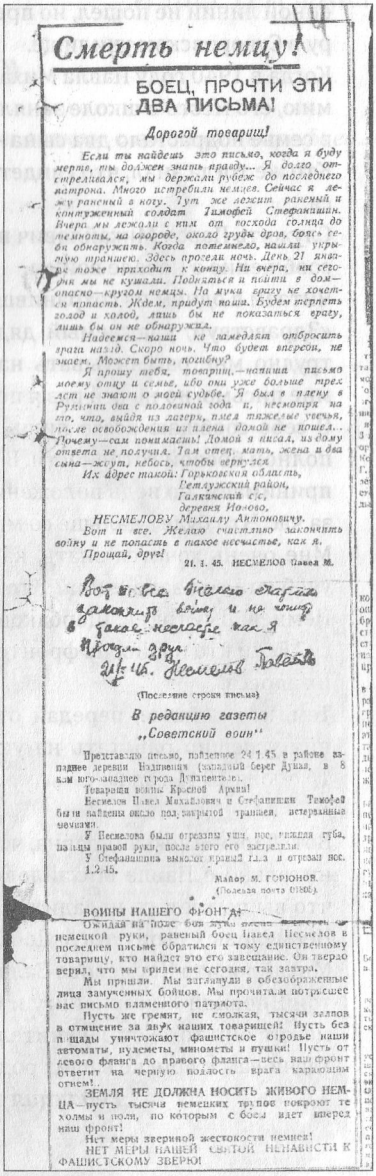
Предсмертное письмо Павла Михайловича Несмелова было опубликовано в «Учительской газете». Почему именно в этой газете, объяснялось просто: до войны Павел Михайлович был директором Рязановской средней школы Калининского района Горьковской области. Сейчас это Ветлужский район. Все эти годы память о Павле Михайловиче Несмелове здесь жила и живет.

Семья Несмеловых была удивительная. Родные дяди - братья отца - Иван Антонович и Александр Антонович были учителями, директорствовали в школах. По их стопам пошел и Павел Михайлович.

Одна из его учениц вспоминала:

«Павел Михайлович был любимым учителем. В то время учебников было мало - одна книга на 8-10 человек, поэтому наш учитель вел урок так, что нам не требовалось заглядывать в учебник. Мы все запоминали на уроке».

Учителем стал и брат Павла Михайловича Геннадий. Он тоже воевал и войну закончил в звании майора. По во-



Смерть немцу!

БОЕЦ, ПРОЧТИ ЭТИ ДВА ПИСЬМА!

Дорогой товарищ!

Если ты найдешь это письмо, когда я буду мертв, ты должен знать правду... Я долго отстреливался, мы держали рубеж до последнего патрона. Много истребили немцев. Сейчас я лежу раненый в ногу. Тут же лежит раненый и контуженный солдат Тимофей Стефанишин. Вчера мы лежали с ним от восхода солнца до темноты, на огороде, около груды дров, боясь себя обнаружить. Когда потемнело, нашли укрытую траншею. Здесь провели ночь. День 21 января тоже приходит к концу. Ни вчера, ни сегодня мы не кушали. Подняться и пойти в дом—опасно—кругом немцы. На муки врагу не хочется попасть. Ждем, придут наши. Будем терпеть голод и холод, лишь бы не показаться врагу, лишь бы он не обнаружил.

Надеемся—наши не замедлят отбросить врага назад. Скоро ночь. Что будет впереди, не знаем. Может быть, погибну?

Я прошу тебя, товарищ,—напиши письмо моему отцу и семье, ибо они уже больше трех лет не знают о моей судьбе. Я был в плену в Румынии два с половиной года и, несмотря на то, что, выйдя из лагеря, имел тяжелые увечья, после освобождения из плена домой не пошел... Почему—сам понимаешь! Домой я писал, из дому ответа не получил. Там отец, мать, жена и два сына—ждут, небось, чтобы вернулся.

Их адрес такой: Горьковская область,
Ветлужский район,
Галкинский с/с,
деревня Ионово.

НЕСМЕЛОВУ Михаилу Антоновичу.

Вот и все. Желаю счастливо закончить войну и не попасть в такое несчастье, как я.

Прощай, друг!

21. 1. 45. НЕСМЕЛОВ Павел М.

Вот и все. Желаю счастливо закончить войну и не попасть в такое несчастье как я. Прощай друг. 21/1 45. Несмелов Павел

(Последние строки письма)

В редакцию газеты „Советский воин"

Представляю письмо, найденное 24.1.45 в районе западнее деревни Надивения (западный берег Дуная, в 8 км юго-западнее города Дунаевтель).

Товарищи воины Красной Армии!

Несмелов Павел Михайлович и Стефанишин Тимофей были найдены около полузакрытой траншеи, истерзанные немцами.

У Несмелова были отрезаны уши, нос, нижняя губа, пальцы правой руки, после этого его застрелили.

У Стефанишина выколот правый глаз и отрезан нос.

1.2.45.

Майор М. ГОРЮНОВ.

(Полевая почта 01805).

ВОИНЫ НАШЕГО ФРОНТА!

Ожидая на поле боя муки плена [illegible] немецкой руки, раненый боец Павел Несмелов в последнем письме обратился к тому единственному товарищу, кто найдет это его завещание. Он твердо верил, что мы придем не сегодня, так завтра.

Мы пришли. Мы заглянули в обезображенные лица замученных бойцов. Мы прочитали потрясшее нас письмо пламенного патриота.

Пусть же гремит, не смолкая, тысячи залпов в отмщение за двух наших товарищей! Пусть без пощады уничтожают фашистское отродье наши автоматы, пулеметы, минометы и пушки! Пусть от левого фланга до правого фланга—весь наш фронт ответит на черную подлость врага карающим огнем!

ЗЕМЛЯ НЕ ДОЛЖНА НОСИТЬ ЖИВОГО НЕМЦА—пусть тысячи немецких трупов покроют те холмы и поля, по которым с боем идет вперед наш фронт!

Нет меры звериной жестокости немцев!

НЕТ МЕРЫ НАШЕЙ СВЯТОЙ НЕНАВИСТИ К ФАШИСТСКОМУ ЗВЕРЮ!

Публикация во фронтовой газете «Советский воин».

енной линии не пошел, но преподавал русский язык и литературу в Суворовском училище.

Когда в 1940 году Павла Михайловича Несмелова призвали в армию, его место в школе заняла жена Эдита Яновна Жагар. У них в семье подрастало два сына - Валерий и Игорь.

Кто же тогда знал, что свидеться им больше никогда не придется.

Служить Павел Михайлович попал в Армению. Там его и застало сообщение о начале войны.

Читаем в одном из сохранившихся писем:

«Здравствуй, уважаемый дядюшка Иван Антонович! Конечно, трудно мне рассчитывать на то, что ты соберешься написать мне письмо, но на сей раз я почему-то надеюсь получить ответ.

О себе сообщаю всего лишь несколько слов. Живем в горах, в полной боевой готовности. В боевых действиях участия пока не принимаем, но ведь положение может измениться за день, даже за час. Что будет дальше со мной, постараюсь сообщить.

Мне очень хочется знать, как там у вас дела идут. Как школа учебный год закончила? Кто остался в данный момент? Там ли Немцев, Дмитриев, Щербаков, дома ли Базаров и прочие коллеги? Если кто из них на фронте, что пишут, и, может быть, знаешь их адреса.

Тем, кто остался, передай от меня горячий привет и пожелания успешно работать на укрепление военной мощи Родины. 16 июля 1941 года».

Вот, Дарья Александровна, что мы можем сообщить вам дополнительно о Павле Михайловиче Несмелове. Это замечательно, что вы пытаетесь наладить родственные связи. Как видим, род Несмеловых стоит того. Добавим к сказанному: сыновья Павла Михайловича Несмелова Валерий и Игорь уехали с матерью Эдитой Яновной Жагар в Ригу и обосновались там. Кто знает, быть может, они тоже стали учителями.

Удачи вам в поиске ваших родных.

Редакция газеты «Земля нижегородская».

«Ну как вы там?..»

Сколько помню себя, столько и знаком с этой фотографией...

Большим удовольствием было еще в раннем детстве достать из шкафа фронтовой альбом отца, казавшийся очень тяжелым, и переворачивать его листы. Много листов вместил в себя самодельный альбом, и на большинстве крупные фотографии. Кстати, очень хорошего качества, время их, что называется, не подпортило. Так вот, на тех крупных фотографиях, где военные выстроены в ряд или усажены в несколько рядов на фоне самолетов, среди множества лиц любил отыскивать отца.

А эта фотография обращала на себя внимание тем, что была единственной, на которой незнакомый летчик запечатлен во всем летном снаряжении. Позировал он фотографу за считанные дни до Победы, а потом запрыгнул на крыло истребителя, выдав традиционную авиаторскую команду того времени - «От винта!», и рванулась боевая машина в небо. Ну а дальше - печаль глубокая, не вернулся самолет на аэродром... Случилось это 6 марта 1945 года.

Теперь имею смелость предполагать, почему у Николая Кузнецова, парня-симпатяги, 24 лет от роду, уроженца одного из районов Московской области, не вышло с улыбкой перед объективом. Ведь вот-вот война закончится, еще немного, еще чуть-чуть... Но, видимо, недоброе предчувствие охватило...

Став взрослым, время от времени всматриваюсь в фотографию, уже осознав роль Николая в создании нашей семьи, читаю в чуть печальном взгляде летчика вопрос ко всему нашему семейству: «Ну как вы там?..»

И надо отвечать дорогому для нас Николаю Ивановичу. Отправляясь в свой последний полет и уходя в мир иной, он, по сути, предопределил для меня, моих братьев и наших потомков то, что прокричал герой известного фильма, тоже летчик-истребитель, падая на землю в горящей машине: «Будем жить!»

Когда отец показывал альбом кому-то из знакомых и требовалось пояснить, кто же этот летчик, следовал ответ, который требовал дальнейшего пояснения:

- Это мой друг Николай Кузнецов. С ним связано мое знакомство с Любой...

Люба, Любовь Петровна Комарова, - моя мать. Тоже прошла всю войну, попала во фронтовой госпиталь в качестве медсестры в неполные девятнадцать лет. Ох, досталось девице, как и ее подругам, наработались, настрадались, насмотрелись на войну.

Кстати, нам в гордость: награждена наша мама медалью «За боевые заслуги».

На обратной стороне фотографии Николая Кузнецова отец написал красным карандашом: погиб в бою с восемнадцатью ФВ-190 в районе Ауце. Это было в Прибалтике, в Латвии.

В той надписи есть одна неточность. Полагаю, отец допустил ее сознательно, как бы добавив героики в печальный факт. Действительно, вылетев 6 марта 1945 года на прикрытие штурмовиков, несколько наших истребителей нарвались на армаду немецких истребителей. Откуда только они взялись в те дни в таком количестве? Скорее всего, для немцев это был полет отчаяния. Собрали в кучу все, что осталось, и решили дать последний бой. В общем, нарвались летчики на эту стаю...

Но не погиб в том бою Николай Кузнецов. Да, его сбили, но небо словно не пожелало смерти молодого пилота, прошедшего всю войну, оно возвращало его земле, однополчанам, его матери, наконец, без единой царапины. Но в тот день был очень сильный ветер. Парашют раскачивало, и за несколько метров от земли Николая бросило на телефонный столб. Удар пришелся в висок, удар был смертельный...

Моему отцу поручили организовать похороны друга. Сладили печальное дело, помянули...

А вскоре продолжающаяся жизнь напомнила о себе молодым офицерам. Кто-то сказал:

- Так здесь же неподалеку фронтовой госпиталь. Почему бы не познакомиться с медсестрами, санитарками. Наверняка все красивые...

Пошли. Отец случайно открыл дверь одной из комнат. Там после дежурства спала медсестра. Понравился ему ее слегка вздернутый нос. Подошел, нажал пальцем на нос спящей и скомандовал негромко:

- От винта!

Медсестра испуганно вскочила, рванулась к двери. Обернувшись, крикнула:

- Нахал!

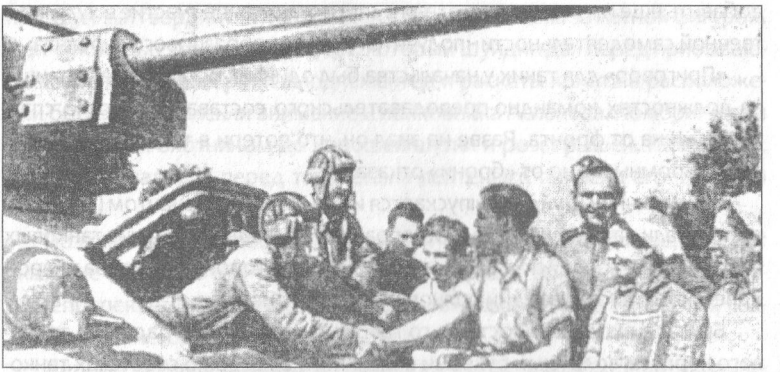
Вот так 6 марта 1945 года в день войны, в день похорон летчика-истребителя Николая Кузнецова, мой отец познакомился с моей матерью. А ровно через год 6 марта 1946 года родился мой старший брат. В память о друге отец назвал его Николаем. И стал он

тоже Николаем Ивановичем, теперь по возрасту чуть ли не в три раза старше вечно молодого тезки.

Потом родился я, потом младший брат. Внуками обрастаем. Вот что произошло после твоего последнего полета, Николай Иванович Кузнецов...

Тебе жизнью обязанный

Виктор КОМАРОВ.



Герой, даривший смех

Вряд ли и сегодня кто знает, что под маской клоуна, выступавшего на манеже вместе с Юрием Никулиным, долгие годы скромно прятался от своей славы героя-танкиста командир танковой роты, гвардии старший лейтенант Михаил Шуйдин, сражавшийся в Белоруссии и Прибалтике. Пожелтевшее многостраничное дело прославленной 35-й гвардейской Шяуляйской Краснознаменной ордена Суворова танковой бригады надежно хранит тайну Михаила Шуйдина. Тайну, о которой не знал даже многолетний партнер Шуйдина по манежу Герой Социалистического Труда, народный артист СССР, участник войны, старший сержант в отставке Юрий Владимирович Никулин.

А боевой путь командира танкового взвода гвардии лейтенанта Михаила Шуйдина начинался в Горьком с учебы в 1-м танковом училище.

«Гремя броней,
сверкая блеском стали...»

С 6 мая 1942 года Михаил Шуйдин ходит в курсантах. Учится прилежно, на «отлично» осваивает материальную часть танка Т-34. А если к этому

*** Танкисты, участники боев за освобождение Литвы, беседуют с мирными жителями.**

добавить еще и лучшие показатели в спорте, активное участие в художественной самодеятельности - получится портрет образцового курсанта.

«Приговор» для таких у начальства был один: их оставляли в училище на должностях командно-преподавательского состава. Это могло спасти Шуйдина от фронта. Разве не знал он, что потери в танковых войсках были огромными, но от «брони» отказался.

Как отличник Шуйдин выпускается из училища лейтенантом (троечники получали на звезду меньше) и направляется в одну из лучших танковых частей - 35-ю гвардейскую танковую бригаду, которой командовал Герой Советского Союза гвардии полковник Ази Асланов.

Бригада входила в состав 3-го гвардейского Сталинградского танкового корпуса, золотыми буквами вписанного в историю советских танковых войск. Танкисты именно этого корпуса замкнули кольцо окружения под Сталинградом и отбили все попытки группировки Манштейна прорваться к окруженной армии Паулюса.

11 апреля 1943 года на должность командира танка Т-34 во 2-й батальон 35-й бригады и прибыл Михаил Шуйдин. С первых же дней невысо-

Эта фотография была сделана в Горьком во время учебы Михаила Шуйдина (слева) в 1-м танковом училище. Здесь он еще сержант.

кий, щуплый гвардии лейтенант стал в бригаде весьма заметной фигурой. Причиной тому - сольный концерт, который Шуйдин дал перед прибывающим пополнением. Гром аплодисментов и раскаты хохота в расположении бригады привлекли внимание и полковника Асланова. Комбриг и сам был большим охотником до хорошей шутки и розыгрышей. Но номера, которые откалывал перед танкистами лейтенант, привели его просто в восторг.

Познакомившись после выступления с Михаилом поближе, он дает указание выделить ему новенький, с завода, танк Т-34-76, что было доселе непререкаемой привилегией только бывалых, испытанных боем, «паленых» танкистов.

Первую награду Михаил Шуйдин получил за освобождение украинской деревушки Удовиченки.

Командир 2-го танкового батальона гвардии капитан Слободецкий в наградном листе пишет:

«В бою 25.08.1943 года за населенный пункт Удовиченки тов. Шуйдин отлично руководил экипажем своего танка, неоднократно смело и решительно водил его в атаку на врага, в результате чего его экипажем было уничтожено 2 орудия ПТО, 3 станковых пулемета с их расчетами и до 2 взводов вражеской пехоты. В этом же бою лично тов. Шуйдиным было уничтожено одно орудие ПТО, один шестиствольный миномет, 2 автомашины с боеприпасами и до 20 гитлеровцев».

За героизм Шуйдин был удостоен ордена Красной Звезды, который вручил ему комбриг Асланов.

Испытание Вилией

Бригада получила новую боевую задачу: захватить плацдарм на западном берегу реки Вилии и занять город Сморгонь. Но ее выполнение оказалось под угрозой срыва - у танков сухие баки. Топливо обещают подбросить самолетами, на что потребуется время, но за упущенные часы и минуты придется расплачиваться кровью. И комбриг Асланов снова принимает смелое решение: слить остатки дизтоплива в баки двух танков и двигаться на Сморгонь.

Уходящий в отрыв по немецким тылам передовой отряд бригады выглядел весьма необычно: первым шел «шерман» гвардии старшего лейтенанта Михаила Шуйдина, следом - «виллис» гвардии генерал-майора Ази Асланова, а замыкал построение «шерман» гвардии младшего лейтенанта Дмитрия Данилова. Танкистам пришлось двигаться по лесным дорогам, где за любым поворотом могла ждать засада. И нигде - ни справа, ни слева, ни позади, ни спереди - не было своих. Наоборот, справа, па-

раллельно с ними, по грейдерной дороге двигались к Сморгони отступающие немецкие войска.

Реку Нарочь танкисты преодолели самостоятельно, а Вилию, юго-западнее деревни Перевозы, помогли форсировать партизаны.

Танкисты быстро замаскировали свои «шерманы» в воронках от бомб вдоль дороги, ведущей на Сморгонь, и стали готовиться к обороне плацдарма. Генерал Асланов приказал удержать его любой ценой, а сам повернул назад навстречу основным силам бригады.

Первую атаку гитлеровской пехоты танкисты Шуйдина отбили огнем крупнокалиберных пулеметов. Но едва на плацдарме успело закрепиться посланное танкистам подкрепление, как фашисты бросили в атаку танки и самоходки.

Однако, несмотря на превосходство, враг действовал как-то неуверенно. Возможно, он подозревал, что его втягивают в ловушку.

Экипаж самоходки на повороте замешкался и подставил борт машины, в который тут же послал снаряд Шуйдин. Экипаж Данилова тоже подбил танк.

Немцы отошли, но от идеи сбросить наших танкистов в Вилию не отказались. Едва начали сгущаться сумерки, вражеская пехота вновь начала со всех сторон подбираться к плацдарму.

В этот напряженный момент в эфире и зазвучал совершенно спокойный голос Шуйдина. Удивление через минуту сменилось неудержимым смехом: Михаил, словно заправский артист, читал рассказы Зощенко. Захлебывались от хохота в экипаже Данилова. От души смеялись и в танках на противоположном берегу.

Немцы, почуяв неладное, сначала остановились, а затем вернулись на исходные позиции. К утру 35-я бригада уже переправилась на плацдарм. Пленный немец впоследствии показал, что когда в радиоперехвате они услышали смех советских танкистов, то их командир решил не испытывать судьбу и приказал отойти.

Таким вот необычным и успешным оказался дебют Михаила Шуйдина перед «иностранной публикой» вечером на плацдарме под Сморгонью.

Представлен к высокому званию

После взятия Сморгони 35-я гвардейская танковая бригада устремилась на Вильнюс. Экипаж Михаила Шуйдина одним из первых ворвался на улицы города. Можно представить, что такое уличный бой на «шермане», когда по тебе в упор бьют из-за каждого угла, из окон и подворотен, бьют из пушек и фаустпатронов, забрасывают гранатами и бутылками с зажигательной смесью...

Три командира

(От специального военного корреспондента «Известий»)

Река в этих местах широкая, сравнительно быстрая. Холодные осенние воды несли на себе желтые листья. Шестеро крутились и спорили в полноводных Шуйдин и Данилов вышли из танков, осторожно осматривая все. С ними на берегу был командир их роты Асланов, небольшого роста, резкий в движениях. Шуйдин и Данилов вспоминали о нем, они знали его интересный характер.

Противоположный берег был в руках немцев. Они заняли в осенней местности оборону. И уже одно то, что немцы не закапывались в землю, расположенный в непосредственной близости от предполагаемой переправы, говорило о том, что враг не собирается уходить отсюда.

Густой лес оказался надежной защитой от немецких воздушных разведчиков. Асланов выдвинул осколки Шуйдина и Данилова совсем близко к берегу и отдал приказание искать брод. Прошло уже около часа, и Асланов начинал нервничать. В это время несколько скорчившихся было перед этим в кустах Шуйдин. Он объявил, что нашел удобный брод на пятнадцати, а главное, с хорошим грунтом. Поручение командира было выполнено.

Асланов махнул рукой и подошел к танку Шуйдина. Назначили, он уселся за спиной орудия и сел возле башни.

— Вы к танкам спешы, — сказал ему Шуйдин.

— Ничего. И как десант... Так мне лучше. Поехали!

Сначала танк Шуйдина, а затем танк Данилова погрузились в серые воды реки.

Брод, действительно, оказался удобным. Тяжелый танк хорошо держал тяжелые машины. Асланов, сидя у башни, внимательно осматривался в противоположный берег. Он видел, как из-за леса волокли немецкие истребители. Немецкий аэродром действовал на его глазах. Асланов чувствовал, что в такой близости от немецких летчиков ему еще за всю войну не приходилось быть.

Тяжко переправились, незамеченными. Где немецких самолетов покрыли хвостовыми. Обе машины вошли в лес и остановились.

Минут через пятнадцать внимательно прислушивавшийся Шуйдин услышал со стороны реки стук лошадиных копыт. Он выше к самой опушке и сквозь кусты увидел верхового — офицера самой отсталого лейтенанта Гаврилова. Гаврилов ехал по сухому танковому следу. Когда он был уже близко, Асланов окликнул его. Гаврилов соскочил с лошади и пошел по кусту.

— Что у вас, Гаврилов?

— Выслают немедленно в штаб. Командир может уточнить с вами детали переправы всей части.

— Очень хорошо. Поедем на вашей лошади.

— Она без седла.

— Тем лучше. Будем удобней сидеть. Вы меня прикройте и вернетесь.

Асланов обернулся к Шуйдину и Данилову.

— До подхода основных сил вы должны удержать этот плацдарм. А потом будет другая, не менее интересная задача.

*

Через час Гаврилов вернулся уже пешим. На том берегу осколым разорвавшегося дальнобойного снаряда лошадь была убита. Он застал танкистов за рытьем траншей вокруг машин. Танки окопали хорошо замаскированные, которые в пятнадцати друг от друга.

Уже смеркалось, когда круговая оборона была открыта. Шуйдин, Данилов и Гаврилов, выставив посты впереди каждой машины, расположились в окопчике и стали наблюдать.

Раньше они не интересовались своими бывшими профессиями, не разговаривали о них. А вот здесь, на этом маленьком танковом плацдарме, разговорились о том, что будут делать после войны, как тяжелый перестой в своем мирном колхозе. Но беседу их длинные не долго. Совсем близко затрещали мотоциклетные очереди, и дозорный Шуйдина Сергей Смирнов, который скатился в окопчик, доложил:

— Немцы обнаружили танки... Во рвах полно автоматчиков.

Данилов короткими перебежками бросился к своему танку. Не было сомнения — немецкие автоматчики шли в бескрутную атаку. Немцы были уверены в том, что подавляющимся на берегу, занятом их войсками, двумя советскими танками. Видимо, автоматчикам очень не хотелось близко разбираться с такими. Посмотрев на то, что они шли и много стреляли на автоматов, — от машин все же держались на почтительном расстоянии. По броне стучали пули. Установка автоматчиков должна же раз, танкисты открыли ответную стрельбу. Они видели, как, срезанные, бесследно падали колосья. Услышали нескольких минутах. Длинный немецкий крик на мгновение прервался и прекратился. Обе стороны скоро прекратили стрельбу. Стало темно. Слышно было, как вопит раненый немец во рва.

Потом пулеметы смолк отдельно стрельбу, попытались приблизиться. Встреченные пушки и гранатами, откатились по-своему. После этого они замолкли до утра.

Отходили со стороны аэродрома не танками ударили из двух орудий. Снаряды вреда машинам не причинили. Но танкисты уже знали, что не хотели делать. Гаврилов сказал, что после первого же выстрела в воздух поднялись немецкие истребители. Они шли на лес, где спрятались танки, выпускали ракетницы сигнали и удалялись за дальний кусс. Немецкий аэродром был закрыт.

Второй день подходил к концу. Шуйдин сказал Гаврилову:

— Если переночуем, может, будем долго жить.

— Почему нам они спокойно не дают... Мы у них, как бельмо в глазу.

Как ни в подтверждение слов Гаврилова, на берег, где возвышались над ровным полем, выползли сразу три немецких танка и две самоходных пушки. Они с ходу дали несколько выстрелов. Снаряды свистели в танках.

— К бою! — приказал Шуйдин своим танкистам.

Четыре человека по танку с Гавриловым вошли с автоматами в окопы. Противотанковые гранаты они положили на дно окопчиков.

На два советских танка поскакали три средних. Стреляли уже десять немецких танков, рассматривавшихся не ночью, и четыре «фердинанда». За танками бежали автоматчики.

И Шуйдин, и Данилов сменяли свои огонь. У них было одно преимущество — они стреляли не двигавшимся на них машинам, сами не рискуя себя.

От разрывов осыпались окопчики. Шуйдин поймал в прицел один, пересчитал приближающийся к ним танк и выстрелил. Танк загорелся. Данилов поджег самоходку.

Но вслед за этим немецкий снаряд вывел из строя поворотный механизм и машину Шуйдина. Танк стал неподвижным и маневренным бью. Но Шуйдин все же, в кромешную мгновение поймал «фердинанда», поджег его. Он ярко горел среди ночи. Видимо, удар пришелся по бензобакам. Пламя распространилось по земле.

Автоматчики-немцы подали прямо к танкам. Они натолкнулись на наших смельчаков, сидевших в окопе. Гаврилов стрелял без перерыва. Газом свистели осколки. Он стрелял. Рявкнул снаряд. Он стрелял, стрелял.

Ночь село солнце, немцы трижды пытались подойти к танкистам и каждый раз откатывались, оставляя на земле убитых и раненых. Темнота прекратила бой. Еще не утвержденный в успехе, Гаврилов выстрел все со лба. И вдруг со стороны реки он услышал громовой лязг. Это шли наши танки. С ними был Асланов.

*

Ночью, когда Гаврилов докладывал Асланову события прошедших дней, сказал:

— А особенно отличились два офицера — Шуйдин и Данилов, — Асланов перебил его:

— Три офицера. Три... И старший лейтенант Гаврилов отличился. Сейчас помогал, Гаврилов... Сейчас нужно вперед, вперед!

Легко маневрируя и танк, Асланов выехал на дорогу.

А. СОФРОНОВ.

ВОСТОЧНЕЕ РИГИ, 26 сентября.

Публикация в «Известиях», рассказавшая о подвиге танкиста Михаила Шуйдина.

В отчете о боевых действиях 35-й бригады говорится: «В боях за г. Вильнюс отличились: экипаж Шуйдина, который, находясь в разведке, уничтожил одно орудие, 7 пулеметных гнезд в домах и 35 автоматчиков, и действовавший с ним экипаж Данилова, уничтоживший одно орудие и 50 немцев».

Из представления к званию Героя Советского Союза:

«За период боевых действий с 23.06 по 21.08.1944 года командир танкового взвода тов. Шуйдин М. И. показал образцы мужества и геройства в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Он проявил исключительное умение и храбрость при форсировании р. Березины, танками своего взвода первый ворвался и мастерски выиграл бой за г. Вилейка, г. Сморгонь и город Вильно. Смело и тактически грамотно неоднократно действовал в разведке, доставлял командованию ценные сведения о противнике. Лично сам и с танками своего взвода тов. Шуйдин уничтожил: 4 танка, 2 самоходные пушки, в том числе самоходное орудие «артштурм», 7 автомашин, 70 солдат и офицеров противника, взял в плен 20 немецких автоматчиков».

После освобождения Вильнюса танкистов ждали стремительный марш и блестящий бой за Шяуляй, после которого 35-я гвардейская бригада получила почетное наименование «Шяуляйская». Затем были Елгава и Добеле...

Севернее Шяуляя, на самом острие удара, оказался мало кому известный поселок Жагаре, которому суждено было стать местом танкового побоища. Здесь в течение четырех суток стояла насмерть танковая рота под командованием гвардии старшего лейтенанта Михаила Шуйдина.

Об отступлении гвардейцы и не думали - за спиной, всего в трех километрах, в деревушке Межамуйже, находился штаб корпуса, овеянное славой боевое знамя части. Комкор Герой Советского Союза гвардии генерал-лейтенант Виктор Обухов отойти со штабом в тыл отказался.

Обстановка накалилась до предела - немцы начали теснить наши войска. И Шуйдин идет на отчаянный шаг: поднимает остатки своей роты в атаку, прямо на рвущиеся к Жагаре «фердинанды». Вид мчащихся на полном ходу и ведущих прицельный огонь «шерманов» привел фашистов в полное замешательство. Воспользовавшись этим, наши сблизились с противником и зажгли два «фердинанда». Жестко огрызаясь из мощных 88-миллиметровых пушек, немцы начали отход. К несчастью, один из снарядов разворотил броню танка Шуйдина. Михаил живым факелом выскочил из полыхающего «шермана».

То, что он остался жив, иначе как чудом и не назовешь, но не меньшее чудо и то, что ослепший, обгоревший танкист дополз до находившегося в тылу, почти в пяти (!) километрах от передовой, медсанбата. Когда, услышав громкие стоны, к обожженному, окровавленному человеку-головешке подбежали санитары, то даже они, видавшие виды, с ужасом отшатнулись. Состояние танкиста было очень тяжелое.

Врачи полгода боролись сначала за жизнь, а затем за здоровье танкиста. Прогнозы делались неутешительные - Михаилу грозила инвалидность: с трудом сгибались обгоревшие руки, упорно не хотели слушаться пальцы. Зрение восстановилось, но не полностью. Когда он в первый раз увидел в зеркале свое лицо, комок подкатил к горлу: на него смотрел какой-то уродливый незнакомец, знакомыми показались только глаза. Домой в Подольск Миша не писал: не хотел расстраивать маму и жену Зиночку. Очень радовался письмам от ребят-танкистов из родной бригады. Они-то и сообщили, что большим фронтовым начальством ему пожалован орден Красного Знамени, который дожидается его в бригаде. Значительно более высокую награду - Золотую Звезду Героя Советского Союза - это самое начальство «зажало», но к счастью, ни он, ни его боевые друзья о том не знали.

Вердикт - быть инвалидом

С вердиктом врачей об инвалидности Шуйдин решительно не согласился. Терпя страшную, мучительную боль, он буквально истязал себя изнурительными тренировками, укрепляя руки, заставляя двигаться пальцы. И совершил то, во что никто не верил: победил свой недуг, свою немощь и вопреки всему вернулся в строй.

Но на фронт уже не успел. 25 июня 1945 года командира танковой роты, кавалера орденов Красной Звезды и Красного Знамени гвардии старшего лейтенанта Михаила Шуйдина уволили в запас, и уже в июле его встречали в родном Подольске.

Мечту стать артистом Михаил не оставил и вновь пошел в Московское цирковое училище. Тяжелые ожоги рук не позволили работать на турнике, поэтому пришлось переквалифицироваться в акробата-эксцентрика. Жить на стипендию было трудно, приходилось подрабатывать, в том числе и клоуном. Получалось смешно, да и густой грим позволял скрывать ожоги, которые разгладятся на его лице лишь спустя многие годы. К сожалению, в московском училище не готовили клоунов. Тогда он поступает в студию разговорных жанров при Московском цирке, где учится вместе с Юрием Никулиным. На Михаила Ивановича сразу же обратил внимание знаменитый клоун Карандаш - Михаил Николаевич

Клоуны Михаил Шуйдин и Юрий Никулин выступали в паре.

Румянцев. Он же в 1949 году и вывел Шуйдина с Никулиным на цирковую арену.

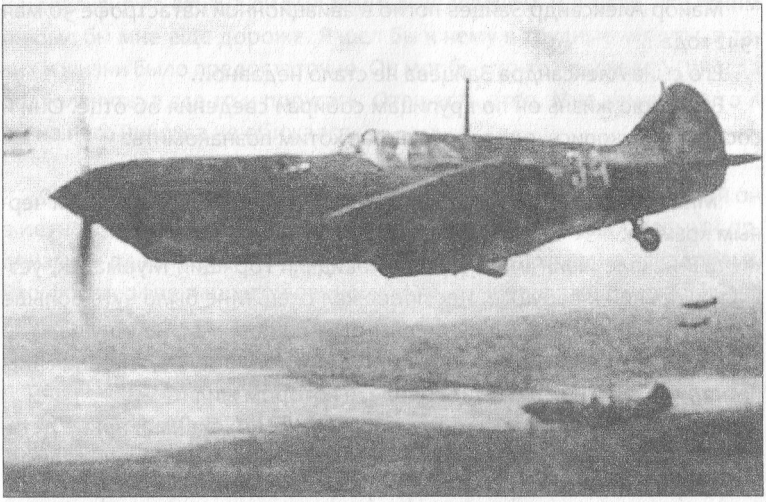
Они стали идеальными партнерами, самым прочным клоунским дуэтом за всю историю мирового цирка.

Шуйдин никогда не носил боевых наград, нигде не рассказывал о своих подвигах, да и на цирковой арене пребывал как бы в тени своего партнера Юрия Никулина. И только цирковые люди могли сказать, что в клоунском дуэте он был главным.

Вне цирка Михаил Иванович казался чрезмерно серьезным и недоступным человеком. Ему нравилось, надев очки, мастерить своими золотыми руками слесаря-лекальщика реквизит для выступлений. Любил свою семью, сыновей Вячеслава и Андрея, которые пошли по его стопам и тоже стали цирковыми артистами.

Андрей МАКСИМОВ.

Сколько мы ни пытались выяснить, где в годы войны находилось 1-е Горьковское танковое училище, нам это не удалось. Старожилы называли разные адреса. Скорее всего, в городе располагался только штаб училища, а курсанты жили на танковом полигоне. Конечно, хорошо было бы отметить памятной доской место, откуда начинался боевой путь воина-танкиста, ставшего знаменитым артистом.



«Я - сын солдата...»

Эту рукопись, которая хранится в архиве редакции, не назовешь воспоминаниями. Она рассказывает о полярном военном летчике Александре Петровиче Зайцеве. Ее автор - сын летчика Александр Александрович Зайцев, ставший сормовским кораблестроителем.

Он почти не помнил отца. Когда они простились, Александру-младшему было всего четыре годика. Больше он отца не видел. Да и те четыре, казалось бы, мирных для страны года отец воевал. Вначале было небо над Халхин-Голом, а потом зимнее небо финской войны.

*** Самолеты ЛаГГ-3 строили на авиазаводе в Горьком. На подобном летал капитан Александр Зайцев.**

Майор Александр Зайцев погиб в авиационной катастрофе 30 мая 1942 года...

Его сына Александра Зайцева не стало недавно...

Всю свою жизнь он по крупицам собирал сведения об отце. Они и составили рукопись, с которой мы вас хотим познакомить.

Многих из моего поколения в детстве зацепила война своим черным крылом.

... В начале июля 1941 года мы покидали горящий Мурманск, уезжая в Горький к бабушке. Нас провожал отец. Мне было чуть больше трех лет, и я, конечно, ничего еще тогда не понимал, не ощущал той тревоги, которая разлилась по земле. И что такое война, я не знал. Мы просто уезжали на поезде из города, в котором жили.

Запомнились лишь какие-то маловажные, но, видимо, яркие детали: блестящие высокие сапоги отца и синие военные брюки-галифе. А что я, маленький, еще мог видеть, стоя на земле возле отца?

Наш поезд отошел от перрона, а отец долго бежал рядом с вагонным окном и махал нам рукой...

Мне не выпало любить отца и не дано было узнать, как бы он любил меня.

Помню, одним днем в доме все вдруг заплакали. До сих пор стоит в ушах бабушкин страшный стон. О том, что у меня уже никогда не будет отца, я узнал позднее. Мама рассказала, что был он смелым летчиком и погиб.

Во время войны к нам зашел летчик из части, в которой служил отец. Он приехал получать новые самолеты. Летчик рассказывал об отце, и я помню его жест: ладонью руки он рубанул по столу и твердо сказал: «Будем давить гадов до победы!» Я уже знал, что давить будут фашистов.

Летчик привез вещи отца. До сих пор у нас в комнате висит летный кожаный реглан. Он изрядно потрепан. Отец ходил в нем, да и я носил его, когда учился в школе.

Потом, когда боль потери стала очевидна, я снял его и навсегда повесил на гвоздь. Реглан стал вещественной памятью об отце.

* * *

Всю жизнь я старался нарисовать образ отца из рассказов однополчан, из строчек документов и дополнить их сохранившимися фотографиями, которых осталось не так уж и много. Но теперь я понимаю, что даже самое богатое воображение не способно поведать правду.

Я идеализирую отца, а он был земным человеком. И я знаю, что таким он был бы мне еще дороже. Я шел бы к нему в трудные минуты, а таких в жизни было предостаточно. Он мог бы что-то подсказать, иногда подтолкнуть, а где-то и поругать. Отец есть отец. Мне кажется, что я бы на него никогда не обижался.

* * *

Сохранилось несколько фронтовых фотографий отца. На одной он в летном шлеме с очками, на нем гимнастерка с двумя боевыми орденами и одной «шпалой» в петлице - капитан, командир эскадрильи. Это фотография первого военного лета. Вернее, даже самого начала войны. Быть может, он сфотографировался «на всякий случай» перед очередным боевым вылетом. Хотя у летчиков не принято сниматься перед вылетом...

Отцу тридцать лет, у него крайне усталый вид, значит, все-таки фотография сделана после вылета. Лицо обветрено, нахмурены брови. Говорят, он был веселый, а по фотографии этого не скажешь.

Александр и Лидия Зайцевы с сыном Сашей. 1939 год. Сормово.

Великая Отечественная война для него была уже третьей, и это всего за пять лет, как он стал летчиком.

В летное училище он уходил по комсомольскому призыву. Орден Красной Звезды получил за воздушные бои на Халхин-Голе,

вторым орденом - Боевого Красного Знамени - его наградили за финскую войну.

Третью войну он встретил единственным летчиком полка с боевыми наградами и самым старшим по возрасту.

* * *

В боевых вылетах летчиков Заполярья была одна специфическая особенность. Они летали только днем. Но этот день здесь тянулся беспрерывно, многие месяцы. Немцы спешили овладеть Заполярьем до наступления полярной ночи. Эскадрилья моего отца не выходила из боев.

Война для отца началась за пять дней до того, как фашисты вероломно взломали границу. 17 июня эскадрилья была поднята по тревоге и получила боевое задание перехватить вторгшиеся в воздушное пространство СССР немецкие самолеты. Завидев советские истребители, немцы ретировались. Вылеты по тревоге следовали каждый день. Летчикам истребительного авиационного полка стало ясно, что до начала войны оставались считанные дни.

Свой боевой счет в третьей своей войне отец открыл 25 июня. Эскадрилья нанесла бомбовый удар по вражескому аэродрому и возвращалась назад, в это время ее и подстерегли два «мессера». Немецкие летчики знали, что они имеют перед И-16 преимущество в скорости, поэтому пропустили их вперед и зашли сзади. Атаковать не спешили - решили, видимо, бить наверняка. Этим промедлением и воспользовался командир эскадрильи. Он рванул свой «ишачок» вверх и с переворота атаковал вражеский «мессер». Самолет задымился и пошел вниз. Второй «мессер» тут же вышел из боя.

Армейская газета «Часовой Севера» часто писала об эскадрилье отца:

«Любое поручение бесстрашные летчики во главе с Зайцевым выполняют удачно. Враг уже не раз испытал их мощный уничтожающий удар. Недавно они сшибли 2 самолета противника. Как бы противник ни был жесток, он не устоит перед силой советских соколов - перед такими храбрыми, неустрашимыми летчиками, какими являются Зайцев и его боевые товарищи».

* * *

Впервые я побывал в Заполярье в 1956 году. Разыскал аэродром отца. Он был цел, но взлетали с него уже гражданские самолеты. Я спросил у летчиков, знают ли они о боях, что здесь шли. Летчики проводили меня на кладбище, и я нашел могилу отца. Все вокруг было

В Харьковской военной школе пилотов. Второй справа - А. П. Зайцев.

ухожено, сухая трава вырвана, дорожка посыпана песком. Меня поразило, что какие-то пока незнакомые люди берегли память о моем отце. В тот раз я не сумел их поблагодарить, торопился.

Теперь там все изменилось. На берегу Кольского залива, на вершине крутой сопки, застыл взлетающий в небо краснозвездный истребитель, а на постаменте высечены имена тех, кто мужественно воевал, прожил недолго, но славно.

С той первой поездки я начал искать друзей отца. И нашел. Много нашел. Отец сам был хорошим другом и оставил у летчиков, механи-

ков, штурманов о себе светлую память. Я получил много писем. И что самое главное, в них не столько писали об отце, как заботились обо мне. Всех интересовало, где я учусь, кем я хочу быть, с какими товарищами вожу дружбу.

В 1967 году я встретился с ветеранами полка в Заполярье. Они приняли меня как сына. Это были товарищи отца - Герой Советского Союза Григорий Федосеевич Дмитрюк, Дмитрий Семенович Гончаренко, бывший комиссар авиаполка Петр Николаевич Елисеев, механик истребителя, на котором летал отец, Иван Иванович Буряк.

После этого, когда я оказывался в городах, где жили эти люди, всегда бывал у них. Иначе, знаю, они здорово обидятся.

* * *

Но были у отца друзья, которые лежат сейчас рядом с ним в холодной северной земле. Среди них сормович Николай Пискарев. Как они сдружились и где, никто не знал. Старший лейтенант Пискарев, пришедший в полк, заставил о себе заговорить на 16-й день войны.

После очередного вылета он возвращался на базу. Шел на бреющем, стараясь скрытно довести истребитель, так как стрелять ему было нечем, да и горючее кончалось. Но перед самым аэродромом шел воздушный бой. В одной из машин он узнал самолет комэска - моего отца. Четыре И-16 отбивались от девятки «мессершмиттов». Пискарев ринулся в бой. Он отвлек внимание четверки «мессеров» на себя. Наши летчики перехватили инициативу и организовали атаку. Фашисты уклонились от пулеметных очередей и рассеялись.

Когда Николай Пискарев посадил свою машину, мотор сразу же заглох - кончилось горючее. Сам летчик был ранен.

В указе о награждении орденами Ленина имена двух сормовичей стоят рядом.

Военное лето 1941 года Александр Зайцев встретил в Заполярье.

* * *

Вот что говорится об их подвигах в наградных листах.

Капитан А. П. Зайцев

«За период борьбы с наглым захватчиком, фашистами, проявил исключительные организаторские способности в деле борьбы с воздушным и наземным противником. Тов. Зайцев со своей эскадрильей смело штурмовал аэродромы противника, уничтожая материальную часть, запасы горючего, боеприпасы. Он бесстрашно водит свою эскадрилью на любое скопление войск, и ни зенитный огонь, ни вражеские самолеты не могут отогнать его от намеченного объекта, пока не выполнит задание.

Пушечным огнем своих самолетов эскадрилья принуждала противника к бегству, задерживая продвижение войск, уничтожая оголтелых врагов. Тов. Зайцев в своей группе имеет три победы над самолетами противника, уничтожил бензозаправщик с горючим, взорвал снарядный ящик артиллерии. Имеет 22 боевых вылета. Эскадрилья капитана Зайцева имеет 196 боевых самолетовылетов.

Тов. Зайцев достоин высшей награды нашего правительства - ордена Ленина».

Старший лейтенант Н. В. Пискарев

«Тов. Пискарев Николай Владимирович партии Ленина - Сталина и социалистической Родине предан. За короткий период борьбы с германским фашизмом имеет 28 боевых вылетов. Иногда в день производил 5-6 вылетов.

Его вылеты характеризовались смелостью и отвагой. С поля боя никогда не уходил, чтобы не расстрелять последние патроны в зарвавшегося врага. Его звено производило налет на аэродром противника, был уничтожен заправщик, замаскированный в лесу. Своим метким огнем командир звена уничтожил 10 груженых автомашин и более 50 лошадей.

При далеком рейде в тыл противника обнаружил пехоту на отдыхе и открыл огонь из своих пушек. В одном из вылетов тов. Пискарев заметил на высоте 1500 метров самолет противника, несмотря на то, что надо было возвращаться на свой аэродром, он бросился догонять врага и сбил его. Каждый куст ему знаком на местности, ничего не скроется от его глаз.

10 июля 1941 года он, в полете на штурмовку, уничтожил замаскированную на склоне горы автоколонну. При возвращении заметил вра-

жеского корректировщика ФВ-56, оставшимися патронами поразил цель. В составе шести самолетов участвовал в уничтожении Ме-110. Его рвение, желание выполнить любое задание характеризуют его как летчика-героя, патриота нашей Родины.

7 июля 1941 года при испытании самолета над аэродромом попал в сложную ситуацию и был вынужден прыгать с парашютом. Получил легкое ранение и в госпитале не задержался.

За боевые подвиги на фронте борьбы с германским фашизмом заслуживает высшей правительственной награды - ордена Ленина».

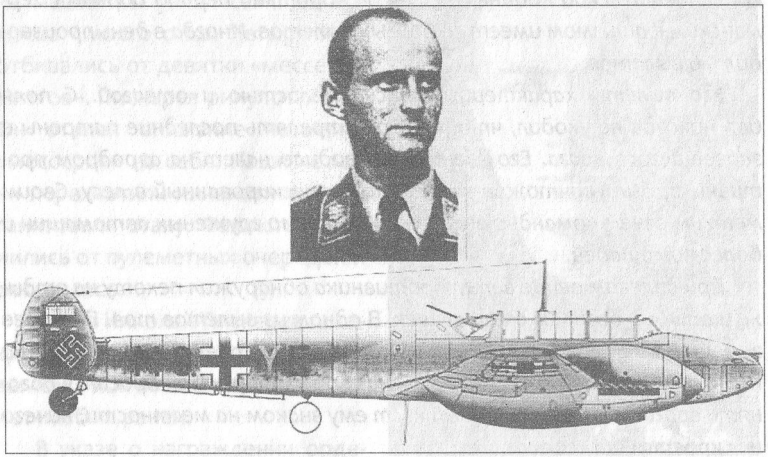
* * *

Николай Пискарев погибнет в августе сорок первого. Когда я приехал из Заполярья, по всему Сормову начал искать родственников друга отца. Никого так и не нашел. Быть может, у него никого не осталось и память о нем хранить некому. Нет дома, в котором на стене висела бы его фотография и кто-то хранил бы дорогие вещи. Так солдат с именем стал безымянным.

Но не дают угаснуть памяти красные следопыты. Они настояли на том, чтобы именами летчиков были названы улицы в их заполярном поселке. Спасибо, вам, ребята! От нас, сормовичей, спасибо!

* * *

В Мурманском краеведческом музее хранится размалеванный крестовыми тузами хвост фашистского самолета Ме-110. Подолгу



Немецкий ас гауптман Герхард Отто Шашке, которого сбил в воздушном бою капитан Александр Зайцев.

задерживаются около него экскурсанты, разглядывая необычный экспонат.

Экскурсоводы рассказывают, что попал он в музей благодаря летчику Александру Петровичу Зайцеву. Благодаря моему отцу. А случилось это так.

Стремясь как можно быстрее захватить Заполярье, немцы перебросили сюда лучших своих воздушных асов, среди которых оказался и гауптман Герхард Отто Шашке. Он летал над Польшей, Англией, Грецией, Францией и имел уже больше сотни побед. В момент нападения на Советский Союз Герхард Шашке был командиром штабного звена. Все звено было переброшено в Заполярье и сражалось оторванным от своего полка.

На второй день войны Шашке потопил советский сторожевой корабль, а за первые две недели боев уничтожил в воздухе 12 советских самолетов.

У него был свой, «фирменный», прием ведения боя. Он бил советские самолеты на взлете. Его очередной вылет «обслуживали» несколько истребителей, которые он направлял в сторону советского аэродрома. Когда истребители русских взлетали по тревоге, появлялся сам Шашке и сбивал их на взлете. Он подходил к аэродрому на бреющем полете, появляясь как бы из-под земли.

Маневр его был разгадан. В очередной раз, когда группа немецких истребителей была обнаружена на подлете, в воздух поднялась эскадрилья Зайцева. Немецких истребителей оказалось больше, несмотря на это, эскадрилья приняла бой.

Как говорили очевидцы, на картину воздушного боя было страшно смотреть. Казалось, машины вот-вот столкнутся в воздухе, наши летчики били с коротких дистанций, наверняка. Им удалось сбить три самолета противника. «Ме-110» гауптмана Шашке «завалил» комэск Зайцев. С самого начала боя он поймал немецкого аса и не отпускал его, пока не расстрелял в упор. Тогда в воздухе комэск не знал, что это один из лучших асов люфтваффе вермахта. Он видел только размалеванный самолет и догадывался, что птица эта важная.

Самолет Шашке упал в трех километрах от аэродрома. Подойти к сбитой машине сразу не удалось. Оказалось, что уцелел бортстрелок, который и открыл огонь...

Дорого обошелся этот бой эскадрилье Зайцева. Она потеряла четыре самолета. Погибли земляки комэска лейтенанты Николай Писка-

Первые дни войны. Настроение у всех прекрасное. В центре - командир 145-го ИАП полковник Н. И. Шмельков, справа от него - командир лучшей в полку эскадрильи капитан А. П. Зайцев. (Фото из фондов краеведческого музея г. Мурманска.)

В центре - капитан А. П. Зайцев, слева от него - старший лейтенант Н. В. Пискарев (погиб 4.08.1941 г. в бою с немецким асом гауптманом Герхардом Шашке), справа - лейтенант Б. М. Кузьмин (погиб в бою 24.01.1942 г.). (Фото из фондов краеведческого музея г. Мурманска.)

рев и Николай Шелухин, москвич лейтенант Лев Звягин, а лейтенанту Михаилу Старкову пришлось покидать самолет с парашютом.

Михаил Старков тоже был земляком комэска. Он прибыл в полк с партией новых самолетов ЛаГГ-3 из Горького и как летчик-испытатель и инструктор остался проводить войсковые испытания новых машин и обучать полетам на них летчиков полка. Теперь он выбыл из строя, получив многочисленные ожоги. Его обязанности возложили на комэска Зайцева.

Командующий ВВС 14-й армии полковник И. Л. Туркель вручил в качестве награды капитану Зайцеву... пистолет гауптмана Шашке и написал представление о присвоении комэску звания Героя Советского Союза.

* * *

Как известно, в жизни бывают не только светлые полосы, но и темные. Встречаясь с летчиками, я в этом убедился сполна. Мой отец был открытым и азартным человеком. У него был резкий, взрывной характер. Он быстро заводился и так же быстро отходил. Мне рассказывали, что после очередного боевого вылета он мог играть в футбол и тут же по тревоге вновь подниматься в небо. Он был искренним во всем, это его и подводило.

В марте 1942 года на приеме по случаю вручения наград английским летчикам, воевавшим в Заполярье, в присутствии высших начальников с той и другой стороны Зайцев заявил с рабочей прямотой:

«Спасибо, вы нам помогаете бить Гитлера, а потом мы вам поможем покончить с Черчиллем...»

Он верил в мировую революцию, этому его учили... Но на заметку политорганам он попал, и крепко.

* * *

Представление на высокое звание Героя Советского Союза было отозвано. К эскадрилье был приставлен политрук, который, как вспоминали ветераны полка, «сам не летал, но форму летчика носил очень эффектно, был образцом строевого командира и внимательно бдил за личным составом эскадрильи».

Эскадрилья несла потери. Молодое пополнение летчиков поступало с минимальным налетом часов. Что было делать? И тогда комэск вместо пары дежурных самолетов, охранявших подступы к аэродрому, стал выпускать четверку, прикрепив молодых летчиков ведомыми к опытным.

Приставленный блюсти дисциплину политрук «вскрыл» это нарушение. Дело чуть не дошло до драки. Комэск защищал своих летчиков - ему, а не блюстителю порядка предстояло водить их в бой.

Высокое начальство своеобразно замяло это дело. Политрук ушел на повышение, одаренный еще и наградой. Зайцев же остался командиром эскадрильи и продолжал воевать.

* * *

В апреле 1942 года 145-й истребительный авиационный полк становится 19-м Гвардейским и вооружается американскими «Аэрокобрами». Эскадрилья Зайцева осваивает этот трудный для пилотирования самолет одной из первых, и теперь уже майор Зайцев лично сбивает на освоенном истребителе три вражеских самолета. Его боевой счет - 14 сбитых самолетов лично и 21 в группе.

* * *

В мае 1942 года комэск Зайцев все еще остается в «штрафниках». Он почти ежедневно водит свою эскадрилью на сопровождение бомбардировщиков. В один из вылетов истребители обнаружили барражирующие «мессеры», поджидавшие «бомберов». Эскадрилья Зайцева тут же ввязалась в бой. А в это время ведущий бомбардировщиков, видя, что истребители прикрытия отвлеклись от основной задачи, повернул тяжелые машины назад. Вернувшись на аэродром, «возвращенец» был арестован и в дальнейшем осужден военным трибуналом. А майор Зайцев получил очередной «втык» за то, что ввязался в бой, оставив без прикрытия «бомберов». Но как без прикрытия, если эскадрилья обрушилась на «мессеры», фактически находившиеся в засаде...

* * *

Я могу понять настроение отца в то время, когда одна за другой в жизни появляются темные полосы невезения. И со мной такое бывало, но это было в мирной жизни, когда невезение можно было переждать.

А тут...

В сообщении оперативной сводки № 30 от 30 мая 1942 года говорилось:

«...На аэродроме Шонгуй летчик 19-го Гвардейского ИАП майор Зайцев на самолете «Аэрокобра» при взлете на боевое задание - сопровождение бомбардировщиков - стал пилотировать на малой высоте. На высоте 600 метров сделал переворот и, не выходя из пикирования, врезался в землю. Самолет сгорел, летчик погиб».

В одной из книг, вышедших в наше время, я прочитал версию о самоубийстве отца. И она начала кочевать из книги в книгу. Обвинялись комиссары, командиры, которые довели боевого летчика до стрессового состояния и психологического тупика.

Спорить с «выдвиженцем» этой версии бесполезно: ни я, ни он ничего друг другу не докажем.

И я решил обратиться за помощью к бывшему авиамеханику отцовского самолета Ивану Григорьевичу Ильину, ставшему уже в мирное время полковником инженерной службы. Он тут же сказал:

- Каждый летчик может подтвердить, что 600 метров - это немалая высота и переворот не такая уж и сложная фигура. Малой высотой 600 метров могли быть для молодых летчиков, а майор Зайцев был опытным пилотом, владеющим бреющими полетами у самой земли.

Вполне вероятно, с самолетом что-то произошло. Расследование тогда произвести было невозможно, самолет рассыпался полностью. Тело летчика нашли только через сутки. Его выбросило из кабины в реку Кола и отнесло течением за 30 километров от аэродрома.

Наши опытные комэски, взлетая, иногда позволяли себе лихость, чтобы подбодрить ведомых.

Версию о самоубийстве я полностью исключаю. Александр Петрович Зайцев не был малодушным человеком. Он был боевым летчиком и предпочел бы погибнуть в схватке с врагом.

* * *

Со старого аэродрома, где мне выпало не однажды стоять в скорбном молчании, отец более двухсот раз поднимался в воздух. Почти каждый день... Теперь я понимаю, что самое великое чудо было бы, если бы отец вернулся с войны...

Многие сыновья погибших отцов продолжали их дорогу. Я тоже хотел быть летчиком, но подвело зрение, и меня в училище не приняли.

Когда-то я думал, что память об отце только наша семейная память. Он дорог нам, мне. Но оказалось, что это не так. На нашем стареньком доме, который был еще жив, следопыты укрепили табличку: «Здесь живет семья погибшего фронтовика Александра Зайцева». Когда мы переехали в новый дом, следопыты настояли на том, чтобы эта табличка висела на нашей входной двери.

У Александра Твардовского есть строки, обращенные к моему поколению:

... Завет тебе один -
Ты только вспомни,
Мальчик, чей ты сын.

Я уже далеко не мальчик, но помнил, помню и помнить буду: я - сын погибшего солдата...

Александр ЗАЙЦЕВ.

День 4 августа 1941 года для 145-го истребительного авиационного полка стал трагическим днем. С боевого задания не вернулось 4 самолета ЛаГГ- 3. Среди погибших летчиков были наши земляки:

ПИСКАРЕВ Николай Владимирович, старший лейтенант, заместитель командира эскадрильи, 1914 года рождения. Погиб в воздушном бою над аэродромом Шонгуй.

Место рождения - г. Горький. Проживал по адресу: ул. Коминтерна, д. 30, кв. 6. По этому адресу жил отец В. И. Пискарев.

ШЕЛУХИН Николай Александрович, старший лейтенант, адъютант эскадрильи, 1912 года рождения. Погиб в воздушном бою над аэродромом Шонгуй.

Место рождения - г. Горький. Проживал в Автозаводском районе по адресу: Соцгород, ул. Жданова, д. 15, кв. 18. Жена - Прасковья Кузьминична Шелухина.

СОКОЛЕНКОВ Сергей Николаевич, старший лейтенант, замкомандира эскадрильи, 1916 года рождения. По немецким данным, его самолет был сбит в воздушном бою в районе Салми-Ярве.

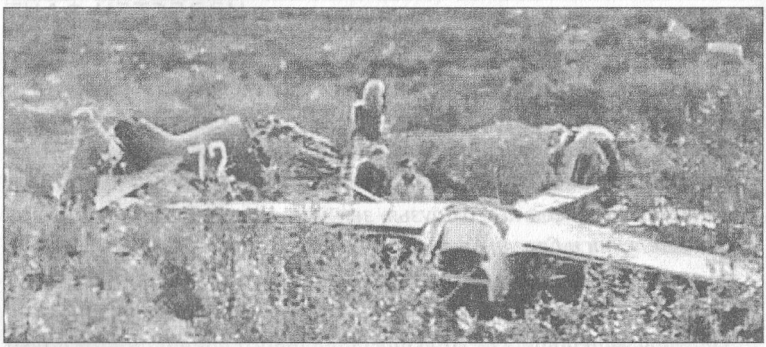
Место рождения - г. Горький. Проживал по адресу: Кузбасский пер., д. 3, кв. 1. Жена - Евдокия Кононовна Соколенкова.

Из полета вернулся

Вы только что познакомились с биографией нашего земляка Александра Зайцева, боевого летчика, воевавшего в Заполярье. Рядом с ним воевали его друзья- земляки Николай Пискарев, Николай Шелухин и Сергей Соколенков.

И если судьбы Николая Пискарева и Николая Шелухина были известны - они погибли в одном бою, то в списке о потерях личного состава летчиков 145-го истребительного авиационного полка напротив фамилии Сергея Соколенкова значилось: «из боевого вылета не вернулся». А это значит, что во всех документах, пришедших в семью, была одна запись: «пропал без вести». Таким он числился до 2007 года, когда стало известно, что он погиб, место его гибели известно и найдены его останки...

*** Наши земляки летчики старший лейтенант Сергей Соколенков (слева), старший лейтенант Николай Шелухин (справа) и комэск капитан Николай Гальченко (в центре).**



Подбитый самолет ЛаГГ- 3 старшего лейтенанта Сергея Соколенкова упал в расположении вражеских войск. Сохранились фотографии, сделанные немцами. На этом снимке видно место падения самолета.

В летописи заполярного поискового отряда «Петсамо» есть запись от 2007 года, в которой говорится, что поисковиками, братьями Алексеем и Юрием Бидненко, в районе Титовского перевала были найдены обломки самолета. Судя по надписям на бортовых приборах, это был советский самолет, предположительно ЛаГГ-3. Рядом с самолетом лежали останки летчика, перепутанные стропами парашюта.

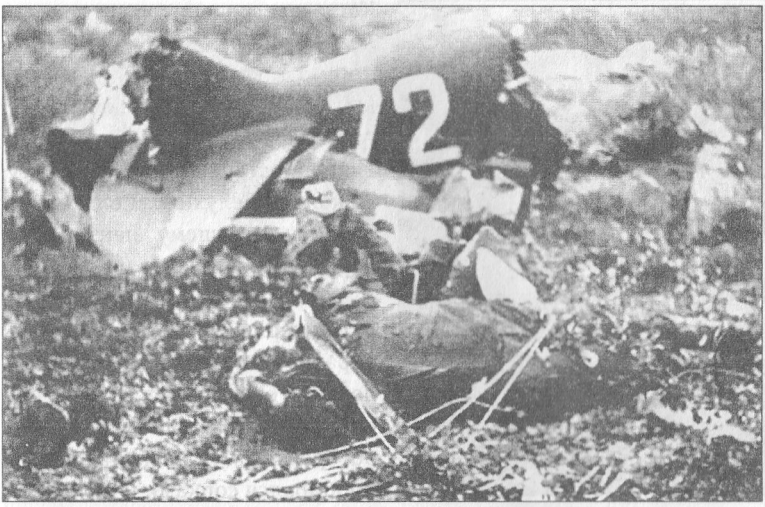
С этой находки и начался поиск. На одном из найденных фрагментов удалось прочитать номер самолета. Из военного архива сообщили, что самолет с таким номером принадлежал 145-му истребительному авиаполку и летал на нем заместитель командира эскадрильи старший лейтенант Сергей Николаевич Соколенков. Он считался пропавшим без вести 4 августа 1941 года. Не вернулся из дальней разведки войск противника в районе Салми-Ярве.

В 2008 году останки летчика захоронили на Аллее Славы города Заполярного.

А еще в архивных документах сообщалось, что летчик был уроженцем города Горького, и указан адрес довоенного проживания.

Из Горького пришел неутешительный ответ:

«...По адресу проживания летчика находится разрушенный дом. Место нынешнего проживания жены погибшего и других его родственников неизвестно».



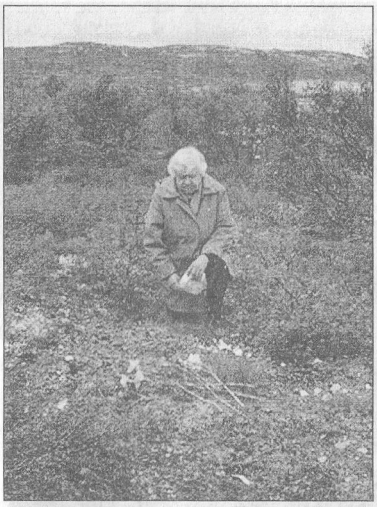
А на этой фотографии можно разглядеть тело погибшего пилота. Оно так и пролежало в заполярных сопках до 2007 года, пока его не нашли поисковики.

Казалось, оборвалась единственная ниточка надежды. Однако ответ этот не был окончательным. В областном военкомате все-таки отыскали детей летчика. Сын - Соколенков Евгений Сергеевич - жил в Горьком, а дочь - Галина Сергеевна - в Павлове.

Для Галины Сергеевны сообщение о найденном самолете отца не было особо неожиданным. Она не раз бывала на месте бывшего военного аэродрома в поселке Шонгуй и на праздновании Дня Победы в Мурманске. А приезжала она сюда потому, что вблизи аэродрома до войны квартировала семья летчика и жила она, но тогда ей был всего год с небольшим. С началом войны их тихое заполярное место жительства стало районом ожесточенных воздушных боев.

Мама рассказывала, что к военному аэродрому стремились прорваться немецкие бомбардировщики и уничтожить его. Случалось, бомбовозы прорывались и бомбили поселок. Летчики полка по нескольку раз в день поднимались в воздух на перехват бомбардировщиков.

Аэродром немцев находился на сопредельной финской территории. Чтобы упредить удар, надо было нанести урон фашистам на аэродроме, но приказа о перелете границы не поступало.



Дочь летчика Галина Сергеевна Соколенкова (ныне Преснова) на месте гибели отца.

Когда стало понятно, что началась полномасштабная война, приказ такой поступил. Первый вылет доверили комэску майору Александру Зайцеву, его заместителю старшему лейтенанту Николаю Шелухину и опытному летчику старшему лейтенанту Сергею Соколенкову.

Путь на Луостари они разведали, первый удар нанесли. На обратном пути самолет Соколенкова был подбит. Летчик покинул его с парашютом. Сильно обгоревший, он несколько дней пробирался сопками и болотами к своему аэродрому. Товарищи уже считали его погибшим. Но он вышел и даже в госпиталь идти отказался.

Каждый раз, когда Галина Сергеевна приезжала сюда, в поселок, где начиналась ее жизнь, ей говорили, что отец погиб, но вот при каких обстоятельствах и где - неизвестно, его самолет пока не найден, но обязательно будет обнаружен. И не думала она тогда, что стоящие в почетном карауле у памятника погибшим летчикам пионеры вскоре станут членами поискового отряда «Петсамо» и найдут самолет ее отца...

Она побывала на месте его гибели и собрала оставшиеся мелкие кусочки самолета, а сюда привезла землю с родных мест.

А отряд «Петсамо» продолжает поиск. В районе Луостари поисковики нашли фрагменты разбившихся самолетов СБ-2 и МБР-2.

В прошлое поисковое лето найдены останки немецких солдат, которые переданы германской стороне. Народный Союз Германии выражает благодарность поисковикам за их бескорыстный труд, ведь известий о погибших воинах до сих пор ждут и на родине бывшего противника.

Ты памяти не тронь

С большой долей вероятности я мог бы назвать имя человека, бросившего черную тень на доброе имя нашего земляка, бойца Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН) Бориса Аксенова, погибшего на фронте. Но, как говорится, не пойман – не вор.

Чтобы снять навет, потребовалось более трех десятилетий. На защиту Бориса встали друзья по спорту и однополчане. Автору этих строк посчастливилось принять участие в восстановлении истины.

«Я не согласна!»

Осенью 1976 года в тесную комнатушку отдела спорта областной молодежной газеты «Ленинская смена» вошли две женщины. Одна из пришедших, Валентина Дементьева, была в ту пору секретарем ветеранской организации областного спортивного общества «Динамо». Ее

* Среди ОМСБОНовцев было много известных стране спортсменов.

спутница - Анна Аксенова, вдова Бориса, о котором до этой встречи я ничегошеньки не знал.

В ту пору были в Горьком и другие уважаемые газеты, и я благодарю судьбу, что женщины предпочли редакцию «молодежки». То, с чем пришли посетительницы, заставило на время забыть обо всем остальном.

Представьте только, решили горьковские динамовцы провести первые областные соревнования памяти фронтовика, неоднократного чемпиона и рекордсмена СССР по плаванию Бориса Аксенова, но из Москвы, из центрального динамовского ведомства пришло предупреждение: «Не рекомендуем! Есть серьезные сомнения в том, что Аксенов достойно проявил себя на фронте».

Принципиальная позиция Валентины Васильевны Дементьевой послужила началом восстановления доброго имени Бориса Аксенова.

Если говорить без обиняков, за этим предупреждением крылось чудовищное подозрение, будто Борис не погиб, а... перешел на сторону врага!

Кто-то, может, и остерегся бы в такой ситуации ослушаться, но только не Валентина Васильевна Дементьева. Мягкая и добрая, она становилась словно кремень, когда встречалась с несправедливостью. Только она, уже в преклонном возрасте, могла заявить в глаза руководству областного управления внутренних дел о бедственном состоянии бассейна «Динамо», в котором он оказался на рубеже 1980-х – 1990-х годов. Это первый в Горьком зимний плавательный бассейн, открытый в 1936 году. Здесь Борис Аксенов, учившийся на рабфаке индустриального института, добивался успехов во славу горьковского и российского плавания.

А до этого тренировались только летом на окской водной станции. По воспоминаниям Валентины Васильевны Дементьевой, ветерана войны, мастера спорта по лыжным гонкам, чемпионки России и призера всесоюзных соревнований по марафонскому плаванию, Борис

Горьковские пловцы 30-х годов. Борис Аксенов третий справа.

Аксенов впервые появился на водной станции «Динамо», во всяком случае, не позднее 1934 года. Его спортивный талант раскрыл первый тренер Александр Васильевич Рябов, чемпион поволжских спартакиад, впоследствии доктор наук, проректор Горьковского госуниверситета. Борис прекрасно плавал и кролем, и брассом, а самых больших успехов добился в плавании на спине. Выходить победителем в споре с именитыми соперниками помогала прежде всего совершенная техника, в том числе техника старта. Газета «Красный спорт» осенью 1938 года на трех снимках показала, как берет старт Аксенов. Спустя четыре десятилетия (!) эти снимки по-прежнему включались в учебники по плаванию.

В предвоенные годы друзья Аксенова хорошо узнали его не только как талантливого спортсмена, но и верного товарища, человека, преданного Родине.

Вот почему такое возмущение вызвали у Валентины Васильевны Дементьевой черные домыслы вокруг доброго имени Бориса.

- Я не согласна! – заявила она.

С этих слов и начался поиск. Немалых трудов стоило отыскать вдову Аксенова. Дело в том, что в 1940 году Борис поступил в Московский

автомеханический институт. Одновременно работал инструктором по плаванию и, конечно, продолжал тренироваться. Вместе с ним в столицу перебралась и жена Анна. Где она, в Москве или, может, вернулась в Горький? Никто не мог ответить на этот вопрос, а тот, кто знал, что она давно уже в Горьком, из каких-то низких побуждений не пожелал сказать правду.

И все же Валентина Васильевна разыскала Анну. От нее и узнала первые, весьма важные сведения.

У Бориса была бронь, но Анна понимала, что это не удержит мужа в тылу. Жене он говорил: «Я здоровый человек, спортсмен, комсомолец. Мое место на фронте. Я должен защищать Родину, которая так много дала всем нам».

Борис добился-таки своего: он был зачислен в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения, формировавшуюся в основном из спортсменов. Главной задачей подразделений ОМСБОНа была диверсионная борьба в тылу врага, в том числе в партизанских отрядах. Но многим, в том числе и Борису, выпала иная судьба – защищать столицу от наседавшего врага.

7 ноября 1941 года в составе сводного полка ОМСБОНа младший сержант Борис Аксенов принял участие в историческом военном па-

Борис Аксенов был участником парада 7 ноября 1941 года. С парада бойцы уходили на фронт.

раде на Красной площади. Где-то рядом в воинских колоннах, чеканя шаг, шли его однополчане – Шалва Чихладзе, без которого было бы неполным наше повествование, и поэт Семен Гудзенко, строка из стихов которого дала название данной публикации.

У каждого свой подвиг

Валентина Дементьева и Анна Аксенова принесли в редакцию письмо от командира роты ОМСБОНа Кирилла Лазнюка, которого разыскали в Киеве. То, что рассказывалось в нем о командире отделения Борисе Аксенове, из разряда «очевидное – невероятное».

Оставив один из населенных пунктов, говорилось в письме, омсбоновцы заминировали одно из зданий, в котором гитлеровцы могли разместить штаб. Мину с часовым механизмом установили в подвале, в куче угля. Но когда рота Лазнюка ушла далеко, стало известно, что наши части отбили у фашистов этот населенный пункт и в заминированном здании разместили госпиталь. Для того, чтобы предотвратить беду, времени было в обрез. Но Борис Аксенов, на кого пал выбор командира, пройдя на лыжах не один десяток километров, успел вовремя: за пять минут до взрыва мина была обезврежена...

У меня в тот момент не было ни малейшего сомнения в подлинности истории, изложенной в письме командира роты. Переноси ее на газетную страницу – и успех публикации обеспечен. Но мне хотелось узнать о Борисе побольше, разыскать других его однополчан. Нити поиска соединили меня в те дни со многими городами Советского Союза. Во многом решающим моментом в этой истории стало то, что в моих руках, не помню каким образом, оказался домашний московский телефон генерал-лейтенанта Павла Анатольевича Судоплатова. В годы Великой Отечественной войны Судоплатов руководил организацией разведывательно-диверсионной работы и партизанской войны в тылу врага, работал со знаменитым советским разведчиком Николаем Кузнецовым. Во время наступления немцев на Москву руководил минированием наиболее важных объектов. Деятельность ОМСБОНа тоже осуществлялась под его патронажем. Под литературным псевдонимом Анатолий Андреев (видимо, от оперативного псевдонима Андрей) он стал составителем книги о героической истории бригады.

Тогда, осенью 1976 года, я дважды по часу разговаривал по телефону с Павлом Анатольевичем, израсходовав, наверное, весь лимит редакции. Впрочем, говорил в основном Судоплатов, сразу дав понять, что главное для него в любом материале об омсбоновцах – достоверность. Узнав о письме Кирилла Лазнюка, он огорошил меня известием,

что история с заминированием и разминированием не имеет ни малейшего отношения к Борису Аксенову!

- Случай такой действительно был, - пояснил Судоплатов. – Но с участием других людей. Дело в том, что Кирилла Лазнюка после ранений и контузий подводит память. Но вы не огорчайтесь, у каждого свой подвиг, в том числе и у Аксенова.

Благодаря Павлу Анатольевичу Судоплатову удалось восстановить боевой путь нашего земляка.

Павел Судоплатов был наставником ОМСБОНовцев.

За нами - Москва!

Поразительно, но генерал-лейтенант Павел Судоплатов знал все до мелочей не только о боевых действиях подразделений ОМСБОНа, но и о судьбе едва ли не каждого бойца. Во всяком случае, я убедился в этом на примере нашего земляка Бориса Аксенова, в восстановлении доброго имени которого Судоплатов оказал неоценимую помощь.

... Середина ноября 1941 года. Гитлеровцы возобновили наступление. Необходимо было с помощью массированных заграждений сдержать продвижение врага к каналу Москва - Волга. Работы по минированию приходилось вести под непрерывными бомбежками, в сильный мороз. 23 ноября батальон, в котором служил младший сержант Аксенов, приступил к минированию участка Ленинградского шоссе южнее Клина. Неожиданно появились немецкие танки, под прикрытием которых шли густые цепи лыжников-автоматчиков. Командиру пулеметной роты было приказано отсечь автоматчиков от танков, роте старшего лейтенанта Кирилла Лазнюка заминировать лесную дорогу и возможные отходы, а группе бойцов роты углубиться в лес и забросать танки противника гранатами. Эту группу возглавил командир отделения Борис Аксенов. Когда в гитлеровцев полетели гранаты, танки вынуждены были искать обходные пути, где они подрывались на заблаговременно

установленных нашими бойцами минах. Атака фашистских танков и автоматчиков захлебнулась.

Письма с фронта были редкими и скупыми. На одном из них стоял почтовый штемпель «4 декабря 1941 года». Именно в этот день у Аксеновых родился сын Олег. Борис успел узнать об этом, но увидеть сына было не суждено.

Последний бой

В январе 1942 года четыре отряда ОМСБОНа готовились к переходу через линию фронта для выполнения специальных заданий в тылу врага, для чего, собственно, и создавалась Отдельная мотострелковая бригада особого назначения. Однако обстановка на фронте осложнилась, и командование 10-й армии вынуждено было задержать омсбоновцев для отражения натиска гитлеровских войск в районе Сухиничей. Отряды получили приказ прибыть в деревню Гульцево в расположение штаба 328-й дивизии. А так как Сухиничи были в руках врага, пришлось обходить их стороной. Пятьдесят километров на лыжах, по глубокому снегу, в сильный мороз. И сразу в бой. Выбив немцев из поселка Дубровка, отряд Лазнюка, в который входило и отделение Аксенова, был послан на помощь отряду Горбачева, чтобы вместе с бойцами 328-й дивизии атаковать опорный пункт гитлеровцев в деревне Кишеевке Думиничского района Калужской области.

Задача была чрезвычайно сложной. В Кишеевке засело до трехсот фашистов, вооруженных пулеметами и минометами. Подходы к деревне были густо начинены картечными минами . И мороз, жестокий мороз первой военной зимы.

Был мороз – не измеришь по Цельсию.
Плюнь – замерзнет, такой мороз.
Было поле с безмолвными рельсами,
позабывшими стук колес.
Были стрелки совсем незрячие –
ни зеленых, ни красных огней.
Были щи ледяные. Горячие
были схватки за пять этих дней.
Каждый помнит по-своему, иначе,
и Сухиничи, и Думиничи…

Так писал в 1942 году однополчанин Бориса Аксенова рядовой ОМСБОНа поэт Семен Гудзенко.

Каждый дом в Кишеевке приходилось брать словно крепость. Из окон одного из домов били сразу два пулемета. Один – с той сторо-

Братская могила в селе Которь, Калужской области, где похоронен Борис Аксенов.

ны, где метр за метром продвигались вдоль улицы бойцы отделения Аксенова. Огонь пулемета не позволял не то что шагу ступить, головы поднять. И тут они увидели, как в нескольких десятках метров от них по направлению к сеющему вокруг смерть дому, зарываясь в глубокий снег, пополз боец. Это был Петр Засосов. Вдруг раздался взрыв: Петр подорвался на мине. Некоторое время он лежал неподвижно, но потом приподнялся на локтях и, волоча по снегу перебитые ноги, медленно пополз дальше. У стены дома он приподнялся на левой руке, а правой швырнул гранату в окно. Граната была противотанковая, от взрыва погиб и сам герой. Один из пулеметов замолчал, а вскоре Борис Аксенов с бойцами отделения уничтожили второй пулеметный расчет.

Бой продолжался всю ночь. К гитлеровцам прибыло подкрепление со стороны Большой Брыни. Многократное превосходство противника в живой силе не могло не сказаться на ходе боя. В эти трудные минуты командир отделения Аксенов и его бойцы стойко отражали атаки наседавшего врага. Вдруг что-то острое и горячее ударило Бориса в грудь, бросило на холодный снег...

Были как братья

Замечательные, жаркие для меня, журналиста, октябрьские деньки 1976 года. Часть материала о Борисе Аксенове успел написать и сдать в редакцию. Продолжение писал, что называется, на коленке на одном из столичных вокзалов, дожидаясь поезда на Тбилиси, после чего отправил по почте в Горький.

Отчего такая спешка? И при чем здесь Тбилиси?

Дело в том, что стремительно приближался день, на который были назначены первые соревнования по плаванию памяти Бориса Аксенова, и публикация в областной молодежной газете должна была появиться накануне этого события. Но мне не хватало чрезвычайно важного звена. От одного из омсбоновцев узнал о том, что в столице Грузии живет Шалва Константинович Чихладзе, боец отделения Аксенова. Какая удача! И вот уже выписана командировка, и поезд мчит меня в столицу Грузии.

Я не знал, что еду к знаменитому богатырю, заслуженному мастеру спорта, который, разменяв пятый десяток, завоевал серебряную медаль по борьбе на летних Олимпийских играх 1952 года, проходивших в Хельсинки. Мало кто догадывался тогда, что советский спортсмен боролся, по существу, одной правой рукой, сказывалось фронтовое ранение в левое предплечье.

Но мне навстречу вышла не знаменитость, а добрый, щедрый на гостеприимство человек. Да разве могло быть иначе в Грузии.

Шалва Константинович часами рассказывал о том, каким замечательным человеком и бесстрашным воином был Борис Аксенов. Говорил и говорил о фронтовом братстве людей разных национальностей, о вековой дружбе русских и грузин.

А потом я от него узнал то, чего никак не ожидал услышать. Оказывается, именно Шалва Чихладзе вынес тяжелораненого Бориса с поля боя! Вот на этих сильных руках нес до лазарета несколько километров по глубокому снегу, в жестокий мороз. Но врачи ничем уже не могли помочь Аксенову.

Похоронен наш земляк в селе Которь Думиничского района Калужской области, в братской могиле.

Завершающую часть своего материала я продиктовал стенографистке в Горький из редакции грузинской газеты.

... В конце октября 1976 года в горьковском бассейне «Динамо» состоялись первые соревнования на приз имени Бориса Аксенова. Приз памяти своего отца вручил победителю капитан Советской армии Олег Аксенов.

Николай РЯЗАНОВ.

Один день боя

Ни один современный искусствовед, писавший о народных промыслах, не обходился без его цитат. В сносках значилась их принадлежность Д. В. Прокопьеву. Он был автором книги «Художественные промыслы Горьковской области», которая была издана еще до войны, в 1939 году. Имя автора ни о чем не говорило. Но так нравились приводимые цитаты. Даже по этим отрывочным абзацам можно было понять, что человек поработал над книжкой немало и знал много. Захотелось ее достать.

Дмитрий Васильевич Прокопьев был человеком удивительным и чудаковатым. Возможно, будь он преклонных годов, чудаковатость ему бы прощалась. Но он был молод.

*** Реконструкция военных действий. Поселок Никольское (Тосненский район Ленинградской области), январь 2009 г.**

Представьте себе молодого человека, который любит возиться в саду, выращивает цветы, пишет стихи, увлекается музыкой, вышивает, коллекционирует книги, неплохо рисует, да еще вдобавок и сам музейный работник.

Дмитрий Васильевич Прокопьев.

В одном из писем он признается:

«Неужели придется встречать старость в одиночестве, оставаясь непонятым в небольших страстях, чудаковатых причудах...»

Так и вышло. Жизнь его оборвалась в 39 лет. Он был одинок... Правда, до старости было еще далеко, и кто знает, как бы он ее встретил, сложись все по-другому.

Дмитрий Васильевич Прокопьев родился в Василевой слободе через два года после начала XX века. Свое высшее образование закончил в Саратовском университете на историко-филологическом факультете. Как водится, студентом подрабатывал в музее. Музейная работа ему понравилась, и когда он приехал в Нижний Новгород, то поступил на должность младшего хранителя в историко-бытовой музей. Сидеть просто «сторожем» при экспонатах он не собирался. Уговорив своего более молодого коллегу Михаила Званцева, он каждый воскресный день отправлялся с ним в недалекие экспедиции, благо, транспорт - велосипеды - был.

Они покорили все бездорожье заволжской стороны.

Михаил Петрович Званцев до сих пор считается главным исследователем нижегородской домовой резьбы, а его коллекция негативов насчитывает сотни и сотни кадров.

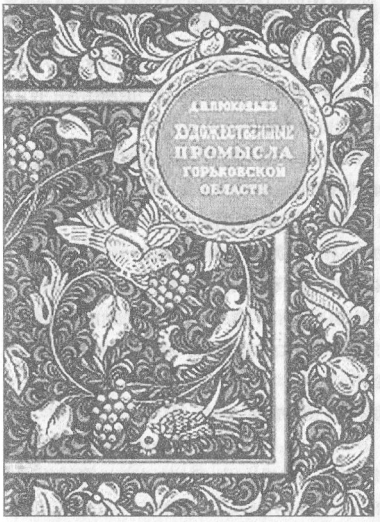
Для Дмитрия Васильевича Прокопьева домовая резьба была лишь небольшой составляющей в исследовании народных художественных промыслов.

Их книги выходят в один год. Званцев остался верен домовой резьбе, Прокопьев составляет энциклопедию нижегородских народных ремесел. А их он обнаружил около пятисот.

Можно без натяжки считать, что он первым открыл рукотворное богатство Нижегородчины.

«Я остаюсь благодарен этим вещам за то, что они помогли мне, наконец, расшифровать весьма мучительные загадки и внести ту ясность, которая всегда хороша для сегодняшнего дня и намечающегося завтрашнего дня».

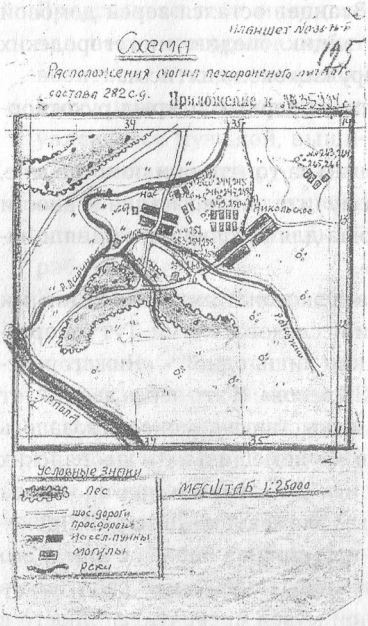
Музейная коллекция пополнялась экспонатами, привезенными из экспедиций двумя молодыми исследователями. Тут же организовывались выставки. Название лишь одной - «Нижегородские дворяне и помещики XVIII-XIX веков». И это через десять лет после революции. Неважно, что на выставке демонстрировалось мастерство народных умельцев из помещичьих и дворянских усадеб. Доброхоты тут же нашлись. До «звания» врагов народа было еще далеко, но вот «чуждым элементом» Дмитрий Прокопьев стал. В музее разгорелась нешуточная борьба с ним и его сторонниками. Ряд самых деятельных музейных работников вынужден был уйти. И областной музей превратился просто в хранилище собранного.



Эта книга стала энциклопедией нижегородских художественных промыслов.

Уход из музея для Дмитрия Прокопьева не стал жизненной трагедией. Его тут же приютил Загорский (ныне Сергиево-Посадский) музей игрушки. До сих пор коллекция нижегородской народной игрушки в этом музее считается непревзойденной. А собрал ее Дмитрий Васильевич за короткий срок и за несколько поездок на родину.

К этому времени у него вызрела новая мечта - альбом «Народная игрушка СССР». Теперь он уже ездит по стране. Он открыл неведомый мир мастеров-игрушечников и собрал о них огромный материал. Альбом, который был



Нам удалось достать схему захоронений личного состава 282-й стрелковой дивизии. Дмитрий Васильевич Прокопьев похоронен южнее деревни Никольское Ленинградской области в могиле № 19.

задуман, насчитывает 300 фотографий и хранится в запасниках музея. Света он не увидел, началась война...

Осенью 1941 года Дмитрия Васильевича Прокопьева призывают в армию и отправляют в Омск на переподготовку. В это время там формируется 282-я стрелковая дивизия. Он, в звании старшего лейтенанта, становится командиром взвода в 877-м стрелковом полку.

В апреле 1942 года дивизия отправляется на фронт.

Судя по спискам потерь дивизии, Дмитрию Васильевичу Прокопьеву удалось повоевать всего один день. Он погиб в бою 3 мая 1942 года.

Это был первый день наступления дивизии. В 5.30 она атаковала вражеские позиции. 877-й полк прорывался к деревне Никольское...

Только 15 мая удалось похоронить погибших. Среди потерь личного состава значился и старший лейтенант Дмитрий Васильевич Прокопьев.

Нижегородские краеведы не раз предлагали увековечить его имя. Высказывалась идея переиздания его книги, дополненной публикациями из журналов и письмами. Даже высказывалось предложение назвать музей истории народных промыслов Нижегородской области его именем.

Пока к этим словам никто не прислушался.

Вячеслав ФЁДОРОВ.

Танкисты прорыва штурмуют Орел

Уважаемая редакция газеты «Земля нижегородская»!

Мы недавние подписчики вашей газеты и пожалели, что раньше ее не выписывали. Одна из газетных рубрик, которой мы всегда отдаем предпочтение, - это «Возвращенные имена». Выпуски ее встречаются в каждом номере, и мы поражаемся, как вы отыскиваете неизвестных героев Великой Отечественной войны, ведь прошло уже столько лет. Сколько же подвигов совершили наши земляки! Слова о том, что надо хранить память о героях войны, наполняются реальным смыслом. Даже не верится, что, в сущности, мальчишки или люди, никогда не воевавшие, были способны на такое.

Этим летом мы задумали совершить семейное автомобильное путешествие по местам, где шла война, решили показать их нашему подрастающему сыну Денису. Он тоже активно читает выпуски «Возвращенных имен». Проехали мы такие города, как Белгород, Курск,

*** Братская могила в сквере Танкистов города Орла.**

побывали в Подмосковье, заглянули в Орел. Здесь посетили сквер Танкистов, постояли у камня, где был список танкистов, погибших при взятии Орла. И тут наш Денис проявил поисковые способности. Ему захотелось выяснить, нет ли среди героев-танкистов наших земляков. Полдня ушло на поиск, они с отцом ушли в музей и долго оттуда не возвращались. И оказалось, что посетили его не зря. Денис записал в свой походный дневник имена танкистов-земляков. Вот они:

***АВДЕЕВ Иван Егорович**, гвардии старшина 34-го отдельного гвардейского танкового полка.*

***БУДЫЛИН Николай Александрович**, младший лейтенант 253-го танкового полка.*

***КУЗНЕЦОВ Михаил Федорович**, лейтенант 253-го танкового полка.*

К сожалению, мы не узнали, какие подвиги совершили танкисты. Знаем только, что они первыми ворвались в город Орел и погибли.

Сообщая вам их имена, надеемся, что вы узнаете о них и расскажете на страницах газеты о подвиге, который они совершили. Будем с нетерпением ждать публикации в газете.

С уважением, семья КЛИМКИНЫХ.
г. Кстово.

На памятном камне значатся имена трех наших земляков.

От редакции

Огромное вам спасибо за ваше письмо. Вы напомнили нам еще об одной теме для выпуска рубрики «Возвращенные имена». Сегодня мы рассказываем о наших земляках-танкистах, погибших за город Орел.

А вам желаем не прекращать путешествий и будем ждать ваших писем.

Из воспоминаний Ивана Демьяновича Санько, участника освобождения города Орла, первым водрузившего знамя над городом:

«Мы уходили в ночь. Нам предстояло пробраться в Орел и водрузить знамя на самом высоком здании города. Утром 4 августа оно должно было развеваться над зданиями и служить ориентиром для атакующих танков и пехоты. Пробрались в город. Перебегая от дома к дому, оказались на центральной площади города. Вот и самое высокое здание. Поднялись по пожарной лестнице наверх. Укрепили знамя. Я посмотрел на площадь. По ней немцы таскали противотанковые «ежи» и все опутывали колючей проволокой. Еще подумал: трудно будет пройти танкистам эти нагромождения. Фашисты прикрывали отход. Сразу же за площадью мост через Оку. Непрерывный бой шел на окраине города, там подразделения нашей пехоты пытались закрепиться.

Под нами на центральной магистрали все пока было тихо. Видимо, сигнала к атаке еще не было, танкисты занимали боевые позиции. И скоро этот танковый вихрь пронесся по широкому шоссе, сметая все на своем пути. Мы, оставаясь в здании, стреляли по перебегающим фашистам, не давая им занять оборону.

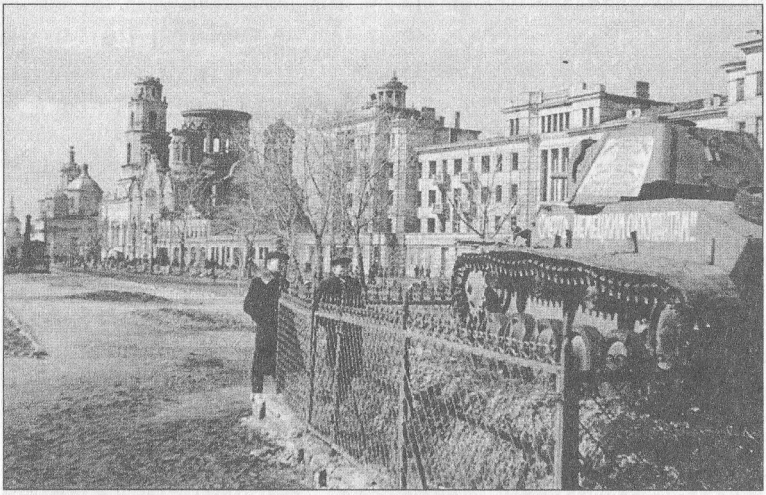
За наступающими танками шла пехота, и тут возникла опасность попасть под удар своих. Мы вновь вернулись на верхотуру, где развевалось красное знамя. Площадь, которую мы видели ранним утром, невозможно было узнать. Она была изрыта воронками, кое-где факелами горели деревья. Пехотинцы успели растащить «ежи», а саперы сделали в колючей проволоке проходы.

Наши войска ушли дальше. Только на площади стояло несколько подбитых «тридцатьчетверок». Враги расстреляли их из-за Оки. Те несколько залпов, которые успели сделать танкисты, отбросили врага от берега реки. Его погнали дальше, а танки остановились здесь, в Первомайском сквере. Для их экипажей бой за Орел стал последним...»

Для более мощного и удачного штурма Орла командование 3-й армии решило объединить почти все танковые части армии в одну группу. Это диктовалось тем, что во время непрерывных боев танковые части понесли серьезные потери. В штурмовую группу вошли 14 танков 17-й гвардейской танковой бригады, 11 танков 34-го гвардейского танкового полка, 8 машин 253-го танкового полка, а также 5 тяжелых танков 13-го гвардейского танкового полка.

На исходе дня 4 августа собранную ударную группу посетил командующий 3-й армией генерал-лейтенант А. В. Горбатов. Он обошел все экипажи. В коротких беседах интересовался настроением танкистов и выразил уверенность в том, что они своим рывком обеспечат наступление пехоты и город будет освобожден.

Командиры танков и механики-водители все дни подготовки к штурму изучали карту города. В порыве атаки важно было не заблудиться в лабиринте улиц. Одиночный танк обречен. Каждому взводу была поставлена задача выхода в определенный район. В то же время каждый экипаж должен был внимательно следить за ходом боя и приходить на выручку пехоте.



Первоначально на могиле погибших танкистов был установлен танк Т-70. Именно на таких машинах ворвались в Орел лейтенант Михаил Кузнецов и младший лейтенант Николай Будылин. 1945 г.

Командиры танковых взводов лейтенант Михаил Кузнецов и младший лейтенант Николай Будылин познакомились 23 мая 1943 года. В этот день вновь сформированному 253-му танковому полку вручалось боевое знамя.

Как уже повелось на войне, даже в короткий перерыв, отведенный на отдых, начинался поиск земляков. Кузнецов и Будылин ими и оказались. До войны даже жили по соседству: Будылин - в Работкинском районе, а Кузнецов - в Спасском. Учились и работали в Горьком. Оттуда и на фронт ушли. С мая 1943 года воевали уже вместе.

А с июльских боев обозначилась главная цель танковой бригады, куда входил их полк, - город Орел. Неудержимо, километр за километром шли они к цели. Весь июль был тяжелым для танкистов. Полк не выходил из боев. Взвод младшего лейтенанта Будылина считался одним из лучших. Семнадцать танковых атак обошлось без потерь. Огнем своих пушек танкисты уничтожили три вражеских танка, гусеницами раздавили противотанковую пушку, два десятка гитлеровцев нашли смерть от пулеметных очередей. Взвод Будылина отличался дерзостью удара, экипажи танков хорошо ориентировались в боевой обстановке.

В редакции нашей газеты сохранились воспоминания бывшего участника боев за Орел, командира танкового батальона 17-й гвардейской танковой бригады Ивана Власовича Лепешкина:

«Утром 4 августа наши танкисты были под Орлом. Штурмовать город решили с рассвета ударом по разведанным заранее объектам: железнодорожной станции и артиллерийским позициям врага.

Было известно, что на пути наших танкистов сосредоточен танково-гренадерский полк 8-й танковой дивизии. Именно он и располагался в районе железнодорожного вокзала, куда был обрушен огонь наших танков. А дальше... Дальше прямая улица Московская, ведущая к центру города. Наши танки Т-34 и Т-70 рванули с места и, сокрушая все на своем пути, помчались по трассе.

Пушки врага молчали, но только поднималась наша пехота, ее тут же отсекал огненный вал разрывов. Стало понятно, что фашисты отсекают ее от танков, заманивая их в ловушку. Подавить огонь вражеских батарей можно было, зайдя им в тыл. Взвод младшего лейтенанта Будылина, прикрываясь разрушенными стенами домов, помчался прямиком к вокзалу. Стремительный разворот на площади. Залп из танковых орудий. Вражеские артиллеристы не могут развернуть орудие. Рывок, разворот, залп... Огонь танковых пулеметов рассеивает

артиллеристов врага, не дает им вести прицельный огонь. Будылин направляет танк на пушку, и вот уже ее щит корежится под гусеницами Т-70. Но тут в бортовую броню танка ударяет вражеский снаряд...

БУДЫЛИН Николай Александрович, младший лейтенант 253-го танкового полка. Уроженец с. Выездного Кстовского района Горьковской области. Сгорел в танке 4 августа 1943 года. Похоронен в сквере Танкистов г. Орла.

Бой на привокзальной площади разгорается. Пехота уже заняла вокзал. Вся площадь окутана едкой известковой пылью. Она мешает танкистам, ничего не видно механикам-водителям. Танк лейтенанта Кузнецова вырывается на магистраль. Командир хорошо знает, что она ведет на мост через Оку, но вот цел ли он. Если цел, то хорошо пристрелян вражескими пушками. Через мост не пройдешь, надо вырваться к берегу и попытаться сбить артиллерию. Командир дает команду развернуть танк к скверу. Протаранив «ежи», танк вырвался на берег. Лейтенант Кузнецов сам наводил пушку и стрелял. Он не видел врага. Местность у моста горбилась и скрывала вражеских артиллеристов. Он стрелял хаотично, захватывая как можно большую площадь. Более удобную позицию выбирать было некогда. Командир уже знал исход своего боя. Те, кто на той стороне реки был у пушек, уже выцелили его танк. Он торопился сделать как можно больше выстрелов. Танк содрогнулся от лобового удара снарядом... Экипажу удалось покинуть подбитую машину. По броне застучали пули. С той стороны реки бил пулемет...»

В приказе по 3-й армии от 7 августа было объявлено об успешных действиях танковой группы прорыва и всем участвовавшим в штурме города Орла была объявлена благодарность. В четвертом пункте этого приказа говорилось о том, что всех героически погибших в боях за город Орел необходимо представить посмертно к правительственным наградам и увековечить их имена сооружением памятника на могиле в городе Орле на площади 1 Мая (ныне сквер Танкистов).

КУЗНЕЦОВ Михаил Федорович, 1922 г. р., лейтенант, командир танка 253-го танкового полка. Уроженец села Турбанка Спасского района. Сгорел в танке 4 августа 1943 года. Похоронен в сквере Танкистов г. Орла.

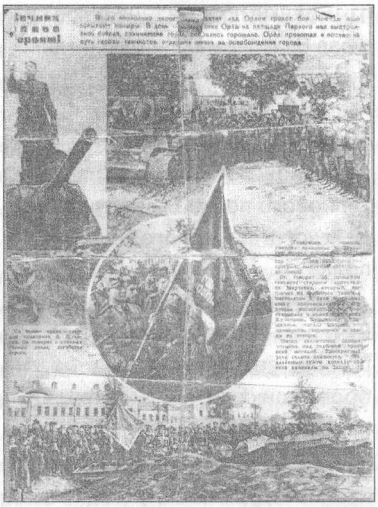
Боевые потери танкистов прорыва были немалые. Из 45 танков в город вошли только 19. Из 17-й гвардейской танковой бригады - 6, из 34-го гвардейского тяжелого танкового полка - 4, из 253-го танкового полка - 5, из 13-го гвардейского тяжелого танкового полка - 4.

...Фотография военных лет. Вечером 5 августа 1943 года хоронили погибших танкистов. На броне танка, который установили на могиле, написали имена лишь четырех танкистов. Написали имена Будылина и Кузнецова, остальным суждено было остаться неизвестными.

Кончилась война. Орел отстроили. Привели в порядок братскую могилу в парке. И никто уже не знал, кто же в ней похоронен. Дожди стерли следы краски с брони танка. Знали горожане только, что здесь лежат освободители их города.

Следопыты начали поиск... Имя за именем восстанавливали ребята. На старой фотографии удалось прочитать имена первых, кого увековечили на броне танка. В военном архиве узнали, откуда они были родом. И вот первое письмо пришло от Гапеи Ивановны Будылиной. Она писала, что ее сын Николай рос без отца. Был помощником в доме. Трудно было, многие из сверстников бросали учебу и шли работать. Николай продолжал учиться. Летом пропадал в поле, гордился первыми заработанными трудоднями. От матери ничего не требовал, понимая, что ей трудно одной. Радовался каждой обновке. Закончил семь классов и уехал в Горький поступать в автомеханический техникум. Долго готовился к экзаменам, а его приняли не экзаменуя, как отличника. Только закончил техникум, и тут война... Попросился в танковое училище...

Разыскали ребята и родных Михаила Кузнецова. Следопытский альбом пополнился еще одной биографией.



Листовка 3-й армии от 6 августа 1943 г., рассказавшая о похоронах танкистов прорыва.

Они узнали, что Миша был самым веселым парнем в селе. Он любил фантазировать и вечно что-нибудь придумывал. Продолжать учебу уехал в Горький. Учился и работал на прядильно-ткацкой фабрике.

22 июля 1941 года ушел на фронт. Ушел таким же веселым и жизнерадостным...

Военная история Орла жива в его улицах. Недалеко от сквера Танкистов проходят улицы имени Кузнецова и Будылина. Об их подвиге рассказывают в городском историческом музее. Их имена вспоминают часто. Они навечно остались жителями города, который штурмовали...

Николай ПОГОЖЕВ.

Наши земляки-танкисты, погибшие на подступах и при штурме города Орла в июле - августе 1943 года:

АНТИПОВ Федор Иванович, 1922 г. р., лейтенант, командир танка 253-го танкового полка. Уроженец д. Скучихи Спасского района.

АВДЕЕВ Иван Егорович, 1911 г. р., гвардии старшина 34-го отдельного гвардейского танкового полка. Уроженец з-да Сынтул Касимовского района Рязанской области. Призван Первомайским РВК Горьковской области. Убит 5 августа 1943 года. Похоронен в сквере Танкистов г. Орла.

НОВИКОВ Петр Тимофеевич, гвардии подполковник, заместитель командира 34-го отдельного гвардейского танкового полка по строевой части. Уроженец с. Большое Болдино. Убит 20 июля 1943 года на подступах к г. Орлу.

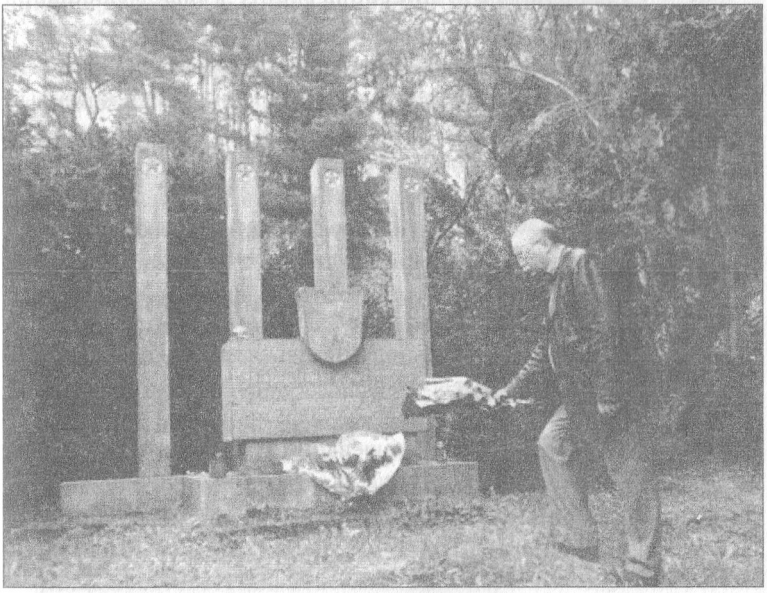
ЧЕРВЯКОВ Дмитрий Григорьевич, 1924 г. р., гвардии сержант, радист 34-го отдельного гвардейского танкового полка. Уроженец Шарьинского района Горьковской области. Убит 5 августа 1943 года. Похоронен на центральной площади г. Орла.

Последний снимок

Ранним майским утром отправились мы с женой из Праги в долгожданную поездку. На заднем сиденье автомобиля лежал огромный букет красных роз. Нам предстояло сначала проехать 60 км до небольшого городка Пршелоуч на Полабской равнине. Потом покружить по деревням и местечкам, приближаясь к главной цели поездки - деревне Краснице. Там на берегу живописного озера находится братская могила партизан из отряда «Зарево», погибших в декабре 1944 года в неравном бою с фашистами. Их было шестеро: чехи, русские, украинцы, словаки.

Одним из них был родной брат моей бабушки, старший лейтенант Валерий Евгеньевич Букин. Родился он на Волге, в небольшом городке Сормово под Нижним Новгородом. Ему было всего шестнадцать, когда началась Великая Отечественная война.

На следующий день после ее начала шестнадцатилетний мальчик



Алексей Карцев возлагает цветы на братскую могилу партизан отряда «Зарево».

отправился в военкомат. Там уже стояли десятки его сверстников и сотни взрослых мужчин. Все они требовали немедленной отправки на фронт, чтобы защищать от фашистов Родину. Валерий Букин хорошо учился и хотел быть врачом. Он был единственным сыном в семье. Его обожали родители и три старшие сестры.

Он был красивый, светлоглазый, светловолосый, веселый и добрый. К тому же высокий, крепкий, спортивный. Это позволило работникам военкомата закрыть глаза на его далеко не призывной возраст. Валерия отправили в Киевское военно-стрелковое училище, где проходили ускоренное обучение его сверстники, будущие боевые командиры.

Вскоре письма от него перестали приходить. Валерий был отправлен в действующую армию. Мама молилась, а сестры потихоньку плакали. Родные не знали, что он находится за тысячи километров от дома, в оккупированной фашистами Чехии. Не знали, что стал комиссаром партизанского отряда «Зарево» и выполняет опасные задания. Похоронная на Валерия Букина пришла в самом конце войны. Адрес захоронения в ней отсутствовал.

...В семье Букиных осталась только одна фотография единственного сына, полученная уже после его гибели. На ней красивый девятнадцатилетний лейтенант Валерий Букин. Конечно, родные не забыли погибшего на войне брата. Берегли его детские вещи, игрушки, книжки...

...Моей родной бабушке, писательнице Тамаре Евгеньевне Томберг (урожденной Букиной), довелось дожить почти до ста лет. Всю жизнь вспоминала она любимого брата Валеру, рассказывала о нем и, как бесценное сокровище, хранила его фото.

Этот единственный снимок долго не давал мне покоя. Как могла остаться от воина-героя всего одна фотография? Волновал меня еще один вопрос: почему простые вещи на многие десятилетия переживают владельцев? Плюшевый медвежонок, с которым в детстве играл Валера, спокойно сидел дома на книжной полке, а про самого Валерия, героически погибшего в далекой стране, мы столько лет ничего не знали...

В моей юности мы любили фотографироваться. Искусство фотографии и кино значили в нашей семье особенно много, ведь муж

Валерий Букин.

бабушки, Владимир Эрнестович Томберг, был известным фронтовым кинооператором, в мае 1945 года снимавшим рейхстаг в освобожденном советскими войсками Берлине. Его киноматериалы вошли затем в знаменитые документальные фильмы «Берлин» и «Знамя Победы над поверженным Берлином».

1960-е годы... В небольшом чешском городке Пршелоуч был пионерский отряд имени старшего лейтенанта Валерия Букина. Чешские школьники заботились о братской могиле шести партизан-героев из отряда «Зарево», погибших в 1944 году в деревне Краснице.

В южном российском городе Краснодаре в 46-й средней школе в это же время был создан подростковый отряд «Красный следопыт». Ребята разыскивали родственников советских воинов, погибших на территории Чехословакии, и родственников чехов и словаков, сражавшихся в рядах Красной армии.

Краснодарские следопыты написали десяткам оставшихся в живых партизанов отряда «Зарево». Сначала отозвался бывший радист Ульев, потом врач Павловский и боец Юрий Курасов. Удалось найти сведения и о легендарном командире Павле Васильевиче Федорове. Ребята не только нашли партизан, но и организовали их незабываемую встречу.

Вскоре юные следопыты двух стран объединили усилия. На празднование 20-й годовщины освобождения Чехословакии от гитлеровских оккупантов чешские пионеры из Пршелоуча пригласили в гости восьмиклассницу Валентину Доленко, лучшего поисковика краснодарского отряда «Красный следопыт».

Именно этот отряд помог чешским сверстникам найти родственников павших на территории Чехословакии партизан отряда «Зарево». Спустя некоторое время по адресу: город Горький, улица Новосоветская, 14 полетело письмо юных следопытов. Там жила тогда старшая сестра комиссара Валерия Инна Букина.

В письме была фотография скромной братской могилы, окруженной четырьмя белокаменными столбами, стоявшей прямо на опушке темного леса. Именно здесь, в небольшой избушке, решили переночевать семеро идущих с опасного задания партизан. Именно здесь застали их фашистские каратели и получили достойный отпор. Бой шел несколько часов. В живых остался только получивший тяжелые ранения словак Франтишек Новак. С места сражения его забрало гестапо.

На могиле были высечены имена геройски погибших партизан. Среди них имя 19-летнего комиссара Валерия Букина. И вскоре в День Победы сестры приехали на могилу брата. С ними был муж Инны Евгеньевны - Борис, по стечению обстоятельств тоже сражавшийся с фашистами на чешской земле, совсем неподалеку, в районе соседнего города Пардубице.

История партизанского отряда «Зарево» получила потом широкий резонанс. О нем много писали в Чехии. Пионерский отряд школы № 77 Сормовского района города Горького с гордостью носил имя своего земляка Валерия Букина.

Повезло и мне, восьмилетнему мальчишке. Мои родители, журналисты, работали в Праге. А я учился во втором классе посольской школы. На 20-ю годовщину Великой Победы над фашизмом наш класс поехал в Краснице. Там уже были юные следопыты из Пршелоуча, пионерский отряд, носивший имя моего двоюродного дедушки Валерия Букина.

Могила буквально утопала в прекрасных лесных цветах. Неожиданно мне, как родственнику героя, чешские учителя разрешили собрать на память букет незабудок. Моей детской радости не было предела. Дома я подарил всем по цветку.

...Шло время. Оно уже не было безоблачным, внятным и ясным. Многие исторические события бездумно пытались обесценить. Причем не только на далеком рассудочном Западе, но и на обильно политых безвинной народной кровью славянских землях.

Я уже давно был журналистом-международником и два года назад приехал работать в Прагу. Все чаще вспоминалась просьба умершей бабушки - хотя бы еще один раз посетить могилу ее погибшего брата. Но как мемориал может выглядеть сейчас? Ведь прошло много времени, в декабре 2014 года исполнилось 70 лет со дня героической гибели партизан отряда «Зарево». Нестаре-

Оставшиеся в живых бойцы отряда «Зарево» на месте захоронения погибших товарищей.

ющая, немеркнущая память о Великой Отечественной войне была для нас важным нравственным ориентиром. Тем, что делает человека человеком.

Моя жена, известная журналистка, написавшая несколько документальных книг, происходит из военной семьи. Ее дед, генерал-майор Георгий Афанасьевич Афанасьев, был профессиональным военным. В 1915 году он закончил по первому разряду знаменитое Павловское пехотное военное училище, созданное в 1863 году в Петербурге по указу императора Александра II. Подпоручик Афанасьев прошел всю Первую мировую. Получил тяжелые ранения.

И потом всю жизнь защищал Родину. Во время Великой Отечественной войны генерал-майор Афанасьев был командиром 244-й Запорожской Краснознаменной ордена Суворова 2-й степени стрелковой дивизии. Сражался под Сталинградом. Освобождал Славянск и Запорожье, Никополь и Одессу, Бендеры и Кишинев. Его дивизия выгнала фашистов из Румынии, Болгарии, Венгрии.

Его 19-летняя дочь, моя будущая теща, после окончания первого курса Московского медицинского института добровольцем ушла на фронт. Была фронтовой медсестрой, участвовала в Сталинградской битве. За спасение десятков раненых на передовой была награждена боевыми орденами. Было о чем поразмышлять нам с женой, стоя в мае 2014 года на воинской могиле в Краснице. Мы достали из машины красные розы и положили их к обелиску, на землю, политую кровью героев.

В Краснице ждали нас памятные встречи. Подошла к обелиску стройная белокурая женщина с мальчиком-подростком. Это была журналистка Итка Мышечкова из газеты «Пршелоуцкий Рошт». Она рассказала нам о неубывающем интересе читателей

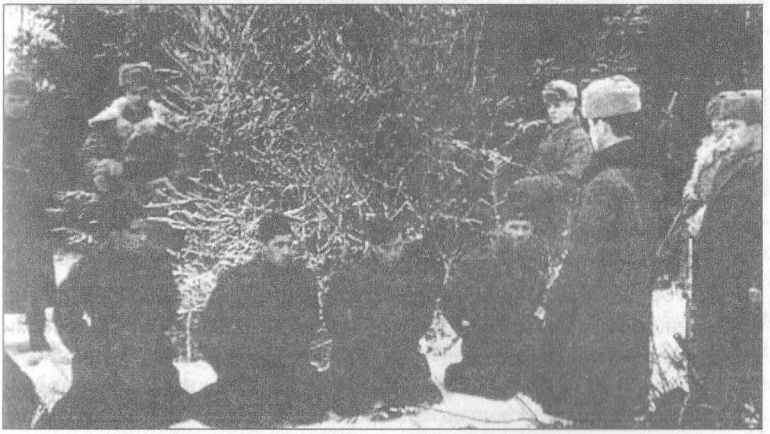
к истории Второй мировой войны, прокатившейся по их древней земле. Потянулись к обелиску местные жители, годами добровольно ухаживающие за воинской могилой.

С гордостью показали нам недавно поставленный памятный стенд, на котором запечатлены имена партизан. Это командир отряда капитан П. В. Федоров, радисты И. В. Тетерин и Е. Ф. Ульев, бойцы А. М. Белов, Б. Е. Жижко, Д. Б. Кулеш, Н. В. Болотин, А. И. Данилов. Обновили и фотографии воинов, героически погибших в их родной деревне. С одного из них, до боли знакомого снимка, спокойно смотрел вечно живой девятнадцатилетний комиссар Валерий Букин.

Алексей КАРЦЕВ.
(«Пражский телеграф».)

Боевой счет группы «Зарево»:

за 200 дней нахождения во вражеском тылу уничтожено 18 эшелонов, 22 паровоза, 120 вагонов, 27 платформ с военной техникой, разрушено шесть мостов, три высоковольтные линии, выведено из строя три спиртовых и один военный заводы, убито и ранено около тысячи гитлеровских солдат и офицеров.



Гриф секретности снят

В ночь с 22 на 23 июня 1944 года в Навлинском районе Брянской области фашистам удалось высадить большой десант - 18 хорошо подготовленных диверсантов и разведчиков. Несмотря на их многочисленность, высадка прошла успешно, и брянские леса скрыли непрошеных гостей. Перелетевший линию фронта немецкий самолет был замечен постами наблюдения. Было ясно, с какой целью он побывал в тылу. Все группы контрразведчиков Смерша, находившиеся в районе предполагаемой высадки десанта, были подняты по тревоге. Лишь 30 июня удалось запеленговать рацию нежданных гостей. Успешная высадка их несколько расслабила, и они не были готовы к встрече с чекистами. Завязался бой. Только четверым из десанта удалось уйти. Арестом вражеских парашютистов дело не кончилось.

*** Задержание диверсионной группы бойцами Смерша.**

Лишь недавно Федеральная служба безопасности РФ сняла гриф секретности с одной из наиболее успешных операций контрразведки под кодовым названием «Десант».

Смершевцы сокрушались лишь об одном. Среди четверки ушедших был радист группы. Это фигура важная. Он обладает шифрами, кодовыми таблицами, знает расписание выходов на связь всех радиопередатчиков, задействованных в операции, ему, может быть, известны позывные этих радиостанций...

Но горевать и ломать голову, где искать сбежавшего радиста, смершевцам пришлось недолго. Вечером того же дня перед ними предстал грязный, весь в болотной тине человек.

Он снял с плеч мешок и осторожно положил на землю, предупредив:

- Здесь рация!

К мешку добавилось оружие, из которого, как выяснилось позже, не было произведено ни одного выстрела.

- Я радист группы, готов давать показания. Прошу оформить явку с повинной. К этому я шел давно...

В предварительном протоколе допроса появилась первая запись:

«Бедретдинов Мансур Абдулбярович, 1919 года рождения. Уроженец села Петряксы Пильнинского района Горьковской области...»

На вопрос, почему он ушел от группы, радист ответил, что не хотел погибать в перестрелке, не для того он оказался на свободе...

Из записки по ВЧ начальника отдела контрразведки Смерш ОРВО генерал-майора Попова заместителю начальника ГУКР Смерш генерал-лейтенанту Селивановскому от 11 июля 1944 г. (на документе помета: «Доложено т. Берия. Абакумов. 12/VII-44»):

«Докладываю, что в ночь на 23 июня с. г. в районе деревни Пашенька Навлинского района немцами выброшена группа парашютистов в количестве 18 человек, возглавляемая Хасановым... 30 июня группа была нами обнаружена, при задержании она оказала вооруженное сопротивление.

Из допросов арестованных агентов-парашютистов, из изъятых у Хасанова документов было установлено, что в ночь на 29 июня в помощь группе Хасанова должна была быть сброшена группа парашютистов в количестве 17 человек, возглавляемая Курбановым и радистом Васильевым, и немного позднее - группа парашютистов в ко-

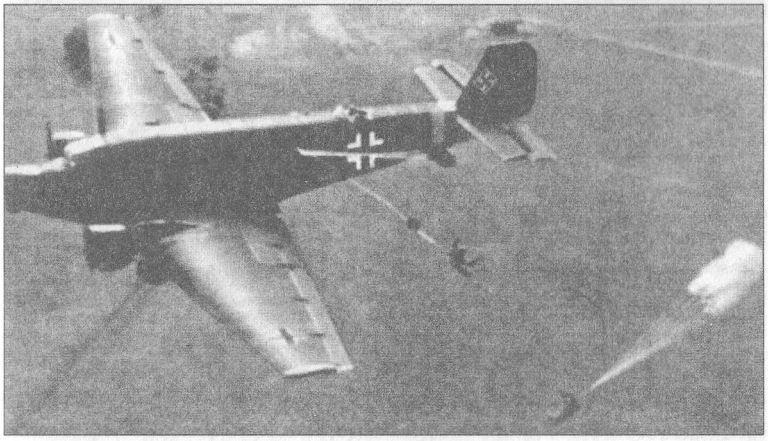
личестве 18 человек, возглавляемая Павловым. В подтверждение этих данных нами при обыске Хасанова был изъят список на 57 человек, именуемый «Команда военнослужащих 44-го запасного стрелкового полка, временно прикомандированных к 269-му стр. полку Внутренних войск НКВД для участия в действиях по борьбе с бандами дезертиров и власовских бандитов», где значились Курбанов и Павлов...

1 июля я был ориентирован, что в Почепское РО НКВД Орловской области явился с повинной радист Васильев, он же «Ромов», заявивший о выброске в ночь на 29 июня группы парашютистов в количестве 16 человек, возглавляемой Курбановым..

По обнаруженному следу 5 июля моим заместителем Будкиным было организовано активное преследование группой оперативных работников Смерша и приданными в ее распоряжение военнослужащими (230 чел.)... Когда группа парашютистов была обнаружена, тов. Будкин дал команду окружить эту группу..

Когда окружение группы парашютистов было закончено, тов. Будкин дал команду «вперед»... Захваченные врасплох парашютисты в количестве 12 человек во главе с Украиновым растерялись и, подняв руки вверх, отошли от оружия, крича: «Мы свои, не стреляйте».

6 июля Главным управлением Смерша мне было санкционировано проведение оперативных мероприятий по радиоточке. Для облегчения легендирования, а также ведения следствия и проверки целого ряда обстоятельств группа парашютистов во главе с Хасановым,



Высадка немецких диверсантов.

10 задержанными тов. Будкиным (общее количество 20 чел.) была направлена самолетом в ОКР Смерш ОРВО».

Как выяснится позже, эта массовая заброска диверсантов стала началом новой операции немецкой разведки. Автором идеи был полковник Виргицкий, начальник отдела 1-Ц армейской группировки вермахта «Митте». Непосредственное проведение операции возлагалось на абверкоманду-203, которую возглавлял майор Арнольд. Абверкоманда вела работу против Западного и Белорусского фронтов. Это было одно из мощных и активных подразделений абвера. В ее состав входили пять абвергрупп. Агентура вербовалась в смоленском пересыльном лагере № 126, минском лагере № 352 и пересыльном лагере в пригороде Борисова, где существовало специализированное отделение «Лесного лагеря» для перебежчиков. Здесь же числилось еще одно не очень обычное заведение - школа диверсантов-подростков.

Как предписывалось, группы должны были действовать под видом подразделения Красной армии, занимающегося вылавливанием дезертиров и бандитских формирований. На самом же деле они направлялись в район брянских лесов с целью создания опорных баз для организации широкой диверсионной работы в тылу Красной армии. Задания не отличались оригинальностью - взрывать железнодорожные пути, выводить из строя паровозный парк и подрывать воинские эшелоны, идущие на фронт, разрушать железнодорожные мосты, военные и другие объекты на железных дорогах, организовывать вооруженные налеты на автотранспорт, важные военные и промышленные объекты в районе действия отряда, проводить вербовочную и пропагандистскую работу среди местного населения.

Для выполнения этого задания диверсанты имели соответствующую экипировку: оружие, обмундирование, различного рода инструменты для оборудования лагеря, продукты питания, две портативные коротковолновые радиостанции батарейного питания, фиктивные документы военного образца со штампами и печатями 44-го, 443-го, 269-го стрелковых полков и в/ч полевая почта 07744; 25 000 рублей советских денег, три ручных пулемета, 6 автоматов, 21 винтовку, большое количество взрывчатых веществ и различных предметов первой необходимости.

Перед заброской в тыл Красной армии диверсанты прошли специальную подготовку по минно-подрывному делу, в том числе по применению малых магнитных мин, мин замедленного действия с часовым механизмом, противотанковых и противопехотных мин, обучались

расчету зарядов для совершения диверсий на металлоконструкциях.

Костяк групп состоял из агентов, доказавших свою преданность рейху в рейдах по тылам Красной армии и в боях с партизанами.

Для того чтобы лучше представить себе, какой противник противостоял советским контрразведчикам, приведем выдержку из показаний задержанного командира диверсионной группы - обер-лейтенанта немецкой армии Галима Хасанова, который за прошлые «подвиги» был награжден немецким командованием медалью «За храбрость» II степени.

Из протокола допроса арестованного Гуфранова-Хасанова Галима Гуфрановича от 3 августа 1944 г.:

«В первых числах февраля 1943 г. Кетлер набрал в зондеркоманду более 70 человек, которых вооружил винтовками, автоматами и пулеметами. Примерно 8 февраля 1943 г. мы все строем, вооруженные, пошли под его командованием в Краснодар. Часов в 10 вечера достигли окраин Краснодара, где остановились в одном доме. В это время последние немецкие части уже уходили из Краснодара. Прождав часа полтора на окраине, мы строем пошли в центр города. Кетлер шел впереди в форме капитана Красной армии... Я, Кетлер и Анохин Саша вошли в дом, а других участников Кетлер и я послали обходить дома и призывать советских граждан преследовать отступавшие немецкие

Главный пропагандист гитлеровской Германии Геббельс с группой бойцов разведывательно-диверсионного подразделения.

войска. Многие советские патриоты приходили к нам и радовались тому, что мы заняли город, не подозревая в нас предателей. Жители с ненавистью говорили о немцах, многие из них заявляли нам, что они являются коммунистами, комсомольцами и партизанами.

Путем бесед я, а также Кетлер выявили примерно 12 или 13 советских патриотов и часа в 2 ночи 12 февраля мы их вывели из города. Советским гражданам мы говорили, что за городом снабдим обмундированием, оружием и будем преследовать немцев. Отойдя километров 5 от Краснодара, мы решили отдохнуть в одном совхозе, находящемся около шоссе... Через некоторое время двое участников зондеркоманды (фамилии не знаю) пришли к нам и доложили Кетлеру, что в одном доме находится спящий немецкий солдат. Кетлер и я приказали им немедленно привести этого солдата.

Минут через 15 к нам в дом двое подростков в возрасте 15-16 лет и с ними двое участников зондеркоманды привели немецкого солдата. Солдата мы оставили у себя, а у мальчиков я спросил, желают ли они бить немцев. Мальчики с гордостью ответили, что они готовы преследовать немцев вместе с нами, а поэтому я и Вальдемар Кетлер отправили их в комнату, где находились советские граждане, подлежащие расстрелу. Кроме этих двух подростков, к нам привели еще 7 или 8 мужчин совхоза, которых Кетлер посадил в комнату к остальным советским патриотам, выявленным нами в Краснодаре... Отойдя километра два от совхоза, Кетлер около кирпичного дома остановил советских граждан, выстроил в шеренгу и приказал пулеметчикам и другим участникам зондеркоманды стрелять по советским гражданам».

В 1991 году в Пильнинской районке «Сельская трибуна» появилась публикация под заголовком «По страницам архивов КГБ». Материал был из серии сенсационных, особенно для жителей села Петряксы. В нем рассказывалось о военной судьбе председателя Петряксинского сельпо Мансура Абдулбяровича Бедретдинова. Как оказалось, он выполнял особое задание контрразведки, о котором должен был молчать. И он молчал... Долгие годы.

Мансур был призван в армию за год до войны. Он мечтал об авиации, но понял, что попасть в летчики сразу не удастся. Ему предложили десант. А это тоже небо, и он согласился. Война застала его в 4-м воздушно-десантном корпусе в Белоруссии. 28 июля 1941 года десантники предприняли наступательную операцию по обороне города Кричева. Фронт другими силами здесь не располагал. Два дня

Мансур Бедретдинов — участник радиоигры «Десант».

десантники вели бои, но что могли сделать бойцы с винтовками без поддержки артиллерии. Им пришлось отступить. Немецкая мотопехота окружила их, так Мансур Бедретдинов оказался в плену. Штабные писари отослали домой казенное уведомление, что «пропал без вести».

А подумать можно было всякое. На второй день войны отец Мансура, петряксинский мулла Абдулбяр Бедретдинов, был арестован и обвинен в антисоветской агитации. Дома остались жена и четыре дочери. Знал ли об этом Мансур? Возможно, что и знал, дошла весточка. Тогда прямая опасность нависла над ним - сын врага народа. Тут что не сделаешь от отчаяния. Когда после войны он появился в селе живым и здоровым, никто в это не мог поверить. Да тут еще слух прошел, что побывал Мансур в плену, а это по тогдашним меркам означало предатель. Сын «врага народа» да еще и «предатель»... Были и такие, кто опасался встречаться с ним. Ему бы тогда все рассказать...

Когда через многие годы местные коммунисты предложили ему вступить в партию, отказался. Там надо было писать автобиографию. А он что напишет - был в плену? Больше-то ничего он сказать не может. Так и жил, с тайной в себе. А жил как все, женился на сельской красавице Рашиде, вырастили пятерых детей. И дети о его военной судьбе ничего не знали. Умел он хранить военные секреты.

Два года Мансур Бедретдинов мыкался по лагерям. Мысль о побеге не оставляла его, но как было ее осуществить, с кем наладить контакт? Лагерная служба держала среди военнопленных своих осведомителей. В одном из лагерей назревал массовый побег, которым руководил лейтенант Наумов. Была создана группа прорыва. Но в последний момент зачинщики побега были схвачены охраной лагеря. Стало ясно, что кто-то их выдал. Лейтенант Наумов был расстрелян, остальных куда-то увезли.

Еще один путь к свободе подсказал Мансуру пленный капитан Красной армии Дмитрий Литвинов. Он посоветовал ему стать агентом немецкой разведки и собирать сведения о ней. А после заброски в тыл прийти с повинной и выложить все секреты, которые добыл.

Мансур так и поступил. В сентябре 1943 года он был «завербован» офицером немецкой разведки и направлен в Борисовскую разведшколу, переведенную к тому времени в Восточную Пруссию. Эта школа хорошо известна по военным детективам как «Сатурн». Здесь Мансуру предстояло пройти полный курс обучения на радиста.

В мае 1944 года, после окончания разведшколы, Бедретдинова откомандировали в зондеркоманду майора Арнольда, находившуюся в деревне Курганы Минской области. Здесь его и включили в группу диверсантов, возглавляемую агентом германской разведки Хасановым. А дальше...

Дальше у чекистов возникла идея продолжить игру с абвером. Есть радисты, которые могут водить немецкую разведку за нос. Есть командиры групп, которые могли встречать пополнение. Риска практически никакого, даже если игра и сорвется.

Указание организовать радиоигру дал нарком НКВД генеральный комиссар государственной безопасности Лаврентий Берия, руководство осуществлял начальник Главного управления контрразведки Смерш, комиссар госбезопасности 2-го ранга Виктор Абакумов, а непосредственной работой занимались сотрудники 3-го отдела, руководимого полковником Владимиром Барышниковым. Операции дали условное наименование «Десант».

«Инструкция по организации и проведению радиоигр с противником» была утверждена начальником Главного управления контрразведки Смерша Абакумовым 16 июля 1943 года. В ней отмечалось, что радиоигра является «острым оружием, при неосторожном или неумелом ведении ее она может быть обнаружена и использована противником против нас». Все тексты, передаваемые в адрес немецкой разведки, должны идти с разрешения начальника Главного управления контрразведки Смерш. Успешное использование радиоигр значительно снижало разведывательную активность противника на конкретном участке фронта или в тылу.

Из протокола допроса арестованного немецкого парашютиста Б. Васильева:

«Вопрос: «Расскажите о кодах, шифрах и позывных, врученных вам немцами для работы по связи с разведывательным центром».

Ответ: «Основной передаточный текст радиограммы в зашифрованном виде мне дан цифровой, составляемый мною по ключу, состоящему из фразы: «Выплывают расписные Стеньки Разина челны». Для зашифрования и расшифрования радиограмм служит специальная бумага в клеточку по горизонтали и вертикали. На первой строчке листа клетчатой бумаги размещаются строчки слова ключа полностью - они занимают по вертикали 31 клетку. Во второй строчке слова ключа повторяются с первой клетки и далее через одну клетку до 31-й клетки включительно. Таким образом, размещаем 16 знаков, оставшиеся 15 знаков начинаем размещать на этой же строчке также через одну клетку, но с той клетки по счету, в которой месяц будем работать, указывая тем самым цифрой название месяца. На третьей строчке пишутся цифры под буквами, начиная с буквы «А». Таким образом, зашифровываются буквы цифрами - в порядке алфавита».

Была еще одна тонкость в пометке радиограмм. Ее-то и сообщил Мансур Бедретдинов. Каждая радиограмма должна была заканчиваться подписью «ХГС». Этим условным сокращением должен был подписывать радиограммы радист отряда Хасанова. Первые две буквы «ХГ» - инициалы старшего группы (Хасанов Галим), а литера «С» - заглавная буква псевдонима радиста М. Бедретдинова - Сабиров. Такая подпись под радиограммой являлась убедительным свидетельством для немецкой разведки, что группа работает самостоятельно, а не под контролем советской спецслужбы.

В Центр улетела первая радиограмма:

«Находимся четыре «Б», ждем остальных квадрат 75 и продукты, особенно хлеба. Привет всем. ХГС».

В ответ немцы радировали:

«Группа Павлова и нужные вещи следуют в ближайшие дни. День высылки будет своевременно сообщен».

В ночь на 21 июля 1944 г. с самолета на парашютах было сброшено 16 сумок с продуктами питания. Однако по вине летчиков груз был сброшен не в обусловленном районе.

Бедретдинов отстучал в Центр: «Самолета над нами не было. Мы слышали гул самолета в 20 км юго-западнее и 30 км северо-западнее нас. Дело очень плохо. Надо летчиков предупредить, что если они блудят и не видят сигнальных костров, то лучше пусть не бросают. Володя, срочно дай нам ответ, имелись ли в сумках документы о нашем лагере, не опасно ли нам оставаться на старом месте, где сброшены сумки и где их искать? ХГС».

В ответной радиограмме Центр дал указание диверсантам оставаться на старом месте, указав, что в сброшенном грузе никаких документов не было, кроме того, сообщил, что груз необходимо искать в 75-м квадрате, в радиусе 20-30 км от обусловленного места сброски. А 27 июля в 1 час 20 минут появился немецкий самолет точно над целью, с которого на четырех парашютах были сброшены для отряда продукты питания на 10 дней.

Чекисты решили несколько активизировать игру и направили немецким разведчикам сообщение о широких возможностях отряда по созданию в Невлянском районе опорной базы для организации диверсионной работы на территории Брянской области. Для этого нужно регулярное снабжение и пополнение диверсантами. Видимо, это сообщение вдохновило немецкую разведку, и в ответ пришла радиограмма:

«...К отправке для вас приготавливаем в данное время много питания, оружия, боеприпасов, обмундирования. Кроме этого, отправим еще группу в количестве 17 человек. Ожидайте примерно через неделю полетов больших самолетов».

Дальше случилось неожиданное... Судя по всему, немецкая разведка не очень-то поверила сообщению о широких возможностях отряда и удачном создании опорной диверсионной базы. Или это была проверка?

В ответ поступила радиограмма:

«Мы были у вас в последнюю ночь. Сброска не последовала из-за различных подозрений, которые мы видели. Дайте какой-либо пароль из вашей работы два года назад. Привет всем».

Что можно было разглядеть подозрительного в ночном полете? Что обеспокоило немцев? Не двойную ли игру ведет Хасанов? Но скорее всего, это была проверочная радиограмма. Они хотели узнать, жив ли командир группы. Ведь только он один мог знать пароли двухлетней давности. Радист Бедретдинов их не знал. Он тогда в «работе» не участвовал.

Совместно с Хасановым чекисты составили ответ, который улетел в немецкий штаб:

«Володя, вы знаете, что я с вами не первый день работаю. Сейчас получается, что я вроде из доверия вышел. Самолета в последнюю ночь не было. Если летчики где-то блудили и что-то подозрительное видели, то нас это не касается. Нам обидно, что вы о нас так думаете. Вы спрашиваете пароль. Тогда нашим паролем были слова, напи-

санные на желтой повязке, которую я носил на левой руке: Дойче Вермахт. Привет. ХГС».

Эта радиограмма несколько успокоила немецкую разведку. 2 сентября абвер сообщил, когда и где ждать самолет. А уже следующей ночью было сброшено 15 парашютистов и 38 тюков с грузами. Захват диверсантов прошел не совсем гладко. «Гости» оказали отчаянное сопротивление. Погибли командир присланной группы Владимир Павлов, специалист по оформлению документов прикрытия и писарь. Гибель командира группы осложнила дальнейшее проведение операции. Надо было что-то придумывать, чтобы «оправдать» гибель Павлова, опытного шпиона, не раз участвовавшего в подобных десантированиях. И сделать это надо было как можно быстрее.

Чекистам достались богатые трофеи. В сброшенном грузе, а вес его был 6 тонн, имелось 10 ручных пулеметов, 19 автоматов, 73 винтовки и пистолета, 30 мин, 260 ручных гранат, почти 28 тысяч патронов, около 750 килограммов взрывчатки и даже один миномет.

Допросы оставшихся в живых членов группы Павлова помогли уточнить немецкие планы в отношении диверсионных отрядов на Брянщине. Абвер планировал десантировать в расположение базы Хасанова еще 160 человек, назвать это формирование 4-м партизанским отрядом и афишировать его деятельность как «борьбу за свободу России».

Для поднятия духа находящихся в Брянских лесах диверсантов командование абвера прислало специальное письмо:

«Итак, на всех фронтах начались боевые действия решительного порядка. Гитлер в своей последней речи, обращенной к руководителям германского государства, заявил, что именно теперь, когда положение Германии кажется столь серьезным, он уверен в победе больше, чем когда-нибудь раньше. Немецкое командование, а с ним и вся немецкая армия и страна спокойны, так как уверены в своих силах, в победе...

Поздравляем вас и ваших товарищей с удачно проводимой вами работой, которая содействует нашей общей борьбе за будущее русского народа, за освобождение его от иудо-большевизма. Мы увидим еще нашу любимую Родину свободной, счастливой, богатой и великой, живущей в дружной семье народов новой Европы. Ваши друзья и боевые товарищи».

Дух был поднят... Радист Бедретдинов отбил в Центр радиограмму с сообщением, что группа Павлова сразу же после приземления отбы-

Немецкая разведывательно-диверсионная группа выдвигается на задание после десантирования в тыл Красной армии. 1942 г.

ла на задание. Потом абверу сообщили, что диверсанты этой группы осуществили три взрыва на железной дороге Брянск - Рославль - Кричев, а потом группа куда-то исчезла, и сведений о ней нет. При этом сообщалось, что связь с лагерем Хасанова Павлов поддерживал через посыльных, которые информировали о результатах работы, а затем возвращались обратно, доставляя взрывчатку и указания по дальнейшей работе.

Для подкрепления этой легенды о Павлове по другой радиоигре - «Дезертиры», проводившейся в районе Гомеля, 8 февраля 1945 г. противнику была передана радиограмма. В ней говорилось, что в октябре 1944 г. группа неизвестных, состоявшая из 15 человек, совершила крупную диверсию на железной дороге Рославль - Брянск и напала на подорвавшийся воинский эшелон. В результате завязавшейся перестрелки с охраной эшелона группа была уничтожена. Так удалось «вывести» из игры Павлова, легализовать его исчезновение.

Между тем чекисты решили не останавливаться на достигнутом, а стали все чаще и чаще сообщать в немецкий штаб об удивительных перспективах и возможностях для проведения среди местного населения пропагандистской работы. Для этого нужна была самая малость: приобрести автомобиль, на котором можно было бы активно передвигаться, а также иметь сеть подготовленных агитаторов, ко-

торых неплохо было бы прислать из Германии. Абвер на все эти «зазывалки» никак не реагировал, и штаб по проведению операции «Десант» уже стал размышлять, по какому руслу дальше направлять игру. Но неожиданно 12 декабря 1944 года над отрядом Хасанова появился транспортный самолет, с которого были сброшены 12 парашютистов и семь тюков различных грузов.

Спустившиеся на брянскую землю агенты прошли обучение в школе германской разведки, дислоцировавшейся в селе Раден, зашифрованной под названием «Сельскохозяйственная школа юга». Все они, кроме одного человека, являлись членами Национально-трудового союза нового поколения - антисоветской организации русской эмигрантской молодежи, которая в 1938-1943 гг. тесно сотрудничала с германскими спецслужбами. Немцы снабдили этих идеологически обработанных молодых людей фиктивными документами военного образца, большим количеством советских денег, ручным пулеметом, 12 автоматами, 4 пистолетами, 8 револьверами системы «Наган», 20 гранатами, патронами, примерно 40 килограммами взрывчатых веществ, походной типографией, ротатором и большим количеством антисоветской литературы. Однако и эти диверсанты были задержаны.

Видимо, последняя неудача с высадкой пропагандистов насторожила руководство немецкой разведки. Больше в лагерь Хасанова самолетов, хоть и было обещано, не присылало. Постепенно фронт все дальше и дальше уходил на запад, связь с абверкомандой-203 становилась все реже и нерегулярнее. Война уже катилась по земле Германии, и у сотрудников абвера появились более насущные проблемы спасения собственной жизни. В апреле 1945 года команда была расформирована, часть личного состава брошена на оборону Берлина. Оставшаяся часть разведчиков была перевезена под Бранденбург, где с прицелом на будущее начала подготовку диверсионных групп из поляков и немцев.

...Из заключения начальника 3-го отдела 3-го Главного управления контрразведки подполковника Пуминова от 7 сентября 1946 г. по радиоигре «Десант»:

«В результате проведения по станции указанной легенды было вызвано на нашу сторону и арестовано 27 агентов германской разведки (осуждены), у которых изъяты миллион рублей советских денег, 2 радиостанции и около 7 тонн оружия, взрывчатых веществ, обмундирования, продуктов питания и различных предметов первой необходимости. В связи с успешным наступлением Красной армии и отда-

ленностью линии фронта радиосвязь с центром противника в апреле 1945 года была нарушена, а в мае вовсе прекращена ввиду капитуляции Германии».

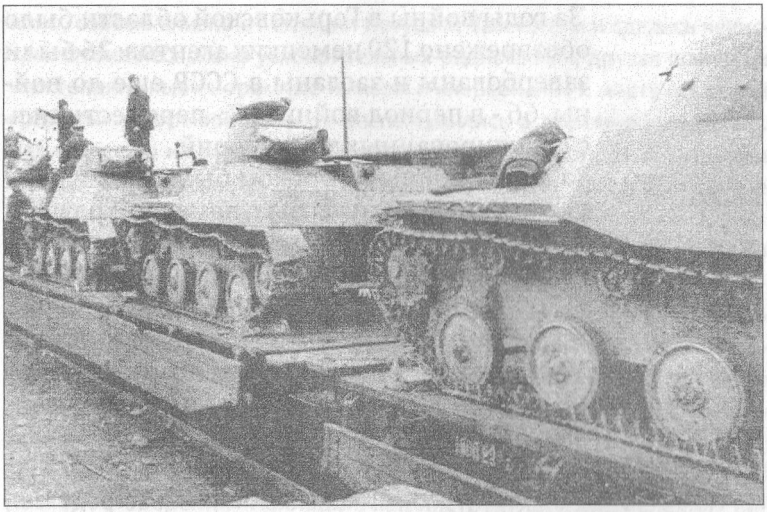
Так для Мансура Бедретдинова закончилась война. Но радоваться было рано. Что его ждет дальше? Годы плена закрепили на нем прочное клеймо предателя. Он был готов нести наказание, зная, что участие в радиоигре с абвером смягчит его. Сколько придется отсидеть, определит суд.

Но произошло то, чего он и не ожидал. Ему была объявлена благодарность, а за активное участие в радиоигре и проявленную при этом полезную личную инициативу с него полностью были сняты все обвинения в измене. Его демобилизовали и отпустили домой.

Через много лет он познакомился с одним документом, который и решил его судьбу. Это была справка органов госбезопасности, итожившая его военную биографию. В ней говорилось, что он «... принимал активное участие в составлении текстов радиограмм для передачи центру германской разведки, проявляя при этом личную инициативу, называя ценные в оперативном отношении предложения, направленные на получение наибольших результатов... все поручения органов контрразведки Смерш выполнял с исключительной серьезностью и точностью».

Гриф секретности с его военных документов был снят. Мансур Абдулбярович Бедретдинов стал равным среди солдат, прошедших войну. Ему уже нечего было скрывать. Его победа пришла через многие годы после войны. Так случалось в мирной жизни...

Владимир МАКАРОВ.
Андрей ТЮРИН.
Алексей СЕВОСТЬЯНОВ.
Пильнинский район, с. Петряксы.



Операция «Друзья»

В начале 1942 года в главном управлении имперской безопасности, которым руководил Гиммлер, был создан специальный орган «Цеппелин», в задачи которого входили шпионаж, диверсии и антисоветская пропаганда в глубоком тылу СССР. Были разработаны конкретные планы операций, одна из которых носила название «Волжский вал». Предполагалось осуществить одновременные взрывы нескольких мостов через Волгу. Причем коммуникации должны были выйти из строя на продолжительное время.
Какое место отводилось в плане «Цеппелин» Горькому, неизвестно, но то, что он не остался без внимания, очевидно.

*** Немецких разведчиков интересовала отгрузка техники с оборонных заводов Горького.**

За годы войны в Горьковской области было обезврежено 120 немецких агентов: 26 были завербованы и засланы в СССР еще до войны, 66 - в период войны, 28 - переместились с оккупированных территорий.
За время войны в Горьком были проведены две крупные радиоигры с немецкой разведкой. Одна из радиоточек, работавших в городе, носила позывной «Петр».

Позывной «Петр» - это для немцев. В оперативных сводках горьковских чекистов радиоточка числилась под кодовым названием «Друзья». К истине это было поближе. На связь выходили два агента, сдавшиеся Смершу в ночь приземления. Кличку «Петр» носил Николай Палладий. А придумал ее немецкий капрал, учивший разведчиков радиоделу. Он уловил в усатом агенте сходство с Петром I. Второй агент, Иван Коцарев, отличался обилием псевдонимов - Дубянский, Лукьянов, Лихачев...

И Палладий, и Коцарев в прошлом были офицерами Красной армии. Оба в бою были ранены и захвачены в плен. Потом, поддавшись на уговоры вербовщиков, оказались в Катынской разведшколе под Смоленском. О задумках друг друга они ничего не знали, но каждый хотел при первой же возможности оказаться у своих.

По легенде, разработанной в разведшколе, Палладий «получил» звание старшего лейтенанта и орден Красного Знамени, а Коцарев стал лейтенантом с орденом Красной Звезды. На вопрос, где бы «Петр» хотел вести разведывательную работу, он тут же назвал город Горький. В этом городе он, как командир взвода связи отдельного гвардейского минометного дивизиона, получал «катюши». Несколько свободных дней, которые выдались, он посвятил прогулкам по городу, так что немного его знал.

Время «Ч» настало 2 мая 1943 года. Обмундированных в советскую офицерскую форму Палладия и Коцарева привезли на смоленский аэродром. Сговора о переходе к своим у агентов не было. Лишь перед самой посадкой в самолет Палладий рискнул: «Прилетим, уйдем к своим?» Коцарев вздрогнул от неожиданности, первое, что пришло в голову, - проверка, но встретившись взглядом с «Петром», кивнул.

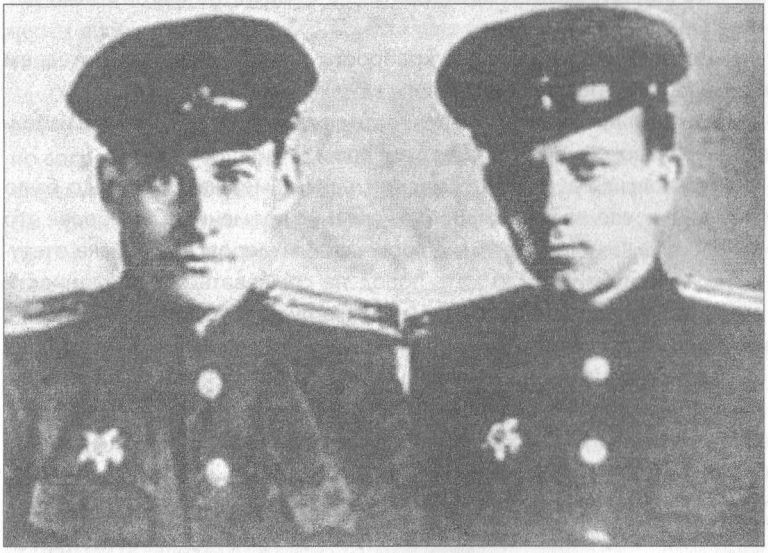
Радиоигра «Друзья» началась 5 мая 1943 года в... Лефортовской тюрьме, куда доставили агентов после приземления у деревни Кор-

кино, совсем близко от станции Петушки. Там-то они и сдались чекистам. Отбив несколько успокоительных радиограмм, друзья покинули «гостеприимные» тюремные камеры и «переехали» к месту основной «работы» в Горький, но и тут расположились в тюремной одиночке. Раз в неделю их вывозили в лес или на берег Волги. Отсюда летели шифрограммы в центр. Что им поверили, поняли, когда бдительные чекисты позволили им искупаться.

Только осенью они обрели свободу и разместились в квартире по улице Фурманова в семье воевавшего фронтовика.

Здесь-то их и навестил первый курьер. Он доставил все, что было заказано, и, между прочим, предложил хорошенько кутнуть. В ресторан не пошли, побоялись проверок. Продукты купили в комиссионном магазине и устроили вечеринку дома. Встреча сослуживцев, так сказать...

Утром курьер отъезжал в обратную дорогу. В «командировочном удостоверении» Палладий, как инструктировали, «влепил» несколько неточностей. Он не знал, что курьер их «родной» разведшколы также благополучно сдался Смершу. Это была последняя проверка друзей.



Разведчики Николай Палладий и Иван Коцарев вели радиоигру с абвером в Горьком.

Однажды ночью их привезли на улицу Воробьева к темной громаде Горьковского управления НКВД. «Эмка» въехала в ворота, и они вошли в здание с черного хода. Под два мягких удара напольных часов их ввели в просторный кабинет, где в круге света от лампы с абажуром сидел генерал, и оставили с ним наедине.

На первый взгляд, разговор с генералом был сумбурный. Он перескакивал с темы на тему: генерал спрашивал о настроении, о прохождении сигналов во время сеансов связи, о возможных проверках агентов и опять о настроении...

Кто был этот генерал, они тогда не знали. Второй раз они увидят его уже в Москве, когда он будет вручать им боевые ордена - сам шеф Смерша Виктор Семенович Абакумов.

Позже, уже после войны и после смерти Сталина, они в третий раз услышат об этом генерале. На этот раз газеты сообщат, что он обвинен в предательстве и по приговору суда расстрелян заодно с его непосредственным начальником Лаврентием Берия.

А в ту ночь генерал Абакумов изъявил желание сам познакомиться с исполнителями радиоигры «Друзья», которую лично контролировал. Перед поездкой в Горький генерал просмотрел последние расшифрованные радиограммы и остановился на свежей, только что полученной:

«Петр. Вы награждены за храбрость, поздравляем вас и желаем дальнейших успехов. Племянник».

Это послание вселяло уверенность в том, что он не ошибся в исполнителях нового сценария игры с абвером.

Горьковский дуэт, без сомнения, удача Смерша. Этим надо было активнее воспользоваться. Война - явление временное, тем более что на фронтах шли необратимые процессы - гитлеровские войска отступали. Абверу надо было дать повод не сомневаться в преданности агентов. Они ведь могут пригодиться и в будущем. Надо видеть дальше войны...

В сентябре 1943 года на явочный адрес, сообщенный в шифрограмме, явились два агента-курьера. Они доставили батареи, бланки документов, деньги. Курьеров решено было тут же арестовать, а в разведцентр радировать: «Племяннику. Не дождавшись курьеров, послал к вам Лукьянова. Петр».

Коцарев-Лукьянов готов был к такому повороту событий. После встречи с генералом с ним вели работу опытные чекисты-разведчики. Ему пришлось изучить все радиограммы, посланные в разведцентр. Он

готов был отвечать за каждую строчку: где, когда и при каких обстоятельствах добыта информация. Он познакомился с «информаторами», которых до этого в глаза не видел. Теперь он знал наиболее опасные, с точки зрения агента, места, где могут задержать и проверить документы. Пришлось перевернуть кипы газет, быть в курсе всего, что происходило.

Чтобы показать опасность работы, придумали несколько случаев, когда им приходилось искать выход из затруднительного положения. Лукьянова провезли по всем объектам, упоминавшимся в шифровках, а это железнодорожные станции, речной вокзал, порт, госпитали, предприятия, места расположения зенитных батарей, подходы к площадкам с военной техникой, пункты наблюдения за железнодорожными составами. Учитывались все мелочи. Провал операции исключался. Сопровождавший Лукьянова к линии фронта майор Смерша В. М. Климов в своем рапорте писал:

«Сопровождая Лукьянова к линии фронта, я предложил ему действовать самостоятельно с тем, чтобы он по возвращении в разведорган противника мог доложить обстоятельно и уверенно все, с чем пришлось ему столкнуться. Моя роль сводилась только к тому, чтобы в случае необходимости давать ему необходимые советы. Переброска через линию фронта была осуществлена на одном из участков действия 16-й армии.

Обстановка в месте перехода была спокойной, ничего тревожного замечено не было. Лукьянов чувствовал себя уверенно, был предельно сосредоточен и внимателен. Перед тем как расстаться, я попросил его еще раз тщательно проверить содержание карманов и вещей, чтобы исключить возможность какой-либо случайности. Когда все было готово, я сказал: Ну, дорогой, ни пуха ни пера!» Он улыбнулся и ответил: «К черту!»

Через несколько дней «Племянник» сообщил:

«Петру. Ваш напарник приехал. После отдыха направим его к вам с багажом».

Отдых был продолжительным. Лишь 1 мая 1944 года немецкий самолет доставил Лукьянова к «месту прописки» с прежним заданием - продолжать работу вместе с радистом. А в своем отчете он сообщил следующее:

«По прибытии мне было приказано составить подробный отчет о моем пребывании в советском тылу. После этого капитан Фурман ска-

В архивах КГБ разыскали фотографию Ивана Коцарева в немецкой форме. Он «заслужил» ее своей тайной работой в нашем городе.

зал, что сегодня вечером прибудет шеф - подполковник Херлиц, который вручит мне награду за мою работу по выполнению задания германского командования.

В назначенное время в «Штадтбюро-1» прибыли подполковник Херлиц, штандартенфюрер СС Дорн и обер-лейтенант доктор Радель. Херлиц приказал унтер-офицеру Курту выстроить всех разведчиков. Перед строем он произнес речь о моей работе в советском тылу, произвел меня в лейтенанты Русской освободительной армии и вручил две медали «За храбрость». После вручения наград была организована вечеринка, на которой присутствовали все разведчики и сотрудники во главе с Фурманом. По окончании вечеринки, прощаясь, Фурман вручил мне 500 немецких марок и сказал, что я буду получать двойной рацион питания.

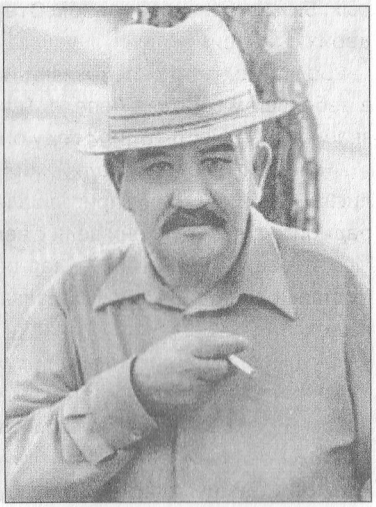
Офицерское обмундирование для меня сшили в течение суток. Сделано это было по приказу подполковника Херлица. По его же приказу мне предоставили в общежитии разведчиков отдельную, заново отремонтированную комнату, обставленную хорошей мебелью».

За четыре месяца пребывания в разведцентре Коцарев сумел добыть сведения на 27 официальных сотрудников германских разведывательных органов, 38 разведчиков, 6 вербовщиков, а также на 7 органов германской военной разведки, дислоцировавшихся в городах Минске, Витебске, Ликк (Восточная Пруссия) и прифронтовых районах. В это же время он перевербовал немецкого разведчика, снабдив его паролем для явки в органы контрразведки Смерш.

Коцарев вернулся. Казалось бы, задание выполнено, но не все совпадало с разработанным сценарием. Предусматривался вариант

внедрения в разведцентр - агент опытный, могли бы оставить инструктором. Но абверу не прикажешь... Что же, важно то, что германская разведка ничего не заподозрила. Радиоигру можно было продолжать, а там видно будет.

К концу 1944 года радиостанция разведцентра с трудом «доставала» до Горького, да и город немецкую разведку не особенно интересовал. «Петру» радировали, чтобы агенты по возможности сменили место жительства и перебрались в Прибалтику.



А таким был Иван Никифорович Коцарев в последние годы своей жизни.

Как горьковские чекисты прощались со своими подопечными, история умалчивает. А ведь где-то и сейчас в архивах спецслужб хранятся десятки радиограмм, отбитых «Друзьями», - вся та «лапша», которую они вешали на уши абверу. И это почти всю войну...

Выполнив приказ разведцентра, «Друзья» объявились в Каунасе. Они до последних дней войны «хранили верность» своим хозяевам. В начале мая 1945 года им пришла последняя шифровка, где определялись явки в Германии, пароль для связи и пожелание «не падать духом и ждать победы».

Они-то своей дождались. После войны Николай Лукич Палладий и Иван Никифорович Коцарев выбрали местом жительства Белоруссию, обзавелись семьями и теперь уже легально стали друзьями, без всяких кавычек. О своих военных делах, конечно, помалкивали. Но, как оказалось, для разведчиков войны не кончаются даже с победными залпами салюта. В 1952 году советской контрразведке вновь понадобилась их помощь - шла «холодная война». Они, не задумываясь, согласились и принялись вспоминать немецкий язык, который учили в разведшколе. Но вскоре необходимость привлечения их к работе отпала...

После войны Иван Никифорович Коцарев помогал органам государственной безопасности в розыске известных ему агентов германской разведки, осевших на территории Белоруссии. Опознал шесте-

рых. Был награжден орденом Отечественной войны II степени. Растил двоих сыновей.

Большую часть своей жизни Иван Никифорович прожил с семьей в небольшом городке Лепеле. Теперь в этом городке есть улочка, названная в его честь. В 1994 году он трагически погиб.

Николай Лукич Палладий жил в Минске. Друзья иногда встречались. В Горький их не приглашали, никто тогда не знал о секретной радиоигре, которую они вели с немецкой разведкой.

Операция «Цеппелин» - удар возмездия по тылам Страны Советов - остался лишь в секретных папках абвера, который в конце концов выдохся.

А дальше арестованным и осужденным руководителям немецкой разведки оставалось, сидя в камерах, писать мемуары, что они с успехом и делали. Они расписали свои «подвиги» в Италии, Франции, в горах Югославии, раскрывали тайны проникновения своих агентов в Англию, США, рассказывали о создании секретных баз в странах Ближнего Востока и Северной Америки. Обошли вниманием только своего давнего противника - Советский Союз. Их понять можно: в поражениях признаваться трудно.

Евгений СУХОВЕРОВ.

«Смоленск-зондер» не давала покоя

В Нижнем Новгороде на одной из высоток по улице Медицинской укреплена вот эта мемориальная доска. Имя человека, которому она посвящена, как видим, не забыто, а вот о его боевом пути почти ничего не известно. Между тем старший лейтенант Иван Шлапаков встретил войну на западной границе. Но повоевать пришлось недолго, с группой бойцов попал в окружение. При попытке перейти линию фронта был ранен в ногу. Бойцы его не оставили, и постепенно из окруженцев сформировался партизанский отряд. Иван Романович Шлапаков стал его командиром. К концу войны под его командованием была уже бригада в 2000 партизан, которая именовалась 16-й Смоленской. Несколько раз фашистам удавалось взять бригаду в кольцо окружения, но она умело с боями прорывалась в самых неожиданных местах.

* Мемориальная доска партизанскому командиру.

После войны квартира Ивана Романовича Шлапакова в Горьком превратилась в штаб бригады. Ему приходилось вести обширную переписку с сослуживцами. О подвигах бойцов его бригады написано два десятка книг. О самом командире - ни одной. Он считал, что это вполне справедливо. Его бойцы сражались в тылу врага, и борьба их была невидимой.

Председатель Республиканского совета Белорусского общественного объединения ветеранов (БООВ) Анатолий Новиков знакомит меня с очень любопытным письмом из российского города - Нижнего Новгорода. Давайте, говорится в нем, вспомним теперь о героическом партизане и прекрасном человеке, бывшем командире 16-й Смоленской партизанской бригады Шлапакове Иване Романовиче.

- Это пишет дочь Шлапакова, - поясняет Новиков. - Видно, боевой был комбриг: 18 правительственных наград имел, в том числе два ордена Ленина. А в нашем объединении, к сожалению, о нем не знают.

Долго пришлось мне работать, прежде чем собрал достаточно материала по теме. И вот передо мной образ легендарного комбрига, не знавшего в войну поражений. Расскажу лишь о некоторых славных делах бригады.

Бил врага по-чапаевски

Деятельность бригады Ивана Шлапакова связана с партизанским движением в Беларуси. Она перебралась сюда по приказу Москвы в конце 1942 года и получила номер 16. Прошла с боями по временно оккупированным районам Витебской, Могилевской, Минской и Гродненской областей. Очень умело использовала богатый опыт, накопленный на Смоленщине. Сам Шлапаков отличался особой военной хитростью, умением найти наиболее бескровный вариант той или иной операции. Взял за правило не рисковать людьми, не лихачить, бить врага по-чапаевски: оттуда и тогда, откуда и когда он совсем не ждет.

... Наше командование задумало уничтожить большое количество воинских эшелонов противника, скопившихся на станциях Витебска и Орши. Как это сделать наиболее эффективно? Было решено «закупорить» эти эшелоны. Сначала партизаны-диверсанты в треугольнике Смоленск - Витебск - Орша пустили под откос 12 вражеских составов. А потом за одну ночь взорвали 17 километров железнодорожных путей. Замысел удался: на станциях застряло очень много вражеских эшелонов, их и накрыла советская авиация.

Как разлагали РНА

Бригада Шлапакова выполняла и особое задание Белорусского штаба партизанского движения: вела активную и очень опасную работу по разложению Русской национальной армии (РНА). Начинал это дело еще Константин Заслонов. Как только Иван Шлапаков в феврале 1943 года прибыл в Щербинский лес, он сразу же установил связи с подпольной комсомольской группой в поселке Осинторф. Дело в том, что в этом поселке был создан штаб из разной эмигрантской сволочи и бывших белогвардейцев.

Газета «Комсомольская правда» материал о подвиге Володи Куриленко от 03.09.1942

В партизанском отряде Ивана Романовича Шлапакова сражался комсомолец Володя Куриленко, ставший Героем Советского Союза.

Подпольную группу в поселке возглавлял бывший секретарь комитета комсомола торфозавода Станислав Шмуглевский. С ним вскоре и встретился комбриг в деревне Замоськи. Беседа продолжалась весь вечер и всю ночь. Шлапаков дал Шмуглевскому очень ценные советы. Во-первых, необходимо усилить конспирацию. Далее: всю организацию разделить на пятерки. Определить явки, установить сигналы опасности.

Главную ставку в своей затее с РНА фашисты делали на военнопленных. С ними и надо было работать. Шлапаков поставил перед Шмуглевским важную задачу: как можно быстрее проводить в лес, к партизанам, всех солдат и офицеров подразделений РНА, готовых начать борьбу с оккупантами. Было подготовлено к переходу около 600 человек.

Столь массовый переход - дело очень сложное и рискованное. Поэтому командование бригады разработало план: намечалось, что личный состав РНА разгромит белоэмигрантский штаб, захватит документы, оружие и уйдет в лес. И вдруг гитлеровцы, видимо узнав о предстоящей операции, начали аресты среди командного состава

Партизанская засада.

РНА. И все-таки 115 солдат и офицеров артиллерийского дивизиона успели заминировать склады с оружием и боеприпасами и ушли к партизанам. 45 из них влились в бригаду Шлапакова.

А вскоре на сторону партизан перешло еще около 250 бывших советских военнопленных. Они прихватили с собой броневик и несколько машин с боеприпасами. Кстати, немецкое командование как раз планировало включить эти подразделения РНА в состав карательной экспедиции против партизан. Блестяще выполнила подпольщица Женя Нефедова ответственнейшее задание комбрига Шлапакова.

Наш Николай в немецкой комендатуре

В зоне действий 16-й бригады был очень важный объект - БелГРЭС. Она работала на базе «Осинторфа», крупнейшего торфопредприятия Белоруссии, и являлась одной из первых наших электростанций. Командование тыловых гитлеровских войск и их различные хозяйственные управления придавали большое значение бесперебойной работе БелГРЭС. Однако на ней участились диверсии, которые не давали оккупантам покоя.

И вот в Осинторф прибывает из Берлина личный уполномоченный Гитлера барон фон Шнавке. Он становится зондерфюрером торфопредприятия и всего района, ему же поручено строительство оборонительных сооружений на подступах к Осинторфу.

А переводчиком у зондерфюрера торфопредприятия работал Николай Великосельский, бывший студент Горьковского политехнического института. В начале войны он находился в Красной армии, был ранен и попал в плен. Повезло: Николай хорошо владел немецким языком, что помогло ему вырваться из лагеря. Парня направили на работу в немецкую комендатуру.

По характеру работы Николай имел доступ к некоторым документам, пишущей машинке, бланкам временных пропусков для рабочих, многое знал о военно-хозяйственных замыслах гитлеровцев в этом регионе. Но думал только об одном: уйти в лес, к партизанам. Увы, подходящий случай не выпадал. Подпольщики Осинторфа долго присматривались к Великосельскому, наконец убедились, что это честный человек, и вовлекли его в свою организацию, для которой он оказался исключительно полезным. Николай передавал командованию 16-й бригады много ценных сведений. В том числе и о приезде в Осинторф зондерфюрера СС Шнавке.

Конец барона Шнавке

Заместитель комбрига по разведке Нечаев дает подпольщикам задание постоянно наблюдать, где бывает барон. И вот 11 марта 1943 года Великосельский сообщил: на следующий день барон собирается побывать на водонасосной станции. Ведь она являлась

Партизаны-шлапаковцы. В войну они были подростками. 2014 год. Смоленская область.

самым важным участком «Осинторфа», поскольку питала водой все его разработки. Шнавке хотел выехать на место, чтобы посмотреть все своими глазами. Партизаны решили подготовить ему достойную встречу.

Дальше хочу обратиться к воспоминаниям партизана 16-й Смоленской бригады Б. М. Тужилкина, непосредственного участника операции. Их прислала мне Нина Крюк, председатель ветеранской организации поселка Осинторф.

Эту операцию, рассказывает Тужилкин, поручено было провести 4-му отряду. Решили частично использовать опыт разгрома полицейских гарнизонов. Партизаны Василий Яковлев и Лола были переодеты в форму полицейских с белыми нарукавными повязками с буквой «Р» (полиция). Я надел форму немецкого лейтенанта.

План был таков: ночью отряд располагается метрах в трехстах от опушки леса, а мы втроем с рассветом идем открыто к караульному помещению, где находилась полицейская охрана. В нашу задачу входило бесшумно «снять» часового и закидать гранатами караульное помещение.

Когда мы подошли к караульному помещению, нас никто не окликнул - оно оказалось пустым. Мы сообщили отряду, и вскоре партизаны заняли боевые порядки по опушке леса, вдоль узкоколейки, а специально выделенная группа начала громить насосную станцию.

Часов в одиннадцать дозорный на вышке доложил, что к нам приближается мотовоз с несколькими платформами, на которых расположилась охрана. Как только он приблизился, партизаны открыли огонь. Оставшиеся в живых немцы спрыгивали с платформ и занимали оборону за железнодорожной насыпью. Расстояние между нами и ими было метров пятнадцать, так что пошли в ход гранаты.

100 тысяч рейхсмарок за поимку комбрига

Бой продолжался. Наш наблюдатель доложил, что к немцам из Осинторфа идет большое подкрепление. Нашему отряду, вспоминает дальше Тужилкин, был отдан приказ группами выходить из боя к месту сбора. В том бою мы потеряли двух товарищей - Яковлева и Лолу. Подобрать убитых не смогли.

Важные дополнения к этой операции приводит к своей книге «Партизанская республика» Петр Калинин. Барон фон Шнавке, тридцать семь немецких солдат и тринадцать полицейских были уничтожены. В связи со смертью зондерфюрера фашистское командование объявило в Осинторфе двухдневный траур. Гроб с его телом на специальном самолете отправили в Берлин. Через несколько дней в газете «Новый порядок» появилось сообщение, будто в нападении на водонасосную станцию участвовало до тысячи партизан и что «доблестные войска фюрера в бою уничтожили двести коммунистических бандитов». С перепугу фашистские писаки увеличили число партизан, участвовавших в этой операции, раз в пятьдесят, а их потери - ровно в сто. На самом деле в бою погибли лишь два партизана. Блестящая операция по уничтожению Шнавке вошла в многочисленную литературу по партизанскому движению.

На восстановление разрушенной водонасосной станции гитлеровцам потребовалось около двух месяцев. Ивана Шлапакова фашисты объявили личным врагом Гитлера, за его срочную поимку назначили огромное вознаграждение - 100 тысяч рейхсмарок.

Увы, Героя ему не дали

А партизаны бесстрашного комбрига, не знавшего поражений, потом успешно громили врага в партизанском крае Полоцк - Лепель - Ушачи. Герой Советского Союза Владимир Лобанок так оценивает те бои: «Образцы доблести, беспредельной храбрости и верности боево-

му долгу показывали партизаны 16-й партизанской бригады под командованием тов. Шлапакова». Немцы же после этих боев стали называть 16-ю бригаду «Смоленск-зондер», что означало «Смоленская особая». Она участвовала в ликвидации гитлеровцев, попавших в знаменитый «Минский котел», помогала освобождать от захватчиков города, поселки и села Западной Белоруссии, дошла до окрестностей Вильнюса. Свою почти трехлетнюю партизанскую эпопею Иван Романович завершил освобождением литовского города Свирь.

Внушителен боевой счет бригады. Под командованием И. Шлапакова она провела 665 боев с противником. Пустила под откос около 130 железнодорожных составов с живой силой и боевой техникой врага, разгромила 53 гарнизона. Уничтожила 816 грузовых автомобилей, 185 танков, 350 автомашин, 10 складов... 16 раз бригада оказывалась в кольце мощных карательных экспедиций гитлеровцев, но всегда выходила с победой.

По всем статьям комбриг Иван Шлапаков подходил для присвоения звания Героя Советского Союза. Но не стал им. Почему?

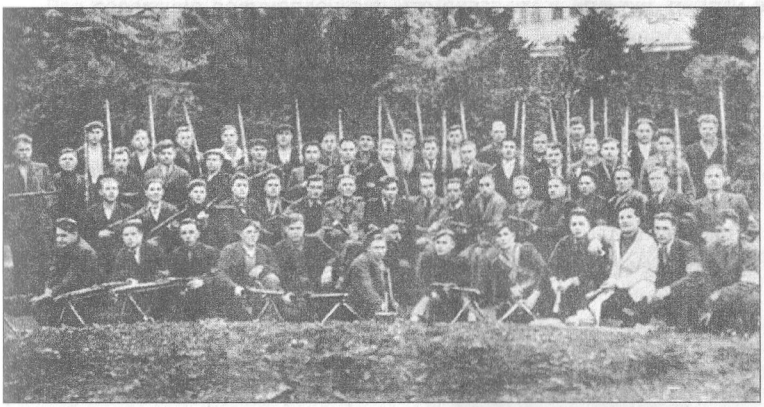
- За время боевых действий отца дважды представляли к этому званию, - рассказывает его дочь Татьяна Ивановна. - Однако получить столь высокую награду ему было не суждено. Первый раз был сбит самолет, летевший с документами за линию фронта. Второй раз приказ о награждении лег на стол Сталину после войны. Генералиссимус сказал, что героизм уже закончился.

Иван Романович умер в Нижнем Новгороде, прожив 92 года.

Ветеран дивизии Петр Кобраков посвятил любимому комбригу стихи:

Но кажется, прорвавшись сквозь потери,
Пройдя военный путь суровый весь,
Сейчас вот-вот откроет юность двери
И по-солдатски скажет мне: «Я здесь!»

Михаил ШИМАНСКИЙ,
лауреат Государственной премии Беларуси.



Из отряда отчаянных

Многие сбежавшие из плена советские воины были участниками подполья и движения Сопротивления в странах, оккупированных гитлеровцами.

В Бельгии сражались целые отряды из бойцов Красной армии. Была даже бригада «За Родину!», в которую входили пять партизанских отрядов. Недавно были рассекречены фильтрационные дела – личные дела, протоколы допросов, автобиографии солдат и офицеров Красной армии, прошедших через плен и воевавших в Бельгии.

В годы Великой Отечественной войны на принудительные работы в Бельгию было вывезено 20 тысяч советских граждан. Первые 6 тысяч военнопленных были привезены туда в 1942 году для работ на шахтах в районе Лимбурга.

Летом 1943 г. в Бельгии начали действовать партизанские отряды из советских военнопленных, бежавших из немецкого плена. В дальнейшем, в конце 1943 года, в провинции Лимбург из них была сформирована партизанская бригада «За Родину!», которая активно участвовала в боевых действиях против немецких войск и полиции.

*** Партизанская бригада «За родину!». Была создана из советских солдат, бежавших из плена.**

Результаты боевой деятельности бригады «За Родину!» достаточно красноречивы: уничтожены 841 солдат и офицер противника, 53 агента гестапо, выведены из строя 24 грузовые автомашины, пущено под откос 6 эшелонов с боевой техникой, взорвано 4 важных моста военного значения, 18 складов боеприпасов и 12 контор по мобилизации. Потери бригады составили 21 человек. В целом в антифашистском движении Сопротивления на территории Бельгии приняли участие около 500 советских граждан, из них девять уроженцев Горьковской области.

В рассекреченных документах мы разыскали автобиографию, написанную нашим земляком Михаилом Ивановичем Александровым.

Автобиография

Горьковская область, Сормовский район, Кооперативный поселок, ул. Орджоникидзе, д. 11. Александров Михаил И. Год рождения 1912. Рабочий.

Взят в армию с начала мобилизации на войну. Прибыли мы в Ленинград и были там до 13 августа. Располагались в Казачьих казармах на Обводном канале.

На фронт нас высадили у станции Котлы. Я находился при роте связи повозочником 86-го полка 333-й дивизии. Попали в окружение 25 августа 1941 года тут же у станции.

Пригнали нас немцы в Эстонию, в лагерь. Пробыл я в этом лагере до 17 января 1942 года. Затем нас перегнали в рабочий лагерь на берегу Финского залива. Шесть месяцев я таскал камни, а потом перегнали нас в шахты. Здесь я окончательно измотался и заболел. Отправили меня в лазарет, который находился в Эстонии.

14 июня 1944 года, после выписки из лазарета, привезли в Польшу. Здесь нас переодели в немецкую форму и сказали, что мы будем работать при немецких частях, но через месяц отправили в Бельгию. За нас взялись немцы и стали принуждать нас брать в руки оружие и отправляться на фронт. Мы категорически отказались. Тогда немцы сняли с нас обмундирование и вернули нам старую рваную одежду, после чего сказали, что переправляют нас во Францию работать в шахтах.

При первой же бомбежке я сбежал. Меня приютили цивильные бельгийцы.

Когда американцы погнали немцев, хозяйка привела меня в лагерь русских. Вместе с бельгийскими партизанами мы разыскивали прятавшихся по лесам немцев и брали их в плен.

Так и закончилось мое путешествие.

Все советские военнопленные, кто оказался в Бельгии, попали в плен в первые месяцы войны и прошли много немецких рабочих лагерей.

Нижегородцы,
бойцы партизанской бригады «За Родину»

АЛЯУТДИНОВ Харряс (Николай), 1918 г. р.

Место рождения: д. Пошатово, Кзыл-Октябрьский район (Краснооктябрьский район).

Рядовой, шофер 103-й мотострелковой бригады 95-й стрелковой дивизии.

Пленен 4 июля 1942 г. в Севастополе. Прошел лагеря в Севастополе, Саксонии, Цварберге. В немецком плену работал на шахте.

Побег совершил 29 марта 1944 г.

МАРТЫНОВ Иван Никифорович, 1921 г. р.

Место рождения: д. Старая Березовка, Сергачский район. Рядовой. Попал в плен 18 июля 1941 г. Из плена бежал.

КНЯЗЕВ Алексей Васильевич, 1921 г. р.

Место рождения: с. Троицкое, Спасский район. Призван Куйбышевским РВК г. Горького. Рядовой. Попал в плен 20 июля 1941 г. Из плена бежал.

ЗУБОВ Иван Александрович, 1923 г. р.

Место рождения: с. Воротынец, Воротынский район. Рядовой. Попал в плен. Бежал.

ПАРАНИН Иван Васильевич, 1912 г. р.

Место рождения: с. Фофаново, Вачский район. Рядовой. Попал в плен. Бежал.

ПАШАНИН Петр Васильевич, 1921 г. р.

Место рождения: г. Лукоянов. Попал в плен 2 октября 1941 г. Бежал 28 июля 1944 г.

Нижегородцы, бойцы других партизанских отрядов в Бельгии

АБРАКИМОВ Мосуим (Мосун), 1920 г. р.

Место рождения: с. Чентильск, Краснооктябрьский район. Рядовой. Попал в плен, бежал. Боец партизанского отряда в Бельгии.

АЛЕКСАНДРОВ Михаил Иванович, 1912 г. р.

Место рождения: с. Бухалеи, Бутурлинский район.

Рядовой роты связи 86-го полка. Попал в плен 25 августа 1941 около ст. Котлы на Ленинградском направлении. 29 августа 1944 г. бежал из плена. С 22 сентября 1944 г. боец партизанского батальона в Бельгии.

Адрес проживания родственников: г. Горький, Сормовский район.

Всем перечисленным землякам удалось вернуться на Родину. Они жили среди нас, но мало кто знал, что когда-то были бойцами Сопротивления в Бельгии. Просим всех, кто знал их, написать нам о их послевоенной судьбе.

В Бельгии погиб наш земляк **Михаил Петрович БАРЯГИН**, 1918 г. р. Уроженец Пильнинского района. С октября 1941 года числился без вести пропавшим. Погиб в лагере Хеусден-Хал 21 июня 1943 года. Похоронен на кладбище г. Курсель в числе 23 советских военнопленных, погибших в местном концлагере.

Кладбище в бельгийском городе Курсель. Здесь похоронен наш земляк Михаил Петрович Барягин.

После войны бельгийский партизан Харряс Аляутдинович Аляутдинов жил в селе Пошатове Краснооктябрьского района. Тринадцать лет назад его не стало. Но память о нем живет.

Районная газета «Сельские вести» разыскала в Москве его внука Дамира Сейфетдинова. Он и рассказал о своем деде.

Тот бой был тяжелым. Шесть раз советские войска атаковали высоту, и каждый раз огнем их поддерживал броневик, которым управлял Харряс Аляутдинов. И когда казалось, что высота уже была взята, появились немецкие танки. Первым делом они обрушили свой огонь на юркий броневик, который продолжал стрелять и маневрировать. Но силы были неравны, броневик загорелся и взорвался. Механику-водителю Харрясу Аляутдинову удалось уцелеть. После боя немцы подобрали его и привезли в лагерный лазарет.

Было это под Севастополем, как говорит карточка военнопленного, 4 июля 1942 года. С этого дня Харряс числился военнопленным, но уже в августе он и еще четверо солдат бежали, прорыв ход к сточному рву. Однако слишком далеко были наши войска, через сутки они попали в облаву, и Харряс оказался в камере смертников.

Расстреливать его фашисты не стали: здоровый парень им был нужен как рабочая сила. Но в карточке военнопленного рядом с лагерным номером 1123 появилась отметка: «Особо опасен как организатор побегов».

После скитаний по лагерям Харряс оказался в Бельгии на шахте Цварберг. Мысль о побеге не оставляла его, правда, он понимал, что дойти до своих все равно не удастся. В побег ушел с товарищем Сергеем Борзовым, с ко-

Таким солдатом был Харряс Аляутдинов.

торым успел сдружиться. А помог им перехитрить стражу бельгийский антифашист Жеф Кеслер, он же переправил их к партизанам.

Так они оказались в бригаде «За Родину!», которой командовал бежавший из плена подполковник К. Д. Шукшин.

... Городок Бохолт. В предутренней дымке еле различимы островерхие кирхи. С Альберт-канала тянет зябкой сыростью. Обманчивая, настороженная тишина.

У моста через канал залегли партизаны второго отряда. С рассветом в город должны войти отступающие фашистские части, которым и приготовлена «встреча».

Харряс Аляутдинович Аляутдинов

Большая и дружная семья Аляутдиновых.

Откуда-то издалека донесся гул. По цепи передали: «Приготовиться к бою!» Харряс придвинул к себе гранаты. На дороге показались грузовики. Один, два, три, четыре... Машины идут медленно, словно остерегаются этой рассветной тишины.

Когда до них осталось метров сто, прозвучала отрывистая команда: «Огонь!»

Харряс бил расчетливо. Сколько будет этих грузовиков, набитых солдатами, никто не знал, но надо было продержаться полчаса, чтобы первый и третий отряды смогли ударить с тыла.

В этот момент смолк пулемет Сергея Борзова. Обернувшись, Харряс увидел, как его друг судорожно вцепился в рукоять пулемета, затем отпрянул назад и как-то неловко откинулся на бок. Харряс кинулся к пулемету. Удалось выбить из затвора перекошенный патрон, и веерной очередью он заставил фашистов залечь...

На счету бригады «За Родину!» числится более 800 уничтоженных вражеских солдат. Потери бригады - 21 человек. Партизаны взорвали 6 эшелонов с боевой техникой, 18 складов боеприпасов, разоблачили 53 агента гестапо.

В конце 1944 года в Бельгию вошли союзные войска - американцы и англичане. Партизанская бригада «За Родину!» была переправлена во Францию. Там она и встретила Победу.

На память о партизанской войне у Харряса Аляутдинова осталось удостоверение, «выданное партизану второго отряда», которое подтверждало то, что он «действительно является членом партизанской бригады «За Родину!», входящей в состав бельгийских партизан и действовавшей в Бельгии, в провинции Лимбург».

Все послевоенные годы мой дед Харряс Аляутдинович Аляутдинов проработал шофером в гараже колхоза «Пошатовский», был делегатом III съезда колхозников. Ему присвоено звание «Почетный колхозник».

А за бои на фронте был награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу» и «За оборону Севастополя».

Это был строгий и ласковый дед. Под стать ему была и бабушка. Они вырастили десять детей. Все их очень любили и часто наведывались в гости.

Достойно прожил мой дед жизнь. Ничто его не сломило. Как можно нам забыть его. Этого никогда не случится.

Дамир СЕЙФЕТДИНОВ,
внук фронтовика.

В ходе поиска удалось установить имя еще одного земляка, воевавшего в бригаде «За родину!» Его имя есть в списке бойцов бригады, но кто он и откуда родом, не указано. Белюков Василий Дмитриевич, 1923 года рождения... О военной судьбе сказано кратко - «попал в плен, бежал». И дальше полная неизвестность... Его имя должны были забыть. Он должен был навсегда остаться «без вести пропавшим», как на то указывало извещение, пришедшее еще во время войны.

Советский бельгиец

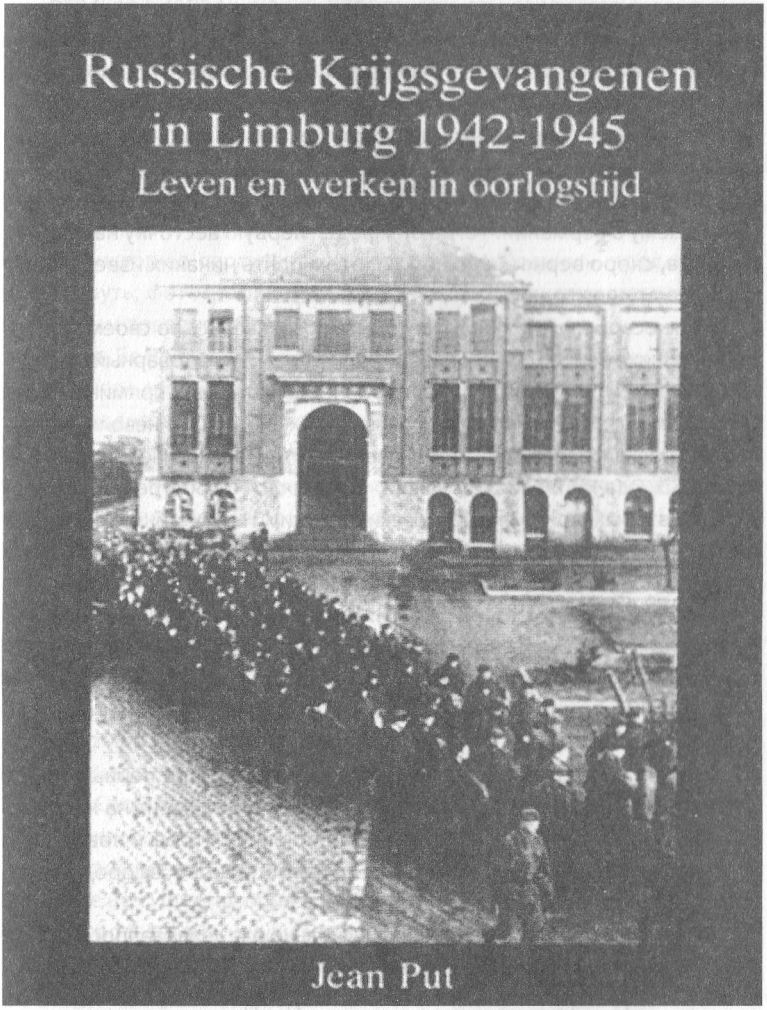
Как-то случайно, включив телевизор, захватил только концовку репортажа из Бельгии, показанного по одному из каналов.

А Владимир Васильевич Сюндюков, работавший в свое время заведующим районным отделом народного образования, а ныне пенсионер, также случайно смотрел репортаж с начала до конца. Смотрел с неподдельным интересом. Ведь речь шла о его родном дяде, у кого они с супругой Валентиной Федоровной побывали в Бельгии.

В 1942 году Василия Белюкова, двадцатилетнего парня, призывают на фронт. Воевал пехотинец под Севастополем. Был ранен в обе ноги и руку. Захватив полевой госпиталь, немцы отправляют раненых в Германию. Начинаются скитания по концлагерям. А затем с несколькими красноармейцами Белюков оказывается в Бельгии. Их привезли для работы на шахте. Изможденного человека, еле стоящего на костылях, под землю спускать не было смысла. Доходяга с «довоенных» 70 килограммов «съехал» до 39. Поставили шахту охранять.

Василий Белюков в Бельгии.

Когда более-менее оклемался, было два пути: или спускаться в шахту, или принимать новые мытарства по концлагерям. Он бежит, знакомится с одной фермер-



В этой книге рассказывается о действиях советских партизан на территории Бельгии. Есть в ней и воспоминания Василия Дмитриевича Белюкова.

ской семьей. Можно сказать, они его и выходили. Затем он попадает в партизанскую бригаду «За Родину!». Командовал бригадой бежавший из плена подполковник госбезопасности. Кроме русских, в ее составе воевали поляки, французы, бельгийцы... Пускали под откос немецкие

составы, рвали железнодорожные пути, нападали на военные объекты, вступали в перестрелку с немцами.

Считается, что в сентябре 1944 года, вскоре после открытия второго фронта, англичане освободили территорию Бельгии от врага. Фактически же, как говорит Белюков, страну освободили они, партизаны, бывшие военнопленные, а англичане шли уже за ними. В конце войны советских партизан прикомандировали на время к подразделению, воевавшему в Германии. Тогда он и подал первую весточку на родину, мол, жив, скоро вернется домой. А потом опять никаких известий, теперь уже до 1992 года.

После освобождения Бельгии события развивались по своему сценарию. Бывших военнопленных разоружили и посадили в товарный эшелон. Подвыпивший лейтенант-особист проболтался, что везут прямиком в Сибирь. Они молча переглянулись, поняв, что их вновь ждет неволя, только уже на своей земле. А то, что Белюкову светил срок, он не сомневался. Во-первых, сдался в плен. Не важно, что валялся с простреленными ногами. Во-вторых, припомнят отцовские «грехи». Не случайно же Василия призвали на фронт только спустя полгода после начала войны. Несколько раз вызывали в военкомат. Посмотрят анкету – не подходит.

Отца репрессировали в 1937-м. Пройдя две войны, тот не бросился сломя голову в колхоз, продолжал вести единоличное хозяйство. Был человеком глубоко верующим. 65-летнему единоличнику приписали религиозный фанатизм, вскоре он сгинул где-то в гулаговских лагерях.

Василий решает вернуться в Бельгию. Прячется на первых порах в той же семье фермера. Постепенно выправил документ на жительство, где он уже значился не Белюков, а Бирюкоф. Чтобы и вовсе запутать следы, местом рождения ставит не село Бутаково, а город Львов. На работу устраивается на ту же шахту.

Владимир Васильевич Сюндюков несколько раз делал запросы о дяде в Министерство обороны, в КГБ. В ответ никаких обнадеживающих известий. Но однажды все-таки маленькая надежда появилась. Как-то на охоту в район приехал человек, который показал ему крохотную фотографию исхудавшего военнопленного в арестантской полосатой одежде и пояснил, что это его дядя. А на вопрос: «Жив ли?» дал понять, что вполне возможно, но не сообщает о себе, скорее всего, из-за боязни.

Сам Белюков свое долголетнее молчание объясняет тем, что больше боялся за свою многочисленную родню в Бутакове, знал, какое к ним будет отношение.

И только в 1992-м «Радио России» трижды сообщило о действиях партизанской бригады, о судьбе самого Белюкова. Бельгийские корреспонденты приезжали в Бутаково, собирали материал для будущих публикаций. На сообщение радио отозвался из Кургана напарник по работе на шахте. До войны он был студентом геологического института. А после войны исправно отсидел свою «десятку» в нашем лагере. Их общий знакомый по партизанской жизни, бывший секретарь парткома Министерства станкостроительной промышленности СССР, написал историю партизанской бригады «За Родину!», проследил ее боевой путь, фотографии и магнитные ленты с записями разослал своим боевым товарищам.

Жизнь Белюкова в Бельгии сложилась не так уж плохо, как он сам рассказывал супругам Сюндюковым. Женился на дочери фермера Луизе. Пятнадцать лет был вольнонаемным на шахте. Сегодня той шахты нет. А на месте бараков для военнопленных, как мы увидели на экране, ребятишки играли в футбол. О войне напоминает лишь небольшая стела с именами погибших узников.

Живет Белюков в 13 километрах от той шахты, в Балене. Они называют свое поселение селом, по нашим же меркам, как рассказывает Владимир Васильевич, это приличный городок: 18 тысяч жителей.

Начинал его дядя с мелкой фермы. Выращивал кур-бройлеров и индюков на мясо, доведя их поголовье до нескольких тысяч. На ферме все процессы механизированы.

У фермера три земельных участка в разных местах общей площадью шесть гектаров. Семья не роскошествует особо, но и не бедная. Свой дом, правда, одноэтажный. В их городе-селе больше двухэтажных.

Бельгийское подданство он так и не принял, оставшись гражданином ныне не существующего государства СССР. Жил один, жена умерла. Все трое детей и внуки носят русские имена. Старшая дочь Вера гостили в Вознесенском.

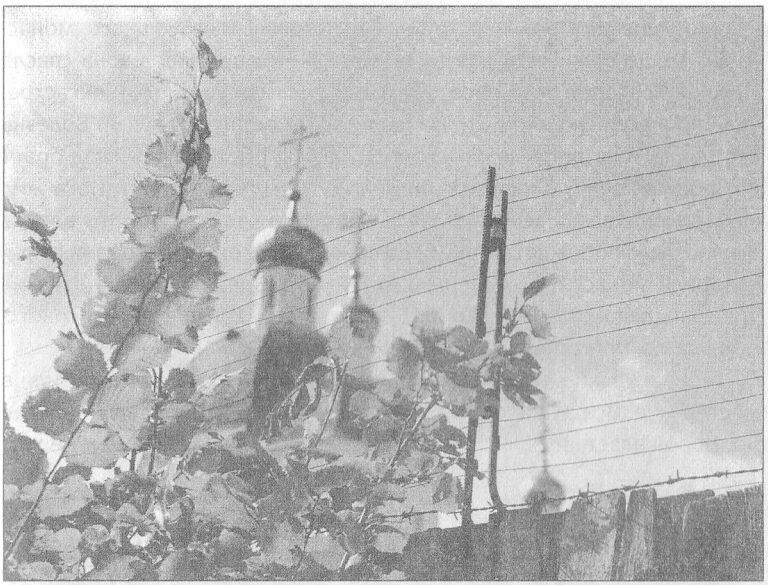
Вера и ее муж Гидо получили по наследству от родителей стиральную фабрику (по-нашему - прачечная). Она – за хозяйку, он – за главного инженера и механика. У сыновей Василия Дмитриевича, Сергея и Дмитрия, тоже свое дело. Один пошел по отцовской стезе, выращивает птицу, другой – строитель, с полным набором строительных машин и механизмов и небольшой бригадой нанятых рабочих возводят фундаменты (только их, стены строят другие) жилых домов, других каких-то объектов.

Кто лучше, кто похуже, но дети разговаривают по-русски.

Сам он выписывал русские газеты и журналы, установил специальную телеантенну, позволявшую принимать через спутник передачи из России. Постоянно смотрел первую программу. Из Вознесенского ему звонил и писал племянник, посылает вырезки из местной газеты. Тот сообщал в ответ, что ему интересно, как живет его родина.

Но, похоже, жизнь на чужбине все же не мед. Белюков просит прислать ему российский флаг, мол, когда умрет, пусть гроб покроют. На родину не ехал, считал себя уже чужим. И в Бельгии чужой. Зачем бередить душу и больное сердце?

Николай ШЕМЯКОВ,
редактор газеты «Наша жизнь».
Вознесенский район.



Время примирения

Поселок Оранки окружен полями. Святые места... Три века здесь стоял монастырь. Некогда благочестивому нижегородскому дворянину Петру Андреевичу Гладкову было видение, и глас неведомый повелел «двигнути храм во имя Пресвятыя Богородицы, чудотворныя ея иконы Владимирская». Заказал Петр Андреевич список иконы сей у протоиерея московского Успенского собора, который и был исполнен живописцем Григорием Черным.

*** Монастырь в Оранках был пристанищем военнопленных.**

Это первые строчки истории Оранского Богородицкого монастыря. А еще в ней есть строки о том, как чудотворная икона спасла Нижний Новгород от «моровой язвы». «С пламенною молитвою встречали принесенную икону, и эта молитва не осталась втуне». Болезнь отступила. Благодарные нижегородцы взяли обет - каждый год брать в город священную икону. И он долгие годы исполнялся... Пока жил монастырь. Святая земля приняла смиренно надругание. Это ворога можно было побеждать, а тут беда пришла от своих. К разорению приговорили монастырь. «Не признаю и никогда не признаю», - ответил архимандрит Августин на вопрос следователя, признает ли он советскую власть. Приговор был - расстрелять.

Монастырские кельи сгодились под камеры. Собор превратили в мастерские. Все рушилось и гнило, только стены обновляли постоянно. Новой власти нужны были крепкие стены. Надолго. Тюрем не хватало.

И началась для монастыря совсем другая история.

Есть за Оранками в лесу место, о котором поминать вслух было не принято. Говорят, что здесь до сих пор зреет необыкновенно крупная земляника, но никто ее там не берет.

Этот клочок земли в подросшем сосняке некогда был кладбищем. Но ни крестов, ни могил здесь никогда не было. Лишь еле заметные холмики в траве, о которые скорее споткнешься, чем заметишь. Последнее людское пристанище...

В годы войны, да и года три спустя, крепкие стены Оранского монастыря скрывали солдат, ступивших на нашу землю врагами. В боях их пленили и уже бессильными и безропотными свозили сюда.

Вначале привезли финнов с войны, которую назвали бело-финской. Видимо, потому, что случилась она зимой. Те, кто побывал тогда на войне, говорят, что зима была лютой. Пленным, что попали в Оранки, повезло. Они выжили... Почти все. А те, кому это не удалось, первыми легли в молодом сосняке на рубеже дальнего поля.

В 1995 году здесь был установлен камень на могиле 39 финнов, умерших в лагере военнопленных, который располагался в Оранках.

Самому старшему из умерших финнов было 42, младшему - 19. Где-то в архивах еще хранятся их коротенькие истории болезней с указанием причины смерти. Причина предположительно одна - обморожение.

Бывшие финские военнопленные в Оранках.

Молодой пастор лютеранской церкви перечисляет их имена. Он говорит, что все войны на земле идут от того, что человек отравлен первородным грехом. Он говорит, что всех, кто покоится здесь, Бог принял и ни одного не отверг.

Исполнительный директор Ассоциации хранящих память о погибших на войне Хенкки Хакала рассказал, что на сегодняшний день известна судьба 700 финских военнопленных, умерших на территории России. Уже установлено 7 памятных знаков.

- До этого все солдаты числились без вести пропавшими. О них ничего не знали родные. Лишь те, кто возвращался из плена, могли сообщить о них скупые сведения.

- Тогда на могилах умерших мало говорили, - подхватил разговор Тейво Алава. - Война для всех нас одно горе. Погибшие солдаты - это не фашисты и коммунисты, это жертвы войны. Самая большая в мире глупость, когда людей заставляют воевать друг с другом.

Католическая служба на кладбище.

Говорят, почти все родственники умерших здесь разысканы. Но, к сожалению, приехать в ближайшее время они не смогут. Дорога им не по карману. Ассоциация помогает бывшим военнопленным посещать места, где они сидели в лагерях. Тейво Алава был ранен, его выхаживали в Кандалакше, а потом перевели в Череповец.

- У нас было тогда время для раздумий, и я понял: солдаты не виноваты в том, что на земле идут войны. Не они их начинают. А лучшим подарком для меня в жизни было то, что я перед самым Рождеством оказался дома.

После финнов в Оранках появились чехи и словаки. Но это не были военнопленные. Солдаты и офицеры бежали из страны, которую захватила фашистская Германия. Пробыли они в Оранках с год или чуть больше. Потом часть из них уехала во Францию, где уже воевал с фашистами чехословацкий легион, а другую часть, как их называли, «звездари», включил в свою армию Людвиг Свобода.

Монастырь пустовал недолго. Скоро стали поступать пленные из-под Сталинграда. Оранки первыми увидели результаты наступления наших войск, о котором другие слышали лишь по радио.

Эшелоны с пленными прибывали по «железке» на станцию Шониха.

Те, кто был тогда мальчишкой, могут рассказать все в подробностях. К «железке» выгоняли весь санный парк, что был в селе. Эшелон до Шонихи шел суток десять. Вагоны были закрыты и обмотаны колючей проволокой. За время дороги ни одной остановки. Пленных кормили через окна, ссыпая туда пшено и овес.

Когда открывали вагоны, они бросались к сугробам и набивали рот снегом - так хотелось пить.

В подводы сажали слабых, остальных вели под конвоем. В вагонах оставались умершие. Их тела хоронили в песчаном карьере у станции.

Приезжая за новой партией пленных, мальчишки видели, как быстро заполняется этот карьер.

От Шонихи до Оранок скорее всего добираться лесом. Но пленных вели через поле. Боялись, что могут сбежать. А куда бежать-то? Снег по пояс. Мороз...

Лагерь для них стал раем. Позади был фронт, занесенные снегом окопы, бомбежки, безумие атак...

Режим лагеря был щадящим, и выжить было можно.

Это не те германские концентрационные лагеря, где человеческие жизни перемалывались всеми возможными способами.

А тут... Матери давали детям кусочки хлеба, чтобы они незаметно сунули их пленным. Да если и заметит конвой, что с детей возьмешь. Пленные тоже отвечали взаимностью. Они также украдкой передавали детям кукол и лошадок, вырезанных из дерева. Этими деревянными игрушками еще долго и после войны играли в поселке.

Начитавшимся об ужасах германских лагерей наше милосердие к врагу может показаться странным. Мы не мстили. Мы не отыгрывались на безоружных. Режимы лагерей для своих были много жестче. Но то были свои.

Многих военнопленных в скором времени расконвоировали, они работали в поселке, постигая русский язык, и, к удовольствию стариков, ругались матом, не понимая, отчего те заходятся от смеха.

До сих пор в поселке могут рассказать множество историй, связанных с военнопленными.

О немце-счетоводе, например, который не уставал рассказывать историю своей жизни. В поселке он быстренько стал своим, и его безбоязненно приглашали в гости.

Цветы к памятнику землякам.

До войны этот немец работал в банке. Был мобилизован на войну и попал под Сталинград. Сдался в плен... по настоянию отца. Тот воевал еще в Первую мировую и понял, что дело это никуда не годное. Так и сыну посоветовал - при первой же возможности поднимать руки вверх. Что тот и сделал - отца не ослушаешься.

Женщины расскажут вам историю несчастной любви местной девушки и итальянского солдата. Щемящая сердце история. Да и как же без любви-то, все ведь люди были.

Но не дали им соединить жизни. Никто не может объяснить почему. Не положено - и все тут. Любовь живет по законам сердца, а люди - по писаным законам. После войны еще долго шли письма из Италии. К той девушке привозили их люди, которые не рекомендовали ей давать на них ответы. Так и извели ее, бедняжку, уехала куда-то и с тех пор сгинула.

Жившие за монастырскими стенами тосковали по дому. Труднее всего плен переносили итальянцы. Они были сломлены войной и холодами.

Сельское старичье, побывавшее не на одной войне, говаривало: «Что их на войну погнали, какие из них вояки?»

Женщины проклинали их уже мертвыми, когда били ломами мерзлую землю, выскребывая для них могилы. Реже умирали венгры и немцы...

Оранская земля приняла их всех безымянными.

В селе поминают, что на пленных зла не держали. Чем больше было их здесь, тем меньше оставалось солдат на войне. Так, по крайней мере, казалось. Но война была неиссякаема. Она подчистую подмела всех мужиков села и только оставила их имена на обелиске.

Те, кто вернулся с войны, что удивительно, тоже зла на пленных не имели. Не солдатское это дело - ненавидеть бессильного.

Войны заканчиваются победами и скоро забываются, только матери живут с болью в сердце, пока ходят по земле ноги. Все пленные, умершие в Оранках, до сих пор числятся без вести пропавшими. И где-то на итальянской или финской земле по сию пору помнят парня, сгинувшего на войне.

Про кладбище в Оранках прознали подросшие мальчишки - как же без них-то. Движимые неразумным любопытством, они стали раскапывать старые могилы. Все что-то искали. Но, кроме костей и черепов, ничего им не попадалось. Умерших хоронили раздетыми...

Узнав о мелком мальчишеском мародерстве, местное начальство приказало сровнять могильные холмы...

Говорят, время лечит раны. Если бы так. Раны болят всегда. Сейчас ловишь себя на мысли: а может, это и хорошо, что они болят? Они болью своей будят память, и люди всегда возвращаются к войне.

И мы уже начали понимать, что в вечной злобе и ненависти жить нельзя...

Так наступает время примирения...

Все чаще слышишь, что немцам разрешили поставить памятник своим солдатам в степях под Волгоградом, на Курской дуге, еще где-то. Понимаешь местных жителей, протестующих против этого. У них раны еще открыты. Они видели лицо врага в победной радости, когда тот топтал их землю. Это потом его смели огнем и превратили в прах.

В Оранках врага увидели слабым и беспомощным. Вот почему, когда появились в селе представители каких-то международных ор-

ганизаций и попросили разрешить им поставить надгробные камни в память умерших военнопленных, здесь особо не рассуждали.

Теперь в лесу под Оранками бывшее тайное кладбище стало явным. Все, кого ни спроси, укажут туда дорогу. И никому в голову не придет мысль мстить мертвым, заливая камни краской. Пусть спокойно спится несчастным людям, попавшим в жернова войны. Они своего лиха хватили. Умерев, они сделали свое дело: примирили нас...

И стоят в лесу под Оранками камни в память умерших итальянцев, финнов, румын, венгров и немцев.

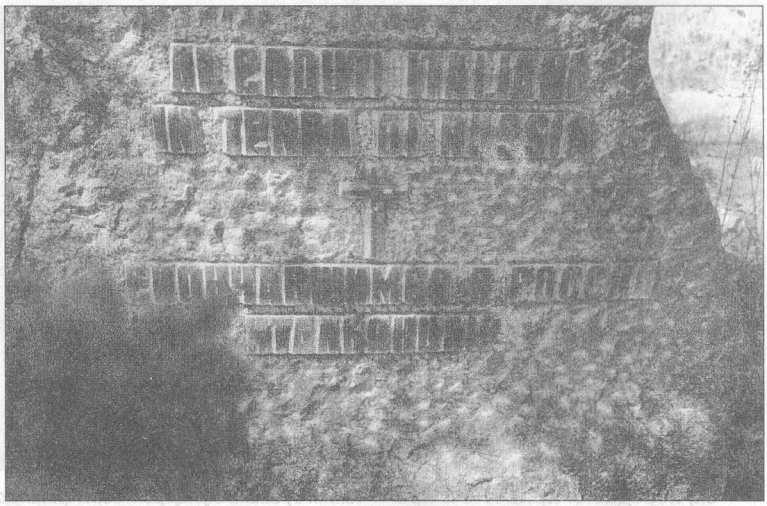
Вячеслав ФЁДОРОВ.
Фото Николая МОШКОВА.

Письмо в Италию

Здравствуйте! Обращаюсь в вашу газету с просьбой. Спросите, как я нашел ваш адрес? Очень просто. Совершенно случайно наткнулся на ваш сайт и газетный раздел «Возвращенные имена», где вы рассказываете о поиске солдат, погибших в годы Великой Отечественной войны. Может быть, мое письмо не по адресу и вы не обратите на него внимания, но мне бы хотелось получить ответ на мой запрос.

Сам я живу в России, а моя мама и сестра работают в Италии. Узнав, что они из России, к ним обратилась младшая сестра из семьи Милано Линда. На тот момент ей было уже 92 года. Она попросила узнать о кладбище военнопленных в селе Оранки. Там, будучи в плену, предположительно, умер ее брат Армандо. Она в этом сомневается и просит узнать, есть ли он в списках погибших.

У Армандо было две сестры и брат. Брат был священнослужителем, сам Армандо учился на юриста. Старшая сестра Мария дожила до ста лет. Линда живет в Риме.



Памятник итальянским военнопленным, погибшим в Оранском лагере.

Армандо ушел на войну добровольцем, поскольку не хотел отсиживаться за спинами других, хотя их семья была достаточно богатая и была возможность на войну не ходить.
Родился Армандо Милано в 1915 году в Салерно. Служил он младшим лейтенантом в 8-й итальянской армии, 2-й артиллерийской группе корпусной артиллерии, 23-м дивизионе, 3-й батарее.
Последнюю открытку получили от него 23 декабря 1942 года.
Вернувшиеся после войны сослуживцы рассказали о его судьбе. Он умер в Оранках во время эпидемии тифа в 1943 году.
Линда передала мне снимок Армандо Милано. Вряд ли, конечно, кто вспомнит о нем, но снимок я вам пересылаю. Может быть, у вас будет возможность отвезти его на кладбище. Хоть у нас и не принято ставить памятники врагам, но все чаще слышишь о милосердии. Я не знаю, как в Оранках, но в разных местах возникают памятники солдатам вражеских армий. Их несчастные судьбы - предупреждение тем, кто не может жить в мире. Война забрасывает солдат на чужбину, и они гибнут там в полной безвестности. Семья Армандо Милано могла быть счастлива, и он бы прожил долгую жизнь, а стал жертвой войны далеко от своего дома.

С уважением к вам, Станислав.

Оговоримся сразу: среди имен 661 итальянца, умершего в лагере военнопленных № 74 в Оранках, есть имя Армандо Милано. Он действительно умер от тифа, а в лагерь попал из-под Сталинграда, был пленен в самый канун 1943 года. Мы не знаем, о чем мог написать молодой итальянский офицер в своей последней открытке. Вряд ли о чем-то плохом, иначе бы военный цензор не пропустил письмо. Наверное, как водится, передавал приветы и просил о нем не беспокоиться.

Таким бравым офицером был Армандо Милано.

Хорошо, что последняя его весточка вырвалась из ада войны. Для итальянской армии это были трагические дни. Она оказалась на острие наступления Красной армии.

Итальянцы об этом наступлении даже не помышляли. Накануне нового военного года они думали о предстоящей зимовке. На рубеже, который они заняли, строились теплые блиндажи, землянки, укреплялись боевые позиции. Снежные заряды, которые врывались в траншеи вместе с метелью, подстегивали окончание земляных работ. Новый год мечталось встретить в тепле и с подарками из Италии.

Командование Красной армии думало совсем иначе. 16 декабря 1942 года началось наступление в излучине Дона. Итальянской обороны хватило на 52 дня боев, после чего 31 января 1942 года она перестала существовать. Были разгромлены пехотные дивизии «Сфорцеска», «Коссерия», «Челере», «Торино», «Посубио», пехотные бригады «3 января» и «23 марта».

Немецкое командование считало причиной поражения итальянцев их крайне низкие боевые качества.

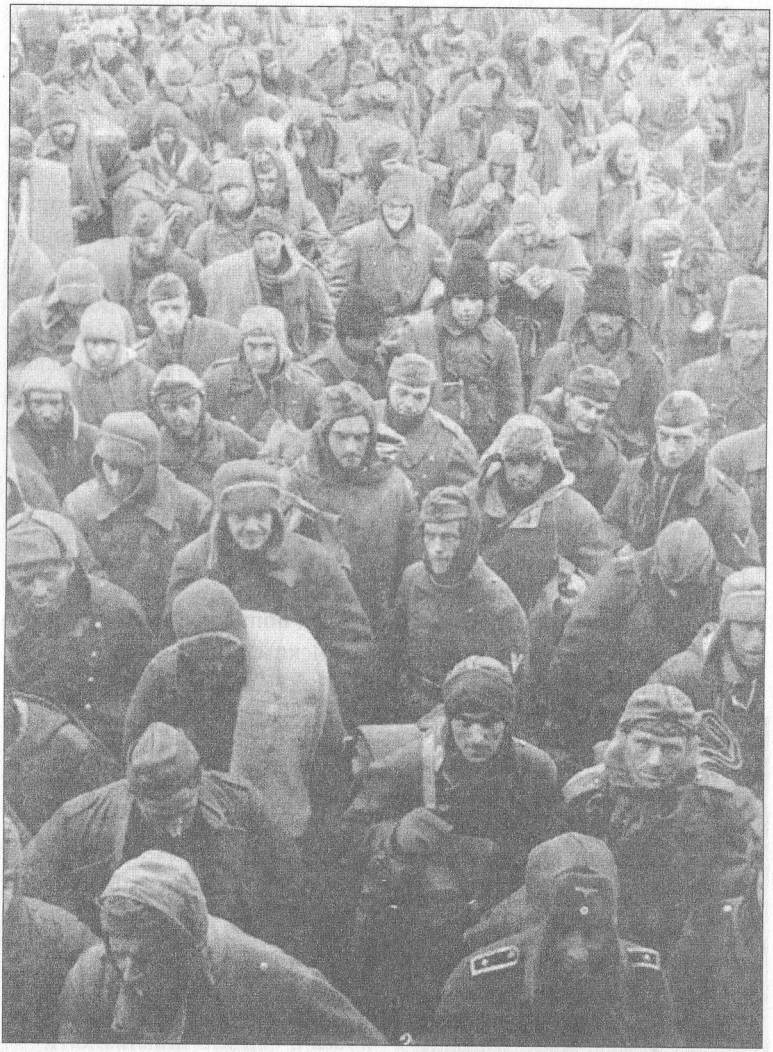
Итальянцы понесли колоссальные потери. Было убито и пропало без вести 45 тысяч человек, в плен попало без малого 49 тысяч солдат и офицеров, а по итальянским данным, все 70 тысяч. Среди них и оказался артиллерист, младший лейтенант Армандо Милано.

Уже в наши дни в Оранках побывал бывший итальянский офицер Джузеппе Басси, находившийся в Оранском лагере № 74 с 1943 по 1946 год. Под впечатлением этой поездки он написал воспоминания. Упоминаний Армандо Милано в них нет, видимо, они не успели познакомиться.

Вот как вспоминает Джузеппе Басси первые дни плена:

«24 декабря 1942 года мы, итальянские солдаты и офицеры, попавшие в окружение в «долине смерти» под Сталинградом, были взяты в плен. После этого последовал трагический 250-километровый марш, походивший на путь на Голгофу, прозванный нами «марш «Давай! Давай!». Это были ужасные 35 дней пеших переходов и перевозок в ледяных товарных вагонах, без тепла и почти без пищи.

26 января 1943 года в 15 часов поезд из темных холодных вагонов для скота, в которых нас везли, наконец-то остановился. Впереди в березовом лесу виднелись деревянные бараки. По



Плененные под Сталинградом итальянцы имели жалкий вид.

Итальянская делегация в Оранках. 2001 г. Второй слева - Джузеппе Басси, написавший воспоминания о плене. Его рисунки использованы в этой публикации.

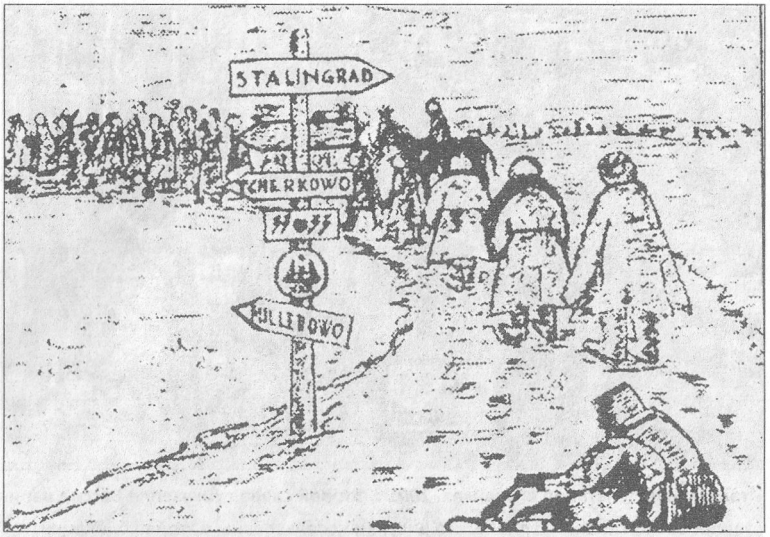
сторонам от путей были сложены высокие штабеля дров, служивших топливом для локомотивов.

Под крики охраны «Давай! Давай!» мы, обессиленные после пятнадцати дней пути, с негнущимися и обмороженными ногами, со сведенными голодом желудками, медленно двинулись на построение. Я увидел, что люди, прокопченные дымом, потеряли человеческий облик - все с истощенными лицами, с длинными бородами. Наши шинели, исполнявшие функции матрасов, были в страшном беспорядке.

Пустые котелки висели у нас на поясах. Мы представляли собой подлинных оборванцев.

Мы двигались очень медленно, скользя по обледеневшей лесной дороге, несмотря на крики солдат охраны. Кто-то падал в снег, но под угрозами охранников их поднимали, и движение продолжалось. Колонна остановилась в окрестностях деревни, когда впереди показалось каменное здание собора с высокими куполами - территория бывшего монастыря.

Целый час мы ожидали на холоде, хлопая себя по бокам, чтобы согреться, после чего начался пересчет пленных. Каждый вагон эшелона пересчитывали отдельно. Охрана лагеря принимала по



Марш «Давай! Давай!».

списку пофамильно и живых, и мертвых, оставшихся в вагоне у охраны эшелона. Офицеры охраны пересчитывали пленных раз за разом, пока число живых и погибших по дороге не совпадало со списком.

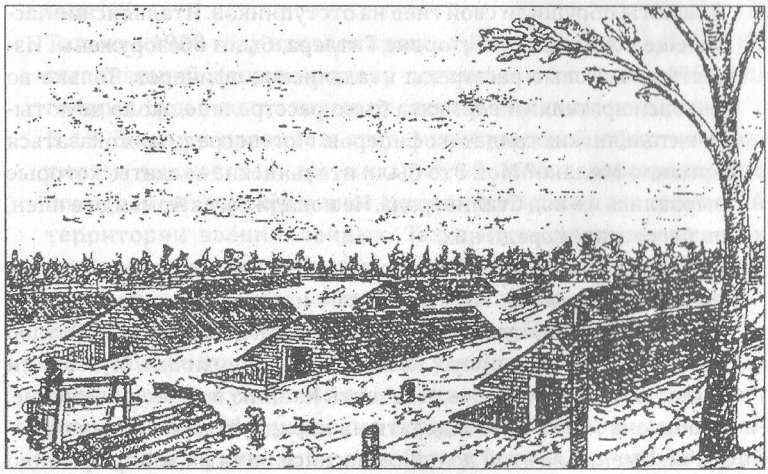
После процедуры приемки нас повели в лагерь, который был местом нашего назначения. В конце концов мы оказались во внутреннем дворике лагеря. Пройдя двести метров, мы вошли в полуземлянку, в которой было относительно тепло. В нашем вагоне старостой был албанец Тен Беррути, и здесь он пока сохранял свои полномочия. Рассевшись на земляном полу, мы прослушали инструктаж. После этого все пленные подверглись стандартной процедуре обыска, в результате которой многие лишились большинства предметов, запрещенных в лагере. Затем последовала санобработка. Все волосы на голове и теле были сбриты для уничтожения вшей. В моечном отделении заключенных дезинфицировали специальным раствором белого цвета, приготовленным в нескольких тазиках. Получив горячую воду и кусок мыла, мы были счастливы, понимая, что еще живы. Вернувшись в отведенную нам камеру, к нашему большому удивлению, мы обнаружили большой бак горячей кипяченой

воды. Многие посчитали это признаком положительного расположения к нам лагерной охраны. В этом же карантинном помещении мы встретили румын, проделавших с нами в одном эшелоне путешествие из-под Сталинграда вглубь России. Усталость взяла свое, и мы уснули на цементном полу, но в тепле. Впервые за много месяцев мы спали спокойно, без укусов мучивших нас все это время вшей. Нам казалось, что начинается новая жизнь!

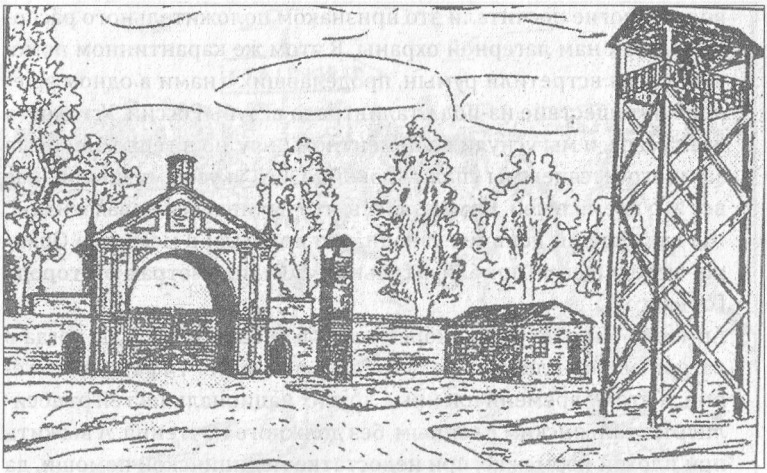
На следующий день мы узнали, что прибыли в местечко Оранки, находящееся приблизительно в 70 километрах от города Горького».

Армандо Милано умер, скорее всего, в январе 1943 года, когда в лагере военнопленных разыгралась эпидемия тифа и дизентерии. К этому времени пленные других национальностей относились к итальянским пленным без должного почтения. А выжить при плохой кормежке, при недостатке медицинской помощи, да еще во враждебном окружении было непросто. Только в июне врачи сумели победить эпидемию.

Кто знает, как сложилась бы судьба молодого офицера, останься он жив. В лагере существовала школа антифашиста. Пленным рассказывали про великий Советский Союз и читали лекции по русской культуре. Военнопленные признавались своим преподавателям, что очень жалеют, что пошли на эту «чертову вой-



Лагерное отделение «Монастырка».



Центральный вход в Оранский лагерь.

ну» и с нетерпением ждут ее конца. Мог ли бы Армандо Милано примкнуть к антифашистскому движению? Он был юрист и мог видеть дальше других, а доживи он до сентября 1943 года, узнал бы, что в Италии правительство Пьетро Бадольо, которое свергло Муссолини, объявило нейтралитет и вывело Италию из Второй мировой войны.

Фашисты обрушили свой гнев на отступников. Итальянские части, еще воевавшие на стороне Гитлера, были обезоружены. Известны массовые расстрелы итальянских офицеров. Только во Львове карателями вермахта было расстреляно около двух тысяч итальянских солдат и офицеров. Мог ли среди них оказаться Армандо Милано? Мог. Это были итальянские солдаты, которые вырвались из-под Сталинграда. Не попади тогда Армандо в плен, он бы оказался среди них.

Вообще, в плане «Барбаросса» участие итальянских войск не предусматривалось. Муссолини сам навязал Гитлеру отправку итальянского корпуса на Восточный фронт, а потом уже Гитлер попросил усилить корпус несколькими дивизиями. Муссолини согласился, ему хотелось поставить Италию в такое положение, чтобы она могла претендовать на изрядную долю военной добычи. Именно за этой долей согласился идти на войну Армандо Милано. Добровольно...

В самой Италии население ничего не знало о трагедии под Сталинградом. Лишь приближенные к Муссолини и верхушка дипломатического корпуса получали информацию с фронта. Так, итальянский посол в Германии Альфреди записал в дневнике: «Ужасное Рождество 1942 года. Драма в России не оставила никаких сомнений в неизбежности поражения и того, что это будет означать для Италии». Спустя несколько дней он добавил: «Начало разгрома рейха носит название Сталинград».

Многие из вернувшихся в Италию военнопленных написали мемуары. Среди них и Эудженио Корти, один из офицеров экспедиционного корпуса. В них есть такие строчки:

«Нам казалось невероятным, что те ужасные события, в которые мы оказались вовлечены, зависели от нескольких мелких людишек. Эти люди - наше наказание. Иначе войну нельзя объяснить... Люди должны перестать делать войны неизбежными, продолжая ежедневно и ежечасно грешить. Человеческие грехи имеют свойства накапливаться и в итоге становятся неуправляемой лавиной, которая начинает двигаться, сокрушая все на своем пути, калеча и убивая».

Если бы это можно было понять раньше.

Всего из СССР в Италию вернулись 21274 пленных. Из них три генерала, 687 офицеров, 20384 унтер-офицера и рядовых.

Только в 1989 году начался процесс репатриации останков. На сегодняшний день на родину доставлены останки 4000 погибших. Судьбы остальных предстоит выяснить историкам.

В 1995 году к правительству Нижегородской области обратилась московская организация «Военные мемориалы» с вопросом об увековечении памяти погибших на советской территории военнопленных. Так в нескольких километрах от Оранок на месте братских могил, где в войну хоронили военнопленных, был установлен мемориал, которому администрация Богородского района отвела 0,5 га земли.

В настоящее время на кладбище установлены памятные надгробные знаки умершим военнопленным: итальянцам, венграм, румынам (без указания страны, но с лентой национального флага), финнам, немцам (с надписью «Жертвам Второй мировой войны» на немецком языке).

Кладбище огорожено частично осыпавшимся рвом, по углам периметра установлены каменные столбики с выбитыми на них крестиками.

Армандо Милано не суждено никогда вернуться в Италию. На кладбище в Оранках умерших военнопленных не делили по национальностям. Их хоронили по мере того, как они умирали, в одной общей могиле. Армандо Милано навсегда остался в нашей земле. Это была судьба тех, кто шел ее завоевывать.

Вячеслав ФЁДОРОВ.

Воспоминания Джузеппе Басси
перевел на русский язык
С. Н. Коршак.

Это был вызов

Событие, которое произошло, можно было считать странным. Министр иностранных дел Польши Гжегож Схетына, комментируя в эфире «Польского радио» тот факт, что президент России Владимир Путин не был приглашен на официальное мероприятие по поводу 70-летия освобождения Освенцима, заявил буквально следующее:

«Это украинский фронт, Первый украинский фронт и украинцы освобождали (концлагерь в Освенциме. - **Ред.**), там были украинские солдаты в тот январский день, и они открывали ворота и освобождали лагерь».

*** Врач 322-й стрелковой Житомирской дивизии с выжившими узниками Освенцима.**

Для разного рода средств массовой информации это был шок. Как, министр иностранных дел и не знает истории? Началась полоса обычного в таких случаях газетного ерничанья. Чего только не советовали министру газетчики. Они обращали внимание Схетыны, «что Красная армия не носила красных мундиров, а Красное море не красного цвета, но при этом трудно не согласиться с тем, что Черное море по ночам действительно черное».

Министру предлагали носить с собой шпаргалки и, прежде чем изрекать официальные заявления, незаметно в них заглядывать.

Российский коллега польского министра иностранных дел Сергей Лавров не понял глубинного смысла, скрытого в высказывании, и прокомментировал его следующим образом: «Господин министр, мы оба знаем, что вы на самом деле не имели в виду украинцев».

Бывает. Может быть, Гжегож Схетына оговорился. Он все-таки министр, вон и президенты оговариваются. Тот же Барак Обама «перебросил» своего двоюродного деда Чарли Пейна освобождать Освенцим, хотя тот принимал участие в освобождении Бухенвальда. Но на эту оговорку президента последовало официальное заявление с признанием ошибки.

Польские власти на оговорку своего министра иностранных дел никак не отреагировали. А через два дня сам министр подтвердил: «Я сказал правду». В подтверждение он сообщил, что ворота концлагеря Аушвиц-Биркенау снес танк, которым управлял украинец Игорь Побирченко.

Вот тут он и передернул карты. В музее Освенцима всегда значилось, что первым распахнул ворота концлагеря командир штурмового батальона майор Анатолий Шапиро из 100-й Львовской стрелковой дивизии. По национальности Анатолий Шапиро еврей, а если по Схетыне судить о дивизии, то формировалась она из жителей Львова - польского города. Выходит, сами поляки и освобождали Освенцим. Что же Схетына прямо-то не сказал, а все «лавры» отдал украинцам?

Грустно в эти дни усмехнулись в Вологде. Они-то знают точно, что 100-я стрелковая дивизия формировалась в их городе в 1942 году «за счет военнообязанных Вологодской, Архангельской областей и Коми АССР». А Львовской она стала, положив за этот город солдат, которым было не суждено вернуться в родные края.

Обратите внимание на фотографию, с которой мы начали эту главку. Долгое время она находилась в музейной экспозиции бывшего

322-я стрелковая дивизия уходила на фронт из города Горького.

концлагеря Освенцим. Я давно там не был и не знаю, в каком состоянии пребывает сегодня музей и есть ли там эта фотография. А главное, сохранилась ли подпись под ней, где можно было прочесть, что на снимке солдаты 322-й стрелковой Житомирской дивизии оказывают помощь узникам Освенцима. Рядом с фотографией в пояснительном тексте значилось:

«Основную роль в освобождении лагеря сыграла 322-я стрелковая дивизия, которая 27 января 1945 года взяла территорию концлагеря под свой контроль».

А теперь, вслед за вологодцами, грустно можем усмехнуться и мы, зная, что 322-я стрелковая дивизия осенью 1941 года формировалась в Горьком. И есть тому доказательства - фотографии, которые были сделаны на главной площади города, когда дивизия получала боевое знамя. Глядя на эти парадные снимки, понимаешь, вряд ли кто из бойцов, запечатленных на них, дошел до Освенцима. Бойцы, может быть, и не дошли, но дошла дивизия. Начав сражаться под Москвой, она шла дорогами самых кровопролитных боев через Орел, Воронеж, Курск, Киев, Житомир, Львов, Краков и почти до Праги.

Ветераны 322-й, приезжая со всех концов Советского Союза, считали город формирования своей дивизии родным городом, даже если они никогда в нем до этого не бывали. Такой был принцип боевого братства. Ну а уж собравшихся на встречу ветеранов горьковчане никогда не делили по национальностям. Все были единым советским народом, сломившим фашизм. Общая победа была для нас свята.

Командование 322-й стрелковой Житомирской дивизии 60-й армии, 1-го Украинского фронта на рекогносцировке местности. Январь 1945 года.

«Сделали что-то хорошее...»

Если взглянуть на карту наступления 1-го Украинского фронта, а точнее, оперативную карту 60-й армии, входившей в этот фронт, то вряд ли на ней отыщешь красную стрелу наступления, упирающуюся в концентрационный лагерь Освенцим. Краков, который стоял на пути, - да. Это была цитадель, которую необходимо было взять. Его взяли.

А Освенцим просто был в полосе наступлений трех дивизий 60-й армии - 100-я дивизия и 322-я стыковались. Они и захватывали всю территорию, на которой располагался гигантский лагерь уничтожения. Никакого специального приказа об освобождении концлагеря не отдавалось. Это не был укрепленный стратегический район, и разведка вряд ли придавала ему большое значение. Не будем даже намекать на то, что командование дивизий могло с трудом представлять, что их ждет впереди.

Одной из пулеметных рот 322-й дивизии командовал лейтенант Иван Мартынушкин. Сейчас ему 91 год, а тогда было чуть за двадцать. Его рота и получила приказ двигаться через городок Освенцим, о концлагере и речи не было. Он рассказывает:

- Мы отбросили немцев из одной деревни, прошли через нее и вышли на какое-то огромное поле, почти полностью окруженное ограж-

дениями из колючей проволоки под током и сторожевыми вышками. За колючей проволокой мы увидели строения. Приблизившись, мы увидели, что там есть люди. Поначалу была настороженность - и с нашей, и с их стороны. Но потом, видимо, поняли, кто мы такие, и стали приветствовать нас.

Зачистив территорию вокруг лагеря, бойцы роты прорезали в колючей проволоке проходы и оказались внутри.

- Мы увидели истощенных людей, очень худых, изнуренных, с почерневшей кожей. Они были одеты по-разному: у кого-то только роба, кто-то накинул на робу пальто, кто в одеяло кутался. Можно было видеть, как светились от счастья их глаза. Для них наступило освобождение. Мы немного понимали немецкий, польский, английский языки, но мы не понимали, на каком языке говорят эти люди. Да было и неважно, мы почувствовали, что сделали что-то хорошее.

Как выяснилось впоследствии, сам лагерь Освенцим состоял из пяти лагерей и тюрьмы. Кроме этого, в радиусе 20-30 километров имелось еще 18 филиалов концлагеря, в каждом из которых было до 80 бараков. Так что советским солдатам было что освобождать. И ворот хватало, в которые мог протиснуть свой танк украинец Игорь Побирченко или распахнуть, как это сделал еврей Анатолий Шапиро. А вот рязанский парень Иван Мартынушкин со своей ротой проломился сквозь колючку, ворот рядом не оказалось. Можно еще припомнить, что в то время 322-й стрелковой Житомирской дивизией, которая освобождала Освенцим, командовал генерал-майор Петр Иванович Зубов, латыш по национальности.

231 солдат, погибшие в городе Освенциме, обеспечили прорыв передовых подразделений к цели - концлагерю. 66 воинов, включая татарина, подполковника Гильмудина Бараевича Баширова, погибли непосредственно в бою за лагерь.

Еще десять лет назад никто не делил общую победу по национальностям.

Пожалуй, министр иностранных дел Польши Гжегож Схетына сделал это первым и ничуть не усомнился в своей правоте. Жалко, рядом не было американских солдат, он бы мог и им отдать первенство.

В день 60-летия освобождения Освенцима, в 2005 году, президент России Владимир Путин посетил бывший лагерь смерти вместе с лидерами Польши, Израиля, Франции и Германии. Из Великобритании приехал министр иностранных дел, а из США - вице-президент.

110

ТЕЛЕГРАММА №_____

Куда Москва

Кому товарищу МАЛЕНКОВУ

Освобожден район концентрационных лагерей Освенцим. Ужасный лагерь смерти. В Освенциме имеется пять лагерей. В четырех из них содержалось население из всех стран Европы, пятый лагерь был тюрьмой куда заключались люди за всякие провинности перед лагерной администрацией.

Каждый лагерь представляет собою огромную площадь, обнесенную изгородью из нескольких рядов колючей проволоки, сверх которой идут электрические провода высокого напряжения. За этими изгородями бесчисленное количество деревянных бараков. Бесконечные толпы людей, освобожденные Красной Армией идут из этого лагеря смерти. Среди них венгры, итальянцы, французы, чехословаки, греки, югославы, румыны, датчане, бельгийцы. Все они выглядят крайне измученными, седые старики и молодые юноши, матери с грудными детьми и подростками, почти все полураздетые.

Очень много наших советских граждан, жителей Ленинградской, Калининской, Витебской, Тульской, Московской областей, из всех районов Советской Украины. Среди них много искалеченных, сохранивших следы пыток, следы фашистских зверств.

В Освенциме по предварительным показаниям заключенных замучено, сожжено, расстреляно сотни тысяч людей.

Прошу распоряжения о высылке представителей Государственной Чрезвычайной Комиссии по расследованию фашистских зверств.

29.1.1945.

ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА
1 УКРАИНСКОГО ФРОНТА
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ - Крайнюков

/КРАЙНЮКОВ/

Исх. № 2066

Получена 30 I 1945 г.

Отправлена _____ 19____ г.

30.1.45. 700

Телеграмма в Москву об освобождении Освенцима советскими войсками.

Ничто, казалось, тогда не предвещало раскола и разобщенности. Все говорили об общей борьбе с фашизмом и недопустимости его возвращения.

Хотя историки уже тогда уловили нездоровый интерес западных политиков к символу «Освенцим», или, на немецкий манер, - Аушвиц-Биркенау. Польский публицист и историк Анжей Краевский опубликовал статью «Чей Аушвиц?». Он предупредил, что «память об Аушвице не объединяет, а делит народы».

И пояснил: «В мире шел непрерывный спор, у кого право на этот символ. Ставка в этой игре была высокой: преступление давало моральный и политический капитал тем, кто сумел доказать свои связи с жертвами. Битва велась за Освенцим, а сама память о замученных людях уходила на второй план».

Продолжение еще будет

А вот теперь не кажется ли вам, что министр иностранных дел Польши Гжегож Схетына ждал момента для своей «оговорки» насчет украинцев, освободивших Освенцим. Нам было хотелось предложить ему взять учебник истории и проштудировать его, а на деле он этот учебник хорошо знает. Да и как не знать? Родился Гжегож Схетына в 1963 году. Школу заканчивал еще в «социалистические» времена, конечно, бывал в музее концлагеря и хорошо уяснил из экскурсий о роли Красной армии в освобождении не только Освенцима, но и всей Польши. А дальше был философско-исторический факультет Вроцлавского университета. Там тоже вряд ли учили делить Красную армию по национальным признакам. И то, что 1-й Украинский фронт назывался вначале Брянским, а затем Воронежским, он тоже хорошо знает, и не надо его учить, а тем более ерничать над его как бы оговоркой.

Это не оговорка, это - вызов. Сознательный вброс хорошо продуманной информации. Как мир воспримет ее?

Наверное, глава МИДа еще и гордится тем, что нанес очередной укол России. А что тут скажешь? Раз Красная армия была многонациональной, значит, надо было приглашать и глав тех государств, солдаты чьих национальностей были в составе войск, бравших с боем Освенцим. Русские были всего лишь одними из них. Так что Гжегож Схетына еще и подсказал, в каком направлении можно переписывать историю.

Позади церемонии, которые посвящались освобождению концлагеря Освенцим.

Западные газеты вышли с отчетами, которые рассказывали об этих мероприятиях. Всегда удивляет твердость Германии, которая извлек-

Ветеран 322-й стрелковой Житомирской дивизии Иван Мартынушкин (слева) и президент России Владимир Путин на борту президентского лайнера летят в Польшу на мероприятия, посвященные освобождению Освенцима. Фото 2005 года.

ла уроки из войны и продолжает твердо следовать им, не пытаясь с годами смягчить свои позиции.

Канцлер Германии Ангела Меркель обратилась к собравшимся со словами:

«Дамы и господа, для меня большая честь выступить перед вами. Завтра (27 января) исполняется 70 лет со дня освобождения концлагеря Аушвиц-Биркенау советскими солдатами.

... Преступления против человечности не имеют срока давности, и я глубоко соболезную всем, кто пострадал в Освенциме. Случившееся наполняет нас, немцев, чувством большого стыда, потому что именно немцы были теми, кто ответственен за смерть и страдания миллионов людей. Мы виноваты перед вами. Мы виноваты в миллионных жертвах».

Казалось бы, Ангела Меркель расставила все акценты в строгом соответствии с мировой историей. Думаете, на этом все и закончилось?

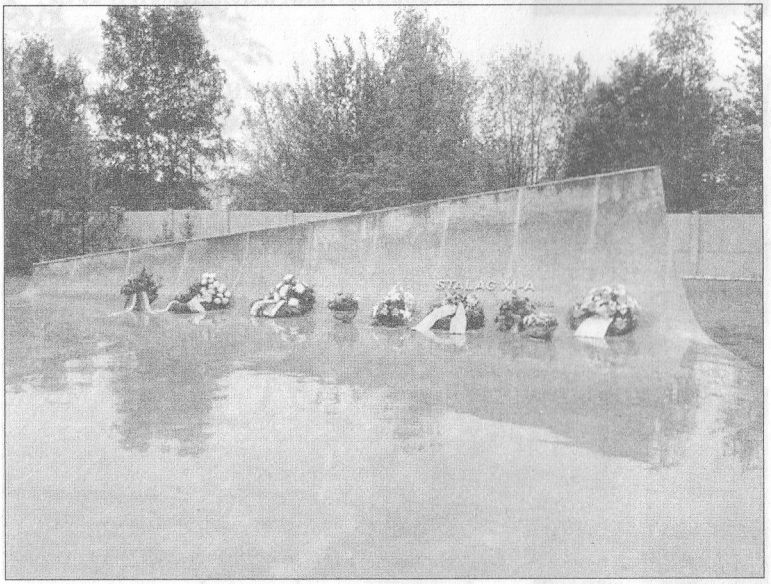
Нет. Глава МИДа Польши выступил с новым сенсационным предложением. Он высказал идею проведения военных парадов, посвященных окончанию Второй мировой войны, в Лондоне и Берлине. Москвы в его устах не звучало. Так что продолжение этой истории еще последует...

Вячеслав ФЁДОРОВ.

Погибли в Альтенграбове

В редакцию пришло письмо из поселка Тельман Тосненского района Ленинградской области. Его авторы - Антонина Васильевна Назарова и ее сын Андрей - пишут:

«Мы разыскиваем солдат Великой Отечественной войны, пропавших без вести и погибших в концлагерях. В списке погибших в Шталаге XI A, который находился в немецком городе Альтенграбове, мы нашли имя вашего земляка Фролова Сергея Михайловича. Просим вас опубликовать данные о нем в газете, быть может, на родине солдата о нем еще не забыли и отыщутся его родные или знакомые».

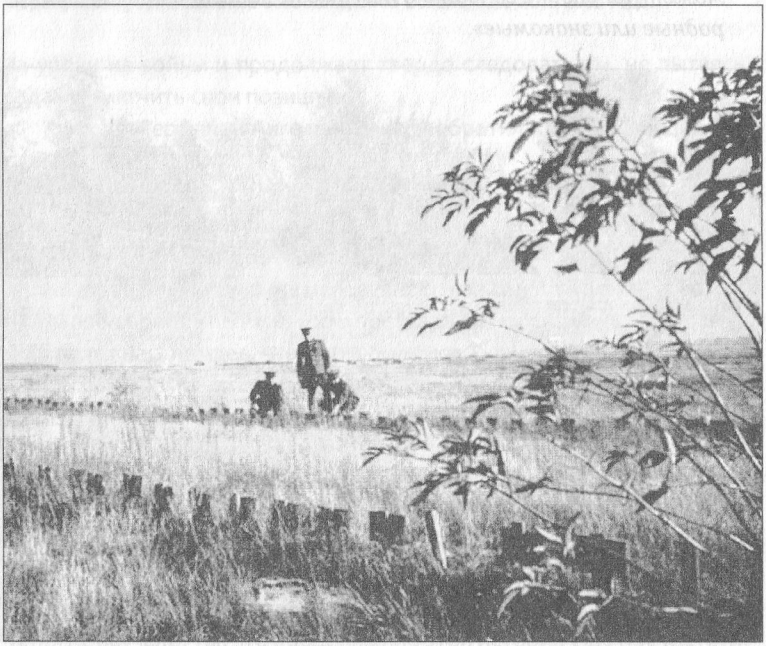


1 сентября 2009 года на месте Шталаг XI A был торжественно открыт мемориал.

По официальным немецким данным в Шталаге XI A на 1 января 1945 года содержалось 62 322 человека, из них: 22983 француза, 3606 англичан, 4438 бельгийцев, 2815 поляков. 4217 сербов, 22258 русских, 1072 итальянца, 16 американцев, 464 голландца, 451 словак. За все время войны в лагере погибло якобы 455 человек.

В апреле 1945 года концлагерь был освобожден американскими войсками. В их руки попал архив концлагеря — тысячи карточек военнопленных. Одну из таких карточек и увидели авторы пришедшего в редакцию письма. Вот имя солдата, родственники которого до сих пор знают только, что пропал он без вести.

ФРОЛОВ Сергей Михайлович, 1921 г. р., рядовой. Уроженец д. Хмелевка Воротынского района. В плен попал 28 июля 1941 г. под Волковыском. Лагерный номер 12279. Находился в Шталаге XI A. Погиб в плену 31 августа 1942 года. Похоронен в Альтенграбове, могила 113.

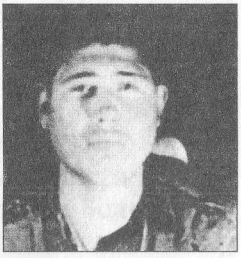


Общий вид лагерного кладбища. Фото 1947 года.

Нам удалось разыскать еще несколько наших земляков, погибших в этом концлагере. Вот их имена:

ЛИСЯТНИКОВ Валентин Васильевич, 1921 г. р., рядовой. Уроженец д. Уваровка, Горьковской области. В плен попал 28 сентября 1941 г. под Оржицей. Лагерный номер 122475. Находился в Шталаге XI A. Погиб в плену 19 сентября 1942 г. Похоронен в Альтенграбове, могила 157.

ЖЕРОВСКИЙ Александр Семенович, 1915 г. р., рядовой. Уроженец д. Мухачи Тоншаевского района. В плен попал 7 октября 1941 года под Вязьмой. Лагерный номер 130429. Находился в Шталаге XI A. Погиб в плену 9 октября 1942 г. Похоронен в Альтенграбове.



ГОЛУБЦОВ Иван Никанорович, 1923 г. р., рядовой. Уроженец д. Трушихи, которая раньше находилась в Костромской области. В плен попал 20 июля 1943 г. под Харьковом. Лагерный номер 130175. Находился в Шталаге XI A. Погиб в плену 31 декабря 1944 г. Похоронен в Альтенграбове, могила 1031.

КОЛОВАШКОВ Георгий Васильевич, 1901 г. р., рядовой. Уроженец г. Горбатова. В плен попал 10 сентября 1941 г. под Демьяновском. Лагерный номер 9887. Находился в Шталаге II H (302). Погиб в плену 8 января 1945 г. Похоронен в Альтенграбове, могила 1033.

ЦЫПЛЕНКОВ Василий Васильевич, 1907 г. р., рядовой. Уроженец Большого Борисова. В плен попал под Ракулом 10 августа 1941 г. Лагерный номер 129666. Погиб в плену 20 ноября 1942 г. Похоронен в Альтенграбове.

Мы просим родственников солдат откликнуться. В районные Книги Памяти можно внести соответствующие уточнения.

«Мы выбрали - быть...»

Он пришел в редакцию газеты сразу же, как вернулся из Кельна, где побывал на антинацистском симпозиуме. Тогда в Федеративной Республике Германии существовал центр по изучению истории нацизма, его корней. Узники концлагерей собирались в этом городе, чтобы рассказать миру, что на самом деле представлял из себя нацизм, который вверг мир во Вторую мировую войну. Для нас она была Великая Отечественная...

- Зорин, Николай Михайлович, - представился посетитель. - Детский врач с Бора. Немного воевал. Больше был в плену. Пригласили в Кельн как свидетеля нацистских преступлений. В гостинице написал вот эти записки.

И он протянул с десяток исписанных листов.

- Тут вся моя одиссея. Почетно пасть в бою. Но не дай Бог никому пережить то, что пережили военнопленные...

Мы сохранили записки Николая Михайловича Зорина. Частично мы знакомили с ними наших читателей, но в полном объеме публикуем впервые.

*** Оставшихся в живых защитников острова Эзель (Сааремаа) ждал плен.**

В моей довоенной жизни все складывалось удачно. В 1939 году я, паренек из провинциального городка Бора, с первого захода поступил в серьезный московский институт, где должен был изучать цветные металлы. Призвали в армию. Ну и что из того, отслужу и вернусь. Ни о чем не беспокоился.

В армии сразу же получил звание сержанта. Стал командиром орудия в 39-м артиллерийском полку. А нести службу предстояло на одном из островов в Балтийском море.

Эстонский остров Эзель входил в состав знаменитого Моонзундского архипелага - морского форпоста России, упреждающего удар главных калибров вражеских кораблей по материку.

Нас высадили на песчаный берег, поросший можжевельником, вместе с пушками. И начались для нас каждодневные тренировки и учения. У меня подобрался очень хороший расчет: парни все ловкие, смекалистые, толковые. Мы отвоевывали секунду за секундой у норматива готовности орудия к бою. Наш расчет приводили в пример. С других батарей приезжали смотреть, как мы разворачиваемся к бою.

В начале июня сорок первого года я сдавал экзамен на звание младшего лейтенанта запаса и ждал увольнения из армии. Предвкушал, с каким удовольствием сяду за книги...

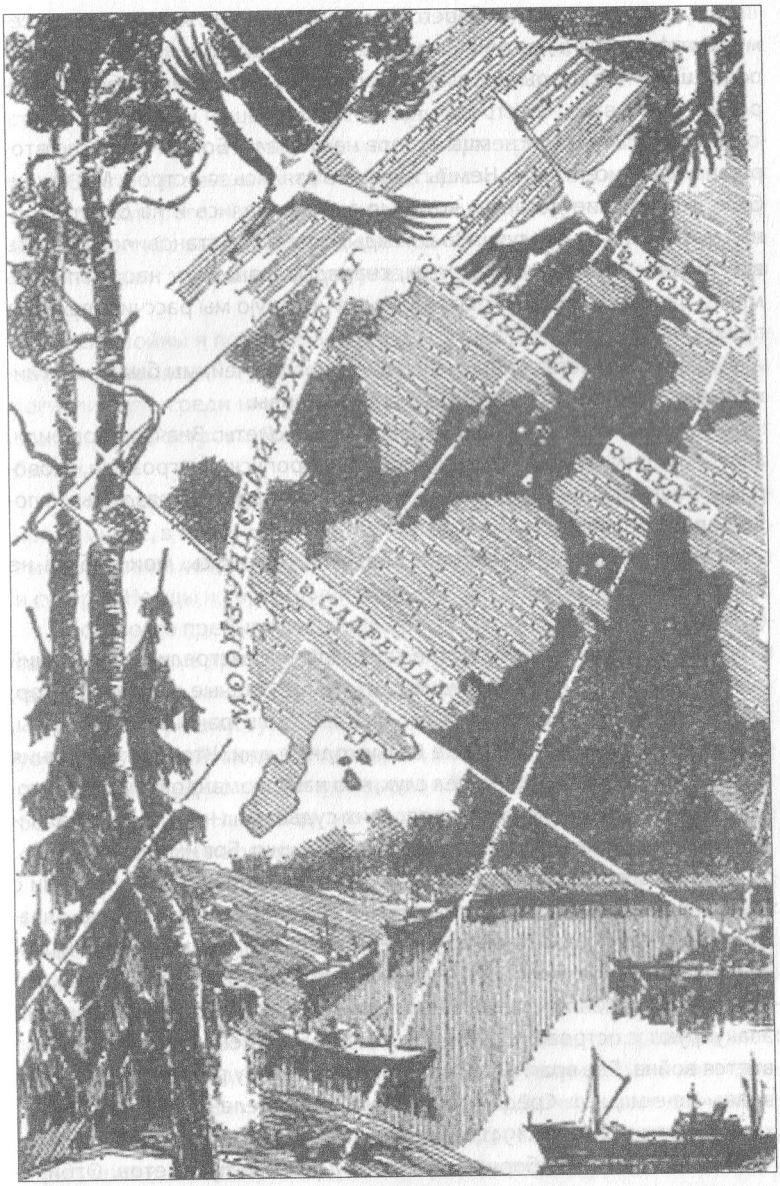
Но в один из дней конца июня на нашей позиции появились комбат Некрасов и политрук Возянов. По их виду можно было понять, что произошли какие-то чрезвычайные события. Когда собрались все, политрук сообщил о начале войны. Нашей батарее предписывалось оборонять остров со стороны Рижского залива.

Надо сказать, что весть о войне я воспринял спокойно. Я верил в тот «тройной сокрушительный удар», который, по расчетам высшего командования и по рассказам политрука, должна была нанести наша армия.

Немцев ждали, а их все не было. Значит, мог сработать тот «тройной удар», превосходивший врага, и его могли оттеснить туда, откуда он вырвался.

Изредка над островом завязывались воздушные бои. Юркие двукрылые «чайки» нападали на фашистские бомбовозы, и тогда те хаотично сбрасывали бомбы на остров, на наш пятачок земли, окруженный морем.

Но самолеты появлялись все реже и реже, зато вражеские бомбовозы волнами шли к материку.



Защита Моонзундского архипелага стала еще одной трагической страницей военной истории.

По дорогам острова к береговым причалам тянулись подводы с семьями офицеров и партийных работников и редкими пока ранеными, попавшими под разрывы бомб, которые пролетавшие бомбовозы изредка сбрасывали на остров.

Весь июль и август немцы остров не трогали. Бои начались во второй половине сентября. Немцы надежно взялись за остров. Мы выбивали фашистские десанты, которые забрасывались и на быстроходных катерах, и по воздуху. Но с каждым днем это становилось делать все труднее. Кончались патроны, снаряды, гранаты, у нас скопилось много раненых. Помощь с материка, на которую мы рассчитывали, не приходила.

Смертельно уставшие, не спавшие много ночей, мы были как в лихорадке. Вой, визг до предела вымотали нервы.

По утрам на наши позиции налетали самолеты. Вначале бомбили, а потом сбрасывали листовки. Это были пропуска с угрозами, уговорами, обещаниями сытой жизни. Нам давали время на раздумья, а потом опять молотили.

Не все выдержали кошмара боев, но я горжусь, мои ребята не дрогнули.

В ночь с четвертого на пятое сентября мы выстрелили последний снаряд. Потом искорежили пушку, сожгли снарядные ящики, трактор, автомашину, документы, деньги. Мы все были ранены, контужены, больны. Потянулись тоскливые безысходные дни. Кто-то от отчаяния плакал, кто-то ругался. Прошел слух, что наше командование на мотоботах и катерах покинуло остров. О их судьбе мы ничего не узнали и после войны. Говорили, что они ушли в Швецию. Бог им судья.

После того как наша пушка перестала существовать, мы отошли с позиции в лес и упали под высокими соснами. Нами мгновенно овладел сон. Когда я проснулся, то увидел, что рядом спали десятки наших бойцов. Странное было состояние. Вот войско, а воевать нечем. До последнего не таяла надежда, что нам или помогут боеприпасами, или эвакуируют с острова. Мы были в полном неведении, как разворачивается война. Где враг? Где наши? Ближе к вечеру раздался истошный крик: «Не-е-мцы-ы!» Среди деревьев мелькали зеленые фигуры...

Вечером 5 октября 1941 года для нас начался плен.

Нас шмонали на сборном пункте под дулами пулеметов. Отбирали теплые вещи, часы, консервы. С командиров стягивали хромовые сапоги, забирали планшетки. «Зондеркоманда» выискивала среди нас

политработников и евреев. В этом ей активно помогали эстонские националисты, которые многих из нас знали в лицо. Совсем недавно они были островными жителями и всячески нам помогали. Тут же был расстрелян политрук нашей батареи Возяков.

С острова нас отправили на материк в лагерь военнопленных в городе Валга. Мы начали готовить побег. Его инициатором стал капитан Стебель, которого мы хорошо знали по обороне острова. Но в последний момент нас выдал переводчик. После этого фашисты постарались разбить наши группы и многих увезли в другие лагери. Я же попал в карцер.

После войны я побывал в Валге. На месте бывшего концлагеря установлен памятник 29 тысячам наших военнопленных, которые там погибли. Есть среди них моонзундовцы, потому что именно сюда доставляли их с острова. Я стоял у памятника и думал, что среди них мог быть и я.

Из карцера, в который я попал, редко кто выходил живым. В полной темноте, в грязи по земляному полу ползали еле живые люди. Живые и мертвые лежали рядом. Один раз в день нам давали банку воды и сухарь.. Немцы и переводчик в карцер не заходили, боялись заразы.

Срок моего пребывания в карцере не был определен, но я чувствовал, что долго не протяну. Оставалось жалеть, что расстрел заменили таким медленным и мучительным убийством.

До сих пор не могу объяснить себе такой факт: в экстремальных условиях лагерей, тюрем и карцеров, когда жизнь каждого ничего не стоила, никто не молился и не взывал к Богу. Мне кажется, атеизм тут был ни при чем. Наверное, не верилось, что простые человеческие слова о милости могут пробиться сквозь охрану лагерей.

Умереть не пришлось. Через какое-то время (оно для нас давно остановилось) меня перевели в общий блок-барак. Переводчик сказал: «Иди и ни о чем не спрашивай».

Бежал я четыре раза. Первый раз - из эшелона, когда нас куда-то везли. В товарном вагоне, где нас разместили, почему-то не были зарешечены узкие окошки. Немцы, наверное, думали, что пролезть в них невозможно. Я был небольшого роста, худой, прикинул, что попытаться можно. Попросил, чтобы меня подсадили. В окошко пролез и зацепился за угольники, которые шли наискосок вагона. Цепляясь за них, сполз вниз и, оттолкнувшись, полетел в темноту.

Повезло. Упал на песчаную насыпь, по ней скатился в канаву с холодной водой. Состав прогрохотал мимо.

Я был на свободе, но не знал, что с ней делать. Побрел вдоль полотна дороги. В темноте рассмотрел темные кучи на поле. Сбежал к ним. Оказалось - морковь. Первый раз за время плена наелся. Набрел на сарай с сеном. Переночевал. Утром увидел людей: латыша с дочерью. Вышел к ним. Латыш все понял, дал мне хлеба, сала и указал на восток. Я пошел. Сил моих не хватало, и я рискнул постучаться в дом. На пороге встретила бодрая старуха. Все ей рассказал. Она вежливо выслушала, куда-то вышла, а через некоторое время заявились два полицая. Оказалось - ее сыновья...

... Началась зима. Морозы доходили до минус тридцати. Траншеи для умерших копать не успевали и тела складывали штабелями в лесу. Ночью было слышно, как там дерутся бродячие собаки. Через щели барака задувал снег, и, чтобы уснуть, мы забивались на нары, плотно прижавшись друг к другу. Часть лохмотьев клали под себя, другими укрывались. Обувь никогда не снимали.

Неистребимый голод доводил до людоедства. Немцы повесили четверых башкир, узнав, что они объедали трупы.

Мне посчастливилось достать плотный бумажный мешок из-под цемента. Я проделал в нем дыры для головы и рук, подпоясался куском проволоки и сверху накинул лохмотья. Так хоть ветер не продувал.

В лагере мы впервые столкнулись с национальной рознью. Фашисты умело настраивали людей разных национальностей против русских, давая понять, что это низшая раса. Так они создали лагерную полицию из казахов. Возглавил ее бывший полковой повар. Полиция лютовала. Каждый день после очередной проверки на плацу оставались мертвые.

Летом сорок второго года из этих людей, на руках которых была кровь соотечественников, сформировали роту и бросили на борьбу с партизанами.

Наш лагерь превращался в сборище доходяг. Весной мы съели всю траву, червей, выловили всех лягушек из ручья. Немцы откровенно потешались над нами.

Однажды я попробовал бежать: спрятался на железнодорожной станции, когда мы там работали. Мое исчезновение быстро заметили, и меня выловили. Я был избит шомполами, потерял много крови. Раны мои потом загноились, и если бы не помощь врача-военнопленного, вряд ли бы мне удалось выжить.

Больше бежать я уже не мог. Мои силы иссякли. Летом сорок второго нас перевезли в Шталаг-350 под Ригу. Условия для существования

Первый концлагерь Шталаг-351, в который попал Николай Зорин, находился в эстонском городе Валга. На этом месте сейчас стоит памятник погибшим военнопленным.

там были получше. Нас немного подкормили и бросили работать в Либавский порт.

Здесь среди конвоиров я встретил однополчанина. Он неплохо воевал на острове и вот пошел в услужение к немцам. Как-то разговорились. Он объяснил, что если даже нас когда-нибудь и вызволят из плена, то все равно расстреляют. Сталин всех пленных считает предателями. Мы знали, что наша страна не входила в международную организацию Красного Креста, так что помощи и поддержки ждать было неоткуда. Положение пленных было безнадежным, и фашисты использовали это обстоятельство, чтобы подавить нашу волю и сопротивление, пытались склонить нас к измене.

...Скитания мои по лагерям продолжались. В январе 1943 года я оказался в каторжном лагере города Маплана у голландской границы. Когда нас гнали от вокзала, грязных, оборванных, истощенных, в нас летело все, что было под руками тех людей, которые вышли посмотреть на нас.

Удивительно, но в лагере нас подлечили, выдали обмундирование - шинели, захваченные у чехословаков. На спинах крупно написали буквы «SU» (советские). Из всего происходящего мы поняли, что уничтожать нас не будут. Мы были зачем-то нужны.

Наши догадки оправдались. Я попал в рабочую команду по расчистке улиц города Кельна. В эти дни город часто бомбили американские и английские «летающие крепости». Это был огненный ад. Мы относились к бомбежкам двояко: с одной стороны, рушились вражеские города и союзники мстили за нас, с другой - из-под завалов мы вытаскивали только трупы женщин, детей и стариков. Солдат среди убитых не было.

Американских летчиков со сбитых самолетов немцы расстреливали сразу же. Этим же правом пользовалось и гражданское население, если обнаруживали пилотов «крепостей», спасшихся на парашютах. То, что советская авиация не бомбила город, сказывалось на отношении к нам. На нас уже не смотрели с дикой ненавистью.

Из Кельна я неожиданно попал в Италию. Работал на прокладке дорог в горах, колол камень в каменоломнях.

Немцы-конвоиры иногда продавали нас немцам-тирольцам, и мы работали в садах.

Итальянцы относились к нам очень добродушно. Они не боялись немцев, подавали нам хлеб, фрукты, овечий сыр, даже виноградное вино. Мы слышали о партизанах, которые орудовали в горах, и готовили побег. Но как было вырваться из этих каменоломен и куда идти? Ждали удобного случая - может быть, партизаны сами свяжутся с нами. Так и не дождались. Летом 1944 года нас вновь перебросили в Германию и отправили в лагерь, где уже находились англичане, американцы, югославы, поляки.

Разница между нами была заметной. Дикостью для нас было, когда мы узнали, что все остальные военнопленные получали посылки от Красного Креста. К ним приезжали медики и проводили обследование условий, в которых пленные находились. На родине этих пленных никто не считал предателями, и только потом я узнал, что после освобождения их встречали на родине с почестями. В лагере они не мучились от безделья и с утра до вечера играли в футбол. Я не мог смотреть на этих здоровых людей, находящихся в неволе, у меня голова кружилась.

Американцы часто подкармливали нас, бросая через проволоку хлеб и галеты. Из всех правительств только сталинское отказалось от связи со своими военнопленными через Красный Крест, хотя, как стало известно, ему это предлагали. Сталин мог бы спасти тысячи своих солдат, но он этого не сделал...

...Четыре раза я пытался бежать из плена. Три раза меня ловили. Могли убить, но что-то не убили. Я знал, что попытки мои безнадежны:

слишком далеко была линия фронта, но хотелось хоть ненадолго почувствовать себя свободным.

Четвертый побег удался. В лагере я познакомился с ивановским парнем. Мы скопили немного хлеба. Приготовили доски. План составили дерзкий: бежать, раздвинув проволоку у самых ворот, отсюда были далеко и вышки с пулеметами, и прожекторы. В последний момент напарник со мной не пошел, сказал, что дождется освобождения в лагере. Я поколебался, но желание быть на свободе взяло верх. Пополз. Проволоку прошел удачно. Отполз от лагеря и чувствую, что выбиваюсь из сил. Боялся одного - потерять сознание, тогда точно замерзну в снегу. Полз еще долго, потом встал и пошел. Опыт побегов на этот раз мне помог.

Линия фронта была уже в считанных километрах, и 1 марта 1945 года я вышел на воинскую часть. Меня быстренько доставили в разведотдел 13-й армии 1-го Украинского фронта.

Я гордился тем, что мог многое рассказать о дислокации вражеских войск. В разведотделе ко мне отнеслись очень доброжелательно. Они знали, что такое война и как на ней можно попасть в плен.

Я отдохнул, немного поотъелся, окреп и думал, что приму участие в последних днях войны.

Но не тут-то было. От разведчиков меня к себе прибрал Смерш. Тут же я оказался в подвале. Там уже сидели бывшие пленные, советские граждане, угнанные в Германию, пойманные предатели и военнослужащие, совершившие воинские преступления.

Они быстро предупредили, что меня в лучшем случае ждут пять лет сибирских лагерей. О печальной участи наших военнопленных я слышал, скитаясь по немецким лагерям, но всегда думалось: за что же? Верилось, конечно, в лучшее.

Как-то ночью меня вызвали на допрос. Руки сзади мне перехватили цепочкой. Конвоир вел меня и тыкал в спину пистолетом. Вскоре я оказался в комнате, где за столом сидел старший лейтенант службы «Смерш». В руках он держал суковатую палку, которую обитатели подвала окрестили «переводчиком». Этой палкой выбивались все нужные показания. «Разоблачение» шпионов и предателей было поставлено на конвейер.

На допросе я рассказал все, что со мной произошло за четыре года плена. Старался назвать как можно больше имен свидетелей, видевших меня в лагерях. Мой рассказ был выслушан довольно равнодушно. Оказалось, не это от меня хотели услышать.

Когда офицер протянул мне протокол допроса, я узнал, что закончил полтавскую разведшколу и был арестован во время сбора разведданных в прифронтовой полосе. Пока я читал эту чушь, офицер объяснил мне, что свой срок я получу, но жизнь-то останется при мне. А если не подпишу... Офицер провел «переводчиком» мне по шее и коленям.

Такой оборот дела был для меня неожиданным. Первое время я ничего не мог сообразить. Потом выдавил из себя, что не мог закончить разведшколу в Полтаве, потому что там никогда не был. Бумагу я так и не подписал. Странно, но меня отвели в подвал небитым.

После этого допроса у меня возникло полное безразличие к своей судьбе. Все мои мечты и надежды рухнули. Трепыхнулась мысль - бежать! Но куда? Случись это, и я уже точно становлюсь предателем. Тогда мне пощады уже ждать нечего.

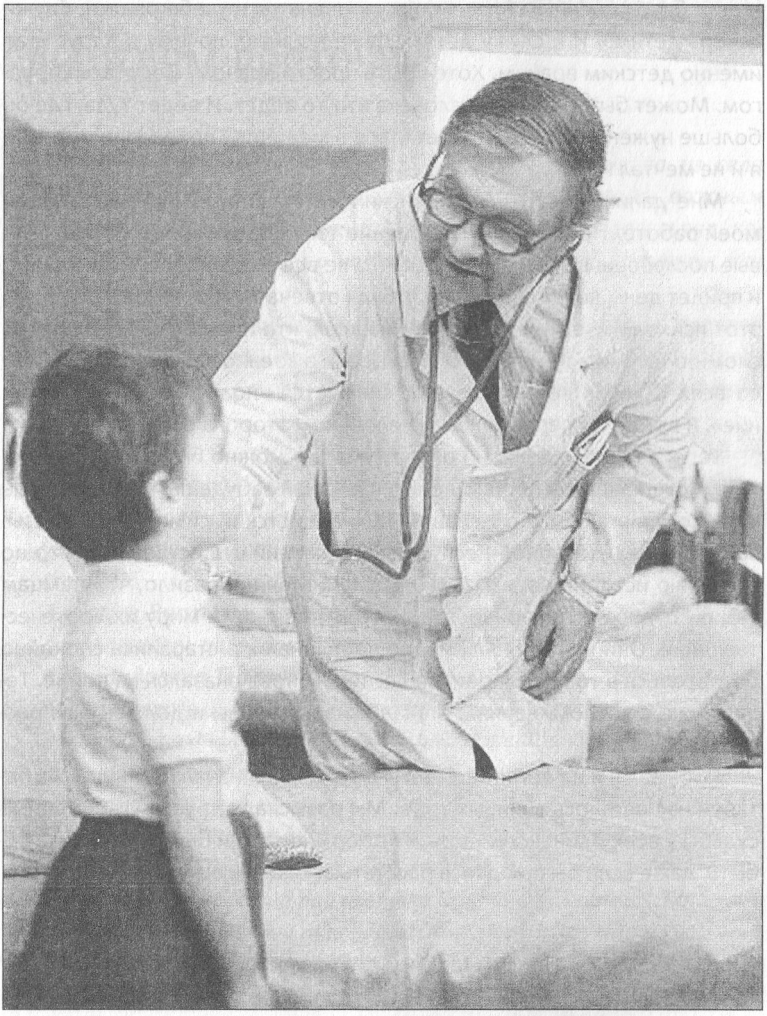
Второй допрос. Вместе со старшим лейтенантом теперь уже сидел капитан. Перекрестный допрос. Замечаю, что спрашивают об одном и том же, но задают разные вопросы. Понял, что лучше не задумываться и отвечать быстро, по возможности односложно. Их эти ответы не устраивали, но вида они не показывали. Стали спрашивать так, что односложно не ответишь. Путаюсь в названиях лагерей, но сколько их было...

Протокол был без искажений. Никаких разведшкол в нем не фигурировало. Угроз и побоев не было. Появилась слабая надежда на благополучный исход следствия. Как оказалось (это меня уже потом просветили), негласная проверка продолжалась и в подвале. Но вел я себя здесь естественно, скрывать мне было нечего.

Третий допрос. Меня уже слушают несколько старших офицеров. Спрашивали мало. Потом все вышли, а когда вернулись, зачитали бумагу, в которой говорилось, что меня направляют на пересыльный пункт. Мне поверили. Напряжение этих дней спало, я зарыдал и удивился: до этого я не умел плакать.

На пересылке написал заявление с просьбой направить меня в действующую часть, «чтобы кровью искупить позор плена». В ответ получил предписание: «направить санитаром в полковой медицинский пункт». Все-таки на поле боя я увидел последние разрывы снарядов. А предписание стало моей пожизненной судьбой.

Домой вернулся только в 1946 году. В медицинском госпитале, где я служил, просили остаться еще на годик. Но так тянуло домой, к книгам, учебникам. Я уже понял, что больше не вернусь к своим цветным



После войны Николай Михайлович Зорин стал детским доктором на Бору.

металлам, которые начинал изучать. Осмелев, обратился к начальнику госпиталя. Он выслушал меня и сказал: «Как ни жалко, отпускаю». Мне пришлось с ним встретиться совершенно случайно через два десятка лет после войны. Он был генералом медицинской службы и меня помнил. А то, что он сказал, меня удивило: «Вот не отпусти я тебя тогда,

и стал бы ты военным врачом, но уж очень ты к учебе рвался. Служи теперь детям!» И я служу детям. Даже не знаю, почему я вдруг стал именно детским врачом. Хотел быть просто врачом, мог стать хирургом. Может быть, в жизни человека кто-то ведет. И ведет туда, где он больше нужен. Меня вон от металлов в медицину привело, о которой я и не мечтал никогда.

Мне дали окончить медицинский институт и не препятствовали моей работе... Почему я пишу именно так - «дали»? А так и было. Первые послевоенные годы я боялся, что не все еще вопросы мне заданы и придет день, когда снова на них буду отвечать. Уже потом понял, что этот психологический груз давил на всех, кто прошел плен, и многих сломил. Только в 1954 году меня вызвали в военкомат и сообщили, что со всех бывших военнопленных снимается «политическое подозрение». Я вроде бы перестал быть человеком второго сорта.

Теперь не надо было ни о чем думать и можно было только работать. Хотелось забыть о войне. Но как о ней забудешь? Однажды мне пришло приглашение в Кельн на антинацистский симпозиум. Оказывается, в Федеративной Республике Германии существовал центр по изучению истории нацизма, его корней. Меня поразило, что немцам стало стыдно за то варварство, которое принесли миру их соотечественники. Они не обвиняли их, не проклинали, а старались спокойно разобраться в том, что произошло. Так я снова оказался на войне. Теперь уже в воспоминаниях. Я знал изнанку войны и должен был рассказать о ней.

Побывал я и на острове Эзель, где для меня началась война. Из батареи нас осталось в живых трое. Мы разыскали друг друга. Военные судьбы у всех одинаковы: плен и выбор - жить или быть. Мы выбрали - быть, даже если бы пришлось расстаться с жизнью.

Мы ждем весточку

Уважаемая редакция!

«Пишет вам ваша читательница Татьяна Романова из села Александровка Сеченовского района. Вы занимаетесь важным делом, узнаете судьбу наших родных и близких, односельчан, которых забрала война и о которых вот уже семь десятков лет ничего не известно.

История моей семьи, как и миллионов других, связана с Великой Отечественной войной. Мой прадед Василий Ефимович Алексеев и три его сына - Сергей, Алексей (мой дед) и Виктор - были участниками войны.

Все они, кроме Виктора, прошли ее от начала до конца - до Берлина. Но вот судьба Виктора Васильевича Алексеева и по сей день остается для всех нас тайной, однако мы не теряем надежды узнать, что же произошло с ним, как закончилась его жизнь на фронте.

Алексеев Виктор Васильевич родился в 1921/1922 году (точную дату никому из родственников вспомнить не удалось) в селе Александровка Теплостанского района. Его мать - Василиса Егоровна Алексеева, отец - Василий Ефимович Алексеев.

За несколько дней до войны, сразу после женитьбы на первой красавице Александровки Елене Царевой, его призвали в ряды Красной армии.

Начал он служить под Смоленском, там его и застала война.

По словам односельчанина, служившего с ним, однажды его вызвали в штаб части, и после этого Виктора не видели. Зачем его вызывали, об этом мы никогда, к сожалению, не узнаем.

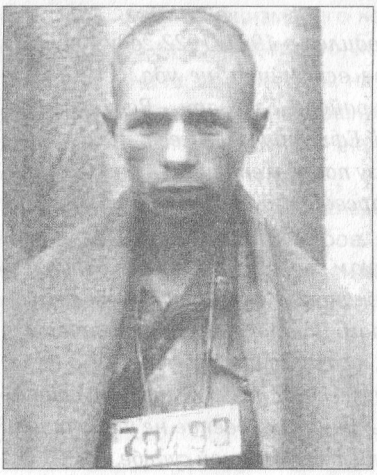
Вот уже третье поколение Алексеевых разыскивает не вернувшегося с войны дядю Витю. Мы ни на мгновение не утрачивали надежду узнать хоть что-нибудь о его военной судьбе.

К своему письму прилагаю единственную существующую фотографию Виктора. Других сделать он не успел.

Успехов вам в вашем благородном деле. Вы вселяете надежду».

Когда мы начинали поиск, то заглядывали на сайт «Мемориал», где выложены карточки военнопленных. Но точно помнится,

Виктор Алексеев. Довоенное фото.



Виктор Алексеев. Фото с карточки военнопленного.

что его карточки не было. За прошедшие два года она там появилась. И теперь мы знаем, что он попал в плен 16 июля 1941 года под Красиловкой в Смоленской области.

Пленных увозили в Германию, в концлагерь Шталаг II А, который находился в Нойбранденбурге.

На карточке военнопленного была фотография Виктора Алексеева с лагерным номером 78493.

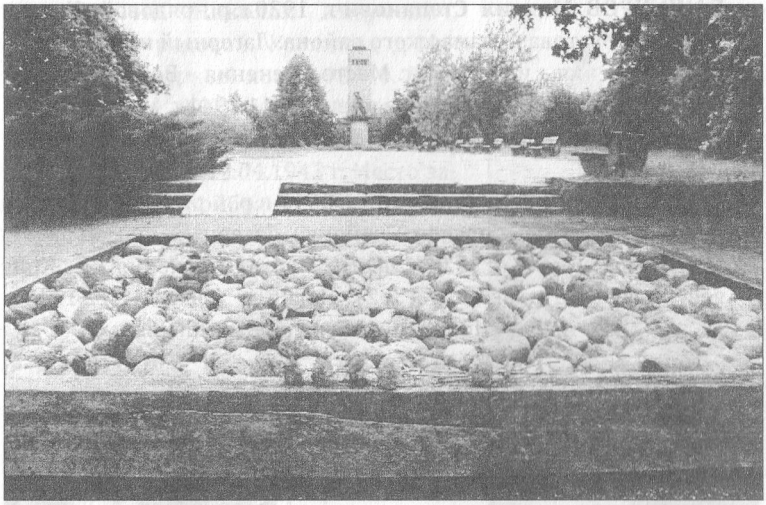
В сентябре 1941 года бабушке Василисе Егоровне пришло извещение, что он пропал без вести. А умер он 23 декабря 1941 года от истощения, ему было неполных 20 лет.

В городе Иванове до сих пор живет его сестра Прасковья Васильевна. Она его никогда не видела, но, конечно, знала, что один из ее братьев погиб.

Лагерь для военнопленных, в котором находился Виктор Васильевич Алексеев, располагался в черте города Нойбранденбург в Померании. Сейчас на этом месте мемориальное кладбище умерших в плену советских солдат.

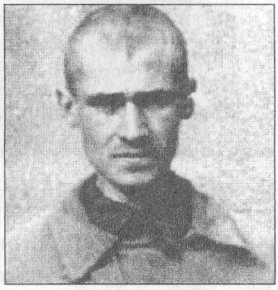
Редакция газеты располагает списком наших земляков, которые покоятся на этом кладбище. Почти все они до сегодняшнего дня значатся как пропавшие без вести.

Если вы увидите среди погибших ваших земляков-односельчан, постарайтесь сообщить об этом их родственникам.



Мемориал в Нойбранденбурге, где покоятся наши земляки.

АГАФОНОВ Петр Никитич, 1910 г. р., рядовой. Уроженец д. Каркалей Ардатовского района. Лагерный номер 26130. Дата пленения 20.07.1941 г. Место пленения - Чаусы. Лагерь Шталаг II F (315). Погиб в плену 17.12.1941 г. Место захоронения - Нойбранденбург, общая могила.

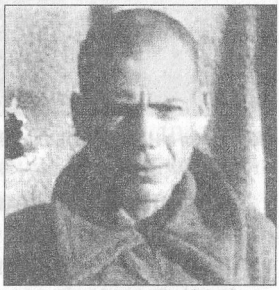


АКИШИН Виктор Петрович, 1921 г. р., рядовой. Уроженец с. Абрамова Арзамасского района. Лагерный номер 79611. Дата пленения - 22.07.1941 г. Место пленения - Радомышль. Лагерь Шталаг II А. Погиб в плену 23.02.1942 г. Место захоронения - Нойбранденбург, общая могила.

БАРИНОВ Михаил Яковлевич, 1906 г. р., рядовой. Уроженец д. Шерстино Гагинского района. Лагерный номер 5203. Дата пленения - 03.08.1941 г. Место пленения - Смоленск. Лагерь Шталаг II Н (302). Погиб в плену 20.12.1941 г. Место захоронения - Нойбранденбург, общая могила.

БАШКИРОВ Михаил Степанович, 1920 г. р., рядовой. Уроженец с. Водоватова Арзамасского района. Лагерный номер 20689. Дата пленения - июль1941 г. Место пленения - Волковыск. Лагерь Шталаг II F (315). Погиб в плену 06.11.1941 г. Место захоронения - Нойбранденбург, общая могила.

БЕЛОВ Николай Андреевич, 1910 г. р., рядовой. Уроженец д. Дроздово Борского района. Лагерный номер 5981. Дата пленения - 17.07.1941 г. Место пленения - Кричев. Лагерь Шталаг II H (302). Погиб в плену 17.12.1942 г. Место захоронения - Нойбранденбург, общая могила.

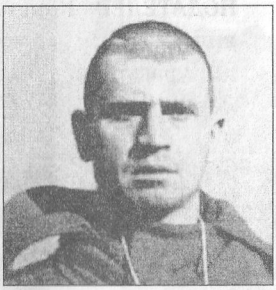


ВОДОПЬЯНОВ Александр Гаврииловичь, 1921 г. р., рядовой. Уроженец д. Абаимово Салганского района. Лагерный номер 83856. Дата пленения - 10.07.1941 г. Место пленения - Староконстантинов. Лагерь Шталаг II A. Погиб в плену 3 января 1943 г. Место захоронения - Нойбранденбург, общая могила.

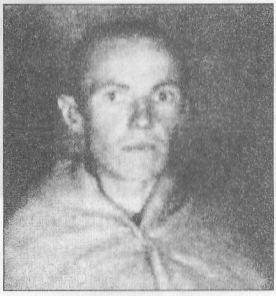
ГОВЫРИН Александр Иванович, 1913 г. р., рядовой. Уроженец д. Решетихи Дзержинского района. Лагерный номер 96636. Место пленения - Ивановка. Лагерь Шталаг II A. Погиб в плену 9.05.1943 г. Место захоронения - Нойбранденбург, общая могила.

ЖОЛНИН Иван Александрович, 1910 г. р., рядовой, Уроженец д. Чарма Семеновского района. Лагерный номер 25023. Место пленения - Чаусы. Лагерь Шталаг II F (315). Погиб в плену 18.12.1941 г. Место захоронения - Нойбранденбург, общая могила.

КАПУСТИН Николай Андреевич, 1899 г. р., рядовой. Уроженец д. Машарки. Лагерный номер 93640. Дата пленения - 9.07.1942 г. Место пленения - Верейка. Лагерь Шталаг II А. Погиб в плену 12.04.1943 г. Место захоронения - Нойбранденбург, общая могила.



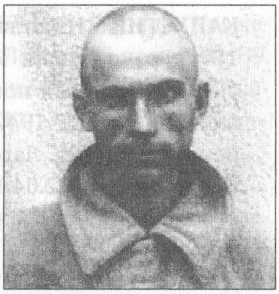
КУЗНЕЦОВ Алексей Ипатович, 1921 г. р., рядовой. Уроженец с. Урень. Лагерный номер 81500. Дата пленения - 26.06.1941 г. Лагерь Шталаг II А. Погиб в плену 22 февраля 1942 г. Место захоронения - Нойбранденбург, общая могила.



МИШАКОВ Лукьян Михайлович, 1921 г. р., рядовой. Уроженец д. Кр. Горка Горно-Маресьевского района. Лагерный номер 79514. Дата пленения - 26.07.1941 г. Место пленения - Казатин. Лагерь Шталаг II А. Погиб в плену 18.02.1942 г. Место захоронения - Нойбранденбург, общая могила.

МУРЗАГУЛОВ Уаб, 1905 г. р., рядовой. Уроженец д. Барахин. Лагерный номер 96729. Дата пленения -12.07.1942 г. Место пленения - Сталинград. Лагерь Шталаг II А. Погиб в плену 16.06.1943 г. Место захоронения - Нойбранденбург, общая могила.

ПОДАТЕЛЕВ Константин Антонович, 1919 г. р., рядовой. Уроженец д. Аурагино Наруксовского района. Лагерный номер 78504. Дата пленения - 11.07.1941 г. Место пленения - Староконстантинов. Лагерь Шталаг II А. Погиб в плену 12.12.1941 г. Место захоронения - Нойбранденбург, общая могила.



ПОПКОВ Сергей Петрович, 1915 г. р., рядовой. Уроженец г. Горького. Лагерный номер 97310. Дата пленения 12.07.1942 г. Место пленения - Ворошиловград. Лагерь Шталаг II А. Погиб в плену 20.07.1943 г. Место захоронения - Нойбранденбург, общая могила.

Побег из ада

Этот памятник вы можете увидеть в нижегородском Парке Победы. Он называется «Побег из ада». Еще девять точно таких же памятников установлены в городе Белая Калитва Ростовской области, в Вологде, в городах Гадяч и Донецк на Украине, белорусском городе Гомеле, Славянске-на-Кубани, городе Гулькевичи Краснодарского края, Новокузнецке и Саранске. Кампания «СМиК», подарившая эти памятники, увековечила подвиг десяти отчаянных советских военнопленных, совершивших побег из концлагеря «Пенемюнде» на бомбардировщике «Хейнкель-111» во главе с летчиком Михаилом Девятаевым. Памятники установлены в городах, откуда были родом герои. Был среди бежавших и наш земляк Иван Павлович Кривоногов.

*** Памятник «Побег из ада» в Парке Победы Нижнего Новгорода.**

Из протокола допроса Кривоногова Ивана Павловича

Допрос начат: 24 января 1949 года в 12 час. 30 мин.

Окончен: 24 января 1949 года в 18 час. 30 мин.

Кривоногов Иван Павлович, 1916 г. рождения; место рождения - д. Коринка Борского района Горьковской области.

Адрес места жительства: Горький, ул. Дзержинского, д. 47, кв. 1.

Беспартийный, русский, гражданство - СССР, образование - 7 классов.

Профессия или специальность: шлифовщик, полировщик.

Паспорта не имеет; социальное происхождение - из крестьян.

Правительственные награды - нет.

Военное звание: лейтенант.

Отношение к воинской повинности: военнообязанный, имеет два легких осколочных ранения и одну контузию.

Находился на территории, оккупированной противником, с 6.07.1941 г. по 8.02.1945 г. (в Германии).

Вопрос: *Где, когда и каким военкоматом вы были призваны в Красную армию, в каких воинских частях, должностях и званиях проходили службу?*

- В Красную армию я был призван 17 октября 1937 года Советским райвоенкоматом гор. Горького. С указанного времени до 1939 года я проходил службу в Киевском укрепрайоне, сначала в полковой школе - один год, а затем командиром стрелкового пулеметного отделения. В 1939 году окончил шестимесячные курсы младших командиров (в гор. Шепетовке), после чего в том же укрепрайоне был командиром взвода 16-й отдельной пулеметной роты. Перед началом войны мне присвоили звание лейтенанта.

Командиром взвода 22 июня 1941 года я вступил в бой с немецкими войсками. В это время мой взвод занимал оборону в 90 километрах юго-западнее Германии. Бои мы вели до 5 июля 1941 года, находясь в доте. Мы не знали, что делалось кругом, и отбивали атаки немцев. 3 июля 1941 года немцы блокировали наш дот и подорвали его вечером, меня контузило и обожгло. Меня спас Молотков Владимир из Московской области. Он, отбиваясь от немцев гранатами, вытащил меня по противотанковому рву и, пользуясь наступившей темнотой, отнес в лес, где мы соединились с другой группой отошедших из укрепрайона людей. Фамилии других людей я не помню, т. к. очнулся только в лесу. 6 июля я попал в плен к немцам.

Вопрос: *Расскажите об обстоятельствах, при которых вы были пленены немцами.*

- 4 июля мы послали двоих человек в разведку с целью определить, куда пойти, определить наше положение. Но они не вернулись в этот день, и 5 июля еще послали разведку, но они тоже не вернулись. Фамилий этих людей я сейчас не помню. 6 июля мы остались вдвоем с сержантом Молотковым Владимиром. Он был ранен. С ним мы пошли, поддерживая друг друга. Вышли мы часа в два дня в село Пашево, где спросили, есть ли немцы. Население все было дома. Нам сказали, что немцев нет. Мы попросили кушать. Кушать нам дали - по кружке молока и лепешек. Через несколько минут в дом вошли немцы с автоматами, и нас взяли в плен. Немцев было человек десять. Мы с Молотковым были с пистолетами и гранатами. Сопротивления оказать не успели, т. к. немцы вошли внезапно. Немцы нас обезоружили, избили и повели в село, где были уже наши военнопленные. В этот день пленных было немного. В плен я был взят в командирской форме - в пограничной фуфайке. 7 июля с фронта прибыли немецкие машины и привезли пленных. Нас тоже посадили на эти машины и направили в город Сущак, где закрыли в конюшне. Здесь мы находились трое суток, кушать нам не давали. Никуда нас не выводили. Допросу мы не подвергались.

Дальше был плен... После того как напоролся на провокатора, стал осторожен в суждениях. Провокатора пришлось убить. Приговорили к расстрелу, но сумел бежать. Оказался у французских партизан, но ненадолго. Снова был пленен...

Из воспоминаний Ивана Кривоногова:

«Концлагерь Натцвиллер. В бараке, на общем положении заключенных, я почувствовал себя гораздо свободнее. В вечерние часы теперь можно было ходить по лагерю, разговаривать с заключенными других бараков. Меня познакомили с французами, бельгийцами и люксембуржцами, отбывавшими наказание в лагере за политические дела. Некоторые из них мне были очень симпатичны. Я близко сошелся с люксембуржцем Юганом, работавшим в электромеханической мастерской. Ему удалось собрать маленький ламповый приемник, который он тщательно прятал от немцев. Временами он ловил немецкие сообщения и передачи других стран и хорошо знал положение на Восточном фронте. Юган стал снабжать меня постоянной информацией. Он рассказал мне подробно, как произошел разгром армии генерала Паулюса. От него я узнал о мощном наступлении Красной армии летом 1943 года, о битве на Курской дуге. Эти сообщения укрепляли нашу

бодрость, мы стали даже как-то меньше обращать внимания на побои, голод словно уже не так сильно мучил нас, перестала пугать колючая проволока и донимать скверная погода.

Мы все чаще и чаще ухитрялись собираться вместе и тихо шептались, перебирая фронтовые новости, обсуждая вопросы открытия второго фронта. Мы мечтали: вот союзники вступят в войну с немцами, прилетят их самолеты и сбросят нам оружие, тогда мы освободим себя и начнем борьбу с фашистами».

Из газеты «Штерн», Гамбург:

«14 июля 1944 года, в шестом в тот день воздушном бою, «Як» летчика Михаила Девятаева был подбит недалеко от Львова. Машина загорелась. Он слышал в наушниках голос командира эскадрильи Боброва: «Миша, прыгай!» Но Михаил пытался дотянуть на горящей машине до своих позиций. И вновь голос Боброва: «Миша! Я приказываю тебе прыгать!»

Девятаев поднял фонарь кабины и выпрыгнул. Ощутил толчок при раскрытии парашюта и потерял сознание. Первое, что услышал, придя в себя, - немецкие слова: «Лос, Иван, штей ауф!» («Иван, вставай, живо!»).

На следующий день вместе с двенадцатью другими пленными летчиками его отправили в Варшаву. Там в течение пяти дней беспрерывные допросы. Они должны были назвать численность советских воинских частей, их командный состав.

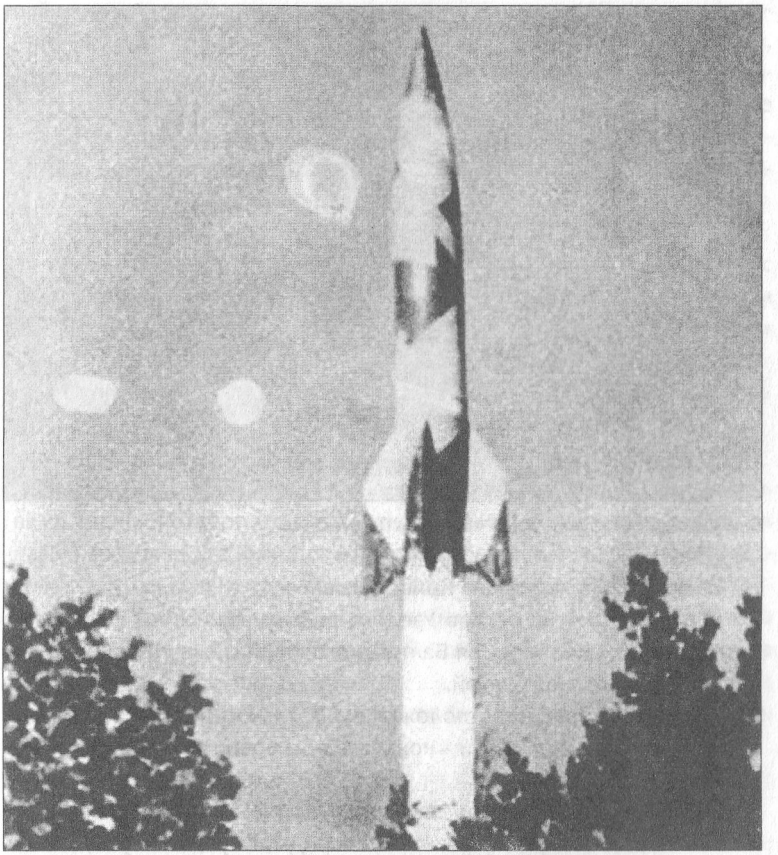
Никто из пленных ничего не сказал. К тому же выяснилось, что их хотят завербовать в части генерала-изменника Власова. Но среди летчиков предателей не оказалось».

Из воспоминаний Михаила Девятаева:

«Побег, который мы решили устроить, провалился. У нас не было опыта конспирации. Многие знали о том, что мы копаем подземный ход под оградой от одного из пустых бараков в подвал дома лагерной администрации, расположенного за пределами лагеря.

Когда оставалось всего несколько метров до заветной цели, тоннель обнаружили охранники лагеря. Скорее всего, кто-то из заговорщиков донес о тайном подкопе лагерному начальству...

23 сентября 1944 года нас, босых, грязных, одетых в тряпье, избитых до полусмерти, пригнали в лагерь Заксенхаузен. Кругом бараки, бараки, бараки... За трехметровой каменной стеной дымит труба крематория. Дым черный, смрадный. Высокие сторожевые вышки, на них пулеметы.

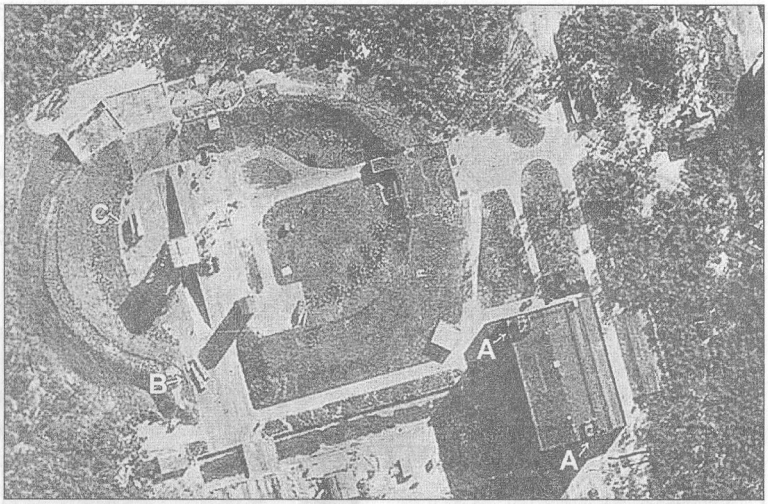


Один из первых испытательных пусков ракеты «Фау-2» на острове Узедом.

После двухчасового ожидания нас погнали в баню. Ко мне подошел парикмахер, взглянул на карточку, в которой была указана причина моего заключения в концлагерь. «За организацию побега? - проговорил он по-русски. - За это крематорий». Как ни готов я был к этому, но мне стало холодно.

«Ничего, браток, может, и выручим». Взял он у меня бирку с номером и куда-то ушел, вернулся и подает мне новую бирку. «Тут один сейчас умер. Возьми его номер. Будешь Никитенко. А тебя мы спишем».

В Заксенхаузене я затерялся среди других узников, а спустя немного времени попал на транспорт, идущий на Узедом.



Снимок стартового стола ракет «Фау-2» в Пенемюнде.

Из воспоминаний Ивана Кривоногова:

«Нас привезли на остров Узедом, растянувшийся километров на пятьдесят вдоль побережья Балтийского моря между Щецинским заливом и Приморской бухтой.

В южной части его расположен курортный городок с чудесными пляжами, в северной части - концлагерь и военный аэродром Пенемюнде.

Фашисты считали остров секретным и важным в военном отношении. Отсюда они запускали ракетные снаряды «Фау-1» и «Фау-2», испытывали новые марки военных самолетов, поэтому тщательно оберегали остров с воздуха. По всему берегу стояли зенитные орудия. Но советские и союзнические самолеты все чаще и чаще стали бомбить остров и, надо сказать, хорошо работали. Заключенных гоняли засыпать воронки от бомб, разбирать разрушенные здания, ремонтировать дороги. Концлагерь, куда мы попали, был филиалом Заксенхаузена и подчинялся ему. Год назад сюда прибыл транспорт в пятьсот человек из Бухенвальда, но сейчас заключенных осталось гораздо меньше, и нас прислали как пополнение.

Любой узник, попавший на остров Узедом, хорошо охранявшийся службами ПВО и СС, был обречен. И потому некоторые пытались бежать. Один отчаянный югослав затаился на островном озере. Его

поймали, а в назидание всем поставили перед строем и спустили овчарок. Чтобы загрызли не сразу, шею обмотали брезентом. В общем, лагерь военнопленных у Пенемюнде мало чем отличался от Заксенхаузена. Жизнь человека не ставилась ни во что. Но жажда жизни не покидала людей. Одни стремились уцелеть любой ценой. Другие тайно поддерживали друг друга, выживали, не теряя человеческого достоинства».

Из воспоминаний Михаила Девятаева:

«Через несколько дней нас повели в лес на заготовку дров. Я с охапкой хвороста вышел на поляну. Меня догнали и остановили мои новые знакомые уже по этому лагерю - Иван и Владимир. Они дымили самокрутками из дубовых листьев.

- Парень, а ты все-таки сведи нас с летчиком. Дело такое, очень надо с ним поговорить, - вопросительно смотрел на меня Иван.

Подумал: признаюсь, не рано ли?

Несколько дней назад эти двое предложили мне бежать с острова на лодке. Я отверг это предложение. Если даже и удастся достичь на ней материка, то выходить-то нам все равно придется на вражеский берег. Тут только единственное разнообразие - где тебя расстреляют, на острове или материке. Если бежать, то надо на самолете, а для этого надо подыскать летчика. Я сказал, что есть один у меня на примете.

-Так где твой летчик? Чего это ты нас за нос водишь? - вспылил Иван. - Время зря теряем!

- Летчик есть, но он летал только на советских истребителях, ему надо приглядеться к немецким машинам.

- Ага, а потом у немцев самолет напрокат попросить, да еще и инструктора к нему, - съязвил Иван. - Мы ему постараемся помочь. Только быстрей нас с ним сведи.

И тут я не выдержал:

- Я летчик!

- Но ведь ты учитель из-под Киева, это у тебя в карточке записано.

- Никакой я не учитель.

И я рассказал все о себе.

Так началась у нас подготовка к побегу по новому плану.

Итак, нас трое заговорщиков. Но у меня в лагере есть еще знакомые. Может, с ними поговорить, и они согласятся на побег. Ладно, торопить события не буду. Не буду обнадеживать людей. Пусть будет так, как получится».

Из газеты «Штерн», Гамбург:

«Февраль 1945 года принес на побережье Балтийского моря весеннюю погоду, снег стаял. Техникам германских секретных мастерских в Пенемюнде это было не по душе: преждевременная оттепель испортила маскировочные сети, и секретные лаборатории, где более 2 тысяч специалистов работали над усовершенствованием «Фау-2» и разработкой новых ракет типа «Тайфун», могли стать объектами для бомбардировки русской или английской авиации.

Напротив, в Пенемюнде-Вест, на испытательном полигоне германских военно-воздушных сил были рады теплой погоде, поскольку она позволяла еще более уплотнить график полетов. Здесь испытывали последние образцы вооружения, созданного германской промышленностью для ведения воздушной войны: пушки, управляемые снаряды, ракеты и торпеды. На аэродроме 35 самолетов. В большинстве это двухмоторные бомбардировщики типа «Хейнкель-111». Несколько ангаров, громадный штабной бункер, построенный в августе 1943 года после налета союзной авиации.

В декабре 1944 года Гитлер сказал, что с оптимизмом смотрит в будущее, потому что располагает таким мощным оружием возмездия, которое повернет ход Второй мировой войны. Три тысячи «Фау» долетели до Лондона. Было убито пять тысяч человек гражданского населения. Всегда спокойный и флегматичный Черчилль был в отчаянии. Ракеты, посылаемые немцами, невозможно было сбить. Черчилль уже было подумывал о нейтралитете и выходе Англии из войны. Он писал об этом Сталину и просил его ускорить разведку секретных объектов Германии, с которых взлетают «Фау». Сталин ничем его порадовать не мог.

7 февраля 1945 года немецкие ученые решили, что экспериментальные полеты можно завершать, поставив «Фау» на поток. А это значит, что интенсивность ракетных ударов по Англии возрастала.

...Под одним из «Хейнкелей» возились механики, они монтировали новую подвесную систему для ракет «Фау-1». С тех пор как пусковые площадки для этого оружия, которые Гитлер объявил своей «надеждой № 1», были разбиты, летающие снаряды, чтобы достать Лондона, должны были запускаться только с самолетов.

Недалеко от испытательного поля группа узников. Они засыпают воронки от бомб. Это русские, которых ежедневно приводят на аэродром из лагеря Карлсхаген. Иногда их заставляют подносить какие-нибудь тяжелые предметы - авиационные аккумуляторы или запчасти.

Провинность пленных каралась смертью, причем в лагере был популярен изощренный прием: обреченному оставляли «десять дней жизни». В эти дни его избивали, лишали пищи, охрана с ним делала что хотела. Десяти дней агонии никто не выдерживал.

На «десятку» попал и Девятаев. Накануне сцепился с бандитом и циником по кличке Костя-моряк. Тот заорал, что все ему надоели своей болтовней о Родине. Ему лично были нужны только деньги и женщины и было наплевать, откуда он это все получит.

Утром Девятаева приговорили к «десятке» и тут же избили. Помогал охране и Костя-моряк. Избитый Девятаев признался, что десяти таких дней не выдержит, и заговорщики приняли решение: побег либо сейчас, либо никогда.

К тому времени Михаил Девятаев уже присмотрел «Хейнкель», стоявший в стороне от других самолетов. Он летал редко, но всегда был заправлен горючим.

В обеденный перерыв разожгли костер, возле которого грелся и охранник...»

Из воспоминаний Михаила Девятаева:

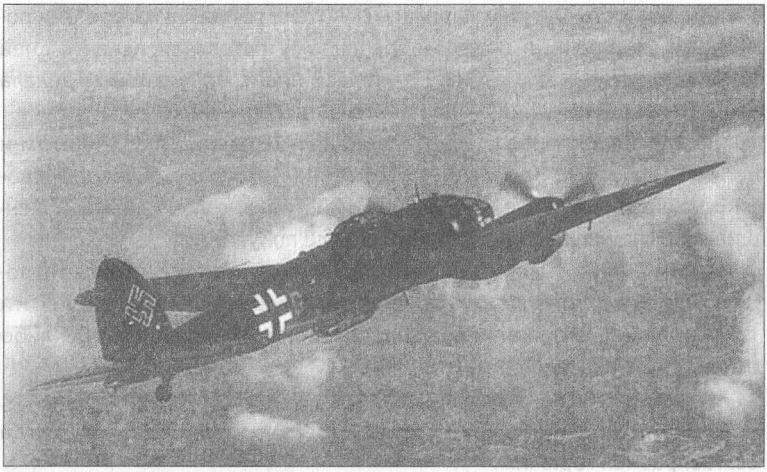
«Я моргнул Кривоногову: «Заходи». Ваня держал свою железку наготове и направился вдоль ограды, чтобы подойти к вахману с тыла.

Кто из нашей группы знал, что убийство - это освобождение, тот волновался, ждал решительной, победной минуты. Но среди нас были и неосведомленные - те вытаращились на Кривоногова.

Он уже стоял позади вахмана, который сидел на корточках возле огня и грел руки. Иван сжимал в руках железный прут. И в такую минуту Иван владел собой и не торопился в своем мужественном и святом деле. Он словно спрашивал меня взглядом: бить? Я прочел этот вопрос в его сверхчеловеческой, неслыханной выдержке, в сверкающих гневом, широко раскрытых глазах.

Я стоял точно напротив Кривоногова, впереди вахмана, на некотором расстоянии от него, и пошел прямо на вахмана. Нужно было отвлечь его внимание на себя. Но видя Кривоногова, готового размозжить голову эсэсовцу, по виду полного решимости мстителя, я сам озверел. Вахман смотрел на меня и не мог понять, что со мной творится. Почему я надвигаюсь на него с голыми руками?

Я сделал еще несколько шагов. Чувствуя невыразимую радость оттого, что враг уже в наших руках, все-таки не крикнул, а только кивнул: бей!



«Хейнкель-111». На таком самолете вернулись на родную землю узники острова Узедом.

Кривоногов выждал, определил для удара место, и его удар был сокрушительным».

Из газеты «Штерн», Гамбург:

«Пятеро пленных, не посвященных в план побега, закричали: «Вы что, с ума сошли? Эсэсовцы нас перебьют».

Михаил успокоил их: «Сейчас мы полетим домой!» Он говорил так, что в этом не было ничего особенного. Все действовали быстро и решительно. Иван Кривоногов переоделся в мундир убитого охранника. Затем они как ни в чем не бывало маршировали через поле: впереди русские пленные, позади охранник с карабином. То, что русских стало на одного меньше, немецким летчикам, занятым обедом, не бросилось в глаза.

Пленные подошли к толстобрюхому «Хейнкелю». Все поначалу шло, как было задумано. Приволокли аккумуляторы для запуска двигателя. Девятаев хотел сразу войти в самолет, но люк оказался запертым на замок. Неужели все сорвется?

Михаил крикнул, чтобы ему подали железяку. Ему удалось разбить стекло и открыть замок изнутри.

Нервы напряжены до предела. Но когда Михаил наконец оказался в кабине, увидел штурвал, приборы, к нему возвратилось спокойствие. Слева от сиденья пилота должны висеть на цепочке два чрезвычайно

важных предмета: ключи зажигания для обоих моторов. Они на месте».

Из воспоминаний Ивана Кривоногова:

«Михаил запускает левый мотор, а затем и правый. Пока прогревались моторы, мы сидели, не шевелясь, на своих местах. Но вот самолет тронулся с места. Михаил выруливает между бункеров на взлетную полосу. Мы катим по немецкому аэродрому на их бомбардировщике! Кто из работающих на аэродроме мог подумать, что на этом бомбардировщике катятся заключенные, обреченные на смерть люди!

Михаил выруливает на взлетную площадку. Стартер, ничего не подозревая, дает сигнал ракетой, разрешая взлет. Самолет мчится по бетонной дорожке. Но что это? Взлетная полоса кончается. Впереди море! Самолет не взлетает!

Михаил сбавляет газ и круто разворачивает самолет. Кричит мне:

- Снимите струбцинки с руля высоты, на хвосте такой красненький зажим.

Куда мне, я же «полосатик», меня сразу же заметят. На Володе Немченко гражданские брюки. Он снял полосатую куртку и в нательной рубахе выскочил из самолета. Снизу кричит, что никаких зажимов нет.

А уже было видно: охрана поняла, что происходит неладное, и бросилась к самолету. Мы втаскиваем Немченко, и Михаил дает полный газ. Затем он зовет нас в кабину, и мы помогаем ему тянуть штурвал на себя. Самолет отрывается от земли и медленно набирает высоту. Летим!

Пролетели над аэродромом, нашими лагерями и полетели над морем. Ни одна зенитка нам вслед так и не выстрелила».

Из газеты «Штерн», Гамбург:

«В одном из штабных помещений, где шли занятия с летчиками, вдруг зазвонил телефон. Обер-лейтенант Грауденц снял трубку и услышал ругань своего начальника: «Кто из ваших идиотов взлетел, как паршивая ворона?»

Грауденц вздрогнул, посмотрел на график полетов и, успокоившись, ровным голосом ответил: «Вы ошибаетесь, сейчас никто не летает».

Однако голос в телефонной трубке продолжал в резком тоне: «Только что взлетел ваш самолет Хе-111 «Густав-Антон»! Действительно, самолет с опознавательным знаком «Г.- А.» числился в испытательной группе Грауденца.

Через несколько минут он, примчавшись в автомобиле на летное поле, обнаружил, что «Густав-Антон» действительно исчез. На земле валялись лишь маскировочные щиты.

Грауденц немедленно связался с командиром истребительного полка, базирующегося в Грейфсвальде.

Только через 9 минут вдогонку «Хейнкелю» взлетает истребитель. Он берет курс на восток, поскольку пилот посчитал, что до Англии или Франции «Хейнкель» просто не дотянет. Обшарив побережье Балтики, самолет через час вернулся в Пенемюнде-Вест.

В Карлсхагене - филиале концентрационного лагеря Заксенхаузен - вечером того же дня гестаповцы начали расследование. Поначалу они установили лишь одно: 10 русских военнопленных, ежедневно использовавшихся на аэродромных работах, в лагерь не вернулись».

21 минуту длился их полет на свободу. А потом началось то, о чем они и подумать не могли.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Справка

о приземлении немецкого самолета «Хейнкель-111» в расположении 311 СД и о задержании экипажа в количестве 10 человек

8 февраля 1945 года в 14 часов 40 минут в районе дислокации 1067 СП 311 СД (северо-западнее 3 км мест. Шлоппе) приземлился немецкий ночной бомбардировщик.

В самолете находилось 10 человек, по национальности русских, бывших военнослужащих Красной армии и гражданских лиц, угнанных немцами в Германию и находившихся в лагерях военнопленных.

1. **Девятаев Михаил Петрович,** 1917 года рождения, уроженец Мордовской АССР, ст. Торбеево, мордвин, образование среднее, бывший член ВЛКСМ, в Красной армии с 1938 года, старший лейтенант-летчик, командир звена, в плену у немцев с 13 июля 1944 года.

2. **Соколов Владимир Константинович,** 1921 года рождения, уроженец г. Вологды, русский, беспартийный, образование - 4 класса, в 1937 г. судим по ст. 162 УК РСФСР, в Красной армии с октября 1940 г., красноармеец, в плену у немцев с августа 1941 года.

3. **Кривоногов Иван Павлович,** 1916 года рождения, уроженец Горьковской области, Богородского района, дер. Коринка, русский, бывший член ВКП (б), не судим, образование - 7 классов, в Красной армии с 1937 г., лейтенант, в плену у немцев с июля 1941 года.

4. **Емец Михаил Алексеевич,** 1910 года рождения, уроженец Полтавской области, гор. Галин, русский, бывший член ВКП(б), образова-

ние - 8 классов, инструктор РК ВКП(б), в плену у немцев с июня 1942 года.

5. **Кутергин Петр Емельянович,** 1921 года рождения, уроженец Свердловской области, ст. Чернушка, русский, беспартийный, образование - 5 классов, в Красной армии с мая 1941 г., в плену у немцев с сентября 1941 года.

6. **Немченко Владимир Романович,** 1925 года рождения, уроженец Гомельской области, Тереховского района, с. Песочная Буда, русский, рабочий, образование - 7 классов, беспартийный, в Красной армии не служил, в Германию угнан в январе 1942 года.

7. **Урбанович Николай Михайлович,** 1925 года рождения, уроженец Сталинской области, Чистяковского района, с. Ольховник, русский, беспартийный, рабочий, образование - 3 класса, в Красной армии не служил, угнан немцами в Германию в сентябре 1942 года.

8. **Сердюков Трофим Герасимович,** 1924 года рождения, уроженец Краснодарского края, Гулькевического района, хутор Родники, русский, беспартийный, образование - 4 класса, не судим, в Красной армии не служил, угнан немцами в Германию в декабре 1942 года.

9. **Адамов Федор Петрович,** 1912 года рождения, уроженец Ростовской области, Тацинского района, русский, бывший член ВЛКСМ, образование - 4 класса, рабочий, шофер, в Красной армии с 24 июня 1941 г., в плену у немцев с сентября 1941 года.

10. **Олейник Иван Васильевич,** 1920 года рождения, уроженец Краснодарского края, Славянского района, ст. Анастасиевская, русский, бывший член ВЛКСМ, образование - 4 класса, в Красной армии с 1941 г., в плену у немцев с сентября 1941 года.

Показаниями вышеуказанных задержанных установлено, что последние несколько месяцев все они работали в маскировочной команде на немецком аэродроме острова Свинемюнде (Германия). В конце января с. г. договорились бежать из немецкого плена на самолете, предварительно убив охранявшего их часового-немца.

8 февраля с. г. во время размаскировки самолетов Кривоногов убил часового, вся команда во главе с военнопленным - летчиком Девятаевым - села в самолет «Хейнкель-111». Девятаев завел мотор, взлетел с аэродрома и взял курс на северо-восток, затем - на юго-восток, в 14 часов 40 минут самолет приземлился на территории, занятой нашими войсками, и при этом разбился.

Наибольший интерес из числа прилетевших представляет летчик, пилотировавший «Хейнкель-111», Девятаев. В 1939 г. окончил Чкаловс-

Михаил Девятаев и Иван Кривоногов в Горьком.

кую школу летчиков-истребителей. В сентябре 1941 года во время воздушного боя был ранен, а после излечения обучался в высшей разведывательной школе Красной армии. В декабре 1942 года, не закончив школы, снова был зачислен в авиацию, летал вначале на ночном бомбардировщике ПО-2, а затем на истребителе «Аэрокобра». В июле 1944 г. в районе Львова во время воздушного боя был сбит, выбросился с парашютом в расположение немецких войск и захвачен в плен немцами.

Будучи пленным, Девятаев как летчик подвергался неоднократным допросам. После допросов был направлен в концлагерь Кенигсберг, где был обвинен в организации побега из лагеря и посажен в тюрьму при лагере, а затем в Берлинскую тюрьму, откуда вскоре попал на остров Свинемюнде, работал в аэродромных командах, а последнее время - в команде по маскировке самолетов.

Все перелетевшие на нашу сторону одеты в арестантские халаты с номерами, никаких документов при себе не имеют, в самолете «Хе-111», кроме трех бортовых пулеметов, никакого вооружения или посторонних предметов не обнаружено.

Допросы задержанных - Девятаева и других - ведем в направлении изобличения их в принадлежности к разведывательным органам противника. О результатах дальнейшего следствия сообщу дополнительно.

Начальник отдела контрразведки «Смерш» 61-й армии полковник Мандральский.

Допросы были жесткими и в основном по ночам. Двое суток не кормили. На третьи, после выяснения обстоятельств побега, им, теперь советским заключенным, принесли кипятку и сухарей.

Позже офицеров - Девятаева, Кривоногова и Емеца - увезли. Остальным дали месяц карантина и отправили на фронт. Советские войска как раз готовились форсировать Одер.

Первым погиб, уйдя на дно чужой реки, Владимир Соколов. Потом перестали приходить домой «треугольнички» от Коли Урбановича. У стен Берлина встретили свою смерть Петр Кутергин, Дмитрий Сердюков и Владимир Немченко.

Девятаев, Кривоногов и Емец были заключены в тюрьму, находившуюся на территории Польши, до выяснения каких-то неведомых обстоятельств.

Из воспоминаний Ивана Кривоногова:

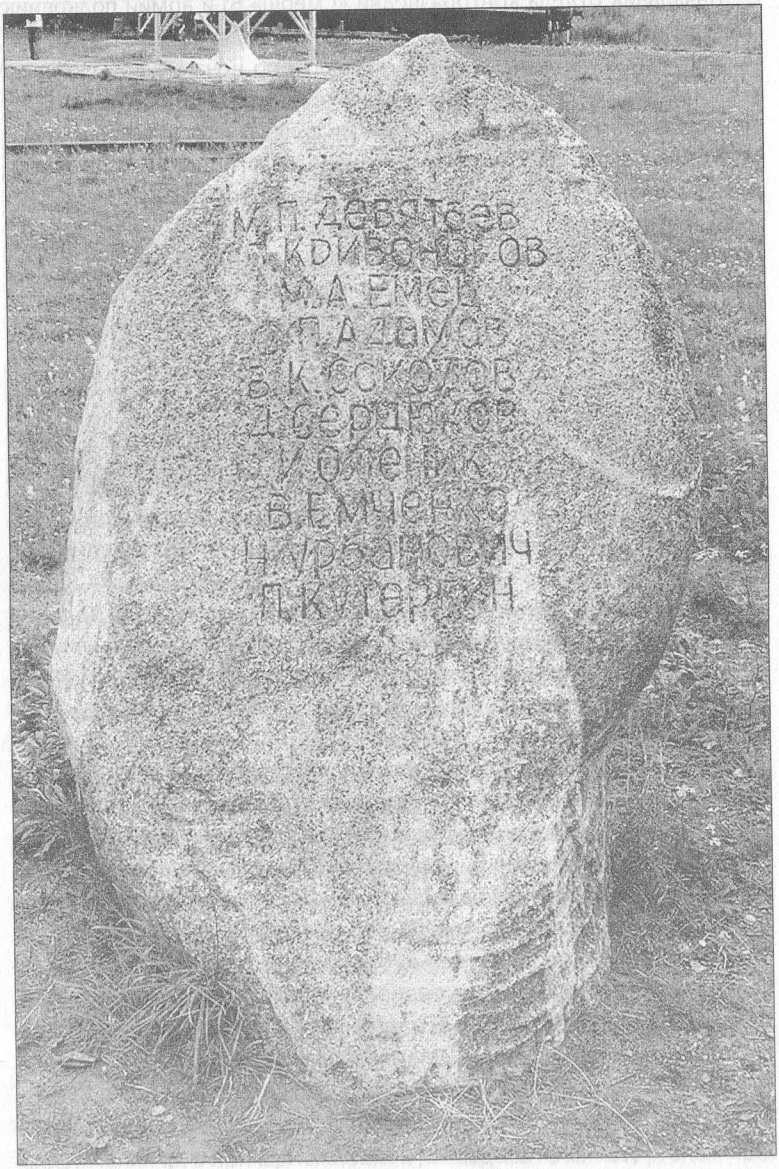
«С вокзала до дома родителей я шел пешком. По длинной Советской улице... По знакомому высокому мосту, с которого видны обе реки...

Сдерживая бьющееся сердце, я подошел к своему дому. Долго не решался постучать. Открыть дверь вышла соседка. Она меня не знала и, окинув равнодушными глазами, впустила в коридор. Я должен перейти еще один порог... Стучусь - и в ответ слабый, знакомый до боли голос матери: «Войдите!»

Я вошел в комнату и остановился у порога. Мать стояла у печки. Какое у этой женщины усталое, морщинистое лицо и согнутая спина! Ее глаза вопрошающе смотрят на меня - она не узнает меня.

Мне надо было крикнуть: «Мама! Это я, Ванюшка!», а я не могу шевельнуться, не могу слова проронить. Только стою и смотрю на нее. А она все тем же тихим голосом, но уже с беспокойством, спрашивает: «Вам кого?» Тут я не выдержал и, будто захлебываясь, по-детски отчаянно крикнул: «Мама!» Она выронила из рук полотенце, опустилась на кушетку, и я уже обнимал ее старенькие плечи, целовал ее лицо и повторял одно только слово: «Мама! Мама! Мама моя!»

В сентябре 1945 года, когда Михаил Девятаев еще находился в фильтрационном лагере, за ним пришли и велели собираться. Каково было его удивление, когда он вновь оказался на острове Узедом в распоряжении некоего полковника Сергея Павловича Сергеева. Девятаев сопровождал его по острову, показывая все, что сам видел, и рас-



Памятник отважным беглецам на острове Узедом.

сказывая о том, что знал. Нашли они даже детали и целые узлы ракет «Фау». Прощаясь, полковник Сергеев с нотой горечи сказал:

- Я пока не могу вас освободить. Но, думаю, время это скоро наступит.

В то время и сам полковник был узником спецтюрьмы Казанского моторостроительного завода. А настоящее его имя было Сергей Павлович Королев. Он, кстати, знал еще одну тайну перелета. Самолет, на котором летели узники концлагеря, был особым. На нем размещалась аппаратура дистанционного пуска и наведения ракет «Фау».

Только в ноябре 1945 года освободился из лагеря Михаил Девятаев. Правда, это освобождение было названо демобилизацией из армии. В выданных документах о воинской специальности значилось, что был Михаил Девятаев артиллеристом. Ему навсегда закрыли дорогу в небо. Он с трудом устроился в речной порт диспетчером. Контроль за ним со стороны компетентных органов продолжался.

А в это время на полигоне Капустин Яр была запущена ракета Р-1, почти точная копия «Фау-2». Руководил пуском Сергей Павлович Королев. Будучи уже главным конструктором закрытого КБ, он пытался ускорить работы по проектированию собственных ракет, изучая полеты немецкого оружия, так и не ставшего «оружием возмездия».

Но все это было еще впереди.

Все впереди было и для оставшихся в живых участников побега из ада.

Пытался пробить глухую стену Иван Кривоногов. В областном архиве хранится его заявление от 15 октября 1956 года в ЦК КПСС о восстановлении кандидатом в члены партии, в котором он писал о своей послевоенной судьбе.

«... О нашем перелете из немецкого плена сразу же была написана статья в газете «Сталинский сокол», нас фотографировали всех у самолета, восхищались нашим отважным поступком.

Однако это было только вначале, после этого, видимо, усомнились в возможности совершенного нами или же по каким-то другим причинам, я не знаю, но все забылось, и, кроме неприязни и недоверия, я лично ни от кого не ощущал.

Меня неоднократно вызывали в органы МГБ, допрашивали, глядя на меня как на преступника, и в гражданских организациях смотрели и смотрят как на человека, не внушающего политического доверия, - изменника Родины.

Мне до настоящего времени страшно переживать эти незаслуженные унижения и оскорбления, все во мне протестует против этой вопиющей несправедливости».

Только в 1957 году он и его товарищи по побегу смогли вздохнуть свободно. В одной из центральных газет было написано об их подвиге. В том же году состоялся запуск первого искусственного спутника земли. Михаилу Девятаеву, видимо, не без помощи Сергея Павловича Королева, было присвоено звание Героя Советского Союза. Иван Кривоногов был награжден орденом Великой Отечественной войны...

И в этом же году оставшимся в живых участникам перелета удалось встретиться в Москве. Приехавший с Украины Михаил Алексеевич Емец обнял своих друзей и сквозь слезы проговорил:

- Вот за это мы и боролись! А теперь мы еще сильнее, ведь дети у нас растут. У меня их шестеро...

Так закончилась история одного из самых дерзких побегов советских военнопленных из фашистского лагеря на острове Узедом. Эту историю мы знаем со школы. У нее всегда было счастливое окончание. И только недавно стало известно, что жизнь героев складывалась далеко не так, как о ней писали. Правду вернуло время.

Публикацию подготовил
Федор КИРИЛЛОВ.

Узники продолжали борьбу

11 апреля ежегодно отмечается Международный день освобождения узников нацистских концлагерей. Эта памятная дата была установлена в честь героического восстания узников Бухенвальда - одного из крупнейших концентрационных лагерей на территории Третьего рейха, который располагался около Веймара в Тюрингии. 11 апреля 1945 года отчаянные и изнеможенные узники Бухенвальда подняли восстание. Они воспользовались тем, что в те дни из Бухенвальда вывезли большую группу узников, сопровождать которую уехала значительная часть охраны. По знаку лагерного колокола тысячи людей бросились на охрану. Одним из руководителей восстания был наш земляк подполковник Иван Иванович Смирнов. Но стало известно имя еще одного нашего земляка, принимавшего участие в восстании.

Иван Иванович Смирнов родился 7 января 1899 года. Военную службу начинал в царской армии. В Первую мировую оказался на фронте. В бою получил ранение и был отправлен в госпиталь.

Бухенвальд. Мемориал погибшим в концентрационном лагере.

Больше он в окопы не попал.

С 1919 года учился в Нижнем Новгороде на курсах красных командиров.

Смирнов всю жизнь посвятил службе в армии. Вначале - командир роты, в 1922 году - командир батальона, участвует в разгроме колчаковцев. Во время событий на КВЖД командовал отдельным Забайкальским дивизионом бронепоездов, был награжден личным оружием и грамотой, подписанной командующим войсками Дальневосточной армии В. Блюхером. На рукоятке револьвера было выгравировано: «Доблестному бойцу РККА Ивану Ивановичу Смирнову от РВС СССР».

В 1937 году с должности начальника артиллерии дивизии его неожиданно вызвали из Монголии в Москву и задали вопрос: «Почему на собраниях и митингах не упоминаешь имя Сталина?»

На что он ответил, что говорит красноармейцам «о задачах службы, о своем долге перед Родиной, а не о товарище Сталине, про которого много пишут и говорят люди знающие...».

После этого И. И. Смирнов переезжает в Орел на должность командира полка.

Затем его направили в г. Пушкин Ленинградской области, где он работал преподавателем артиллерийских Краснознаменных курсов.

Сообщение о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз Иван Иванович Смирнов услышал, будучи в служебной командировке, что заставило его быстро вернуться домой. С первых же дней войны И. И. Смирнов находился на фронте. Часть, в которой он служил после многочисленных боев, несколько раз выходила из окружения.

Из воспоминаний И. И. Смирнова:

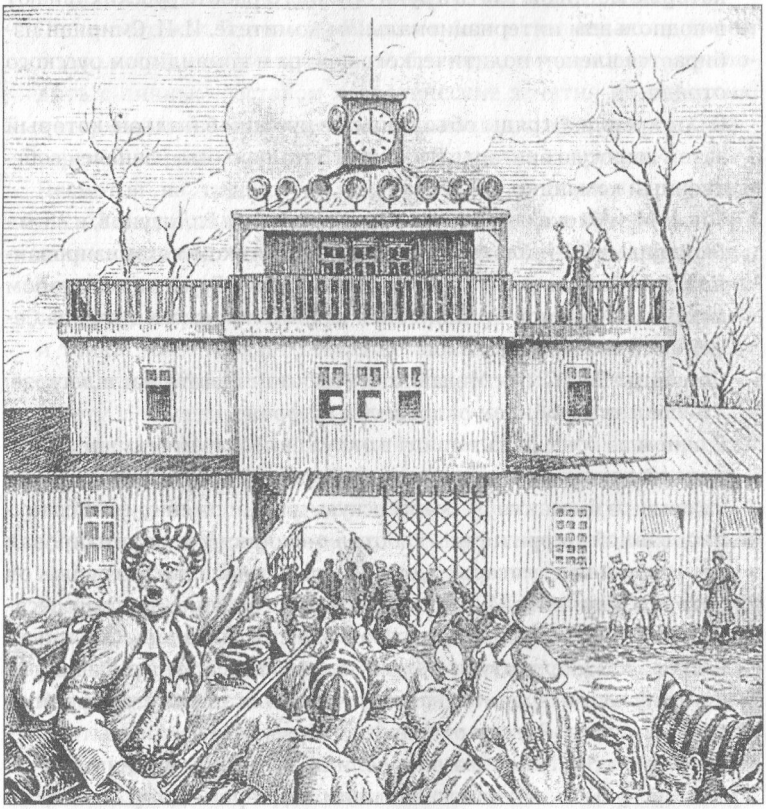
«...25 августа 1941 года где-то между Невелем и Великими Луками мы должны были прорваться. Я бежал с винтовкой с группой бойцов. Кругом треск оружейной стрельбы, взрывы гранат.

...Но тут перед глазами закружился светящийся шарик. Пламя, взрыв. Удар. Это осколок гранаты впивается мне в живот. Но я бегу. Второй удар по левой ноге, повыше колена. Я успеваю подумать: «Это пуля!» Нога тяжелеет, подгибается, в ней мучительная боль, но все-таки бегу, в кого-то стреляю. И вот тогда сильнейший удар где-то повыше лопаток. И я падаю, потеряв сознание...»

Это был последний бой.

Дальше - плен... Его пересылают из одного лагеря в другой. И в каждом лагере к нему тянутся попавшие в плен солдаты. Приходилось рассказывать им о боях, подбадривать. Конечный пункт пересылки - концентрационный лагерь Бухенвальд.

«...Массивные металлические ворота, к которым примыкают приземистые каменные здания с решетками на окнах. Над воротами надпись: «Jedem das seine» («Каждому - свое»). Извергает клубы черного дыма труба крематория. За высокой каменной стеной, опутанной колючей проволокой, по которой идет ток высокого напряжения, бараки, выкрашенные в грязновато-зеленый цвет.



Восстание в Бухенвальде 11 апреля 1945 года. Рисунок узника концлагеря.

В лагере он стал просто заключенным с № 26674.

Шесть тысяч откормленных эсэсовцев во главе с комендантом Пистером строили систему содержания в лагере так, чтобы подавить волю людей, выработать из них послушных рабов. Кто-то не выдерживал ужасов лагеря и переходил на сторону охраны. И все же таких предателей было немного. Заключенные окружали их презрением, ненавистью; если была возможность уничтожить - уничтожали. Многие же предпочитали борьбу: «Мы еще не сказали своего слова в этой войне. Ты пленник, и вечный позор будет лежать на твоем имени. Только ты сам сможешь смыть этот позор. Но как?»

В русских бараках начали формироваться отряды заключенных, которые могли бы взять в руки оружие. О работе русских узнают в подпольном интернациональном комитете. И. И. Смирнов избирается членом политического центра и командиром русского отряда.

Силы крепли. Отряды объединили в русский батальон, который затем вырос до бригады. В каждый батальон был назначен собственный командир.

Так, в 44-м блоке командиром батальона был В. Логунов, в 25-м - В. Цуцура, в 30-м блоке - С. Харин, начальником механизированной службы подполья был советский врач А. Гурин, командиром механизированной бригады был назначен уроженец города Семенова Вениамин Щелоков.

До войны Вениамин Михайлович работал водителем в лесхозе. Вместе с автомобилем отправился на фронт.

В одном из боев часть попала в окружение. Затем был плен...

Всех, кто имел специальности шофера, автослесаря, немцы направили в ремонтную мастерскую, расположенную на оккупированной территории. Работал мотористом, ремонтировал автомобильные моторы. Здесь имелась подпольная группа, от которой Вениамин Михайлович получил задание каждый десятый двигатель выводить из строя. Это ему удавалось. Он вливал несколько капель ртути в один из узлов двигателя. Фашисты, догадываясь о вредительстве, установили слежку, виновники были найдены. Всех их отправили в Бухенвальд.

В концлагере Щелокова определили на работу в пошивочную мастерскую. Он оказался большим мастером. Даже немецкие офицеры заказывали ему шить фирменные фуражки. С одобре-

ния подпольного центра он выполнял эти заказы. За работу получал от немцев продукты, которые шли на усиленное питание больных узников.

На заседании русского политического центра было принято решение о создании автороты. Выполнить это решение получили Валентину Логунову. Через некоторое время он доложил И. И. Смирнову, что авторота создана.

« - Что же это за рота? Объясни.

- А очень просто. Разве среди нас мало шоферов или водителей танков? Почему бы им не изучать немецкие машины? У нас есть дока по этому делу - Венка Щелоков. Знает все марки автомобилей. Ему поручили создать роту и пока теоретически научить водить любую машину из тех, которые мы видим в лагере».

После того как Вениамин Щелоков был назначен командиром подпольной механизированной бригады, ему пришлось проводить с личным составом теоретические занятия по изучению материальной части немецких автомашин, а в портновской мастерской в тряпье хранить большое количество оружия.

Несмотря на трудности, подготовка к восстанию продолжалась. Каждое подразделение русского отряда в вечернее время занималось подготовкой: в лазарете шли занятия санитаров, в бараках разбиралось и собиралось оружие, учились обращению с ручными гранатами. «Где-то Вениамин со своими шоферами и танкистами изучает схемы немецких автомобилей... У ребят руки зудят - скорее бы взяться за баранку» (И. И. Смирнов).

К лету 1944 года русские располагали уже несколькими десятками винтовок и карабинов, сотней пистолетов, множеством ножей и кинжалов, ножницами, кусачками для проволоки, более чем сотнями самодельных гранат и бутылок с горючей жидкостью. В 1945 году интернациональный комитет имел четко разработанный план восстания. Красная армия стремительно наступала с востока, армии союзников наконец-то решили открыть второй фронт и вели наступление с запада. Немцы, чувствуя скорое поражение, стремились замести следы преступлений...

8 апреля был объявлен приказ лагерной администрации - построиться всем с вещами на площади для эвакуации. Фашисты решили уничтожить всех заключенных. Для этого на сторожевых вышках установили дополнительные пулеметы, вокруг лагеря поставили пушки, минометы, огнеметы. Наступило время пос-

троения. Но площадь пуста. Тогда в лагерь ворвались мотоциклисты и батальон солдат на броневиках. Солдаты стали выталкивать заключенных из бараков на улицы, но те возвращались в бараки через окна.

Из воспоминаний И. И. Смирнова:

«Какие-то люди с белыми нарукавными повязками пытаются строить заключенных. Венка Щелоков вмиг сообразил, что делать. Через несколько минут он выскакивает из своей портняжной мастерской, и в руках у него такие же повязки и даже с таким же, как у тех, клеймом. Наши ребята надевают эти повязки, толкаются в толпе согнанных, хватают их, волокут, но в другую сторону, к тем блокам, которые еще не эвакуируют».

Один из организаторов восстания подполковник Иван Иванович Смирнов.

Эти повязки были заранее изготовлены в портняжной мастерской по указанию подпольного центра.

По лагерю распространилась весть: уничтожение назначено на 11 апреля.

Интернациональный комитет принял решение начать восстание. Личному составу автороты под командованием Вениамина Щелокова поручалось овладеть автопарком. Вскоре он был у них в руках.

Восстание узников Бухенвальда завершилось победой. Командиру русского отряда И. И. Смирнову пришлось принимать участие в решении некоторых вопросов, касающихся наших военнопленных, с американской военной администрацией. Все это время Щелоков выполнял у него обязанности личного шофера.

Пришло время возвращаться на Родину. Рядовой Вениамин Щелоков был демобилизован и вернулся в Семенов. Ивана Смирнова направили в распоряжение управления кадров. Ему вскоре удалось установить, где проживает его семья. Оказалось, что она

Участник восстания Вениамин Михайлович Щелоков.

На Дьяковском кладбище в городе Семенове за могилами героев ухаживают школьники. Имена отважных героев Сопротивления не забыты.

была эвакуирована в город Семенов. Иван Иванович пишет письмо. Из него его жена Вера Прокопьевна и узнала о том, что муж находился в Бухенвальде и скоро вернется к семье. А чуть раньше по улице Урицкого, на которой жили Смирновы, распространилась весть о том, что в родительский дом прибыл узник Бухенвальда. Вера Прокопьевна жила совсем рядом с домом Щелоковых, часто видела Вениамина Михайловича, сидящего у своего дома. Мед-

ленным шагом она проходила мимо него, стараясь не привлекать к себе внимания, рассматривая украдкой, и думала: «Вот и мой такой». Но обратиться к Щелокову и спросить, не знал ли он Ивана Ивановича Смирнова, так и не решилась.

После непродолжительного отдыха Вениамин Михайлович вновь сел за баранку лесхозовского автомобиля.

...В одно из сентябрьских воскресений 1945 года чета Щелоковых решила сходить на рынок.

На улице Трех коммунистов они увидели идущих навстречу мужчину и женщину. Приглядевшись, Вениамин Михайлович сказал: «Лиза, смотри, вон идет командир Бухенвальда!» Ускорил шаг. И вот уже двое мужчин в объятиях друг друга. Так состоялась встреча с городе Семенове командира автороты В. М. Щелокова с командиром русского отряда в концлагере Бухенвальд И. И. Смирновым.

Дружба двух бывших узников Бухенвальда продолжалась до 1958 года, когда Вениамин Михайлович скончался в возрасте 49 лет от полученной в фашистском лагере болезни легких. А Иван Иванович Смирнов ушел из жизни 6 июня 1969 года. Оба похоронены на Дьяковском кладбище недалеко друг от друга.

Иван Иванович Смирнов, поселившись после войны в городе Семенове, где нашел эвакуированных из-под Ленинграда жену и сыновей, не думал писать мемуары. И только в марте 1963 года, в возрасте 64 лет, Иван Иванович решился принять на себя этот труд. Его уговорили товарищи по плену. Надо было рассказать о тех неизвестных солдатах, кто продолжал борьбу с фашистами, будучи в неволе.

В июле 1966 года на прилавках книжных магазинов появилась книга «Бухенвальдский набат».

Это повесть о сильных духом, смелых и мужественных людях, с честью и гордостью пронесших имя советского человека через все, что им выпало. Это рассказ о силе братства, интернациональной дружбе людей, чья несгибаемая воля была крепче стали.

Бухенвальд официально не был лагерем смерти, как, например, Освенцим, но 56 тысяч заключенных приняли здесь мученическую смерть от пыток, болезней, голода и тяжелой работы. Здесь погибло более 8 тысяч советских военнопленных.

Ужасным местом на земле стала гора Эттерсберг, где находился концентрационный лагерь. Но она же стала местом человеческого величия - 11 апреля 1945 года подпольная организация Бухенвальда дала сигнал к массовому вооруженному восстанию, и более 20 тысяч заключенных, вышвырнув охрану, рискуя жизнями, сами освободили себя. Среди тех, кто находился в первых рядах штурмующих, были подполковник Красной армии Иван Иванович Смирнов и рядовой Вениамин Михайлович Щелоков - наши земляки.

На пятидесятиметровой башне, установленной на месте бывшего лагеря, несколько раз в день раздаются удары Бухенвальдского набата. Густой его звон растекается по склону горы и близлежащим долинам...

Люди мира, на минуту встаньте!
Слушайте, слушайте - гудит со всех сторон.
Это раздается в Бухенвальде
Колокольный звон, колокольный звон.

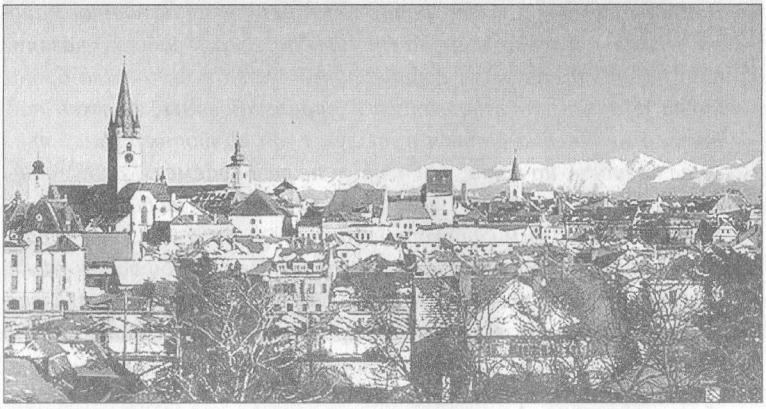
Это звон памяти. Этот звон - призыв к миру!

Владислава ЦВЕТКОВА,
ученица 10 «Б» класса лицея № 1 города Семенова.

Это сочинение семеновской школьницы передал редакции краевед Карп Васильевич Ефимов.

«Военный должен воевать, а не отсиживаться в тылу»

Уважаемая газета «Земля нижегородская»!
Пишет вам Лапшина Галина Константиновна. Читаю газету всегда с удовольствием от корки до корки. Давно уже обратила внимание на ваши поисковые материалы, в которых вы рассказываете о судьбах солдат, пропавших без вести.
Наш отец тоже был солдатом Великой Отечественной войны, но он не пропал без вести. Мы знали, что он убит и похоронен в румынском городе Сибиу, однако почти ничего не знаем о его военной судьбе. Быть может, сейчас, когда рассекречены документы о войне, вы сообщите нам дополнительные сведения о нем.
Если мы обратимся в военный архив, нам пришлют справку о его гибели и все. В архиве и без того дел много, и не будут они искать еще какие-то дополнительные документы. Вы же помогаете находить сведения о пропавших без вести спустя семьдесят лет после окончания войны. Попробуйте помочь и нам.



Тихий румынский городок Сибиу, где навечно остались наши солдаты.

Наш отец - Лапшин Константин Андреевич, 1910 года рождения, майор, профессиональный военный. До войны мы жили в Ленинграде на улице Баренца. Папа работал в академии имени Буденного. Тогда, наверное, звание было у него не очень высокое.

Как только началась война, академию эвакуировали в Башкирию в город Бирск. И мы вместе с папой выехали туда. В 1942 году он ушел на фронт, а мы остались.

Как нам было плохо: холодно, голодно, даже свет за неуплату у нас отключили, хотя папа был на фронте. И тогда мы вспомнили про деревеньку Лубянцы Большемурашкинского района, где у папы жили родители - мои бабушка и дедушка. Написали им письмо. Пришел ответ от деда, он писал, что житье у них тоже не сладкое, но «есть хоть картошка своя - не умрем».

Так мы оказались в Лубянцах. Мама работала в колхозе. Нам выделили участок земли, и мы сажали картошку и еще кое-какие овощи, так и жили.

Когда пришла похоронка на отца, мама не решилась возвращаться в Ленинград. Там у нас никого не было. Дед сказал, что Ленинград в войну сильно бомбили и вряд ли там сохранилось наше жилье. Нам купили избушку, и мы в ней жили. Она цела до сих пор, летом я туда переселяюсь, а сестра живет в Большом Мурашкине. Сейчас от Лубянцев почти ничего не осталось. В доме нашем жить уже невозможно, но как-нибудь свой век докоротаю.

Посылаю вам отцовскую фотографию. Он на ней в звании майора. Это звание он получил на фронте. Да, совсем забыла сказать, что на фронт он ушел добровольцем, хотя у него была бронь. Мама рассказывала, что отец говорил: «Военный должен воевать, а не отсиживаться в тылу». Судя по фотографии, отец имел награды, но какие, мы в этом не разбираемся. После войны нам прислали его личные вещи, наград среди них не было. Мы считали, что его с ними и похоронили.

Нас сейчас интересует состояние воинского кладбища в румынском городе Сибиу. Очень просим вас сообщить, что об этом известно. Может быть, там уже все сровняли с землей, вон ведь что в Европе делается.

Будем вам очень признательны.

Б. Мурашкино.

Эту фотографию Константин Андреевич Лапшин выслал домой.

Уважаемая Галина Константиновна!

Получили мы ваше письмо и, думаем, расскажем вам подробности об отце, которые вы вряд ли знали. Чтобы не томить, сразу же сообщаем о состоянии воинского кладбища в городе Сибиу. Оно цело и невредимо. Здесь захоронено 223 советских солдата и офицера, погибших в боях за город, и 152 неизвестных воина, останки которых были обнаружены позднее в развалах зданий или перенесены из хаотичных захоронений у дорог, в полях или в самом городе. Мы высылаем вам сохранившуюся схему, где помечено захоронение вашего отца - 3-й ряд, могила № 3. Состояние кладбища, судя по учетной карточке, которую составили в посольстве России в Румынии, хорошее.

А теперь о том, как воевал ваш отец.

Он всю войну был офицером 104-го гвардейского Ясского Краснознаменного стрелкового полка 36-й гвардейской Верхнеднепровской Краснознаменной ордена Суворова II степени и Кутузова II степени дивизии. Он был свидетелем получения всех этих наград и званий. Дивизия всегда находилась на передовой, а бойцы ее дрались отчаянно.

Если ваш отец ушел на фронт в 1942 году, то мог застать формирование этого воинского соединения, которое проходило в Ивановской области. А формировалась она на базе воздушно-десантного корпуса исключительно из комсомольцев-добровольцев. Забегая вперед, стоит сказать, что только в одном 104-м стрелковом полку, в котором служил ваш отец, было восемь Героев Советского Союза.

Дивизия начинала воевать под Сталинградом. До сентября 1943 года вела оборонительные бои на реке Северный Донец и под Курском, а 23 сентября с ходу форсировала Днепр и захватила плацдарм на его правом берегу.

Конечно, всю военную судьбу вашего отца восстановить невозможно, но о ключевых ее эпизодах рассказывают наградные листы.

Первый орден - Боевого Красного Знамени - гвардии капитан Константин Андреевич Лапшин получил за майские бои 1944 года в Румынии. Вот как командование описывало его подвиг:

«В боях за с. Васканий т. Лапшин принял батальон после выбытия из строя командира батальона майора Петченко и продолжал выполнять поставленную задачу. При малом количестве

офицерского состава в батальоне т. Лапшин, лично сам командуя бойцами 4-й стрелковой роты, поднимался в атаку на врага, выбил его из траншей, в результате чего первым достиг железнодорожного полотна, что обеспечило выполнение поставленной задачи. Бойцы, воодушевленные смелостью и отвагой своего командира, неудержимо наседали на врага, уничтожая его гранатами и в рукопашных схватках. В этом бою батальон т. Лапшина уничтожил до 60 гитлеровцев, имея свои незначительные потери.

При взятии с. Васканий т. Лапшин умело отвлек основные силы противника на свою небольшую группу бойцов и, зайдя с тыла, посеял панику в его рядах, что дало возможность без потерь занять населенный пункт. Противник потерял только убитыми до 40 солдат и офицеров».

Обратим внимание на фразу, которой начинается описание подвига в наградном документе. Ваш отец заменил выбывшего из строя комбата. Кем же он был до этого? Послужной список мы найти не смогли, но можно предположить, что служил он в штабе. Там его могли оставить как человека военного, разбирающегося в штабном деле. Этим и объясняется то, что до мая 1944-го у него наград не было. А тут - первый бой и орден.

Став командиром батальона, в штаб он не вернулся.

Гвардейская дивизия вашего отца вела в это время бои с частями дивизии СС «Принц Ойген», которая заняла заранее подготовленные рубежи. Взломать оборону врага было нелегко, эсэсовцы готовы были сражаться до последнего солдата.

Дивизия зверствовала в Югославии. После войны югославская комиссия по расследованию военных преступлений подготовила отчет о «боевом пути» карателей:

«На что бы они ни натыкались - все сжигали, всех убивали и грабили. Офицеры и солдаты дивизии СС «Принц Ойген» совершили преступления исключительной жестокости. Жертв пытали или же сжигали живьем в горящих домах. Если жертва попадалась не в собственном доме, а на дороге или в поле вдали от дома, то ее убивали и сжигали там же. Убивали даже матерей с детьми, беременных женщин и стариков. Иными словами, убивали любое гражданское лицо, которое попадалось этим воякам на глаза. Часто бывало, что целые семьи, которые не предвидели такого обращения или не имели времени бежать,

оставались в своих домах, и их уничтожали. Следствию известны факты относительно 121 человека, в основном женщин, а также 30 человек в возрасте 60-92 лет и 29 детей в возрасте от 6 месяцев до 14 лет, которых убили жестокими методами, описанными выше».

С мая по август 1944 года шли упорные бои советских десантников с отъявленными головорезами. В конце августа командование представляет уже гвардии майора Константина Андреевича Лапшина еще к одному ордену:

«При прорыве обороны противника в районе ст. Будея - с. Сырка т. Лапшин смело повел батальон в бой на врага. Личный состав батальона, проявляя мужество и отвагу, неудержимо наседал на противника. Батальон т. Лапшина первым поднялся в атаку, преодолел инженерное заграждение противника, ворвался в его траншеи, уничтожая врага, пытавшегося оказать сопротивление. Враг в панике отступил, оставив на поле боя до 90 винтовок, 18 пулеметов и большое количество боеприпасов.

В этом бою батальон т. Лапшина истребил до 130 гитлеровцев и захватил 20 пленных.

Преследуя отступающего противника, т. Лапшин был ранен и оставил батальон только по окончании боя».

На самом деле ситуация складывалась не совсем так, как описывается в наградном листе.

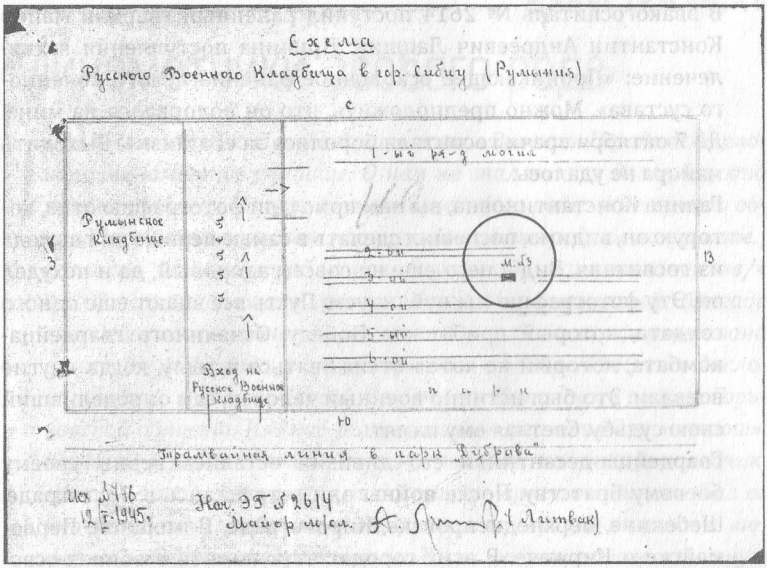
В истории боевого пути 36-й гвардейской стрелковой дивизии есть описание этого эпизода. Раненому майору Лапшину угрожала опасность оказаться во вражеском плену. Он был отрезан от солдат батальона.

«На помощь комбату вызвался идти красноармеец М. Ячменев. Он попросил товарищей прикрыть его огнем. Бесстрашному гвардейцу удалось вынести офицера с поля боя и доставить в медпункт».

Майор Лапшин за этот бой был награжден орденом Александра Невского. Этой награды удостаивались исключительно офицеры, которые умело командовали своими подразделениями и решали тактические задачи боя.

Десантная дивизия в окопах встретила известие об окончании войны. Эту весть гвардейцам принесли политработники. Но окопы покидать было еще рано.

Именно в это время после излечения в госпитале гвардии майор



Нам удалось отыскать в архиве схему захоронений на воинском кладбище, где помечена могила гвардии майора Константина Андреевича Лапшина.

Константин Андреевич Лапшин назначается на должность начальника штаба 104-го гвардейского стрелкового полка.

10 мая 1945 года полк вел бой. Гвардейцы перекрывали гитлеровским частям отход на запад. 11 мая задача была выполнена, и бои в австрийских Альпах утихли. Так пришла к гвардейцам победа.

Галина Константиновна, ваш отец прошел с боями четыре тысячи военных километров. Затем его полк отошел в Румынию и был расквартирован в городе Сибиу. Советские воины помогали местному населению налаживать мирную жизнь.

Городок этот тихий и сегодня наполнен туристами. Как было не мечтать Константину Андреевичу о скором возвращении домой. Вряд ли он думал, что расстанется с армией. Думалось только, что отправят его полк на родную землю, а там и воссоединение с семьей будет скорым. Ничего мы тут не домысливаем, кто из солдат не мечтал об этом.

Трагедия произошла 28 августа 1945 года. Что случилось в этот день, неизвестно, нет никаких свидетельств о произошедшем.

В эвакогоспиталь № 2614 поступил раненный гвардии майор Константин Андреевич Лапшин. Причина поступления на излечение: «Проникающее осколочное ранение левого коленного сустава». Можно предположить, что он подорвался на мине. До 7 октября врачи госпиталя боролись за его жизнь. Выходить майора не удалось.

Галина Константиновна, вы нам прислали фотографию отца, которую он, видимо, поспешил сделать в самые первые дни выхода из госпиталя. Вид у него еще не совсем здоровый, да и похудел он. Эту фотографию мы публикуем. Пусть все знают еще одного солдата, который приближал Победу. Отчаянного гвардейца-комбата, который не хотел отсиживаться в тылу, когда другие воевали. Это был истинно военный человек, сам определивший свою судьбу. Светлая ему память.

Гвардейцы-десантники его дивизии остались верны своему боевому братству. После войны они встречались в Волгограде, Шебекине, Верхнеднепровске, Кировограде, Помошной, Первомайске и Киржаче. В этих городах чтут память о воинах-освободителях. А в городе Киржаче, где дивизия формировалась, ее именем назван городской парк.

Вот и все, Галина Константиновна, что мы хотели вам сообщить.

Вячеслав ФЁДОРОВ.

Минометчики особого рода

В условиях строжайшей секретности в Зеленом Городе действовало минометное училище. О нем не знал никто, даже те, кто жил неподалеку. Это было училище особого рода - в нем учили обращению с тем оружием, которое было пока редким на фронте. Согласно исторической справке, условное наименование «в/ч 07109» принадлежало первой учебной минометной бригаде гвардейских минометных частей, которая была сформирована в августе 1942 года, расформирована в ноябре 1945-го и дислоцировалась в лагере «Зеленый городок» Кстовского района Горьковской области. Именно там готовили расчеты для «катюш». Каждый экипаж состоял из семи человек: командир, наводчик, минер – чтобы «катюша» не досталась врагу, он должен был ее уничтожить (минер же в большинстве случаев являлся и шофером), и четверо заряжающих. Таких училищ на всю огромную страну было всего два – одно в Зеленом Городе, другое – в городе Миасс под Челябинском.

Наталья Владимировна Кузякина, дочь «катюшевца» Панюхина, бережно хранит память об отце и его сослуживцах.

К сожалению, теперь от той воинской части не осталось ничего. Информацию о ней по крупицам собирает дочь одного из ветеранов-катюшевцев Наталья Кузякина.

- Мой отец, Владимир Иванович Панюхин, родился в 1926 году в селе Ледырь Пильнинского района (теперь Ледырь относится к Воротынскому району. – Авт.). А в 1943 году его, еще совсем мальчишку, забрали буквально со школьной скамьи на обучение в засекреченную воинскую часть, где готовили расчеты для «катюш», - начинает свой рассказ Наталья Владимировна. – Из Пильнинского района тогда увезли всех 16-17-летних мальчишек.

Из-за ранения Владимир Панюхин после войны прожил недолго – в 1958 году, когда его дочери было всего 9 лет, его не стало. Поэтому повзрослевшей Наталье было некого расспросить о военной жизни отца. Кое-что рассказала бабушка, Евдокия Федоровна Панюхина, но всех подробностей о секретном училище она, конечно, знать не могла.

- У бабушки было 11 детей, дважды рождалась двойня. И почти всех забрали на фронт, - продолжает Наталья Кузякина. – В 1941 году под Белой Церковью погиб муж Иван, потом под Сталинградом – сын Александр... И когда в 1943 году забрали Владимира, у Евдокии Федоровны остались только девочки и совсем маленький сын Николай. Бабушка, конечно, переживала. Думала, что ребята в училище совсем голодные. И вот однажды она собрала им продуктов – картошку, творог, в общем, все, что у нее было, погрузила все это на санки и пошла к ним по Волге. Расстояние немалое – 138 километров. В училище ее, конечно, не пустили – часть ведь была засекречена, зато отца отпустили ненадолго в деревню, повидаться.

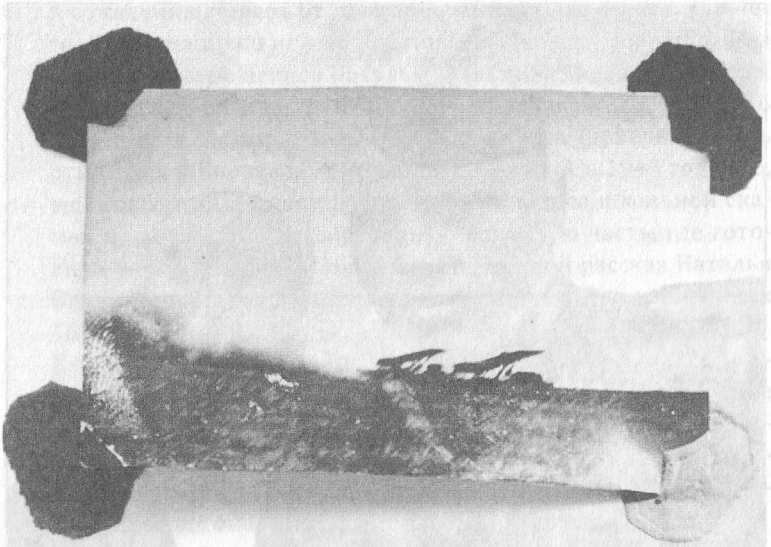
Более плотным исследованием истории минометного училища Наталья Владимировна занялась уже только в 2006 году. Помогла случайность - по радио передавали поздравление ветерану–катюшевцу, ровеснику Владимира Ивановича.

- Я в тот момент что-то готовила на кухне – семь внуков, бездельничать некогда. И вдруг по радио слышу: «Поздравляем ветерана–катюшевца с восьмидесятилетием». «Батюшки, моему отцу ведь тоже было бы восемьдесят!» - подумала я и записала имя: – Нумир Садыкович Садыков. Поздравление было

Катюшевец Владимир Панюхин вместе с мамой. Именно к нему она, мать 11 детей, ходила пешком за 138 километров, чтобы повидаться и передать немного еды.

от завода «Гидромаш», на котором он работал. Через музей завода я раздобыла его телефон, встретились, поговорили. Он сказал мне: «Я тоже учился в этом минометном училище в том же году, но вашего отца, к сожалению, не помню». И предложил: «А давайте позвоним Дмитрию Васильевичу Березину, председателю совета ветеранов–катюшевцев Нижегородской области». Позвонили, я представилась: «Панюхина Наталья». А он как закричит: «Наташка! Дочка Володьки Панюхина! Из Ледыря!»

Сейчас, к сожалению, Дмитрия Васильевича Березина уже нет в живых. Однако Наталья Кузякина успела расспросить ветерана о его учебе в минометном училище под Кстовом и записать его воспоминания.



«Катюша» на боевой позиции. 1945 год.

«На территории, расположенной в Зеленом Городе, между нынешними Агродомом и деревней Фроловское, в начале войны было вырыто 20 землянок, каждая на 200 человек. Спали на трехъярусных деревянных кроватях, из дерева же были сколочены пол и потолок. Местоположение землянок было строго засекречено. Над землей находился лишь штаб секретной военной бригады, да и тот был примерно в километре от землянок. Даже за дровами, необходимыми для отопления, приходилось бегать на Волгу - рубить сосны в самом лесу, где располагался лагерь, было строжайше запрещено, ведь это могло рассекретить воинскую часть. «Катюша» была новой отечественной разработкой, которую фашистам очень хотелось заполучить.

Весь автопарк училища состоял из двух установок: машинной БМ-13 и переносной БМ-8К. Но моторы никогда не заводили, на руках установки носили в пойму реки Кудьмы, где и проводились учения. Все стрельбы и тренировки велись только по ночам. О существовании воинской части в Зеленом Городе не подозревали даже местные жители».

Курс обучения длился 5-6 месяцев, а затем выпускников училища отправляли на фронт, а в землянки заселяли очередных жильцов. Новобранцы из Пильнинского района сначала три недели учились в Курмыше, а 3 ноября 1943 года всех их посадили в поезд и привезли на станцию Ройка. Оттуда они пешком дошли до Большой Ельни, где их расположили в церкви. Спали на соломе, умываться каждое утро бегали на Волгу. Так они провели две недели, пока были на карантине, а 19 ноября ребят привели в Зеленый Город. Сводили в баню, постригли покороче, дали бывшую в употреблении форму – сшить новую тогда уже не успевали.

- Нижнее белье, конечно, было новым, а вот шинели и шапки ношеные, - рассказывает Наталья Владимировна. - И как только предыдущий курс освободил землянки, новобранцев распределили по подземным домам. Березин и Панюхин попали в землянку № 16 и очень сдружились.

В паек, ежесуточно выделяемый курсантам, входил табак. Но в землянке курили не все, и тем, кто не курил, вместо табака выдавали по 300 граммов сахара. Тогда ребята решили полностью отказаться от табака, чтобы накопить побольше сахара. Отправили его в ленинградский детский дом № 416. От детей будущим бойцам пришли письма и рисунки – в те голодные годы обычный сахар для малышей был сказочным лакомством.

После выпуска из училища молодых бойцов отправили в Москву. Там, в Октябрьских казармах, они ожидали машины.

В Москве пути друзей разошлись. Владимиру Панюхину досталась «катюша» на «Студебеккере», и его отправили в 21-й гвардейский минометный полк Второго Белорусского фронта. Владимир Иванович дошел до Польши. Березин же попал на Первый Белорусский фронт.

Когда война закончилась, домой Владимира Панюхина отпустили далеко не сразу – до 1947 года он служил в Австрии и в родную деревню вернулся лишь в 1948-м.

...Среди множества белых пятен в истории Великой Отечественной войны стало на одно меньше – теперь о секретном училище в Зеленом Городе становится известно не только непосредственным участникам тех событий и их родственникам.

В музее школы № 49 в Кузнечихе бережно собирают информацию о катюшевцах, в городе Кстове в 2011 году в их честь установили памятник. Кстати, день и час открытия обелиска были выбраны не случайно – 14 июня 14.15, то самое время, когда под станцией Орша в далеком 1941-м прозвучали первые залпы «катюш».

А совсем недавнее достижение Натальи Владимировны Кузякиной – договоренность с нижегородским парком Победы: теперь о роли катюшевцев в Великой Отечественной войне будут рассказывать посетителям экскурсоводы парка.

Ольга АЛЕКСЕЕВА.

Фото Романа ИГНАТЬЕВА.

История, похожая на легенду

Из походного дневника. Восьмой день нашего велосипедного пути. Позади осталось уже порядочно километров. Мы вполне втянулись в режим похода и теперь уже меньше устаем.

Сейчас наша цель - город Белый в Калининской области. Вернее, даже не город, а село Васнево, расположенное неподалеку. Останавливаемся около рабочих, ремонтирующих дорогу, спрашиваем:

- Вы не скажете, как проехать в село Васнево?

- Это за Белым, ребята, в пяти-шести километрах. Далековато еще ехать. А зачем вы туда?

Молодого парня перебивает рабочий постарше:

- Не видишь, они из Горького (и показывает на наши майки с надписями). Там их парень, пулеметчик, лежит...

*** Место боя, где погиб и захоронен наш земляк Иван Матвеевич Королев.**

Мы едем в Васнево по просьбе подполковника в отставке Николая Степановича Губанкова. Он рассказал нам эту историю, похожую на легенду.

Она действительно похожа на легенду. Но все факты в ней, которые кажутся невероятными, документально подтверждены.

- Я знал Ивана Матвеевича Королева. Того самого, чью могилу вы посетили во время своего похода.

В обыденной жизни он был неприметным человеком. Работал и жил на Автозаводе. Собственно, до войны я его не знал. Нас объединила одна добровольческая рота политбойцов.

Прежде чем отправиться на фронт, мы учились. Иван был всегда спокоен и уравновешен. Сказывалась специальность - он был плотником. На огневом рубеже стрелял уверенно и не вздрагивал от чужих выстрелов. Его мишень всегда была надежно дырявой. А вот в штыковом бою был нерасторопен: колол неуверенно, отбой прикладом совсем не получался. Зато быстрее всех окапывался.

Нашу роту ввели в бой в том же составе, в каком она прибыла на фронт. Вскоре я стал в ней политруком. Обычно, когда произносят это слово, видят человека, умудренного жизненным опытом и, конечно же, старше всех. Мне было двадцать шесть, и еще предстояло понять, что право поднимать людей в атаку завоевывается не крас-

Иван Матвеевич и Ольга Кузьминична Королевы (снимок 1939 года).

норечием, а поступками. Жизненной мудрости я учился у таких людей, как Королев.

Я все больше проникался уважением к этому человеку. Привыкнув к тому, чтобы не беспокоить других, обходиться без посторонней помощи, он не изменял этой привычке и когда был ранен.

Он не вскрикнул, а только тихо ругнулся и стал перевязывать ногу. Сделал перевязку, какое-то время посидел в раздумье, и мне показалось, что он стеснялся теперь своего положения.

- Рядовой Королев, ползите в тыл, там есть санитарная повозка, - приказал я. - Она вас доставит в медсанбат.

- А может, ничего, товарищ политрук, пройдет, я здесь посижу.

- Нет, ползите, подлечитесь, вернетесь.

Иван Матвеевич поморщился, скорее всего, не от боли, а оттого, что надо расставаться с товарищами, забрал винтовку и пополз к повозке.

Мы отходили за Днепр. Войска нашей 16-й армии пробивались через Соловьевскую и Ратчинскую переправы из окружения. Наша 129-я дивизия прикрывала отход. Нашим участком была старая Смоленская дорога. По ней проходил самый короткий путь к переправе. Бои здесь шли упорные. Я даже не загадывал, встретимся ли мы с Королевым еще. Он ранен, а я, может, через час-другой буду убит.

И все-таки свидеться довелось. Королев нашел меня в Вяземском лесу, в полевом госпитале, куда меня привезли в тяжелом состоянии. Узнать меня было трудно: голова забинтована так, что даже правый глаз закрывали бинты. Как раненный в голову, я лежал на носилках, остальные раненые сидели и лежали прямо на земле. Их было много. Неподалеку стояла большая палатка - это была операционная. На нее поглядывали с опаской. И если была бы возможность ее избежать, каждый солдат вздохнул бы с облегчением.

Иван Матвеевич появился неожиданно. Оба обрадовались встрече. Он долго сидел рядом, расспрашивал и не решался спросить о ранении. И только когда санитары подняли меня, спросил, цел ли закрытый бинтом глаз.

После операции меня поместили в палатку. Коек в ней не было, лежали на носилках. Иван Матвеевич вновь оказался около меня. Он уже знал, что ранение мое тяжелое. Хвалил моего хирурга, пересказывал, что о нем говорили. Я понимал, что он отвлекает меня от тяжелых мыслей и вселяет веру в хороший исход операции. Мы поменялись

обязанностями: в бою я должен поддерживать душевные силы солдат, а теперь это делает он.

Его рана заживала. Он уже числился в выздоравливающей команде и помогал ухаживать за ранеными. От них он узнавал о боях. Я же узнал от него, что в ходе Смоленского сражения немцы остановлены, а у Ельни наши войска перешли в наступление. Эти вести лечили больше всяких лекарств.

Через несколько дней меня самолетом отправляли в тыловой госпиталь. Иван Королев шел рядом с повозкой и молчал. Потом он уложил меня в хвост «кукурузника» и сказал: «Ну, лети, лечись. Прощай!»

Самолет мог забрать только трех человек: одного лежачего и двух сидячих. Мне хотелось в последний раз взглянуть на своего однополчанина, но не удалось. Наш самолет был уже в воздухе. На душе стало тревожно и больно. Так хотелось остаться на земле со своими ребятами в родной дивизии. Пока летели, я все думал о товарищах.

Вспомнился Костя Морозов, бывший слесарь завода имени В. И. Ленина. Это был один из самых опытных помкомвзвода в нашей роте. До войны Костя успел отслужить срочную, окончить полковую школу, прошел хорошую полковую выучку.

Теперь, после моего ранения, Костя стал политруком роты. Константин Александрович Морозов стал офицером и где-то сгорел в огне войны.

Вспомнился Сережа Мозолькин, сормович. Он был самым молодым из нас. Храбрость его была отчаянной. Не сдержи его, и он бы погиб в первом же бою. Опытные воины старались охладить его прыть. Он копил боевой опыт и постепенно становился хорошим солдатом.

Один за другим я видел лица своих товарищей. Трудно давались нам первые месяцы войны, но мы держались...

Иван Матвеевич Королев в вяземском госпитале задержался недолго. С группой выздоравливающих солдат, прихватив солдатские пожитки, ушли они на пополнение в новую дивизию.

Гитлеровские войска рвались к Москве. Удар следовал за ударом. Многие дивизии, в том числе и наша, где воевали горьковские политбойцы, оказались в окружении, но не сдались, а продолжали отчаянно сражаться.

Новая дивизия, в которой оказался Королев, отходила на Ржевско-Волоколамский оборонительный рубеж. Она должна была оторваться от противника и на новом рубеже встать на пути врага. Но легко ска-

зать - оторваться, когда гитлеровцы идут по пятам. Разведка докладывала, что передовые отряды врага в нескольких десятках километров. Им достаточно сделать бросок, и они нагонят обозы дивизии.

Жаркий большак вырывается из города Белого. С холма далеко видна белая пыльная лента дороги. Село Васнево, куда мы должны ехать, тоже видно. В зелени деревьев заметны дома.

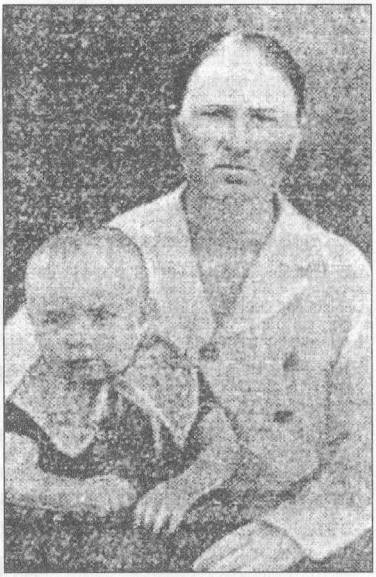
Мы постояли немного на холме и снова сели на велосипеды.

На пригорке у самого въезда в село, в тени берез, стоит обелиск. «Пулеметчику Королеву Ивану Матвеевичу от автозаводцев». Все происходило здесь.

Мы нарезали полевых цветов и положили их на могилу воина. Потом попытались представить, как могло все происходить тогда...

О подвиге Ивана Королева стало известно лишь в 1963 году, когда «Комсомольская правда» опубликовала письмо ветерана войны, которому случайно попали документы пулеметчика. Он и рассказал в газете историю, которую услышал в Васневе. А потом был поиск. Разыскали семью героя.

В эти места редко заглядывали земляки. Далеко, да и путь неудобный. Но могила пулеметчика ухожена. За ней приглядывают местные школьники.



В гимнастерке героя был обнаружен снимок жены и дочки (фото 1941 года).

Слово Николаю Степановичу Губанкову:

- Все, о чем расскажу сейчас, я узнал двадцать лет назад. После войны все политбойцы, с которыми уходил на фронт, подрастерялись. Кто-то погиб, кто-то уехал из Горького, а кто-то продолжал трудиться на родных предприятиях. Мы начали искать друг друга. Строй ветеранов-политбойцов рос. Мы разыскивали хоть какие-нибудь сведения о погибших, узнавали о их подвигах. Но был в нашем поиске список фамилий

солдат, о которых ничего не было известно. В этом списке была и фамилия Ивана Матвеевича Королева. Долго мы ничего не знали о его судьбе...

...Три проселочные дороги, теснимые лесами и болотами, сливались в одну, и дальше большак шел по перешейку меж двух болот и поднимался в гору к селу Васневу. Позиция для пулеметчика завидная. Если продержать фашистов хотя бы час, отрыв будет заметен. Командир 918-го стрелкового полка принимает решение оставить заслон. Выбор пал на лучшего и опытного пулеметчика Ивана Королева.

Двое суток пулеметчик ждал немцев. Жители Васнева носили солдату хлеб, молоко, картошку. Старики качали головами: «Один против силищи, можно ли так?»

На вторые сутки над деревней показался немецкий самолет-разведчик. Он покружился и улетел. Вскоре неожиданно над деревней прошли три истребителя. Их пулеметные очереди подняли пыль на дороге. Жители попрятались в вырытых ямах и погребах. На дороге показались мотоциклисты. Они остановились у пустой оборонительной траншеи, о чем-то поговорили и поехали дальше.

Солдат, оставленный в засаде, не стрелял. За мотоциклистами показалась походная колонна. Она извивалась змейкой по большаку. Вот она вошла в деревню и, не останавливаясь, стала подниматься в гору. Тут и напоролась на кинжальный пулеметный огонь. Все случилось так неожиданно, что колонна не могла остановиться и рассеяться. Фашисты падали, как скошенная трава. Началась паника, толкучка. Солдаты метались по большаку, не понимая, откуда стреляет пулемет. А тот косил и косил их.

Потом все стихло. На дороге лежало множество трупов вражеских солдат.

Немецким офицерам удалось собрать разбежавшихся солдат и организовать бой. Теперь против одного пулеметчика выступило около двух рот вражеской пехоты. Ураганный огонь обрушился на его позицию, и под прикрытием этого огня фашистам удалось приблизиться на бросок гранаты. Казалось, впереди их уже ничего не могло уцелеть.

Но пулеметчику удалось переползти на другую позицию...

Немцы успокоились и стали собирать погибших. Пулеметчик ждал. И только новая походная колонна поравнялась с курганом, как пулемет ожил. Теперь Иван Королев не таился. Отступать ему было некуда. Он стрелял, меняя диски. Стрелял прицельно и хладнокровно.

Как вспоминают очевидцы, жители села, бой длился до девяти вечера. То есть до полной темноты. Уходил в прошлое день 4 октября 1941 года. Становился принадлежностью будущего подвиг пулеметчика.

В ту ночь немцы не решились идти через село. Так часть Васнева не была оккупирована.

Дня через три-четыре фронт отодвинулся на восток. В селе оставался небольшой гарнизон фашистов. И тогда жители крайнего дома решили похоронить воина. Тайком они пробрались на курган. В кустах стоял изуродованный взрывом гранаты пулемет, недалеко лежало тело бойца. Он был заколот штыком.

Вы уже знаете, как стало известно имя Ивана Матвеевича Королева. Вот что писала о нем «Комсомольская правда» полвека назад. Автором опубликованного в газете письма был полковник запаса А. Шарабан:

«Выполняя план зимнего наступления 1942 года, наша дивизия вышла в западные районы Калининской области и овладела частью города Белого. Артдивизион, в котором я воевал, занимал огневые позиции в пригородном селе Васневе.

По приходе в деревню мы сразу сблизились с колхозниками, часто встречались с ними. И в одной из бесед я услышал рассказ бригадира, который дополнили другие колхозники, рассказ об одном советском солдате.

После рассказа бригадир вручил нам сбереженные им документы: красноармейскую книжку, справку, фотокарточку жены с дочерью, письма от друзей и родных. Только тут мы узнали имя героя - Иван Королев, плотник с Автозавода.

На нас, опытных воинов, не раз хоронивших товарищей по оружию, рассказ о подвиге Королева произвел огромное впечатление. Ведь человек оставался один на один со своей совестью. Если бы рядом был командир, то он мог из-за тактических соображений отдать приказ об отходе. Но такого приказа не было, и Королев решил стоять до конца. Нам казалось, что такое поведение советского человека и является частичкой того массового героизма, который спас Родину от смертельной угрозы. Мы обратились в штаб дивизии с просьбой представить Королева к посмертной награде.

... Нам рассказали, как фашисты хоронили своих раненых и убитых. Рыли могилы жители деревни - шесть ям, и в каждую из них опустили

по 30 фашистов, 11 офицеров были похоронены на берегу речки, ближе к деревне. Таким образом, 191 оккупант нашел свою смерть у села Васнева. Всех их уложил один герой...»

Это письмо и легло в основу нашего поиска, его дополнили воспоминания однополчанина и товарища Ивана Королева подполковника в отставке Николая Степановича Губанкова.

Он разыскал семью Ивана Матвеевича. По старому адресу - в деревне Касанихе Богородского района - она уже не жила. Жена с дочерью переехали в Горький на Автозавод.

Николай Степанович побывал в Васневе. Вот что он рассказал нам. «Молча стояли мы у тонких прутиков березок на могиле Ивана Королева. Каждый думал о своем, и, конечно же, вспоминали солдата. Мне виделся августовский день сорок первого под Вязьмой и слышался тихий голос Ивана: «Лети, лечись, прощай».

- Здравствуй, Иван! Вот и свиделись! - неожиданно громко сказал я, и никто не удивился этому».

Вот и мы стоим у могилы пулеметчика на вершине холма, откуда видится все село Васнево и две пыльные проселочные дороги. На этом холме и был последний рубеж солдата, прикрывавшего своих. Это был и последний рубеж жизни рядового войны Ивана Матвеевича Королева. Он сам себе определил его.

В этом далеком путешествии по военным местам мы уяснили для себя главное: история Родины познается в дорогах, и уроки этих дорог мы никогда не забудем. Мы еще благодарны давно ушедшему из жизни Николаю Степановичу Губанкову, который подсказал нам еще один адрес войны.

Маленькая, но, может быть, очень важная деталь. Когда на могилу своего земляка приезжали комсомольцы с Автозавода, они привезли с собой маленький будильник и поставили стрелки на час гибели пулеметчика Королева. Говорят, что до сих пор этот будильник цел. Прошло четыре с лишним десятка лет...

Участник похода Вячеслав ФЁДОРОВ.

1983 год.

Хроника поиска

Ранней весной, пока еще не подросла трава, начинается сезон у поисковиков, тех, кто ищет останки солдат, оставшиеся на местах былых боев. География поиска обширна. Об ожесточенных сражениях говорят карты наступлений, очевидцы, журналы боевых действий полков и дивизий, а еще интуиция или зов сердца, который подсказывает: здесь! Здесь лежит солдат, сраженный пулей или осколком снаряда. Его не забыли. Его просто не нашли в пылу наступления, или он остался, когда войска отступали.

Работа поисковиков незаметна, она скрыта лесами, к ней надо добираться болотами или пыльными, жаркими степями. Ни весной, ни летом, ни осенью их не спросишь: «Как поиск?» Только зимой передышка, тогда они сами обо всем расскажут. Перелистаем их донесения.

Трагедия над лесом

Отряд «Находка» новгородской поисковой экспедиции «Долина» в конце февраля 2014 года обнаружил место падения советского бомбардировщика ДБ-3А и останки погибших летчиков. По номеру самолета удалось установить, какой авиационной части он принадлежал и имена летчиков. Среди погибших был и наш земляк.

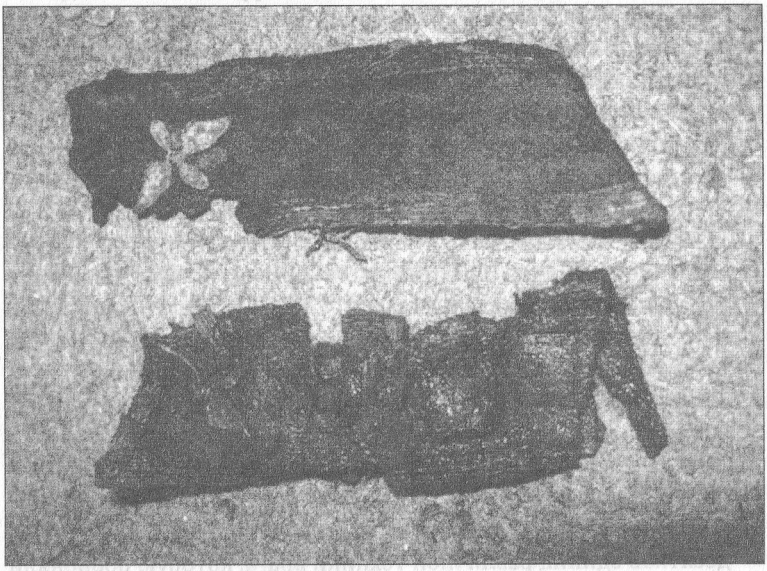
Этот самолет стал первым из тех, которые давно искали. Густые леса долго скрывали тайну. Их не раз прочесывали, но никаких следов упавших самолетов обнаружено не было. Между тем старожилы утверждали, что именно здесь упали сбитые советские бомбардировщики. Известна была даже дата той воздушной трагедии - 15 сентября 1941 года.

В тот день с аэродрома 22-го полка 51-й авиадивизии поднялась девятка боевых машин ДБ-3А. Им было приказано штурмовать колонны мотопехоты немцев, рвущиеся к Ленинградскому шоссе.

Тяжелые машины, поднявшиеся в воздух, должны были прикрывать истребители, но они по какой-то причине не взлетели.

Согласно боевому донесению, летчики наблюдали несколько десятков единиц различной техники врага, которую обороняли

На месте поисков самолета ДБ-3А.
Фрагменты одежды погибших пилотов.



зенитки. А вскоре на бомбардировщики набросились вражеские истребители. Завязался воздушный бой. Бомбардировщики огрызались огнем пулеметов и пушек, но уйти из-под удара истребителей им не удавалось. Один за другим, загораясь, тяжелые машины падали в лес. Четыре ДБ не вернулись на аэродром.

Согласно списку потерь, все не вернувшиеся летчики числились без вести пропавшими.

На поисковых картах эти места покрыты сплошной зеленью лесов и болот. Поиск здесь крайне затруднен, да и курс летевших самолетов местные жители - свидетели той воздушной трагедии - показывали приблизительно. Поисковикам оставалось искать и надеяться на удачу. И она пришла. В феврале в густом массиве началась вырубка леса на одной из отведенных делянок. Вот тогда и раздался звонок в штабе поискового отряда «Находка». Лесозаготовители сообщали, что обнаружили большое количество разбросанного металла, а пламя костра растопило небольшой пригорок, где из-под земли показалась красная звезда, нарисованная на металлической пластине.

Сомнений у поисковиков не было - это один из погибших самолетов. Добравшись до места, они тут же копнули на удачу и наткнулись на двигатель самолета. На металле четко читался номер.

Через несколько дней ребята уже большим составом подняли из земли останки экипажа. По имеющимся архивным данным, удалось установить, кто же погиб в самолете.

В тот день после выполнения боевого задания не вернулись начальник связи авиаэскадрильи старший лейтенант Кузьма Ткаченко, уроженец Курской области, воздушный стрелок-радист старший сержант Михаил Колесников, уроженец Свердловской области, и мастер по вооружению старший сержант Михаил Шаров, уроженец Горьковской области.

Нам удалось разыскать «Именной список безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава частей 51-й авиадивизии с 21 августа по 10 октября 1941 года». После фамилии Шарова Михаила Яковлевича значилось, что он уроженец Горьковской области, Муральского района, Новокотлетского сельсовета, д. Харабрин. С каких документов списывал штабной писарь данные о нашем земляке, непонятно, но в этих данных нет ни одного правдивого географического названия. В Горьковской области

отродясь не было ни Муральского района, ни тем более Новокотлетского сельсовета. Деревню Харабрин мы тоже на карте области не нашли. Интернет нам подсказал, что во всей России деревню с таким названием отыскать невозможно.

И все же нам удалось установить, что родом Михаил Шаров был из Большемурашкинского района, а призывался в армию из Муромского райвоенкомата. Очень возможно, что та часть Большемурашкинского района, где он жил, относилась к Мурому, который до войны входил в состав Горьковской области. Что же касается деревни Харабрин, то это, возможно, искаженное название какого-то другого населенного пункта, или, может быть, такая деревня была, да теперь ее не стало. Есть еще небольшая зацепка для поиска: в донесении о безвозвратных потерях написано имя отца - Яков Семенович.

В областной Книге Памяти Шаров Михаил Яковлевич числится пропавшим без вести. 9 мая экипаж перезахоронили, а родных Михаила Шарова так пока и не нашли.

Как мы уже знаем, 15 сентября 1941 года не вернулись с боевого задания четыре самолета. В состав их экипажей входили наши земляки:

ЗАХАРОВ Дмитрий Семенович, младший лейтенант, воздушный стрелок-радист, 1913 года рождения. Кадровый военный. Место рождения: с. Акулинино Салганского района (Краснооктябрьский район). Жена - Захарова Анна Федоровна.

МИНЯЕВ Григорий Григорьевич, старший сержант, воздушный стрелок-радист, 1915 года рождения. Место рождения: д. Конево Салганского района. Жена - Ольшанская Екатерина Сергеевна.

ХРУШКОВ Александр Семенович, старший сержант, воздушный стрелок-радист, 1917 года рождения. Место рождения: ж/д станция Якшанка, Яранский район Горьковской области. Мать - Хрушкова Евдокия Ивановна.

БОРИСОВ Александр Иванович, сержант, воздушный стрелок, 1917 года рождения. Место рождения: с. Старинское Пильнинского района. Отец - Волков Иван Сергеевич.

КИСЛИЦИН Степан Федорович, старший сержант, воздушный стрелок-радист, 1918 года рождения. Место рождения: д. Письменер Тоншаевского района. Брат - Кислицин Сергей Федорович.

КОНДРАШИН Алексей Васильевич, сержант, мастер авиавооружения, 1915 года рождения. Место рождения: город Дзержинск. Мать - Кондрашина Пелагея Федоровна.

СУХОТИН Иван Иванович, сержант, воздушный стрелок, 1917 года рождения. Место рождения: д. Ульяново Лукояновского района.

Пропавший Пе-2

Это сообщение поступило в апреле 2014 года:

«В районе эстонского поселка Силламяэ поисковики нарвского клуба «Камерад» подняли из болота советский самолет Пе-2. По номеру двигателя удалось установить, что самолет входил в состав 34-го Гвардейского бомбардировочного авиационного полка. Пе-2 не вернулся с боевого задания 26 марта 1944 года. Экипаж в составе трех человек до сих пор числится без вести пропавшим».

Новость о найденном самолете обошла множество интернет-порталов, и в первую очередь эстонских. Дошла она и до нас.

Клуб «Камерад» занялся поиском самолета зимой в первую очередь из-за особенности участка - тяжелая техника может пройти там только в морозы. Дополнительно с помощью мотопомпы залили отдельные участки водой, чтобы они промерзли на большую глубину.

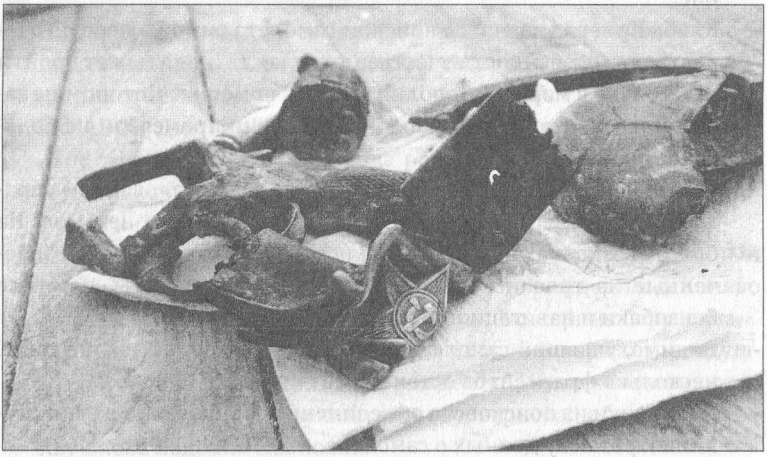
Пробиравшиеся на раскоп журналисты с разочарованием спрашивали: «А где самолет?» Самолета как такового не было. На болотных кочках лежали груды искореженного металла, извлеченные из трясины двигатель, навесные пулеметы, помятые бензобаки и навигационные приборы.

Видимо, упавший самолет взорвался. Поисковики нашли лишь несколько фрагментов останков летчиков.

Аналитики из поискового объединения «Тризна» тут же приступили к розыску данных о самолете.

Было установлено, что 26 марта 1944 года экипажи пикирующих бомбардировщиков Пе-2 получили боевое задание штурмовать позиции противника. Согласно документам, найденный самолет был левым ведомым в группе, которая совершала вылет. В 18.26 группа была атакована немецкими истребителями Фокке-Вульф. Даже стало известно, что найденный в болоте Пе-2 был атакован немецким летчиком Рудольфом Рademахером.

В болоте удалось найти фрагменты самолета.



Пряжка офицерского ремня, покоробленная взрывом.

Не составило большого труда установить фамилии членов экипажа.

Штурманом в экипаже был уроженец Ивановской области гвардии младший лейтенант **Константин Александрович Рогов**. Стрелком-радистом - уроженец Калининской области гвардии младший лейтенант **Афанасий Александрович Фадеев**. Ко-

мандиром экипажа был наш земляк, гвардии младший лейтенант **Павел Федорович Кузнецов**.

Он являлся кадровым военным, закончил летную школу. Прибыл на службу в полк в январе - феврале 1944 года. До армии жил в Горьковской области, в Чкаловском районе, на станции Сейма, на улице Горького, 4.

Поисковики из клуба «Камерад» установили на месте гибели самолета памятный камень с именами членов экипажа. Власти Эстонии пошли навстречу, и договоренность была достигнута. Родственники Павла Федоровича Кузнецова до сих пор не нашлись.

Имена летчиков установлены

Март 2015 года. В Калужской области у села Космачи поисковым отрядом «Военный историк» найдены фрагменты фюзеляжа самолета Пе-2.

Поиски самолета, а вернее самолетов, здесь велись давно. Местные жители, видевшие их падение, рассказывали, что из одного горящего самолета выпрыгнули два члена экипажа с парашютами. Один был ранен, и ему оказали помощь, а второму помогли добраться до своей части.

Другой горящий самолет никто не покинул. По некоторым свидетельствам, этот бомбардировщик врезался в колонну немецкой военной техники.

Падение самолетов произошло 10 октября 1941 года за два дня до оккупации Калуги.

Младший лейтенант Виктор Денисов.

Младший лейтенант Иосиф Кравцов.

Бортовой стрелок Николай Гришин.

Памятник экипажу у деревни Космачи Калужской области.

На одном из найденных фрагментов боевой машины удалось разобрать ее серийный номер.

Сразу же был послан запрос в Министерство обороны, и оперативно получен ответ. Самолет с таким серийным номером принадлежал 46-му авиационному полку. В тот день на нем совершал вылет экипаж младшего лейтенанта Виктора Михайловича Денисова, в который входили младший лейтенант Иосиф Петрович Кравцов и старшина Николай Степанович Гришин.

На редкость быстро были найдены родственники погибших летчиков. Из Нижнего Новгорода откликнулась племянница командира экипажа Римма Григорьевна Денисова. Дочь Кравцова проживает в Красноярском крае, а внук в Испании. С ним произошла интересная история. Он давно разыскивал следы своего деда, регулярно смотрел в Интернете сообщения поисковых отрядов, искал архивные документы авиаполка, в котором воевал дед, но все было тщетно. А тут в очередной раз решил посмотреть, не появились ли новые документы, и ввел в поисковую систему имя деда. Каково было его удивление, когда он узнал, что дед найден. Не удалось пока найти родственников бортового стрелка старшины Гришина.

Все родственники были приглашены на открытие памятного знака на месте гибели экипажа Пе-2.

Владимир ПЕТРОВ.

г. Калуга.

Имя из медальона

Из далекого Новосибирска пришло известие от поискового отряда «Поиск МГиВ»:

При раскопках в Ленинградской области был найден солдатский медальон младшего сержанта ***БЛИНОВА Александра Павловича****, командира отделения 198-й стрелковой дивизии, погибшего в 1942 году.*

Что же известно о погибшем солдате?

Медальон павшего воина был найден в районе станций Жарок и Погостье Киришского района Ленинградской области в 2007 году, хотя сам солдат похоронен далеко от этого места. Возможно, медальон был утерян.

В списке безвозвратных потерь частей 198-й стрелковой дивизии с января по май 1942 года числится 325 человек.

Блинов Александр Павлович родился в 1918 году в селе Васильки Бутурлинского района. На фронт был призван Бутурлинским РВК. Из родных в документе указана мать - Блинова Ольга Карповна.

В Бутурлине к поиску подключился постоянный помощник нашей газеты в разыскных делах Михаил Васильевич Удалов. Он связался с новосибирским поисковиком Вячеславом Викторовичем Правосудовым и уточнил некоторые подробности. Кроме медальона, были найдены ложка с нацарапанным именем владельца и пробка от немецкой фляжки.

Что же удалось узнать на родине солдата? От села Васильки на сегодня остались лишь малые крохи. Блиновых там давно нет. Александр Павлович был старшим из детей. У него было две сестры, Анна и Екатерина, и два брата - Андрей и Иван. Все они уехали в город Дзержинск, и где там проживали, неизвестно. В родных местах они давно не появлялись. Возможно, у них есть и фотография солдата.

Поисковиками отряда «Поиск МГиВ» осенью 2004 года были подняты останки бойца, уроженца Горьковской области **МИЛКОВА Ивана Васильевича**. Его имя поисковики прочитали на записке, вложенной в солдатский медальон. Удалось разобрать и адрес его последнего места жительства: г. Горький, ул. Совнаркомовская, д. 11, кв. 93.

И только сейчас стали известны его точные биографические данные.

Поисковики отряда «Поиск-МГиВ» из Новосибирска. На первом плане слева Вячеслав Правосудов и Алексей Канунников (справа), нашедший медальон А. П. Блинова.

МИЛКОВ Иван Васильевич родился в 1912 году в деревне Шаташкен Тонкинского района. На фронт был призван 7 июля 1941 года Канавинским РВК города Горького. Пропал без вести в апреле 1942 года.

В мае 2010 года тот же поисковый отряд нашел останки воина **ШКУРИНА Василия Васильевича**. В солдатском медальоне значилось, что он уроженец деревни Всесвятское Сергачского района.

Обелиск в с. Васильки Бутурлинского района. На нем есть имя погибшего младшего сержанта А. П. Блинова.

Все, что узнали

Уважаемая редакция!

В разделе газеты «Возвращенные имена» вы часто пишете о тех, кто во время Великой Отечественной войны пропал без вести. Хочу обратиться к вам тоже с просьбой о поиске. Мой дед ***Никишин Михаил Макарович*** *не пропал без вести. Мы знаем, что он умер от ран в госпитале в июле 1943 года. По словам моей бабушки Анастасии Семеновны Никишиной, дед был захоронен в*

Смоленской области. Но вот где, мы не знаем. Можно ли разыскать его могилу?

До войны семья проживала в селе Абаимове Салганского района (ныне Сергачский район) Горьковской области. На войну деда призвали из поселка Бутурлино, где он работал кузнецом.

И еще хочется найти хоть какие-нибудь сведения о родном брате моей бабушки ***Валентине Семеновиче Клюкине****. Он был 1924 года рождения. С фронта не прислал ни одной весточки. Семье сообщили, что пропал без вести.*

Очень буду ждать от вас известий.

С уважением, Светлана Валентиновна Шаганова.

Светлана Валентиновна!

Нам удалось разыскать место захоронения вашего деда. В списке умерших в госпитале, номер которого не обозначен, отмечено, что Никишин Михаил Макарович умер 27 июля 1943 года в 10 часов утра. В госпиталь он был доставлен через два дня после ранения правого бедра осколком мины. Смерть наступила от газовой гангрены. Захоронен в селе Хосцы Козельского района Смоленской области. Но сегодня это село отнесено к Калужской области. Находится оно в 11 километрах от Козельска.

А вот о Валентине Семеновиче Клюкине ничего узнать не удалось. Судя по году рождения, на фронт он попал не раньше 1943 года. Если бы он был зачислен в какую-то воинскую часть, то сведения о нем могли быть. Вполне вероятно, что он погиб еще по дороге на фронт, скажем, во время бомбежки эшелона.

Если у вас сохранилось извещение о нем, желательно бы нам получить его копию. Возможно, там содержатся какие-нибудь дополнительные сведения.

«Фотографию на память выпрошу...»

Автор этого снимка - нижегородский фотограф Нисон Михайлович Капелюш. Сделал он его случайно. Увидел на набережной солдата, вернувшегося с войны, - как пройдешь мимо.

Снимок этот тиражировался во многих изданиях, публиковался в газетах, но был всегда безымянным. Кто изображен на снимке? Как сложилась судьба солдата?

По просьбе Нисона Михайловича Капелюша мы решили разыскать его. Снимок был опубликован в одной из областных газет. И вскоре пришло письмо:

«Солдат на снимке - мой отец Виктор Александрович Муленков. В 1941 году он был призван в мирную армию. Война застала его во Львове. Там он получил первое боевое крещение. Прошел всю войну. Участвовал в боях под Сталинградом, на Курской дуге, освобождал Харьков, Умань, Будапешт. Дошел до Вены. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны, медалями и ценным подарком - мотоциклом.

В настоящее время живет в городе Павлове. Работал механиком, сейчас на пенсии, но работать продолжает.

Сын солдата Виктор МУЛЕНКОВ.

*** Что мог сказать сержант Виктор Александрович Муленков, глядя на Оку: «Вернулся я на Родину...»**

- Виктор Александрович, вы помните, как был сделан этот снимок?

- Отлично помню. 1946 год. Лето. Я прямым ходом из Австрии, где закончил войну, еду домой. Сошел с поезда на Московском вокзале и не утерпел, поспешил к Оке. Давно ведь ее не видел, соскучился. Тут фотограф меня и засек. Снимай, думаю, не жалко, хоть фотографию на память выпрошу. А позже снимок в «Горьковской коммуне» появился. Подпись под ним: «Фронтовик, слесарь Горьковского автозавода В. А. Муленков демобилизовался из армии». Все верно.

- И сколько же вам выдалось воевать?

- Тут счет простой. Под Львовом первый раз огнем крестили. А это июль сорок первого года. Весной сорок пятого был в Австрии. Вся война - от звонка до звонка.

- Где пришлось воевать?

- Наш полк противовоздушной обороны прикрывал 18-й танковый корпус. А он шел через Воронеж, Сталинград, Донбасс, Курскую дугу, Белгород, Харьков, Кировоград, Знаменку, участвовал в Корсунь-Шевченковской операции, освобождал Умань, Кишинев, Бухарест, Будапешт, Вену. За это время корпус стал Гвардейским, Знаменско-Будапештским, Краснознаменным, орденов Суворова и Кутузова.

- Выходит, неплохо вы ее прикрывали, если она такой путь совершила?

- Выходит, так. Правда, было у меня маленькое отступление. После ранения и госпиталя меня к пехоте приписали. Тогда все наступали, и свою часть найти было просто невозможно. Обидно, конечно, но приказ...

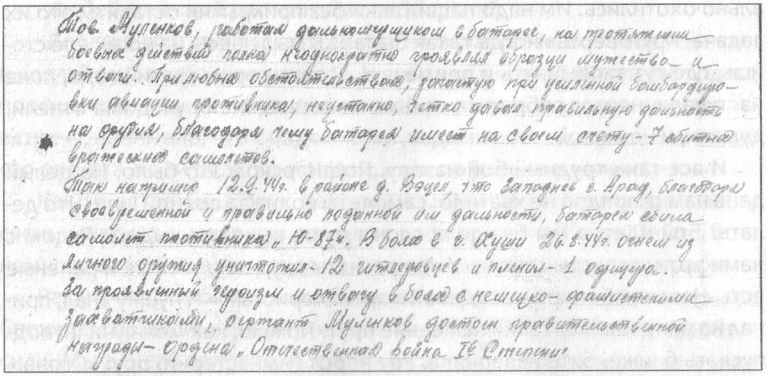
У меня на душе скребет - орден меня в части ждал. Не терпелось получить, все-таки награда. Иду с пехотой по дорогам, а сам по сторонам зыркаю, не появится ли условный знак наших танкистов. И ведь узрел. Стрелка от него прямо на передовую указывала. Как в песне поется: «Значит, нам туда дорога». Я к командирам сбегал, и они меня у пехоты отняли. Встреча хорошей была. Меня в части и не искали, думали, убит... Когда меня ранило, я волчком по полю катался. Болевой шок... Ребята хотели подбежать, так от пушки не уйдешь. Санитары меня подобрали, а моя часть дальше пошла...

- Орден получили?..

- Да. Отечественной войны I степени.

- На фотографии у вас еще орден Красной Звезды...

- Его мне вручали под Москвой.



Тов. Муленков, работая дальномерщиком в батарее, на протяжении боевых действий полка неоднократно проявлял образцы мужества и отваги. При любых обстоятельствах, зачастую при усиленной бомбардировки авиации противника, неустанно, четко давал правильную дальность на орудия, благодаря чему батарея имеет на своем счету - 7 сбитых вражеских самолетов.
Так например 12.9.44г. в районе д. Вэцел, что западнее г. Арад, благодаря своевременной и правильно поданной им дальности, батарея сбила самолет противника „Ю-87". В бою в г. Хуши 26.8.44г. огнем из личного оружия уничтожил - 12 гитлеровцев и пленил - 1 офицера.
За проявленный героизм и отвагу в бою с немецко-фашистскими захватчиками, сержант Муленков достоен правительственной награды - ордена „Отечественная война I-й степени"

Нам удалось разыскать наградной лист Виктора Александровича Муленкова, где его представляли к награждению орденом Отечественной войны I степени. По всему видно, не робкого десятка был солдат.

- Значит, вам пришлось из-под Львова отступать до Москвы?

- Ошибаетесь, отходить. Когда отступаешь, то лицом от врага, он только твою спину видит. Отходишь же лицом к врагу. Отходя, воевать учишься. А отступая, бежишь, ничего не видишь. А к Москве мы уже с наукой пришли. К тому же пяток фашистских самолетов успели сбить.

Враг нас в первые дни войны числом брал и техникой. А от Москвы мы уже его поперли. И не только числом, а все больше уменьем.

- А когда вы совсем поняли, что воевать научились?

- Пожалуй, под Сталинградом. Там уж я пулям не кланялся и страх из себя прогнал. У орудия под бомбами стоишь спокойно. Конечно, и раньше был спокоен. Начинал дальномерщиком, а там и под огнем надо координаты целей засекать. Потом командиром орудия стал, тут уж на тебя бойцы смотрят, но в душе ледяной холодок - вдруг убьют. Теперь его не было. К смертям привыкли. Бывало, в деревне кто помрет, так горя на месяц. А тут... погорюешь немного, схоронишь боевого товарища и дальше. Уговор у нас был: в бою орудийные расчеты друг за другом поглядывали. Если что - спеши на помощь. Это был закон. Ну а если суждено погибнуть, то письмо душевное домой отпишите...

- У каждого солдата есть, наверное, самый памятный бой. Где он случился у вас, Виктор Александрович?

- Где случился?.. Точное место разве назовешь. Мы иногда по восемь раз за день позицию меняли. Вражеские самолеты за нами специ-

ально охотились. Им надо наши танки без прикрытия оставить, это их задача. Круговерть иногда такая была… В мыле весь, на ногах еле стоишь, где тут запоминать и примечать. Я весь сорок третий года, пока наступали, не мог собраться письмо написать. Меня уж дома отпели, думали, и не живой.

И все-таки трудный бой назову. Под Курском это было. На целый день нам снарядов не хватило: самолеты волна за волной шли. Что делать? Бой идет, а мы без дела сложа руки, выходит, сидим. Рядом с нами артиллеристы стояли. У них расчеты скудеют, убитые и раненые есть. Наш комбат кричит: «Давай к артиллеристам!» Я пушку знал, принял командование. Танки немецкие прут. Помню, как меня учили: подпускать ближе, бить наверняка. Рву ворот гимнастерки, ору: «Огонь!» Не прошли танки. А к вечеру нам снаряды подвезли, и рано утром все сначала.

- Вот вы, Виктор Александрович, упомянули, что можете вспомнить, какой у каждого батарейца характер был. А что, характер - это важно для зенитчика?

- Для зенитчика характер очень важен. Я сам был резок, вспыльчив, подвижен, суетлив. Хорошо, что у меня в батарее был боец, повидавший войну. Дядей Колей мы его звали. Он все трубочку курил, а мы его табачком снабжали. Он шутил, что и в мирной жизни тот табачок не выкурит. Задарили мы его, и было за что.

В батарее он был заряжающим. Должность не ахти, но ему другой и не надо было. До войны он успел в Финской кампании повоевать. Ему далеко за сорок было, когда он у нас появился. Его из госпиталя к нам направили. Он в пехоте воевал, а после ранения какой он ходок, тяжеловато ногами военные версты уже было мерить. Как мы потом узнали, его совсем могли домой отправить, а он на фронте остался. Нет, сказал, у него дома и семьи - немец извел.

Он меня, хоть я и командиром был, осаживал. Помню, говорит: «Не спеши голову потерять, умей укрываться, когда надо, но умей и при бомбежке стоять, если того обстановка требует, не дрогни». Я слушался его. Он же свое дело делал, как гвозди заколачивал, норовисто. И все у него в порядке было и на месте. На него посмотреть только и то наука. Опыт - великое дело, это я, глядя на него, понял. Он говорил, что, если в бою о себе подумать, - дрогнешь. Я искренне верил, что гибнуть всем орудийным расчетом как-то веселее. Все, так все. Так и ребят своих настраивал. Зенитчик ведет бой в открытую, его ни броня, ни земля не прикрывает.

- Людей вы в свой расчет сами подбирали?

- Вообще-то в армии этого делать не полагалось. Вот тебе новички, и «делай» из них бойцов расчета. И все-таки я приглядывался к людям, просил, если можно, перевести в свой расчет. Командование шло навстречу, понимало, что с надежными людьми воевать лучше. Но из моего расчета люди редко выбывали, если по ранению только.

Как-то встретил я двух пехотинцев. Они из госпиталя шли, часть свою искали, а у меня как раз двое по ранению выбыли. Пехоту-то я немного знал. Эти все повидали. Уговорил комбата взять их в расчет.

Раз утром бомбежка вышла, самолеты вражеские прорвались. На бреющем прошли, вынырнули из-за леса и тут же бомбы наугад сбросили. Мы в щель попрыгали, смотрим, а пехотинцев новеньких среди нас нет. Они на посту у орудий стояли. Думали, все... К орудию бросились, а они стоят себе. Полы шинелей пробило мелкими осколками, землей их запорошило, а они лишь каски поглубже нахлобучили и стоят. Вот пехота, вот выучка, вот люди.

- Виктор Александрович, о чем мечталось на войне?

- У солдата две мечты было. Остаться живым, если повезет, и участвовать в параде Победы. Знали, что такой парад обязательно будет. Не мог он не быть. Как же...

- Первая ваша мечта сбылась - остались живы...

- Сбылась и вторая мечта.

- Вы участвовали в Параде Победы?

- Пришлось. Война месяц как кончилась. Мы расквартировались и жили себе размеренной солдатской жизнью. Сижу как-то в каптерке, бумаги какие-то заполняю, приходит комбат и говорит: «Сержант, вы завтра отправляетесь в Москву на парад. Батарею сдать. Помойтесь, побрейтесь, получите новое обмундирование. Ну и награды, соответственно, надо начистить».

В Москве нас взяли в оборот - строевая с утра до вечера. Были и такие, что не выдерживали шагистики: мы, мол, воевали не затем, чтобы сейчас топать. Отчисляли их. Кто-то одумывался, возвращался, чуть не со слезами умолял простить. Бывало, прощали...

День парада забыть невозможно. Наш 2-й Украинский фронт стоял как раз напротив Мавзолея Ленина. Я всех разглядел, даже рябинки на лице Сталина заметил.

Стою, и тут что-то случилось: дыхание перехватило, чуть не заревел. Стыдно стало. Украдкой глянул по сторонам... Э, да я не один плачу!.. У многих на груди Звезды Героев, но и они слез сдержать не

могут. Наверное, все сейчас ребят вспомнили, что остались лежать под обелисками. Да ведь у многих на этой земле никого и не осталось. Слезы бы смахнуть, а как рукой двинешь. Но тут дождь начался. Он нас и выручил...

Дальше все пошло своим чередом. Идем чеканным шагом мимо Мавзолея, сто человек, один шаг. Хлестко шли. Войну такую свернули, а тут прошагать - мудрость хоть и большая, но по силам.

Сколько лет после войны прошло, а никак не верится, что все пережитое с нами было. Но ведь было, не приснилось же. Ни один фронтовик не пожелает, чтобы это повторилось.

Беседовал Константин СОЛОМИН.

г. Павлово.

Цена ошибки

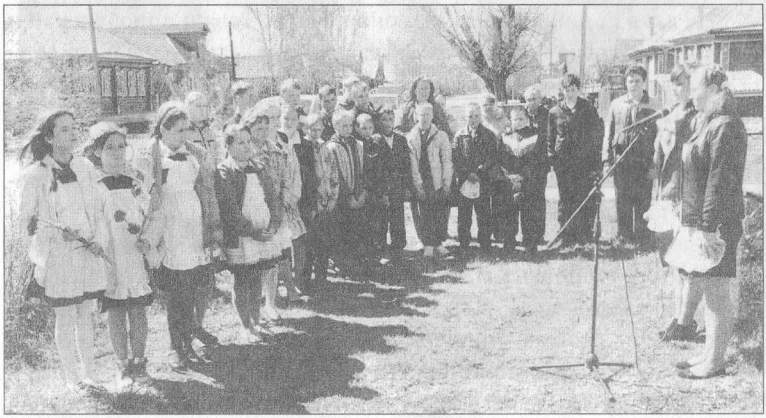
Звонок в редакцию из села Водоватова Арзамасского района. Звонила Валентина Геннадьевна Вавилова:

- Не поможете ли нам? На нашем доме ко Дню Победы будет прикреплена памятная табличка с именами наших погибших дедов, а мы, к сожалению, не знаем, где один из них похоронен. К Якову Федоровичу Вавилову мы ездили на могилу в Эстонию. Приняли нас там очень хорошо. Воинское кладбище ухожено. Городок маленький, а покоится там 14000 наших солдат. В том числе и наш дед.

Но вот где похоронен его брат Иннокентий Федорович Вавилов, нам до сих пор неизвестно. Сколько лет ищем. Была похоронка, знаем, что убит, но когда и где? Вы разыскиваете солдат, может, и нам поможете.

А дальше произошло необъяснимое чудо. Минут через двадцать об Иннокентии Федоровиче все было известно. Чуткий на ошибки поисковик интернетовских архивов выдает нам данные на... Никентия Федоровича Вавилова. Обычно ошибка в имени делает поиск невозможным, а тут...

Никентий Федорович Вавилов, старшина, умер в госпитале18 октября 1944 года. Осколочное ранение позвоночника. Сепсис.



Торжественное открытие мемориального знака на доме Вавиловых.

Врачи боролись за его жизнь больше месяца. Выходить солдата не удалось. Старшину похоронили на воинском кладбище города Остров, который раньше числился за Ленинградской областью.
Теперь уже звонок в Водоватово из редакции: Валентина Геннадьевна чуть сдерживает слезы:
- Вы знаете, мы в шоке. Думали, что уже никогда ничего об Иннокентии Федоровиче не узнаем. Как вам это удалось?..
А вот знать бы...

Иннокентий... Никентий... Ошибка госпитального горе-писарчука обернулась семидесятилетним забвением. Да мало того, он и село Водоватово Водовиным обозвал. Теперь полный порядок, и дружная семья Вавиловых собирается этим же годом навестить могилку Иннокентия. В беспамятстве Вавиловы никогда не жили. Вон и в Эстонию ездили, визу пробивали.

Из пятерых детей Якова Федоровича Вавилова осталась одна Валентина Яковлевна. С ней и разговор. Да только своего отца она не видела. Родилась в сорок первом...

Отец, уходя на фронт, сестре сказал, чтобы замуж не торопилась, а помогала его детей растить. Та точно по наказу и жила. Спасибо ей.

Об отце из писем известно, что был трижды ранен. Писал, что раны «заживают как на собаке» - быстро. Письма его давно затерялись, а то бы и еще что-нибудь из них вызнали.

Был Яков Федорович Вавилов в последнее время бойцом 80-й стрелковой дивизии. Носила она почетное звание Любанской и была награждена орденом Кутузова. Когда она получала почетное звание, Яков Вавилов воевал в ней точно. В январе 1944 года с боями была взята эта Любань. В феврале дивизия форсировала Нарву и «вклинилась во вражеские боевые порядки». Так отмечено в ее боевом пути. Бои, видать, были упорные. Тут-то и погиб Яков Федорович Вавилов. 22 февраля это случилось.

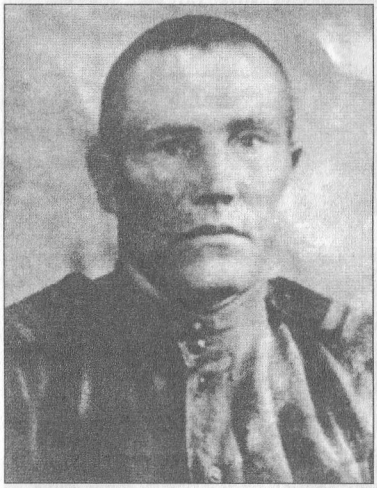
Иннокентий узнал о гибели брата дома, когда забежал на побывку. Не оговорились мы, именно забежал. Эшелон, который перебрасывал его часть, остановился в Арзамасе. До дома-то рукой подать, но сколько он простоит на запасных путях, куда его направили, неизвестно. Иннокентий прямым ходом направился к машинисту. Тот на него с круглыми глазами, мол, это же военная тайна, но ему он скажет:

Теперь на доме Вавиловых будет висеть памятная табличка с именами двух погибших братьев - Якова Федоровича Вавилова и Иннокентия Федоровича Вавилова.

В этом доме жили, ушли на Великую Отечественную Войну и пали смертью Героев:

Вавилов Иннокентий Фёдорович (1909 - 1944 г.г.)

Вавилов Яков Фёдорович (1907 - 1944 г.г.)



Яков Вавилов.

Иннокентий Вавилов.

- Поспеешь, солдат, махнуть до дома, только, прошу тебя, за стол не садись.

Бегом бежал Иннокентий к дому. Добежал. Пока переводил дыхание, всех пообнимал и проговорил:

- Мне назад надо. Тороплюсь.

В солдатский «сидор» ему харч покидали, что в доме нашелся. А в ответ на горькую весть о брате Иннокентий сказал:

- Пусть эти гады знают, что я еду мстить за Яньку!

Дочь погибшего фронтовика Валентина Яковлевна.

Так он Якова называл. Повернулся - и бегом на станцию.

Мстил, видать, Иннокентий за брата жестоко. В наградном листе, когда представили его к награждению орденом Красной Звезды, командир написал, что «в трудных условиях преследования противника проявлял образцы мужества и отваги». А как старшина «своей находчивостью и инициативой обеспечивал личный состав роты продовольствием и боеприпасами».

Из того же наградного листа стало известно, что воевал он на Волховском, Ленинградском и 3-м Прибалтийском фронтах, был ранен. Правда, есть в его военной биографии неувязочка. Призван на фронт он был в 1941 году, а воевать начал в 1943-м. И еще одна неувязочка - на фотографии он в форме моряка, а воевал сапером. Но с этой неувязкой мы разобрались: это не фронтовая фотография, а армейская. Срочную службу Иннокентий отслужил на Черноморском флоте. А вот куда исчезли два его военных года, сказать трудно, но предположить можно. Когда его мобилизовали, то отправили не на фронт, а подальше от него, на Дальний Восток. Там тоже опасность войны была. Вот и провел он два года в ожидании, но войны не случилось, и опасность рассеялась. Тогда их и перебросили на западное направление.

Шли два брата войной почти след в след. Рядом воевали. Одну землю освобождали, только могилы их теперь по разные стороны границы.

В семье Вавиловых есть семейная легенда. Дед Федор, отец погибших на войне братьев, искал в свое время земное счастье. Даже в Сибирь за ним отъезжал. Думал, что счастье случится, когда золотишка намоет. Ждали его дома с этим счастьем, а когда приехал, его о намытом золоте никто и спрашивать не стал. Да он и сам ничего не рассказывал. Завел пасеку да все дни там и пропадал. Семья не стала жить богато. Правда, по селу слух

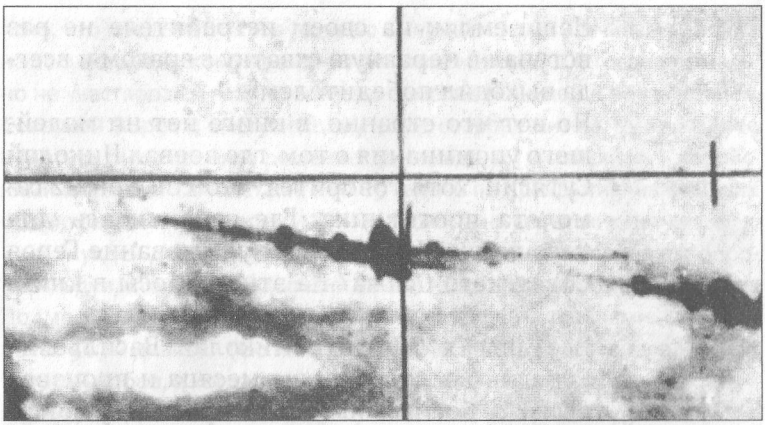
пошел, что Федор свое богатство до времени где-то закопал. Взять бы лопату да поискать, только никто из Вавиловых за это не брался. Пусть, если и есть этот клад, в земле лежит. Поняли они, что совсем в другом счастье-то кроется. В доме Вавиловых никогда никто ни с кем не ругивался - разве это не счастье? У всех вавиловских мужиков руки золотые, а женская половина дом так обихаживает - загляденье. И это ведь счастьем можно назвать. Ну не счастье ли память о предках крепко хранить?

В сельских поселениях Арзамасского района укрепилась традиция: на тех домах, где не дождались с фронта солдат, крепят в память о них мемориальные таблички с фамилиями погибших. Две-три таблички в год появляются на сельских улицах. Совет сельских ветеранов решает, на каком доме в следующий год появится такая военная отметина. В этом году выбрали семью Вавиловых. Верны они памяти своих погибших дедов. И табличка на доме кстати: здесь их деды Яков и Иннокентий жили, отсюда и на войну ушли. Этот дом и в боях защищали. И во сне он им виделся. И счастье он им семейное принес. И мечтали они вернуться сюда. Но не пришлось...

Постоим в минуту молчания на наших сельских улицах. Помолчим. Вспомним. Помянем...

Вячеслав ФЁДОРОВ.

Фото Анатолия ЧЕПЕЛЫ.



Бой после Победы

Герой Советского Союза летчик Николай Васильевич Сутягин долгое время оставался «неизвестным» героем, хотя в книге «Герои Советского Союза - горьковчане» была опубликована его биография:

«Генерал-майор. Родился в 1923 году в селе Смагине Бутурлинского района. Здесь окончил семилетку. Работал в колхозе, затем переехал в Горький, где в 1939 году без отрыва от учебы в средней школе окончил аэроклуб.

С 1941 по 1942 год учился в Черниговской военной школе пилотов. И в средней школе, и в авиаучилище Николай увлекался спортом, не раз выходил победителем в соревнованиях. Спортивная закалка очень пригодилась ему на фронте.

*** В прицеле советского МиГа американский бомбардировщик Б-29 «Суперкрепость». Еще несколько секунд - и он будет сбит.**

Наш земляк на своем истребителе не раз вступал в неравную схватку с врагом и всегда выходил победителем».

Но вот что странно, в книге нет ни малейшего упоминания о том, где воевал Николай Сутягин, хотя говорится, что сбил он 22 самолета противника. Где закончилась для него война? Когда он получил звание Героя Советского Союза? На эти вопросы в книге нет ответа и в то время не могло быть.

Все дело в том, что Николай Васильевич Сутягин воевал меньше месяца и произвел всего 13 боевых вылетов на разведку войск. Всю войну он прослужил на Дальнем Востоке и здесь застал лишь ее окончание. Тогда как же он заслужил столь высокое звание? Война для него началась через три года после окончания Великой Отечественной войны. В бои он вступил уже после Победы...

1

Тот мартовский день 1951 года летчики 303-й истребительной авиационной дивизии помнят хорошо - по эскадрильям разнеслась весть: в штаб соединения поступил необычный приказ. Он требовал срочно разобрать самолеты, уложить их по частям в ящики. На Дальнем Востоке, в Приморье, еще вовсю пуржило, морозец был эдак градусов под тридцать, и работы с металлом комфорта не сулили. Но приказ есть приказ, и летчики, технари приступили к разборке самолетов. Слухи ходили разные. Одни говорили, что предстоит передислокация дивизии. Вторые, оппонируя, считали, что авиаторы перемещались до сих пор по воздуху, а не по суше, потому собранные МиГи, дескать, продадут.

Через месяц летчикам 17-го истребительного авиационного полка, среди которых был и старший лейтенант Николай Сутягин, объявили тревогу. До собравшихся в штабе довели: через день убываем в командировку в Китай. На сборы всего ничего. Кинул Николай в чемодан кое-какое тряпье, обнял свою Раису, работавшую техником-вооружейником в его звене, четырехлетнюю Галинку - и на железнодорожный вокзал. Советских летчиков встретил аэродром Мукден. Там новый приказ: собирать самолеты, облетывать их. В Мукдене всем стало

ясно, что предстоят бои в Корее с американскими летчиками - война на полуострове к тому времени полыхала вовсю. СССР тогда формально не участвовал в ней, но активно помогал техникой и вооружением Северной Корее и выступившему на ее стороне Китаю. Чуть позднее в Москве было принято решение: до овладения китайскими и корейскими пилотами самолетами МиГ-15 задачи по прикрытию важнейших объектов Северной Кореи и КНР возложить на советских летчиков.

В Мукден доходили новости из приграничного с Кореей аэродрома Аньдун, что летчики дивизии Ивана Кожедуба, прибывшей туда из Подмосковья чуть раньше, уже сражаются с американцами. Вскоре и полки 303-й дивизии (ею на первых порах командовал генерал-майор Георгий Лобов, а когда тот возглавил созданный в Китае авиационный корпус, - полковник Александр Куманичкин) убыли в Аньдун.

В боевые схватки Николай Сутягин вступил без раскачки. 14 июня 1951-го первый боевой вылет, а 19 июня он открывает счет воздушным победам в «реактивной» войне. Причем его добычей становится широко разрекламированный американцами новейший истребитель F-86 «Сейбр», которых на первых порах наши пилоты побаивались.

По основным летно-тактическим данным советский истребитель МиГ-15 и американский F-86 «Сейбр» были равны, но каждый имел свои сильные и слабые стороны. МиГ превосходил «Сейбр» в скороподъемности и удельной тяговооруженности. F-86 быстрее набирал скорость на пикировании, был более маневренен, обладал большей дальностью полета. Однако он проигрывал в вооружении. 6 крупнокалиберных «сейбровских» пулеметов «Кольт Браунинг», несмотря на большую скорострельность (1200 выстрелов в минуту), уступали трем пушкам МиГа: двум калибра 23-мм и одной - 37-мм. Их снаряды пробивали любую броню.

Лучший летчик войны в Корее майор Николай Сутягин в форме китайского добровольца. 1952 год.

Вот эти самолеты и сошлись 19 июня в жесткой схватке. У автора

Советский МиГ-15 составлял основу истребительной авиации Кореи в корейской войне.

публикации есть возможность рассказать о ней словами самого Николая Сутягина - сохранилась стенограмма летно-тактической конференции соединения, прошедшей 25-26 июля 1951 года. На ней он выступал как самый результативный летчик дивизии - к тому времени он сбил уже четыре «Сейбра».

«Задание выполняли десяткой, - говорил перед собравшимися Николай. - Ударное звено - майора Пулова, звено прикрытия - капитана Артемченко справа выше и пара Перепелкина - сзади выше. Я шел в звене прикрытия с ведомым старшим лейтенантом Шулевым. В момент левого разворота в районе Сенсен я отстал от пары капитана Артемченко на дистанцию 400-500 м. Развернувшись на 50-60 градусов влево, я заметил: внизу слева, из-под ведущего звена, заходит нам в хвост пара F-86. Я подал команду: «Атакую, прикройте» и левым боевым разворотом, в момент которого выпустил тормоза и убрал газ, с последующим полупереворотом пошел за парой F-86. На второй петле мы уже были в хвосте у F-86-х, и в верхнем положении я дал две короткие очереди по ведомому. Очереди прошли одна с недолетом, другая с перелетом. Я решил подойти ближе. После выхода из пикирования пара F-86 сделала отворот вправо, а затем - влево с набором

высоты. За счет этого отворота уменьшилась дистанция до 200-300 метров. Заметив это, противник сделал переворот. Выпустив тормоза, мы пошли за F-86 под углом 70-75 градусов в сторону моря. Сблизившись до дистанции 150-200 метров, я открыл огонь по ведомому... F-86 был сбит».

Так Николай Сутягин положил начало рекордам, которые предстоит еще «утвердить» и «затвердить» нам, его соотечественникам.

2

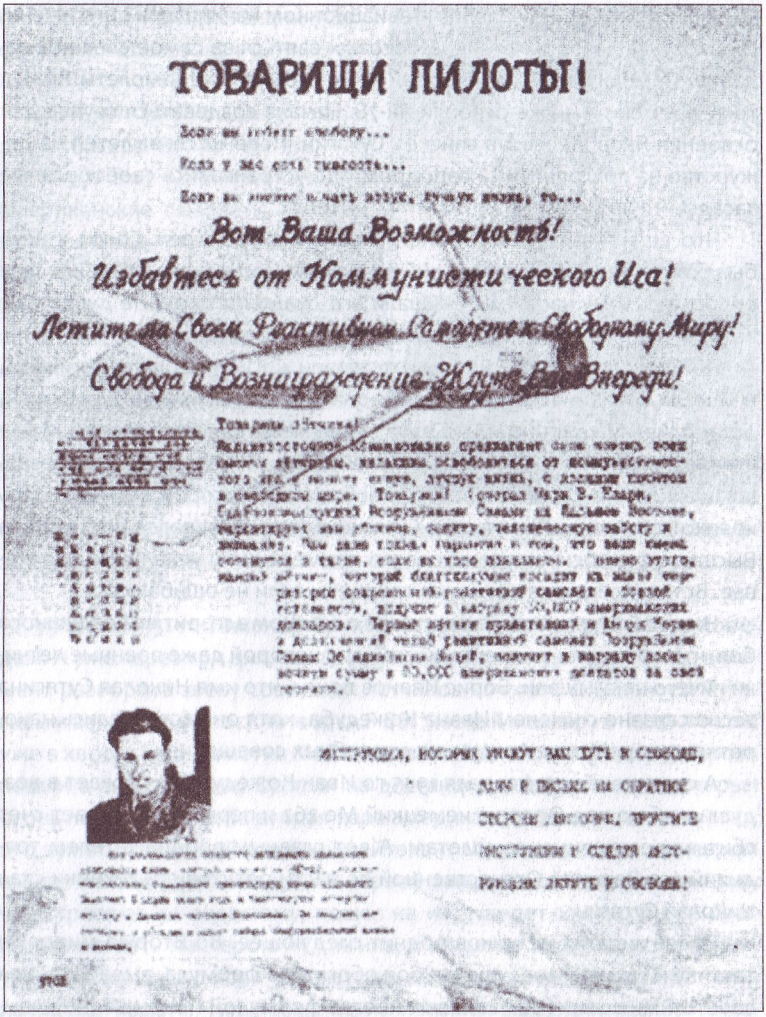
Первый шаг к этому он сделал ранее, когда слава Валерия Чкалова позвала его, мальчишку, в небо. Родился Николай в мае 1923 года в селе Смагине Горьковской области в семье крестьянина. В двадцать девятом поступил в начальную школу. В тридцать четвертом одиннадцатилетним мальчуганом ушел из отчего дома: надо было помогать семье. Живя в Горьком (ныне г. Нижний Новгород) у бабушки, он работал, учился и... летал в аэроклубе, где бредил Чкаловым. Годы для Николая были трудные - спал по 3-4 часа, недоедал, но мечту не оставил.

По окончании аэроклуба в 1941 году по комсомольской путевке направляется в Черниговскую авиационную школу пилотов, там встретил известие о начале Великой Отечественной войны. Искусство овладения боевой машиной оттачивал кропотливо, изучал все тонкости воздушного боя, учился метко стрелять. Он готовился к встрече с врагом, но получилось, что в боевые схватки Николай Сутягин вступит только через девять лет. В октябре же 1942-го он направляется в авиационную часть Дальневосточного фронта, в то время невоюющего.

- С Сутягиным познакомился осенью сорок второго, - вспоминает полковник в отставке Борис Иванов, - когда мы прибыли в 5-й истребительный авиационный полк 9-й воздушной армии, что дислоцировалась в Приморье. Прибыли, а нам в лоб: кто первым поднимет самолет (на вооружении находились И-16), тот станет командиром звена. Так почти одновременно мы стали командирами звеньев в одной эскадрилье. Офицерское звание с Николаем получили в 1943-м, с введением в Советской армии погон.

Каким был Сутягин? Рослый, стройный, круглолицый, веснушчатый, Николай привлекал к себе внимание при выполнении любого задания, неординарностью в любой компании. Тогда никто не предполагал, что он будет первым асом «реактивной» войны, реактивных самолетов просто-напросто не было. Но в беседах между собой мы его иначе, как ас, не называли. Почему, спросите?

Достаточно редкая фотография советских летчиков - участников войны в корейском небе. Крайний слева китайский доброволец Суть Янь Гин, он же капитан ВВС Советского Союза Николай Сутягин.



Одна из листовок, призывающих советских летчиков перелететь на МиГ-15.

Мы не воевали, но находились в составе фронта, со дня на день ожидали нападения японцев, а потому боевая подготовка кипела. Так вот Сутягину не было равных в технике пилотирования, при боевом применении у него самый высокий результат попадания, по воздушным целям бил без промаха.

Любое серьезное дело в 5-м авиационном начиналось с его имени. Он входил в когорту летчиков, готовых взяться за самое сложное задание. Помню, поступили в сорок четвертом новые самолеты Як-9, к тому времени мы уже освоили Як-7Б. Начала создаваться группа для освоения Яков, первый в списке - Сутягин. Первым он вылетел на дежурство на приграничный аэродром, где устраивались своеобразные засады.

Что еще сказать о Сутягине? Николай хорошо пел. Голос у него был божественный. Горьковский период его жизни - это и горьковская опера, а потому часто мы слышали его сильный голос. Не дурак был выпить, но не пьянел, сказывалось богатырское здоровье.

Август сорок пятого. Японцы отступали, к тому же они практически не имели авиации. Мы вели разведку боем, занимались штурмовкой, обстреливали колонны. Полк не успевал менять аэродромы - в Маньчжурии, Корее. Именно тогда Николай Сутягин впервые близко познакомился с этой удивительной страной, в небе которой ему пришлось крепко повоевать. Расстался с Сутягиным в 1946-м, когда поступил на Высшие офицерские курсы боевого применения и уехал в Подмосковье. Встретились уже лет через тридцать, если не ошибаюсь...

Николай Сутягин тогда рассказал о главном алгоритме воздушного боя, что применял в корейской войне, о которой даже военные летчики ничего не слышали. Борис Иванов понял, что имя Николая Сутягина тесно связано с именем Ивана Кожедуба, хотя они встречались накоротке на аэродроме Аньдун, на служебных совещаниях.

А связь такая. 19 февраля 1945-го Иван Кожедуб уничтожает в воздушном бою над Одером немецкий Ме-262 и первым открывает счет сбитым реактивным самолетам. А вот главным продолжателем традиций аса Великой Отечественной по части реактивной техники стал Николай Сутягин.

Более же этих летчиков роднит следующее. Во Вторую мировую тактику и технику воздушного боя обогатила формула, выработанная советскими асами (ее называют иногда формулой Покрышкина): «высота - скорость - маневр - огонь». Лучше других ею владел Иван Кожедуб, внеся в нее подчеркнутый динамизм, свойственный его бойцовскому характеру. «Уже вскоре я понял, - отмечал позже Иван Кожедуб, - сбив самолет ведущего, деморализуешь вражескую группу, почти всегда обращаешь ее в бегство. Этого и добивался. Старался атаковать противника молниеносно, захватить инициативу, умело использовать летно-технические качества машины, действовать расчетливо,

бить с короткой дистанции». Эту формулу использовал и Николай Сутягин.

- Он мне рассказывал, - поведал в беседе Борис Иванов, - за счет чего ему удавалось сбивать американские самолеты. Сутягин заходил в заднюю полусферу противнику и бил наверняка, используя тактику Ивана Кожедуба. А ведь часто пилоты, в особенности американские, открывали огонь с дальнего расстояния - метров с 800. Попробуй сбей. Противник сразу же предпримет маневр и ускользнет. Сутягин был смел, а потому сбивал, он бил метров с 200-300.

Герой Советского Союза Николай Васильевич Сутягин.

3

19 июня 1951-го Николай Сутягин открыл счет «реактивным» победам. А уже через три дня, 22 июня, увеличивает их до трех. Тогда в момент разворота звену советских летчиков во главе с Николаем Сутягиным заходила в хвост четверка F-86. Умелый маневр, и наши пилоты уже в хвосте F-86. Заметив МиГи, американцы после левого разворота пошли в пикирование. Сутягин на дистанции 400-500 метров открыл огонь по ведомому. Но вторая пара американцев зашла звену в хвост, это заметил ведомый старший лейтенант Шулев и резким маневром вышел из-под удара. Ведущий первой американской пары, заметив, что стреляют по ведомому, пошел на «косую петлю». Но он не смог противостоять мастерству Сутягина, который в верхнем положении, уже сблизившись до 250-300 метров, открыл по нему огонь. F-86 запылал и стал падать. Чуть позже был уничтожен еще один «Сейбр». Умению Сутягина драться с американцами завидовали во всей дивизии, как и его нацеленности на победу.

Лето 1951-го для Николая стало результативным - 6 сбитых самолетов противника, еще результативней осень - 8 уничтоженных машин. Только в декабре Сутягин одержал 5 воздушных побед. В начале 1952-го он стал реже вылетать на боевые вылеты, как асу ему было поручено выступать перед летчиками полков второго эшелона, гото-

В селе Смагине на родине героя в Доме культуры открылась экспозиция, посвященная выдающемуся земляку. Фото Бориса Извекова.

вившимися к боям. Тем не менее в январе 1952-го он сбил 3 самолета противника.

Итак, Николай Сутягин за время боевых действий с 17 июня 1951 года по 2 февраля 1952-го произвел 149 боевых вылетов, провел 66 воздушных боев, лично сбил 21 самолет - наивысший результат в корейской войне. На его счету 15 F-86 «Сейбр», 2 F-80 «Шутинг Стар», 2 F-84 «Тандерджет» и 2 поршневых «Глостер-Метеор».

К сожалению, сегодня слава лучшего воздушного бойца «реактивной» войны еще не нашла Николая Сутягина. Американцы, как пилоты, так и исследователи корейской войны, оказалось, большие мастера фальсификаций. Они «забрали» себе все рекорды, доказывая тем самым тезис, а точнее, миф о своем боевом превосходстве. Пример - книга «Аллея МиГов», изданная в Техасе в 1970 году.

Заокеанские исследователи вовсю пытаются возвысить мастерство своих пилотов. Они часто подчеркивают, что первым в истории реактивным асом стал капитан Джеймс Джабара, сбив к 20 мая 5 самолетов (всего на счету Джабары 15 воздушных побед). Отмечают, сильнейший летчик корейской войны капитан Джозеф Макконнел

(выиграл 16 поединков). Часто пишут, что 39 американских летчиков стали асами, сбив от 16 до 5 истребителей МиГ-15.

Разумеется, нужно отдать должное мужеству и мастерству американских летчиков, они сражались достойно, а порой и на равных с советскими асами. Причем те же Джозеф Макконнел и Джеймс Джабара, что называется, до конца остались верны небу. Первый погиб при испытательных полетах в 1954 году. Второй поставил целью стать асом и вьетнамской войны, был туда направлен, однако не осуществил своей цели - погиб в авиакатастрофе. Кстати, там он мог бы столкнуться с воспитанниками Николая Сутягина, который был советником во вьетнамских ВВС.

Не принижая мастерства отдельных американских летчиков, скажем, что счет советских асов солиднее. У Николая Сутягина 21 воздушная победа. 20 поединков выиграл полковник Анатолий Пепеляев. По 15 самолетов противника уничтожили капитан Лев Щукин, подполковник Александр Сморчков и майор Дмитрий Оськин. Еще 6 советских пилотов одержали 10 и более побед. Здесь следует назвать нашего соотечественника Анатолия Карелина, уничтожившего в ночных воздушных боях 6 самолетов Б-29. Ну а все рекорды «реактивной войны», как я уже отмечал, принадлежат Николаю Сутягину. Вот о чем нужно говорить и писать, уточняя отдельные позиции в истории воздушных войн.

До сих пор в США пытаются подправить и общий итог войны. Так, в «Энциклопедии авиации» (Нью-Йорк, 1977 г.) отмечается, что всего американскими летчиками за время войны сбито 2300 «коммунистических» самолетов (СССР, Китай и КНДР), потери США и их союзников - 114. Соотношение - 20:1. Внушительно? Однако наиболее серьезные американские специалисты еще в пятидесятых годах, когда общие потери было скрыть трудно (см. книгу «Воздушная мощь - решающая сила в Корее», Торонто - Нью-Йорк - Лондон, 1957 г.) отмечали, что ВВС США только в боевых схватках потеряли около 2000 самолетов, потери «коммунистических» самолетов они тогда оценивали скромнее - примерно в 1000 самолетов. Однако и эти цифры далеки от правды.

На сегодня Генеральный штаб Вооруженных сил России рассекретил документы времен войны в Корее. Вот общие данные. Советскими летчиками 64-го истребительного авиационного корпуса (за время

войны в него попеременно - от 6 месяцев до одного года - входило десять дивизий) было проведено 1872 воздушных боя, в ходе которых было сбито 1106 самолетов противника, из них F-86 - 650 единиц. Потери корпуса - 335 самолетов. Соотношение - 3:1 в пользу советских пилотов, в том числе по новейшим машинам (МиГ-15 и F-86 «Сейбр») - 2:1. Отметим, американские летчики действовали менее эффективно, чем пилоты Объединенной воздушной армии, в которую входили части Китая и КНДР. Они сбили 231 самолет, а потеряли - 271.

Словом, верх остался за воздушной школой, которую представлял Николай Сутягин. Именно его мастерство и мастерство таких, как он, их крепкая воля вынудили признать командира одного из американских крыльев: «МиГ-15 страшен, если управляется хорошим, инициативным летчиком». Николай Сутягин - это легенда, это Иван Кожедуб пятидесятых.

4

Как сложилась судьба первого «реактивного» аса после Кореи? Вот наиболее важные вехи. 1953 год - в семье Сутягиных появились вторая дочь - Елена, сегодня киевлянка, программист, и сын Юрий, ныне майор Российских Вооруженных сил. 1956 год - позади Военно-воздушная академия. По окончании в 1964-м Военной академии Генштаба возглавил Харьковское высшее авиационное училище летчиков. В 1970-м был направлен во Вьетнам военным советником. В 1971-м Сутягину присваивается звание «Заслуженный военный летчик СССР». Уволился он в звании генерал-майора авиации в 1978 году. Судьба интересная, насыщенная, яркая. И приходится сожалеть о том, что Николай Васильевич не успел рассказать о себе (он ушел из жизни в 1986 году), о подвиге в Корее, который, по сути, и сегодня является тайной.

Анатолий ДОКУЧАЕВ.

(«Красная звезда».)

Где было Знамя Победы?

24 июня 1945 года... Красная площадь столицы... Выстроились войска, урчит моторами техника, к гостевым трибунам подтягиваются приглашенные. Накрапывает дождь. Небо закрыто тучами.

От того памятного дня дошли до нас кадры кинохроники и фотографии репортеров. Вот на экране начало парада. По логике, оно должно было начаться с выноса Знамени Победы. Но сколько ни всматриваешься в кадры хроники, Знамени Победы так и не увидишь. Не упоминается о нем и в книге «Сто военных парадов», где в подробностях описываются все парады, проведенные на Красной площади. Существует фотоальбом «Парад Победы», но и там нет упоминания о знамени... Так где же оно было в тот июньский день?

*** 24 июня 1945 года. Парад Победы на Красной площади в Москве.**

В истории зафиксирован этот момент: 1 мая 1945 года над решетчатым куполом разбитого рейхстага взвилось красное Знамя Победы. Последняя высота войны была взята...

Перед началом Берлинской операции состоялось совещание начальников политотделов армии. На нем шла речь о заключительных боях войны.

Стало известно, что многие начальники политотделов, проявляя инициативу, уже позаботились о красных знаменах, предназначенных для штурма последней цитадели - Берлина. Все мечтали, конечно же, о рейхстаге, последнем логове врага, но понимали, что не всем суждено будет его штурмовать.

Как и во всяком деле, дошло до абсурда: один из начальников распорядился изготовить будущее Знамя Победы из... бархата и заказал его в Москве.

В ходе Берлинской операции на главном стратегическом направлении оказалась 3-я Ударная армия. Красные стрелы наступления на штабных картах упирались в рейхстаг.

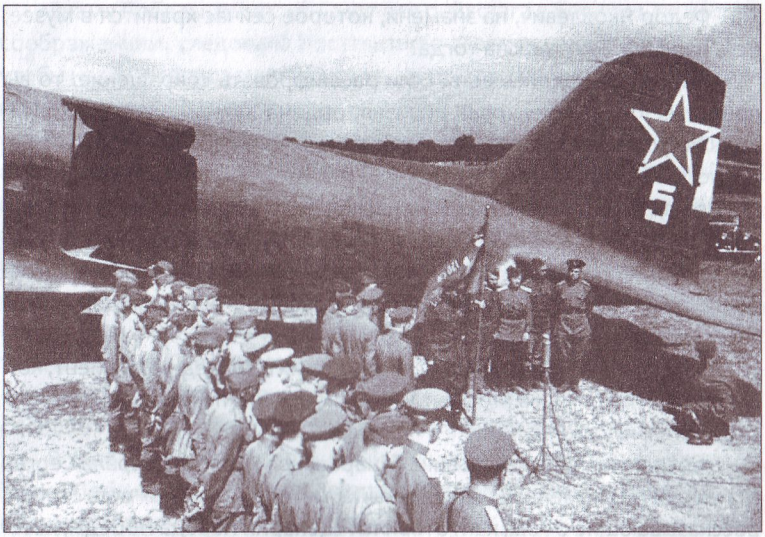
На одной из встреч с ветеранами войны в Центральном музее Вооруженных сил мне удалось записать рассказ бывшего начальника политотдела этой армии Федора Яковлевича Лисицына:

«Мне поручили заняться изготовлением знамен. Надо ли говорить, с каким чувством я воспринял эту задачу. Пригласил начальника Дома Красной армии Георгия Назаровича Голикова и познакомил его с решением военного совета. Тут же принялись уточнять детали. Соблазн изготовить знамя из бархата, сознаюсь, был.

Если бы все было так просто: подошел к рейхстагу, поднялся и укрепил знамя. Но предстояло штурмовать хорошо подготовленное к обороне здание, и тяжелое знамя из бархата будет мешать бойцам. Знамя должно быть легким. Решили сделать его из простого кумача. Да не одно, а сразу девять.

Никто тогда не знал, какой из наших дивизий удастся ворваться в район рейхстага. Женщины наши кроили и шили знамена, художник клуба рисовал белилами эмблемы: серп и молот, пятиконечную звезду, киномеханик выстругивал древки. Старались, чтобы все девять знамен выглядели одинаково.

Мелкими цифрами пометили древки знамен. Знамени под номером пять суждено было стать Знаменем Победы. Командир 150-й стрелковой дивизии генерал-майор В. Шатилов принял его в пригороде Берлина - Карлове.



Знамя Победы доставлено специальным самолетом в Москву.

Знамена не хранили в укромных местах «до случая». Они находились в боевых порядках и появлялись на стратегически важных зданиях, которые брали наши войска. Враг мог видеть, как красные полотнища все ближе и ближе перемещаются к сердцу Берлина. Позже пленные гитлеровцы рассказывали, что это была самая сильная психологическая атака, которую им пришлось испытать.

Дневной штурм рейхстага 30 апреля был неудачным. Хотя бойцы и подошли к зданию вплотную, ворваться в него им не удалось. Очередную попытку атаки перенесли на вечер. Тем временем наша артиллерия и танки подавляли огневые точки.

Штурмовое знамя вручили разведчикам сержанту Егорову и младшему сержанту Кантария. Задачу им можно было не объяснять.

К вечеру нашим солдатам удалось ворваться в рейхстаг. Стало ясно, что прорыв к куполу возможен. Бой шел несколько часов. Разведчики шаг за шагом поднимались все выше и выше. Наконец они достигли купола, и утром 1 мая все увидели красное полотнище над рейхстагом».

Генерал-лейтенант Ф. Я. Лисицын охотно отвечал на вопросы, и мы в мельчайших подробностях узнавали все, что было связано со Знаменем Победы.

- Федор Яковлевич, на знамени, которое сейчас хранится в музее, есть надпись. Была ли она тогда?

- Да, сейчас надпись есть. Если расшифровать сокращение, то вы прочтете: «150-я стрелковая дивизия, ордена Кутузова II степени Идрицкая дивизия 79-го стрелкового корпуса 3-й Ударной армии 1-го Белорусского фронта».

Но над рейхстагом взвилось красное полотнище, на котором были изображены лишь звезда, серп и молот. Надпись появилась позже, когда знамя принесли в штаб дивизии. По распоряжению начальника политотдела написали название штурмовавшей рейхстаг дивизии, а затем добавили все остальное.

Я был против этих надписей, но увидел их в последний момент, когда знамя отправляли в Москву. Мне кажется, что позднее они сыграли отрицательную роль...

В воспоминаниях начальника Генерального штаба генерала Сергея Матвеевича Штеменко «Генеральный штаб в годы войны» есть строки, рассказывающие о том, как готовился сценарий Парада Победы, который было задумано провести в Москве:

В Москве знамя встретила рота почетного караула под командованием майора Валентина Варенникова. Знамя принял наш земляк Герой Советского Союза Федор Шкирев.

«Знамя Победы, реявшее на куполе рейхстага в Берлине, по нашим соображениям, следовало поставить во главе парадного шествия, и чтобы несли и сопровождали его те, чьими руками оно было водружено над столицей гитлеровской Германии.

Знамя Победы приказали доставить в Москву с особыми воинскими почестями. Утром 19 июня начальник политотдела 3-й Ударной армии полковник Ф. Я. Лисицын на аэродроме в Берлине торжественно вручил его младшему сержанту Кантария, сержанту Егорову, старшему сержанту Сьянову, капитанам Самсонову и Неустроеву».

В свое время фотокорреспондент «Комсомольской правды» Илья Гричер разыскал летчика самолета Ли-2, на котором Знамя Победы летело в Москву. Павел Яковлевич Югертан рассказывал:

«Рано утром 19 июня меня срочно вызвали на командный пункт и сообщили, чтобы я подобрал экипаж для полета в Москву.

В 8.00 состоялся короткий митинг прямо у самолета. Привезли Знамя Победы, вручили его солдатам. Тогда я впервые увидел тех, кто водружал это знамя на рейхстаге.

Мы благополучно взлетели и взяли курс на Москву. Помнится, над Польшей попали в грозовой фронт. Полыхнула молния, и я чудом удержался, чтобы не сказать, что подходим к линии фронта. Война-то уж к этому времени закончилась...

Мы старались вести самолет ровнее - пассажиры хоть и герои, но пехотинцы и к воздушным ямам люди непривычные. До Москвы долетели спокойно, и вновь митинг, тоже у самолета. Знамя передали представителям Московского гарнизона».

Знамя передали подразделению, сформированному для участия в параде. Эти солдаты прибыли в столицу несколько дней назад и уже успели пройти цикл строевых занятий.

Командовал подразделением майор Валентин Варенников (в наши дни генерал армии, ветеран войны в Афганистане). Знамя принял Герой Советского Союза Федор Александрович Шкирев.

После войны он жил в небольшой деревеньке Конновке Кстовского района Нижегородской области. При нашей встрече он рассказал, как все происходило.

«Мы приехали в Москву за несколько дней до Парада Победы. Нас разместили в казарме, где стояли койки. Первая мысль была - вот посплю, но ничего не получилось. Я лежал на панцирной сетке, как подвешенный, и только начинал засыпать, тут же вздрагивал - казалось, что падаю. Так и ходили мы всю ночь по казарме, как призраки.

А утром началась шагистика. Мы бывалые солдаты, а строевой подготовкой редко кому удавалось заниматься. Смешно было, а чтоб кто недоволен был - нет, такого не было.

За пять дней до парада нас, трех Героев Советского Союза - меня, артиллериста старшину И. Панышева и кавалериста сержанта П. Маштакова - вызвали в штаб и сказали, что это мы должны принять Знамя Победы. Для его встречи выделялась рота почетного караула.

Мы прибыли на аэродром. Вскоре прилетел самолет, вынесли знамя. Я думал, что это будет... Ну, даже не знаю, каким представлял я себе это знамя. Каким-то грандиозным. А тут - обыкновенное красное полотнище. Приняли его и торжественным маршем прошли по бетонке аэродрома. Обычное дело. Потом погрузились в машины, доехали до Кремля и сдали знамя коменданту».

Что же было дальше? А дальше случилось непонятное. Знамя Победы... исчезло.

24 июня, в день Парада Победы, на Красной площади работали сотни кинооператоров. Уж они бы не пропустили красное полотнище, тем более что для съемки парада был заготовлен большой запас цветной пленки.

Так куда же исчез символ прошедшей войны?

Промолчали на этот счет и Герои Советского Союза Михаил Егоров и Мелитон Кантария. А спросить их об этом забыли, послевоенные журналисты были уверены, что именно они пронесли Знамя Победы по брусчатке Красной площади. Молчат и историки, возможно, считая, что это мелочь, на которую не стоит обращать внимания.

Так было ли Знамя Победы на военном параде? Нет ответа. И все-таки, по всей вероятности, было. Но, как было предусмотрено сценарием, парад не открывало. В последний момент в сценарий Генштаба кто-то внес изменения. Возможно, они даже не были задокументированы.

Накануне парада состоялась генеральная репетиция на Тушинском аэродроме. Командовал парадом Рокоссовский. Принимал парад Жуков.

Вот как об этом вспоминал Герой Советского Союза С. А. Неустроев, командир батальона, штурмовавшего рейхстаг:

«... Музыка заиграла военный марш, забили барабаны... Звуки военного оркестра и бой барабанов громкие, четкие. Содрогнулся воздух... Казалось, что весь мир, все люди земли слышат и видят непобедимую силу моей Отчизны.

Генерал-полковник В. М. Шатилов, М. В. Кантария (в центре) бывали в Горьком. Фото Р. Богданова.

Я шел впереди, высоко нес Знамя Победы. Шел, как мне казалось, четким строевым шагом. Прошел мимо трибун, где было высшее командование во главе с маршалом Жуковым. Бетонная дорожка, по которой шел, была длинная. Где остановиться и где повернуть, мне никто не сказал. Иду и чеканю шаг, особенно левой ногой, правая на фронте была перебита, болела, я ею ступал осторожно. Зато левая нога стучала по асфальту так, что удары отдавались в моей голове.

Ассистенты идут за мною. Я слышу их шаги. Иду... Но когда и где мне остановиться? Не знаю. Идти дальше - сомневаюсь. Остановиться - боюсь. Устал. Руки больше не держат древко знамени - окостенели. Поясницу разломило. Ступня левой ноги горит огнем, правая нога не шагает, а волочится по дороге. Решил остановиться. Посмотрел назад, и кровь ударила в голову. Я от Карельского сводного полка оторвался метров на сто!

Не успел еще осознать происшедшего, как по боковой дорожке ко мне подъехал какой-то полковник и передал:

- Маршал Жуков приказал знамя завтра на парад не выставлять. Вам, товарищ капитан, надлежит сейчас же на моей машине знамя отвезти в Музей Вооруженных сил и передать на вечное хранение, а вы в Ворошиловских казармах получите пропуск на Красную площадь. Будете смотреть парад в качестве гостя».

Но, по всей видимости, не только строевой шаг комбата Неустроева стал причиной «неявки» Знамени Победы на парад. Вряд ли решение маршала Жукова было столь молниеносным. Да и не решился бы он единолично ломать сценарий, утвержденный Верховным главнокомандующим.

Не зря был раздосадован начальник политотдела 3-й Ударной армии Федор Яковлевич Лисицын, когда увидел, что на знамени появились надписи. Видимо, это обстоятельство все-таки сыграло свою роль. Кто-то уловил в этом несправедливость: воевали все, а парад откроет знамя конкретной дивизии...

Сценарий предполагал символическое Знамя Победы - чистое красное полотнище, которое развевалось над рейхстагом.

Видимо, поэтому во главу парада Знамя Победы не поставили. К тому времени оно еще не было укоренившимся символом, и отсутствия его никто не заметил.

А у солдат были другие святыни - знамена своих полков, дивизий, соединений, с которыми они прошли дорогами войны.

Федору Яковлевичу Лисицыну все-таки удалось выяснить, где же было Знамя Победы. Его провезли на специальной автомашине. Над ее кузовом возвышался большой глобус. И в точке с обозначением «Берлин» оно и было установлено. Во время парада шел сильный дождь, и полотнище прилипло к древку. Никто и не обратил внимания на это знамя. Его даже не запечатлели кинооператоры, посчитав второстепенной деталью.

А воины, печатая шаг, шли по мокрой брусчатке со своими знаменами. У каждого из них было свое победное знамя.

Трудно оценить случившееся со Знаменем Победы, но все-таки доля справедливости в этом есть. По крайней мере, была в то время.

Вячеслав ФЁДОРОВ.

СОДЕРЖАНИЕ

Вахта памяти 3

Парад, ставший прологом Победы 7

Залпы «Максима Горького» 13

Сормовская «Щука» 27

Память Соснового Бора 37

Поиск «Сокрушительного» прекратить... 45

Из боевого похода не вернулись... 59

Трагедия на дне моря 67

Послесловие к подвигу 73

Подледный капитан 75

Что рассказали холодные
воды 89

Они не сдавались в плен,
предпочитая смерть 97

Быть ли «ишачку» памятником? 109

Кто воевал на самолетах эскадрильи
«Валерий Чкалов»-I 119

«Лечу громить фашистов
на «Америке» 127

Несписочный маршал 135

Кто воевал на самолетах эскадрильи
«Валерий Чкалов»-II 153

Пылающий «Ил» над селом 161

Отголосок войны 171

Погибли в тыловом небе 181

Приказ номер один - дать
танки! 191

Экипаж машины боевой 203

Принимай, фронт! 211

Кто воевал на самолетах эскадрильи
«Валерий Чкалов»-III 217

Страницы жизни Лешки Елова 225

Его пушки гремели
на всех фронтах 233

Автомат звали «Алешей» 245

Снежные тачанки 251

Тыл войны 263

Тайна гибели «Пе» 269

«Осилим, должны осилить...» 281

«Приезжайте, друзья мои!» 295

По путям-дорогам
фронтовым... 303

Шел войной художник 311

«Дорогая мама!» 319

Они воевали вместе
с нами 329

«Мы должны говорить,
последние свидетели...» 337

Красноармеец,
воспитанник 347

Учителя и солдаты 355

«Ну как вы там?..» 359

Герой, даривший смех 363

«Я - сын солдата» 371

Из полета вернулся 385

Ты памяти не тронь 389

Один день боя 399

Танкисты прорыва
штурмуют Орел 403

Последний снимок 411

Гриф секретности снят 417

Операция «Друзья» 431

«Смоленск-зондер»
не давала покоя 439

Из отряда отчаянных 447

Время примирения 459

Письмо в Италию 467

Это был вызов 477

Погибли в Альтенграбове 485

«Мы выбрали - быть...» 489

Мы ждем весточку 501

Побег из ада 507

Узники продолжали
борьбу 525

«Военный должен воевать,
а не отсиживаться в тылу» 535

Минометчики особого рода 543

История, похожая
на легенду 549

Хроника поиска 557

«Фотографию
на память выпрошу...» 569

Цена ошибки 575

Бой после Победы 581

Где было Знамя Победы? 593

Автор-составитель Вячеслав Вениаминович Фёдоров

Возвращенные имена 12+

Продолжение поиска. 70-летию Великой Победы посвящается. Проект редакции газеты «Земля нижегородская»

Дизайн, верстка - Татьяна Чернявская
Корректоры - Жанна Егорова, Наталья Захарова, Наталья Оганина
Фото, иллюстрации из архивов военной фотохроники, Анатолия Чепелы, Николая Мошкова, Романа Игнатьева, Владимира Алексеева

150 =

Подписано в печать - 18.11. 2015 г.
Формат 60 x 84 $^{1}/_{16}$. Усл. печат. л. 38
Гарнитура: Candara, Cambria
Печать офсетная. Бумага офсетная.

Цена свободная.

Тираж 1000 экз. Заказ № 1580

Отпечатано в типографии «Кириллица».
603089, Нижний Новгород, переулок Бойновский, 9.